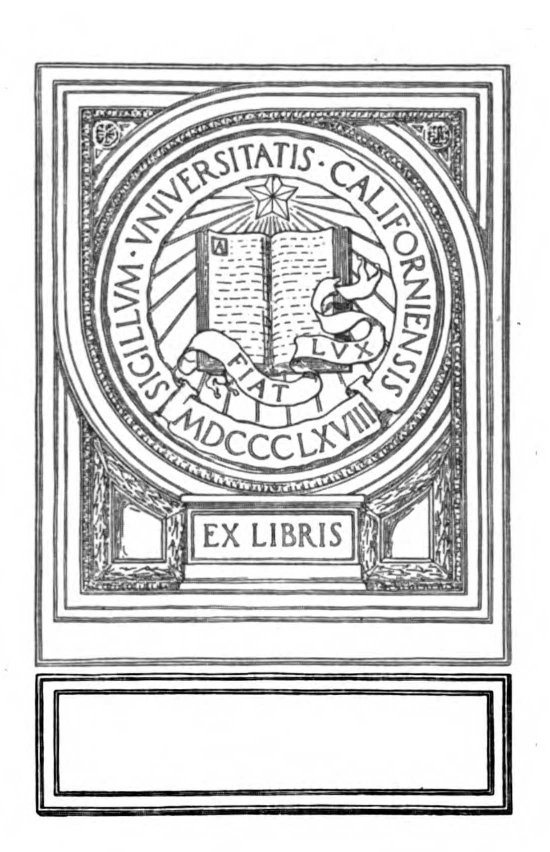
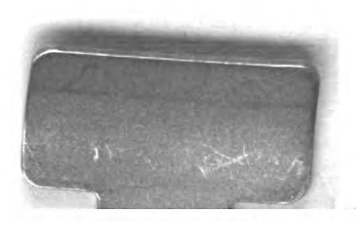

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ VII-й. **№ 10-й.**

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ОКТЯБРЬ

1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ VII-й. № 10-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ОКТЯБРЬ

1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская. 43).
1898.

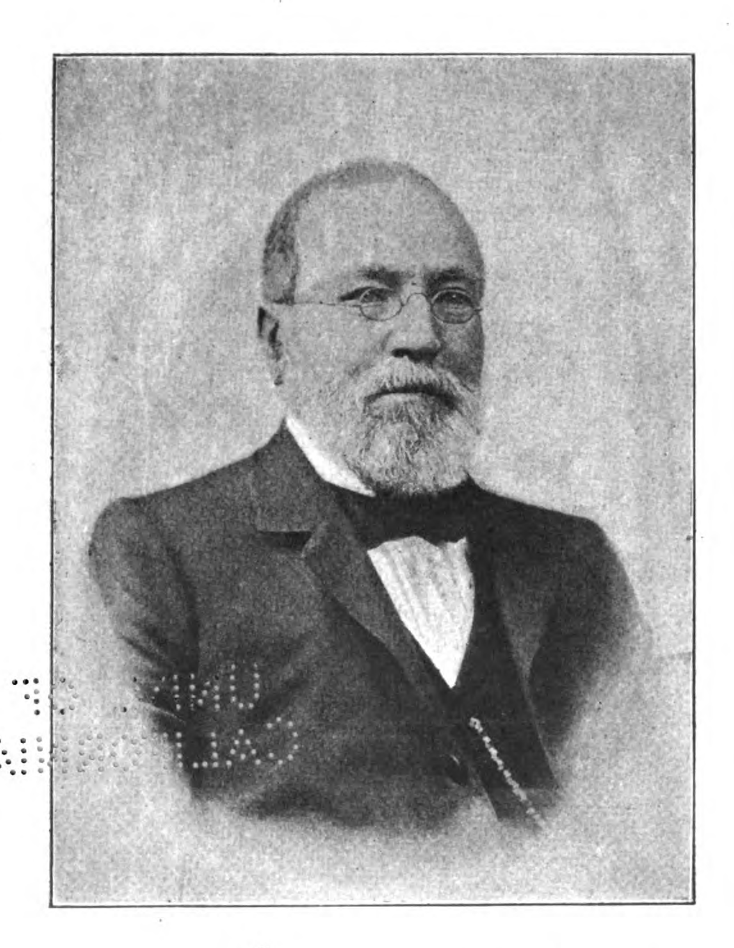
Дозволено цензурою 25-го сентября 1898 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Joseph Bloch

ІОСИФЪ АРЧЪ, АНГЛІЙСКІЙ КРЕСТЬЯНИНЪ-ДЕПУТАТЪ.

(Біографическій очеркъ).

Имя Іосифа Арча, вѣроятно, мало извѣстно большинству *) русской читающей публики. Между тѣмъ у себя на родинѣ онъ пользуется большой популярностью и игралъ выдающуюся общественную роль: онъ былъ создателемъ перваго союза сельскихъ рабочихъ въ Англіи и стоялъ во главѣ движенія, результатомъ котораго явилось распространеніе избирательныхъ правъ на сельское населеніе. Арчъ самъ былъ простымъ земледѣльческимъ рабочимъ и всю жизнь прожилъ въ деревнѣ, а въ 1885 году, когда сельскіе рабочіе получили избирательныя права, они выбрали его своимъ представителемъ въ парламентъ, и такимъ образомъ Арчъ былъ первымъ депутатомъ отъ крестьянъ въ англійскомъ парламентѣ. Автобіографія его **), изданная графинею Варвикъ, представительницей одной изъ самыхъ древнихъ аристократическихъ фамилій Англіи, владѣющей крупными помѣстьями въ графствѣ Варвикширѣ, откуда произошелъ Арчъ, заключаетъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ для характеристики этого замѣчательнаго дѣятеля изъ народа.

I.

Іосифъ Арчъ родился въ 1826 году въ графствѣ Варвикширѣ. Деревня, въ которой онъ увидѣлъ свѣтъ, лежитъ на берегу Авона, въ 7 миляхъ отъ Стратфорта на Авонѣ, родины Шекспира. Семья Арчей уже нѣсколько столѣтій живетъ въ этой деревушкѣ. «Нѣкоторые изъ моихъ предковъ были солдатами въ арміи Кромвелля и сражались противъ притѣсненія и тиранніи,—говоритъ Арчъ.—Должно быть, отъ нихъ я унаслѣдовалъ свои воинственныя наклонности: борьба была у насъ въ крови».

---

*) Въ русской литературѣ объ Арчѣ можно найти у г. Каблукова, «Сельскій рабочій въ Англійскомъ хозяйствѣ»,—книга вышла давно (въ началѣ 80-хъ годовъ); затѣмъ въ приложеніяхъ къ «Недѣлѣ», № 8 за 1898 г. есть небольшая статья г-на Р., посвященная двумъ рабочимъ—Плессу и Арчу.

**) Joseph Arch. The story of his life, told by himself and edited with a preface by the Countess of Warwick. 1898 г.

Но кромѣ этихъ отдаленныхъ воинственныхъ предковъ, у Арча были другіе предки, которымъ приходилось проявлять болѣе терпѣнія, чѣмъ мужества: дѣдъ и отецъ его были земледѣльческими рабочими и вся жизнь ихъ прошла въ суровой и трудной борьбѣ изъ за куска хлѣба.

«Отецъ мой былъ честнымъ, трудящимся рабочимъ стараго типа,— говоритъ Арчъ.—Онъ не былъ борцомъ по натурѣ, и въ пустякахъ скорѣе готовъ былъ уступать, чѣмъ отстаивать свои права. Но когда дѣло касалось его завѣтныхъ убѣжденій, онъ тоже умѣлъ быть стойкимъ: такъ, онъ отказался подписать петицію въ пользу хлѣбныхъ законовъ, которую распространяли въ деревняхъ мѣстные помѣщики и духовенство». Но вообще онъ былъ очень мирнаго нрава и не любилъ ссоръ.

Мать Арча была совсѣмъ другого типа человѣкомъ. Энергичная и умная, она отличалась въ высшей степени развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства. Она ревниво оберегала своихъ дѣтей отъ всякой обиды и не боялась навлечь на себя гнѣвъ людей, власть имѣющихъ. Арчъ разсказываетъ слѣдующій эпизодъ изъ своего дѣтства, интересный не только для характеристики его матери, но и для характеристики деревенскихъ отношеній того времени. «Жена пастора въ нашей деревнѣ, — говоритъ онъ,—отличалась чрезвычайно деспотическимъ характеромъ и разыгрывала роль полновластной повелительницы. Однажды она издала распоряженіе, чтобы всѣ дѣвочки, посѣщавшія школу, были острижены въ кружокъ, что дѣлало ихъ похожими на арестантокъ. Мать моя воспротивилась этому и заявила, что никогда не позволитъ своимъ дочерямъ носить такую безобразную прическу. Пасторша страшно разсердилась на это, но мать моя не уступала и, въ концѣ концовъ, настояла на своемъ. Если бы предоставить это дѣло отцу,—замѣчаетъ Арчъ, — онъ бы сразу уступилъ, онъ боялся возбуждать неудовольствіе сильныхъ, но мать не побоялась гнѣва всемогущей пасторши»,—хотя эта побѣда была куплена дорогой цѣной: съ этихъ поръ семья Арчей не получала никакихъ благотворительныхъ пособій въ видѣ супа, углей и пр., выдававшихся приходомъ на бѣдныя семьи.

Лицомъ и характеромъ Арчъ былъ похожъ на свою мать. Онъ очень любилъ ее и его отзывы о ней полны благоговѣйной, сыновней почтительности. Въ его описаніи намъ рисуется привлекательный образъ умной и независимой женщины-работницы, выбивающейся изъ силъ, чтобы прокормить семью, и, въ тоже время отстаивающей, даже въ мелочахъ, свое достоинство. У этой бывшей прачки въ Варвикскомъ замкѣ, не гнушающейся никакой работой, были сильно развиты умственные интересы: такъ, она была большой поклонницей Шекспира и по вечерамъ читала своему маленькому сыну отрывки изъ его произведеній и разсказывала ему содержаніе его трагедій. «Я воспитался на библіи и на Шекспирѣ», замѣчаетъ Арчъ.

Онъ говоритъ далѣе, что онъ и его сестры вдвойнѣ обязаны своей жизнью матери; она въ буквальномъ смыслѣ слова спасла ихъ отъ голодной смерти. Это было зимою 1835 г.,—года отмѣны хлѣбныхъ законовъ.

«Я помню, какъ мы ѣли сухой хлѣбъ,—разсказываетъ Арчъ,—и какъ мать моя плакала, отрѣзывая намъ ломтики этого хлѣба; даже сухой хлѣбъ имѣлся въ очень ограниченномъ количествѣ. Такъ какъ отецъ мой отказался подписать петицію «за маленькій и дорогой хлѣбъ», онъ въ теченіе 18-ти недѣль не могъ нигдѣ найти работы, несмотря на всѣ старанія. Мы всѣ умерли бы съ голоду, если бы мать не поддержала насъ своей работой. Это была ужасная зима. Хлѣба было достаточно для всѣхъ и въ этомъ былъ главный ужасъ — но тѣ, кому онъ принадлежалъ, не хотѣли продавать его тѣмъ, кто въ немъ такъ нуждался. Они хотѣли поднять хлѣбъ до «голодной цѣны»—и достигли этого. Эта голодная зима глубоко врѣзалась въ мою душу».

Вмѣстѣ съ хлѣбомъ вздорожали и всѣ другіе предметы пропитанія; чай стоилъ отъ 6 до 7 шил. фунтъ, о мясѣ и говорить нечего, а картофель, который теперь играетъ такую видную роль въ пищѣ низшихъ классовъ населенія, въ то время, т. е. въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нашего столѣтія, былъ еще очень мало распространенъ въ Англіи. При такомъ положеніи вещей, неудивительно, что въ англійскихъ деревняхъ въ такой широкой мѣрѣ было развито браконьерство: рабочіе охотились на чужихъ земляхъ, чтобы хоть этимъ способомъ прокормить голодающую семью. «Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что почти каждый взрослый человѣкъ въ нашей деревнѣ былъ браконьеромъ, говоритъ Арчъ.— Но, къ счастью, даже въ самые трудные дни отцу ни разу не пришлось воровать и это является единственнымъ свѣтлымъ лучомъ въ моихъ воспоминаніяхъ о томъ ужасномъ времени. Въ нашемъ саду росли свекла и морковь, составлявшія нашу главную пищу. Отецъ зарабатывалъ, въ среднемъ, отъ 8 до 10 шил. въ недѣлю, а въ тѣ 18 недѣль, которыя онъ оставался безъ работы, мать нанялась въ поденщицы и своей стиркой зарабатывала достаточно, чтобы прокормить насъ всѣхъ. Въ это время цѣлыя толпы людей отправлялись къ пастору за полученіемъ супа. Я часто стоялъ у двери нашего коттеджа съ матерью и видѣлъ, какимъ грустнымъ взглядомъ она провожала маленькихъ дѣтей въ дырявыхъ сапогахъ, возвращающихся домой съ жестяными кружками, наполненными супомъ. — «Тебѣ никогда, никогда не придется идти туда, мой мальчикъ,— сказала она мнѣ однажды. — Я буду работать до тѣхъ поръ, пока у меня вся кожа сойдетъ съ костей, прежде чѣмъ я тебя пущу туда». И она сдержала свое слово: я ни разу не ходилъ къ ректору за супомъ».

Учился Арчъ въ простой деревенской школѣ. Въ то время еще не было высшихъ народныхъ школъ (Board-schools) съ 6 и 7-лѣтнимъ курсомъ, и преподаваніе въ деревенскихъ школахъ велось, по сло-

*

вамъ Арча, до невѣроятности плохо. «Много знать опасно для народа»— вотъ какой девизъ можно было бы вывѣсить надъ дверьми народныхъ школъ того времени. Большинство ихъ были такъ-наз. «церковными школами» (parsons schools). Арчъ началъ ходить въ школу 6 лѣтъ, и въ 9 уже долженъ былъ кончить ученіе, такъ что онъ въ теченіе своей жизни только три года всецѣло могъ посвятить своему образованію. Но онъ самъ старался пріобрѣсти дальнѣйшія свѣдѣнія, которыхъ не могла ему дать школа: онъ покупалъ книги и по вечерамъ, вернувшись съ поля, учился и читалъ до поздней ночи. Мать просматривала его тетради, задавала ему задачи и спрашивала уроки. Эти добровольныя занятія очень нравились мальчику и онъ предпочиталъ ихъ играмъ на улицѣ съ другими дѣтьми.

Въ 9 лѣтъ Арчъ уже началъ заработывать деньги: онъ нанялся стеречь поле отъ птицъ за 4 пенса въ день. Для здороваго мальчика эта работа была неутомительна и даже полезна для здоровья; приходилось проводить цѣлые дни на воздухѣ, подъ открытымъ небомъ; но для болѣзненныхъ дѣтей она была убійственна: фермеры не принимали во вниманіе ни дождя, ни жары, и дѣти каждую минуту рисковали простудиться и схватить какую-нибудь легочную болѣзнь. Болѣзненный сынъ земледѣльческаго рабочаго, по словамъ Арча, имѣетъ такъ же мало шансовъ выжить и стать здоровымъ человѣкомъ, какъ болѣзненный сынъ углекопа или фабричнаго рабочаго; къ тому же, обращеніе съ этими маленькими рабочими было самое жестокое. Арчу много разъ приходилось испытывать на своей спинѣ фермерскія палки.

Черезъ годъ маленькій Арчъ былъ повышенъ въ должности—ему поручили ходить за плугомъ. Теперь онъ получалъ уже три шиллинга въ недѣлю, но попалъ къ очень строгому хозяину: тотъ билъ мальчиковъ за каждый пустякъ, и уже одно появленіе его приводило ихъ въ содраганіе.

Дѣлаясь старше, Арчъ поднимался все выше и выше по соціальной лѣстницѣ и въ 13 лѣтъ достигъ очень высокаго для такого мальчика положенія—онъ сдѣлался помощникомъ конюха у одного изъ деревенскихъ богачей и получалъ 9 шил. въ недѣлю. Это было уже цѣлое богатство: большую часть заработанныхъ денегъ онъ отдавалъ матери, но, кромѣ того, оставалось еще достаточно для покупки книгъ. Всѣ свободныя минуты у него были заняты чтеніемъ. Правда, деревенскія развлеченія того времени были не особенно соблазнительны: ему предстоялъ выборъ между игрою въ бабки на улицѣ, или сидѣніемъ въ трактирѣ. Вотъ и все. Тогда въ деревняхъ не было еще ни читаленъ, ни крикетныхъ клубовъ или клубовъ игры въ мячъ, никакихъ собраній—словомъ, никакой общественной жизни.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, проработавъ въ разныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, Арчъ рѣшилъ попытать счастья въ чужихъ краяхъ. Мать его умерла и вмѣстѣ съ нею порвалась главная нить, удержи-

вавшая его въ родной деревнѣ. Онъ былъ очень искуснымъ косцомъ и, выучившись косить по новому способу, только что вводившемуся тогда въ Англіи, отправился странствовать изъ одного графства въ другое, вездѣ заработывая хорошія деньги. Во время этихъ странствованій онъ приглядывался къ жизни земледѣльческихъ рабочихъ въ разныхъ концахъ Англіи и вездѣ видѣлъ одно и то же—положеніе рабочихъ было очень тяжелое. Они были совершенно безсильны помочь себѣ: у нихъ не было голоса, не было избирательнаго права, не было никакой надежды на лучшее будущее. Рабочіе были не организованы и ничего не дѣлали для улучшенія своей участи. Во время этихъ странствованій Арчъ понялъ, въ чемъ заключается главная причина всѣхъ несчастій земледѣльческихъ рабочихъ и какъ имъ нужно помочь.

II.

Въ началѣ 40-хъ годовъ Арчъ вернулся въ свою родную деревню, поселился въ старомъ отцовскомъ коттеджѣ и вскорѣ по возвращеніи домой женился. Жена его, по его словамъ, не была похожа на его мать. Она мало училась, не любила читать и не задумывалась ни надъ чѣмъ, что выходило за предѣлы узкаго круга хозяйственныхъ и семейныхъ интересовъ. Она была вѣрной, работящей женой и хорошей матерью, но не понимала высшихъ стремленій мужа и не могла быть ему товарищемъ. Она была совершенно довольна своимъ положеніемъ, не думала ни о какихъ перемѣнахъ или улучшеніяхъ и желала бы, чтобы мужъ постоянно оставался дома. «Сколько разъ мнѣ приходилось доказывать ей,—говоритъ Арчъ,—къ чему мнѣ оставаться въ деревнѣ и зарабатывать 9 шил. въ недѣлю, на которые мы едва можемъ прокормить нашихъ 4-хъ ребятъ, когда я въ другомъ мѣстѣ могу заработать 40 шил. и присылать ей по 25?» Но ее никогда нельзя было убѣдить. Будучи сама совершенно необразована, она не могла ни заниматься съ дѣтьми, ни помочь имъ выбиться въ люди; Арчъ училъ ихъ, чему самъ научился.

Послѣ женитьбы для Арча потянулись однообразные годы тяжелаго труда и неустанной борьбы за существованіе. Онъ былъ молодъ и долженъ былъ поддерживать большую и все увеличивающуюся семью. Онъ странствовалъ изъ деревни въ деревню, нанимался на работы, возвращался временно домой, потомъ опять уходилъ искать заработковъ. Ему хотѣлось дать дѣтямъ хорошее образованіе и онъ боролся за нихъ, какъ его мать въ прежнія времена боролась за него и его сестеръ. Главнымъ врагомъ его опять-таки была «жена пастора». Онъ разсказываетъ слѣдующій случай: его маленькой дочери очень понравилась сѣтка для волосъ, украшенная бѣлыми бусами и стоющая 9 пенсовъ. Отецъ купилъ ей эту сѣтку и дѣвочка отправилась въ ней въ школу. «Но какъ разъ въ этотъ день,—говоритъ Арчъ,—въ школу пришла жена пастора и увидала мою дочку въ новой сѣткѣ. Она подошла къ дѣвочкѣ

и сказала ей: «я не позволю вамъ приходить въ школу въ такой сѣткѣ — дѣти *бѣдныхъ* не должны носить такихъ сѣтокъ съ бусами, и если вы послѣ завтрака опять явитесь въ ней, то я ее сниму и накажу васъ за это». Придя домой къ обѣду, я засталъ свою дѣвочку въ слезахъ. Когда она разсказала мнѣ въ чемъ дѣло, то вся моя кровь закипѣла. Дѣти купцовъ могли носить пряжки на сапогахъ, и цвѣты и перья на шляпахъ, а дочери бѣднаго рабочаго не позволялось даже имѣть сѣтку съ нѣсколькими бусинками! Жена моя говорила, что нужно уступить женѣ пастора, чтобы не навлекать на себя непріятностей, я же былъ другого мнѣнія. Я пошелъ къ учительницѣ и просилъ ее передать пасторшѣ, что если она осмѣлится снять съ дѣвочки сѣтку, — я привлеку ее къ суду, потому что она такъ же не имѣетъ права снять съ головы моей дочери ея сѣтку, какъ я не имѣю права украсть у нея что-нибудь. Учительница все это ей передала и пасторша смирилась. «Этотъ Арчъ ужасный человѣкъ,—сказала она,—онъ зачинщикъ всѣхъ смутъ въ приходѣ». Но все-таки она больше никогда не затрогивала моихъ дѣтей».

Арчъ вообще не пропускалъ ни одного случая, чтобы не отстаивать своихъ правъ, предоставленныхъ ему закономъ. Этотъ простой крестьянинъ былъ настоящимъ англичаниномъ, и чувство законности и сознаніе своихъ правъ вошло у него въ плоть и кровь. Въ тѣ года, когда онъ все свое время посвящалъ работѣ изъ-за куска хлѣба, и, по его собственнымъ словамъ, «ждалъ случая», чтобы выступить на болѣе широкую арену общественной дѣятельности, у него бывали многочисленныя столкновенія съ различными лицами.

Такъ, съ незапамятныхъ временъ у крестьянъ его деревни установилось соглашеніе съ графами Варвикъ, владѣльцами замка и окрестныхъ земель, въ силу котораго крестьяне уступили владѣльцу небольшой участокъ земли, прилегающій къ парку, черезъ который шла ближайшая дорога въ городъ, и взамѣнъ этого графы Варвикъ были обязаны давать всѣмъ деревенскимъ рабочимъ извѣстное количество угля въ годъ. Арчъ уже нѣсколько лѣтъ не получалъ ни кусочка угля, наконецъ, отправился къ управляющему и потребовалъ своей порціи. Тотъ отвѣтилъ, что его имени не было въ спискахъ. Оказалось, что списки составляются мѣстнымъ пасторомъ, и тотъ обошелъ своего непокорнаго прихожанина. «Тогда,—говоритъ Арчъ,—я заявилъ управляющему слѣдующее: «теперь безъ четверти часъ; если я до трехъ часовъ не получу слѣдуемой мнѣ порціи угля, то я отправлюсь въ городъ черезъ паркъ; и если меня за это привлекутъ къ отвѣтственности, я объясню, почему я это дѣлаю». Больше я ничего не сказалъ и ушелъ, но черезъ нѣкоторое время мнѣ пришли сказать, чтобы я приходилъ за углями».

Съ каждымъ годомъ Арчъ все больше и больше интересовался общественной жизнью. Въ качествѣ владѣльца коттеджа онъ имѣлъ избирательный голосъ, котораго были лишены другіе сельскіе рабочіе, не

имѣвшіе никакой недвижимой собственности. Во время выборовъ онъ всегда стоялъ за либеральнаго кандидата. Онъ разсказываетъ, что однажды передъ выборами 1868 г., мѣстный сквайръ, у котораго онъ раньше работалъ, пришелъ къ нему, убѣждая его подать голосъ за консервативнаго кандидата. Между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Развѣ ваши либералы даютъ вамъ работу?—спросилъ сквайръ.

— Какое же это имѣетъ отношеніе къ моему избирательному голосу? — отвѣчалъ я. — Я продаю свой трудъ, а не свои убѣжденія. Я нѣсколько лѣтъ работалъ у васъ на конюшнѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ я ушелъ отъ васъ, развѣ вы мнѣ дали хоть одинъ соверенъ, не получивши взамѣнъ моего труда на такую же сумму? Нѣтъ. Я всегда отработывалъ вамъ каждый пенсъ. Почему же теперь я долженъ вамъ продавать свой голосъ, только потому, что я раньше продавалъ вамъ свой трудъ?

На другой день происходили выборы; въ то время была еще открытая подача голосовъ. Арчъ пошелъ къ урнѣ вслѣдъ за фермеромъ, у котораго онъ тогда работалъ. Фермеры не любили консерваторовъ, потому что это были обыкновенно мѣстные землевладѣльцы, не отличавшіеся особенной гуманностью по отношенію къ своимъ подчиненнымъ. Тѣмъ не менѣе, фермеръ вотировалъ за консервативнаго кандидата, и удивлялся смѣлости Арча, открыто заявлявшаго, что онъ подалъ голосъ за либерала.

— Я знаю,—сказалъ ему Арчъ,—что вы тоже хотѣли бы пойти по моей дорожкѣ, но вы побоялись своего хозяина.

Фермеръ смутился, но потомъ признался, что Арчъ былъ правъ.

— Если бы я подалъ голосъ такъ, какъ мнѣ велитъ моя совѣсть,— сказалъ онъ,—я бы лишился своей фермы, потому что всѣ бы сейчасъ узнали, что я подалъ голосъ за либерала.

Консервативная партія была тогда всесильна въ деревнѣ, и очень немногіе изъ фермеровъ, не говоря уже о рабочихъ, осмѣливались подавать голосъ за либеральнаго кандидата. Арчъ принадлежалъ къ числу этихъ немногихъ. Онъ уже начиналъ пріобрѣтать популярность во всей округѣ благодаря своему стойкому, независимому характеру и умѣнью отстаивать свои взгляды. По воскресеньямъ онъ иногда проповѣдывалъ въ маленькой диссентерской часовнѣ и его простыя, горячія проповѣди трогали сердца слушателей. У него всегда было вдоволь работы и въ деньгахъ тоже не было недостатка, хотя общее положеніе земледѣльческихъ рабочихъ въ началѣ 70-хъ годовъ было самое печальное. По словамъ Арча, рабочіе по всей странѣ шептались о своихъ горестяхъ, но имъ не хватало человѣка, который рѣшился бы громко провозгласить то же самое. Они не знали средства помочь своему горю, и обратились къ Арчу, который давно уже доказывалъ всѣмъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться, необходимость организаціи союзовъ земледѣльческихъ рабочихъ.

1872 годъ былъ опять неурожайнымъ годомъ. Когда хлѣбъ былъ собранъ и наступила зима, въ земледѣльческихъ округахъ воцарилась страшная нищета, и эта нищета, по словамъ Арча, была матерью перваго союза земледѣльческихъ рабочихъ.

Арчъ подробно описываетъ возникновеніе союза и первый митингъ, на которомъ было рѣшено приступить къ его организаціи. Видно, что воспоминаніе объ этомъ событіи является для него самымъ дорогимъ и завѣтнымъ. Митингъ состоялся въ Вельсбурнѣ и на немъ собралось до 2.000 окрестныхъ поселянъ.

Извѣстія о митингѣ въ Вельсбурнѣ скоро распространились по окрестнымъ деревнямъ, черезъ 2 недѣли Арчу пришлось говорить уже на другомъ митингѣ, и съ тѣхъ поръ успѣхъ союза все ростетъ. Арчъ особенно подчеркивалъ мирный характеръ союза, все время не сходившаго съ почвы закона. «Я не былъ революціонеромъ,—говоритъ онъ, — и съ самаго начала заявилъ рабочимъ, что если они будутъ прибѣгать къ насиліямъ, поджогамъ или возмущеніямъ, то пусть ищутъ какого-нибудь другого вожака и не разсчитываютъ на Джо Арча. Мы собирались законными средствами добиться улучшеній, а не терять того немногаго, что у насъ было, беззаконными поступками. Мы съ самаго начала выказали себя гражданами, уважающими законъ, а не революціонерами, не отступающими передъ пролитіемъ крови».

Когда почва была уже достаточно подготовлена, комитетъ новообразовавшагося союза приступилъ къ дѣлу. Варвикширскимъ фермерамъ, отъ имени союза, были разосланы циркуляры, въ которыхъ требовалось повышеніе платы земледѣльческимъ рабочимъ до 16 шил. въ недѣлю, вмѣсто 12. Фермеры отказались отъ этого повышенія, тогда рабочіе отказались отъ работы. 12 шил. была средняя цѣна въ этой мѣстности, но были и рабочіе, получающіе меньше—10, 9 и даже 8 шил. въ недѣлю.

Движеніе охватывало все болѣе широкіе круги, и въ скоромъ времени въ окрестностяхъ Вельсбурна почти всѣ рабочіе находились въ вынужденной праздности. Между тѣмъ, союзъ былъ очень бѣденъ и могъ оказывать лишь самую незначительную помощь своимъ нуждающимся членамъ. Тѣмъ не менѣе, все новыя и новыя деревни примыкали къ союзу. Движеніе изъ Варвикшира распространялось въ 8 сосѣднихъ графствъ. Это странное явленіе стало обращать на себя вниманіе общественнаго мнѣнія. О немъ заговорили въ газетахъ. Подходила весна и фермеры были въ недоумѣніи—надо было начинать весеннія работы, а рабочіе заявляли, что не согласны работать за прежнюю плату и единодушно требовали 16 шил. въ недѣлю.

Арчъ упоминаетъ, какую огромную поддержку молодому движенію оказала печать. Одна изъ главныхъ англійскихъ газетъ «Daily News» прислала своего корреспондента въ Варвикширъ, чтобы собрать на мѣстѣ свѣдѣнія о союзахъ земледѣльческихъ рабочихъ. Онъ разъѣзжалъ по

деревнямъ вмѣстѣ съ Арчемъ и убѣдился, что положеніе рабочихъ было дѣйствительно очень тяжело и что они были правы, стремясь измѣнить его къ лучшему. Когда первая изъ его корреспонденцій была напечатана, онъ принесъ Арчу номеръ газеты и сказалъ ему: «теперь вы уже не будете больше нуждаться въ деньгахъ».

И это была правда: деньги посыпались со всѣхъ сторонъ, статьи «Daily News» возбудили общественное сочувствіе къ дѣлу рабочихъ. Но, съ другой стороны, и фермеры начали принимать мѣры для защиты своихъ интересовъ отъ «чрезмѣрныхъ притязаній» рабочихъ. Рабочихъ, принадлежавшихъ къ союзу, выселяли изъ ихъ коттеджей, за ними устраивали тайный надзоръ. Затѣмъ начались переговоры. Нѣкоторые землевладѣльцы соглашались поднять цѣну до 14 и даже 15 шил. Но рабочіе стояли на своемъ и требовали 16 шил. въ недѣлю. Въ результатѣ многіе фермеры согласились на повышеніе платы, другіе — разсчитали рабочихъ, принадлежавшихъ къ союзу, и большинство ихъ принуждено было эмигрировать.

Новый союзъ носилъ названіе «Союза Варвикширскихъ земледѣльческихъ рабочихъ».

Для Арча настало теперь время неустанной дѣятельности: онъ былъ избранъ секретаремъ союза и, кромѣ того, ему приходилось говорить на многочисленныхъ собраніяхъ и агитировать въ пользу союза. Арчъ вспоминаетъ одно засѣданіе комитета союза въ маленькой методистской часовнѣ въ Вельсбурнѣ, продолжавшееся цѣлый день; на этомъ засѣданіи выработывался планъ дальнѣйшей дѣятельности. Они раздѣлили союзъ на два отдѣленія—одно сѣверное, другое южное. Въ каждомъ былъ свой секретарь и отрядъ лекторовъ, которые должны были организовать митинги въ разныхъ концахъ страны.

Движеніе быстро разросталось и изъ мѣстнаго сдѣлалось національнымъ. Нужно было придать ему соотвѣтствующую организацію и создать «національный союзъ земледѣльческихъ рабочихъ», на подобіе національной лиги фермеровъ. Съ этою цѣлью рѣшено было въ маѣ мѣсяцѣ созвать конгрессъ изъ представителей всѣхъ недавно образовавшихся союзовъ земледѣльческихъ рабочихъ. Конгрессъ состоялся 29-го мая—великій день для союза, замѣчаетъ Арчъ. На немъ присутствовало около 60 делегатовъ. Нѣкоторые изъ делегатовъ пріѣхали очень издалека и расходы по ихъ проѣзду уплачивались мѣстными отдѣленіями союза. Кромѣ рабочихъ, на конгрессъ были приглашены представители «интеллигенціи», которые читали доклады по вопросамъ, относящимся къ соціальному положенію рабочихъ.

Арчъ разсказываетъ, что сердце его радостно билось, когда онъ увидѣлъ делегатовъ, входящихъ въ залу конгресса. Здѣсь были земледѣльцы, собравшіеся со всѣхъ концовъ Англіи—изъ Дорсетшира и Іоркшира, Суффолька и далекаго Раднршира. «Когда я стоялъ среди моихъ собратій, я сказалъ себѣ: «Іосифъ Арчъ, ты прожилъ не даромъ и, навѣрное, духъ Божій находится теперь съ нами, въ этой залѣ».

На конгрессѣ прежде всего читался докладъ о современномъ положеніи союза. Оказалось, что за короткое время (менѣе 2-хъ лѣтъ) образовалось уже 63 мѣстныхъ отдѣленій союза. Союзъ поддерживалъ рабочихъ, отказавшихся отъ работы и требовавшихъ повышенія платы, и оказывалъ помощь при эмиграціи. Общее число членовъ было около 40.000. На этомъ же собраніи единогласно было постановлено приступить къ организаціи «національнаго союза земледѣльческихъ рабочихъ», долженствующаго объединить всѣ мѣстныя организаціи, существующія въ различныхъ графствахъ. Совѣтъ національнаго союза долженъ состоять изъ представителей мѣстныхъ организацій. Кромѣ этого совѣта, собирающагося два раза въ годъ, учреждалось еще «правленіе» союза, выбираемое ежегодно на собраніи совѣта и состоящее изъ 12 человѣкъ. Правленіе, засѣдающее въ Лимингтонѣ и обязанное собираться, по крайней мѣрѣ, разъ въ двѣ недѣли, ведетъ всѣ дѣла союза. Кромѣ этого правленія, учреждался еще совѣщательный комитетъ изъ лицъ, сочувствующихъ движенію, но не принадлежащихъ къ рабочей средѣ.

Мы уже говорили, что движеніе среди земледѣльческихъ рабочихъ не имѣло опредѣленной окраски, хотя самъ Арчъ всегда оставался сторонникомъ либеральной партіи. Это было скорѣе всего экономическое движеніе и оно встрѣчало сочувствіе у людей самыхъ различныхъ направленій. Такъ, среди друзей его былъ извѣстный членъ парламента Чарльзъ Брэдло и кардиналъ Манингъ. Арчъ говоритъ, что поддержка кардинала Манинга, пользовавшагося огромнымъ престижемъ въ англійскомъ обществѣ, была особенно цѣнна для молодого движенія. На одномъ изъ митинговъ въ Лондонѣ Манингъ выступилъ съ горячей защитой союзовъ земледѣльческихъ рабочихъ. Онъ доказывалъ, что это движеніе имѣетъ глубокіе корни въ народной жизни, а не является результатомъ дѣятельности нѣкоторыхъ агитаторовъ; лица, руководящія движеніемъ, строго придерживаются законныхъ границъ и въ этомъ отношеніи не заслуживаютъ никакихъ упрековъ. Онъ доказывалъ свое сочувствіе дѣлу земледѣльческихъ рабочихъ и матеріальной помощью; такъ, онъ нѣсколько разъ жертвовалъ въ кассу союза по 10 ф. стерл.

Въ 1873 г. Арчъ отправился, по порученію союза, въ Канаду, чтобы на мѣстѣ изучить условія переселенія и положеніе переселенцевъ въ этой колоніи. Въ то время вопросъ объ эмиграціи стоялъ на очереди: многіе земледѣльческіе рабочіе, которымъ трудно жилось въ Англіи, хотѣли переселиться въ Канаду, гдѣ было много земли и мало рабочихъ, и они-то послали Арча, поручивъ ему все разузнать и выбрать мѣста для переселенія. Разсказъ Арча объ его посѣщеніи Канады очень интересенъ; въ особенности любопытно и характерно отношеніе мѣстныхъ властей къ этому крестьянскому ходоку. Губернаторъ Канады, лордъ Дюфферинъ, пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ и послалъ за нимъ экипажъ. Арчъ не безъ гордости разсказываетъ, что обѣдъ былъ пре

красный и онъ отдалъ ему должную честь. «Въ домѣ лорда Дюфферина собралось блестящее общество,—говоритъ онъ,—и я имѣлъ случай говорить со многими общественными дѣятелями Канады. Лордъ Дюфферинъ былъ до нельзя любезенъ и предупредителенъ ко мнѣ и я вполнѣ цѣнилъ честь, которую онъ оказывалъ мнѣ, какъ представителю рабочихъ старой Англіи».

Затѣмъ Арчъ имѣлъ продолжительное свиданіе съ первымъ министромъ, сэромъ Макдональдомъ, и съ министромъ земледѣлія. Въ Торонто онъ завтракалъ съ губернаторомъ Онтаріо, вездѣ встрѣчалъ самый любезный пріемъ и полное содѣйствіе при его путешествіяхъ и изслѣдованіяхъ. Всѣ эти путешествія онъ совершалъ на казенный счетъ и въ сопровожденіи одного полковника, прикомандированнаго къ нему спеціально для этой цѣли. Во время своихъ странствованій Арчъ убѣдился, что Канада представляетъ большія удобства для эмиграціи: тамъ существуетъ большой спросъ на трудъ, который оплачивается выше, чѣмъ въ Англіи, между тѣмъ жизнь стоитъ дешевле. Поэтому уровень существованія рабочихъ въ Канадѣ выше, чѣмъ въ Англіи. Его переговоры съ правительствомъ Канады относительно эмиграціи туда земледѣльческихъ рабочихъ изъ Англіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ: правительство обязалось на очень льготныхъ условіяхъ предоставить въ распоряженіе эмигрантовъ извѣстное количество земельныхъ участковъ отъ 5 до 6 акровъ, съ построенными на нихъ коттеджами, и прислать союзу подробный списокъ этихъ участковъ. Кромѣ такихъ расчищенныхъ и приспособленныхъ къ обработкѣ участковъ, эмигрантамъ предлагались даромъ сотни акровъ нерасчищенной земли. Кромѣ того, Арчъ сговорился со многими фермерами, нуждающимися въ рабочихъ и готовыми платить хорошія деньги опытнымъ земледѣльческимъ рабочимъ, выселяющимся изъ Англіи.

Арчъ всегда смотрѣлъ на эмиграцію только какъ на пальятивное средство, которое не можетъ улучшить общаго положенія рабочаго класса, но можетъ спасти отдѣльныхъ лицъ отъ нищеты. Въ то время положеніе земледѣльческихъ рабочихъ было очень трудное: фермеры, смущенные такимъ небывалымъ явленіемъ, какъ попытка организаціи среди рабочихъ, отличавшихся до сихъ поръ полною безгласностью, объявили открытую войну союзу и разсчитывали всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ нему. 1874 годъ былъ тяжелымъ годомъ для только что образовавшагося союза. Суффолькскіе фермеры отказали отъ работы болѣе 4.000 рабочимъ, принадлежавшимъ къ союзу. Арчъ, только что вернувшійся изъ путешествія въ Канаду, отправился странствовать по всей Англіи, чтобы собрать денегъ для помощи разсчитаннымъ рабочимъ и въ одинъ мѣсяцъ собралъ болѣе 3.000 фунтовъ. На эти деньги рабочіе могли существовать нѣкоторое время и затѣмъ часть ихъ, при содѣйствіи союза, получила возможность эмигрировать въ Канаду. Фермеры надѣялись, что такой крутой мѣрой они уничтожатъ союзъ и от-

пугнуть отъ него рабочихъ, но результатъ получился какъ разъ обратный: популярность союза только возрасла за этотъ трудный годъ.

За первые годы существованія союза Арчу, по его собственнымъ словамъ, приходилось работать какъ невольнику: въ среднемъ онъ говорилъ на 5—6 митингахъ въ недѣлю. Но труды эти получили вознагражденіе: въ теченіе 70-хъ годовъ дѣло организаціи сельскихъ рабочихъ крѣпло и развивалось. Въ 1875 году членовъ союза было 58.650, и въ 38 округахъ Англіи считалось 1.368 мѣстныхъ отдѣленій союза. Общая сумма прихода въ кассу союза равнялась 23.130 фунтовъ стерл. На помощь рабочимъ было истрачено 21.000 фунтовъ. Около 6.000 фунтовъ стерл. было истрачено на помощь эмигрантамъ. Въ теченіе второй половины 70-хъ годовъ, благодаря союзу, заработная плата рабочихъ значительно повысилась: въ началѣ 70-хъ годовъ средняя плата была отъ 6 до 9 шил., а въ концѣ 70-хъ годовъ она поднялась до 12 и 13 шил. въ недѣлю, и несмотря на всѣ старанія фермеровъ понизить ее она удерживалась на этомъ уровнѣ. Максимальная плата во многихъ мѣстахъ поднялась съ 12 шил. до 16. За это время создались уже спеціальные органы, отстаивавшіе интересы сельскихъ рабочихъ. Въ 1872 г. была основана газета: «The labourers Union Chronicle», и «The English labourer». Кромѣ того, было еще нѣсколько провинціальныхъ газетъ, посвященныхъ мѣстнымъ интересамъ. Арчъ былъ усерднымъ сотрудникомъ газеты «English Labourer» и въ теченіе 2-хъ лѣтъ еженедѣльно печаталъ тамъ статьи по исторіи возникновенія союза.

Въ 80-хъ годахъ дѣятельность союза сельскихъ рабочихъ расширилась: помимо своихъ ближайшихъ задачъ, заключающихся въ организаціи сельскихъ рабочихъ и въ борьбѣ за повышеніе заработной платы, союзъ съ Арчемъ во главѣ началъ агитацію въ пользу предоставленія сельскимъ рабочимъ права голосованія и агитацію въ пользу реформы земельныхъ законовъ.

III.

Борьба за право голоса для земледѣльческихъ рабочихъ началась еще въ 1875 г. и окончилась въ 1884 г. побѣдою. Пріемы борьбы были обычными въ Англіи въ такихъ случаяхъ: организовывались митинги, въ которыхъ пропагандировалась идея о необходимости для рабочихъ права голосованія, подавались петиціи въ парламентъ со многими тысячами подписей; вопросъ разрабатывался въ литературѣ.

Арчъ принималъ самое дѣятельное участіе въ агитаціи, говорилъ на безчисленныхъ митингахъ, собиралъ подписи для петицій, писалъ статьи. Въ одной изъ статей его, помѣщенной въ «Nineteenth Century», онъ приводилъ слѣдующіе убѣдительные аргументы въ пользу избирательнаго права земледѣльческихъ рабочихъ: «Насъ часто спрашиваютъ, отчего мы такъ настойчиво добиваемся права голоса? Какую пользу можетъ намъ принести возможность подавать голосъ за того или иного

кандидата? Развѣ это можетъ облегчить тѣ бѣдствія, отъ которыхъ мы страдаемъ? Разберемъ этотъ вопросъ обстоятельно. Имѣемъ ли мы въ деревняхъ тѣ же санитарныя приспособленія, какія есть въ городахъ? Всякому извѣстно, что есть множество деревень, въ которыхъ какія бы то ни было санитарныя приспособленія совершенно отсутствуютъ и гигиеническое положеніе ихъ ужасно. Я не буду называть именъ: всякій, когда-либо путешествовавшій по земледѣльческимъ округамъ, знаетъ, что я говорю правду. А между тѣмъ, былъ ли когда-нибудь внесенъ билль въ парламентъ, который заставилъ бы крупныхъ землевладѣльцевъ обратить вниманіе на санитарное состояніе коттеджей, построенныхъ на ихъ землѣ и являющихся ихъ собственностью? Правда, и города еще далеки отъ совершенства, но обитатели ихъ имѣютъ въ рукахъ средство помочь себѣ. Если какой-нибудь городъ не можетъ ввести у себя надлежащаго санитарнаго устройства—предположимъ, что мѣстный сквайръ или лордъ противится мѣропріятіямъ, признаваемымъ необходимыми представителями города—куда они обратятся въ такомъ случаѣ? Конечно, въ парламентъ, гдѣ у нихъ есть свой представитель. Но какимъ образомъ можетъ заявлять о своихъ нуждахъ земледѣльческій рабочій, лишенный избирательнаго права? До тѣхъ поръ, пока всякій домохозяинъ въ деревнѣ (house-holder) не получитъ избирательнаго права, въ деревнѣ не будетъ ни хорошихъ санитарныхъ условій, ни сносныхъ и пригодныхъ для житья коттеджей. Почему для городовъ существуетъ «законъ о рабочихъ жилищахъ» (Artisans dwellings Act), и нѣтъ закона о жилищахъ земледѣльческихъ рабочихъ? Развѣ они менѣе нуждаются въ такомъ законѣ? Нѣтъ, но у нихъ нѣтъ избирательнаго права. Когда сельскій рабочій получитъ право посылать своихъ депутатовъ въ парламентъ, какое есть у городского рабочаго, онъ не станетъ больше жить въ конурахъ, служащихъ разсадниками всякихъ болѣзней, и пить нечистую воду».

Въ 1875 г. въ парламентъ былъ внесенъ билль о распространеніи избирательныхъ правъ на сельскихъ домохозяевъ, не имѣвшихъ недвижимой собственности (Household Franchise Counties Bill). Въ это время Арчъ передалъ въ парламентъ петицію объ избирательномъ правѣ, подписанную 80.000 сельскихъ рабочихъ.

Въ этой петиціи говорилось, между прочимъ, слѣдующее: «Петиція нижеподписавшихся делегатовъ національнаго союза земледѣльческихъ рабочихъ свидѣтельствуетъ о томъ, что петиціонеры, являющіеся выразителями мнѣнія неполноправныхъ сельскихъ рабочихъ, считаютъ для себя большимъ несчастіемъ, что они, будучи производителями такой значительной доли національнаго богатства и будучи, сообразно со своими средствами, обложены такими тяжелыми налогами, не имѣютъ голоса при обсужденіи этихъ налоговъ, и что отъ нихъ требуютъ повиновенія законамъ, въ созданіи которыхъ они не принимали участія, законамъ, созданнымъ другими классами, незнакомыми съ ихъ потребностями. Эти законы во многихъ случаяхъ особенно тяжело ложатся именно на бѣднѣйшую часть

населенія. Нижеподписавшіеся петиціонеры полагаютъ, что избирательное право имѣетъ огромное по своей важности значеніе именно для бѣднѣйшихъ, а слѣдовательно, и наиболѣе беззащитныхъ гражданъ, и поэтому они взываютъ къ палатѣ Общинъ съ просьбою даровать имъ это право, и принять билль, вносимый въ палату м-ромъ Тревильяномъ».

Не смотря на эту и подобныя ей петиціи, билль Тревильяна былъ отвергнутъ большинствомъ 102 голосовъ. Неудача, конечно, не останавливала Арча и другихъ сторонниковъ реформы и агитація въ пользу избирательнаго права для сельскихъ рабочихъ заняла выдающееся мѣсто въ дѣятельности союза. Арчъ разъѣзжалъ по всей странѣ и говорилъ на митингахъ, созываемыхъ союзомъ, о необходимости избирательной реформы въ смыслѣ уравненія правъ городскихъ и сельскихъ рабочихъ.

Въ 1877 г. Арчу предложили выставить свою кандидатуру въ 2-хъ округахъ—въ Соутваркѣ и Вудстокѣ, но онъ отказался. По его собственнымъ словамъ, онъ чувствовалъ, что не настало еще время для его избранія въ парламентъ. Онъ считалъ, что его присутствіе на собраніяхъ совѣта и комитета союза земледѣльческихъ рабочихъ нужнѣе и важнѣе его присутствія въ палатѣ общинъ. Въ самомъ союзѣ было еще слишкомъ много дѣла. Кромѣ того, Арчъ понималъ, что, при настоящемъ положеніи вещей, онъ имѣлъ мало шансовъ попасть въ парламентъ: сквайры и фермеры не стали бы подавать за него голосъ, а рабочіе, готовые поддержать его, были безправны. Наконецъ, имъ удалось добиться того, что въ 1884 году при либеральномъ кабинетѣ Гладстона, избирательное право было распространено и на сельскихъ рабочихъ. Это было огромной побѣдой союза, Арчъ съ полнымъ основаніемъ могъ сказать, что 1884 годъ и 1872 годъ—годъ основанія союза—были славными годами его жизни. Въ 1885 году онъ выставилъ свою кандидатуру на общихъ выборахъ въ Норфолькѣ. Конкуррентомъ его былъ лордъ Бентикъ, кандидатъ консервативной партіи. Арчъ выступалъ кандидатомъ либеральной партіи и рабочихъ, и былъ избранъ большинствомъ около 640 голосовъ. Онъ пошелъ въ парламентъ въ своей рабочей курткѣ, которая рѣзко выдѣлялась тамъ среди черныхъ сюртуковъ и фраковъ, и съ тѣхъ поръ постоянно появлялся въ парламентѣ въ этомъ костюмѣ. По словамъ самого Арча, онъ сохранилъ свой костюмъ рабочаго не для того, чтобы выдѣляться, а для того, чтобы этимъ подчеркнуть свою связь съ тѣми, чьи интересы онъ долженъ былъ представлять въ парламентѣ.

Первая рѣчь, произнесенная Арчемъ въ парламентѣ, касалась земельной реформы. Арчъ былъ сторонникомъ тѣхъ мѣръ, которыя облегчали сельскому населенію возможность пріобрѣтать въ собственность земельные надѣлы (Allotments). Эти надѣлы очень невелики, до одного акра, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они сдавались рабочимъ въ дополненіе къ заработной платѣ. Въ своей рѣчи Арчъ указывалъ на то, что, благодаря англійскимъ законамъ о наслѣдствѣ (Entail-laws)

затрудняющимъ мобилизацію земельной собственности, тысячи акровъ земли остаются невоздѣланными, между тѣмъ какъ въ странѣ существуетъ обширная армія рабочихъ, не знающихъ, куда приложить свой трудъ, и готовыхъ пріобрѣсти эту землю. «Если у меня достаточно энергіи и трудолюбія, дающихъ мнѣ возможность пріобрѣсти въ собственность три акра земли и корову, то я не вижу причины, почему какой-нибудь божескій или человѣческій законъ долженъ запрещать мнѣ, искусному сельскому рабочему, сдѣлать это,—говорилъ Арчъ.—Почему я долженъ всю жизнь влачить жалкое существованіе сельскаго рабочаго и до конца дней своихъ не видѣть никакого выхода?»

«Три акра и корова»—таковъ былъ идеалъ Арча и другихъ сторонниковъ закона объ Allotments. Но когда законъ былъ проведенъ, то онъ не оправдалъ ожиданій рабочихъ, и, по словамъ самого Арча, сильно содѣйствовалъ паденію его авторитета среди рабочихъ. «Всѣ они сразу захотѣли получить по три акра земли и по коровѣ»,—говоритъ Арчъ,—и отчасти этимъ онъ самъ объясняетъ свою неудачу на слѣдующихъ парламентскихъ выборахъ 1886 г. Въ значительной степени пораженіе его объясняется и расколомъ въ либеральной партіи изъ-за ирландскаго вопроса. Благодаря меньшей поддержкѣ со стороны либераловъ и недовольству рабочихъ, Арчъ былъ побитъ на выборахъ. Но въ 1892 г. онъ опять былъ избранъ и прошолъ огромнымъ большинствомъ 1.089 голосовъ.

V.

Въ настоящее время основанный Арчемъ «національный союзъ земледѣльческихъ рабочихъ» распался. Катастрофа эта подготовлялась нѣсколько лѣтъ и, наконецъ, разразилась въ 1894 г. Самъ Арчъ довольно неопредѣленно выражается о причинахъ крушенія союза, и приписываетъ его проискамъ своихъ враговъ. Рузье въ книгѣ о «Рабочихъ союзахъ въ Англіи» видитъ причину распаденія въ организаціи при союзѣ вспомоществованія на случай болѣзни и пенсіонной кассы. «Больные и престарѣлые члены союза получали по 5 шил. въ недѣлю, благодаря чему членскій взносъ, равный въ началѣ 4 пенсамъ, поднялся до 1 шил. въ недѣлю. За послѣдніе годы приростъ членовъ союза окончательно прекратился: молодые рабочіе отказывались платить взносы, между тѣмъ, какъ старики оставались вѣрными союзу, чтобы пользоваться пособіями. Въ результатѣ явилось банкротство».

Но такое объясненіе неудачи Арча нельзя считать достаточнымъ; очевидно, оно было только поводомъ, а не причиной распаденія организаціи, существовавшей болѣе 20 лѣтъ. Повидимому, основная причина распаденія союза Арча заключается въ старой и вѣчно-новой розни «отцовъ и дѣтей». Созданное Арчемъ рабочее движеніе переросло его.

Л. Туганъ-Барановская.

ОСЕНЬ.

I.

Ужъ поздно. Вдоль аллей, надъ темными прудами,
Бреду я наугадъ.
Осенней свѣжестью, листвою и плодами
Благоухаетъ садъ.

Давно онъ порѣдѣлъ—и звѣздное сіянье
Бѣлѣетъ межъ вѣтвей.
Иду я медленно—и мертвое молчанье
Царитъ во тьмѣ аллей.

Вотъ пѣсня донеслась печально издалека...
Вотъ гдѣ-то возъ скрипитъ...
И снова тишина. Спокойно и глубоко
Пустынный хуторъ спитъ.

И звонокъ каждый шагъ среди ночной прохлады,
И царственнымъ гербомъ
Горятъ холодныя алмазныя Плеяды
Въ безмолвіи ночномъ.

II.

Не видно птицъ. Безмолвно чахнетъ
Лѣсъ опустѣвшій и больной...
Грибовъ ужъ нѣтъ, но крѣпко пахнетъ
Въ оврагахъ сыростью грибной.
„Глушь" стала ниже и свѣтлѣе;
Въ кустахъ свалялася трава,
И, подъ дождемъ осеннимъ тлѣя,
Чернѣетъ мокрая листва.
И далеко въ лѣсу багряномъ
Кустарникъ виденъ на горѣ,
И лугъ, синѣющій туманомъ
На ранней утренней зарѣ...

А въ полѣ—вѣтеръ; день холодный
Угрюмъ, но свѣжъ, и цѣлый день
Скитаюсь я въ степи свободной,
Вдали отъ селъ и деревень.
Тѣснятся тучи небосводомъ,
Синѣетъ рѣзко даль подъ нимъ...
И бодро конь идетъ по всходамъ,
По взметамъ, вязкимъ и сырымъ.
И, убаюканъ шагомъ коннымъ,
Съ отрадной грустью внемлю я,
Какъ вѣтеръ звономъ монотоннымъ
Гудитъ—поетъ въ дулѣ ружья.

III.

И вотъ опять ужъ по зарямъ
Въ выси, пустынной и привольной,
Станицы птицъ летятъ къ морямъ,
Чернѣя цѣпью треугольной.
Ясна заря, безмолвна степь,
Закатъ алѣетъ, разгораясь...
И тихо въ небѣ эта цѣпь
Плыветъ, размѣренно качаясь.
Какая даль и вышина!
Глядишь—и бездной голубою
Небесъ осеннихъ глубина
Какъ будто таетъ надъ тобою.
И обнимаетъ эта даль,—
Душа отдаться ей готова,
И новыхъ, свѣтлыхъ думъ печаль
Освобождаетъ отъ земного.
И новыхъ чувствъ томящій сонъ
Влечетъ въ просторъ полей холодныхъ,
Въ родной далекій небосклонъ,
За караваномъ птицъ свободныхъ...
О, сердце! Слышишь ли ихъ крикъ?
Куда онъ звалъ? Зачѣмъ глубокой
Тоскою въ душу мнѣ проникъ
И потонулъ въ степи широкой?
Отвѣта нѣтъ... Заря ясна,
Свѣтло и ярко западъ рдѣетъ,
Пустынна неба глубина
И тихо воздухъ холодѣетъ...

IV.

Вѣтеръ осенній въ лѣсахъ подымается,
Шумно по чащамъ идетъ...
Мертвые листья срываетъ—и весело
Въ бѣшеномъ вихрѣ несетъ.
Только замретъ, припадетъ и послушаетъ—
Снова взмахнетъ, а за нимъ
Лѣсъ загудитъ, затрепещетъ—и сыплются
Листья дождемъ золотымъ...
Вѣетъ зимою, морозными вьюгами,
Тучи плывутъ въ небесахъ...
Пусть же погибнетъ все мертвое, слабое
И возвратится во прахъ!
Зимнія вьюги—предтечи весенніе,
Зимнія вьюги должны
Похоронить подъ снѣгами холодными
Мертвыхъ къ приходу весны.
Въ темную осень земля укрывается
Желтой листвой, а подъ ней
Дремлетъ побѣговъ и травъ прозябаніе,
Сокъ животворныхъ корней.
Жизнь зарождается въ мракѣ таинственномъ...
Радость и гибель ея
Служатъ нетлѣнному и неизмѣнному—
Вѣчной красѣ Бытія!

Ив. Бунинъ.

ПИСЬМО.

Разсказъ изъ былой морской жизни.

I.

Въ прелестное теплое декабрьское утро 186* года, русскій военный клиперъ „Чародѣйка", направлявшійся въ Тихій океанъ, послѣ бурнаго перехода изъ Шербурга и изрядной „трёпки" въ „Бискайкѣ", какъ называлъ старшій штурманъ Бискайскій заливъ, бросилъ якорь на открытомъ со всѣхъ сторонъ Фунчальскомъ рейдѣ на островѣ Мадера.

Былъ мертвый штиль, и клиперъ слегка покачивало на лѣниво-колыхавшейся океанской зыби.

Часа черезъ два послѣ того, какъ „Чародѣйка" стала на якорь и большая часть офицеровъ съѣхала на берегъ, изъ русскаго консульства привезли почту изъ Россіи.

Разбирая въ своей большой, свѣтлой, щегольской капитанской каютѣ казенные пакеты, письма и пачки газетъ, командиръ „Чародѣйки", капитанъ-лейтенантъ Сергѣй Михайловичъ Вершининъ, смуглый брюнетъ лѣтъ тридцати пяти-шести на видъ, только-что жадно прочитавшій письмо любимой жены и бывшій, вслѣдствіе этого, въ приподнято-умиленномъ настроеніи, внезапно поблѣднѣлъ, словно бы нежданно-негаданно увидалъ вдругъ на ходу подъ носомъ своего милаго клипера отвѣсную скалу или грозные сѣдые буруны, и, какъ лихой опытный морякъ, понялъ сразу, что „Чародѣйкѣ" спасенья нѣтъ.

Его красивое сухощавое лицо, серьезное и мужественное, опушенное черными, чуть-чуть начинавшими серебриться бакенбардами, омрачилось выраженіемъ недоумѣнія, ужаса и страданія. Темно-каріе, острые, какъ у ястреба, глаза, обыкновенно увѣренно-покойные и даже слегка надменные во время штормовъ, расширились, загораясь безпокойно-гнѣвнымъ огонькомъ. Нижняя губа вздрагивала, открывая ослѣпительно-бѣлые зубы. Вздрагивали и тонкіе, длинные, съ твердыми заостренными ногтями пальцы правой руки, которые крѣпко держали, словно бы что-

то ненавистное и страшное, небольшой, но вѣскій конвертъ, заключавшій въ себѣ, какъ казалось на ощупь, нѣсколько листковъ письма и фотографическую карточку и адресованный на имя мичмана Бориса Константиновича Огнивцева, начальника пятой вахты на „Чародѣйкѣ“.

Взглядъ Вершинина впился въ этотъ нетвердый, несомнѣнно женскій почеркъ, и изъ груди моряка вырвался вздохъ не то скорби, не то гнѣва.

Такъ прошло нѣсколько секундъ. Слишкомъ взволнованный, Сергѣй Михайловичъ, казалось, растерялся и не могъ сообразить, что ему надо сдѣлать.

А что-то сдѣлать было необходимо. Онъ это чувствовалъ.

И Вершининъ, наконецъ понялъ. Въ лицѣ его появилось удовлетворенное выраженіе человѣка, принявшаго рѣшеніе, и по губамъ скользнула торжествующая улыбка.

Не выпуская изъ пальцевъ конверта, словно бы боясь разстаться съ такимъ важнѣйшимъ для него въ эту минуту предметомъ, отъ котораго зависѣло что-то необыкновенно значительное, Вершининъ лѣвою рукой вынулъ изъ боковаго кармана разстегнутаго бѣлаго кителя надорванный конвертъ, въ которомъ былъ лишь одинъ, написанный разгонистымъ почеркомъ, листокъ, и сталъ сравнивать почерки на конвертахъ, вглядываясь въ каждую букву того и другого адресовъ съ сосредоточенно-упорнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ боязливымъ вниманіемъ эксперта, отъ показанія котораго зависитъ приговоръ ему самому.

Почеркъ на письмѣ, адресованномъ „этому мерзавцу“, какъ мысленно назвалъ Вершининъ мичмана, до этой минуты пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ своего капитана, казалось, былъ другой, хотя нѣкоторыя буквы были удивительно схожи.

Но зато самый конвертъ.

Этотъ небольшой конвертъ, поднявшій въ душѣ моряка бурю, ужаснѣе для него всякихъ штормовъ на морѣ, былъ точно такой, какъ и полученный имъ.

Тотъ же форматъ, та же толстая матовая англійская бумага и, главное, тотъ же крѣпкій, раздражающій запахъ любимыхъ женою духовъ: „Peau d'Espagne“, внезапно вызвавшій въ Вершининѣ образъ очаровательной маленькой женщины съ манящими русалочными глазами.

Охваченный жгучей ревностью, морякъ почти не сомнѣвался, что держитъ въ рукахъ письмо жены.

„И какъ легко убѣдиться въ этомъ... Стоитъ только...“

Эта мысль неожиданно озарила его голову, на мгновенье овладѣла имъ, и онъ уже поднялъ другую руку, чтобы вскрыть чужое письмо.

— Фу, подлость!—брезгливо вдругъ прошепталъ капитанъ.

И, чувствуя отвращеніе и стыдъ, онъ швырнулъ письмо на столъ и подумалъ:

„Этого еще не доставало!“

Когда первый, мучительно-острый захватъ ревности прошелъ, Вершинину очень хотѣлоть убѣдить себя, что его подозрѣнія неосновательны.

„Точно не можетъ быть такого же конверта и такихъ же духовъ и у другой женщины!“ подумалъ онъ и нѣсколько успокоился.

Но это продолжалось нѣсколько мгновеній.

Въ возбужденной головѣ капитана вихремъ проносились мысли о женѣ, и ревнивыя подозрѣнія относительно письма снова терзали бѣднаго моряка.

II.

Вершининъ не обманывалъ себя.

Дѣйствительно, эта обворожительная Маруся, сводившая съ ума всѣхъ мичмановъ въ Кронштадтѣ и на которой Вершининъ женился три года тому назадъ, потерявши голову и точно опьянѣвшій послѣ флирта съ ней, подавала поводы къ ревности.

А Вершининъ любилъ свою Марусю безумно, мучительно. Любилъ и порой ненавидѣлъ ее за то, что она его мучила, и за то, что онъ сдѣлался ея рабомъ. Онъ ревновалъ ее, скрывая передъ ней изъ самолюбія муки ревности, и самъ приводилъ въ домъ молодыхъ мичмановъ, такъ какъ Маруся скучала безъ поклонниковъ. Онъ вѣрилъ и не вѣрилъ ей; до сихъ поръ сомнѣвался, любитъ ли его Маруся серьезно или только терпитъ, позволяя любить себя, торжествующая, что обратила въ рабство человѣка, не признававшаго власти женщины, и черезъ три года влюбленъ былъ въ жену еще сильнѣе, чѣмъ прежде, когда былъ женихомъ.

Маруся знала силу своихъ чувственныхъ чаръ и умѣла ими пользоваться. Эти чары и заставили главнымъ образомъ Вершинина жениться быстро, не узнавши характера будушей своей жены.

Съ той поры Вершининъ почувствовалъ себя словно бы выбитымъ изъ колеи. Жена овладѣла имъ всецѣло. Жизнь безъ нея казалась невозможной. Человѣкъ необыкновенно привязчивый и страстный, до встрѣчи съ Марусей не испытавшій захватывающаго чувства, онъ любилъ свою Марусю со всѣми ея недостатками и надѣялся, что подъ его вліяніемъ недостатки эти сгладятся, и она будетъ желанной женой и вѣрнымъ товарищемъ.

Но время шло. Вліянія Вершинина не было ни малѣйшаго, и жизнь съ Марусей была для него сплошнымъ мучительнымъ безпокойствомъ ревнивыхъ терзаній и страха потерять эту маленькую, граціозную, какъ кошечка, изящную и хорошо сложенную женщину, съ темно-каштановыми волосами, съ большими сѣро-зелеными глазами, быстро мѣнявшими выраженія, безвольную и въ то же время упрямую, умную, отзывчивую и скрытную, лѣнивую и праздную, веселую и, порой, тоскующую, что она никому не нужна и никому не можетъ дать счастья.

Маруся далеко не была хороша собой. Черты ея лица были неправильны, но въ немъ—этомъ подвижномъ, выразительномъ лицѣ, съ родинками на щекахъ, съ круглымъ, нѣжнымъ подбородкомъ и рядомъ мелкихъ зубовъ, виднѣвшихся изъ полураскрытыхъ сочныхъ губъ—и особенно въ большихъ глазахъ, опушенныхъ длинными рѣсницами, было что-то манящее, мягкое и въ то же время насмѣшливо-лукавое и самоувѣренное.

Вершининъ сознавалъ унизительную мучительность своей жизни, отравленной постоянной ревностью, но онъ все забывалъ, все прощалъ изъ за счастья обладанія своей Марусей.

Порою онъ приходилъ въ ужасъ при мысли, что жена его не любитъ и во время его лѣтнихъ плаваній занимается съ кѣмъ-нибудь флиртомъ такъ же охотно, какъ занималась и съ нимъ, когда онъ былъ женихомъ. И тогда у него закрадывалась даже мысль оставить жену.

Но достаточно было ея улыбки, ея взгляда, полнаго ласки и нѣги, и Вершининъ, котораго всѣ знали какъ человѣка сильной воли и рѣшительнаго характера, дивился, какъ могла притти ему въ голову такая дикая мысль. И онъ не только не думалъ объ оставленіи жены, но не спрашивалъ никакихъ объясненій, скрывая въ тайнѣ свои муки ревности.

И что это была за каторга—видѣть въ домѣ у себя постоянно поклонниковъ жены, видѣть, какъ она оживаетъ съ приходомъ гостей, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мужа: нравится ли ему это или нѣтъ?

Вершининъ зналъ, что Маруся любила, чтобы за нею ухаживали, и не только ухаживали, но чтобы влюблялись въ нее основательно, и охотно слушала признанія, вызванныя ея же кокетствомъ, далеко не разборчивымъ. Ея тщеславію льстило поклоненіе, и когда влюбленный, которому она какъ будто подавала какія-то надежды вмѣстѣ съ молчаливымъ позволеніемъ цѣловать ея красивыя, надушенныя руки, окончательно терялъ голову, ей доставляло удовольствіе мучить своего поклонника, жалѣя его и говоря, что она никакъ не ожидала, что это „серьезно", и что сама она нисколько не увлечена.

— И вы лучше сдѣлаете, если перестанете ходить ко мнѣ... Простите, если невольно причинила вамъ непріятность!—оканчивала обыкновенно Маруся, когда поклонникъ начиналъ предъявлять дерзкія требованія или начиналъ надоѣдать ей своимъ глупымъ видомъ, какой обыкновенно бываетъ у влюбленныхъ.

Такое отношеніе къ людямъ возмущало Вершинина. Онъ зналъ, что одинъ недалекій мичманъ чуть было не пустилъ себѣ пулю въ лобъ изъ за Маруси, а одинъ женатый солидный капитанъ 1-го ранга запилъ горькую.

Вершининъ пробовалъ съ ней говорить объ этомъ. Она, смѣясь, объясняла его негодованіе ревностью. Она не виновата, что въ нее влюбляются и что находятся сумасшедшіе, готовые стрѣляться или пьянствовать. А ей интересно наблюдать людей. Что въ этомъ дурного?

— Или ты хочешь меня держать взаперти, чтобы я никого не видѣла?—иронически спрашивала Маруся и прибавляла:— Тогда я сбѣгу отъ тебя... Люби меня, какая я есть, или брось меня, если, по твоему, я гадкая.

И она глядѣла на мужа вызывающе-обворожительнымъ взглядомъ.

Тотъ покорно смолкалъ, увѣряя ее въ своей любви.

— Еще бы ты смѣлъ не любить!—властно говорила Маруся съ торжествующей улыбкой и милостиво протягивала губы.

По временамъ въ голову Вершинина закрадывалась мысль, что у жены есть любовникъ.

И онъ пытливо заглядывалъ въ ея глаза. Но ея „русалочные“ глаза не разрѣшали сомнѣній и ничего не говорили. Она хоть и не выказывала мужу знаковъ особенно-нѣжной любви, но всегда была съ нимъ мила, ласкова, внимательна и не противилась его ласкамъ.

И Вершининъ снова вѣрилъ и думалъ, что его жена, по крайней мѣрѣ, не измѣняетъ ему, и онъ одинъ пользуется счастьемъ ласкать свою Марусю.

Но какое-нибудь холодно-равнодушное замѣчаніе въ отвѣтъ на его горячія признанія, усталый, скучающій взглядъ при немъ и оживленіе при другихъ, и Вершининъ еще зорче слѣдилъ за Марусей и, казалось, тѣмъ болѣе ее любилъ, чѣмъ менѣе былъ въ ней увѣренъ.

Дѣтей у нихъ не было. И это огорчало Вершинина.

„Будь дѣти, она не вела бы такой праздной, пошлой жизни, не проводила бы цѣлыхъ дней въ болтовнѣ съ поклонниками, кокетничая съ ними!“ не разъ думалъ Вершининъ.

Когда на нее находили припадки тоски, и онъ видѣлъ эти грустные, казалось, полные отчаянія, глаза, онъ безконечно жа-

лѣлъ жену и придумывалъ, чѣмъ бы занять ее, чѣмъ наполнить ея жизнь. Въ ту пору возбужденія, охватившаго общество, мало ли было дѣла!

И Вершининъ какъ-то предложилъ Марусѣ заниматься въ воскресной школѣ.

Она удивленно взглянула на него и не безъ иронической нотки въ голосѣ кинула:

— Исправлять меня хочешь?

— Занять тебя чѣмъ-нибудь хочу, Маруся.

— Развѣ я на что-нибудь способна?

— Ты? Моя умница?

— А ты развѣ во мнѣ умницу цѣнишь, Сергѣй?

— Еще бы!

— Едва ли!—промолвила она въ какомъ-то грустномъ раздумьи.—И не поздно?—прибавила она.

— Что поздно?

— Пріурочить меня къ какому-нибудь дѣлу?

— Попробуй, Маруся! Попробуй, родная!—съ необыкновенной нѣжностью говорилъ Вершининъ.

— И ты думаешь, что отъ этого ты будешь счастливѣе?—спросила Маруся, взглядывая на мужа взглядомъ, въ которомъ было больше жалости чѣмъ любви.

— Я и безъ того счастливъ, Маруся... А вотъ ты...

— Я не жалуюсь!—перебила молодая женщина.

И, минуту спустя, проговорила:

— Что жъ... Попробуемъ воскресную школу...

Она въ началѣ ретиво принялась за дѣло, но скоро ей это надоѣло.

— Скучно. Не захватываетъ всю!—объяснила она мужу.—И ничего путнаго изъ меня не выйдетъ!

И снова вела прежнюю жизнь: читала французкіе романы, проводила время съ поклонниками, искала развлеченій, пока не наступали дни, когда она, словно бы понимая пустоту своей жизни и свою безвольность, хандрила одна въ своемъ уютномъ кабинетѣ, не принимая никого.

Но проходилъ день, другой, и Маруся становилась прежней легкомысленной женщиной, главное занятіе которой была игра съ поклонниками, при чемъ не было даже и особенно тщательнаго выбора. Кружокъ молодыхъ людей, бывавшихъ у Маруси, былъ далеко не блестящій. Зато Маруся играла въ немъ первенствующую роль по своему уму, и это ея тѣшило.

Вершининъ часто запирался къ себѣ въ кабинетъ и терзался ревностью въ одиночествѣ. Эти вѣчные гости, это торчаніе какого-нибудь мичмана съ утра до вечера возмущали его, но онъ

молчалъ, зная, что малѣйшее его замѣчаніе будетъ принято женой, какъ стѣсненіе ея свободы и какъ ревность, и Маруся, чего добраго, оставитъ его.

Въ послѣднее время къ Вершининымъ сталъ ходить мичманъ Огнивцевъ, имѣвшій въ Кронштадтѣ репутацію либерала, умницы и литератора. Онъ напечаталъ въ одномъ журналѣ горячую статейку о позорѣ тѣлеснаго наказанія, за которую отсидѣлъ двѣ недѣли на гауптвахтѣ и обратилъ на себя вниманіе. Маруся увидала его на вечерѣ въ клубѣ, попросила представить его себѣ и пригласила бывать. Вершининъ, знавшій Огнивцева, радъ былъ этому знакомству.

— По крайней мѣрѣ, не глупый молодой человѣкъ и славный... Только горячка!..—говорилъ онъ женѣ.

III.

Огнивцевъ при первомъ же визитѣ началъ съ того, что сталъ громить отсталость молодой женщины. Не безъ несмѣшливой бойкости и не безъ пылкаго краснорѣчія, значительно подогрѣтаго вѣроятно, привлекательностью Маруси, доказывалъ онъ пустоту ея жизни въ такое время, когда всѣ должны жить сознательно и приносить пользу освобожденному народу по мѣрѣ своихъ силъ, и, разумѣется, совѣтовалъ прежде всего быть развитой женщиной и для этого читать хорошія книжки.

Хотя онъ былъ нѣсколько дерзокъ, этотъ двадцатипятилѣтній, жизнерадостный, пригожій, безбородый мичманъ съ темнорусыми, кудреватыми волосами, маленькими усиками, живыми, какъ у мышенка, карими глазами и съ такимъ запасомъ здоровья, силъ и надеждъ, съ такою вѣрою въ скорое наступленіе на землѣ царства правды, добра и всеобщаго благополучія, что хоть отбавляй,—тѣмъ не менѣе Маруся не только не разсердилась на мичмана за то, что онъ ей наговорилъ дерзостей, не сказавши ни одного комплимента, и за то, что онъ безбожно надымилъ въ гостиной, куря папироску за папироской, а, напротивъ, обрадовалась новому, не глупому гостю, живому, увлекающемуся и, казалось, искреннему, и когда онъ, просидѣвши почти часъ, не переставая болтать на цивическія темы, сорвался съ мѣста такъ же стремительно, какъ и сѣлъ, Маруся подарила мичмана чарующимъ взглядомъ и, крѣпко пожимая его руку, просила его почаще заходить, когда вздумается.

— Если только вы не боитесь соскучиться съ такою отсталой женщиной, какъ я!—прибавила она съ лукавой улыбкой.

— Если будетъ время... Я много занимаюсь... Читаю!—проговорилъ мичманъ умышленно рѣзко, хотя и очень обрадовался

приглашенію, представлявшему ему новый случай пропагандировать свои идеи да еще такой... такой...

— Такой обворожительной ретроградкѣ, чортъ ее возьми!— мысленно прибавилъ Огнивцевъ, нѣсколько поспѣшно награждая новую свою знакомую презрительной кличкой и стремительно уходя изъ гостинной.

Время конечно нашлось у мичмана, и дня черезъ три послѣ перваго визита, въ тридцатый день января 1867 года онъ снова пришелъ и, просидѣвъ цѣлый вечеръ ушелъ съ убѣжденіемъ, что Марья Николаевна не такая „отсталая", какъ онъ заключилъ съ перваго раза, и что изъ нея можетъ выдти „настоящій человѣкъ". Вмѣстѣ съ этимъ, такимъ же скоропалительнымъ заключеніемъ, Огнивцевъ нашелъ, что у Марьи Николаевны какіе-то особеные глаза, словно ласкающіе и въ то же время смѣющіеся. Взглянетъ, такъ точно ожгетъ, а потомъ холодной водой обольетъ...

— Набалованная... Воображаетъ!.. Видно, только амуры въ головѣ!—не безъ презрѣнія къ такому пустому занятію проговорилъ вслухъ мичманъ, возвратившись къ себѣ домой, въ маленькую комнатку, нанимаемую у одной сорокалѣтней вдовы, которую безпокойный мичманъ тоже пробовалъ было сдѣлать „настоящимъ человѣкомъ", по крайней мѣрѣ на столько, чтобы она не пилила съ утра до вечера безотвѣтную горничную. Но, не добившись никакого толка, назвалъ ее „сытой коровой", обѣщалъ обличить въ газетахъ и подать жалобу къ мировому, если она не перестанетъ обижать Аннушку.

Послѣ перваго вечера, проведеннаго съ Марусей, мичманъ „зачастилъ" къ Вершининымъ и сталъ, какъ тогда говорили, „развивать" молодую женщину съ усердіемъ истиннаго пропагандиста. Онъ ходилъ къ Марусѣ ежедневно, просиживалъ цѣлые дни, сталъ своимъ человѣкомъ и внесъ въ эту атмосферу довольно пошлыхъ разговоровъ, ухаживанія и любовныхъ признаній, свѣжую струю совсѣмъ другого воздуха. Какъ-то незамѣтно онъ разогналъ цѣлую стайку поклонниковъ Марьи Николаевны, которымъ при рѣчистомъ мичманѣ невольно приходилось молчать, чтобы не быть поднятыми на смѣхъ или не особенно двусмысленно быть названными въ спорѣ идіотами, ретроградами, тупоголовыми и тому подобными эпитетами, въ которыхъ мичманъ не стѣснялся, коль скоро дѣло шло о какомъ-нибудь близкомъ его сердцу общественномъ или этическомъ вопросѣ.

И Марья Николаевна, заинтересованная этой вѣрой и жизнерадостностью Огнивцева, не удерживала своихъ поклонниковъ и довольно безсердечно отвернулась отъ нихъ, обративъ свое исключительное вниманіе на Огнивцева.

Обрадовался новому знакомству и Вершининъ. По крайней

мѣрѣ, умный человѣкъ ходитъ и не для того, чтобы пялить на Марусю глаза и говорить пошлости. И на Марусю Огнивцевъ долженъ имѣть хорошее вліяніе, и оно ужъ сказалось: постоялаго двора больше въ квартирѣ нѣтъ. И Маруся стала будто серьезнѣе.

Такъ думалъ Вершининъ и относился очень дружески къ Огнивцеву, считая его вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ для того, чтобы ухаживать за чужой женой. Да и высказываемые имъ взгляды не вязались съ этимъ.

И Вершининъ отдыхалъ теперь отъ ревности и, не боясь оставлять вдвоемъ жену съ Огнивцевымъ, уходилъ иногда по вечерамъ играть въ клубъ.

А Огнивцевъ говорилъ въ это время горячіе монологи о задачахъ жизни, читалъ Марусѣ „Современникъ", „Русское Слово", Фохта, Бюхнера, Молешотта и „Рефлексы головного мозга", доказывалъ—и даже въ присутствіи Сергѣя Михайловича—что бракъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ, отжившее учрежденіе, совѣтовалъ Марьѣ Николаевнѣ открыть переплетную мастерскую на артельныхъ началахъ или—и того лучше—подготовиться основательно и ѣхать за границу изучать медицину и довольно скоро, какъ и подобало двадцатипятилѣтнему мичману, влюбился въ Марусю, послѣ чего еще высокомѣрнѣе и категоричнѣе сталъ утверждать, что любовь, собственно говоря, ерунда, простое влеченіе половъ для размноженія человѣческаго рода (Огнивцевъ только что прочиталъ Шопенгауера), и что разумно мыслящіе люди не должны страдать отъ любви, какъ она описывается въ романахъ, и быть выше этого „глупаго времяпрепровожденія". Служеніе честному дѣлу—вотъ главная задача жизни, и онъ, мичманъ Огнивцевъ, Борисъ Константиновичъ Огнивцевъ, никогда не „втемяшится съ сапогами" хотя бы въ самую Клеопатру Египетскую, не станетъ страдать отъ любви и не попадетъ въ рабство къ женщинѣ, какъ какой-нибудь болванъ!—прибавлялъ мичманъ, довольно любопытно однако поглядывая украдкой своими мышиными живыми глазами на красивую руку Марьи Николаевны съ обручальнымъ кольцомъ на третьемъ пальцѣ и съ рубиномъ на мизинцѣ.

— Никогда-съ. Сдѣлайте ваше одолженіе!—рѣшительно восклицалъ онъ съ особенной горячностью, точно оспаривая какого-то невидимаго опонента.

Молодая женщина слушала и, лукаво улыбаясь, замѣчала:

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Увѣренъ.

— И никогда не влюблялись?

— Влюблялся недѣли на двѣ и потомъ...

— Потомъ влюблялись въ другую?..

— Случалось... Но вообще я никогда не придавалъ серьезнаго значенія этимъ глупостямъ... Есть дѣла посерьезнѣе, чѣмъ любовь.

И, словно бы въ доказательство своихъ категорическихъ положеній, мичманъ не обмолвился даже намекомъ на признаніе, не „пялилъ“ на молодую женщину глазъ, ни разу не поцѣловалъ ея красивой руки, хотя удобные случаи къ тому и были—и, продолжая себѣ читать хорошія книжки и говорить горячія рѣчи, повидимому, рѣшительно хотѣлъ остаться разумно-мыслящимъ человѣкомъ и не попасть въ рабство къ этой воображающей о себѣ барынѣ.

IV.

Такъ прошелъ мѣсяцъ.

Подобное геройское поведеніе Огнивцева рѣшительно удивляло Марусю и даже задѣвало ее за живое, словно бы Огнивцевъ проявилъ относительно нея неслыханную и неожиданную дерзость.

Въ самомъ дѣлѣ это было что-то невѣроятное.

Обыкновенно, почти всѣ, знакомившіеся съ Марьей Николаевной, черезъ недѣлю дѣлались ея военноплѣнными, а на вторую уже глупѣли, вздыхали, писали довольно глупые стихи, дѣлали признаніе и, при малѣйшей возможности, цѣловали руки, а этотъ проповѣдникъ и чтецъ, считающій любовь глупымъ времяпрепровожденіемъ, дѣйствительно воображаетъ, что онъ неуязвимъ и не можетъ „втемяшиться съ сапогами“... Скажите, пожалуйста!

И Маруся съ обычнымъ своимъ мастерствомъ и легкомысліемъ тщеславной женщины принялась „обработывать“ уже и безъ того обработаннаго, но крѣпившагося въ своихъ теоритическихъ взглядахъ мичмана.

Краснорѣчивые взгляды „русалочныхъ“ глазъ, порой грустные и задумчивые, порой ласковые, манящіе, что-то обѣщающіе... Сочувственныя реплики на восторженныя рѣчи... Загадочное молчаніе... Внезапная порывистость... Нечаянно срывавшіяся слова восхищенія умомъ мичмана... Платья съ легкимъ вырѣзомъ. Красивыя позы во время лежанія на кушеткѣ по случаю легкаго нездоровья и... ко всему этому, быть можетъ, и маленькое увлеченіе мичманомъ во время этой травли...

Мичманъ все еще держалъ себя съ мужествомъ героя, стараясь не обнаружить своего чувства къ этой, еще недавно „отсталой“ женщинѣ, которую онъ теперь уже считалъ умной и отзывчивой ко всему хорошему и честному... Но, тѣмъ не менѣе, эти чарующіе взгляды, это явно выказываемое сочувствіе, это загадочное молчаніе заставляли мичмана по временамъ дѣлаться

дѣйствительно отчаяннымъ „подлецомъ", то-есть, забывать о будущемъ переустройствѣ вселенной и о трехъ мальчишкахъ, которыхъ онъ сталъ неаккуратно обучать грамотѣ, и отвратительно, словно бы у него пересохло въ горлѣ, читать „Рефлексы головного мозга" и вмѣсто „рефлексовъ" думать объ этихъ большихъ сѣрыхъ глазахъ, считая высшимъ въ мірѣ счастьемъ любить Марусю и быть ею любимымъ и, по временамъ, испытывая безумное желаніе цѣловать и эти глаза, и эти маленькія руки съ длинными, тонкими пальцами, и эти полураскрытыя алыя губы, прелесть которыхъ онъ замѣтилъ только недавно, за что и называлъ себя добросовѣстно „болваниссимусомъ."

И Маруся уже не безъ нетерпѣнія ждала признанія, когда, въ одинъ изъ мартовскихъ вечеровъ, Огнивцевъ особенно скверно читалъ статью Добролюбова и, прерывая чтеніе, взволнованно курилъ папиросу за папиросой, взглядывая строго, рѣшительно и пытливо на молодую женщину, сидѣвшую въ двухъ шагахъ отъ него на отоманкѣ въ капотѣ и въ туфелькахъ на ногахъ.

Мужа дома не было, и Марья Николаевна почти не сомнѣвалась, что мичманъ, который такъ отвратительно читаетъ въ ея присутствіи и такъ рѣшительно на нее взглядываетъ, воспользуется такимъ удобнымъ случаемъ, чтобы высказать ей все то, что, очевидно, онъ до сихъ поръ скрывалъ.

И, какъ бы поощряя его къ откровенности, она проговорила, даря мичмана тѣмъ загадочнымъ взглядомъ, полнымъ чаръ, который, по опредѣленію Огнивцева, способенъ былъ „спалить человѣка" и подавать ему нѣкоторыя надежды.

— Вы сегодня скверно читаете, Борисъ Константиновичъ.

— Да... Въ горлѣ першитъ что-то... Вѣрно простудился немного, Марья Николаевна!

— Такъ бросьте читать.

— Но надо докончить... Статья вѣдь какая!..

— Завтра окончимъ, а теперь лучше поболтаемъ...

— Чтожъ... я съ большимъ удовольствіемъ...

Но, не смотря на „большое удовольстіе", Огнивцевъ, обыкновенно болтавшій за двоихъ, теперь рѣшительно не находилъ словъ и неистово курилъ съ рѣшительнымъ по прежнему видомъ.

Зато молодая женщина болтала теперь безъ умолку. Она говорила и о томъ, какая хорошая статья Добролюбова, и о томъ, какъ ей надо еще много учиться и читать, и о томъ, что послѣ завтра она поѣдетъ въ Петербургъ въ итальянскую оперу („Быть можетъ, и вы поѣдете?") и, какъ-то незамѣтно перейдя въ задушевный тонъ, выразила свое удовольствіе, что познакомилась съ такимъ умнымъ и развитымъ человѣкомъ, какъ Борисъ Константинычъ.

И, замѣтивъ, какъ „умный и развитой“ Борисъ Константиновичъ вспыхнулъ отъ удовольствія отъ такой похвалы, прибавила:

— Съ вами никогда не бываетъ скучно, Борисъ Константинычъ... Съ вами умнѣе становишься, Борисъ Константинычъ... И вся праздная моя жизнь кажется такою пустой... И я такъ рада, если мы съ вами будемъ друзьями, Борисъ Константинычъ... Съ вами вѣдь можно дружить, не боясь, что вы серьезно влюбитесь или какъ это вы говорили... Такое смѣшное слово?..

— Втемяшусь!—добросовѣстно подсказалъ Огнивцевъ...

— Именно... Вѣдь вы отрицаете такое глупое времяпровожденіе? Не правда-ли?

— Отрицаю!—какъ-то нерѣшительно на этотъ разъ промолвилъ мичманъ.

— И отлично. Значитъ, мы будемъ друзьями. Хотите?

И, не дожидаясь согласія, она протянула Огнивцеву руку и взглянула на мичмана, словно бы приласкала его взглядомъ своихъ бархатныхъ глазъ.

Огнивцевъ такъ сжалъ маленькую руку Марьи Николаевны, что она чуть было не вскрикнула и отъ боли, и, быть можетъ, отъ изумленія, что онъ не поцѣловалъ руки.

Но изумленіе ея увеличилось, когда Огнивцевъ, точно полоумный, сорвался съ кресла и, походивъ взадъ и впередъ по гостиной, остановился передъ молодой женщиной и взволнованно спросилъ:

— Марья Николаевна! Вы любите своего мужа?

Никакъ не ожидавшая такого вопроса, молодая женщина на секунду растерялась и молчала.

— Вы любите Сергѣя Николаевича?—снова спросилъ мичманъ.

— Что за странный вопросъ?

— Вы не хотите отвѣтить?

— Да зачѣмъ вы вдругъ спросили объ этомъ?

— Мнѣ необходимо это знать!—не безъ нѣкоторой торжественности проговорилъ рѣшительно и рѣзко молодой мичманъ.

— И даже необходимо?—смѣясь, повторила Маруся.

И послѣ паузы, во время которой успѣла прочесть въ глазахъ мичмана мучительное нетерпѣніе, промолвила какъ-то загадочно:

— Любовь—понятіе относительное.

И прибавила:

— Ну, положимъ, люблю. Вамъ-то что до этого?

— Мнѣ??.

О какъ бы хотѣлось ему, этому самому мичману, уже втайнѣ питавшему къ Вершинину ревнивую злобу, сказать этой маленькой

женщинѣ, что ему до „этого" большое дѣло, огромное дѣло, но вмѣсто того онъ на секунду притихъ и, наконецъ, проговорилъ:

— Разумѣется, мнѣ до этого нѣтъ, собственно говоря, никакого дѣла... И вы извините меня, Марья Николаевна... Дѣйствительно, глупый, нелѣпый вопросъ... Развѣ вы жили бы съ человѣкомъ, котораго не любите... Вѣдь это было бы ужасно! Это вѣдь...

Онъ чуть было не прибавилъ, что быть женой нелюбимаго мужа позорно, но вѳ-время прикусилъ языкъ и, взволнованный и поблѣднѣвшій, хотя и старавшійся сохранить отважный видъ, сѣлъ снова въ кресло и не безъ нѣкоторой даже развязности проговорилъ:

— Такъ, если позволите, я буду читать, Марья Николаевна.

— Не запершитъ ли у васъ опять въ горлѣ, Борисъ Константиновичъ?—участливо замѣтила Маруся...

— Не бойтесь.

— Ну такъ я не позволю. Вы задѣли мое любопытство. Вы мнѣ скажите, зачѣмъ вы спрашивали, люблю ли я мужа? Слышете ли? Я хочу знать. Мнѣ тоже это необходимо!.. — значительно прибавила она.

— Не спрашивайте, Марья Николаевна! Вы любите мужа и... шабашъ!

— Ну, а еслибъ я не любила мужа, какъ слѣдуетъ, по настоящему... Еслибъ я только его терпѣла. Что бы тогда? — вдругъ кинула Маруся, понижая голосъ.

— Если бы... Мало, что было, если бы...

— Но вы скажите... Вѣдь мы друзья?.. Такъ скажите...

— Вы непремѣнно этого хотите?

— Хочу.

— Тогда я сказалъ бы вамъ, что люблю васъ. И если бы вы могли отвѣтить на мою любовь любовью я сказалъ бы: оставьте мужа и со мной начните новую жизнь! — восторженно и рѣшительно проговорилъ Огнивцевъ, взглядывая на Марусю благоговѣйно-влюбленнымъ взоромъ.

— Однако, вы... вы стремительны, Борисъ Константинычъ... И это говорите вы? Вы, отрицающій любовь? Вы, который никогда не втемяшитесь? Я не повѣрила бы вамъ.

— А хотѣли бы повѣрить?

— Почему же нѣтъ?—уронила Маруся.

— И могли бы полюбить меня? Отвѣтьте: могли бы?

Маруся ничего не отвѣчала, но торжествующая смотрѣла на Огнивцева такимъ ласкающимъ взглядомъ, что мичманъ, опьяненный и обнадеженный имъ прочелъ въ немъ то, что ему такъ хотѣлось, и сталъ говорить, что онъ только теперь понялъ, какой

онъ былъ идіотъ, отрицая любовь, чтъ онъ съ первой встрѣчи влюбился въ Марію Николаевну, что онъ любитъ ее до безумія, что онъ...

Но онъ не окончилъ рѣчи, хоть и хотѣлъ еще много, много сказать.

Совсѣмъ опьянѣвшій отъ этого, полнаго нѣги и вызова, взгляда, онъ уже сидѣлъ рядомъ на диванѣ съ Марусей и, вѣроятно, желая окончательно убѣдить ее въ своей горячей любви, сталъ осыпать поцѣлуями ея руки.

Она ихъ не отнимала, и мичманъ вдругъ оставилъ ихъ и дерзко прильнулъ къ ея губамъ.

Повидимому, молодая женщина не ожидала такой удивительной смѣлости и такого быстраго перехода отъ руки къ губамъ, особенно отъ человѣка, который только что говорилъ, что любовь ерунда. Но онъ такъ искренно отрекся отъ своего заблужденія и онъ такъ пригожъ былъ этотъ молодой, жизнерадостный мичманъ, что Маруся не успѣла даже настолько разсердиться, чтобы оттолкнуть его отъ себя и не только не противилась безумнымъ поцѣлуямъ, но и сама цѣловала мичмана.

И только тогда вырвалась изъ его крѣпкихъ объятій, когда, наконецъ, увидала, что мичманъ готовъ совсѣмъ потерять голову.

— Довольно. Уходите... Уходите!—шепнула она и благоразумно поднялась съ дивана и отошла на другой конецъ гостиной.

Еще одинъ прощальный и „мирный“ на честное слово поцѣлуй, и Огнивцевъ ушелъ счастливымъ, отравленнымъ и далеко не „мыслящимъ“ человѣкомъ.

Такъ прошла недѣля, другая. Когда Вершининъ былъ дома, мичманъ читалъ и украдкой бросалъ на Марусю влюбленные взоры, а когда мужа не было дома, Огнивцевъ говорилъ о любви и доказывалъ ее горячими поцѣлуями.

Но совѣсть его мучила, и терзала ревность къ мужу. А главное, надо же скорѣе покончить и начать новую жизнь. Хотя Маруся, при напоминаніи о новой жизни, отвѣчала неопредѣленно, но для мичмана не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ любимъ и что она желаетъ новой жизни.

И вотъ однажды, вечеромъ, послѣ порціи поцѣлуевъ онъ рѣшительно объявилъ Марусѣ, что пользоваться дальше краденымъ счастьемъ онъ не можетъ. Надо объявить мужу. Если Марья Николаевна не рѣшается, то онъ самъ завтра утромъ скажетъ Сергѣю Николаевичу.

— О чемъ?—изумленно и испуганно спросила Маруся.

— Какъ о чемъ? О томъ, что мы любимъ другъ друга, и поэтому вашъ мужъ долженъ отстраниться...

— Но развѣ я говорила, что васъ люблю настолько, чтобы бросить мужа... Съ чего вы это взяли?

Мичманъ замеръ отъ изумленія.

— Вы мнѣ нравитесь, лгать не стану... Я виновата, передъ вами, что могла ввести васъ въ заблужденіе, допустить то, чего не слѣдовало... Простите, Борисъ Константиновичъ! Но ломать всю жизнь, сдѣлать несчастнымъ человѣка, который такъ любитъ меня... Борисъ Константиновичъ! Вы вѣдь умный человѣкъ, и кромѣ того, человѣкъ съ характеромъ... Увлеченіе ваше скоро пройдетъ. Вѣдь есть дѣла посерьезнѣе любви. И вы простите меня, не правда ли?

Огнивцевъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Такъ значитъ... значитъ все... кончено!—упавшимъ голосомъ проговорилъ онъ.

— То-есть, что кончено?.. Вы знаете, я расположена къ вамъ... Я люблю съ вами болтать... Останемся друзьями и приходите ко мнѣ...

— Вы смѣетесь? Прощайте совсѣмъ, Марья Николаевна.

— Совсѣмъ? Значитъ, вы меня больше не хотите видѣть?..

И Маруся опять ожгла мичмана своимъ взглядомъ.

— Не хочу видѣть!?.

И мичманъ снова сталъ говорить о своей любви съ отвагой отчаянія человѣка, спасающаго свою жизнь, и такъ горячо, такъ страстно, что Маруся снова внимала этимъ прельстительнымъ рѣчамъ съ такимъ участіемъ, все лицо ея снова дышало такой радостью и глаза снова такъ нѣжно глядѣли на мичмана, что онъ малодушно попросилъ на прощанье послѣдній поцѣлуй.

И ему дали его. И онъ былъ такой долгій, былъ полонъ такой отравы этотъ послѣдній поцѣлуй, что мичманъ готовъ былъ, казалось, заплакать, когда Маруся, наконецъ, отвела свое закраснѣвшееся лицо...

— Прощайте, Марья Николаевна!—проговорилъ Огнивцевъ, почти выбѣгая изъ гостиной.

— Такъ вы, значитъ, болѣе не придете, Борисъ Константиновичъ?—бросила ему Маруся изъ передней.

— Отъ васъ зависитъ...

Маруся только усмѣхнулась.

— Вы, Марья Николаевна, играете, что ли, со мной?.. Совсѣмъ прощайте!

— Такъ ли? Пожалуй, завтра же придете?—вызывающе кинула Маруся.

— Вы увѣрены?

— Почти.

— Напрасно... Или все, или ничего! Слышите?—въ свою очередь крикнулъ Огнивцевъ.

— Ничего!? Развѣ вамъ мало того, что вы называете „ничего"? Неблагодарный! Такъ не приходите больше. Я не желаю васъ видѣть. Я ошиблась въ васъ.

— А я въ васъ... И не приду. Прощайте!

— Прощайте!—сухо проговорила Маруся.

Огнивцевъ стукнулъ дверями и возвратился домой возмущенный, печальный и еще болѣе влюбленный въ женщину, которая, по его мнѣнію, такъ безсердечно поступила съ нимъ, не соглашаясь начать съ нимъ новую жизнь.

Нѣсколько разъ послѣ того онъ подходилъ къ дому, гдѣ жила „эта женщина", но самолюбіе мѣшало ему войти къ Марусѣ, и онъ возвращался. Наконецъ, чтобы скорѣе побороть свою любовь, онъ уѣхалъ въ мѣсячный отпускъ, въ Тамбовскую губернію, къ старой теткѣ. Отецъ и мать Огнивцева давно умерли, и тетка была его самой близкой и любимой родственницей.

Когда однажды онъ разсказалъ ей, почему пріѣхалъ въ деревню, старая, умная тетка, выслушавъ его исповѣдь, сказала ему:

— И умно сдѣлалъ. Эта женщина никогда не любила и никого не полюбитъ. Она только себя любитъ. И моли Бога, Боря, что все такъ хорошо окончилось... Такія исковерканныя женщины счастья не даютъ... Онѣ только дурманятъ людей. Это—пустоцвѣты!

— Что это Огнивцева давно не видно?—спросилъ вскорѣ послѣ послѣдняго визита Огнивцева Вершининъ жену.

— А не знаю... Видно, надоѣло ходить...

— Ужъ не влюбился ли въ тебя?.. И какъ порядочный человѣкъ...

— У тебя вѣчно одно на умѣ!—раздраженно перебила Маруся...

Она въ самомъ дѣлѣ была раздражена и немного скучала безъ своего „неистоваго" мичмана. Почти увѣренная, что онъ придетъ, она была удивлена, что онъ не идетъ, и черезъ недѣлю поѣхала на балъ въ собраніе, надѣясь тамъ встрѣтить Огнивцева и... снова заставить его бывать у нея. Но Огнивцева въ клубѣ не было. Знакомые офицеры сказали ей, что мичманъ внезапно уѣхалъ въ отпускъ.

Маруся была изумлена, нѣсколько времени похандрила и въ эти дни была нервна и особенно холодна съ мужемъ. Вершининъ это замѣтилъ и мысленно благодарилъ Огнивцева за его отъѣздъ.

Назначеніе „Чародѣйки" въ дальнее плаваніе было неожиданностью для Вершинина. „Чародѣйку" посылали вмѣсто другого, прежде назначеннаго въ кругосвѣтное плаваніе, только что

выстроеннаго клипера, который оказался на пробѣ неудачнымъ и требующимъ серьезныхъ исправленій.

Отказаться отъ назначенія было немыслимо. Все, что̀ могъ сдѣлать Вершининъ, это заручиться обѣщаніемъ высшаго морского начальства, что ему разрѣшатъ вернуться въ Россію годомъ раньше.

Нечего и говорить, какъ тяжело было Вершинину разставаться съ женой. Два года разлуки! Мало ли что можетъ случиться съ такой легкомысленной женщиной!

Его, впрочемъ, утѣшала мысль, что Маруся эти два года будетъ жить не одна въ Кронштадтѣ, а въ Петербургѣ вмѣстѣ съ матерью и отцомъ, старымъ адмираломъ. И кромѣ того, Вершининъ замѣтилъ, что послѣ того, какъ Огнивцевъ уѣхалъ, жена какъ будто стала нѣсколько серьезнѣе и не окружала себя поклонниками, какъ прежде.

А Огнивцевъ, вернувшись изъ отпуска, ни разу не заглянулъ къ Марусѣ. Назначенный по личной своей просьбѣ на „Чародѣйку", онъ усердно работалъ на клиперѣ и только за нѣсколько дней до ухода клипера пріѣхалъ къ Марусѣ съ визитомъ въ то время, когда мужъ былъ дома. Онъ просидѣлъ нѣсколько минутъ и, казалось Марусѣ, былъ нѣжно грустенъ и говорилъ, противъ обыкновенія, мало.

Когда, въ день ухода „Чародѣйки", Маруся пріѣхала на клиперъ, Вершининъ замѣтилъ какъ нѣжно и ласково смотрѣла Маруся на Огнивцева, разговаривая съ нимъ долѣе, чѣмъ, казалось бы, слѣдовало женѣ, пріѣхавшей провести послѣднія минуты съ мужемъ.

Но онъ не показалъ и виду, что это его глубоко обидѣло и въ послѣднюю минуту разставанія, когда на клиперѣ гудѣли пары, и якорь уже былъ поднятъ, долго, любовно и пытливо заглянулъ въ русалочные глаза Маруси и, крѣпко сжимая ея руку, съ необыкновенной серьезностью проговорилъ:

— Помни, родная моя, объ одномъ: я никакой правды не боюсь. Я только обмана боюсь. Я люблю тебя, Маруся, больше жизни и умоляю тебя: если полюбишь кого-нибудь—напиши. Я стѣснять тебя не буду. Дамъ разводъ.

Маруся взглянула на мужа тоскующимъ взглядомъ. Этотъ взглядъ словно и ласкалъ, и жалѣлъ.

— Будь покоенъ, Сережа, я тебя не обману. Если бы случилось что-нибудь серьезное, я напишу.

И со своей властной манящей улыбкой протянула губы.

Вершининъ прильнулъ къ нимъ, долго не отрывался и наконецъ, сдерживая подступающія слезы, шепнулъ:

— Прощай, прощай, Маруся, моя любимая, моя ненаглядная!

Когда Маруся по сходнѣ перешла на пароходъ, Вершининъ,

поднявшись на мостикъ, долго еще не отрывалъ глазъ отъ любимой женщины.

Наконецъ, клиперъ пошелъ тихимъ ходомъ, и Вершининъ замахалъ фуражкой и не замѣтилъ, что одинъ изъ прощальныхъ кивковъ Маруси былъ направленъ не на мостикъ, а на корму, гдѣ стоялъ Огнивцевъ.

V.

Самыя мрачныя мысли лѣзли въ голову Вершинина по поводу этого конверта. Ему думалось, что Огнивцевъ и жена любятъ другъ друга и что Огнивцевъ пересталъ бывать изъ за того, чтобы обмануть подозрѣнія мужа... Навѣрное они видѣлись въ Петербургѣ.

И при мысли что Маруся была въ объятіяхъ другого—тоска и злоба охватывали его. Онъ вскочилъ съ дивана и заходилъ по каютѣ. Что-то грызло его, мучило, терзало. Ни о чемъ онъ думать не могъ. И онъ словно бы дразнилъ себя, рисуя въ своемъ воображеніи подробности этихъ свиданій... Демонъ ревности не выпускалъ его изъ своихъ когтей и, казалось, хотѣлъ извести его...

И Вершининъ зарыдалъ и между рыданіями повторялъ:

— О подлая! Господи! За что, за что?

Онъ старался увѣрить себя, что онъ ненавидитъ жену, если только его подозрѣнія справедливы, но подозрѣнія не оставляли его и онъ въ то же время чувствовалъ, что не можетъ жить безъ Маруси...

Усталый, бросился, наконецъ, онъ на диванъ и вдругъ въ голову его неожиданно пришла мысль:

„Но тогда зачѣмъ же Огнивцевъ просился въ плаваніе? Безъ меня имъ свободнѣе было бы наслаждаться!"

Это соображеніе нѣсколько успокоило капитана.

— Матвѣевъ!—крикнулъ онъ.

— Есть!—отозвался изъ за дверей громкій голосъ.

И въ ту же минуту въ каюту вбѣжалъ небольшаго роста, худощавый, съ круглой головой, покрытый щетинкой темнорусыхъ волосъ, некрасивый, рябоватый матросъ лѣтъ тридцати, съ рыжими бачками и усами и глазами, доброе выраженіе которыхъ скрашивало некрасивость его лица.

Это былъ вѣстовой Сергѣя Николаевича, жившій у него около семи лѣтъ и привязавшійся къ нему со всей силой своего благодарнаго сердца послѣ того, какъ Вершининъ, раньше служившій на одномъ кораблѣ съ Матвѣевымъ, вызволилъ его, только что поступившаго на службу первогодка, отъ жестокой порки, назначенной за какую-то незначительную служебную оплошность старшимъ офицеромъ, отличавшимся жестокостью въ обращеніи съ матросами.

Этотъ неказистый, робкій матросикъ, испуганный предстоящимъ наказаніемъ, имѣлъ такой страдальческій покорный видъ, съ такимъ отчаяніемъ глядѣлъ своими большими сѣрыми глазами, повторяя вздрагивавшими, побѣлѣвшими губами „Господи, помилуй!“ что Вершинина, бывшаго случайно на бакѣ, гдѣ ужъ наказывали другихъ матросовъ, охватила жалость, и онъ упросилъ старшаго офицера отмѣнить наказаніе.

Вскорѣ послѣ этого онъ взялъ Матвѣева въ вѣстовые и пріобрѣлъ въ немъ смышленаго, честнаго, усерднаго и преданнаго человѣка, который заботился о Вершининѣ съ самой утонченной внимательностью и глядѣлъ ему, что называется, въ глаза. Въ свою очередь, и Вершининъ привязался къ своему вѣстовому.

— Узнай, на клиперѣ ли мичманъ Огнивцевъ, и если на клиперѣ, попроси его ко мнѣ сейчасъ.

— Есть!

Матвѣевъ исчезъ изъ каюты и черезъ минуту докладывалъ капитану, что мичманъ Огнивцевъ въ одинъ секундъ явятся. Только одѣнутся.

— Отдыхалъ онъ, что ли?

— Никакъ нѣтъ, вашескобродіе! Такъ, значитъ, по жаркости. Писали что-то.

„Пишетъ! Вѣрно, ей пишетъ!“ невольно подумалъ капитанъ.

И лицо его мгновенно омрачилось. И жгучее больное чувство ревности охватило его съ новой силой. Подозрѣнія казались несомнѣнной ужасной дѣйствительностью. Жена переписывается съ нимъ!

Матвѣевъ, хорошо изучившій характеръ Сергѣя Николаевича и видѣвшій его необыкновенную „приверженность“ къ женѣ, понималъ причины нерѣдкаго тоскливаго настроенія капитана съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился. Нечего и говорить, что Матвѣевъ жалѣлъ Сергѣя Николаевича, сочувствуя ему всею душой, и питалъ къ Марьѣ Николаевнѣ смѣшанное чувство невольной симпатіи и неодобренія, а подчасъ даже и непріязни—когда, бывало, Сергѣй Николаевичъ очень „заскучивалъ“ и по цѣлымъ часамъ просиживалъ въ своемъ кабинетѣ мрачный, какъ туча.

Барыня всегда была съ Матвѣевымъ ласкова, привѣтлива и необыкновенно заботлива о немъ—всегда, бывало, и на табакъ дастъ, и сахару не забудетъ ему положить, когда сама пила чай, и на водку давала, когда посылала съ какимъ-нибудь порученіемъ. И вообще была добра съ прислугой и какъ-то умѣла возбуждать къ себѣ привязанность.

Но, съ другой стороны, онъ возмущался ея поведеніемъ, и главнымъ образомъ изъ за своего капитана, рѣшительно не понимая, съ чего это ей неймется, и она, какъ выражался Мат-

вѣевъ, „дразнитъ мужчиновъ“ и зря ихъ „обезкураживаетъ“, имѣя такого хорошаго, молодого и, слава Богу, форменнаго красавца-мужа.

Возмущался Матвѣевъ и тѣмъ, что барыня недостаточно любитъ мужа, мало покорна ему и нисколько его не жалѣетъ, видя его отъ нея тоску, и ужъ очень позволяетъ мичманамъ „муслить“ свои руки. Не особенно одобрялъ Матвѣевъ и того, что Огнивцевъ, по его выраженію, „увязался“ было ходить и что капитанъ оставлялъ барыню съ нимъ одну. Особенно это ему не нравилось послѣ того, какъ онъ однажды вошелъ въ гостиную съ какимъ-то докладомъ барынѣ и замѣтилъ, какъ при его появленіи они шарахнулись въ разныя стороны. И онъ очень былъ доволенъ, когда мичманъ Огнивцевъ пересталъ ходить.

„Видно, сперва прикуражила, а потомъ обезкуражила!“—подумалъ вѣстовой и рѣшительно не могъ понять, что за охота барынѣ „облещивать мужчиновъ“ при такомъ мужѣ, какъ Сергѣй Николаевичъ, и въ искренней душевной тревогѣ за своего капитана очень сокрушался, что не даетъ Богъ барынѣ дѣтей.

„Тогда, не бойсь, перестала бы шилохвостить!“

И теперь, замѣтивъ своего капитана въ томъ мрачномъ настроеніи, въ какомъ тотъ часто бывалъ въ Кронштадтѣ, Матвѣевъ сообразилъ, что тутъ опять-таки не безъ „барыниной какой-нибудь штуки“. Вѣрно письмо не ласковое написала или какой-нибудь подлый человѣкъ что-нибудь про барыню написалъ.

И, желая отвлечь Сергѣя Николаевича отъ мрачныхъ думъ, проговорилъ:

— Вольное *) платье прикажете изготовить, вашескобродіе? Можетъ, на берегъ изволите поѣхать—прогуляться. Воздухъ тамъ на острову, сказываютъ, легкій.

— Нѣтъ, братъ, не поѣду. А тебѣ, Матвѣевъ, письма нынче нѣтъ!

Повидимому, вѣстовой довольно спокойно принялъ извѣстіе о томъ, что нѣтъ вѣсточки отъ жены, жившей въ нянькахъ въ Кронштадтѣ.

— Тебя это не безпокоитъ?

— Что безпокоиться, вашескобродіе! Только зря себя нудить да грѣшнымъ дѣломъ можетъ понапрасну обижать бабу дурными мыслями. А это, вашескобродіе неправильно! Вѣрно, письмо потомъ будетъ, вашескобродіе.

Эти слова вѣстового устыдили и въ то же время нѣсколько утѣшили Вершинина, и онъ, улыбнувшись, замѣтилъ:

— Философъ ты, Матвѣевъ, я тебѣ скажу!

---

*) Статское.

— Точно такъ, вашескобродіе! — весело отвѣтилъ матросъ, хотя и не понимавшій, что сказалъ ему капитанъ, но чувствовавшій, что онъ сказалъ что-нибудь хорошее.

Въ эту минуту двери изъ каютъ-компаніи открылись, и въ капитанскую каюту вошелъ мичманъ Огнивцевъ.

Вѣстовой тотчасъ же вышелъ.

При видѣ молодого, свѣжаго, пригожаго мичмана съ возбужденными, искрившимися глазами, Вершинина охватило злобное, скверное чувство негодующаго самца къ счастливому и болѣе молодому сопернику. Онъ преувеличивалъ теперь и привлекательность его живого, выразительнаго лица и обаяніе его молодости и тѣмъ ненавистнѣе становился этотъ человѣкъ, такъ подло воспользовавшійся его довѣріемъ.

„А онъ еще оставлялъ ихъ по вечерамъ вдвоемъ читать!“ вспомнилъ капитанъ. И ему стоило усилій, чтобъ не обнаружить своихъ чувствъ и со своей обычной, даже теперь нѣсколько преувеличенной любезностью проговорить:

— Я васъ попросилъ, Борисъ Константиновичъ, чтобы обрадовать васъ письмомъ. Вотъ оно... И какое толстое! — прибавилъ Вершининъ, пытаясь улыбнуться, но вмѣсто этого дѣлая страдальческую гримасу и передавая Огнивцеву слегка вздрагивающей рукой конвертъ.

— Очень вамъ благодаренъ, Сергѣй Николаичъ! — отвѣчалъ мичманъ и, въ свою очередь, густо покраснѣлъ не то отъ радости, не то отъ смущенія.

И, отводя взглядъ отъ капитана, почему-то счелъ необходимымъ прибавить, взглянувъ на конвертъ и опуская его въ карманъ своей бѣлой „тужурки“:

— Это отъ кузины!

„Отъ Маруси“! — мысленно рѣшилъ капитанъ, при видѣ смущенія Огнивцева и, овладѣвъ совершенно собой, проговорилъ, повидимому, самымъ спокойнымъ тономъ.

— А вамъ, Борисъ Константинычъ, жена проситъ передать поклонъ.

— Прошу передать Марьѣ Николаевнѣ мое глубочайшее почтеніе и благодарность за память...

— Еще бы не помнить... Вы вѣдь сколько съ ней хорошихъ книгъ перечитали!

— Да... какъ же...

И Огнивцевъ хотѣлъ, было, уходить, но капитанъ остановилъ его.

— Еще минутку, Борисъ Константинычъ. Надѣюсь, потерпите минутку прочитать письмо отъ кузины?..

— Хоть десять, Сергѣй Николаичъ!

— Ишь вы какой!.. Видно, кузина не интересная?

— Не особенно!

— Ну такъ и подавно потерпѣть можно. А я вотъ что хочу вамъ предложить, Борисъ Константинычъ... Мнѣ кажется, будто вы въ послѣднее время скучаете и не тотъ веселый Борисъ Константинычъ, какимъ я васъ зналъ прежде... Быть можетъ, вы хотите вернуться въ Россію? Такъ скажите. Я могу васъ списать съ клипера по болѣзни и отправить въ Россію, хотя, конечно, пожалѣю такого отличнаго и усерднаго офицера, какъ вы...

Огнивцевъ слушалъ изумленный и, казалось, ничего не понимающій и, когда капитанъ кончилъ, воскликнулъ:

— Сердечно благодаренъ вамъ, Сергѣй Николаичъ, но я, во-первыхъ, вовсе не скучаю и, во-вторыхъ, не имѣю ни малѣйшаго пока желанія вернуться въ Россію. Я самъ просился, какъ вамъ извѣстно, въ плаваніе...

— Не имѣете ни малѣйшаго желанія?.. А мнѣ казалось, что вы тоскуете... Очень, очень радъ, что ошибся и что на клиперѣ у меня останется такой хорошій офицеръ... Вы знаете, я не комплиментъ вамъ говорю, Борисъ Константинычъ!—горячо прибавилъ капитанъ.

И когда мичманъ ушелъ, у Вершинина отлегло отъ сердца.

Онъ приказалъ Матвѣеву передать всю корреспонденцію старшему офицеру и сѣлъ писать письмо своей Марусѣ, горячее, полное любви письмо, тая свои ревнивыя подозрѣнія и, мучимый раскаяніемъ, вспоминалъ слова своего вѣстового о томъ, что неправильно обижать понапрасну бабу дурными мыслями.

Окончивъ письмо, Вершининъ позвалъ Матвѣева.

— Ты что, Матвѣевъ, дѣлаешь?

— А вольное платье ваше чистилъ, вашескобродіе. Думалъ, можетъ надумаетесь прогуляться...

— А, пожалуй, и съѣзжу... Такъ неправильно обижать бабу дурными мыслями, Матвѣевъ? а?..—неожиданно спросилъ капитанъ, привѣтливо взглядывая на своего любимца вѣстового, съ которымъ любилъ иногда полясничать.

— А то какъ же вашескородіе? Очень даже неправильно. И главная причина, что въ человѣкѣ не настоящая обида оказываетъ, а естество бунтуетъ. Такъ по моему разсудку я полагаю, вашескобродіе.

— И ты никогда не имѣлъ дурныхъ мыслей о своей Аннушкѣ?

— Какъ не имѣть? Про рѣдкую бабу нельзя не имѣть дурныхъ мыслей, вашескобродіе, потому какъ всякая, почитай, баба любитъ пошилохвостить... Такая ужъ ей отъ Бога дадена природа. Но только, осмѣлюсь доложить вамъ, вашескобродіе, мысли эти я гоню и себя зря не обезкураживаю... Начну посуду выти-

рать, либо платье ваше досматривать—за дѣломъ нудныя мысли и пройдутъ.

— Ну и если бы, Матвѣевъ, твоя Аннушка въ самомъ дѣлѣ обманула тебя... Писала бы тебѣ, что вѣрная жена... А сама... Что бы ты сдѣлалъ?

— А ничего бы не сдѣлалъ, вашескобродіе! — съ необыкновенной простотой отвѣтилъ Матвѣевъ.

Вершининъ даже удивился.

— То-есть, какъ бы ничего не сдѣлалъ?

— А что тутъ дѣлать, вашескобродіе! И обманъ разный бываетъ: одинъ обманъ лукавый, а другой отъ стыда. Не бойсь, такія дѣла часто случаются съ матроскими женками. Вернется матросикъ изъ дальней, а у его дитё.

— Ну и что же?—съ нетерпѣливостью спросилъ Вершининъ, у котораго вдругъ замерло сердце при внезапно набѣжавшей мысли, что вдругъ и онъ по возвращеніи увидитъ ребенка.

— Извѣстно что. Побьетъ для вида жену и проститъ.

— И ты бы простилъ?

— А то какъ же. Очень просто. Съ легкимъ бы сердцемъ простилъ, еслибъ, не дай Богъ, Аннушка довела бы себя до такой линіи. Не гнать же ее въ шею, чтобы въ конецъ загубить и сдѣлать, грѣхомъ, дозвольте сказать, форменной потаскухой, вашескобродіе. Коли человѣка взаправду любишь, а не какъ, прямо сказать, кобель, такъ надо его пожалѣть, помочь ему, а не доводить изъ-за своего же мужчинскаго азарта до отчаянности... У господъ, можетъ, другія понятія, вашескобродіе, а по нашему, по матроскому понятію, такъ и вовсе большой обиды нѣтъ, если баба, безкарактерная усмирить свою плоть, не сустоитъ противъ облестителя. Тоже и она живой человѣкъ и упользоваться баловствомъ иной въ большую охотку. А настоящую, значитъ, приверженность она все-таки, быть можетъ, къ мужу имѣетъ, даромъ что съ кѣмъ-нибудь льстилась. Польстилась да и забыла, особенно ежели безлюбая. Такія бабы бѣдокурыя. Имъ легче всего пропасть, вашескобродіе!—закончилъ Матвѣевъ.

Вершининъ былъ возмущенъ такою простотой отношенія къ „измѣнѣ“. Но въ то же время онъ не могъ не сознать, что понятіе о любви и самая любовь у этого философа-матроса несравненно возвышеннѣе и одухотвореннѣе, чѣмъ его страстная и ревнивая любовь къ Марусѣ.

Онъ подлой измѣны не проститъ... Нѣтъ, не проститъ!

Но послѣ разговора со своимъ вѣстовымъ Вершининъ все-таки сталъ нѣсколько покойнѣе.

Матвѣевъ замѣтилъ это и спросилъ:

— Такъ сейчасъ прикажете вольную одежу подавать, вашескобродіе!

— Пожалуй, подай... Къ консулу надо зайти.

— То-то у концыря время и проведете. А то все одни да одни, вашескобродіе!

— Да скажи на вахтѣ, чтобы вельботъ приготовили!

— Есть, вашескобродіе!—отвѣчалъ Матвѣевъ, весь подтягиваясь и принимая тотъ видъ исполнительнаго вѣстового, который онъ считалъ для себя обязательнымъ, когда дѣло касалось его, такъ сказать, оффиціальныхъ обязанностей.

Онъ хотѣлъ, было, уходить, какъ Сергѣй Николаевичъ остановилъ и сказалъ:

— А знаешь ли, что я тебѣ скажу, Матвѣевъ?

— Не могу знать, вашескобродіе.

— Славный ты человѣкъ... Вотъ что я скажу тебѣ, Матвѣевъ!—сердечно промолвилъ Вершининъ... — Ну, а теперь подай платье да скажи насчетъ вельбота!

— Есть, вашескобродіе!—отвѣчалъ вѣстовой, и въ его голосѣ звучала веселая нотка.

VI.

Черезъ три дня „Чародѣйка“ въ девятомъ часу утра снималась съ якоря. Дулъ ровный нордъ-вестъ, и „Чародѣйка“ собиралась уходить изъ Фунчаля подъ парусами.

Только что раздалась команда старшаго офицера, распоряжавшагося авраломъ: „по марсамъ и салингамъ“! И марсовые бросились, какъ бѣшеные, по вантинамъ.

Мрачный стоялъ и капитанъ на мостикѣ, мрачный, напрасно старавшійся скрыть отъ всѣхъ свое душевное состояніе. Тоска и злоба грызли его сердце.

Еще бы!

Онъ только что пріѣхалъ съ завтрака отъ консула и у него въ кабинетѣ, куда послѣ завтрака консулъ пригласилъ гостей покурить, на письменномъ столѣ, среди пачки писемъ, присланныхъ съ клипера для отправки ихъ въ Россію съ первымъ почтовымъ пароходомъ, замѣтилъ большой пакетъ, невольно бросившійся въ глаза своею объемистостью.

Вершининъ машинально взглянулъ на него и поблѣднѣлъ.

Пакетъ былъ адресованъ на имя Аделаиды Петровны Любарцевой, подруги Маруси, съ припиской: „для передачи М. Н. В.“.

„Сомнѣній больше не могло быть. Жена въ перепискѣ съ Огнивцевымъ!

„И сколько, подлецъ, ей написалъ!“ — пробѣжало у него въ головѣ.

И вотъ теперь, взглядывая, какъ ставились паруса, Вершининъ уже не испытывалъ обычнаго чувства удовлетворенности и удовольствія капитана, на суднѣ котораго матросы работаютъ лихо, и „Чародѣйка“ одѣлась въ паруса, похожая на бѣлокрылую птицу, съ такой быстротой, которая могла бы удовлетворить самаго требовательнаго моряка.

На палубѣ царитъ тишина, обычная на военномъ суднѣ во время аврала *). Только раздаются отрывистыя командныя слова старшаго офицера, видимо счастливаго, что „съемка съ якоря“ идетъ великолѣпно. Гребныя суда были подняты мастерски. На шпилѣ „ходили“ быстро. Во время постановки парусовъ нигдѣ, слава Богу, ни одна снасть не „заѣдала“, словомъ, все шло, какъ по маслу.

И старшій офицеръ, взглянувъ на капитана, удивился, что онъ не только не веселъ, а, напротивъ, мраченъ, словно бы чѣмъ-то серьезно недовольный.

А, кажется, нечѣмъ быть недовольнымъ!

И старшій офицеръ снова поднялъ голову кверху, оглядывая внимательно: дотянуты ли вездѣ до мѣста шкоты, нѣтъ ли какой-нибудь неисправности.

Но все въ порядкѣ. И старшій офицеръ недоумѣвающе пожалъ плечами и съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ голосѣ крикнулъ:

— Пошелъ брасы!

Почти безучастно относившійся къ тому, что дѣлается теперь на „Чародѣйкѣ“, Вершининъ все-таки по привычкѣ глядѣлъ наверхъ, какъ отдаютъ паруса, и самъ въ это время думалъ, какъ лжива и испорчена Маруся и какъ она подло обманываетъ. Пишетъ ласковыя письма—и Вершининъ вспоминалъ ласковыя слова послѣдняго письма—и въ то же время переписывается съ Огнивцевымъ. До сихъ поръ она, кажется, ни кѣмъ серьезно не увлекалась, а теперь дѣло, кажется, серьезное... Такъ зачѣмъ же скрывать? Зачѣмъ лгать? Вѣдь я ей говорилъ, что правды не боюсь...

И какой же оказался подлецъ этотъ Огнивцевъ. Какой подлецъ!“ — злобно повторялъ про себя Вершининъ и, какъ это обыкновенно бываетъ у ревнивыхъ людей, ему съ какою-то болѣзненною рельефностью представлялось, какъ Маруся ласкала Огнивцева и въ то же время охотно отдавалась и мужу. И онъ стискивалъ зубы, готовый крикнуть отъ боли и оскорбленія.

Вершининъ опустилъ взглядъ на палабу, и взглядъ его упалъ на „подлеца“. Онъ стоялъ у своей гротъ-мачты, которою завѣдывалъ, и въ эту минуту проговорилъ что-то механику, смотрѣвшему въ качествѣ посторонняго зрителя на авралъ.

---

*) Авралъ—работа, требующая присутствія наверху всего экипажа судна.

Неодолимая, чисто физическая ненависть охватила капитана при видѣ мичмана, веселаго, улыбающагося.

И Вершининъ внезапно крикнулъ Огнивцеву рѣзкимъ и грубымъ голосомъ:

— Во время аврала не разговариваютъ. Мичманъ Огнивцевъ, я вамъ говорю!

— Есть!—отвѣтилъ Огнивцевъ.

И мгновенно поблѣднѣвшій, съ засверкавшими негодующими глазами, онъ вызывающе и съ недоумѣніемъ взглянулъ на капитана, взглянулъ и, словно бы внезапно понявшій причину этого грубаго окрика, отвелъ взглядъ, пожалъ плечами и какъ-то неестественно улыбнулся.

И Вершининъ тотчасъ же спохватился, что сдѣлалъ грубое замѣчаніе Огнивцеву не за то, что онъ что-то сказалъ механику, а за то, что онъ любимъ, какъ ему казалось, Марусей,—внезапно покраснѣлъ и, сознавая свершенную имъ несправедливость, избѣгалъ смотрѣть на Огнивцева.

„Изъ за этой женщины я дѣлаюсь подлецомъ!"—подумалъ Вершининъ и въ эту минуту ненавидѣлъ жену, благодаря которой совсѣмъ терялъ самообладаніе. Полный стыда за свою грубую и несправедливую выходку, онъ тутъ же далъ себѣ слово не быть такимъ подлецомъ и не проявлять въ служебныхъ отношеніяхъ своихъ личныхъ чувствъ, недостойныхъ порядочнаго человѣка.

Всѣ офицеры были поражены. Всѣ привыкли видѣть капитана настоящимъ джентльменомъ, сдержаннымъ и справедливымъ. Всѣ привыкли къ тому, что онъ если и дѣлалъ замѣчанія то въ вѣжливой формѣ и предпочтительно съ глаза на глазъ. И вдругъ этотъ бѣшеный окрикъ изъ за пустяка и при томъ на такого хорошаго морского офицера, какъ Огнивцевъ.

Между тѣмъ „Чародѣйка" снялась съ якоря. Слегка накренившись, съ поставленными верхними и нижними парусами, она понеслась въ полвѣтра отъ Мадеры въ океанъ, взявши курсъ къ югу, въ область пассата.

Подвахтенныхъ просвистали внизъ.

Когда офицеры спустились въ каютъ-компанію, многіе съ недоумѣніемъ спрашивали Огнивцева: не было ли какихъ причинъ этой грубой выходки капитана.

— Никакихъ!—отвѣчалъ Огнивцевъ.

— И вы, Борисъ Константинычъ, конечно, пойдете объясняться къ капитану? Такъ оставить это нельзя!..—не безъ задора спрашивалъ своимъ тонкимъ визгливымъ голосомъ рыжій лейтенантъ Волховитиновъ, одинъ изъ тѣхъ мнительныхъ, мелкосамолюбивыхъ и легко обижающихся людей, которые всегда съ кѣмъ-нибудь и изъ за чего-нибудь любятъ объясняться.

— Нѣтъ, не пойду!—сухо отвѣтилъ Огнивцевъ.

— Такъ и оставите это дѣло?

— Такъ и оставлю!—почти рѣзко проговорилъ Борисъ Константиновичъ.

Волховитиновъ замолчалъ, удивленно пожавши плечами. Удивились и другіе, знавшіе, что Огнивцевъ очень ревнивъ къ своему достоинству и грубости не снесетъ.

А вотъ теперь снесъ. А какъ храбръ на словахъ!

Огнивцевъ читалъ такія мысли почти на всѣхъ лицахъ. Только старшій штурманъ, повидимому, не раздѣлялъ общаго удивленія и, сочувственно взглядывая на Огнивцева, промолвилъ:

— Не бойсь, капитанъ и самъ теперь мучается... Онъ совсѣмъ разстроенный ушелъ въ каюту. Я видѣлъ...

Еще въ каютъ-компаніи не улеглось возбужденіе, вызванное грубой выходкой капитана, какъ вбѣжалъ разсыльный съ докладомъ, что капитанъ требуетъ всѣхъ офицеровъ наверхъ.

Всѣ вышли съ обычной у моряковъ быстротой на палубу и выстроились на правой сторонѣ шканцевъ по старшинству. На многихъ лицахъ стояло выраженіе недоумѣнія. Къ чему это капитанъ собралъ всѣхъ офицеровъ и не у себя въ каютѣ, а наверху при торжественно-оффиціальной обстановкѣ?

Огнивцевъ, казалось, догадывался, и на его нервномъ, подвижномъ лицѣ отражалось душевное волненіе. Онъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ Вершининымъ за эти краденые поцѣлуи и, неблагодарный, вспомнилъ теперь о нихъ подъ чуднымъ голубымъ небомъ южныхъ широтъ далеко не съ хорошимъ чувствомъ и къ Марусѣ, и къ себѣ самому за то, что поступилъ не какъ „мыслящій человѣкъ", а какъ свинья. „Именно свинья!" энергично подчеркнулъ про себя молодой мичманъ въ порывѣ раскаянія. И теперь онъ даже сожалѣлъ, что въ отвѣтъ на письмо Маруси, отвѣчалъ длиннымъ посланіемъ. Не слѣдовало отвѣчать.

„Но если бы Вершининъ зналъ, что я писалъ. Если бы зналъ!"

И въ ту же минуту, какъ Огнивцевъ подумалъ объ этомъ, онъ увидалъ поблѣднѣвшее, осунувшееся и напряженно-серьезное лицо капитана, который быстрыми шагами приблизился къ офицерамъ. Увидалъ и, прикладывая руку къ козырьку фуражки, почувствовалъ себя еще болѣе виноватымъ и въ то же время пожалѣлъ, что такой хорошій человѣкъ, какъ капитанъ, страдаетъ изъ за такой женщины, какъ Маруся.

А капитанъ между тѣмъ говорилъ слегка вздрагивающимъ, но громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ:

— Я только-что позволилъ себѣ сдѣлать грубое замѣчаніе Борису Константиновичу и, сознавая себя виноватымъ, считаю

долгомъ извиниться передъ Борисомъ Константиновичемъ въ присутствіи всѣхъ господъ офицеровъ.

И, затѣмъ обратившись къ Огнивцеву, продолжалъ:

— Прошу васъ, Борисъ Константиновичъ, извинить меня и забыть о случившемся... Но если... если васъ мое извиненіе не удовлетворитъ, я охотно готовъ дать вамъ удовлетвореніе, какое вы отъ меня потребуете!—прибавилъ капитанъ, понижая голосъ и глядя на Огнивцева въ упоръ своими большими, черными, полными скорби глазами.

— Я вполнѣ, вполнѣ удовлетворенъ, Сергѣй Николаевичъ!—возбужденно и растроганно отвѣчалъ Огнивцевъ, невольно краснѣя подъ этимъ грустнымъ, словно бы укоряющимъ взглядомъ Вершинина.

— Очень вамъ благодаренъ, Борисъ Константиновичъ! Можете расходиться, господа!—промолвилъ капитанъ, казалось, душевно облегченный

Офицеры спустились въ-каютъ компанію и восхваляли джентельменство капитана. Огнивцевъ былъ рѣшительно подавленъ его благородствомъ и питалъ къ нему восторженныя чувства.

И теперь вина его передъ нимъ казалось ему великой и требовала искупленія. Но какъ искупить ее? Какъ успокоить его ревность? Какъ объяснить ему, что онъ въ своемъ посланіи былъ былъ только проповѣдникомъ и обвинителемъ, и ничѣмъ болѣе.

Дѣйствительно, въ отвѣтъ на письмо Маруси, одно изъ тѣхъ заигрывающихъ, полныхъ недосказанныхъ словъ и кокетливыхъ намековъ женскихъ писемъ, въ которыхъ Маруся проявляла то же кокетство, что и въ жизни, въ отвѣтъ на ея сожалѣнія, что Бориса Бонстантиновича нѣтъ и ей съ не кѣмъ читать и не съ кѣмъ посовѣтоваться о томъ, какъ избавиться отъ праздной жизни, — Огнивцевъ исписалъ чуть ли не тетрадь почтовой бумаги, рекомендуя Марьи Николаевнѣ прежде всего прочитать массу книгъ, списокъ которыхъ онъ добросовѣстно приложилъ, и затѣмъ поступить на медицинскіе курсы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ говорилъ о самовоспитаніи, о болѣе серьезномъ отношеніи къ людямъ, правдивости въ чувствѣ, о безнравственности обмана... Однимъ словомъ, посланіе мичмана было горячее, пространное и нисколько не походило на любовное. Вдали отъ Маруси, Огнивцевъ чувствовалъ себя освобожденнымъ отъ ея чаръ, хотя порой, вспоминая объ ея поцѣлуяхъ, приходилъ въ волненіе и негодовалъ, что Маруся такъ подло съ нимъ поступила, введя его въ обманъ своими поцѣлуями и заставивъ его быть такимъ подлецомъ передъ Вершининымъ. И Огнивцева раздражало еще болѣе то, что онъ былъ не одинъ, пользовавшійся поцѣлуями. Передъ отправленіемъ въ плаваніе онъ слышалъ отъ одного товарища, что цѣловали ее многіе и что самъ онъ былъ даже любовникомъ Маруси въ те-

ченіе трехъ недѣль и, внезапно прогнанный ею, чуть было не застрѣлился. И товарищъ началъ было поносить молодую женщину, но былъ остановленъ негодующимъ Огнивцевымъ, который сказалъ ему, что онъ свинья, во-первыхъ, потому, что обманывалъ мужа, а во-вторыхъ, потому, что разсказываетъ объ интимныхъ отношеніяхъ къ женщинѣ и поноситъ ее за то, что его прогнали.

— Ты подлецъ, и я съ тобой болѣе незнакомъ!—прибавилъ Огнивцевъ.

Раздумывая обо всемъ этомъ послѣ извиненія передъ нимъ Вершинина, молодой мичманъ рѣшилъ болѣе не отвѣчать Марусѣ, если бы она и написала ему еще. Для него не было никакихъ сомнѣній, что капитанъ догадывался, отъ кого было письмо, когда передавалъ его и неожиданно предложилъ ѣхать въ Россію...

— Не стоитъ эта женщина такого человѣка!—проговорилъ вслухъ Огнивцевъ, лежа на койкѣ въ своей маленькой каютѣ и рѣшилъ, что онъ никогда не женится.

А капитанъ въ это время ходилъ по своей каютѣ, все еще мучимый ревнивымъ чувствомъ, все еще полный скорби и скоро вошелъ за альковъ въ маленькую спальню, долго-долго глядѣлъ на большую фотографію жены, висѣвшую надъ койкой, и, наконецъ, изъ груди его вырвалось:

— О Маруся, Маруся!

И въ тонѣ этого скорбнаго восклицанія звучали и укоръ, и любовь.

VII.

Вотъ ужъ десять часовъ, какъ бѣдная „Чародѣйка“ безпомощно бьется о каменья среди бушующаго моря.

Она врѣзалась „основательно“ (какъ злобно выразился старшій штурманъ), набѣжавши ночью съ полнаго хода подъ парами на маленькую группу подводныхъ островковъ въ Китайскомъ морѣ, не смотря на то, что курсъ былъ благоразумно проложенъ въ 15 миляхъ отъ нихъ. Но астрономическаго наблюденія сдѣлать было нельзя—небо было покрыто облаками и солнце не выглядывало—и теченіе, мало изслѣдованное въ этихъ мѣстахъ, предательски нанесло клиперъ на каменья.

И этотъ потрясающій ударъ, внезапно остановившій клиперъ, пробудилъ всѣхъ спавшихъ моряковъ, вселилъ въ нихъ ужасъ и заставилъ ихъ выскочить наверхъ и увидѣть кромѣшную тьму кругомъ и сѣдые ревущіе буруны, со всѣхъ сторонъ окружавшіе „Чародѣйку“, бившіеся о ея бока и вливавшіеся своими верхушками черезъ бортъ клипера, когда его бросало то на одинъ, то на другой бокъ.

Положеніе было критическое, и неоткуда было ждать помощи. Выстрѣлы изъ орудій, раздававшіеся черезъ пять минутъ, печальные, словно бы похоронные выстрѣлы, напрасно говорили о бѣдствующемъ суднѣ съ ста шестьюдесятью моряками. Буря заглушала ихъ, да и кто могъ бы подать въ такую бурю помощь?

До ближайшаго порта было миль двадцать, но какъ добраться до него въ такую погоду на шлюпкѣ, чтобы позвать на помощь какое-нибудь судно?

Вотъ уже десять часовъ, какъ капитанъ, напряженно-серьезный, почти суровый и въ то же время сохраняющій хладнокровіе, не сходитъ съ мостика, придумывая и испытывая всѣ средства, чтобы спасти любимую имъ „Чародѣйку" и людей.

Но напрасно работаетъ машина. Напрасно сброшены были за бортъ тяжести для облегченіи судна. Клиперъ не двигался съ мѣста, и вода все прибывала да прибывала, несмотря на то, что всѣ помпы были пущены въ ходъ.

Надежды на спасеніе почти никакой. Вѣтеръ реветъ съ адской силой, поотрясая снасти и проносясь зловѣщимъ воемъ въ рангоутѣ. Свинцовыя волны словно бы говорятъ своимъ гуломъ о смерти.

Надежды нѣтъ. И это чувствуется почти на всѣхъ лицахъ, блѣдныхъ, съ расширенными зрачками, полныхъ выраженія ужаса и отчаянія.

А удары клипера о камни все раздаются чаще и сильнѣе. И при каждомъ ударѣ матросы крестятся.

Но капитанъ, и самъ едва ли питавшій какія либо надежды на спасенье, тѣмъ не менѣе, имѣетъ мужественный видъ человѣка, который не падаетъ духомъ, готовый бороться до послѣдней минуты. И онъ время отъ времени вскрикиваетъ въ рупоръ своимъ громкимъ твердымъ голосомъ:

— Не робѣй, ребята!.. Вѣтеръ скоро долженъ стихнуть и можно будетъ спустить гребныя суда!

И словно бы увѣренный, что вѣтеръ долженъ стихнуть, капитанъ отдаетъ приказаніе, чтобы гребныя суда были готовы къ спуску, а самъ въ эту минуту думаетъ, что не видать ему больше Маруси.

Огнивцевъ, бывшій на вахтѣ, невольно поддавался обаянію мужества капитана и старался не выказать того ужаса передъ смертью, который охватывалъ его всего, какимъ-то пронизывающимъ холодомъ, и старался не глядѣть на эти бушующія волны, говорящія о смерти, когда такъ мучительно хочется жить.

Не смотря на сознаваемую всѣми близость гибели, работы по приготовленію къ спасенію шли своимъ чередомъ и въ этой работѣ люди какъ будто на минуты забывали, что они дѣлаютъ

напрасное и безполезное дѣло. Но старшій офицеръ покрикивалъ, наблюдая, какъ выносили казенный денежный ящикъ, какъ вязали плотъ, какъ готовили къ спуску шлюпки, и боцманъ, не смотря на ужасъ положенія, все-таки сыпалъ ругательствами и даже далъ какому-то матросику затрещину. И все это какъ будто вселяло надежды въ смятенныя человѣческія сердца.

Такъ прошелъ еще часъ, безконечно долгій часъ.

Буря, казалось, стала понемногу утихать, и капитанъ въ эти минуты сталъ надѣяться... Если клиперъ продержится еще нѣсколько часовъ, быть можетъ...

— Какъ вода въ трюмѣ? Сходите узнать, Борисъ Константиновичъ.

Огнивцевъ сбѣжалъ внизъ, спустился въ трюмъ и, вернувшись, доложилъ:

— Скоро къ топкамъ подойдетъ!

Капитанъ только поморщился и все-таки крикнулъ почти веселымъ тономъ:

— Вѣтеръ стихаетъ, ребята. Не робѣй, молодцы!

И „молодцы“ дѣйствительно какъ будто почувствовали приливъ надежды отъ этого веселаго окрика.

Огнивцевъ между тѣмъ думалъ какую-то думу и вдругъ, словно бы просвѣтленный, полный рѣшимости, подошелъ къ капитану и сказалъ:

— Сергѣй Николаичъ! Разрѣшите мнѣ на барказѣ съ охотниками попробовать добраться въ Амое... Тамъ можно найти пароходъ и привести сюда.

— Вы на вѣрную смерть хотите идти?..

— Все равно умирать... А можетъ быть, и удастся... Вѣтеръ стихаетъ...

Капитанъ взглянулъ на Огнивцева, на его смѣлое красивое лицо и мучительно-ревнивое чувство, кольнуло его. Но теперь не все ли равно?

И, стараясь побороть это чувство онъ сказалъ:

— Нѣтъ, Борисъ Константиновичъ! Васъ я не пошлю.

— Отчего?

— Отчего?—переспросилъ капитанъ.

— Да... позвольте узнать, отчего вы меня не хотите послать?

— Оттого, что вы любите мою жену и она васъ любитъ!— вдругъ почти на ухо проговорилъ Вершининъ.

— Это неправда. Клянусь вамъ Богомъ!

— Но переписка?..

— Я получилъ одно письмо и отвѣчалъ, совѣтуя Марьѣ Николаевнѣ учиться, читать, серьезнѣе отнестись къ жизни и больше

цѣнить такого благороднаго, чуднаго человѣка, какъ вы... Вотъ, что я писалъ!—взволнованно проговорилъ Огнивцевъ.

— Борисъ Константиновичъ... Простите... Вы честный человѣкъ. Поѣзжайте на баркасѣ.. Спасите насъ, если не утонете!—проговорилъ капитанъ.

И съ этими словами крѣпко пожалъ руку Огнивцева.

Вызвали охотниковъ. Охотниковъ нашлось болѣе, чѣмъ было нужно. Спустили баркасъ, поставивъ на немъ зарифленные паруса; скоро баркасъ понесся и скрылся въ волнахъ.

Матросы перекрестились. Никто не сомнѣвался, что мичманъ и охотники матросы погибли.

А буря дѣйствительно стихала, и клиперъ било о камни не такъ жестоко. И надежда на спасеніе понемногу оживила всѣхъ.

Къ вечеру на горизонтѣ показался дымокъ. Скоро подошелъ военный французскій корветъ и остановился недалеко отъ „Чародѣйки" на вольной водѣ.

Громкое ура раздалось на клиперѣ, и когда Огнивцевъ на баркасѣ вернулся на клиперъ, капитанъ крѣпко пожалъ руку Огнивцева и взволнованно и горячо проговорилъ:

— Вы спасли „Чародѣйку" и насъ... И кромѣ того...

Онъ на секунду остановился и, понижая голосъ, застѣнчиво прибавилъ:

— Вѣру въ Марусю.

Счастливый и радостный, что живъ, что сдѣлалъ то, что надо было сдѣлать, Огнивцевъ смѣло и открыто глядѣлъ теперь въ глаза капитана и думалъ:

„Какой онъ несчастный, что любитъ эту женщину!"

И вслѣдъ затѣмъ въ душѣ его шевельнулось что то вродѣ завистливаго чувства къ капитану, словно онъ былъ-бы и самъ не прочь попробовать этого несчастія съ Марусей.

Черезъ день „Чародѣйка" съ помощью французскаго корвета была снята съ каменьевъ и на буксирѣ отведена въ Гонконгъ, въ докъ.

К. Станюковичъ.

ФРИДРИХЪ НИЦШЕ И ЕГО ФИЛОСОФІЯ.

(Критико-біографическій очеркъ **Людвика Штейна**).

Переводъ съ нѣмецкаго **Н. Бердяева**.

(Продолженіе *).

III.

Критика метафизики и теоріи познанія Ницше.

Создаетъ ли Ницше систему философіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ предшествовать всякому болѣе широкому изслѣдованію сущности его міровоззрѣнія. Всегда вопросъ становится яснѣе и работа облегчается, когда границы изслѣдованія строго опредѣлены, такъ какъ тогда естественно съуживается кругъ явленій, о которыхъ слѣдуетъ распространяться. Если бы оказалось, что Ницше не претендуетъ и не можетъ претендовать на званіе систематика философіи въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, тогда наше изслѣдованіе само по себѣ должно ограничиться лишь тѣми областями философіи, которые нашъ мыслитель трактуетъ своеобразно.

Къ этимъ областямъ, затронутымъ Ницше, не принадлежитъ обычный философскій вопросъ *о началѣ* и приблизительной *цѣли мірозданія*. Великая метафизическая проблема о происхожденіи міра и міровомъ развитіи, бывшая до сихъ поръ главною осью, вокругъ которой вращалась вся философская дѣятельность, въ его глазахъ является такою ничтожною величиною, что ею можно пренебречь. Идеализмъ, ведущій свое начало отъ Платона и просуществовавшій до Гегеля, въ его глазахъ ничто иное, какъ «высшее мошенничество» («höherer Schwindel», «Götzendämmerung», стр. 132). Вообще для него противна всякая настоящая система философіи, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ: «я отношусь недовѣрчиво ко всѣмъ систематикамъ и схожу съ ихъ пути. Желаніе все систематизировать доказываетъ недостатокъ прямодушія» (тамъ же, стр. 5). Всѣ существовавшія до сихъ поръ великія философскія системы, по его мнѣнію, представляютъ только «символъ

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

вѣры ихъ авторовъ и родъ невольно составленныхъ мемуаровъ» («Jenseits von Gut und Böse», стр. 8). Поэтому, если на поставленный выше вопросъ, создаетъ ли Ницше систему философіи, я категорически отвѣчаю: «нѣтъ», то этого не слѣдуетъ толковать такъ, будто я намѣренъ такимъ образомъ уменьшить его значеніе. Его собственныя слова, приведенныя выше, указываютъ намъ, что онъ не былъ и даже не стремился стать философомъ большого калибра, какого мы подъ конецъ имѣли развѣ въ лицѣ его учителя Шопенгауэра.

Его главная проблема касалась вообще *не всего міра, а только человѣка*. Его увлеченіе эпохой итальянскаго Ренессанса и блестящимъ историкомъ этой эпохи Яковомъ Буркгардтомъ глубоко коренится въ его существѣ; онъ чувствуетъ свое духовное родство съ этой эпохой, такъ какъ она-то, по прекрасному выраженію Мишеле, присвоенному Буркгардтомъ, открыла человѣка или, выражаясь осторожнѣе, на-ново открыла. Въ сочиненіи Бургардта: «Die Cultur der Renaissance in Italien» (2 изд., стр. 241) мы читаемъ слѣдующее: «Для постиженія міра культура ренессанса оказала еще большую услугу, впервые открывая и изображая полную сущность человѣческаго существа». «Совершенство индивидуума», «полная индивидуальность», тѣ требованія, какія эпоха возрожденія ставила для своего человѣческаго идеала, судя по интереснымъ описаніямъ Буркгардта, были тѣми моделями, по которымъ Ницше создавалъ типъ своего «Европейца послѣзавтрашняго дня» («Europäer von Uebermorgen»).

Человѣкъ по отношенію къ своей культурѣ, нравственнымъ понятіямъ и исторіи и *только* такой человѣкъ составляетъ основной предметъ изслѣдованія Ницше. Все, что въ его сочиненіяхъ относится къ метафизикѣ или теоріи познанія, служитъ только декораціей. Изъ обширной области философіи, главные отдѣлы которой составляютъ: метафизика, логика, теорія познанія, психологія, этика и эстетика,—онъ выдѣлилъ для своихъ изслѣдованій только незначительную часть. Основательно онъ занялся собственно только вопросомъ о возникновеніи человѣческаго общества и о цѣли, какую можетъ имѣть въ жизни индивидуумъ, такъ что не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь общемъ его *міро*-созерцаніи, а самое большее о *жизне*-созерцаніи, т. е. о томъ, что составляетъ причину, содержаніе и цѣль человѣческой жизни, а тѣмъ самымъ человѣческаго общежитія.

Строго говоря, такъ называемая философія Ницше, которая въ сущности ограничивается проблемами культуры и морали, составляетъ скорѣе философоисторическую теорію, стоящую по своимъ задачамъ въ одномъ ряду съ подобными же трудами Гердера, Гегеля и Маркса и отличающуюся отъ нихъ только исходною точкою и конечными цѣлями. Однако, буду ли я понимать культуру по Гердеру, какъ продуктъ эволюціи, или по Гегелю, какъ результатъ саморазвитія абсолютнаго разума, или по Марксу, какъ результатъ классовой борьбы, выростаю-

щей на экономической почвѣ, или, наконецъ, по Ницше буду считать главнымъ факторомъ «жажду власти» («Wille zur Macht»), во всякомъ изъ этихъ случаевъ будетъ лишь разница *въ содержаніи фомулы*, но не въ методѣ вообще, такъ какъ всѣ эти философоисторическія системы сходны между собою въ томъ, что пытаются одинаково сдѣлать цивилизацію (включая сюда мораль и исторію) зависимою отъ *одного* только фактора, называется ли онъ просто эволюціей, абсолютнымъ разумомъ, экономической эволюціей или стремленіемъ къ власти. Недаромъ Гегель принадлежитъ къ тому абсолютному числу великихъ мыслителей, которые пользуются расположеніемъ Ницше и трактуются имъ снисходительно: философо-историческій методъ Гегеля былъ для него образцомъ, которому онъ безсознательно слѣдовалъ, не смотря на все свое инстинктивное отвращеніе ко всякой метафизикѣ.

Такимъ образомъ Ницше является скорѣе философомъ-историкомъ и теоретикомъ по этическимъ вопросамъ, чѣмъ великимъ мыслителемъ въ родѣ Шопенгауэра, обнимающимъ всѣ философскія проблемы; тѣмъ не менѣе, понятно само по себѣ, что онъ не могъ оставлять безъ всякаго вниманія современныхъ вопросовъ, относящихся къ области метафизики, психологіи и теоріи познанія, и не высказывать о нихъ своего одобряющаго или порицающаго мнѣнія, такъ какъ всѣ философскія проблемы до того тѣсно связаны другъ съ другомъ, что невозможно выдѣлить произвольно одной изъ нихъ и говорить о ней изолированно, не вводя въ разсужденія остальныхъ или, по крайней мѣрѣ, слегка не касаясь послѣднихъ. При всякомъ новомъ изслѣдованіи отдѣльнаго философскаго вопроса всегда необходимо требуется, кромѣ спеціальнаго изслѣдованія, еще приведеніе его въ болѣе тѣсную связь съ обще-философскимъ взглядомъ. Поэтому и мы здѣсь должны воспроизвести общефилософскій взглядъ Ницше, основываясь на тѣхъ довольно скудныхъ и нерѣдко противорѣчивыхъ другъ другу данныхъ, какія находимъ въ его сочиненіяхъ.

Для изученія его міросозерцанія, о которомъ въ цѣльности онъ нигдѣ даже не упоминаетъ, и воспроизводить которое намъ придется скорѣе въ видѣ мозаики на основаніи его арабескоподобныхъ разсужденій и блестящихъ афоризмовъ, мы можемъ руководиться его многочисленными сужденіями о выдающихся мыслителяхъ и философскихъ системахъ. При этомъ мы обязаны бо́льшимъ количествомъ свѣдѣній тѣмъ направленіямъ, которыя онъ энергично отрицаетъ, чѣмъ тѣмъ, которыя подходятъ подъ его способъ мышленія, такъ какъ въ выраженіи своихъ философскихъ антипатій онъ столь же мало разборчивъ, какъ и эконоименъ, а напротивъ, въ изъявленіи симпатій обнаруживаетъ страшную умѣренность.

Ницше является полнымъ и сознательнымъ противникомъ идеализма Сократа и Платона. Да, въ Платонѣ именно онъ видитъ своего, такъ сказать философскаго антипода. Ибо Платоновская «вы-

думка чистаго разума и абсолютнаго блага» обезобразила веселую, вакхическую натуру (Dionysos-Natur) грековъ, ослабила нормальную жажду могущества и тѣмъ самимъ свела стоимость жизни къ нулю. Платонъ же былъ изведенъ своимъ учителемъ Сократомъ, который представлялъ уже собою «типъ нисходящій» («Niedergangs-Typus») и симптомъ упадка греческой аристократіи («Kalokagathie»), такъ какъ онъ принадлежалъ къ «черни» и впервые составилъ въ своей «философіи упадка» («Décadence-Philosophie») роковое уравненіе «разумъ=добродѣтель=счастье», явившееся слѣдствіемъ его рахитической озлобленности и идіосинкразіи. Вѣдь «*обязанность* побѣждать инстинкты—это формула упадка; какъ долго только жизнь прогрессируетъ, счастье всегда находится въ соотвѣтствіи съ инстинктами» — такъ гласитъ основная формула Ницше. Эта формула однако не имѣетъ въ философіи большаго противника, чѣмъ ученіе объ отреченіи, какое проповѣдуетъ равно какъ этика Сократа и Платона, такъ и въ особенности христіанство, являющееся въ глазахъ Ницше ничѣмъ инымъ, какъ «популярнымъ платонизмомъ» («Platonismus für Volks», «Jenseits von Gut und Böse», предисловіе, «Götzendämmerung» стр. 9—16).

Среди древнихъ философовъ, кромѣ циниковъ, на ученіи которыхъ онъ часто основывается, одинъ только Гераклитъ, темный эфесскій философъ, пользуется его расположеніемъ. «Я исключаю отсюда почтенное имя Гераклита», говоритъ Ницше въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ грубыхъ нападеній на «философское племя» («Philosophenvolk»). То, что Гераклитъ въ противоположность элейцамъ отрицалъ бытіе и объяснялъ сущность вещей будущимъ, было причиной одобренія, которое онъ получилъ въ нынѣшнемъ столѣтіи отъ Гегеля, сказавшаго, какъ извѣстно, что нѣтъ ни одного предложенія Гераклита, котораго бы онъ не воспринялъ и не переработалъ своей «логикой». Этотъ аристократическій философъ Гераклитъ вдохновилъ молодаго, пылкаго Фердинанда Лассаля къ написанію цѣлаго двухтомнаго сочиненія, проникнутаго, конечно, духомъ Гегеля. И Ницше считаетъ Гераклита «царственнымъ и великолѣпнымъ отшельникомъ мысли» (...zu den königlichen und prachtvollen Einsiedlern des Geistes»). И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ онъ чувствуетъ свое духовное родство съ Гераклитомъ. Этотъ темный эфесскій философъ былъ извѣстнымъ афористомъ и столь же кореннымъ аристократомъ, какъ и Ницше, и я не съумѣлъ бы назвать никого въ исторіи человѣческой мысли, кто бы былъ въ состояніи съ такимъ талантомъ и совершенствомъ высказать въ немногихъ словахъ столько превратностей, какъ оба эти отшельника мысли. Между прочимъ, онъ хвалитъ Герклита за то, что тотъ уклонился отъ сутолоки и демократическаго пустословія эфесцевъ.

Что касается такихъ систематиковъ, какъ Аристотель, то Ницше считаетъ возможнымъ проходить мимо нихъ безъ всякаго вниманія,—по крайней мѣрѣ я не встрѣтилъ у него ни одного мѣста, гдѣ бы онъ

говорилъ объ этомъ «духовномъ побѣдителѣ міра» («Welteroberndes Geistes»). Это достаточно уже характеризуетъ его отношеніе къ систематикамъ философіи. Аристотеля, Декарта, Спинозу, Лейбница и Канта онъ считаетъ старымъ хламомъ, а такіе люди, какъ Макіавелли, Галіани, Стендаль, Эмерсонъ и Достоевскій суть тѣ божества философіи, которыхъ онъ признаетъ. Сократъ, по его мнѣнію, «гороховый шутъ», Платона онъ находитъ «скучнымъ», Аристотель совсѣмъ не заслуживаетъ упоминанія, стоики — это «странные комедіанты и самообманщики», «великій кровопійца, паукъ *Скепсисъ*» служитъ для него лишь доказательствомъ физіологическаго вырожденія, «нервнаго разстройства и болѣзненнаго состоянія», Декартъ «поверхностенъ», Блеза Паскаля называетъ онъ «самоубійцей разума», Спиноза, по его мнѣнію, лишь «фокусничаетъ», о Кантѣ онъ говоритъ насмѣшливо: «Кантъ (по англійски «лицемѣріе»—намекъ на его шотландское происхожденіе) какъ попятный характеръ» и называетъ его «философомъ съ чернаго хода», Огюста Конта онъ именуетъ «тѣмъ остроумнѣйшимъ Іезуитомъ *), который хотѣлъ по *окольнымъ* научнымъ путямъ привести своихъ французовъ въ Римъ», надъ Шиллеромъ онъ издѣвается, называя его «секкингенскимъ глашатаемъ морали», Карляйль въ его глазахъ является «полукомедіантомъ и пошлой безтолковой головой», «героически-этической интерпретаціей разстроеннаго пищеваренія», такъ какъ онъ вообще видѣлъ въ «англійскомъ механистическомъ оболваненіи міра» («Weltvertölpelung»), принадлежащемъ рукамъ Бэкона, Гоббса, Лока и Юма, «лишь пониженіе и обезцѣненіе достоинства философа». Его идіосинкразія по отношенію къ Англіи не знаетъ границъ. Бентамъ, по его мнѣнію, «поверхностенъ и неуклюжъ». Дарвинъ, съ которымъ онъ весьма неудачно полемизируетъ, Джонъ Стюартъ Милль, философія котораго «такъ ясна, что даже обидно», и Гербертъ Спенсеръ, къ которому онъ относится презрительно, какъ къ падшему (décadent), принимая его за одно съ соціалистами,—эти три величайшихъ англичанина нынѣшняго столѣтія, по мнѣнію Ницше, суть «достойные почтенія, но посредственные умы».

Нисколько не ласковѣе относится онъ къ своимъ нѣмецкимъ товарищамъ по ремеслу—Евгенію Дюрингу и Эдварду Гартману; перваго онъ называетъ «анархистомъ», второго «амальгамистомъ», а въ своемъ ядовитомъ нападеніи на извѣстное нѣмецкое «И», какимъ оно является въ типичномъ выраженіи: «Гете *и* Шиллеръ», онъ говоритъ: «бываютъ еще худшія «И»; я самъ слышалъ собственными ушами, конечно, только среди профессоровъ университета, такое выраженіе: «Шопенгауэръ *и* Гартманъ».

*) Одно изъ немногихъ удивительно удачныхъ сужденій Ницше о великихъ мыслителяхъ. Доказательствомъ тому служитъ то, что единственная, годная къ чему-нибудь, нѣмецкая работа о жизни и ученіи Конта принадлежитъ перу іезуита Германа Грубера.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что по отношенію къ своему учителю Шопенгауэру (подъ безусловнымъ вліяніемъ котораго онъ въ той же мѣрѣ находился нѣкоторое время въ философскомъ отношеніи, какъ подъ вліяніемъ Вагнера въ музыкальномъ, чтобы затѣмъ противъ нихъ обоихъ обратить свои ядовитыя стрѣлы), не смотря на всѣ свои насмѣшки, онъ никогда не переставалъ чувствовать глубокаго увиженія, граничащаго съ благовѣніемъ. Даже въ позднѣйшихъ его полемическихъ выходкахъ противъ Шопенгауэра едва ли можно что-нибудь замѣтить подобное той кровожадной ярости, которую вызвалъ въ немъ «Парсифаль» и которая выразилась въ обоихъ послѣднихъ его памфлетахъ противъ Вагнера. Онъ, разумѣется, отвергаетъ сострадательную мораль, равно какъ шопенгауэрское отрицаніе охоты къ жизни, какъ «инстинкты упадка» и «идіосинкразію вырожденія». По его мнѣнію, Шопенгауэръ, возводя Волю на высоту міроваго принципа, сдѣлалъ только то, что «обыкновенно дѣлаютъ философы»: именно, онъ «перенялъ и преувеличилъ предразсудокъ толпы», причемъ обобщенія нѣсколько «непристойнаго характера». Этимъ онъ «произвелъ величайшую психологическую фальсификацію, какую только мы находимъ въ исторіи, если не считать христіанства». И такимъ образомъ лживая мораль адептовъ разросталась, «какъ будто тропическая растительность на зараженной общественной почвѣ то въ видѣ религіознаго ученія (христіанство), то въ формѣ философіи (шопенгауэризмъ)».

Далеко не лишенъ юмора взглядъ Ницше, по которому его учитель Шопенгауэръ, любившій подобно ему самому называть себя съ кокетливымъ самодовольствомъ «Антихристомъ», тѣмъ не менѣе изображенъ имъ послѣднимъ отросткомъ и самымъ послѣдовательнымъ защитникомъ христіанской морали. Впрочемъ, все-таки онъ считаетъ Шопенгауэра «послѣднимъ нѣмцемъ, достойнымъ вниманія, имѣвшимъ столь же *общеевропейское* значеніе, какъ Гёте, Гегель, Генрихъ Гейне». Еще въ «Genealogie der Moral» Шопенгауэръ имъ называется «*истиннымъ* философомъ и самостоятельнымъ умомъ, мужемъ и рыцаремъ съ бронзовымъ обликомъ, рѣшающимся и умѣющимъ постоять одиноко, не ожидая прибытія передовыхъ отрядовъ и команды свыше». Шопенгауэръ является «самымъ краснорѣчивымъ и, если съумѣть оцѣнить, самымъ плѣнительнымъ и восхитительнымъ проявленіемъ философской твердости и злопамятства противъ чувственности» («Zur Genealogie der Moral», стр. 103—111).

Оставивъ Шопенгауэра, мы видимъ, что вообще симпатіи Ницше относятся къ такой пестрой и разнородной компаніи философовъ, что къ нему невозможно безъ натяжки примѣнить извѣстнаго пошлаго выраженія: «скажи мнѣ, съ какими ты философами имѣешь дѣло, и я тебѣ скажу, какой ты философъ». Пожалуй, однако, можно было бы такъ думать, читая у него слѣдующее: «Страстью моею былъ всегда

Ѳукидидъ, у котораго я находилъ свое возвышеніе и излѣченіе отъ всякаго платонизма. Ѳукидидъ и, быть можетъ, принципъ Макіавелли болѣе всего, пожалуй, мнѣ родственны, благодаря ихъ требованіямъ ничего себѣ впередъ не выдумывать и видѣть смыслъ въ реальности». Если припомнимъ при этомъ, что и суть древняго цинизма онъ видѣлъ въ томъ, чтобы «ничего себѣ не выдумывать» (напр., см. «Genealogie der Moral», стр. 109), то едва ли кто станетъ опровергать правильность моего опредѣленія, когда я называю его философію нео-цинизмомъ, особенно если присмотримся къ остальнымъ его идеаламъ среди писателей. По его мнѣнію, аббатъ *Галіяни*, «самая глубокая и проницательная, а вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, самая грязная личность своего вѣка», геніяленъ. *Стендаль* (Генрихъ Бейль), о которомъ Эдуардъ Родъ написалъ прекрасное сочиненіе, для него «послѣдній великій психологъ». Открытіе Стендаля онъ причисляетъ къ «самымъ счастливымъ случаямъ своей жизни», и, по его мнѣнію, это тотъ «замѣчательный, проницательный умъ, который съ наполеоновскою скоростью прослѣдилъ всю Европу, открылъ, такъ сказать, ея душу, и изучилъ многовѣковую исторію послѣдней», причемъ слѣдуетъ замѣтить, что Стендаль былъ въ свое время самымъ утонченнымъ любителемъ наслажденій и необузданнымъ циникомъ. Здѣсь также слѣдуетъ упомянуть о Достоевскомъ, какъ объ одномъ изъ его литературныхъ идеаловъ, называемомъ имъ «*единственнымъ психологомъ, у котораго было чему научиться*» («Götzendämmerung», стр. 120).

Таковы представители литературы, пользующіеся симпатіей Ницше. Никто не смѣетъ ничего сказать противъ такого возвеличенія этихъ людей. Макіавелли заслуживаетъ особаго вниманія, какъ право- и законовѣдъ и историкъ. Аббатъ Галіяни, какъ національный экономистъ и вообще какъ талантливая личность, занимаетъ среди энциклопедистовъ прошлаго вѣка, вполнѣ опредѣленное положеніе, отмѣченное въ извѣстномъ рефератѣ Дюбуа-Реймона: «Darwin versus Galiani». Марія Генрихъ Бейль, какъ тонкій знатокъ музыки и нравовъ, въ особенности какъ романистъ «высшаго вкуса», вращающійся съ особою любовью въ крайнихъ границахъ непристойности, переходящихъ уже въ область порнографіи, пользуется среди французскихъ писателей первой половины нынѣшняго столѣтія привиллегированнымъ, а въ недавнее время и во Франціи выдающимся положеніемъ. Наконецъ, Ѳедоръ Достоевскій является вполнѣ законченнымъ представителемъ того психологическаго романа, который теперь начинаетъ создавать школу и особенно сильно и быстро развивается во Франціи, но который вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на то, что иногда тонко подмѣчаетъ нѣкоторыя психологическія черты и въ эстетическомъ отношеніи представляетъ много замѣчательнаго, такъ приблизительно относится къ психологіи-наукѣ, какъ герой романа къ дѣйствительному герою.

Ницше могло связывать съ Достоевскимъ въ особенности ихъ общее

славянское происхожденіе, такъ какъ онъ (Ницше) является потомкомъ польскаго дворянскаго рода (Niecki) и часто заграницей считался полякомъ, благодаря своимъ чертамъ лица и осанкѣ, а разъ даже самъ себя называетъ, и не безъ гордости, полякомъ. Такимъ образомъ для него могъ имѣть особенную привлекательную силу славянскій типъ въ Достоевскомъ, являющемся славяниномъ не только по происхожденію, но и по образу мыслей и по своему литературному характеру. И Ницше, какъ литераторъ, является скорѣе славяниномъ, чѣмъ нѣмцемъ. Та легкая меланхолія, которою проникнуты всѣ его сочиненія, та мечтательная, безнадежная тоска, которую мы находимъ во всѣхъ его афоризмахъ, то пагубное нетерпѣніе, благодаря которому онъ разбиваетъ свои мысли на афористическіе осколки и расходуется, такъ сказать, мелкой философской монетой, не обладая достаточнымъ запасомъ мыслительной энергіи и сосредоточенности, чтобы въ немъ могли созрѣть и оформиться великія идеи, наконецъ, та грубая, деспотическая черта Ницше, по которой дикій инстинктъ не упрощеннаго еще человѣческаго существа на перебой стремится къ тому, чтобы ограничить свободу жизни людей вообще, лишь бы дать возможность немногимъ геніямъ, «Uebermensch'амъ», потворствовать своимъ страстямъ,—все это на столько же чуждо всему нѣмецкому, на сколько родственно славянскому. Не даромъ мы у него читаемъ въ одномъ мѣстѣ слудующее: «Россія—это единственная держава, имѣющая предъ собою будущее, могущая еще ждать и обѣщать кое-что—Россія, которая такъ противоположна жалкимъ мелкимъ европейскимъ государствамъ и которой такъ чуждо нервное растройство, вступившее въ свою критическую фазу вмѣстѣ съ утвержденіемъ нѣмецкаго государства...», или же въ другомъ: «въ Россіи сила желанія уже давно сидитъ припрятана въ заперти и эта воля грозно ждетъ момента освобожденія изъ оковъ» («Götzendämmerung», стр. 111, «Jenseits von Gut und Böse», стр. 145).

Здѣсь не мѣсто подробнѣе останавливаться на этой политической грубости, которая скрывается за этими словами. Я хотѣлъ только указать на то, какъ сильно проглядываетъ въ Ницше славянская натура. Вполнѣ славянскій характеръ носитъ также произвольное созданіе авторитетовъ. Какой *нѣмецкій* философъ осмѣлился бы считать Галіани, Генриха Бейля и Достоевскаго «величайшими психологами» и даже называть ихъ единственными столпами философіи? Это не борьба съ авторитетами въ наукѣ, когда свергаются съ престола такія всемірныя знаменитости, какъ Платонъ, Спиноза, Кантъ и Дарвинъ и ихъ мѣсто предлагается такимъ философскимъ чурбанамъ, какъ Галіани, Бейль и Достоевскій! Если даже эти люди могутъ въ національной экономіи и изяшной литературѣ играть видную роль, то все-таки *въ области философіи они суть и останутся посредственной руки дилеттантами!* А каковъ образецъ, такова, очевидно, и копія. Ницше можетъ для себя требовать почетнаго мѣста въ литературномъ мірѣ,

пожалуй даже заслуживаетъ вниманія, какъ историкофилософъ, особенно же какъ соціологъ, однако, *въ области философіи въ болѣе широкомъ ея смыслѣ онъ только дилеттантъ.* Онъ сильно издѣвается надъ метафизикой, какъ это вообще водится въ наше время, но не приводитъ ни малѣйшаго довода противъ ея права на существованіе. Къ тому же, въ томъ, что онъ говоритъ о метафизикѣ, масса противорѣчій. Въ одномъ мѣстѣ у него всякое стремленіе къ философской системѣ служитъ доказательствомъ «недостатка честнаго прямодушія», въ другихъ онъ самъ проповѣдуетъ на различные лады о «жаждѣ власти» («Wille zur Macht»), какъ главномъ факторѣ въ природѣ. Какъ будто съ точки зрѣнія метафизической систематики будетъ какая-нибудь разница, назовемъ ли мы этотъ факторъ субстанціей, идеей, Богомъ, силой, атомомъ, я, душою міра, саморазвитіемъ абсолютнаго разума, просто эволюціей, матеріей, жаждою жизни, неизвѣстнымъ, или жаждою власти. Все-таки это будетъ лишь другимъ названіемъ для того X, которое, находясь за кулисами, позволяетъ намъ наблюдать свои дѣйствія на сценѣ, называемой міромъ. Если же Ницше непремѣнно хочетъ считаться изобрѣтателемъ новой формулы для мірового принципа, «жажды власти», то онъ такой же метафизикъ, какъ и его учитель Шопенрауэръ, который точно также и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы называться метафизикомъ въ родѣ Гегеля. Къ чему же такая неприступность!

Такимъ образомъ мы достигаемъ основного пункта соціологіи Ницше. Здѣсь именно мы встрѣчаемся съ вопросомъ о задачахъ цивилизаціи и морали, которыя у него такъ неразрывно связаны. Тотъ культурный идеалъ, который признавался до сихъ поръ и состоялъ въ насильственномъ устраненіи всѣхъ дикихъ инстинктовъ человѣка, оказался ложнымъ, такъ какъ онъ привелъ весь цивилизованный міръ къ физіологическому вырожденію. На это «прирученіе» дикаря, на созданіе цивилизованнаго человѣка, этого возмутительно посредственнаго и несимпатичнаго типа, смотрятъ какъ на окончательную цѣль, видятъ въ этомъ смыслъ всей исторіи, считаютъ типъ этотъ «высшимъ человѣкомъ», въ то время какъ, по мнѣнію Ницше, человѣкъ лишь регрессировалъ, ставъ «болѣе слабымъ, добродушнымъ, благоразумнымъ, обходительнымъ, посредственнымъ, безпечнымъ, консервативнымъ (chinesisch), христіанскимъ»... А такъ какъ первой причиной такого вырожденія является европейская, іудейско-христіанская мораль, то надо употребить всѣ усилія, чтобы ее прибрать прочь; Ницше вѣдь прямо себя называетъ «имморалистомъ и антихристомъ». Разъ будетъ признана промахомъ задача всей цивилизаціи, состоящая въ прирученіи дикаго человѣческаго существа, то и средство, которымъ она для этого пользовалась, т. е. вся донынѣ существующая мораль, должно быть рѣшительно отвергнуто,—«fällt der Mantel, so folgt eben der Herzog nach».

Хотя такимъ образомъ въ столь же запутанныхъ, сколько дерзкихъ

и смѣлыхъ разсужденіяхъ Ницше съ трудомъ лишь можно отдѣлить задачи культуры отъ задачъ морали, тѣмъ не менѣе мы находимъ въ огромномъ множествѣ безпорядочно перепутанныхъ историко-философскихъ и соціологическихъ афоризмовъ двѣ точки зрѣнія, подъ которыя кое-какъ еще можно подвести всѣ его разбросанныя, лишенныя всякой системы идеи. Первая изъ этихъ точекъ зрѣнія *историко-критическая*, вторая—*позитивно-творческая*.

Если у кого-нибудь хватаетъ дерзости упорно сопротивляться тому историческому ходу цивилизаціи, который складывался въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, и указывать ей не только отличные отъ прежнихъ, но даже прямо противоположные пути, то мы, если только его трактуемъ серьезно, должны потребовать отъ него доказательствъ, что путь, по которому шла до сихъ поръ цивилизація, дѣйствительно ложенъ, а также яснаго и точнаго указанія того новаго пути, по которому онъ хотѣлъ бы ее направить. Однако, если ему не удается привести убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу того, что, съ одной стороны вся наша цивилизація *непрочна*, а съ другой—предлагаемая имъ будущая форма *осуществима*, то пусть же не удивляется, если въ серьезномъ мыслителѣ—а только такихъ мы имѣемъ въ виду—онъ не вызоветъ другого ощущенія, кромѣ неудовольствія отъ пустой затраты времени на подобныя фантасмагоріи, или въ лучшемъ случаѣ насмѣшливой, иронической улыбки надъ этими остроумными утопіями.

Однако Ницше *хочетъ*, чтобы къ нему относились серьезно. Поэтому онъ въ своихъ историко-критическихъ замѣчаніяхъ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ дѣлаетъ попытку доказать логическую несостоятельность современнаго хода цивилизаціи и свести такимъ образомъ ее логически къ абсурду, чтобы затѣмъ въ замѣчаніяхъ, относящихся къ положительному построенію, набросать эскизъ своего новаго культурнаго идеала. Если бы ему удались оба эти доказательства: *негативное*, что сегодняшняя культура является логической безсмыслицей и потому *непрочна*, *и позитивное*, что его будущій культурный идеалъ, который ему приснился въ пророческомъ снѣ, *осуществимъ*, то мы бы должны были сдѣлать непремѣнно тѣ-же заключенія, какія сдѣлалъ Ницше: это вытекало-бы изъ свойствъ нашего ума, о заключеніяхъ котораго всегда рѣшаютъ исходныя точки. Однако, эти мнимыя доказательства при болѣе строгомъ критическомъ взглядѣ оказываются или совсѣмъ произвольными, такъ какъ они не основаны на точномъ наблюденіи, а являются лишь фантастическими догадками, сдѣланными у письменнаго стола, или же какъ разъ именно въ положительныхъ построеніяхъ очевиднымъ нездоровымъ плодомъ мистическаго экстаза, похожимъ на что-то въ родѣ соціологическаго миража.

Новѣйшая философская проблема о началахъ цивилизаціи, надъ которою теперь сидятъ всѣ этнологи, археологи, антропологи, палеонтологи, языковѣды и историки цивилизаціи такъ-же усердно, какъ раньше

надъ вопросомъ о происхожденіи рѣчи, не представляетъ для Ницше никакихъ трудностей. Онъ ее разрѣшаетъ удивительно легко... «...Мы теперь можемъ сказать категорически, какъ возникла всякая высшая культура на землѣ. Люди еще близкіе къ природному состоянію, варвары въ самомъ страшномъ значеніи этогослова, дикари, еще обладавшіе сильной жаждой могущества, нападали на болѣе слабыя, цивилизованныя и спокойныя расы, или на старыя, дряхлыя культурныя племена, въ которыхъ остатки жизненной силы вспыхивали блестящими проблесками таланта и разврата. *Самой знатной кастой была въ началѣ эта каста варваровъ.*

«Оставаясь знатной расой, они не переставали быть дикарями, этими великолѣпными, жаждущими добычи и побѣды *бѣлокурыми бестіями*; отъ времени до времени должны были происходить проявленія этой скрытой энергіи, *звѣрь въ нихъ рвался наружу*, дикаря тянуло опять въ лѣсъ,—такъ было со знатью римлянъ, арабовъ, германцевъ, японцевъ, съ гомеровскими героями, скандинавскими викингами».

Эта лучшая раса, у которой жажда власти проявлялась такимъ элементарнымъ способомъ, является сперва законодательною; въ ея рукахъ также находится оцѣнка всѣхъ достоинствъ. По мнѣнію Ницше, понятіе «хорошаго» установлено было вовсе не тѣми, которые испытывали что-нибудь хорошее, какъ это принимается англійскими психологами! Скорѣе это сами «хорошіе», т. е. знатные, могущественные, высокопоставленные и благородные, считали и заставили другихъ считать себя и свои дѣйствія хорошимъ, перворазряднымъ въ противоположность къ низкимъ, неблагороднымъ, пошлымъ, къ черни. Этотъ дистанціонный паѳосъ (Pathos der Distanz) далъ имъ впервые въ руки право опредѣлять цѣнности и создавать ихъ... Продолжительно преобладающее общее основное сознаніе чего-то высшаго, господствующаго по отношенію къ низшему, къ «низу»—вотъ гдѣ начало противоположности между понятіями «добра» и «зла» («Zur Genealogie der Moral», стр. 4).

Я здѣсь нарочно дословно привелъ эту основную идею Ницше относительно началъ культуры и морали, которую онъ на разные лады повторяетъ въ своихъ сочиненіяхъ, рѣшительно утомляя этимъ читателя, чтобы она не потеряла чего-нибудь изъ своей комической соціологической наивности. Въ то время, какъ соціологія въ связи со стройнымъ рядомъ спеціальныхъ наукъ старается воспроизвести азбуку доисторической культуры, основываясь на открытіяхъ геологовъ и на находкахъ, относящихся къ этимъ давно минувшимъ временамъ; въ то время, когда люди въ родѣ Моргана, Макъ-Леннана, Мэна, Лёббока, Спенсера, Бахофена, Поста, Бастіана, Лавелея, Летурно и т. п. съ поразительнымъ усердіемъ трудятся надъ собираніемъ сравнительнаго матеріала, чтобы вычитать какъ-нибудь изъ открытыхъ первобытныхъ памятниковъ исторію возникновенія семьи, общества, государства, собственности, права, нравовъ, морали и т. д.,—Ницше однимъ почеркомъ

пера превосходитъ всѣ эти трудности и даетъ намъ объясненіе: культура такимъ-де образомъ возникла, что болѣе сильныя расы нападали на болѣе слабыя, покоряли ихъ и заставляли признавать свои дикія особенности нравственнымъ благомъ. По истинѣ, это является въ соціологіи чѣмъ-то въ родѣ яйца Колумба.

Однако, такъ легко не даются *научныя* объясненія въ концѣ девятнадцатаго столѣтія. Методъ Ницше былъ-бы пожалуй, соотвѣтственъ такъ высоко цѣнимой имъ эпохѣ возрожденія, когда, исходя изъ одного основного принципа, какого-нибудь «Archeus», установленнаго произвольно, выводили затѣмъ съ легкостью *всѣ* явленія бытія. *Спекулятивный* соціологическій методъ Ницше, состоящій въ томъ, чтобы объяснить всѣ явленія культуры, исходя изъ одного принципа, принятаго a priori, но не доказаннаго логически, можетъ быть удобно поставленъ въ одномъ ряду съ историко-философскимъ методомъ Гердера. Только въ то время какъ у Гердера этотъ принципъ называется «развитіемъ», у Ницше онъ является помѣсью ученій Шопенгауэра и Дарвина и носитъ названіе «жажда могущества». Какъ ни провозглашай Ницше своего метода «эмпирическимъ», «точнымъ», «согласнымъ съ методомъ естествознанія», какъ ни издѣвайся онъ сильно надъ метафизиками, а все-таки онъ по этому методу является такимъ-же метафизикомъ въ области соціологіи и этики, какъ и Гердеръ. Тѣ тяжелые упреки, которые Гердеръ и Ницше сдѣлали Канту, могутъ быть направлены съ большимъ еще основаніемъ противъ нихъ самихъ со стороны сегодняшней соціологіи.

Къ счастью, въ настоящее время всѣ серьезные изслѣдователи забросили уже этотъ спекулятивный, догматическій методъ соціологіи, который высокомѣрно игнорируетъ весь эмпирическій матеріалъ, богато доставляемый палеонтологіей и сравнительной этнографіей, а также сравнительными изслѣдованіями въ области правовѣдѣнія, языковѣдѣнія и народныхъ преданій, а вмѣсто этого самъ создаетъ апріорные принципы и примѣняетъ ихъ къ объясненію отдѣльныхъ явленій, пользуясь при томъ напыщенной діалектикой. И только этою аристократической изолированностью, благодаря которой Ницше запуталъ себя въ сѣтяхъ собственныхъ мыслей, не только не изучая, но даже не обращая вниманія на современную, столь быстро развивающуюся соціологію, можно объяснить тотъ фактъ, что идеи Ницше относительно началъ культуры и морали такъ сильно отстали соотвѣтственно современному состоянію соціологіи и являются наивными анахронизмами.

Конечно, идеи эти являются анахронизмами только для того, кто, съ одной стороны, прослѣдилъ съ глубокимъ интересомъ за серьезными усиліями современныхъ палеонтологовъ разъяснить начала культуры и морали сравнительно историческимъ методомъ, а съ другой—знакомъ съ попытками *прежнихъ* эпохъ напасть на желанный слѣдъ. Простодушный-же читатель, не обладающій достаточнымъ количествомъ соціо-

логическихъ и историко-философскихъ свѣдѣній, будетъ, напротивъ того, сразу ослѣпленъ тою поразительною простотою, съ которою Ницше разрѣшаетъ данный вопросъ. Вѣдь это такъ ясно, что болѣе сильный покорялъ болѣе слабаго и заставлялъ послѣдняго относиться съ почтеніемъ къ своимъ особенностямъ и считать ихъ лучшими, что становится убѣдительнымъ, отчего же въ дѣйствительности культурѣ такимъ образомъ не возникнуть, какъ это намъ изображаетъ фантазія Ницше. Однако, болѣе строгая въ своихъ требованіяхъ, наука считается не съ простыми лишь вѣроятностями, а съ вѣскими доказательствами. Если-бы Ницше въ пользу своего положенія привелъ данныя изъ исторіи первобытнаго міра, сравнительной этнографіи, сравнительныхъ изслѣдованій по правовѣдѣнію, лингвистикѣ и народнымъ преданіямъ *), наука охотно одобрила бы его рѣшеніе этой задачи какъ сравнительно простое и ясное.

Однако Ницше, какъ это ни кажется невѣроятнымъ, ограничивается въ своихъ доказательствахъ исключительно *этимологическими* соображеніями, оставляя безъ вниманія всѣ эти вспомогательныя соціологическія науки. Здѣсь будетъ умѣстно показать маленькій букетъ изъ подобныхъ этимологическихъ упражненій, такъ какъ это освободитъ меня отъ дальнѣйшей критики: «На *истинный* путь привелъ меня вопросъ о томъ, что собственно говоритъ намъ этимологическая сторона тѣхъ названій для понятія «добра», какія мы находимъ въ различныхъ языкахъ: я нашелъ вездѣ аналогичный *переходъ понятій*—вездѣ основными понятіями являются понятія: «знатный», «благородный», а изъ нихъ уже вытекаютъ необходимо понятія о «добромъ», какъ о «душевно-возвышенномъ», о «благородномъ» какъ «душевно-облагороженномъ», «душевно-привилегированномъ...» Самымъ краснорѣчивымъ примѣромъ здѣсь является нѣмецкое слово «schlecht» (плохой): оно собственно тождественно со словомъ «schlicht» (гладкій, прямой, простой)—сравни слова: «schlechtweg» (просто, безъ затѣй), «schlechterdings» (непремѣнно) и первоначально обозначало простого, обыкновеннаго человѣка, не имѣющаго еще подозрительныхъ косыхъ взглядовъ, въ противоположность знатному» («Zur Gen d. Mor.», стр. 6). И сколько этимологическихъ натяжекъ позволяетъ себѣ дѣлать *филологъ* Ницше для доказательства первоначальной связи между господствующимъ классомъ побѣдителей и понятіемъ «добра». Ограничимся однимъ примѣромъ: «Подъ латинскимъ словомъ bonus слѣдуетъ понимать, по моему, «война»... Имя это (bonus) относилось къ мужамъ раздора, ссоры (duo), войны; мы видимъ такимъ образомъ, какія качества человѣка считались въ древнемъ Римѣ «хорошими».—А нѣмецкое

*) Какъ, это напр., пытался сдѣлать Людовикъ Гумпловичъ, который, независимо отъ Ницше, пришелъ къ такому-же соціологическому принципу, ср. его главныя сочиненія по соціологіи: «Der Rassenkampf», 1883, «Grundriss der Sociologie», 1885» «Sociologie und Politik» 1892.

слово «хорошій» («gut») ужъ не обозначаетъ ли «божественнаго» (den Göttlichen), человѣка «божественнаго рода» (den Mann «göttlichen Geschlechts»)? (тамъ же стр. 9, *).

Мое перо лишено достаточнаго количества желчи, какимъ оно обладаетъ у Ницше, чтобы отхлестать, какъ слѣдуетъ, эти этимологическія доказательства, мѣстами напоминающія своею отчаянною искусственностью извѣстныя лисьи увертки.

Разъ, такимъ образомъ, исходная точка соціологіи Ницше является произвольною гипотезою, не опирающеюся ни на эмпирическомъ матеріалѣ, ни на строгихъ логическихъ выводахъ, то и всѣ историко-философскія попытки его вывести современную культуру изъ древней носятъ какой-то неправдоподобный, романическій характеръ. При болѣе внимательномъ взглядѣ, его философія исторіи является лишь *соціологическимъ романомъ*, геніально составленнымъ, исполненнымъ въ стилистическомъ отношеніи съ артистическою тонкостью и не лишеннымъ даже въ своихъ прорицаніяхъ поэтической силы. Прослѣдимъ отдѣльныя фазы этого историко-философскаго романа.

Искони противополагалась *господской морали* («Herren Moral»), т. е. свойствамъ первобытнаго исполина, расточительнаго въ избыткѣ своихъ силъ, покоряющаго болѣе слабыя орды,—*рабская мораль* («Sklaven Moral»), т. е. слабыя свойства тѣхъ, которымъ не хватало силы и мужества устоять противъ натиска тѣхъ героевъ. Какъ долго перевѣсъ былъ на сторонѣ этой *господской морали*, существовалъ золотой вѣкъ. Эта мораль не знаетъ никакихъ заповѣдей, обуздывающихъ страсти, никакихъ предписаній, стѣсняющихъ естественныя наклонности, и, напротивъ, признаетъ лишь эти необузданные, не стѣсненные никакими приличіями инстинкты. «*Обязанность* побѣждать инстинкты гласятъ лишь формулы упадка; тогда какъ жизнь *прогрессируетъ*, счастье всегда согласно инстинктамъ», говорится у него въ «Götzendämmerung» (стр. 17). Съ чрезмѣрною расточительностью, свойственною развѣ такимъ натурамъ, какъ Ницше, она надѣляетъ тѣхъ героевъ огромною воспріимчивостью къ наслажденіямъ, которая впервые дѣлаетъ жизнь чего-нибудь стоющею. Это было высшею ступенью всей существовавшей до нынѣ цивилизаціи и составляло высшій смыслъ всей исторіи, которая съ психологической точки зрѣнія является ничѣмъ инымъ, какъ «морфологіей и ученіемъ о развитіи идеи жажды могущества» («Jenseits von Gut und Böse», стр. 28). И всю нашу общественную жизнь слѣдуетъ объяснять съ точки зрѣнія возникновенія и развитія *одной* основной формы желанія—«именно, жажды могущества, какъ это я утверждаю» (тамъ же, стр. 49).

---

*) Этимологическія соображенія подобнаго рода мы можемъ считать у Ницше дюжинами. Любителей такихъ пустяковъ я отсылаю къ его сочиненію: «Genealogie der Moral» (стр. 8, 18, 58, 59 ff.). На этимологическія изслѣдованія онъ смотритъ, какъ на стройную теорію (тамъ же, стр. 37).

При господствѣ этой морали властелиновъ, однако, идея жажды могущества—этотъ міровой принципъ, по мнѣнію Ницше (Substanz), нашла себѣ и самое полное выраженіе», такъ какъ для этой рыцарской, аристократической касты властелиновъ жизнь была равнозначна съ могуществомъ. О томъ, какъ онъ себѣ воображалъ жизнь и занятія этой касты, онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ слѣдующее: «Эти рыцари-аристократы въ особенности цѣнили *физическую крѣпость*, цвѣтущее, обильное, даже черезчуръ обильное здоровье, вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что обусловливаетъ сохраненіе его, т. е. войну, приключенія, охоту, танцы, военныя игры и вообще всякую крѣпкую, свободную, живую и веселую дѣятельность» («Gen. d. Moral», стр. 12). Какъ видимъ, Ницше положительно исповѣдуетъ *культъ физической стороны* (человѣка). Ученіе это, заключающее въ себѣ свое изображеніе aurea prima, является не только сосредоточеннымъ эпикуреизмомъ, но прямо гедонизмомъ въ карикатурѣ. Эпикуръ самъ ставилъ душевныя наслажденія значительно выше тѣлесныхъ; Аристиппъ, основатель гедонизма, ставилъ ихъ, по крайней мѣрѣ, на ряду съ физическими; Ницше впервые рѣшается такъ грубо и категорически видѣть въ духовныхъ наслажденіяхъ и вообще во всей духовной сторонѣ симптомъ паденія и вырожденія. Его фанатическое отношеніе къ физической сторонѣ человѣка, могущее явиться слѣдствіемъ разгоряченной или просто даже развратной чувственности, приводитъ его къ непонятнымъ, ужаснымъ идеямъ—видѣть въ развитіи человѣческаго духа вырожденіе человѣчества. «Различныя породы»,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ—«не растутъ въ совершенствѣ: слабые будутъ всегда опять господствовать надъ сильными—этому причиною ихъ многочисленность, а также то, что они *умнѣе*... Дарвинъ забылъ о *разумѣ*, *слабые обладаютъ разумомъ въ большей степени*... Надо нуждаться въ разумѣ, чтобы его пріобрѣсть. Его теряютъ, когда онъ не нуженъ. *Тотъ, кто владѣетъ силой, освобождается отъ разума...*»

Несчастье человѣчества состоитъ такимъ образомъ въ постепенномъ торжествѣ разума надъ «цвѣтущимъ физическимъ состояніемъ». Разумъ—характерное достояніе болѣе слабыхъ, рабовъ является причиною грѣхопаденія человѣчества. Чтобы оцѣнить по достоинству всю чудовищность этого разсужденія, надо бы прослѣдить логическую сторону этого радикализма до конца во всей ея послѣдовательности. Итакъ, сильный человѣкъ освобождается отъ разума. Силенъ въ смыслѣ Ницше тотъ, кто энергично проявляетъ свою жизнь, т. е. свою жажду могущества. Однако что-же такое жизнь? Ницше говоритъ: «Сущность жизни составляютъ присвоенія, нарушенія, покоренія себѣ чужого и болѣе слабаго, притѣсненія, суровость, установленія собственныхъ формъ, присоединенія къ себѣ и по крайней лучшей мѣрѣ грабежъ». Основными чертами этого сильнаго идеальнаго человѣка Ницше являются злоба и утонченная жестокость. Сущность *господскаго права* («Herren-

recht») составляетъ удовольствіе показывать свою силу на томъ, кто лишенъ этой силы, наслажденіе «de faire le mal pour le plaisir de le faire». Да, Ницше даже находитъ, напоминая при этомъ Поля Ре, что «*жестокость* доставляетъ праздничную радость человѣчеству и входитъ, какъ составная часть, во всѣ его формы», такъ какъ, продлжаетъ онъ, «видѣть страданія пріятно, а причинять страданія еще пріятнѣе».

На томъ, какъ Ницше выводитъ изъ этого мутнаго источника понятія о возмездіи, долгѣ и совѣсти какъ «связи между продавцемъ и покупателемъ, должникомъ и кредиторомъ», мы можемъ совершенно основательно не останавливаться, такъ какъ всѣ эти широкіе выводы, которые притомъ также преисполнены неудачныхъ, этимологическихъ доказательствъ, въ лучшемъ случаѣ являются, по моему мнѣнію, лишь остроумной фантазіей, которой критика окажетъ самую лучшую услугу въ томъ случаѣ, если обойдетъ ее молчаніемъ. Если теперь мы однимъ взглядомъ окинемъ всѣ тѣ свойства, какія характеризовали этотъ классъ властелиновъ («Herrenklasse»)—жизнь, согласную необузданнымъ инстинктамъ, хищничество, присвоенія, поврежденія чужого, суровость, грабежъ болѣе слабыхъ, злобу, жестокость и глупость—то положительно затрудняемся даже при обильной помощи современной описательной зоологіи найти животное, которое обладало-бы въ такой гармоніи всѣми вышеназванными качествами, какъ первобытные «Uebermensch'ы Ницше, эти «прекрасныя, жадныя добычи и побѣды *бѣлокурыя бестіи*», которыя являлись «совершенствомъ человѣческаго существа».

Однако таже высшая раса, которой собственно удобнѣе было бы проявлять свои «свободные инстинкты» въ дикомъ состояніи, по мнѣнію Ницше, основала «Государство», причемъ явленіе это было такъ же просто, какъ и возникновеніе культуры и морали: «Какая-нибудь толпа бѣлокурыхъ дикарей, *высшая побѣдительная раса* (Eroberer und Herrenrasse»), организованная въ военномъ отношеніи и обладающая возможностью организовать (notabene: бѣлокурая бестія въ состояніи организовать), налагаетъ безъ сомнѣнія свои ужасныя лапы на превосходящее ихъ, пожалуй, численно, но еще неорганизованное, бродячее населеніе» («Genealogie der Moral» стр. 73).

На вопросъ о томъ, какою философскою формулою можно обнять всѣ свойства этого идеальнаго первобытнаго человѣка, мы можемъ отвѣтить, не задумываясь: «онъ является *воплощеніемъ эгоизма*». Бѣлокурая бестія знаетъ только себя и свои похоти; она является для самой себя цѣлью и притомъ единственою цѣлью; весь остальной міръ служитъ только средствомъ для удовлетворенія ея инстинктовъ, доставляя ей просторъ для проявленія ея «жажды могущества». Однако попытка сдѣлать эгоизмъ главнымъ источникомъ всей нашей морали вовсе не представляетъ изъ себя новой идеи. Въ новой психологіи отъ Томаса Гоббеса до Герберта Спенсера цѣлый рядъ психологовъ-моралистовъ—укажемъ лишь на Мандевилля, Ла-Рошфука, Ла-Брюйэра,

Гельветіуса—пытаются обосновать всю этику на эгоизмѣ, исходя изъ того, что первоначальныя, естественныя стремленія человѣка имѣли своею цѣлью самосохраненіе. Новымъ у Ницше является только то, что въ то время, какъ тѣ защищаютъ современную мораль, не смотря на ея эгоистическое происхожденіе, онъ, напротивъ, отрицаетъ ее, такъ какъ она содержитъ уже слишкомъ много альтруистическихъ элементовъ, т. е. не является продуктомъ чистаго, неиспорченнаго эгоизма, свойственнаго природному состоянію. Нашъ упадокъ онъ видитъ въ томъ, что мы *недостаточно эгоисты*. «Человѣку приходитъ конецъ, когда онъ становится альтруистомъ; если ему перестаетъ хватать эгоизма, тогда ему не хватаетъ самаго лучшаго»—такъ рѣшается утверждать Ницше («Götzendämmerung», стр. 101). Да, по его мнѣнію эгоизмъ составляетъ именно «существенное достояніе благородной души» («Jenseits von Gut und Böse», стр. 241). Это циническое отверженіе всего, что до сихъ поръ считалось благороднымъ и возвышеннымъ, это рѣшительное извращеніе всѣхъ этическихъ цѣнностей, которому хватаетъ смѣлости назвать идеаломъ то, что согласно consensus omnium презиралось въ теченіе многихъ тысячелѣтій, какъ по существу своему негодное, все это превосходитъ своимъ распутнымъ радикализмомъ все, что до сихъ поръ создали образованные люди, не исключая даже сочиненія Макса Штирнера: «Der Einzige und sein Eigenthum».

Въ самомъ дѣлѣ, Штирнеръ на ряду съ Ницше является самымъ беспардонным сторонникомъ эгоистическаго индувидуализма. Однако, при такомъ крайнемъ эгоизмѣ у Штирнера человѣколюбіе, правда, тоже скрывающее въ себѣ эгоизмъ, является, по крайней мѣрѣ, *возможнымъ*. Такъ, Штирнеръ говоритъ слѣдующее: «Я люблю также людей, не только единичныхъ, но каждаго. Но я ихъ люблю съ полнымъ сознаніемъ моего эгоизма. Я люблю ихъ, такъ какъ любовь эта дѣлаетъ меня счастливымъ; я люблю, такъ какъ любовь свойственна моей природѣ, такъ какъ мнѣ это доставляетъ удовольствіе. Я не знаю «никакихъ заповѣдей любви». Я *сочувствую* всякому чувствующему существу, страданія послѣдняго меня мучаютъ, радости его меня радуютъ: *я могу ихъ убить, но мучить не въ состояніи*».

Совсѣмъ не такъ Ницше. По его мнѣнію, именно «*жестокость*, наслажденіе при преслѣдованіи, нападеніи, измѣнѣ, разрушеніи» являются отличительными признаками, такъ сказать «fine fleur», его «Herrenklasse». Сочувствовать другимъ тварямъ, питать даже къ нимъ *сострадание*,—въ его глазахъ это вѣрные признаки регресса, вырожденія, упадка. «Наша сочувствующая мораль... является еще однимъ проявленіемъ нашей физіологической раздражительности, свойственной упадку... *Высшія* культуры видятъ въ состраданіи, въ «любви къ ближнему», въ недостаткѣ сознанія собственнаго «я» и своего достоинства нѣчто, достойное лишь презрѣнія» («Götzendämmerung», стр. 107).

Эти дьявольскія мысли, являющіяся кульминаціоннымъ пунктомъ

*

размышленій Ницше, право, оригинально скотски. Если верхъ оригинальности состоитъ въ томъ, чтобы раздѣлять и гласить такую идею, какой еще ни одинъ человѣкъ не выдумалъ даже въ сильнѣйшей стадіи лихорадочнаго припадка, то едва ли можно не признать Ницще, какъ гласителя новой истины о счастьѣ, по которой онъ является Христомъ наизнанку, особенной славы за то, что въ этомъ пунктѣ провозвѣщаетъ нѣчто абсолютно оригинальное, никогда донынѣ не существовавшее. Считать человѣколюбіе симптомомъ упадка, а вмѣсто этого, жестокость не только историческимъ факторомъ, но даже высшею добродѣтелью истинно благороднаго человѣка, это дѣйствительно переоцѣнка всѣхъ этическихъ цѣнностей, какой мы не находимъ даже у самыхъ развратныхъ циниковъ древности. Правда, въ средніе вѣка тамъ и сямъ ныряли подобныя темныя идеи, но онѣ слыли какъ спеціальныя теоріи олицетвореннаго нечистаго...

Это, однако, у Ницше вовсе не бѣглыя мысли, явившіяся въ минуту преходящаго мизантропическаго расположенія духа, а цѣлая теорія, которая господствуетъ во всемъ его міросозерцаніи. Это, такъ сказать, мефистофелизмъ, имѣющій методу и возведенный въ систему. Ибо на ряду *съ господской этикой* («Herren-Moral»), ставящей себѣ цѣлью навязать свои аристократическія дикія особенности покореннымъ «стаднымъ животнымъ», Ницше признаетъ также существованіе *рабской этики* («Sklaven-Moral»), выражающей собою, наоборотъ, рабскія особенности болѣе слабыхъ. И по скольку господская этика старается водвориться и пріобрѣсть значеніе, по стольку же задачи рабской этики направлены къ предпринятію борьбы съ первою и настойчивому, постепенному подавленію ея.

Въ рабской морали «выдвигаются и озаряются свѣтомъ тѣ особенности, которыя служатъ къ облегченію существованія страдающимъ; здѣсь мы имѣемъ состраданіе, услужливую руку помощи, теплое сердце, терпѣніе, трудолюбіе, смиреніе, расположеніе къ доброму имени, такъ какъ все это *полезныя* свойства и являющіяся почти единственнымъ средствомъ для перенесенія всей тяжести бытія. *Рабская мораль—это собственно утилитарная мораль*. Это тотъ очагъ, у котораго возникаетъ извѣстная противоположность между понятіями «добра» и «зла» («Jenseits von Gut und Böse», стр. 232).

Это извѣстное мѣсто, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, объясняетъ намъ заглавіе его главнаго сочиненія («Jenseits von Gut und Böse»), содержитъ основу его осужденія нашей современной морали. Всѣ приведенныя тамъ свойства болѣе слабыхъ, которыя въ глазахъ современныхъ европейцевъ являются добродѣтелями, по его мнѣнію, безспорно и очевидно характеризуютъ рабскую этику. И вся его философія исторіи выражается въ слѣдующемъ предложеніи: «Эти носители подавляющихъ, жадныхъ воздаянія инстинктовъ, *эти сыны всякаго европейскаго и неевропейскаго рабскаго общества являются признаками регресса чело-*

вѣчества». По Ницше вполнѣ логично видѣть въ успѣхахъ культуры лишь регрессъ. Но вѣдь если кто, стоя вверхъ ногами, станетъ глядѣть въ зеркало, то поневолѣ *все* увидитъ вверхъ ногами. Однако, если прошлое является лишь зеркаломъ настоящаго, то Ницше, очевидно, долженъ видѣть всѣ историческія фазы иначе, чѣмъ ихъ видѣли до сихъ поръ нормальные люди, и толковать ихъ онъ тоже долженъ наизнанку.

Между господами и рабами, по мнѣнію Ницше, является съ теченіемъ времени *духовная аристократія*, которая свое значеніе получаетъ первоначально отъ рыцарьской аристократіи, чтобы затѣмъ стать ея противоположностью. Эта духовная аристократія является на помощь рабской морали и, такимъ образомъ, рыцарскій способъ оцѣнки является разбитымъ соединеннымъ оружіемъ.

Такимъ образомъ, какъ выводитъ дальше соціологическій романъ Ницше нить всемірной исторіи, рабы и духовенство могли въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій рука объ руку бороться съ господской моралью, сперва безъ замѣтныхъ результатовъ, пока не наступило явленіе, потрясшее всѣмъ міромъ и произведшее революцію въ этикѣ: на міровую сцену выступилъ жреческій народъ—евреи.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

(*Продолженіе* *).

XIII.

Анненковъ, по происхожденію богатый помѣщикъ, по образованію вольный слушатель философскаго, т. е. историко-филологическаго факультета петербургскаго университета, много жилъ за границей, совершенно свободный отъ какихъ-либо обязанностей, кромѣ самообразованія и, какъ водится съ свободными туристами, самоуслажденія. Продолжительное пребываніе въ Италіи должно было сильно развить художественный вкусъ, а близкое знакомство съ французской общественностью,—возвысить просвѣщенность и широту ума. Любознательность Анненковъ всю жизнь проявлялъ приблизительно такую же, какъ герой его *Писемъ изъ провинціи*—Нилъ Ивановичъ, т. е. читалъ множество книгъ и интересовался множествомъ вопросовъ, отъ чистаго искусства до экономическихъ теорій [101]).

Нилъ Ивановичъ, прочитавъ книгу, немедленно забывалъ ее и хранилъ совершенное равнодушіе къ ея содержанію, Анненковъ, напротивъ, искусно пользовался своимъ капиталомъ и бралъ съ него проценты въ формѣ критическихъ статей. Это чисто книжное происхожденіе именно критики Анненкова ея главнѣйшая черта. Онъ—образцовый бумажный человѣкъ, производитель словесныхъ упражненій, за письменнымъ столомъ будто забывающій всѣ свои наблюденія и опыты. Если онъ только *разсказчикъ* на его страницахъ живетъ и дышитъ дѣйствительность, если онъ *мыслитель*, онъ внѣ здѣшняго міра, въ какой-то особой области, именуемой литературой, искусствомъ. У этого симбирскаго помѣщика заложенъ неистребимый аристократическій инстинктъ смотрѣть на литературу именно какъ на словесность, а не на есте-

*) См. «Міръ Божій», № 9. Сентябрь.

[101]) *Воспоминанія*. I, 9 etc.

ственный и необходимый спутникъ жизни и ея прозы. Это собственно не эстетическая манія, не культъ чистаго искусства, а именно салонная теорія словесности: искусство—нѣчто парадное и праздничное, своего рода украшеніе и невинное удовольствіе.

Анненковъ не могъ дойти до послѣдняго вывода теоріи—оцѣнить искусство какъ забаву. Онъ обладалъ слишкомъ просвѣщеннымъ умомъ и жилъ въ слишкомъ демократическую литературную эпоху, но раздѣлъ между дѣйствительностью и литературой, понятія дѣйствительности, какъ исключительной прозы и литературы, какъ безпримѣсной поэзіи, будничной жизни, какъ мрака и страданій и искусства, какъ свѣта и наслажденій,—всѣ эти понятія одного логическаго порядка.

И они плодъ не столько теоретическаго созерцанія, сколько извѣстныхъ условій жизни и прирожденныхъ наклонностей.

Анненковъ съ полной ясностью обнаружилъ эту затаенную стихію своей эстетики.

Въ статьѣ о народнической литературѣ онъ усиливается доказать, что «простонародная жизнь» не можетъ быть воспроизведена литературно во всей своей истинѣ. Почему же? Потому что эта жизнь слишкомъ мрачна, нечистоплотна или даже нецензурна?

Нѣтъ, не потому, а по общимъ основаніямъ.

«Чтò бы ни дѣлалъ авторъ,—говоритъ критикъ,—для тщательнаго сохраненія истины и оригинальности въ своихъ лицахъ, онъ принужденъ наложить краску искусственности на нихъ, какъ только принялся за литературное описаніе».

Дальше съ удивительной непосредственностью раскрывается тайна барскаго воззрѣнія на искусство. Здѣсь каждое слово имѣетъ вѣсъ: всѣ эти слова вылились прямо изъ сердца критика, выдавъ его задушевныя мечтанія о красотѣ и художествѣ.

«Желаніе сохранить рядомъ другъ подлѣ друга требованія искусства съ настоящимъ, жесткимъ ходомъ жизни, произвесть эстетическій эффектъ и вмѣстѣ цѣликомъ выставить бытъ, мало подчиняющійся вообще эффекту,—желаніе это кажется намъ неисполнимымъ [102]).

Вы спросите, зачѣмъ же непремѣнно производить эффекты, да еще эстетическіе? Вѣдь критикъ, повидимому, вѣруетъ въ геніальность Гоголя и весьма высоко цѣнитъ Бѣлинскаго: гдѣ же въ изображеніяхъ *быта* онъ усмотрѣлъ стремленіе къ эффекту и какъ онъ не научился у Бѣлинскаго достодолжнымъ образомъ понимать эстетику и эстетическое? Очевидно, и для него, какъ и для другихъ его современниковъ, втунѣ прозвучала страстная проповѣдь учителя, и они, по крайней мѣрѣ, двое—Дружининъ и

---

[102]) *О. с.* II, 47.

Анненковъ—безнадежно погрязли въ художественность блаженной и благородной литературы временъ классицизма и чувствительности. Недаромъ Дружининъ готовъ былъ сѣтовать даже на равнодушіе публики къ «блестящимъ» писателямъ—Расину и Корнелю [103]). Это въ высшей степени краснорѣчиво для точнаго представленія объ уровнѣ литературно-общественныхъ запросовъ нашихъ критиковъ. Анненковъ не доходитъ до подобныхъ откровенностей, но и онъ усиленно убѣждаетъ насъ, что «истина жизни и искусство рѣдко бываютъ примирены». Совершенно напротивъ: они «большею частью находятся въ обратной ариѳметической пропорціи другъ къ другу, и законъ правильнаго соотношенія между ними еще не найденъ» [104]).

Какъ не найденъ? Слѣдовательно, вся новѣйшая русская литература до 1854 года включительно или клевета на истину жизни, или ничтожна какъ искусство? И натуральная школа, одушевлявшая такими надеждами русскую критику, не представляетъ положительнаго пріобрѣтенія въ исторіи литературы? И тотъ путь, какой указанъ Гоголемъ, неизбѣжно приведетъ русскихъ писателей или къ художественному банкротству, или къ слѣпому извращенію дѣйствительности?

Можно подумать, критикъ не отдавалъ строгаго отчета въ своихъ словахъ или желалъ выразить свое неодобреніе новому направленію. Послѣднее вѣроятнѣе.

Анненковъ съ самаго начала обнаруживалъ недовольство «сентиментальнымъ» родомъ повѣствованій. Это выраженіе замѣчательно. Оно часто встрѣчается и у Дружинина и удостоивается также негодующихъ указаній цензуры. Новый сентиментализмъ на языкѣ цензоровъ и критиковъ означаетъ одно и то же: литературу гоголевскаго направленія, литературу объ Акакіяхъ Акакіевичахъ всевозможныхъ общественныхъ положеній и нравственныхъ обликовъ. Цензурѣ эта литература не нравилась скрытымъ якобы демократизмомъ и оппозиціоннымъ духомъ недовольства и мрачныхъ воззрѣній на современную благоденствующую дѣйствительность. Въ общемъ оффиціальный взглядъ на гоголевскихъ литературныхъ наслѣдниковъ можно вполнѣ точно опредѣлить извѣстнымъ отзывомъ Екатерины о Радищевѣ: «сложенія унылаго и все видитъ въ темно-черномъ видѣ».

Критики изъ породы Дружинина, мы знаемъ, весьма близко подходили къ этому чувству, и веселый иногородный подписчикъ конечно, вполнѣ согласился бы съ самымъ рѣзкимъ приговоромъ о людяхъ «темно-черныхъ» настроеній. Дружининъ, по обыкновенію,

---

[103]) *Сочиненія.* VI, 347.

[104]) *О. с.* II, 81.

заявлялъ о своихъ чувствахъ открыто, шутя и играя. Анненковъ не зараженъ честолюбіемъ острослова и фельетониста: онъ солидно и сдержанно посѣтуетъ на «фантастически-сентиментальныя» повѣсти за слишкомъ сѣрыя и будничныя картины и заурядные типы [105]). Мало, очевидно, эстетическихъ эффектовъ! И слишкомъ много чего-то, враждебнаго эстетикѣ и спокойному наслажденію красотой.

Изъ письма Огарева къ Анненкову мы узнаемъ, что нашему критику были свойственны очень рѣшительныя мысли въ чисто-эстетическомъ направленіи. Онъ полагалъ, что «мысль убиваетъ искусство и женщину» [106]).

Это—цѣлая теорія, и опять подъ стать дружининскимъ истинамъ. Анненковъ не преминулъ развить ее въ статьяхъ. Онъ давно замѣтилъ *педагогическій характеръ* изящной литературы: это результатъ постоянныхъ хлопотъ *о мысли*. Это—цѣлое бѣдствіе. Мысль лишаетъ авторовъ «простодушія во взглядѣ на предметы» и пріучаетъ ихъ къ философствованію и лукавству.

Это дѣйствительно непріятно. Но какже избавиться отъ злокозненныхъ мыслей, на какой чертѣ остановиться?

Мы видѣли, Дружининъ довольствовался идеями самаго общаго, можно сказать, неуловимаго содержанія. Для него *идея* тождественна съ извѣстнымъ понятнымъ смысломъ произведенія, т. е. съ болѣе или менѣе осмысленнымъ содержаніемъ,—требованія Аненкова еще проще: «развитіе психологическихъ сторонъ лица или многихъ лицъ»—вотъ и вся идея. «Никакой другой «мысли»,—увѣряетъ нашъ критикъ,—не можетъ дать повѣствованіе и не обязано къ тому, будь сказано не во гнѣвъ фантастическимъ искателямъ мысли».

Значитъ, только потребны герои съ извѣстной психологіей, т. е. лишь бы въ повѣсти не было манекенныхъ, безжизненныхъ фигуръ, и вполнѣ достаточно. А будетъ ли смыслъ въ наборѣ героевъ, обладающихъ психологіей, обнаружится ли болѣе или менѣе значительное содержаніе въ событіяхъ разсказа,—до этого читателямъ нѣтъ никакого дѣла. Должны они быть благодарными и въ томъ случаѣ, если онъ своимъ искусствомъ излагать «психическія наблюденія» воспользуется въ интересахъ какой-нибудь пустопорожней или прямо негодной мысли. Критикъ прямо заявляетъ:

«Врядъ ли дозволено дѣлать разсказъ проводникомъ эфическихъ или иныхъ соображеній и по важности послѣднихъ судить о немъ».

---

105) *Ib.*, 25, 33 etc.

106) *Анненковъ и его друзья*, стр. 647.

Достоинство художественнаго произведенія «въ обиліи прекрасныхъ мотивовъ», «во множествѣ картинъ, рождающихся безъ усилія и подготовки, въ легкой дѣятельности фантазіи». И образцы всего этого разсказы Тургенева!

Этотъ писатель, слѣдовательно, и для Анненкова только поэтъ, какъ и для Дружинина,—поэтъ беззаботный, съ непринужденнымъ воображеніемъ и безъ докучливой идейности. Это пишется въ 1854 году, когда еще не существуетъ великихъ романовъ автора. Чтò же заговоритъ критикъ по поводу *Дворянскаго гнѣзда*, *Отцовъ и дѣтей?*

Пока ея идеалъ гр. Толстой. Здѣсь всѣ наши критики единогласны. Рѣдкій писатель вообще, а русскій ни одинъ не выступалъ на литературную сцену при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Художественный талантъ, свободный отъ всякихъ общественныхъ задачъ, пришелся какъ нельзя болѣе по плечу робкой и наивной публицистикѣ первой половины пятидесятыхъ годовъ. Одного критика увлекаетъ идеализація *простоты* — неизвѣстно какой именно, вообще простоты и непосредственности, другого—Анненкова—очаровываетъ «вѣра» гр. Толстого въ «жизненное дѣйствіе организма».

Это нѣчто еще болѣе двусмысленное и скользкое, чѣмъ простота. Критикъ восхищается, что «природа сама по себѣ, безъ всякаго пособія со стороны, даетъ искру мысли» [107]). Какой же мысли?

Дальше говорится о «первомъ признаніи чувства и первой наклонности». Это несомнѣнно. Природа вполнѣ можетъ внушать такія мысли «безъ всякаго пособія со стороны» и, всякому извѣстно, какой великій мастеръ гр. Толстой по части физіологическаго анализа, отнюдь не психологическаго. Онъ неподражаемъ въ живописи чувствъ и наклонностей даже такихъ духовно-первобытныхъ особей, какъ недоросли разныхъ частей русской арміи и ихъ героини.

Но развѣ это «искры мысли»? Развѣ впечатлѣнія Вронскаго, когда онъ впервые видитъ Анну Каренину въ ярко освѣщенной залѣ и чувствуетъ «избытокъ чего-то» въ ея организмѣ,—развѣ онъ *мыслитъ*? Блестящіе глаза и румяныя губы вызываютъ мысли или нѣчто совершенно противоположное? И развѣ въ интересахъ мышленія влюбленныхъ мужчинъ авторъ съ великой тщательностью и множество разъ обращаетъ ихъ вниманіе на «статныя ножки», на «маленькую ручку», на «упругую ножку», на «скромную грацію». Сообразите, сколько вниманія удѣлено этимъ «пособіямъ со стороны» въ романахъ гр. Толстого, и вы оцѣните истинный смыслъ внушеній природы и особенно вызываемыхъ ею «искръ».

---

[107]) *Очерки*. II, 98—9, 100—1, 105.

Мы отнюдь не желаемъ произносить рѣчей на аскетическія темы, мы только указываемъ, въ какомъ непроницаемомъ туманѣ обрѣтается разсудокъ нашего критика и въ какую нелѣпость впадаетъ онъ совершенно безсознательно. Гр. Толстой своимъ талантомъ изображать организмы и ихъ естественную жизнь создалъ благодарнѣйшую точку опоры для промежуточной критики, чуравшейся всѣми силами «эфическихъ соображеній». Талантъ писателя, конечно, заслуживалъ горячихъ похвалъ, и мы протестуемъ не противъ восторженныхъ чувствъ критиковъ, а противъ вопіющаго смѣшенія понятій, противъ злоупотребленія явленіями искусства въ пользу извѣстной теоріи. Талантъ художника могъ быть замѣчателенъ, но это не значитъ, что онъ совершененъ и по *своей сущности* послѣднее слово творческаго генія. Кажется, Бѣлинскій достаточно опредѣленно рѣшилъ вопросъ по поводу Гоголя, нисколько не унижая дарованія великаго сатирика.

Наши критики, конечно, не рѣшились бы приравнять гр. Толстого къ Гоголю по размѣрамъ таланта, почему же они съ такой трепетной поспѣшностью ухватились за новаго писателя?

Отвѣтъ ясенъ: новый писатель обильно снабжалъ нашихъ искателей чистой художественности примирительными и истинно-поэтическими впечатлѣніями, не безпокоилъ ихъ сердца и мысли досадными вопросами изъ жизни современнаго мыслящаго и страдающаго общества, рисовалъ имъ нескончаемый рядъ картинъ и не томилъ «педагогическими» идеями. И гр. Толстой почти до конца пятидесятыхъ годовъ затмеваетъ Тургенева. Только при сильномъ подъемѣ общественной мысли Тургеневъ становится на первый планъ, чтобы въ позднѣйшіе годы, при соотвѣтствующемъ пониженіи идейной температуры у русской публики, снова уступить честь и мѣсто вѣрѣ «въ жизненное дѣйствіе организма» и поэтическому идеалу простоты.

Анненковъ продолжалъ свою критическую дѣятельность и въ эту эпоху. Его пути, раньше безпрестанно сходившіеся съ дорогой Дружинина, нѣсколько измѣнили свое направленіе. Критикъ пересталъ мысль отождествлять съ волненіемъ крови и идеи съ романическими или даже чувственными мотивами. Тургеневъ научилъ его нѣкоторой осмотрительности и вдумчивости, и Анненковъ, мы увидимъ, внесъ кое-какую лепту въ новое движеніе русской критической мысли. Совершилось это, очевидно, при самомъ энергическомъ участіи «пособій со стороны», и своей уступчивости Анненковъ былъ обязанъ почетнымъ положеніемъ даже среди шестидесятниковъ.

Но и въ предшествующіе годы онъ среди своихъ журнальныхъ совмѣстниковъ представляется величиной далеко не второго разбора. Какъ бы скромно мы ни цѣнили литературный талантъ Ан-

ненкова, рядомъ съ Дудышкинымъ и Дружининымъ, онъ заставляетъ насъ въ сильной степени смягчить нашъ приговоръ. Разница между этими тремя дѣятелями особенно ясна именно по вліянію, какое произвела на нихъ новая публицистика. Дружининъ не могъ подняться выше теоріи отрѣшенной художественности, т. е. въ сущности придалъ только болѣе внушительную форму своимъ прежнимъ хлопотамъ о забавномъ и веселомъ. Дудышкинъ кончилъ еще хуже,—впалъ, по свидѣтельству очевидца, въ мистицизмъ, а передъ этимъ послѣднимъ шагомъ писалъ совершенно безличныя компиляціи [108]).

Анненковъ не могъ окончательно сбросить съ себя ветхаго человѣка и, спасаясь отъ старыхъ эстетическихъ искушеній, безпрестанно рисковалъ впасть въ новыя уже публицистическія недоразумѣнія. Но онъ искренне стремился понять новыя вѣянія и отдать имъ должную справедливость.

Конецъ соотвѣтствовалъ началу, столь же добросовѣстному и, для своего времени, даже плодотворному.

По смутѣ и робости мысли Анненковъ вполнѣ отвѣчалъ духу своей эпохи. Онъ не менѣе своихъ собратовъ—писатель приспособившійся, «благопристойный» и «благонамѣренный», съ одной только разницей. Для приспособленія ему не требовалось насилій надъ своей натурой и совѣстью. Онъ вполнѣ искренне, по влеченіямъ своей въ общественномъ смыслѣ косной и индифферентной природы, могъ приносить жертвы свободной красотѣ и безотчетному искусству. Онъ чувствовалъ себя непріятно и даже тягостно предъ настойчивой, ярко выраженной идеей: чувство общее у него съ другими современниками. Но все это не помѣшало ему оставить, какъ мы видѣли, довольно цѣнное наслѣдство для *фактической* исторіи литературы.

Въ этомъ отношеніи онъ также одинъ изъ многихъ. Если бы мы задались цѣлью найти какую-нибудь положительную черту въ безцвѣтной и мертвенной критикѣ описываемаго періода, мы принуждены были бы искать ее по сосѣдству съ «библіографическимъ храпомъ».

Добролюбову легко презрительно отзываться о преемникахъ Бѣлинскаго. Его окружала кипучая литература, отважные бойцы на сравнительно свободной и широкой дорогѣ. Предъ ними наши герои естественно казались жалкими и неразумными. Но и эти пигмеи дѣлали кое что.

Дружининъ безпрестанно требовалъ отъ русскихъ журналовъ статей по иностраннымъ литературамъ и самъ писалъ ихъ, пи-

---

[108]) *Одинъ изъ забытыхъ журналистовъ*. А. Старчевскаго. *Ист. В*. 1886 г. XXIII, 385—6.

салъ далеко не блестяще и не солидно, но все-таки извѣстныя свѣдѣнія сообщались читателю, и онъ пріучался къ широкимъ культурнымъ интересамъ. Дудышкинъ дѣлалъ то же самое въ области русской литературы. Его статьи еще безцвѣтнѣе дружининскихъ, въ нихъ даже нѣтъ бойкости пера и разнообразія содержанія, на чемъ стоялъ дамскій критикъ. Но фактовъ всегда находилось достаточно и, напримѣръ, изложеніе *Наказа* Екатерины, хотя бы съ безусловно невѣрной исторической критикой, несомнѣнно, приносило свою пользу обществу сорокъ восьмого года. Наконецъ, Анненковъ все въ области того же «библіографическаго храпа» съумѣлъ совершить «подвигъ» и создать «событіе» изданіемъ сочиненій Пушкина.

Мы не должны забывать всѣхъ этихъ фактовъ въ интересахъ справедливой и точной оцѣнки почти забытыхъ людей безвременья. Они въ лицѣ Дудышкина приходили въ смущеніе предъ блестящими фигурами ранней литературы, не понимали болѣзни, вызывавшей сочувствіе Бѣлинскаго—«апатіи чувства и воли при пожирающей дѣятельности мысли», сваливали въ одну кучу и Печориныхъ, и Грушницкихъ: это было психологическимъ недомысліемъ и крупнымъ ложнымъ шагомъ общественной мысли. Но положительный принципъ, во имя котораго произносился огульный приговоръ надъ трагическими или комическими абсентеистами и бездѣльниками, заслуживаетъ полнаго внимания. Это запросъ къ жизненной дѣятельности, хотя бы самой скромной и незамѣтной.

Конечно, Дудышкинъ и его сочувственники впадали въ смертный нравственный грѣхъ, противопоставляя дѣятельность Фамусовыхъ абсентеизму Чацкихъ. Такимъ путемъ можно скорѣе подорвать убѣдительность принципа, чѣмъ развѣнчать Чацкаго или Печорина. Но вопросъ таилъ вполнѣ здоровое зерно, хотя и не литераторамъ затишья доступно было вскрыть его и воспользоваться имъ. Несомнѣнно, русская жизнь не могла остановиться даже на эффектнѣйшемъ разочарованіи, на какомъ угодно трагическомъ озлобленіи противъ презрѣнной дѣйствительности и на самомъ основательномъ презрѣніи къ темной и рабской толпѣ.

Печорины и Чацкіе, при всей исторической неизбѣжности своего исключительнаго положенія, все-таки явленія переходныя, юношескія, факты только что начавшагося броженія молодого общественнаго сознанія. Успѣхъ не малый: окружающая пошлость и рабство поняты, оцѣнены и вызвали непримиримое отвращеніе. Фамусовымъ и Грушницкимъ больше не будетъ житья среди новаго поколѣнія, ихъ авторитетъ и обаятельность поколеблены въ самомъ основаніи, и рано или поздно падутъ непремѣнно.

Но это чисто отрицательная, разрушительная работа. За ней должна слѣдовать положительная и созидательная. Трудно было сози-

дать на почвѣ, предоставленной людямъ пятидесятыхъ годовъ. Но они пытались выполнять свою задачу и начали именно съ *примиренія*. Этотъ процессъ соотвѣтствовалъ безличію и нравственной слабости нашихъ дѣятелей. Дѣйствительность не заслуживала такихъ чувствъ, какими принялась щеголять литература и, по условіямъ времени, именно люди разочарованія и недовольства достойны были пощады и даже уваженія. И все-таки въ примиреніи заключался извѣстный нравственный и историческій смыслъ. Восхваленіе положительнаго дѣла въ ущербъ самодовольной или самопоѣдающей бездѣятельности свидѣтельствовало о проблескахъ новаго теченія общественной мысли, и наши дѣятели успѣли даже кое-чѣмъ практически ознаменовать свои отвлеченныя соображенія.

Герценъ въ одной изъ своихъ заграничныхъ статей *Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе* произнесъ рѣшительный смертный приговоръ «молодому поколѣнію», слѣдовавшему за Бѣлинскимъ и Грановскимъ. Но прежде всего, мы уже знаемъ, Грановскаго не слѣдуетъ вездѣ и всегда ставить рядомъ съ Бѣлинскимъ, и особенно тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ энергіи и ясности направленія. А потомъ, «молодое поколѣніе» не представляетъ сплошного кладбища. Кое-гдѣ все-таки трепетала жизнь и мерцалъ хотя рѣдко и боязливо, духовный свѣтъ.

Въ исторіи не бываетъ ни безпросвѣтнаго мрака, не всеослѣпляющаго свѣта. И тѣни, и лучи падаютъ одновременно на нашу бѣдную планету—одно время—лучей больше, другое—тѣней. И мы должны съ особеннымъ тщаніемъ и заботливостью всматриваться въ свѣтлыя точки именно среди, повидимому, неограниченно царствующаго мрака.

Мы теперь обязаны выполнить этотъ нравственный долгъ даже предъ Назаретомъ русской журналистики сороковыхъ годовъ. Въ то время, когда передовой строй критики рѣдѣлъ и обнаруживалъ крайнее безсиліе, неожиданно сталъ подавать признаки юной жизни московскій лагерь, и погодинскій *Москвитянинъ*, едва влачившій свое темное существованіе, вдругъ заволновался, зашумѣлъ и пошелъ на враговъ во главѣ дѣйствительно талантливыхъ бойцовъ. На нѣсколько лѣтъ архивные листки московскаго Дѣвичьяго поля превратились въ самый живой литературный органъ, о какомъ въ Петербургѣ не дерзали и мечтать.

XIV.

Какимъ чудомъ могъ воскреснуть *Москвитянинъ*? Кажется, онъ успѣлъ достаточно развернуть свои силы и до конца истощить ученость Погодина и краснорѣчіе Шевырева. Два славянофильскихъ Аякса не стѣснялись никакими военными средствами,

и все таки пали въ борьбѣ. Что же могло поднять ихъ вновь и даже увѣнчать побѣдными вѣнками?

Совершенная случайность, а вовсе не какая-либо глубокая и сильная эволюція старыхъ боевыхъ силъ.

Въ Москвѣ объявился молодой большой художественный талантъ—Островскій. Бывшій студентъ московскаго университета, онъ не прерывалъ своихъ связей съ профессорами и литераторами послѣ преждевременнаго оставленія университета и поступленія на мелкую канцелярскую службу. Между прочимъ, онъ посѣщаетъ Шевырева, и 14 февраля 1847 года, прочитываетъ профессору и его гостямъ свои первыя драматическія сцены. Шевыревъ награждаетъ автора объятіями и провозглашаетъ его «громадный талантъ». Этотъ день Островскій впослѣдствіи считаетъ «самымъ памятнымъ» въ своей жизни. Спустя нѣсколько времени сцены печатаются въ *Московскомъ Городскомъ Листкѣ*, подъ заглавіемъ *Картина семейнаго счастья*.

Новый талантъ родился, и Погодинъ спѣшитъ пригласить его въ сотрудники своего журнала. Островскаго уже окружаетъ цѣлое общество молодыхъ цѣнителей его таланта—питомцы московскаго университета, среди нихъ наиболѣе энергичные и талантливые—Григорьевъ и Алмазовъ.

Григорьевъ—давнишній писатель *Москвитянина*, еще съ 1843 года, и предложеніе Погодина не могло явиться неожиданностью. Правда, нѣкоторыя затрудненія представлялись съ самымъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Островскій тяготѣлъ къ западничеству, даже кремлевскіе соборы называлъ «пагодами» и находилъ ихъ лишними. Но это было простымъ капризомъ молодости, объ убѣжденіи не было и рѣчи и всякую минуту одно крайнее увлеченіе могло перейти въ противоположное, не менѣе горячее.

Такъ и случилось.

Островскій быстро перешелъ въ московскій лагерь, не столько подъ вліяніемъ идейныхъ внушеній, сколько чисто художественныхъ впечатлѣній. Намъ разсказываютъ очень пространно объ успѣхахъ Островскаго въ купеческихъ и аристократическихъ гостиныхъ, о восторгахъ кружка русскими народными пѣснями, особенно пѣніемъ одного изъ членовъ кружка... Вся эта національная московская атмосфера окутала молодого драматурга и отдала его на жертву Востоку. Такой выводъ можно сдѣлать изъ разсказовъ очевидцевъ. Насмѣшки западниковъ повысили температуру новаго увлеченія и Островскій быстро дошелъ «до крайностей истинно русскаго направленія».

Такъ сообщаетъ членъ кружка, очаровывавшій своихъ друзей исполненіемъ русскихъ пѣсенъ [109]). Самъ онъ очень близко стоялъ

---

[109]) Барсуковъ. XI, 73, 79.

къ направленію погодинскаго журнала, но нельзя было этого сказать объ остальныхъ будущихъ сотрудникахъ.

Какой общественной и культурной вѣры они держались,—вопросъ, врядъ ли вполнѣ ясный для самыхъ отважныхъ дѣятелей *молодого Москвитянина*. Они рядомъ съ Шевыревымъ и Погодинымъ составили *молодую* редакцію: такъ она именовалась въ публикѣ и въ самомъ журналѣ. Но это наименованіе выражало нѣчто, несравненно болѣе существенное, чѣмъ разницу возрастовъ. На самомъ дѣлѣ подъ зеленой обложкой *Москвитянина* водворились два изданія, связанныя вмѣстѣ случайно волею судьбы. Погодинъ отнюдь не желалъ выпускать браздовъ правленія изъ своихъ учительскихъ рукъ, молодежь, въ свою очередь, далеко не во всемъ признавала руководительскую власть редактора. Выходила междоусобица, нерѣдко до такой степени воинственная, что отголоски ея долетали даже до публики.

Мы не будетъ останавливаться на извѣстномъ намъ фактѣ—оригинальной политикѣ Погодина, какъ *издателя*. Мы знаемъ, что даже по поводу Гоголя онъ посвящалъ цѣлыя утра на обсужденіе денежнаго вопроса. Съ молодежью онъ, конечно, еще меньше стѣснялся. Въ минуту крайняго огорченія и праведнаго гнѣва Григорьевъ совершенно вѣрно охарактеризовалъ издательскую тактику Погодина въ письмѣ къ нему:

«Въ вашемъ превосходительствѣ глубоко укоренена мысль, что человѣка надобно держать вамъ въ черномъ тѣлѣ, чтобы онъ былъ полезенъ» [110]).

И мы увидимъ, какой горючей кровью сердца Григорьевъ, одинъ изъ столповъ *Москвитянина*, имѣлъ право написать эти слова.

Но не въ болѣзненной скупости и не въ патріархальной хозяйской разсчетливости заключались главные поводы къ междоусобицамъ. Погодинъ съ самаго начала сталъ въ оборонительное положеніе противъ своихъ сотрудниковъ и занялъ для нихъ мѣсто цензуры, въ высшей степени безцеремонной и придирчивой. Погодинъ безпрекословно соглашался съ цензоромъ, разъ вопросъ шелъ объ укрощеніи и сокращеніи молодыхъ авторовъ. Ему ничего не стоило произвести какое угодно упражненіе надъ стихотвореніемъ Алмазова, безъ малѣйшаго вниманія къ смыслу, вставить свои собственныя соображенія въ статью Григорьева. Это, вѣчная война съ юношескимъ увлеченіемъ, и такъ понимаютъ роль Погодина его сотрудники.

Алмазовъ пишетъ редактору негодующія письма. На сторонѣ оскорбленнаго вся молодая редакція. Онъ горячо протестуетъ про-

---

110) *Ib.* XII, 293.

тивъ хозяйскаго произвола и безсмысленныхъ искаженій чужого текста, даже не вызываемыхъ цензурой. Погодинъ отдаетъ своихъ сотрудниковъ на посмѣшище ихъ журнальнымъ противникамъ и безтолково хлопочетъ о поддержаніи мѣщанской благопристойности и педантической плѣсени на страницахъ было ожившаго изданія.

Но Алмазовъ обороняетъ свои стихотворенія и пародіи. Это—весьма интересный матеріалъ для читателя, но не въ немъ духъ журнала. Статьи Григорьева несравненно важнѣе, какъ программа новой редакціи, и вотъ здѣсь-то Погодинъ давалъ полную свободу своей рукѣ-владыкѣ.

У профессора накопилось не мало старыхъ литературныхъ и личныхъ связей очень подозрительнаго достоинства. У него, напримѣръ, состоитъ пріятелемъ извѣстный намъ М. А. Дмитріевъ; онъ желалъ бы пощадить даже Ѳаддея Булгарина въ виду страха іудейска предъ пронырливымъ литературныхъ и нелитературныхъ дѣлъ мастеромъ, не мало у него и свѣтскихъ пріятельницъ, и вотъ всѣ эти сочувствія и трепеты должны найти мѣсто въ чужой статьѣ, все равно, какого автора и съ какимъ именемъ.

Григорьевъ и вся молодая редакція благоговѣетъ предъ Пушкинымъ и его эпохой, она желаетъ наслѣдовать ей, а Погодинъ тычетъ ей автора *Московскихъ элегій*, пѣвца домостроевскихъ порядковъ и молчалинскихъ идеаловъ. Григорьевъ желаетъ отдать должное старой публицистикѣ и не желаетъ позорить Полевого: Погодинъ предпочитаетъ *Сѣверную Пчелу*. Молодой критикъ перечисляетъ поэтовъ Пушкина, Лермонтова, Кольцова и другихъ, кто, по его мнѣнію, одаренъ истиннымъ талантомъ: Погодинъ вставляетъ въ списокъ Каролину Павлову и даже Авдотью Глинку! Но этого мало. Погодинъ дѣлаетъ особыя примѣчанія къ статьямъ авторовъ, «искренне сожалѣя», и все это падаетъ на голову перваго критика журнала! [111])

Страннѣе порядки трудно и представить. И они входятъ въ силу съ самаго обновленія журнала, съ 1850 года до окончательнаго прекращенія въ 1856 году. Слѣдовательно, *молодая редакція* не была правовѣрно-славянофильской?

Отрицательный отвѣтъ ясенъ не только изъ взаимныхъ отношеній стариковъ и молодежи, но изъ прямыхъ личныхъ признаній сотрудниковъ. Погодинъ, мы знаемъ, не пользовался никакимъ авторитетомъ у вольныхъ славянофиловъ. Они безпрестанно оскорбляли его самолюбіе и носились съ мыслью объ изданіи своего органа. Этой мысли они не оставятъ и съ преобразованіемъ *Мо-*

---

[111]) *Скитальчества. Эпоха.* 1864, мартъ, 146. — Барсуковъ. XI, 387 — 8; XII, 292.

сквитянина: *Московскій Сборникъ* появится въ 1852 году. Мы знаемъ, судьба его оказалась очень печальной, но *Сборникъ* свидѣтельствовалъ о глубокомъ раздѣленіи въ нѣдрахъ московской славянофильской церкви. Даже больше.

Изданіе благородныхъ славянофиловъ и призванныхъ хранителей ковчега попало въ положеніе *Москвитянина*. Не суждено было славянофильскому толку столковаться даже въ самомъ тѣсномъ кружкѣ и на счетъ тѣхъ самыхъ вопросовъ, какіе они сами считали основными и руководящими. Извѣстное намъ *Письмо* Кирѣевскаго о просвѣщеніи Европы возмутило другихъ прихожанъ— братьевъ Аксаковыхъ и Хомякова, и они собрались возражать Кирѣевскому во второмъ томѣ *Сборника*. Готовилось, слѣдовательно, то же самое, что происходило въ *Москвитянинѣ*.

Молодая редакція, несомнѣнно, желала отдать себѣ отчетъ, кто она? Глава ея—Григорьевъ, не одинъ разъ принимался рѣшать этотъ вопросъ и не пришелъ къ удовлетворительному отвѣту.

Островскій — художественный центръ и надежда кружка не способенъ былъ оказать помощь, да и врядъ ли особенно близко принималъ къ сердцу точное опредѣленіе цвѣта своей партійной физіономіи. Онъ просто сочинялъ пьесы изъ купеческаго быта и русской исторіи, не мудрствуя лукаво и полагаясь на силу своего великаго дарованія. Восторги ему были обезпечены и у Григорьева, и у Добролюбова. Только *Отечественныя Записки*, безнадежно хирѣвшія въ мертвомъ прекраснодушіи и благопристойности, воображали видѣть въ Островскомъ врага новой просвѣщенной Россіи, преднамѣреннаго изобразителя грязной дѣйствительности. Патріотизмъ Краевскаго, столь успѣшно вдохновленный начальствомъ, тосковалъ по «идеальнымъ чертамъ» въ лицахъ и дѣйствіи и печаловался объ односторонности драматурга.

Но Островскій могъ смѣло не считаться съ этими укоризнами: звѣзда его всходила быстро и побѣдоносно, и ему не было дѣла ни до чужихъ рецензентовъ, ни до своихъ домашнихъ идеологовъ. Онъ скорѣе нуждался въ бесѣдахъ съ московскимъ молодымъ купцомъ Шанинымъ: тотъ снабжалъ его множествомъ любопытныхъ чертъ изъ замоскворѣцкаго быта и характерными выраженіями, украшающими такой своеобразной силой комедіи Островскаго. А что касалось «знамени», его могли водружать и защищать другіе, на это и призванные. Островскій, помимо блестящаго таланта, былъ полезенъ еще и тѣмъ, что усердно пріобрѣталъ *Москвитянину* молодыхъ сотрудниковъ. Онъ, напримѣръ, ввелъ Алмазова и, можетъ быть, помогъ сближенію Эдельсона, своего близкаго пріятеля, съ Погодинымъ.

Кружокъ, по словамъ Григорьева, отличался чрезвычайнымъ энтузіазмомъ. Всѣ трепетали восторгомъ предъ неограниченными

перспективами истинно-національной славной дѣятельности. Казалось, всѣ они находились въ какомъ-то особомъ лирическомъ мірѣ и пѣли хоромъ торжественные гимны въ перемежку съ русскими народными пѣснями. Во имя чего, собственно, звучали эти гимны—яснаго отчета не отдавала ликующая компанія и довольствовалась чрезвычайно звучными, но столь же смутными по смыслу словесными мотивами.

Изъ всѣхъ героевъ молодого *Москвитянина* самыя подробныя свѣдѣнія о невозвратномъ прошломъ оставилъ Григорьевъ. Послушайте, что это за исторія и попробуйте составить точное представленіе о мысляхъ и убѣжденіяхъ историка и его близкихъ.

Предъ нами не простой разсказъ, а стремительная вдохновенная исповѣдь. Рѣчь ведетъ не просто бывшій сотрудникъ бывшаго журнала, а предается воспоминаніямъ нѣкій влюбленный, переживщій чарующій образъ своихъ мечтаній.

«О мой старый *Москвитянинъ* зеленаго цвѣта, *Москвитянинъ*, въ которомъ мы тогда крѣпко, общинно соединенные, такъ смѣло выставляли знамя самобытности и *непосредственности,* такъ честно и горячо ратовали за единство—правое и святое дѣло! О время пламенныхъ вѣрованій, хотя и смутныхъ, время жизни по душѣ и по сердцу!...»

Вы видите, авторъ искрененъ: одновременно съ пламенемъ онъ не забываетъ о смутѣ. Такъ онъ могъ судить на пространствѣ многихъ лѣтъ, когда его взоръ на прошлое прояснился и въ золотой дали ему открылась подлинная историческая правда. Но эта даль и теперь кажется достаточно увлекательной, чтобы хотѣть ея возврата. Она лучшее воспоминаніе Григорьева за всю жизнь, и онъ часто забываетъ объ ея туманѣ, ему мечется въ глаза одинъ блескъ и былой орлиный полетъ его молодости.

Въ краткой автобіографіи, найденной послѣ смерти критика, возникновеніе молодой редакціи излагается вполнѣ точно и иначе, насколько событіе касалось самого Григорьева.

«Явился Островскій и около него, какъ центра, кружокъ, въ которомъ *нашлись* всѣ мои дотолѣ смутныя вѣрованія».

Нашлись—подчеркиваетъ авторъ, слѣдовательно, онъ пришелъ къ самопознанію и началъ развивать для всѣхъ ясныя и доступныя истины? Такъ можно заключить, и ждать съ вѣрою рѣшительныхъ откровеній восторженнаго бойца. Онъ, дѣйствительно, удовлетворитъ ожиданія, но посмотрите какъ?

«Есть вопросъ и глубже, и обширнѣе по своему значенію всѣхъ нашихъ вопросовъ, и вопроса (каковъ цинизмъ?) о крѣпостномъ состояніи, и вопроса (о ужасъ!) о политической свободѣ. Это вопросъ о нашей умственной и нравственной *самостоятельности.* Въ допотопныхъ формахъ этотъ вопросъ явился только въ покой

никѣ *Москвитянинъ* 50-хъ годовъ,—явился молодой, смѣлый, пьяный, но честный и блестящій дарованіями (Островскій, Писемскій и т. д.). О, какъ мы тогда пламенно вѣрили въ свое дѣло, какія пророческія рѣчи лились, бывало, на попойкахъ изъ устъ Островскаго, какъ безбоязненно принималъ тогда старикъ Погодинъ отвѣтственность за свою молодежь, какъ сознательно, не смотря на пьянство и безобразіе, шли мы всѣ тогда къ великой и честной цѣли!..» [112]).

Въ высшей степени краснорѣчивое признаніе! Попробуйте совмѣстить пьянство и сознаніе, пророчество и равнодушіе даже къ крѣпостному состоянію, блестящую и честную цѣль и руководительство Погодина! Въ особенности обратите вниманіе на *самостоятельность* и непосредственность. Это—краеугольные камни новаго святилища. Что̀ начертано на этихъ камняхъ, мы не знаемъ. Извѣстно намъ только, что съ Григорьевымъ «внятно, ласково» говорили старыя стѣны стараго Кремля и обвивало его «что-то растительное» [113]). Болѣе ясныхъ указаній мы не добьемся, а между тѣмъ какая страстная рѣчь, какая неподдѣльная искренность чувства и какая рѣшительность совершать свой путь среди «чего-то» подъ невнятный говоръ неодушевленныхъ предметовъ. У юныхъ пророковъ, конечно, хватило воображенія воодушевить стѣны Кремля, но рѣшительно не доставало силъ и логики переложить вѣянія стараго духа на общепонятный, убѣдительный языкъ. И на великое горе молодой редакціи ея даровитѣйшій публицистъ самою природою былъ созданъ такъ, чтобы самые реальные предметы обвивать романтическимъ полумракомъ и разсудокъ подмѣнять лирикой.

XV.

Въ исторіи русской литературы немного такихъ незадачныхъ, можно сказать, трогательныхъ личностей, какъ Аполлонъ Григорьевъ. Прислушайтесь къ отзывамъ современниковъ, даже дружественныхъ ему, вы непремѣнно составите о пламенномъ критикѣ менѣе всего *почтенное* представленіе. Это—смѣшной энтузіастъ, плохо отдающій отчетъ въ предметахъ своего восторга и безпрестанно попадающій впросакъ.

Погодинъ его не уважаетъ, хотя и признаетъ нѣкоторый талантъ. Отзывъ профессора очень мѣткій, къ сожалѣнію неудобный для печати: смыслъ его—полная безотчетность идей и чувствъ Григорьева [114]).

---

[112]) *Ib.*, сентябрь, 36, 45, 12.
[113]) Мартъ, 132.
[114]) Барсуковъ. XI, 88.

Бывшій сотрудникъ *Москвитянина* и членъ молодой редакціи Алмазовъ при всякомъ удобномъ случаѣ изощряетъ свое остроуміе надъ прежнимъ главой редакціи. И портретъ выходитъ очень непредставительный: «взоръ изступленный», «Медузой вдохновенный», и въ заключеніе рисунокъ во весь ростъ:

Мраченъ ликъ, взоръ дико блещетъ,
Умъ отъ чтенья извращенъ,
Рѣчь парадоксами хлещетъ...
Се Григорьевъ Аполлонъ!..

Практическій выводъ хуже всѣхъ рисунковъ: Григорьева нельзя *безъ контроля* допустить ни въ одинъ журналъ. Это могъ сдѣлать только Достоевскій Михаилъ—«невинное созданіе» [115]).

Это допущеніе произойдетъ уже въ послѣдніе годы Григорьева, но и оно будетъ въ сущности обидой, и Алмазову не слѣдовало удивляться невинности Достоевскихъ. Ѳедоръ Достоевскій, примиряясь съ сотрудничествомъ Григорьева въ журналѣ *Время*, счелъ необходимымъ предложить маленькую «хитрость»,—именно печатать статьи Григорьева безъ подписи. Хитрость вызывалась его «дурнымъ положеніемъ въ литературѣ», и публику интриговали: пусть она сначала оцѣнитъ глубину произведеній, а потомъ уже узнаетъ имя автора [116]).

Вотъ до чего дошло! Григорьева нельзя было показывать публикѣ, какъ критика: иначе, оказывалось, вѣрное средство заставить читателей не разрѣзывать статей за подписью *А. Григорьевъ*. Естественно, злополучный писатель жестоко обидѣлся, и кажется едва вѣроятнымъ, что разсказчикъ факта могъ усмотрѣть въ обидчивости только «недовѣріе и мнительность»! Такъ судили о настроеніяхъ Григорьева его ближайшіе друзья и уже послѣ его дѣятельности въ *Москвитянинѣ*.

И чѣмъ же заслужилъ Григорьевъ подобное отношеніе?

Жизнь его—настоящая исторія не «скитальчествъ», какъ онъ самъ ее называлъ, а подлинныхъ мучительныхъ мытарствъ.

По окончаніи университетскаго курса онъ становится литераторомъ, печатаетъ стихи въ *Москвитянинѣ*, пробуетъ служить въ одной изъ петербургскихъ канцелярій, но не выноситъ *стыда* механической работы и предпочитаетъ перебиваться переводной и компилятивной работой во второстепенныхъ петербургскихъ изданіяхъ. Но онъ уже и теперь *чудакъ*, по отзывамъ товарищей, и *фанатикъ*—по личному признанію. Но больше всего онъ романтикъ и идеалистъ. Онъ совершенно искренне громитъ Ваала, Веліора и другія божества человѣческихъ «мерзостей», заявляетъ

---

[115]) Алмазовъ. Сочиненія. М. 1892. II, 326, 369, 451.

[116]) Сообщеніе Н. Страхова. *Эпоха*. 1864, сентябрь, 16—7.

о своемъ гордомъ исканіи истины, о равнодушіи къ личному счастію, о пламенной вѣрѣ въ человѣческую душу. Все это, несомнѣнно, особенно *вѣра*, потому что столь лирическія рѣчи пишутся Погодину и сопровождаются юношескимъ объясненіемъ въ любви къ любимому наставнику. Это очень кстати! Именно Погодинъ достойно оцѣнитъ и рыцарство, и гордость, и ненависть къ «филистеріи» и «къ раздвоенію мышленія и жизни».

Онъ докажетъ остроту пониманія немедленно, лишь только Григорьевъ обратится къ нему съ просьбой о помощи,—отнюдь не даровой,—съ просьбой дать работу въ *Москвитянинѣ*, какую угодно, на шесть листовъ, по десяти рублей листъ. Погодинъ, конечно, согласится, но сугубо примется держать наивнаго энтузіаста въ черномъ тѣлѣ. И вполнѣ по заслугамъ! Зачѣмъ онъ такъ скромно, съ чисто дѣтской наивностью говоритъ о своихъ писаніяхъ?

Затѣмъ онъ сравниваетъ себя съ «честной возовой лошадью» и неукоснительно подтверждаетъ хозяину, что можетъ работать «за весьма умѣренную плату, какъ волъ». Разъ самъ человѣкъ такъ ставитъ себя, чего же съ нимъ церемониться? Пусть умоляетъ о каждомъ рублѣ, на мольбы можно отвѣчать поученіями, а то и прямо хозяйскимъ окрикомъ [117]).

И Погодинъ не скупится на ничего не стоющія ему приношенія. Положеніе Григорьева не улучшается и при молодой редакціи. Нужда его душитъ, работа валится изъ рукъ, издатель держитъ его даже на посылкахъ и все-таки правильно заноситъ въ свой *Дневникъ*: «Досада отъ Григорьева, приставшаго за деньгами» [118]). Григорьевъ, по прежнему, пишетъ вопіющія письма, умоляетъ Погодина пристроить его на какое-либо мѣсто, «пособить выбиться», «не кинуть его»: онъ еще пригодится!..

Это сплошной вопль, и отъ кого-же? Перваго критика славянофильскаго лагеря, перваго, по крайней мѣрѣ, по признанію самихъ славянофиловъ, и во всякомъ случаѣ автора самыхъ талантливыхъ критическихъ страницъ въ *Москвитянинѣ*. При этомъ надо помнить, — Погодинъ платилъ очень немногимъ сотрудникамъ, различая семейныхъ и несемейныхъ: однимъ полагалось 15 р. за листъ, другимъ шесть. И такихъ счастливцевъ было всего трое — Эдельсонъ, Григорьевъ и Алмазовъ. Большинство ничего не брало.

И все-таки шестирублевый Алмазовъ считаетъ долгомъ отличить Погодина отъ Краевскаго: тотъ «выжалъ Бѣлинскаго, какъ апельсинъ, и выкинулъ за окошко» [119]). Любопытно, чѣмъ же

---

[117]) Письма Григорьева у Барсукова VIII, 87, 298; IX, 440 etc; XI, 396—7.

[118]) *Ib.*, XII, 223, 293.

[119]) *Ib.*, XII, 213.

отличался московскій издатель отъ петербургскаго? Краевскій, по крайней мѣрѣ, во время выжиманія оплачивалъ потъ и кровь своихъ воловъ, Погодинъ не считалъ нужнымъ и этого.

Послѣ прекращенія *Москвитянина* начались уже непрерывныя скитальчества. Григорьевъ на короткіе сроки пристраивается къ разнымъ изданіямъ или—скоротечной судьбы, или весьма второстепеннаго качества. Часто разрывы слѣдуютъ неожиданно, или потому, что «не сошлись», или потому, что редакторъ посягнетъ на «личность» критика, т. е. вымараетъ «дорогія ему имена» или попытается перетянуть въ «приходъ». Выборъ постепенно съуживался, на сцену выступали новые люди, съ побѣдоносной ясностью положительныхъ и жизненныхъ идей, а чудакъ оставался все тѣмъ же романтикомъ и созерцателемъ. Въ немъ издавна развивалась «съ ужасающею силою жизнь мечтательная», и онъ никогда не думалъ отрезвиться отъ этого развитія. Съ каждымъ годомъ онъ становился все болѣе чужимъ окружающей дѣйствительности и литературѣ, «человѣкомъ ненужнымъ. Такъ онъ самъ себя называетъ и не перестаетъ повторять: «струя моего вѣянія отшедшая, отзвучавшая» и друзья должны удостовѣрить фактъ: «Григорьевъ въ совершенномъ загонѣ» [120]).

Мы еще встрѣтимся съ этой агоніей. Она—весьма существенная черта на картинѣ шестидесятыхъ годовъ. Пока для насъ достаточно видѣть, сколько незаслуженныхъ невзгодъ обрушивалось на нашего критика въ теченіе всей его жизни. Конечно, на взглядъ строгаго судьи Григорьевъ не безъ вины. Ему слѣдовало твердо запомнить, что неприкосновенность его личности вовсе не священная заповѣдь для его покровителей и доброжелателей, что его философское и романтическое отношеніе къ первымъ потребностямъ существованія—преступленіе и безуміе въ глазахъ людей солидныхъ и опытныхъ, что рѣшительно никому нѣтъ дѣла до его юношескихъ исканій абсолюта, до мистическихъ и вдохновенныхъ созерцаній. Григорьевъ пожиналъ то, что сѣялъ. Онъ понялъ свою ненужность въ шестидесятые годы. Онъ былъ ненуженъ гораздо раньше. Онъ гордившійся *органической* неспособностью сказать что-либо противъ своего убѣжденія, онъ, готовый поднимать бурю изъ-за редакторскаго пренебреженія къ любимымъ его писателямъ, былъ лишнимъ и безпокойнымъ человѣкомъ въ эпоху повальнаго приспособленія, всеобщей готовности подальше и поуютнѣе запрятать личность и малѣйшія поползновенія на самостоятельность.

Только развѣ съ яснымъ и безпощадно-послѣдовательнымъ умомъ Бѣлинскаго, съ его фанатической страстью къ нрав-

---

[120]) *Эпоха*, 1864, май, 147, сентябрь 20, 4. Ср. Аверкіевъ о Григорьевѣ, *Ib.*, августъ, стр. 11.

ственной личной неприкосновенности и свободѣ можно было побѣдоносно раздѣлываться со всевозможными рожнами, со всѣхъ сторонъ обступавшими писателя дореформенной Россіи. А у Григорьева ровно столько же было энергіи, добрыхъ стремленій, сколько неспособности къ самоопредѣленію, даже къ уясненію своихъ задушевнѣйшихъ думъ и идеаловъ.

Онъ глубоко могъ чувствовать и многое понимать, но и чувства и идеи оставались вдохновенными мимолетными вспышками. Они, будто искры, вспыхивали и тонули въ вѣчномъ туманѣ неуясненныхъ цѣлей и коротко-душныхъ порывовъ.

Психологію Григорьева успѣлъ опредѣлить еще Бѣлинскій. Онъ крайне бережно, даже сердечно отзывался объ его стихотвореніяхъ, не нашелъ въ нихъ поэзіи, но встрѣтилъ несомнѣнную искренность, отголоски сильныхъ чувствъ и серьезной умственной дѣятельности. Но эта искренность не мѣшала странной, противоестественной апоѳеозѣ страданія, не удерживала поэта отъ громогласныхъ вскриковъ о «гордости страданья», о «безумномъ счастьи страданья» и не разоблачала передъ нимъ менѣе всего почтенной роли краснорѣчиваго страдальца въ неудачныхъ притязательныхъ стихахъ.

Бѣлинскій не могъ не распознать основной черты нравственной природы Григорьева. Она неизмѣнно сопутствовала ему и какъ критику. «Дѣлая себя героемъ своихъ стрихотвореній,—писалъ Бѣлинскій,—онъ только путается въ неопредѣленныхъ и безвыходныхъ рефлексіяхъ и ощущеніяхъ».

Та же способность запутываться не только въ рефлексахъ, но даже въ выраженіяхъ непосредственныхъ впечатлѣній, та же нетвердость и затаенная неувѣренность поступи, при видимой наличности отваги и даже героизма, не оставила Григорьева до конца его литературной дѣятельности.

И трагизмъ положенія еще повышался съ теченіемъ времени, когда Григорьевъ путемъ многочисленныхъ опытовъ долженъ былъ придти къ безнадежному выводу о своей неизлѣчимой нравственной безпомощности, о своемъ безсиліи подчинить порывы своего пылкаго воображенія и страстнаго чувства упорядочивающей силѣ умственнаго анализа и воздвигнуть прочное идейное зданіе на такой, повидимому, блестящей, и неистощимой вереницѣ вдохновеній и подчасъ дѣйствительно удивительныхъ критическихъ интуицій.

Другіе поняли этотъ трагизмъ, конечно, еще раньше, и жизнь безусловно талантливаго, благороднаго и въ литературномъ смыслѣ на рѣдкость образованнаго писателя вышла какой-то нервно-надорванной, удручающе-мучительной съ весьма немногочисленными промежутками ясности духа и удовлетворенія сердца.

XVI.

Въ признаніяхъ Григорьева есть одно особенно пылкое изліяніе. Оно—вѣрнѣйшій ключъ къ таланту автора, какъ критика, къ сущности его художественныхъ воззрѣній и къ его идеальнымъ запросамъ въ области литературы. Мы приведемъ эти строки; болѣе краснорѣчивой общей характеристики намъ не дадутъ никакія соображенія и выводы на основаніи статей Григорьева. Въ отрывкѣ говорится о ранней молодости, но авторъ здѣсь же припоминаетъ другую эпоху своей жизни, гораздо позднѣйшую, и сознается въ тѣхъ же пережитыхъ чувствахъ. Природа оставалась неизмѣнной, неистребимой ни властью лѣтъ, ни вліяніемъ опытовъ.

«Отчего жъ это бывало,—спрашиваетъ Григорьевъ,—въ пору ранней молодости и нетронутой свѣжести всѣхъ физическихъ силъ и стремленій, въ какое-нибудь яркое и дразнящее, но зовущее весеннее утро, подъ звонъ московскихъ колоколовъ на Святой—сидишь весь углубленный въ чтеніе того или другого изъ безумныхъ искателей и показывателей абсолютнаго хвоста... Сидишь, и голова пылаетъ, и сердце бьется не отъ вторгающихся въ раскрытое окно съ ванильно-наркотическимъ воздухомъ призывовъ весны и жизни... а отъ тѣхъ громадныхъ міровъ, связанныхъ цѣлостью, которые строитъ органическая мысль, или тяжело мучительно роешься въ возникшихъ сомнѣніяхъ, способныхъ разбить все зданіе старыхъ душевныхъ и нравственныхъ вѣрованій... и физически болѣешь, худѣешь, желтѣешь отъ этого процесса... О! эти муки и боли души, какъ онѣ были отравительно сладки! О! эти безсонныя ночи, въ которыя съ рыданіемъ падалось на колѣни съ жаждою молиться и мгновенно же анализомъ подрывалась способность къ молитвѣ—ночи умственныхъ бѣснованій вплоть до разсвѣта и звона заутрень—о! какъ онѣ высоко подымали душевный строй!» [121]).

Пусть читатель не думаетъ, будто это стихотвореніе въ прозѣ заключаетъ въ себѣ хотя бы одну реторическую фразу. Григорьевъ въ совершенно искреннихъ порывахъ доходилъ и не до такихъ лиризмовъ, вплоть до мистической вѣры въ чудеса и мгновенное раскрытіе отъ вѣка скрытыхъ тайнъ [122]). Иногда искусственное возбужденіе нервовъ и воображенія приходило на помощь странному таланту Григорьева, но и независимо отъ внѣшнихъ случайностей—экстазъ и стремительный вопль страстнаго чувства всегда готовы были одушевить его рѣчь.

---

[121]) *Эпоха*, мартъ, 134.

[122]) Ср. разсказъ Н. Страхова. *Эпоха*, сентябрь, 38.

Теперь представьте, съ какими запросами онъ подойдетъ къ литературѣ, ея исторіи и критикѣ. Онъ искрененъ до послѣдней степени, ему и на мысль не придетъ восхвалять или порицать людей на основаніи какихъ бы то ни было политическихъ соображеній. У него нѣтъ партійной злобы и полемическихъ разсчетовъ. Правда, онъ иногда броситъ рѣзкимъ словомъ въ Добролюбова: ему, естественно, ненавистенъ всякій намекъ на матеріализмъ, но въ этой ненависти нѣтъ личнаго озлобленія, это скорѣе лирическій порывъ оскорбленнаго чувства, чѣмъ воинственное нападеніе публициста. И Григорьевъ здѣсь же готовъ отдать все должное новому направленію мысли и представить такія лестныя смягчающія обстоятельства даже для его крайнихъ увлеченій, что въ противномъ лагерѣ немедленно должны отпустить всякую вину подобному врагу. Тѣмъ болѣе, что онъ неумолимъ съ нѣкоторыми «своими», не вызывающими у него сочувствія и уваженія.

Съ какой, напримѣръ, силой обрушится онъ на *Маякъ* и *Домашнюю Бесѣду*, этихъ патріотовъ-опричниковъ! Они—обожатели застоя, существующаго факта, они защищаютъ китаизмъ, на всякій протестъ смотрятъ, какъ на злодѣяніе и преступленіе, непрестанно вопіютъ *vae victis!* и, подъ предлогомъ патріотизма и народности, оправдываютъ возмутительнѣйшія явленія стараго быта.

Критикъ волнуется и негодуетъ, когда въ этомъ чумномъ лагерѣ видитъ честнѣйшаго и наивнѣйшаго Загоскина. Онъ знаетъ, патріотическій сочинитель попалъ въ компанію Бурачка и Аскоченскаго по невинности сердца, но состраданіе къ ближнему не мѣшаетъ критику по достоинству оцѣнить позорную шайку [123]).

Съ другой стороны, Григорьевъ не пожалѣетъ восторженныхъ словъ о людяхъ рѣзко-западническаго направленія. Мы слышимъ неоднократно о честности и мужествѣ Чаадаева. Григорьевъ понимаетъ его драматическую психологію, ему ясно, что «пустынная, однообразная и печальная, какъ киргизская степь, русская жизнь» могла вызвать крикъ отчаянія именно у искренняго патріота, и не суду подлежитъ это отчаяніе, а скорѣе, вдумчивому сожалѣнію и оправданію. Другіе западники удостоиваются еще болѣе горячаго сочувствія.

Полевой именуется «даровитымъ до геніальности самоучкой», онъ «предводитель» молодого поколѣнія. Григорьевъ перечитываетъ *Очерки русской литературы* съ умиленіемъ къ даровитой, жадной свѣта личности автора, всѣмъ обязаннаго самому себѣ. Онъ не можетъ безъ боли въ сердцѣ вспомнить о вынужденномъ крутомъ поворотѣ журналиста на другую дорогу, о его борьбѣ съ голодомъ, о безвыходныхъ лишеніяхъ, заставлявшихъ рабо-

---

[123]) *Сочиненія*. Спб. 1876, стр. 581—7 etc.

тать у Сенковскаго. И съ какой проницательностью нашъ критикъ умѣетъ отмѣтить существенную черту въ личности и дѣятельности Полевого: «демократъ по рожденію и духу».

Одно это опредѣленіе сдѣлало бы великую честь автору, но онъ идетъ дальше. Онъ осмѣливается заявить о культурныхъ достоинствахъ *Исторіи русскаго народа*, онъ цѣнитъ въ ней «отрыжки мѣстностей, національностей», попранныхъ Карамзинымъ во славу абсолютной государственной идеи.

Имѣются, конечно, и большія недостатки въ публицистикѣ Полевого, главный—недостаточное пониманіе Пушкина и позднѣйшій квасной патріотизмъ. Но чтò значатъ эти укоры съ уничтожающей сатирой надъ врагами Полевого—«омерзительными» идолопоклонниками Карамзина, «дрянными котурнами и полинявшими бланжевыми чулками», сочинявшими статьи «площаднаго цинизма» на *Исторію* Полевого! Что значатъ обличенія русскаго романтизма въ слѣпотѣ предъ уничтожающимъ портретомъ одного изъ типичнѣйшихъ старцевъ, автора *Московскихъ элегій*! «Фамусовъ, дошедшій до лирическаго упоенія, до гордости, до помѣшательства на весьма странномъ пунктѣ, на томъ именно, что Аркадія единственно возможна подъ двумя формулами, барства съ одной и назойства съ другой стороны, это Фамусовъ, явно и по рефлексіи презирающій народъ и въ купечествѣ, и въ сельскомъ свободномъ сословіи» [124]).

Какого же размаха и жара достигнетъ рѣчь критика, когда онъ начнетъ рисовать личность Бѣлинскаго и перечислять его заслуги! Предъ нами одинъ изъ самыхъ восторженныхъ поклонниковъ неистоваго Виссаріона, привѣтствующій будто родную себѣ душу и исполненный счастья отъ собственныхъ привѣтствій и восхищеній.

Для Григорьева Бѣлинскій—«великій учитель», «могущественный борецъ». Его идеи «навѣки нерушимы», и для нашего критика «смиренное назначеніе» и гордость — продолжать дѣло Бѣлинскаго въ художественной критикѣ. Но всего этого мало.

Григорьевъ увѣнчаетъ Бѣлинскаго роскошнѣйшими лаврами, какіе онъ только можетъ придумать. «Пламенная любовь къ правдѣ и рѣдкая самоотверженная способность натуры устоять предъ правдою мысли»; эти личныя черты Бѣлинскаго заставляютъ критика забывать о нравственныхъ и общественныхъ разногласіяхъ съ нимъ. Бѣлинскій параллель къ Пушкину: одинъ *сила*, другой—*сознаніе*. А для Григорьева Пушкинъ—«наше все», на какой же высотѣ мысли и общественнаго значенія долженъ стоять критикъ, если его можно сравнить съ подобнымъ поэтомъ? [125]).

---

[124]) *Ib.*, 511—2; *Эпоха*, мартъ, 137, 147—8, 150, 145, 149.

[125]) *Ib.*, 413—4, 194, 301—2, 238.

И Григорьевъ цѣлыя страницы выписываетъ изъ статей Бѣлинскаго, потому что лучше Бѣлинскаго трудно выразить красоту и силу искусства, потому что онъ по таланту и свойствамъ своей натуры во всякое время стоялъ бы во главѣ критическаго сознанія. Григорьевъ оберегаетъ честь своего учителя отъ неразумныхъ, по его мнѣнію, послѣдователей.

Они не хотятъ знать цѣльнаго, полнаго Бѣлинскаго. Они усвоили изъ его положеній только потребное имъ для данной минуты, ухватились за *послѣдній* моментъ его развитія и принялись «пережевывать шелуху» [126]).

Григорьевъ мѣтитъ въ защитниковъ тенденціозности и въ новыхъ публицистовъ, равнодушныхъ къ художественнымъ красотамъ искусства. Онъ исполненъ гнѣва на превознесеніе дѣйствительности предъ творчествомъ и не желаетъ, чтобы такое кощунство опиралось на авторитетъ Бѣлинскаго.

И критикъ правъ.

Мы знаемъ, Бѣлинскій отнюдь не думалъ посягать на искусство, свою защиту не художественныхъ, но полезныхъ литературныхъ произведеній считалъ односторонностью и политикой, необходимой по исключительнымъ общественнымъ условіямъ. Григорьевъ правъ, выдвигая на первый планъ глубокую поэтичность самой природы Бѣлинскаго, правъ и въ своемъ недовольствѣ на нѣкоторыхъ шестидесятниковъ, воспользовавшихся *односторонностью* Бѣлинскаго и превратившихъ его въ исключительнаго проповѣдника не-художественной тенденціозной литературы. Самъ Бѣлинскій, конечно, не призналъ бы своимъ послѣдователемъ Писарева и протестовалъ бы противъ настоятельнаго утвержденія «реалистовъ», будто они даже въ разрушеніи эстетики развиваютъ его принципы.

Все это справедливо, но понималъ ли цѣльнаго Бѣлинскаго самъ Григорьевъ? У него было достаточно искренности и благороднаго неистовства—разгадать *личную* психологію Бѣлинскаго, но его *писательскій* геній и его литературное наслѣдство, требовало отъ судьи и истиннаго послѣдователя больше, чѣмъ способности восхищаться и говорить правду,—особаго склада ума и столь же неуклоннаго и всесторонняго логическаго мышленія, какимъ обладалъ самъ Бѣлинскій.

Изъ личныхъ признаній Григорьева мы знаемъ, что именно этихъ средствъ врядъ ли было достаточно въ его рыцарской и даровитой натурѣ. Именно умъ его отличался не столько ясностью и логичностью, сколько нервностью и горячностью. Это умъ романтика, всегда опережаемый воображеніемъ и послушный чувству, часто неуловимо-увлекательнымъ совершенно фантастическимъ призракамъ.

---

[126]) *Ib.*, 413, 623—4.

Мы слышали отъ Григорьева восторженные гимны во славу непосредственности, органическаго міра, грунта, почвы. Это отголоски чисто-поэтическаго влеченія къ природѣ, простотѣ, къ процессу свободной дѣвственной жизни. Влеченіе для поэта вполнѣ законное и чреватое многими вдохновенными мотивами. Съ другой стороны не менѣе основательна и вражда Григорьева къ чистымъ теоріямъ, не желающимъ считаться съ жизнью и живымъ міромъ.

Но непосредственность и абстрактность—одинаково крайности и источники заблужденій. Чистая непосредственность, ничто иное, какъ дикость и животность,—стихіи, совершенно не уживающіяся не только съ теоріями, а даже съ болѣе или менѣе развитыми чувствами и облагороженными инстинктами. Въ свою очередь, фанатическая теоретичность—явный признакъ мертвенности нравственной природы и безплодности, часто даже вредоносности представленій чистаго теоретика о дѣйствительности и его покушеній осуществлять ихъ.

Это азбучныя истины, подтверждаемыя ежедневнымъ опытомъ. Но какъ разъ для уроковъ и опыта и невоспріимчива романтическая душа нашего критика. Бѣлинскій пережилъ полосу такой же невоспріимчивости, но очень кратковременную и далеко не столь *закаленную*. Отвлеченный фанатизмъ ни на одну минуту не вытравилъ изъ его сердца нервовъ, чуткихъ къ свѣту и холоду внѣшняго міра. А впослѣдствіи непосредственное и идейное слились въ міросозерцаніе жизненнаго и дѣятельнаго идеализма.

Григорьевъ до конца оставался на односторонности, противоположной теоретическимъ увлеченіямъ своихъ недруговъ—шестидесятниковъ. Непосредственное, стихійное, органическое подавляло его воображеніе неизглаголанной таинственностью и неотразимой мощью. Даже слово *органическій* звучало для него какъ-то особенно соблазнительно, наравнѣ съ *почвой* и *жизнью*. Онъ выбивался изъ силъ надъ созданіемъ *органической критики* и не уставалъ умиленно или восторженно твердить: «органическія явленія», «органическій взглядъ», «непосредственное чутье», «тихое и поэтическое однообразіе жизни», а тамъ ужъ слѣдуютъ «почва», «высокія вѣковыя преданія», «коренныя народныя созерцанія», и въ заключеніе «ярыжно-глубокіе» и «глубоко-ярыжные», по выраженью критика, контрасты: вѣчные идеалы и «поклоненіе послѣднему моменту», «типовое бытіе» и «мимолетная злоба дня», «единый идеалъ» и случайные «кумирики», «чувство массы» и тенденціозные идеалисты.

Такова непрерывная цѣпь мыслей и понятій, беруща́я начала въ поэтическомъ культѣ непосредственности. Мы, видимо, безъ всякихъ особенныхъ усилій со стороны нашего энтузіаста, въ цѣпи могли оказаться звенья весьма сомнительнаго идейнаго достоинства,

а главное, крайне смутнаго значенія. Что такое «вѣчные идеалы» и какъ опредѣлить чувство массы, а главное, какъ къ нему отнестись во имя тѣхъ же вѣчныхъ идеаловъ?—это и глубокіе, и еще болѣе ярыжные вопросы. И вотъ ихъ-то, какъ заранѣе рѣшенные, критикъ положилъ въ основу своей эстетики.

XVII.

Обычная судьба всѣхъ недосягаемо-выспреннихъ или необъятно-широкихъ отвлеченныхъ положеній—совершенное банкротство въ практическомъ приложеніи. Стòитъ только метафизическаго орла или морализирующаго ангела поставить предъ лицомъ реальныхъ явленій и заставить считаться съ подлинной человѣческой природой и средой, немедленно обнаружится пустопорожность величественныхъ формулъ и безцѣльность героическихъ полетовъ. Въ лучшихъ случаяхъ столкновеніе широковѣщательныхъ отвлеченій съ фактами завершается безнадежной смутой и безвыходными противорѣчіями мыслей и поступковъ философа.

Нашъ критикъ—завѣдомый врагъ теорій—создалъ рядъ самыхъ отчаянныхъ абстрактныхъ понятій и, при первомъ же приложеніи ихъ къ литературѣ, сразу упалъ съ облаковъ въ весьма неприглядную «почву».

«Тихое поэтическое однообразіе жизни», «органическое развитіе», какъ все это звучитъ красиво и въ стихахъ непремѣнно достигло бы высшей цѣли чистаго искусства. Но въ критикѣ сладкіе звуки означаютъ слѣдующее:

Идеалъ художника долженъ идти рука объ руку съ *коренными началами* дѣйствительности. Цѣль искусства—органическое единство съ жизнью въ глубочайшихъ корняхъ сей послѣдней. Раздраженное отношеніе къ дѣйствительности *во имя претензій человѣческаго самолюбія* хуже самаго тупого равнодушія къ язвамъ современности.

Остановитесь на этихъ изреченіяхъ и сдѣлайте выводы. Не спрашивайте у критика, чтò значитъ *коренныя начала* жизни и какъ отличить ихъ отъ не коренныхъ, какой писатель раздражается подъ вліяніемъ идеальныхъ запросовъ къ жизни или по внушенію *претензій самолюбія*,—всего этого критикъ не объяснитъ, и не можетъ объяснить. Всѣ выдвинутыя имъ понятія— относительны, а между тѣмъ имъ навязана роль абсолютныхъ истинъ. Практически немедленно вскрывается жестокое недоразумѣніе.

Протестъ личности наскучилъ всѣмъ смертельно и сталъ смѣшонъ. Отрицательная нота въ изображеніи дѣйствительности потеряла *въ настоящую минуту* всякую цѣнность.

Это пишется въ 1851 году, когда именно наклонность русскихъ писателей протестовать и отрицать менѣе всего нуждалась въ сдержкѣ и въ призывахъ къ умѣренности. И потомъ—*скука, комизмъ*... Достойны ли эти мотивы нашего критика, такого впечатлительнаго и съ такими возвышенными взглядами на искусство! И кто же это скученъ и смѣшонъ? Чьи отрицанія утратили всякую цѣнность?

Лермонтовскія, и комиченъ его герой,—Печоринъ.

Вы изумлены... Какъ писатель, самъ поэтъ, съ такими «безумными» порывами и вожделѣніями объ орлиныхъ полетахъ, какъ онъ, «вдохновенный» и «изступленный», могъ ополчиться на пѣвца «Демона»? Какъ онъ могъ устоять предъ бурнымъ и жгучимъ дыханіемъ дѣйствительно органической страсти и силы, какими дышитъ и блещетъ геній Лермонтова?

Не только устоялъ, но даже наговорилъ такихъ трезвенныхъ рѣчей, что хотя бы въ пору любому филистеру и мѣщанину.

«Лермонтовъ не болѣе, какъ случайное повѣтріе, какъ миражъ иного, чуждаго міра; *правда* его поэзіи есть правда жизни мелкой по объему и значенію, теряющейся въ безбрежномъ морѣ иной жизни; *казнь*, совершаемая этою все-таки поэтическою правдою надъ маленькимъ муравейникомъ, въ отношеніи къ которому она справедлива, имѣетъ сколько-нибудь общее значеніе только какъ *казнь* одинокаго положенія этого муравейника» [127]).

Авторъ подчеркиваетъ слова *правда*, *казнь*, но не отдаетъ себѣ отчета въ ихъ истинномъ значеніи. Онъ говоритъ *муравейникъ* и думаетъ убить этимъ презрительнымъ выраженіемъ глубину и силу лермонтовской тоски и горечи. *Маленькій муравейникъ!* Да вѣдь во времена Лермонтова это—цвѣтъ такъ называемаго русскаго просвѣщеннаго общества! Это сливки интеллигенціи, могущественная соль земли, если не нравственно, то практически. Рядомъ съ ней, правда, жили и мучались Полевые и Бѣлинскіе, но они еще стояли на положеніи «невѣрныхъ» и «дикихъ». Только въ немногихъ избранныхъ находила отголосокъ ихъ рѣчь, по крайней мѣрѣ, до начала сороковыхъ годовъ, а все, что̀ гордилось цивилизаціей, образованностью, что̀ представляло власть оффиціальную и общественную, то и было «муравейникомъ» и вызывало у поэта презрѣніе и злобу.

Конечно, съ точки зрѣнія даже, пожалуй, 1856 года и еще больше на взглядъ вообще историка русскаго прогресса жертвы лермонтовской злости совершенно ничтожны... Но не смертный ли грѣхъ критика предъ исторической перспективой на этихъ основаніяхъ правду одного изъ величайшихъ русскихъ борцовъ съ

---

[127]) *Ib.*, 58, 144—6, 50, 161.

пошлостью и рабствомъ считать *мелкой?* Вѣдь тогда вообще правда всѣхъ сатириковъ и протестантовъ *мелка.* Въ настоящее время, напримѣръ, Собакевичи, Чичиковы, Сквозники-Дмухановскіе далеко не имѣютъ такого жизненнаго значенія, какимъ обладали полвѣка тому назадъ, а недалеко время, когда эти уродцы, можетъ быть, совсѣмъ станутъ ископаемыми. Тогда, слѣдовательно, и правду гоголевской поэзіи можно будетъ признать мелкой по объему и значенію? Надо обладать исключительной способностью впадать въ ослѣпленіе и безсознательно проповѣдывать вопіющую нравственную и историческую ересь, чтобы лермонтовское одиночество въ современномъ ему муравейникѣ свести къ безпредметной тоскѣ и безплодному отчаянію. Надо забыть рѣшительно все русское доброе старое время, притомъ весьма еще недавнее, чтобы проглядѣть одну изъ захватывающихъ драмъ въ жизни геніальнаго поэта. Григорьевъ готовъ смѣяться сопоставленію Лермонтова съ Байрономъ. Смѣшно не сопоставленіе, а настроеніе критика. Конечно, русскіе аристократы, московскіе Чайльдъ-Гарольды не англійскіе лорды и петербургскій «свѣтъ» какой угодно эпохи комиченъ и жалокъ предъ великобританскимъ кентомъ. Но и ничтожество можетъ быть страшнымъ и мельчайшіе пошляки, подобно микробамъ, могутъ задушить даже настоящаго Байрона. Можно навѣрное сказать, петербургскій свѣтъ для Лермонтова, при всей прирожденной силѣ и талантѣ поэта, былъ гораздо болѣе опасный и неотвязчивый врагъ, чѣмъ англійское высшее общество для Байрона. А насчетъ средствъ, удобствъ и блистательныхъ эффектовъ борьбы русскаго дворянина и поручика нельзя и сравнивать съ великобританскимъ лордомъ и пэромъ.

Всего этого не сообразилъ критикъ, прекрасно знавшій предметъ. Также безотчетно обозвалъ онъ и Печорина «комическимъ лицомъ», «личнымъ безсиліемъ, поставленнымъ на ходули».

Мы уже говорили,—и для насъ Печоринъ не герой и не богатырь, но отсюда цѣлая пропасть до комизма и ходульнаго безсилія. Комиченъ человѣкъ, рыдающій и грызущій землю! Именно объ этой странной *двойственности* говоритъ критикъ, и проходитъ мимо, удовлетворившись ничего не говорящимъ словомъ. Смѣшные люди вовсе не отличаются двойственностью, да еще такой драматической, и кто способенъ рыдать и грызть землю, тотъ уже не щеголяетъ ходулями. Вопросъ, въ сущности, не представлялъ никакихъ затрудненій: стоило только подойти къ нему даже не съ глубокимъ психологическимъ анализомъ, а просто съ развитой чуткостью сердца и съ кое-какими свѣдѣніями по исторіи русскаго общества.

Даже меньше. Григорьеву надо было только соблюсти послѣдовательность и держаться строго логическихъ выводовъ изъ собственныхъ положеній.

Одна изъ оригинальныхъ его идей, подавшая поводъ къ многочисленнымъ журнальнымъ насмѣшкамъ, представленіе о *допотопныхъ* писателяхъ и типахъ. *Свистокъ* съ большою благодарностью принялъ удивительный терминъ и поспѣшилъ поднять его на смѣхъ.

Въ дѣйствительности, въ идеѣ заключался смыслъ и весьма любопытный. Критикъ желалъ выразить *органическое* развитіе извѣстнаго таланта, или художественнаго образа. Все равно какъ для развитыхъ животныхъ организмовъ существуютъ формы первичнаго образованія, *допотопныя*, такъ и для талантовъ и типовъ одного и того же духовнаго склада и направленія. Напримѣръ, Марлинскій и Полежаевъ — таланты допотопной формаціи въ отношеніи къ Лермонтову. Типъ проходитъ нѣсколько цикловъ развитія раньше чѣмъ въ полной мѣрѣ разовьетъ свое внутреннее содержаніе и выльется въ соотвѣтствующую форму.

Идея—ясная, но Григорьевъ, по обыкновенію, затемнилъ ее паѳосомъ, «индійскими аватарами» и вызвалъ невольный смѣхъ. А между тѣмъ, разочарованіе героевъ Марлинскаго и самого Полежаева дѣйствительно нѣчто предшествующее для лермонтовской поэзіи. Слѣдовательно, Печоринъ—завершеніе цѣлой исторіи извѣстнаго типа, органическое явленіе, проходящее по нѣсколькимъ періодамъ русскаго общественнаго развитія. Слѣдовательно, въ немъ таится нѣчто вполнѣ серьезное. Это несомнѣнно еще и по другимъ соображеніямъ, вытекающимъ также изъ прочувствованныхъ идей критика.

Среди восторженныхъ патетическихъ рѣчей во славу Пушкина Григорьевъ высказалъ одну яркую мысль, достойную вниманія. Она касается Бѣлкина. Смыслъ этого героя, по мнѣнію Григорьева, заключается въ борьбѣ простого здраваго смысла и здраваго чувства, кроткаго и смиреннаго съ блестящимъ и страстнымъ типомъ, т. е. типомъ печоринской породы. Съ этого времени литература не перестанетъ изображать эту борьбу: Тургеневъ возьмется за нее въ *Рудинѣ*, продолжитъ въ *Дворянскомъ гнѣздѣ*: Лаврецкій первый изъ ненавистниковъ «тревожнаго начала», первый изъ преемниковъ Бѣлкина сброситъ съ себя запуганность и поднимется надъ чистымъ отрицаніемъ. Лежневу это еще не удавалось по отношенію къ Рудину. Лаврецкій первый начнетъ жить полною гармоническою жизнью [128]).

Послѣднее врядъ ли справедливо. Но общій ходъ мысли критика не противорѣчитъ культурному смыслу названныхъ литературныхъ явленій. Лишній и разочарованный человѣкъ дѣйствительно постепенно вытѣснялся съ перваго плана сцены, и лите-

---

[128]) *Ib.*, 227, 337—8, 252, 286, 406.

ратурный фактъ соотвѣтствовалъ жизненному. Эта смѣна типовъ подмѣчена и Добролюбовымъ, только у него идетъ преемственность прямо отъ лишняго человѣка черезъ Рудина къ Лаврецкому [129]). Нельзя не признать проницательности взгляда въ данномъ случаѣ на сторонѣ Григорьева.

Онъ могъ бы въ подтвержденіе своей мысли привести множество примѣровъ именно борьбы блестящаго героя съ простымъ человѣкомъ. У Писемскаго этотъ контрастъ выступаетъ съ поразительной яркостью, вполнѣ преднамѣренно. И, можетъ быть, именно излюбленный планъ повѣстей Писемскаго подсказалъ Григорьеву любопытную идею. Съ другой стороны даже поверхностныя наблюденія надъ общественными явленіями могли навести писателя на тотъ же выводъ. Разочарованные утрачивали обаяніе, по крайней мѣрѣ, на вершинахъ интеллигентности, весьма быстро. Къ половинѣ пятидесятыхъ годовъ демонизмъ былъ дискредитированъ и развѣ только захолустныя мѣщанскія палестины могли еще служить благодарной сценой для демоническихъ спектаклей. А съ наступленіемъ новой полосы, съ развитіемъ жизненныхъ энергическихъ стремленій, съ обновленіемъ общественнаго и государственнаго строя, лишніе и разочарованные люди даже изъ прошлаго, когда они были лучшими людьми, съ трудомъ стали встрѣчать сочувственное вниманіе и справедливый судъ.

Но этотъ результатъ долженъ былъ получиться десятилѣтіями и Григорьевъ правъ, много разъ подчеркивая *борьбу*. Слѣдовательно, была же какая-то сила на сторонѣ блестящаго типа, и притомъ не ходульная, разъ люди здраваго смысла и чувства долго не могутъ отдѣлаться отъ страха и смущенія предъ своимъ неотразимымъ врагомъ?

Отвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію. Лишніе люди и герои демонической складки, при всѣхъ отрицательныхъ и даже порочныхъ чертахъ, существеннѣйшее явленіе русскаго культурнаго быта и во многихъ отношеніяхъ *положительное*.

Оно первичное выраженіе протестующей мысли и оскорбленнаго чувства предъ пошлой и рабской дѣствительностью. Какова она была въ годы особенно урожайные на героевъ разочарованія и злобнаго абсентеизма, показываетъ идеальный *простой человѣкъ* Писемскаго [130]). Григорьевъ не далекъ отъ правильнаго пониманія этого идеала: «Писемскій,—говоритъ онъ,—пытался опоэтизировать точку зрѣнія на жизнь губернскаго правленія».

Это не вѣрно: Писемскій искренне ненавидѣлъ жизнь губернскихъ правленій, но губернскихъ добрыхъ малыхъ весьма ува-

---

[129]) Въ статьѣ *когда же придетъ настоящій день. Сочиненія* III, 279.
[130]) См. въ нашей книгѣ *Писемскій*, главы XXVI. XXVII.

жалъ и ихъ здравый смыслъ и простую душу ставилъ выше всякаго ума и просвѣщенія. Можно представить, какъ воплощали тотъ же идеалъ «допотопные» нааціоналисты въ родѣ Загоскина!

Что̀ же ввело нашего критика въ такую смуту противорѣчій и неправдъ? Ничто иное, какъ его пристрастіе къ положительнымъ, почвеннымъ и примирительнымъ настроеніямъ. Для него искусство — религія, «высшее служеніе на пользу души человѣческой, на пользу жизни общественной», «откровеніе великихъ тайнъ души и жизни», «цѣльное, непосредственное разумѣніе жизни» [131]), вообще недосягаемо глубокій и всесовершенный духовный процессъ. Гдѣ же здѣсь мѣсто недовольству, возмущенію, протесту? Развѣ все это допустимо въ культѣ, въ священнодѣйствіи? Развѣ Байронъ и Лермонтовъ походили на величественныхъ мужей, ясныхъ и спокойныхъ, озаренныхъ всепримиряющей благодатью свыше? Конечно, нѣтъ, и поэтому, дальше отъ ихъ поэзіи! Не даетъ истиннаго утѣшенія и Гоголь: въ прошломъ одинъ Пушкинъ, а въ настоящемъ—Островскій. Вотъ истинно-русскіе поэты-пророки!

XVIII.

Островскій въ личной жизни и въ критикѣ Григорьева занимаетъ одинаково исключительное мѣсто. Это неумирающая страсть человѣка и писателя, молитвенное умиленіе, нескончаемыя жертвы восторговъ и славословій. Если Григорьевъ дѣйствительно «фанатикъ до сеидства», какъ онъ себя называетъ, то Островскій его пророкъ. Григорьевъ не умѣетъ опредѣлить, кто онъ—западникъ или славянофилъ, знаетъ только, что существуетъ одинъ человѣкъ, съ кѣмъ у него «*все* общее», въ комъ нашлись всѣ его вѣрованія—Островскій. Только онъ можетъ сказать и даже сказалъ уже *новое слово*. Безъ такого слова жить не можетъ критикъ и его счастье безмѣрно: *Бѣдная невѣста* окончательно рѣшила вопросъ. «Новое, сильное слово»—произнесено [132]).

Эти экстазы вызвали бурю насмѣшекъ. Григорьевъ поощрялъ насмѣшниковъ не только прозой, но и стихами. Они оказались на столько благодарными, что Добролюбовъ почти цѣликомъ выписалъ ихъ въ статьѣ *Темное царство* и эффектъ, дѣйствительно, выходилъ на столько желательный, что можно было поэзію даже не сопровождать никакими прозаическими примѣчаніями. Нѣкоторыя строфы стали знаменитыми, напримѣръ, гдѣ описывался восторженный трепетъ публики по слѣдующему поводу:

---

[131]) *Сочиненія*, 137, 406, 334.

[132]) *Эпоха*, мартъ, 132, сентябрь 12, 45. *Сочиненія*, 44.

*

Любимъ Торцовъ предъ ней живой
Стоитъ съ поднятой головой,
Бурнусъ напяливъ обветшалый,
Съ растрепанною бородой,
Несчастный, пьяный, исхудалый,
Но съ русской, чистою душой! [133]).

Отечественныя Записки еще раньше Добролюбова ополчились, съ точки зрѣнія вкуса, приличія и нравственности, на критика, идеализирующаго «пьяную фигуру какого-нибудь Торцова» [134]).

Вылазка, въ свою очередь, не лишенная комизма, но все-таки ей далеко было до григорьевской лирики. Критикъ не смущался и шелъ своимъ путемъ. Это дѣлаетъ честь его мужеству, тѣмъ болѣе онъ все-таки достигъ извѣстной цѣли, хотя и не особенно блестящей.

Всѣмъ извѣстно, какую славу пріобрѣли статьи Добролюбова о *Темномъ царствѣ* и о *Лучѣ свѣта въ темномъ царствѣ*. Мы встрѣтимся съ этими статьями и увидимъ, что онѣ дѣйствительно заслуживали вниманія, по чрезвычайно искусному своду жизненныхъ явленій, представленныхъ художникомъ, и энергическому отпору всевозможнымъ журнальнымъ кривотолкамъ, вызваннымъ произведеніями Островскаго.

Добролюбовъ былъ вполнѣ правъ, указывая, какъ мало сдѣлали даже восторженные почитатели Островскаго для уясненія его таланта. Паѳосъ Григорьева виталъ въ недосягаемой области лирики, а на противоположномъ полюсѣ, въ *Отечественныхъ Запискахъ* пѣли отходную только что разцвѣтавшему дарованію. *Критикъ* «Современника» явился единственнымъ вдумчивымъ и безпристрастнымъ толкователемъ. Если бы пожелалъ, онъ имѣлъ бы основаніе впасть въ преднамѣренные поиски либеральныхъ идей въ пьесахъ Островскаго, потому что *Русская Бесѣда*—журналъ патріотическій и славянофильскій, успѣлъ сочувственно открыть въ комедіи *Не такъ живи, какъ хочется*, идеализацію домостроевскихъ семейныхъ порядковъ.

Критикъ удержался отъ оппозиціи и предоставилъ самому Островскому говорить за себя, т. е. попытался извлечь изъ произведеній художника прямыя и естественныя заключенія, не насилуя и не передѣлывая смысла творчества и не подсказывая автору своихъ воззрѣній. «Художественную правду» Добролюбовъ даже противопоставилъ «внѣшней тенденціи», «воспроизводителя явленій дѣйствительности», «теоретику» и заранѣе оговорился: «мы не придаемъ исключительной важности тому, какимъ теоріямъ художникъ слѣдуетъ. Главное дѣло въ томъ, чтобъ онъ былъ добро-

---

[133]) Стихи напечатаны въ *Москвитянинѣ*. 1854, IV.
[134]) *Отеч. Записки*. 1854, VI.

совѣстенъ и не искажалъ фактовъ въ жизни въ пользу своихъ воззрѣній: тогда истинный смыслъ фактовъ самъ собою выкажется въ произведеніи, хотя, разумѣется, и не съ такою яркостью, какъ въ томъ случаѣ, когда художнической работѣ помогаетъ и сила отвлеченной мысли» [135]).

Это ничто иное, какъ пересказъ извѣстныхъ намъ идей Бѣлинскаго и онъ показываетъ, какъ мало у Добролюбова было желанія проявлять партійную нетерпимость и умышленную политику на художественной литературѣ. И его статьи о *Темномъ царствѣ* спокойное и скромное подведеніе итоговъ, намѣченныхъ самими пьесами.

Григорьевъ напалъ на толкованія Добролюбова. Раздраженіе было весьма полезно для энтузіаста и одописца. До статей *Современника* Григорьевъ славословилъ, изрекалъ прорицательскія опредѣленія, рѣялъ въ нѣкоемъ золотистомъ и розовомъ туманѣ. Самыя опредѣленныя заявленія критика не заходили дальше слѣдующихъ откровеній:

«Новое слово Островскаго есть самое старое слово—народность: новое отношеніе его есть только прямое, чистое, непосредственное отношеніе къ жизни».

Въ другой разъ критикъ это отношеніе можетъ назвать «идеальнымъ міросозерцаніемъ съ особеннымъ оттѣнкомъ», а оттѣнокъ этотъ ничто иное, какъ «коренное русское міросозерцаніе, здравое и спокойное, юмористическое безъ болѣзненности, прямое безъ увлеченій въ ту или другую крайность, идеальное, наконецъ, въ справедливомъ смыслѣ идеализма, безъ фальшивой грандіозности или столько же фальшивой сентиментальности» [136]).

Можно признать эти выраженія не столь непроницаемыми, какими ихъ считалъ Добролюбовъ. Можно усмотрѣть нѣкоторый опредѣленный смыслъ въ юморѣ безъ болѣзненности, въ идеализмѣ безъ аффектаціи, т. е. въ добродушіи и простотѣ. Но эти симпатичныя черты вовсе не образуютъ міросозерцанія, онѣ скорѣе свидѣтельствуютъ о темпераментѣ идеалиста, чѣмъ о содержаніи идеализма. Ими можетъ быть одаренъ писатель, нисколько не похожій на Островскаго по природѣ и таланту. Развѣ юморъ Гоголя болѣзненный и развѣ этотъ художникъ страдаетъ грандіозностью и сентиментальностью? Добродушія у Гоголя, пожалуй, было больше, чѣмъ у автора *Бѣдной невѣсты* и *Свои люди—сочтемся*.

Слѣдовало бы пойти дальше и выполнить именно задачу Добролюбова: попытаться извлечь жизненный смыслъ изъ фактовъ творчества Островскаго. Самъ Добролюбовъ не притязалъ на непо-

---

[135]) *Сочиненія*, III, 78.

[136]) *Сочиненія*. 63, 119.

грѣшимость своихъ выводовъ и ставилъ ихъ въ зависимость отъ развитія таланта драматурга. Григорьеву слѣдовало направить свою критику на *ошибочность* взглядовъ *Современника*, а не вообще противъ желанія идейно осмыслить дѣятельность поэта.

А между тѣмъ письма къ Тургеневу *Послѣ «Грозы» Островскаго*—лучшія статьи Григорьева. Въ нихъ нѣтъ ни головокружительныхъ отступленій, ни неумѣстныхъ лирическихъ безпорядковъ, нѣтъ и спеціально свойственнаго нашему критику словеснаго молодечества и разгильдяйства, придающаго его статьямъ какой-то напряженно разухабистый характеръ. Критикъ, будто сверхъ своихъ силъ беретъ вполнѣ свободный тонъ, но какъ разъ въ самыхъ удалыхъ фразахъ и героически-небрежныхъ оборотахъ чувствуется затаенная немощь мысли и бѣднота изобрѣтательности. Краснорѣчивѣйшіе образчики—письма къ Достоевскому—*парадоксы органической критики*. Писались они въ худшую пору жизни Григорьева, одновременно съ приступами горькаго отчаянія и неизлѣчимой нравственной агоніи. Григорьевъ будто старался *перекричать* свою внутреннюю боль, широтой жестовъ замаскировать невольные судороги страждущей природы, и впадалъ въ какой-то надорванный, полу-торжествующій, полу-стонущій паѳосъ.

То же самое встрѣчается нерѣдко и въ другихъ статьяхъ Григорьева: жизнь, съ перваго до послѣдняго дня не бывшая для него родной матерью, налагала тяжелыя тѣни и на его слово. Но письма къ Тургеневу выдаются изъ всѣхъ произведеній критика—ясностью содержанія, твердостью и трезвостью формы и даже нѣкоторымъ полемическимъ искусствомъ. Григорьевъ будто подтянулся и собралъ всѣ силы своего таланта и логики, обращаясь къ первостепенному современному художнику и направляя свое перо противъ вліятельнѣйшей современной критики.

Что же удалось Григорьеву сказать поучительнаго и прочнаго даже при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ?

Григорьевъ особенно недоволенъ однимъ обстоятельствомъ: зачѣмъ Добролюбовъ превратилъ Островскаго въ сатирика? Зачѣмъ онъ навязалъ «народному» художнику борьбу съ темнымъ царствомъ? Это значитъ впадать въ теорію, растягивать жизнь на прокустовомъ ложѣ.

Обвиненіе является, по меньшей мѣрѣ, страннымъ. Добролюбовъ усердно открещивался отъ теорій и всяческихъ отвлеченныхъ насилій надъ дѣломъ художника. Онъ только *объяснялъ*, и вдругъ прокустово ложе!

Значитъ Григорьевъ не понялъ или не хотѣлъ понять статей своего противника? Мы думаемъ, ни то, ни другое, а нѣчто гораздо болѣе существенное: Григорьевъ *не могъ*, по складу своей

патетической и созерцательной природы, допустить какого бы то ни было вмѣшательства идей и логики въ заповѣдную область его религіи, т. е. искусства. Малѣйшее посягательство анализировать *органическое* созданіе вдохновеннаго генія въ его глазахъ преступленіе, теоретическій фанатизмъ, преступленіе въ родѣ анатомированія живого тѣла.

И посмотрите, во что превратились для него образцово-скромныя попытки Добролюбова! Тотъ раздѣлилъ темное царство на *самодуровъ* и *забитыхъ личностей*. Здѣсь даже ничего нѣтъ оригинальнаго, нарочито выдуманнаго для Островскаго. Только другія наименованія для *героевъ* и *жертвъ*, *побѣдителей* и *побѣжденныхъ* во всякой литературной и житейской драмѣ. Но Григорьевъ возмущенъ и навязываетъ критику «почти что» сочувствіе Липочкѣ, какъ протестанткѣ, и даже Матренѣ Савишнѣ и Марьѣ Антиповнѣ, попивающимъ съ чиновниками мадеру на вольномъ воздухѣ.

Что эти замоскворѣцкія львицы-протестантки—несомнѣнно; таковы ихъ положенія въ самихъ пьесахъ. Но что бы ихъ «протестантизмъ» заслуживалъ почтенія—это вымыселъ обиженнаго критика. Добролюбовъ тщательно постарался доказать, какъ глубоко распространяется нравственный ядъ въ темномъ царствѣ, какъ одинаково смертельно отравляетъ онъ и торжествующихъ, и униженныхъ. Въ Липочкѣ Добролюбовъ не могъ, разумѣется, не распознать «наклонности къ самому грубому и возмутительному деспотизму», а по поводу другихъ протестантокъ подробно говоритъ о *религіи лицемѣрства*. Статьи Добролюбова, какъ увидимъ, далеко не совершенство въ смыслѣ психологической проницательности, но Григорьевъ изобрѣлъ совершенно небывалые проступки критика и на нихъ построилъ свою положительную оцѣнку таланта Островскаго.

Онъ желаетъ доказать, что драматургъ «объективный поэтъ», а не сатирикъ, что русскій бытъ взятъ у него «поэтически, съ любовью, съ симпатіею очевидными», даже «съ религіознымъ культомъ существенно-народнаго». Островскій не «сатирикъ», а «народный поэтъ».

Уже изъ сопоставленія этихъ опредѣленій ясна давно знакомая намъ истина: для Григорьева поэзія непремѣнно симпатія, любовь, восторгъ. Всякое отрицаніе не поэтично уже потому, что оно отрицаніе, а въ русскомъ міросозерцаніи сатира, очевидно, совершенно неестественное явленіе, какъ «раздражительное отношеніе къ дѣйствительности».

Вотъ, слѣдовательно, первоисточникъ обиды! Островскій, конечно, противъ самодурства, но это отрицательная черта его творчества и для него унизительна: должна быть положительная, и

она существуетъ: въ поэзіи «существенно-народнаго». Мы съ особеннымъ интересомъ ждемъ объясненія, что же именно у Островскаго существенно народно и достойно религіознаго культа? неужели Любимъ Торцовъ?

Оказывается, да. У него критикъ находитъ «могучесть натуры», «высокое сознаніе долга», «чувство человѣческаго достоинства», однимъ словомъ, всѣ личныя и гражданскія добродѣтели. Одно только обстоятельство тщательно обходится: прежде всего разсказъ самого Любима о своей жизни, весьма мало свидѣтельствующій о могучести натуры, а потомъ странный фактъ: необходимость столь богато одаренному представителю существенно-народнаго пройти путь добровольныхъ нравственныхъ униженій и ни въ какомъ смыслѣ не возвышенныхъ и не достойныхъ приключеній. Онъ, конечно, по человѣчеству достоинъ сочувствія, такъ же какъ и Любовь Гордѣевна—добрая, ограниченная наседка замоскворѣцкаго курятника, но неужели обѣ эти фигуры могутъ вдохновить поэта на лирическую любовь и религіозныя чувства? Стихи Григорьева, вызванныя Любимомъ Торцовымъ, одинъ изъ рѣдкихъ образчиковъ восторга невпопадъ и врядъ ли самъ Островскій могъ раздѣлить искренность и непосредственность своего поклонника.

А между тѣмъ, обладай критикъ болѣе развитымъ самообладаніемъ, онъ могъ бы не впасть въ столь неблагодарную роль. Въ той же статьѣ, наполненной недоразумѣніями, Григорьевъ высказываетъ одну чрезвычайно меткую мысль, ускользнувшую отъ Добролюбова. Критикъ бросаетъ ее мимоходомъ: явное доказательство, что анализу онъ не придавалъ большого значенія. Перечисляя «горькое и трагическое» темнаго царства—невѣжество, ненависть къ просвѣщенію, критикъ, между прочимъ, бросаетъ выраженіе «отупѣлая земщина». Она «въ лицѣ глупаго мужика Кита Китыча предполагаетъ въ Сахарѣ Сахарычѣ власть и силу написать такое прошеніе, по которому можно троихъ человѣкъ въ Сибирь сослать, и въ лицѣ умнаго мужичка Неуѣденова справедливо боится всего, что не она—земщина».

Это случайное замѣчаніе критикъ могъ бы развить въ широкую, совершенно оригинальную картину взаимныхъ отношеній темной земщины и всякаго рода власти, самодуровъ и «стрикулистовъ». Картина даже не затронута Добролюбовымъ, а между тѣмъ ожесточенная война земщины съ тѣмъ, что не земщина, одна изъ самобытныхъ драмъ самобытнаго русскаго міра. Стоитъ вспомнить искренній, но жестокій смѣхъ добродушнаго и неглупаго Андрея Титыча надъ «стрюцкими», прямо изъ сердца вылетающій вопль его отца о «вашемъ братѣ», т. е. о тѣхъ же «стрюцкихъ», ужасъ отца и сына предъ дѣлами, какія съ ними

дѣлаютъ эти щуки темнаго царства, достаточно этихъ воспоминаній, чтобы представить едва ли не ядовитѣйшую основу многочисленныхъ насилій и безобразій замоскворѣцкихъ деспотовъ-рабовъ. Григорьевъ приближался къ этому «горькому и трагическому», но на одно мгновеніе: поиски за поэзіей и примиреніемъ опять увлекли его въ восторженныя, но совершенно безплодныя восклицанія: «чувство массы», «существенно-народное», «объективный поэтъ». Въ результатѣ, если Добролюбовъ не исчерпалъ таланта Островскаго «теоріей» темнаго царства, то и Григорьевъ съ своими романтическими порывами не могъ особенно помочь публикѣ понимать и любить новое художественное дарованіе.

Это настоящая драма: быть всецѣло во власти могучаго глубокаго чувства и не умѣть заразить имъ другихъ. Мы понимаемъ негодованіе критика на жалобы своихъ читателей, будто его статьи отличаются «непонятностью» [137]). Это очень обидно, особенно для такого «фанатика». Но читатели были правы. Статьи не только страдали неясностью изложенія, но обличали поразительную путаницу мысли. До появленія критики шестидесятниковъ путаница не такъ замѣтна. Критикъ съ наслажденіемъ витаетъ въ области лирики, сторицей вознаграждая себя эстетическими восторгами за обиды дѣйствительности.

Но лишь только раздались голоса новыхъ людей, одушевленныхъ жгучими, настойчивыми запросами къ живой цѣлесообразной энергіи въ литературѣ и въ жизни, Григорьевъ сбился съ ноты. Онъ, разумѣется, вступилъ въ борьбу съ вандалами искусства, но пѣсня его была заранѣе спѣта, и—что особенно трагично—спѣта благодаря особенно личному благородству и страстной любви къ литературѣ.

XIX.

Мы знаемъ въ общихъ чертахъ, какое дѣйствіе оказало движеніе шестидесятыхъ годовъ на преемниковъ Бѣлинскаго: оно или застало всѣхъ этихъ эпикурейцевъ и эстетиковъ врасплохъ и въ конецъ пригнело землѣ, будто свѣжій сильный вѣтеръ сухую омертвѣвшую траву, или преобразовывало ихъ изъ легкомысленныхъ туристовъ въ глубокомысленныхъ рыцарей чистаго искусства. Мы увидимъ, обѣ роли близко родственны по своему смыслу и различаются только по манерѣ и тону игры.

Съ Григорьевымъ произошло нѣчто другое. Попасть въ число жалкихъ онъ не могъ: въ немъ до конца жило достаточно страсти къ старому кумиру, а страсть вѣрное спасеніе отъ пошлости и мизерабельности. Еще менѣе Григорьевъ могъ ограничиться спо-

[137]) *Сочиненія*. 451.

койнымъ и благопристойнымъ сладкогласіемъ о самодовлѣющей красотѣ. Не наступи обновленія въ самой жизни, критикъ, можетъ быть, и упивался бы лирическими созерцаніями. Но когда кругомъ развертывались и шумѣли свѣжія силы, когда со всѣхъ сторонъ звучали самоувѣренныя и искреннія рѣчи, фанатикъ не выдержалъ и, по своей обычной стремительности, поспѣшилъ отдать справедливость чужой правдѣ и чужой силѣ.

Это вполнѣ естественно со стороны горячаго поклонника Бѣлинскаго. Но вѣдь и Чернышевскій, и Добролюбовъ чтили въ великомъ критикѣ своего учителя. Слѣдовательно, Григорьевъ могъ бы столковаться съ ними, по крайней мѣрѣ, ужиться? На самомъ дѣлѣ, именно торжество подлинныхъ учениковъ Бѣлинскаго переполнило горькую жизненную чашу нашего критика, и они подчасъ вызывали у него или крикъ смертнаго отчаянія, или воинственный вопль непримиримой вражды и даже презрѣнія.

И столь, повидимому, странное явленіе неизбѣжно.

Григорьевъ основательно укорялъ крайнихъ послѣдователей новой «реальной» критики въ половинчатомъ пониманіи Бѣлинскаго. Они брали у своего предшественника публицистическую сторону его таланта и забывали, а то даже подвергали порицанію чисто-литературную, художественно-критическую. Григорьевъ поступалъ какъ разъ наоборотъ.

Какъ «наглый гуманистъ», — это его выраженіе о себѣ самомъ [138]),—онъ съ теченіемъ времени опредѣлилъ предѣлъ, до какого онъ признаетъ Бѣлинскаго, именно до второй половины сороковыхъ годовъ [139]). Мы знаемъ, что это значитъ. Критикъ не желаетъ знать о тѣхъ нравственныхъ и общественныхъ обязательствахъ, какія Бѣлинскій возлагалъ на искусство. Замѣтьте, Бѣлинскій вовсе не желалъ развѣнчивать непосредственной силы въ творчествѣ, совершенно напротивъ; но для нашего гуманиста уже достаточно легкаго публицистическаго прикосновенія къ священному кумиру, чтобы смутиться и вознегодовать.

И опять не менѣе грубое недоразумѣніе, чѣмъ въ полемикѣ съ Добролюбовымъ. Мы указывали на неполное представленіе Григорьева о національномъ и народномъ ученіи Бѣлинскаго. Кромѣ того, Бѣлинскій виноватъ еще въ одномъ грѣхѣ: онъ уничтожалъ «все непосредственное, прирожденное въ пользу выработаннаго духомъ, искусственнаго».

Это чистая клевета. Въ основаніи идей Бѣлинскаго послѣднихъ лѣтъ лежитъ то самое убѣжденіе, какое онъ энергически выразилъ въ письмѣ къ Кавелину.

---

[138]) *Эпоха*, мартъ, 130.

[139]) *Сочиненія*, 642.

«Безъ непосредственнаго элемента все гнило, абстрактно и безжизненно, такъ же, какъ при одной непосредственности все дико и нелѣпо» [140]).

Такое превратное пониманіе идей Бѣлинскаго и своевольное урѣзываніе ихъ, привело Григорьева къ безвыходному противорѣчію.

Наканунѣ шестидесятыхъ годовъ и въ самомъ началѣ ихъ Григорьевъ будто рѣшился идти на уступки.

Дорожа вѣчнымъ, презирая временное, восхищаясь непосредственностью, примиренностью и органичностью вплоть до идеализаціи Обломова, Григорьевъ рѣшился признать естественность вражды нѣкоторыхъ людей къ Обломову и обломовщинѣ. «Современныя обстоятельства» вполнѣ оправдываютъ эту несправедливость. Критикъ въ порывѣ новаго увлеченія въ обломовцевъ зачисляетъ и Лаврецкаго, и Лизу, и приводитъ чей-то «оригинально-прекрасный взглядъ» на Обломова, какъ на «перлъ въ толпѣ», какъ на «хрустальную прозрачную душу» и даже какъ на *народнаго поэта.* Значитъ, и Островскій, сказавшій новое слово, тотъ же обломовецъ, и критикъ смѣло честь Обломова объявляетъ вопросомъ войны съ прогрессивнымъ лагеремъ [141]).

Но Григорьевъ понимаетъ и противоположное чувство. «Наша напряженная и рабочая эпоха» заставляетъ приступать къ «невиннымъ чадамъ творчества и фантазіи», съ весьма сильными и дѣйствительными чувствами любви и вражды. Еще Савонаролла, сжигая Мадоннъ итальянскихъ художниковъ, понималъ спасительное или гибельное дѣйствіе искусства на людей. И Григорьевъ беретъ подъ свою защиту теоретиковъ, «честную теорію, родившуюся вслѣдствіе честнаго анализа общественныхъ отношеній и вопросовъ», и жестоко обрушивается на дилеттантовъ. Это одна изъ любопытнѣйшихъ и самыхъ горячихъ отповѣдей критика. Ни одинъ шестидесятникъ не могъ рыцарственнѣе защищать тенденцію и издѣваться надъ чистымъ искусствомъ.

«Теоретики,—говоритъ Григорьевъ,—рѣжутъ жизнь для своихъ идоложертвенныхъ требъ, но это имъ, можетъ быть, многаго стоитъ. Дилеттанты тѣшатъ только плоть свою и какъ имъ въ сущности ни до кого и ни до чего нѣтъ дѣла, такъ и до нихъ тоже никому не можетъ быть въ сущности никакого дѣла. Жизнь требуетъ рѣшеній своихъ жгучихъ вопросовъ, кричитъ разными своими голосами, голосами почвы, мѣстностей, народностей, настроеній нравственныхъ въ созданіяхъ искусствъ, а они себѣ тянутъ вѣчную пѣсенку про бѣлаго бычка, про искусство для искус-

---

140) Григорьевъ. *Ib.*, 569.—Письма Бѣлинскаго, *Р. М.* 1892, янв., 115.
141) *Сочиненія*, 414, 431, 421—3.

ства и принимаютъ невинность чадъ мысли и фантазіи въ смыслѣ какого-то безплодія. Они готовы закидать грязью Занда за неприличную тревожность ея созданій, и манерою фламандской школы оправдывать пустоту и низменность взгляда на жизнь. То и другое имъ ровно ничего не стоитъ».

Григорьевъ повторяетъ мысль Бѣлинскаго, что искусство для искусства никогда не существовало, что теорія его появляется въ эпохи упадка, разъединенія утонченнаго чувства дилеттантовъ съ народнымъ сознаніемъ. Истинное искусство было и будетъ всегда народное, демократическое. Поэты—голоса массъ, глашатаи великихъ истинъ... [142]).

Все это вполнѣ ясно. Можно допустить *педагогическое* стремленіе въ искусство. Можно даже позволить ему служить интересамъ минуты, честно понятымъ.

Такъ, повидимому, слѣдуетъ изъ оживленной рѣчи критика.

Нѣтъ. У него будто два сознанія и во всякомъ случаѣ два влеченія. Онъ не можетъ отрицать правъ жизни и гражданскихъ обязанностей художника, но свободное, себѣ довлѣющее искусство—какая плѣнительная идея! И критикъ такъ и не выбьется изъ подъ власти двухъ противоположныхъ силъ – въ *статьяхъ*, но въ личныхъ признаніяхъ, гдѣ будетъ говорить только его чувство, — прирожденное влеченіе одолѣетъ. Этого нельзя назвать неискренностью и двоедушіемъ: это естественный голосъ подавленнаго чувства, это невольная побѣда натуры надъ разсудкомъ.

И посмотрите, какъ грустно, безнадежно хоронитъ себя заживо «наглый гуманистъ»! Ему кажется, — гибнутъ всѣ благородныя утѣхи человѣчества — религія, искусство, философія. Въ русской литературѣ принципіальный врагъ философіи, исторіи и поэзіи *Современникъ*. Григорьевъ признаетъ дѣятелей этого журнала людьми честными, но по временамъ его охватываетъ чувство омерзѣнія къ ихъ дѣятельности, вообще къ «россійской словесности». «Поэзія уходитъ изъ міра»,—горькій вопль отверженнаго эстетика и онъ способенъ свою безпріютность, свою тоску топить въ винѣ, «пить мертвую», по его собственному признанію. Его изводятъ «муки во всемъ сомнѣвающагося сердца» и впереди онъ видитъ лишь одинъ мракъ и «приливы служенія лізю», т. е. ту же «мертвую».

Григорьевъ слишкомъ искрененъ и впечатлителенъ, чтобы не видѣть настоящаго смысла своего одиночества и безъисходнаго томленія. «Не разобщаются люди съ современностью безнаказанно, какъ бы ни было искренне разобщеніе»,—это неотразимый смертный приговоръ неисправимому прирожденному гуманисту въ эпоху

142) *Ib.*, 458—9.

напряженной жизненной работы. Единственное спасеніе — сойти со сцены и не ждать по собственной воли безцѣльной агоніи. Григорьевъ такъ и поступаетъ.

Онъ уѣзжаетъ изъ Петербурга въ глухую провинцію, превращается въ учителя русскаго языка и словесности оренбургскаго корпуса. Но именно отсюда ему приходится писать друзьямъ самыя горькія письма, потому что здѣсь, въ захолустьѣ, онъ неожиданно еще глубже убѣдился въ торжествѣ новыхъ людей и новыхъ боговъ, и что его голосъ звучалъ бы теперь въ пустынѣ. Петербургскіе друзья менѣе были поражены извѣстіями Григорьева о великихъ завоеваніяхъ «теоретиковъ», и напрасно Страховъ, Достоевскіе пытались ободрять своего критика. Онъ могъ отвѣчать горячими любезностями Страхову, его таланту: оба пріятеля тѣшили только самихъ себя, все живое и юное шло мимо нихъ, удостаивая только изрѣдка пренебрежительной насмѣшки или мимолетнаго возраженія.

Григорьевъ это понималъ лучше другихъ, и благо ему было. Въ Оренбургѣ произошло событіе, окончательно доказавшее его органическое безсиліе бороться съ ненавистными теоретиками. Григорьевъ вздумалъ прочитать четыре публичныхъ лекціи о Пушкинѣ. Онъ сообщаетъ ихъ программу и разсказываетъ вкратцѣ о самыхъ чтеніяхъ.

Онѣ импровизировались, лекторъ «ни одной своей лекціи не обдумывалъ», это онъ самъ пишетъ и прибавляетъ еще, какъ онъ «пророчествовалъ» о побѣдѣ галилеянина, о торжествѣ царства духа» [143]).

Можно представить, сколько поучительныхъ и въ особенности живыхъ идей вынесла публика изъ аудиторіи! Если статьи Григорьева на каждомъ шагу поражаютъ удивительнымъ колобродствомъ и разбросанностью мысли, что̀ же выходило изъ его импровизацій?

Всѣмъ было понятно одно: авторъ ненавидѣлъ поколѣніе, не читающее ничего, кромѣ Некрасова. Но, къ сожалѣнію, Пушкинъ врядъ ли выигрывалъ послѣ защиты подобнаго адвоката. За Некрасовымъ стояла критика, вооруженная усовершенствованнымъ оружіемъ діалектики, практическаго смысла и несравненной прозрачностью мысли. А здѣсь изступленіе и вдохновеніе: плохо приходилось поэзіи и философіи послѣ такого зрѣлища, можетъ быть даже хуже, чѣмъ до него.

Конецъ Григорьева—достойное заключеніе всей его «неземной» и больной жизни. Незадолго до смерти «ліэй» окончательно овладѣлъ волей несчастнаго. Онъ попалъ въ долговое отдѣленіе, его

---

[143]) *Эпоха*, сентябрь.

освободила какая-то сердобольная дама, черезъ четыре дня онъ умеръ, оставивъ «на память старымъ и новымъ друзьямъ» «краткій послужной списокъ»—рядъ бѣглыхъ замѣтокъ о многочисленныхъ скитальчествахъ и разочарованіяхъ, наполнявшихъ всю жизнь писателя.

Несомнѣнно, въ самой личности Григорьева таился неисчерпаемый источникъ всевозможныхъ житейскихъ невзгодъ. Вдохновенный романтикъ—не подходящій организмъ для почвы и атмосферы половины XIX-го вѣка, особенно русскаго. Но столь же очевидно,—въ лицѣ Григорьева умиралъ не только человѣкъ извѣстнаго нравственнаго склада, но глохла и омертвѣвала цѣлая струя чувствъ, настроеній, понятій. Изъ нихъ могла сложиться стройная система идей, эстетическое и философское міросозерцаніе. Мы видѣли, оно даже не преминуло заявить о себѣ устами самого Григорьева. Но, не смотря на всю стремительность и убѣжденность критика, публика могла уловить только кое-какіе обрывки идейнаго процесса, довольствоваться лиризмомъ, восклицательными знаками и многоточіями даже въ самыхъ жгучихъ вопросахъ современной литературы, поднятыхъ самимъ же критикомъ. Но даже и въ этихъ порывахъ не оказывалось выдержанности и стойкости. Публика внимала ожесточеннымъ нападкамъ на историческую критику, будто бы обрекающую искусство на «рабское служеніе жизни», то вдругъ ей громогласно заявляли объ ея правахъ искать смысла жизни именно въ художественныхъ созданіяхъ!

Какой выходъ избрать публикѣ?

Его указалъ самъ критикъ, своей судьбой, какъ писатель. Онъ съ теченіемъ времени все сильнѣе запутывался въ дилеммѣ, поставленной фактами современной жизни и влеченіями его личной природы, обнаруживалъ полное распаденіе своихъ нравственныхъ силъ и кончалъ злобными вылазками противъ настоящаго и мистическими прорицаніями будущаго, одинаково не убѣдительными и наивными. И никакой «теоретикъ» не могъ бы измыслить болѣе внушительнаго приговора, чѣмъ это открытое, истинно-физическое самоосужденіе. Былая жизнь вянула и умирала отъ истощенія, отъ неприспособленности къ борьбѣ за существованіе.

Сподвижники Григорьева далеко уступали ему литературнымъ талантомъ и главное—любовью къ искусству и вѣрой въ него. Они и кончили нѣсколько иначе, но врядъ ли съ большей славой.

XX.

Самымъ блестящимъ сотрудникомъ *Москвитянина* послѣ Григорьева явился Борисъ Алмазовъ, Погодинъ даже считалъ его

болѣе полезнымъ для журнала, чѣмъ смѣшного и искренняго энтузіаста. Образованіе Алмазова закончилось первымъ курсомъ юридическаго факультета. Дѣятельное участіе въ любительскихъ спектакляхъ московскаго общества, мечты о славѣ актера, занятія поэзіей наполняли молодость будущаго критика и стихотворца. Обновленіе *Москвитянина*—важнѣйшее событіе въ жизни Алмазова и рѣшительный моментъ для его литературнаго призванія.

Въ письмѣ къ Погодину онъ чрезвычайно сильно характеризуетъ этотъ фактъ: «Вы сдѣлали для меня очень много: я вамъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Когда я познакомился съ вами, меня мучила страшная жажда дѣятельности; я метался изъ стороны въ сторону, не зная, за что взяться; мнѣ хотѣлось борьбы, бороться съ пороками, съ развратомъ и злоупотребленіями, которыя я видѣлъ повсюду, отъ которыхъ отовсюду бѣжалъ и на которыя не находилъ средства сдѣлать нападеніе. Предсталъ случай...» [144]).

И молодой поэтъ внесъ въ журналъ «страшный избытокъ энергіи и духовныхъ силъ». Такъ выражается авторъ письма, и мы съ особеннымъ интересомъ должны ждать широкаго размаха такихъ благородныхъ замысловъ и такой долго накоплявшейся мощи. Тѣмъ болѣе, что юноша усиленно подчеркиваетъ свое мужество и неуклонность въ правдѣ: «Я не люблю умѣренности»; «крайне смѣшно быть умѣренно правдиву, говорить правду въ половину», заявляетъ онъ и притязаетъ на безусловную честность въ литературѣ.

И подвиги дѣйствительно начались. Наканунѣ появленія на поле битвы, новый витязь увѣрялъ Погодина, что онъ чувствуетъ «непреодолимое желаніе ругаться и драться со всѣмъ, что есть пришлаго, басурманскаго въ нашей литературѣ и нашей жизни», что онъ на эту борьбу «обрекаетъ жизнь». Витязь выступилъ подъ забраломъ, подъ именемъ Эраста Благонравова, и произвелъ сильный эффектъ.

Цензура, солидные друзья почтеннаго редактора, даже веселые журналисты были поражены. Въ такомъ маститомъ органѣ науки и сановнаго патріотизма вдругъ появляется нѣчто въ родѣ фельетона! Въ нѣкоемъ храмѣ раздается школьническій смѣхъ и обнаруживаются явныя посягательства позабавить публику пожалуй, даже на счетъ самихъ жрецовъ.

Цензоръ пропускалъ, но изумлялся снисходительности «почтеннѣйшаго Михаила Петровича»; это должно было огорчить издателя. Но энергичнѣе всѣхъ возмутился Писемскій: онъ прямо нашелъ остроуміе Эраста Благонравова «тупымъ» и считалъ не-

---

144) Барсуковъ. XII, 213—4.

позволительнымъ «такъ дурачиться» на страницахъ такого серьезнаго журнала, какъ *Москвитянинъ*.

Но дѣло не въ дурачествѣ: Писемскій хватилъ черезъ край въ своей строгости. Дурачился и *Современникъ*, въ лицѣ иногороднаго подписчика и особенно «новаго поэта», т. е. Панаева. Дружининъ прямо заявлялъ, что публикѣ «нравится фельетонная манера изложенія» [145]). Отчего же не удовлетворить этого вкуса, если нѣтъ читателей на серьезныя статьи? Зло не въ фельетонѣ, а въ намѣреніяхъ фельетониста и въ содержаніи фельетона. Позже *Современникъ* изобрѣтетъ *Свистокъ*, усерднѣйшимъ «свистуномъ» явится Добролюбовъ, но отъ этого «дурачества» нисколько не потерпѣли первостепенныя идейныя задачи, какія преслѣдовались руководящимъ органомъ шестидесятыхъ годовъ. Несомнѣнно, даже выиграли. Вѣдь искони у мысли и просвѣщенія едва ли не больше противниковъ, заслуживающихъ презрительнаго или веселаго смѣха, чѣмъ патетическихъ рѣчей.

Горе Эраста Благонравова заключалось не въ фельетонной манерѣ, а въ пустотѣ и наивности смѣха. Ничего не можетъ быть жалче и мельче, какъ *невольное* простодушіе и непосредственная юношеская незлобивость и, такъ сказать, мелкоплаваніе въ сатирическихъ замыслахъ. Въ такихъ случаяхъ самъ авторъ становится смѣшнѣе своихъ жертвъ и строгіе читатели, въ родѣ Писемскаго, неудачное остроуміе могутъ обозвать тупымъ.

На самомъ дѣлѣ Благонравовъ вовсе не страдалъ тупостью, напротивъ, онъ не лишенъ находчивости, превосходно владѣетъ бойкимъ, часто остроумнымъ стихомъ, большой мастеръ на пародіи и эпиграммы. Но всѣ заряды, весь блескъ тратятся или на совершенно ничтожные предметы, или направляются на несущественныя стороны лицъ и фактовъ, дѣйствительно стоющихъ осмѣянія.

Напримѣръ, первый же фельетонъ Алмазова, надѣлавшій шума, *Сонъ по случаю одной комедіи*, т. е. пьесы Островскаго *Свои люди—сочтемся*. Фельетону предпослано пространное «предувѣдомленіе». Оно посвящено характеристикѣ двухъ пріятелей автора *X* и *Y*, преимущественно направлено на «новаго поэта» и критика *Современника*. *Иксъ* и *Игрекъ*, легкомысленный франтъ и тяжеловѣсный ученый, притязали на сатирическія изображенія живыхъ всѣмъ извѣстныхъ лицъ. Погодинъ въ *Игрекѣ* увидѣлъ даже «нѣкоторыя свои черты» и вообще «своей братіи»—ученыхъ, *Иксъ* явно разсчитанъ на Панаева, его беллетристику, щегольство и беззаботность. Ни тотъ, ни другой портретъ не представляютъ ничего язвительнаго: *Игрекъ*—утрированный педантъ съ уродливой таблицей росписанія своихъ занятій, а Панаевъ въ простыхъ

145) *Сочиненія*. VI, 598.

отзывахъ пріятелей и добродушныхъ насмѣшкахъ Бѣлинскаго—гораздо забавнѣе, чѣмъ въ каррикатурной живописи фельетониста. Панаевъ не только не почувствовалъ себя уязвленнымъ, но публично призналъ намеки на свою особу и заявилъ: «Эрастъ Благонравовъ рискуетъ сдѣлаться моимъ фаворитомъ, если будетъ писать въ этомъ родѣ» [146]).

Самый *Сонъ* долженъ дать оцѣнку новому драматическому таланту. Авторъ и здѣсь уловляетъ смѣшное во всѣхъ направленіяхъ, издѣвается надъ «большимъ знатокомъ западной литературы», смѣется надъ неразумнымъ патріотизмомъ «любителя славянскихъ древностей», влагаетъ въ его уста чисто-младенческій восторгъ предъ русскими поговорками и даже словомъ «ужотка».

Несомнѣнно, въ погодинско-шевыревскомъ лагерѣ находились допотопные филологи и историки, весьма близко напоминавшіе фельетонную каррикатуру. Насмѣшка надъ ними на страницахъ *Москвитянина* не лишена пикантности, но въ началѣ пятидесятыхъ годовъ это—стрѣльба изъ пушекъ по воробьямъ. Обновленному журналу, представлявшему цѣлую литературную и общественную партію, врядъ ли стоило заниматься съ такимъ усердіемъ уродствами доморощенныхъ чудищъ. Цѣлесообразнѣе было бы разобраться въ смутѣ журнальныхъ сужденій объ Островскомъ.

Фельетонистъ выполнилъ эту задачу менѣе всего оригинально. Онъ изобразилъ «истиннаго художника», какъ «объективнаго поэта», съ міросозерцаніемъ спокойнымъ и терпимымъ, идеально-безпристрастнымъ.

Это и было эстетической вѣрой новаго критика. Она грозила даже поколебать славу Гоголя, какъ поэта чисто-отрицательнаго, по выраженію Григорьева, и по словамъ Благонравова, «одареннаго сильной, непреодолимой, *болѣзненной* ненавистью къ людскимъ порокамъ и людской пошлости» [147]).

Болѣзненность, подчеркиваемая фельетонистомъ, ненавистна ему именно какъ черта—безпокойная, протестующая. Онъ ничего не имѣлъ бы противъ сверхъ человѣческаго спокойствія, противъ уподобленія современнаго русскаго писателя пушкинскому лѣтописцу: Островскій и напоминаетъ Благонравову эту величавую фигуру, не вѣдающую ни жалости, ни гнѣва.

Таковъ девизъ новаго рыцаря, столь нашумѣвшаго о своей страсти къ борьбѣ! Онъ считалъ свой идеалъ «истиннаго художника» *кличемъ*, «по которому должно воспрянуть *младшее* поколѣніе!» Болѣе стараго и наивнаго заблужденія не могло бы представить даже старшее поколѣніе. Можно судить, съ какими по-

---

[146]) *Современникъ*. 1851. май. Соврем. замѣтки, стр. 52.

[147]) Григорьевъ. *Сочиненія*, 240. Алмазовъ. *Сочиненія*. III, 573.

ложительными результатами совершались наѣзды нашего богатыря на бусурманъ и пришельцевъ!

Благонравовъ поставилъ себѣ задачей оберегать поэзію отъ покушеній *Современника* и въ частности отъ оскорбленій Новаго поэта. Петербургскій фельетонистъ дѣйствительно обнаруживаетъ часто веселость невпопадъ и остритъ совсѣмъ некстати. Даже мирный Грановскій, случалось, обзывалъ его «подлецомъ» и требовалъ отъ своихъ знакомыхъ, прекратить литературныя отношенія къ журналу [148]). Правда, гнѣвъ вызывался обидой за честь пріятеля, но Панаевъ, по дилетанской свободѣ журнальнаго пера, касался весьма неосторожно и другихъ болѣе существенныхъ вопросовъ.

Веселость и фельетонный вздоръ, требуемый направленіемъ эпохи, толкнули Панаева на особый жанръ обязательнаго шутовства и безпардонной потѣхи. Онъ принялся писать пародіи, не щадя, конечно, по самому свойству задачи, ради остраго словца ни великихъ, ни малыхъ. Между прочимъ, онъ пародировалъ лирическое обращеніе Гоголя къ Россіи въ *Мертвыхъ Душахъ* и его страдальческія признанія въ «Перепискѣ съ друзьями». Онъ не отступилъ предъ искушеніемъ посмѣяться надъ «личной потребностью очищенія» и набросалъ веселый рядъ стишковъ на совершенно не смѣшную тему.

Фельетонистъ *Москвитянина* возмутился, но выбралъ совершенно неожиданный способъ казни. Онъ принялся доказывать, что Новый поэтъ не долженъ кичиться своимъ талантомъ и что онъ, Эрастъ Благонравовъ, также золотыхъ дѣлъ мастеръ и можетъ вывернуть наизнанку все, что̀ угодно, и въ самыхъ бойкихъ риѳмахъ. Дальше слѣдовали доказательства: пародіи на стихотворенія Лермонтова, Пушкина, Некрасова. Новый поэтъ соединялъ по два стихотворенія въ одну пародію, то же дѣлаетъ и его конкуррентъ. Соревнованіе выходило для любителей дѣйствительно забавнымъ, и славолюбивый фельетонистъ изъ Москвы оказывался, пожалуй, побѣдителемъ въ достойномъ состязаніи. Но даже самые искренніе почитатели таланта совершенно не могли бы открыть, какое отношеніе имѣютъ московскія и петербургскія упражненія къ побѣдѣ «россійскихъ наукъ» надъ врагами и зачѣмъ собственно ихъ защитнику требовалось заявлять предъ началомъ битвы: «Я не боюсь никого!» Такого сорта поединки могутъ вести и не столь безстрашные рыцари: Новый поэтъ, по крайней мѣрѣ, не отставалъ отъ своего противника, но о своемъ мужествѣ и призваніи не кричалъ и не хвастался удалью.

---

[148]) Въ письмѣ къ Погодину. Барсуковъ. XI, 381.

[149]) Письмо къ Е. Ѳ. Коршу, 1854 года. Грановскій. II, 468.

Критическія сужденія Благонравова объ отдѣльныхъ писателяхъ мало замѣчательны. Онъ энергично нападаетъ на Гончарова за *Обыкновенную исторію*, за неправдоподобность романтическаго героя, Александра Адуева. Повидимому, это общее убѣжденіе молодой редакціи *Москвитянина*. Григорьевъ также потратилъ не мало краснорѣчія противъ искусственности контрастовъ въ романахъ Гончарова, противъ преднамѣренной живописи положительныхъ типовъ — Петра Адуева и Штольца. Краснорѣчіе очень основательное и мало оригинальное только потому, что наивный разсчетъ Гончарова увѣнчивать и ниспровергать различныя міросозерцанія путемъ борьбы между героями противоположныхъ направленій рѣзко бросается въ глаза всякому читателю. Поэтическій инстинктъ Григорьева не могъ не почувствовать ходульности здравомыслящаго резонера въ лицѣ Петра Адуева и умышленнаго приниженія его противника. Бѣлинскій вѣрилъ въ жизненность такой романтической фигуры, какую представляетъ Александръ Адуевъ, и считалъ характеръ Петра Иваныча выдержаннымъ отъ начала до конца. Только съ эпилогомъ не могъ помириться критикъ и находилъ вопіющее насильственное нарушеніе первичнаго замысла въ перерожденіи обоихъ героевъ [150]).

Но этого возраженія недостаточно. Романъ Гончарова, дѣйствительно, искусственъ съ самаго начала и ярко отражаетъ въ высшей степени мелкую, мѣщански-канцелярскую философію автора. Григорьевъ въ данномъ случаѣ правъ въ своихъ упрекахъ, правѣе своего великаго предшественника, подкупленнаго, очевидно, превосходной литературной формой романа, прекрасными частностями и особенно рѣзко выраженной критикой мечтательности и провинціальной поэтической безпомощности и праздности.

Благонравовъ даже указываетъ, что гончаровскій романтикъ составленъ по рецепту критики и вышелъ поэтому неестественнымъ. Кому извѣстны свойства таланта Гончарова и его отношенія къ литературѣ, какъ къ нравственной и общественной силѣ, тотъ врядъ ли повѣритъ въ самую возможность подобныхъ внушеній. Но и правильныя замѣчанія о романѣ Гончарова не придаютъ интереса и содержательности статьѣ критика. Въ редакціи, конечно, сочувствовали его неудовольствію на Некрасова за слишкомъ «непріятное впечатлѣніе» его стихотвореній, его рѣшительному протесту противъ женщинъ-писательницъ, но вся эта борьба цѣликомъ могла бы войти въ программу старой редакціи *Москвитянина*.

Критическая и стихотворческая дѣятельность Благонравова продолжалась и послѣ прекращенія погодинскаго изданія. Изъ нея

---

[150]) Бѣлинскій. *Сочиненія*. XI, 412 etc.

видно, какъ мало могъ талантливый пародистъ сообщить настоящей идейной жизни возрожденному журналу. Критикъ опускался все ниже, по направленію объективности; съ своей точки зрѣнія поднимался все выше и дальше отъ дѣйствительности и жизнетворческаго искусства.

Онъ написалъ очень большую статью о Пушкинѣ и извлекъ изъ таланта поэта только звуки сладкіе и молитвы. Съ этой цѣлью и написана статья. Читатели могли почувствовать себя снова въ самомъ разгарѣ самаго идиллическаго романтизма. Они вновь видѣли образъ поэта, — совершенно неземного, загадочно-страннаго существа, капризнаго до полной неуловимости его мыслей и настроеній. Все поглощено вопросами о прогрессѣ, о цивилизаціи, о матеріальномъ совершенствованіи жизни, а поэтъ тоскуетъ о первобытныхъ временахъ. Смертные прославляютъ великаго философа, преклоняются предъ его идеями, а поэтъ выводитъ его на всенародное посмѣяніе [151]).

Вообще созданіе невмѣняемое и не подлежащее суду обыкновенныхъ людей. Правда, мы узнаемъ, что слова поэта—плодъ долгихъ, глубокихъ думъ, плодъ страданій и слезъ за человѣчество. Но намъ не ясно, зачѣмъ столь прихотливая «натура» станетъ предаваться страданіямъ, зачѣмъ ей проливать слезы, когда всегда она въ правѣ осмѣять какого угодно великаго философа съ его истиной?

Очевидно, предъ нами старая романтическая нескладица, всѣ тѣ обветшавшія небылицы, какими смѣшило себя выспреннее пустозвонство предшественниковъ новѣйшаго символизма. И выводы изъ этихъ видѣній получаются соотвѣтственные: критикъ берется объединить и Пушкина, и Ломоносова, и даже душу русскаго человѣка. Дѣлается это чрезвычайно просто.

На русскомъ языкѣ существуютъ слова: какой-то, куда-то, что-то. Вотъ изъ нихъ и можно составить какую угодно характеристику. Напримѣръ, душа русскаго человѣка: очень ясно! Это— «какая-то необыкновенная сила, стремительность, высокій, широкій полетъ, но куда, къ какому идеалу, неизвѣстно».

Чрезвычайно почтенный полетъ и необыкновенно осмысленная стремительность! Въ такомъ же духѣ и поэзія Пушкина.

Она внѣ времени и пространства, такъ же, какъ и мысли самого поэта. Онѣ такъ высоки, что «всѣ политическія системы кажутся мелкими, ничтожными и пустыми». Что собственно это значитъ—остается тайной критика, потому что нельзя же признать за объясненія такое, напримѣръ, открытіе: будто для великихъ поэтовъ «каждый порядокъ вещей» одновременно и «неудовлетво-

---

[151]) *Сочиненія*. III, 297.

рителенъ», и «сносенъ», и истинно возвышенный поэтъ *по понятіямъ своимъ* не принадлежитъ ни къ какому времени и въ то же время принадлежитъ всѣмъ временамъ...»

Все это изреченія, достойныя романтической теоріи искусства, но въ 1858 году они звучали дикимъ замогильнымъ голосомъ. Критикъ становился гораздо ниже своего бывшаго товарища по *Москвитянину*, договаривался до единомыслія со старцами-котурнами, сѣтуя на гибель ломоносовскаго поэтическаго таланта отъ политики и учености. Всѣ идеалы отважнаго борца остановились теперь на пушкинской Татьянѣ и онъ рисовалъ сенсаціонную картину: Татьяна въ обществѣ *великихъ* женщинъ, т. е. Сталь, Роланъ, Дюдеванъ. Живописецъ замиралъ отъ восторга предъ тихими, успокоительными, «неизъяснимо-сладкими» рѣчами несчастной поклонницы Онѣгина и супруги заслуженнаго генерала. Такова именно, по мнѣнію Алмазова, и поэзія Пушкина, лишенная великихъ идей, силы страсти, особеннаго сердцевѣдѣнія [152]).

Не поздоровилось бы отъ такихъ похвалъ великому поэту! Усердіе любителей сладости и тишины превратило его въ какую-то воркующую голубицу—безпечную, наивную, шаловливую и даже отчасти флегматическаго темперамента! Авторъ *Посланій къ цензору*, *Клеветникамъ Россіи*, *Мѣднаго всадника*, *Поэта* и именно того самаго произведенія, гдѣ говорится о звукахъ сладкихъ и молитвахъ, отвернулся бы съ негодованіемъ отъ сусальной каррикатуры на свою личность, страстную, безпрестанно трепетавшую негодованіемъ и отнюдь не свободную отъ политики вполнѣ опредѣленнаго времени и пространства.

Даже больше. Разгнѣванный поэтъ уличилъ бы своего не по разуму услужливаго критика въ той самой политикѣ, какую онъ считаетъ недостойною поэтическихъ геніевъ. Алмазовъ дѣйствительно дѣлалъ политику, какъ всегда и всѣ рыцари чистаго художества. Дѣло у нихъ сначала идетъ о «неизъяснимо-сладостныхъ впечатлѣніяхъ», и незамѣтно переходитъ въ азартный вопль: «бей ихъ! не наши!»

Личное благородство удержало Григорьева отъ такого продолженія, его соратникъ быстро достигъ обычнаго предѣла.

Настоящую воинственность Алмазовъ обнаружилъ много лѣтъ спустя послѣ смерти *Москвитянина*, во время движенія шестидесятыхъ годовъ. Представился рядъ темъ, до глубины возмутившихъ нашего служителя молитвъ и объективности. Талантъ эпиграммъ и вывертываній мыслей и людей былъ пущенъ на всѣхъ парахъ, и заложено основаніе обширному сооруженію—поэмѣ

152) *Ib.* 283, 272, 323—4.

Соціалисты. Зданіе осталось недоконченнымъ, но поэтъ успѣлъ высказаться вполнѣ.

Герой поэмы—шестидесятникъ, какъ его представляла и продолжаетъ воображать благопристойная фантазія эстетиковъ и обывателей. Бичъ родной словесности семинаристъ, плохой грамматикъ, нещадно истязуемый розгами, но большой мастеръ въ избитыхъ мысляхъ, формулахъ и схемахъ, путемъ діалектики уничтожившій въ себѣ и «вѣру, и начала, и правила». Почва, вполнѣ удобная для соціализма и тиранства надъ литературой и особенно «преданіями вѣковъ». Авторъ посвятилъ много страницъ сценѣ будущей дѣятельности своего героя. Картина открывается необыкновенно энергично:

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ трескучихъ фразахъ утопая,
Кричала Герцену ура!
Въ тѣ дни невѣдомая сила,
Какъ аравійскій ураганъ,
Вдругъ подняла и закружила
Умы тяжелыхъ россіанъ;
Все пробудилось, все возстало
И все куда-то понеслось—
Куда, зачѣмъ, само не знало,—
Но все впередъ, во чтобъ ни стало,
Съ просонокъ пёръ лѣнивый россъ!..

Сумасшествіе не пощадило ни пола, ни возраста, ни званія. По увѣренію автора, даже грудныя дѣти, просвирни, взяточники, квартальные, высѣченные гимназисты кричали: «Я прогрессистъ! Я либералъ», горой становились за «мерзавцевъ» съ «убѣжденіями» и истребляли «вѣчныя начала» въ наукѣ, въ жизни, во всемъ. Журналисты выгодно торговали либерализмомъ, самые либеральные «всѣхъ меньше любили родину», и къ числу этихъ извергов принадлежалъ герой поэмы, съ особеннымъ ожесточеніемъ казнившій произведенія искусства [153]).

Въ заключеніе «мыслящіе люди»—любимое выраженіе шестидесятниковъ, хуже Тамерлана: поэту не хватаетъ словаря русскаго языка заклеймить новыхъ разрушителей нравственнаго, общественнаго и мірового порядка.

Алмазовъ не оставался, конечно, безъ сочувственниковъ. Напротивъ. Можетъ быть, его даже подогрѣвали кое-какія вліянія. Напримѣръ, онъ былъ очень близокъ съ авторомъ *Взбаломученнаго моря* и на юбилеѣ Писемскаго въ засѣданіи *Общества любителей россійской словесности* прочиталъ пространный докладъ

[153]) *Сочиненія*. II, 381–5, 393, 400–2 etc.

о литературной дѣятельности юбиляра. Докладъ почти цѣликомъ занятъ изложеніемъ романа *Тысячи душъ* съ обширными выписками—о критикѣ нѣтъ и рѣчи. Докладчикъ видимо не могъ отдать себѣ отчета въ своемъ предметѣ, не могъ даже ярко освѣтить біографическихъ данныхъ, полученныхъ отъ самого Писемскаго. Въ докладѣ не замѣтно ни былого бойкаго насмѣшника, ни стараго борца съ басурманами. Духъ мысли и жизни окончательно отлетѣлъ отъ человѣка, не имѣвшаго части въ живой современности за всю послѣднюю четверть вѣка.

Можно спросить, имѣла ли вообще эту часть вся молодая редакція *Мосвитянина?* Подъ руководствомъ Погодина и Шевырева журналъ едва влачилъ свое существованіе. Явилась молодежь и мы видѣли, старики вступили съ ней въ междоусобную брань. За что? Изъ-за новыхъ смѣлыхъ идей? Изъ-за новаго опредѣленнаго міросозерцанія?

Вовсе нѣтъ, а просто изъ-за нѣкоторыхъ вольностей, нарушавшихъ годами установившійся чинный тонъ археологическаго изданія. Московскій кружокъ много суетился, шумѣлъ, раздражался, но чаще всего *почему-то*, изъ-за *чего-то*, во имя *какихъ-то* идеаловъ и стремленій. Укоризны Алмазова по адресу стремглавъ и безсознательно летѣвшей *куда-то* молодежи шестидесятыхъ годовъ можно цѣликомъ отнести къ его собственному лагерю, и съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ къ Чернышевскому, Добролюбову и ихъ послѣдователямъ.

У тѣхъ цѣли могли быть ошибочными, фанатически отвлеченными, но, по крайней мѣрѣ, въ теоріи онѣ не страдали смутой и неопредѣленностью. А здѣсь во времена всеобщаго затишья или пророческіе возгласы и романтическій восторгъ, или праздное школьническое зубоскальство. Только появленіе ненавистныхъ новыхъ людей заставило нашихъ объективистовъ и народниковъ строже опредѣлить жизненный и отвлеченный смыслъ своихъ вожделѣній. Въ результатѣ получилась теорія чистаго искусства, и подъ этимъ знаменемъ мы найдемъ впослѣдствіи всѣхъ литературныхъ обозрѣвателей «Москвитянина» Эдельсона, Григорьева, Благонравова. Эдельсонъ самый скромный въ этой троицѣ и менѣе одаренный. Даже Погодинъ говорилъ объ его языкѣ: «такая туча, что мочи нѣтъ». Это естественно у бывшаго горячаго поклонника Гегеля и до конца подвижника чистой эстетики. Мы встрѣтимся съ нимъ въ ряду противниковъ Чернышевскаго,—встрѣтимся безъ особеннаго интереса и разстанемся безъ сожалѣнія. *Москвитянинъ* не воспиталъ ни одной крупной силы для грядущей воинственной публицистики и критики.

Мы можемъ сказать больше. Московскій лагерь въ годы затишья сдѣлалъ даже меньше, чѣмъ петербургскій. Тамъ, по край-

ней мѣрѣ, внесли посильный вкладъ въ историческій матеріалъ литературы. Безсильные и безличные по части идей, западники собирали факты. Въ Москвѣ не было и этого. Если подвести итоги положительному наслѣдству молодого «Москвитянина», самымъ цѣннымъ капиталомъ окажется неизмѣнное и восторженное благоговѣніе Григорьева предъ памятью Бѣлинскаго, все равно хотя бы даже до 1844 года. Все остальное свидѣтельствовало о тягостномъ промежуткѣ, о промзглыхъ и гнетущихъ сумеркахъ русской общественной мысли.

Ив. Ивановъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ АДЫ НЕГРИ

(Пер. съ итальянскаго).

I.

Туманы.

Мнѣ скучно!.. Надъ долиною
Встаютъ туманы сонные;
Надъ нею наклоненные
Висятъ.
Вороны громко каркаютъ,
И птица вслѣдъ за птицею
Густою вереницею
Летятъ.
Завыли вѣтры буйные,
Деревья обнаженные,
Листвой незащищенные
Грустятъ.
Одна я... Мнѣ такъ холодно!..
По небу тучи носятся
И мертвыхъ зовъ проносится:
„Идемъ“!
Зовутъ онѣ такъ ласково:
„Идемъ!—Дорога дальняя!..
Забытая, печальная,—
Идемъ“.

II.

Ты здѣсь одинъ? О, милый, дай
Передъ тобой излить рыданья,
Что столько лѣтъ тѣснили грудь—
Боль сердца, скрытыя желанья—
Я слезъ хочу!

Въ твоихъ объятьяхъ отдыхъ дай,
Усталой, мнѣ... Такъ въ зной склоняетъ
Свой стебель роза—подъ крыло
Головку птичка прижимаетъ—
Покоя я хочу.

Къ твоимъ устамъ, о, милый, дай
Прильнуть мнѣ трепетно устами,
Дай слово молвить, что въ чаду,
На мигъ равняетъ насъ съ богами—
Любви хочу я.

М. В.

ДВА СЧАСТЬЯ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

(Продолженіе) *).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава IV.

На слѣдующій день Бертышевъ не былъ у Спонтанѣевыхъ. Онъ не задавался мыслью не быть у нихъ; это вышло какъ-то само собой. Утромъ, поднявшись рано, какъ и вчера, онъ писалъ картину. Кстати, день вышелъ чудный, солнечный. Во время завтрака онъ получилъ записку отъ Скорбянскаго. Тотъ просилъ его заѣхать къ нему на минуту для важнаго дѣла, извинялся, что самъ не можетъ зайти по случаю боли въ поясницѣ. „При томъ же,— прибавлялъ онъ:—чтобы застать тебя дома, надо сперва совѣтоваться съ гадалкой“.

Потомъ онъ часа три ѣздилъ по дровянымъ дѣламъ. Проѣзжая по Невскому, онъ видѣлъ, какъ ему показалось, экипажъ Спонтанѣевыхъ. Онъ взглянулъ внимательно въ ту сторону. Экипажъ остановился около Гостинаго и изъ него вышла, кажется, Вѣра Поликарповна. Въ другое время онъ навѣрно зашелъ бы вслѣдъ за нею въ магазинъ хоть на минуту, но теперь его остановила мысль о множествѣ дѣлъ въ этотъ день. „Вѣра Поликарповна готовится къ отъѣзду!..—подумалъ онъ.—Неужели это серьезно?“.

Часовъ въ пять онъ попалъ къ Скорбянскому. Матвѣй Ивановичъ дѣйствительно лежалъ на диванѣ у себя въ кабинетѣ, прикрывъ ноги сѣрымъ дамскимъ платкомъ.

— Вотъ, братецъ, кажись и не гнулъ ни передъ кѣмъ спину, а болитъ?—сказалъ онъ, протягивая руку гостю: — а впрочемъ, можетъ быть, если бы гнулъ, то она была бы крѣпче. Вѣдь гим-

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

настика укрѣпляетъ... Садись, голубчикъ, и извини, что потревожилъ тебя по своему личному дѣлу.

— Это тѣмъ пріятнѣе!—сказалъ Бертышевъ:—ты столько оказалъ мнѣ услугъ, а мнѣ не пришлось сдѣлать тебѣ ничтожнаго одолженія.

— Ладно! Я знаю, что я твой благодѣтель!—комически промолвилъ Матвѣй Ивановичъ:—садись поближе, вотъ тутъ на диванѣ; разговоръ будетъ секретный. Главное, чтобы не слышала жена...

— Любопытно!..

— О, да! Чрезвычайно! Только, если будетъ смѣшно, не смѣйся очень громко!

Бертышевъ присѣлъ около него на диванѣ и приготовился слушать. Дверь, которая вела изъ передней въ кабинетъ, была плотно притворена. Но Скорбянскій, повидимому, остерегался другой двери, къ которой былъ приставленъ диванъ. Тамъ, въ той комнатѣ, раздавались дѣтскіе голоса. Онъ заговорилъ тихо, вполголоса.

— Вѣдомо тебѣ, какая судьба недавно постигла двухъ писателей?.. Одинъ пріобрѣлъ прогрессивный параличъ головного мозга, а другой просто съ ума сошелъ...

— Слышалъ объ этомъ.

— Слышалъ, но не прочувствовалъ. Будь это художникъ, ты носилъ бы трауръ... Нигдѣ въ мірѣ люди такъ не обособлены профессіями, какъ у насъ. Ну, да это къ слову. Писатели, братъ, все чаще и чаще сходятъ съ ума. Это понятно. Это оттого, что наша дѣятельность противуестественная...

— Будто?

— Обязательно. Что дѣлаетъ писатель? Мыслитъ и творитъ. Но развѣ мыслить и творить можно по профессіи, т. е. во всякое время, когда понадобится? А вѣдь мы это дѣлаемъ. Своеобразность, капризность ума и таланта мы приспособляемъ къ періодической дѣятельности. Журналы и газеты издаются каждый день, каждую недѣлю, каждый мѣсяцъ, и мы заставляемъ свой мозгъ производить каждый день, каждую недѣлю, каждый мѣсяцъ, смотря къ какому дѣлу кто пристроилъ себя... Въ прежнее время писатели не сходили съ ума и жили очень долго, до сѣдыхъ волосъ. И это оттого, что они не насиловали свой мозгъ для періодической работы. Писательской профессіи еще не было. Они были помѣщики или чиновники и занимались хозяйствомъ или службой, а творили тогда, когда ихъ осѣняло вдохновеніе. Вдохновеніе! Милый другъ, скажи ты мнѣ, что это за штука? Я, кажется, испытывалъ его въ глубокой молодости, когда мои произведенія еще не печатались... А теперь—вонъ гдѣ бѣгаетъ мое вдохновеніе!—онъ указалъ взглядомъ на сосѣднюю комнату, гдѣ

неистово топали ногами его младшія дѣти.—Вдохновляетъ меня старшій дворникъ, когда приходитъ напоминать о квартирной платѣ. Тогда я сейчасъ сажусь за мой письменный столъ, беру перо и пишу: „Было скверное пасмурное утро, какія бываютъ только въ Петербургѣ. Молодой человѣкъ въ потертомъ пальто, въ искривленныхъ сапогахъ“... И такъ дальше... И замѣть, и вдохновленіе какое-то промзглое. Непремѣнно въ голову приходятъ—слякотное утро, сырыя стѣны, потертое пальто. Ничего отраднаго не можетъ явиться въ головѣ, вдохновляемой старшимъ дворникомъ, пришедшимъ напомнить о квартирной платѣ...

— Ты сегодня слишкомъ ужъ мраченъ, Матвѣй Иванычъ!

— Да вѣдь правда, мой другъ, чистая правда! По моему, наше общество много тутъ виновато. Вѣдь писатели нужны ему? Безъ писателя оно окончательно оскотинилось бы. Все-таки онъ, изъ-за слякотныхъ утръ и искривленныхъ сапоговъ, нѣтъ-нѣтъ да и напомнитъ ему, что есть нѣчто иное и высшее, кромѣ пищи и питія, купли и продажи и что тоже „душа надобна“, какъ говоритъ незабвенный Акимъ-простачекъ... И оно, общество, жадно ловитъ всякое живое слово, сказанное писателемъ, но въ жизнь писателя не вникаетъ и не вѣдаетъ, что онъ, благодаря условіямъ жизни, дѣлаетъ не то, что хотѣлъ бы и что могъ бы при лучшихъ условіяхъ, что онъ насилуетъ свой мозгъ, приструниваетъ свое дарованіе, истощаетъ свои способности... Ахъ, ну, да ты все это знаешь... и кончаетъ тѣмъ, что сходитъ съума... И вотъ эти два недавніе случая испугали меня. Помилуй Богъ, я только наканунѣ читалъ статью этого несчастнаго. Бойкое перо, жаръ, благородное негодованіе!.. Призывалъ общество къ какому-то подвигу... А на другой день повелъ такую околесину, что его должны были забрать къ Николаю Чудотворцу... И вѣдь это можетъ съ каждымъ изъ насъ случиться. Такъ вотъ я и задумалъ заблаговременно, пока нахожусь въ твердомъ умѣ и здравой памяти, духовное завѣщаніе написать... Что, небойсь, смѣшно?

— Нѣтъ, не смѣшно, а неожиданно!..

— Нѣтъ, смѣшно! Писатель, составляющій духовное завѣщаніе!.. Вѣдь писатель, это и есть некрасовскій Калистратушка, про котораго сказано, что онъ „въ ключевой водѣ купается, пятерней чешетъ волосыньки; урожаю дожидается съ незасѣянной полосыньки“... И потомъ еще: „а жена-то занимается на нагихъ дѣтишекъ стиркою; пуще мужа наряжается... Носитъ лапти съ подковыркою“... Такъ вотъ, братецъ ты мой, я и задумалъ въ законныхъ формахъ завѣщать моей семьѣ „урожай съ незасѣянной полосыньки“...

Онъ размѣялся и разсмѣшилъ Бертышева.

— Что жъ,—сказалъ Владиміръ Николаевичъ,—предпріятіе почтенное. Только въ самомъ дѣлѣ, что же ты хочешь завѣщать?

— Видишь ли, другъ, я самъ очень хорошо понимаю, что весь мой капиталъ въ моей головѣ и что ежели въ ней произойдетъ разжиженіе, то и всякое производство прекратится. Но все же у меня есть книжки. Правда, онѣ идутъ неважно, но допусти на минуту, что происходитъ это оттого, что современники меня не поняли; ну, а вдругъ потомство оцѣнитъ и станетъ покупать мои книжки... Понимаешь? Наша публика странная. Она при жизни писателя на него косится, а какъ только онъ умретъ, сейчасъ же какъ бы раскаивается и покупаетъ его книжки. Я знаю одного издателя, который покупаетъ для изданія только произведенія такихъ авторовъ, которые должны скоро умереть. Онъ печатаетъ и выпускаетъ въ продажу. Книга идетъ туго, а онъ говоритъ: „ничего, погоди, дай срокъ, наверстаемъ!“ И дѣйствительно, какъ только писатель умеръ, онъ, рядомъ съ объявленіемъ о смерти, помѣщаетъ свое: „Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается и т. д.“. И сразу распродаетъ все изданіе... Словомъ сказать, я не хочу упустить случая, желаю воспользоваться своей собственной смертью. А для сего намѣренъ укрѣпить въ правахъ мою семью.

— Но развѣ кто-нибудь можетъ оспаривать эти права?

— О, оспаривать всегда найдутся охотники. А моя любезная супруга практической сметкой не отличается. Какой-нибудь нахальный сродственникъ на нее прикрикнетъ, она и уступитъ. Итакъ, собери еще двухъ друзей и, какъ только мой хребетъ станетъ на свое мѣсто, мы и отправимся къ нотаріусу. У тебя, должно быть, есть знакомый нотаріусъ? Вѣдь ты ворочаешь милліонами, хотя чужими...

— Найдется. Хорошо, я это сдѣлаю. А ты скоро разсчитываешь выходить?

— Думаю, завтра или послѣ завтра.

— Мы съ Вѣрой задумали одну поѣздку, но безъ тебя она немыслима...

— Вы съ Вѣрой Петровной? Поѣздку? Это мнѣ очень нравится. Готовъ участвовать, хотя бы даже мой хребетъ переломился на двѣ части... Но куда же?

— Къ Вольтову, въ деревню...

— Къ Березовой? Превосходная мысль! Я ѣду съ вами. Только у меня денегъ нѣтъ, а вѣдь это стоитъ что-нибудь.

— Деньги у насъ есть. Мы даже хотимъ выдѣлить изъ своего бюджета тысячу рублей для Вольтовскаго предпріятія...

— Тысяча рублей большія деньги, но, увы! ихъ мало!

— Больше пока у насъ нѣтъ...

— Ну, а что же твои высокіе патроны? Ну, положимъ, покойный меценатъ былъ жилистъ. А его отпрыски вѣдь, кажется,

люди другого покроя. Они вѣдь получили образованіе... Или они, принявъ денежное наслѣдство, не приняли страсти къ искусствамъ?

— Нѣтъ, не то. А дѣло въ томъ, что они еще наслѣдства не получили. Они получаютъ теперь довольно скромное содержаніе, а наслѣдство раздѣлятъ только черезъ три года. Тогда только и можно будетъ говорить объ ихъ вкусахъ...

— Ну, я думаю, вкусъ Вѣры Поликарповны тебѣ извѣстенъ...

— Я не могу этого сказать. Иногда мнѣ кажется, что да... Но я не разъ въ этомъ разочаровывался...

— А я тебѣ скажу, ты извини меня, что вкусъ у нихъ не можетъ быть инымъ, какъ сквалыжническимъ. Это у нихъ въ крови, на этой почвѣ они возрасли и взлелѣяны... Нѣтъ, на нихъ, какъ и на все денежное, въ деньгахъ зарождающееся и деньгами движимое, я давно махнулъ рукой. Вонъ у насъ кричатъ про блестящую будущность нашей зарождающейся буржуазіи. Не дай, Господи! А ежели ей, этой зарождающейся буржуазіи, еще суждено имѣть вліяніе на ходъ событій, такъ не поздравляю мою родину! Построятъ они храмъ золотому тельцу и будутъ ему кланяться... А что же она подѣлываетъ, Вѣра Поликарповна?

— На-дняхъ собирается уѣхать заграницу...

— Одна?

— Съ матерью. Впрочемъ, это еще только предположеніе.

— Ну, счастливаго ей пути! Такъ вотъ что, милый Вольдемаръ, тебѣ пора ѣхать по дѣламъ, я это вижу по твоему выразительному лицу. Такъ, во-первыхъ, если вы съ Вѣрой Петровной въ самомъ дѣлѣ надумаете ѣхать къ Вольтушкѣ, такъ я съ вами. А, во-вторыхъ, ты это дѣло насчетъ завѣщанія помоги мнѣ оборудовать. Только ради всѣхъ святыхъ женѣ моей объ этомъ ни слова...

— Почему же?

— Да видишь ли, она у меня вѣдь простота, и у нея въ головѣ нѣкоторыя слова неразрывно связаны между собой. Потянешь одно, за нимъ тащится другое. Съ словомъ „завѣщаніе“ у нея связано „смерть“ и, когда она узнаетъ, что я пишу завѣщаніе, то начнетъ оплакивать мою неизбѣжную кончину. Вотъ почему.

Уже стемнѣло, когда Владиміръ Николаевичъ вышелъ отъ Скорбянскаго. Онъ поѣхалъ прямо домой. Здѣсь его ждали съ обѣдомъ.

— Тебѣ есть письмо. Кажется, изъ дома Спонтанѣевыхъ!— сообщила Вѣра Петровна.

Владиміра Николаевича передернуло. „Неужели Вѣра Поликарповна рѣшилась писать мнѣ сюда?“—подумалъ онъ.

Онъ взглянулъ на жену и ему показалось, что и жена сдѣлала такое же предположеніе.

Но почеркъ на конвертѣ убѣдилъ его, что это была ошибка. Почеркъ былъ дѣтскій, неправильный, строки шли снизу вверхъ. Онъ распечаталъ письмо, взглянулъ внизъ и увидалъ подпись: „Марія Спантанѣева".

Марья Ивановна писала: „Будьте столь добры, дорогой Владиміръ Николаевичъ, пріѣзжайте помочь мнѣ въ моемъ большомъ горѣ. Если можете, то и сегодня".

— Это отъ старухи Спонтанѣевой!—объяснилъ Владиміръ Николаевичъ женѣ.—У нея какое-то горе. Проситъ пріѣхать сегодня...

Вѣра Петровна ничего не сказала, но въ глазахъ ея появилось выраженіе успокоенія. Владиміръ Николаевичъ положилъ письмо на столѣ, чѣмъ показалъ его корректность.

— Не понимаю, сказалъ онъ,—какое у нея можетъ быть горе!..

— Вѣроятно, сынъ устроилъ какую-нибудь гадость!—предположила Вѣра Петровна.

— Очень можетъ быть!

Но это было неискренно. Бертышевъ догадался, что горе Марьи Ивановны, это—поѣздка заграницу, которой отъ нея требуетъ дочь. Въ сущности, онъ могъ бы сказать это Вѣрѣ. Но онъ инстинктивно избѣгалъ говорить при ней о чемъ бы то ни было, что такъ или иначе касалось Вѣры Поликарповны, боясь, чтобы этимъ не оскорбить ее.

Онъ заговорилъ о Скорбянскомъ, о его завѣщаніи и о поѣздкѣ къ Вольтову. Послѣднее сообщеніе видимо оживило Вѣру Петровну, которую онъ засталъ въ подавленномъ настроеніи. Оказалось, что она объ этой поѣздкѣ думала безъ него и даже высчитала по путеводителю, сколько времени туда надо ѣхать.

— Надо выбрать снѣжный и морозный день. Вѣдь тамъ придется верстъ тридцать ѣхать на лошадяхъ...—говорила она.— Изъ Петербурга выѣдемъ на ночь. Дѣти будутъ спать въ вагонѣ, а съ восходомъ солнца пересядемъ въ сани. Это доставитъ имъ большое удовольствіе.

Оказалось, что и дѣти уже мечтаютъ объ этой поѣздкѣ. Вѣра Петровна сообщила имъ въ видѣ предположенія, но они смотрѣли на это, какъ на рѣшенный фактъ.

Бертышевъ за этотъ день какъ-то необычно усталъ и предпочелъ бы остаться дома. Но онъ не могъ отказать Марьѣ Ивановнѣ и, отложивъ отдыхъ, послѣ обѣда поѣхалъ на Офицерскую. Было около девяти часовъ, когда онъ вошелъ въ подъѣздъ дома Спонтанѣевыхъ. Его встрѣтила горничная и таинственно попросила его не подниматься наверхъ, а пройти прямо къ Марьѣ Ивановнѣ.

Онъ засталъ старуху въ тревожномъ ожиданіи.

— Я думала, ужъ сегодня не пріѣдете!—сказала она.

— Я и не разсчитывалъ сегодня быть у васъ,—отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ,—если бы не получилъ вашей записки...

— Простите, родной... Я знаю, что вамъ некогда и отдохнуть... И дѣло-то такое, что какъ бы до васъ и не касающее...

— По всей вѣроятности насчетъ поѣздки?

— А вы знаете? Ну, вотъ! Это самое... Подумайте, Владиміръ Николаевичъ, что въ голову-то ей взбрело!..

— А вы собственно почему считаете эту поѣздку неудобной?

— Да какъ же можно, Владиміръ Николаевичъ! Давно ли отца схоронили? И вдругъ по заграницамъ разъѣзжаютъ... Вѣдь что̀ люди скажутъ-то!

— Ну, это еще не такъ важно, Марья Ивановна!

— Какъ же не важно? Вѣдь трауръ полагается и держимъ трауръ. Какой же это трауръ, ежели по заграницамъ...

— Позвольте, Марья Ивановна, почему жъ вы думаете, что заграницей люди только и дѣлаютъ, что веселятся? Тамъ люди живутъ такъ же, какъ и здѣсь. Они работаютъ, умираютъ, радуются и печалятся...

— Это такъ, это я знаю. Но ужъ извѣстное дѣло, что когда ѣдетъ человѣкъ заграницу, такъ не съ печали, а съ радости.

— Напротивъ, очень часто ѣздятъ съ печали. Да вотъ вамъ— у одного моего знакомаго жена умерла. Ему тяжело было жить въ той обстановкѣ, гдѣ они жили вмѣстѣ, требовалась перемѣна, онъ и уѣхалъ заграницу...

— Такъ вы полагаете, что это ничего?

— Съ этой точки зрѣнія я не вижу ничего дурного. Мнѣ казалось, что вамъ тяжело будетъ переѣзжать изъ города въ городъ.

— Ну, ужъ объ этомъ я даже не заикаюсь... И скажите Бога ради, съ чего ей такая блажь пришла? Сегодня утромъ явилась ко мнѣ, вотъ сюда, и вдругъ заявляетъ!.. Я, признаться, даже заплакала... А ей ничего. Вы, говоритъ, если не хотите, можете оставаться. Я и сама дорогу найду. Ну, гдѣ жъ таки, чтобы я ее одну пустила!..

— А скажите, больше никто изъ знакомыхъ не ѣдетъ?— спросилъ Владиміръ Николаевичъ, у котораго внезапно явилась новая мысль.

— Ѣдутъ, какъ же!.. Брухманы ѣдутъ. Оба брата... Оно и то сказать... Можетъ, тутъ, въ этой поѣздкѣ, Вѣрочкина судьба... Брухманы—хорошіе молодые люди. Они и образованные, и съ большими средствами...

— Развѣ есть предположенія?..

— Нѣтъ, не то, чтобы... А такъ. Все можетъ статься!.. Что жъ, Вѣрочкѣ тоже нельзя сидѣть въ дѣвкахъ... Такъ вы думаете, ничего это? Не будетъ это нехорошо?

— Ничего тутъ не будетъ нехорошаго. Если только эта поѣздка вамъ по силамъ, поѣзжайте...

— Да ужъ какъ-нибудь потянусь. Лишь бы разговоровъ не было... Ну, вотъ и все. Напрасно только васъ потревожила.

— А Вѣра Поликарповна у себя?

— Гдѣ жъ ей быть? Пройдите къ ней. Кстати скажите, что уговорили меня. Ужъ я рѣшусь. Да, можетъ, попозднѣе съ нами чайку попьете?

— Пожалуй, спасибо. Я на полчаса зайду къ Вѣрѣ Поликарповнѣ.

— Только вы не говорите ей, что я вамъ жаловалась. Такъ, скажите, разговоръ вышелъ.

Онъ не простился съ Марьей Ивановной и поднялся наверхъ. Вѣра Поликарповна была въ домашнемъ капотѣ и, очевидно, не ждала его.

— Какъ? Ты? А я думала, что ты рѣшилъ сегодня наказать меня!—довольно весело встрѣтила она его.

— За что?

— За непослушаніе, за дурной характеръ, за эгоизмъ, и за все остальное...

Онъ ничего не отвѣтилъ и съ удовольствіемъ сѣлъ въ мягкое кресло.

— Я очень усталъ сегодня!—сказалъ онъ и потомъ прибавилъ:—И такъ, это рѣшено безповоротно: вы ѣдете заграницу!..

— Что до меня, то я рѣшила безповоротно: я ѣду за границу. Я вотъ не знаю, какъ мать...

— Я сейчасъ былъ у нея...

— А, ну, и что же? Она боится мнѣнія свѣта? Подумаешь, какіе мы свѣтскіе люди!

— Мнѣ удалось доказать ей, что это не важно...

— Значитъ, ты играешь мнѣ въ руку?

— Вовсе нѣтъ. Но это мое мнѣніе, я его высказалъ.

— Ну, хорошо. Значитъ, ты самъ все-таки противъ этой поѣздки?

— Можетъ быть, и нѣтъ...

— Можетъ быть? Загадочно... Но ты объяснишь?

— Если ты объяснишь мнѣ свою поѣздку.

— Я объяснила ее вчера.

— Нѣтъ, если ты объяснишь правдиво...

— О, вотъ какъ! И при этомъ строгій взглядъ и „угрюмыя сдвинуты брови“... Ну, хорошо!—Она присѣла близко къ нему.— Хорошо. Я даже согласна объяснить правдиво, если ты, тоже

правдиво, объяснишь, почему ты перемѣнилъ свое вчерашнее отношеніе къ моей поѣздкѣ...

— Я боюсь, чтобы это объясненіе не завело насъ слишкомъ далеко.

— Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Намъ нужно многое догнать. Мы страшно отстали...

— Если такъ, я согласенъ.

— Я внимательно слушаю.

Владиміръ Николаевичъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

Глава V.

Нѣкоторое время онъ ходилъ молча, какъ бы собираясь съ мыслями. Потомъ заговорилъ.

— Видишь ли, Вѣра, я человѣкъ безхарактерный, это уже рѣшено. Я очень хорошо чувствую и понимаю, что все, что происходитъ въ моей жизни въ послѣднее время, имѣетъ характеръ чего-то промежуточнаго, чего-то такого, что стоитъ на пути къ чему-то, къ чему-то должно привести, но само по себѣ не имѣетъ никакой цѣны. Словомъ, я похожъ на того странника, который задался цѣлью придти въ Римъ, вышелъ и десятки лѣтъ убиваетъ на то, что переходитъ изъ одного города въ другой, тщательно осматриваетъ достопримѣчательности, а Римъ все далекъ отъ него. И дѣло въ томъ, что я способенъ безконечно долго блуждать по этому пути, именно потому, что у меня нѣтъ характера. Съ одной стороны, меня тянетъ къ тебѣ, съ другой стороны, у меня есть долгъ. Но ни тебѣ я не принадлежу, ни долгъ свой не исполняю. Это тянется слишкомъ долго и надо, наконецъ, избрать что-нибудь одно.

— Это очень правильное разсужденіе!—сказала Вѣра Поликарповна.

— Ты напрасно говоришь такъ язвительно!

— Нѣтъ, нѣтъ! Я говорю совершенно серьезно и ты это поймешь потомъ...

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее, какъ бы желая проникнуть въ ея мысли и продолжалъ:

— Я не хочу говорить полусловами. Вчера мнѣ казалось, что ты своей поѣздкой обворовываешь меня. Но тогда я еще не привелъ въ порядокъ свои мысли и чувства. Теперь я это сдѣлалъ и, послѣ этой операціи, я даже хочу просить тебя: пожалуйста, уѣзжай. .

— Любопытно!

— Да, пожалуйста, уѣзжай. Ты, т. е. твое присутствіе, мѣшаетъ мнѣ „познать самого себя"... Ты это понимаешь?

— Я могу понять это.

*

— Ну, вотъ. Знаешь ли ты, что иногда я сомнѣваюсь, что люблю тебя?.. Иногда мнѣ кажется, что насъ раздѣляетъ такая страшная пропасть, что мы такъ же неспособны сойтись, какъ огонь и вода... Но это не мысль, не сознаніе, а только мимолетныя тѣни... Тѣмъ болѣе пугаютъ онѣ меня, и это бываетъ со мной, когда я вдали отъ тебя! Но какъ только я съ тобой, я ясно чувствую, что весь принадлежу тебѣ. Ну, и, наконецъ, долженъ же я все это знать навѣрное. Пока у меня есть возможность быть съ тобой, я никогда этого не узнаю... Видишь ли, въ тебѣ есть какая-то сила. Можетъ быть, эта сила совсѣмъ не имѣетъ никакого отношенія къ моему чувству... Но она покоряетъ меня. Я хочу, чтобъ мое чувство было нѣкоторое время свободно отъ тебя, отъ твоего непосредственнаго вліянія. Я хочу узнать, рѣшить и поступить... Вотъ и все. И это причина, почему я хочу этой твоей поѣздки...

— И почему ты такъ краснорѣчиво убѣждалъ мою мать...

— Это все равно. Но я думаю, что ты находишься въ такомъ же положеніи... И тебѣ это такъ же необходимо, какъ и мнѣ...

— Да, ты угадалъ... Ты удивительно угадалъ!..

— Да? Тѣмъ лучше...

— Я дѣйствительно въ этомъ нуждаюсь...

— Но почему же ты вчера настаивала, чтобъ и я ѣхалъ?

— Да, я хотѣла прежде всего увидать тебя свободнымъ отъ той обстановки, въ которой ты живешь здѣсь.

— Ты хотѣла сдѣлать еще одинъ опытъ?

— Да, опытъ, что же изъ этого? Я хотѣла видѣть тебя такимъ, а потомъ... Я же знала, что ты долго не можешь остаться, что ты уѣдешь...

— Ты разсчитала гораздо тоньше меня!

— Съ тѣхъ поръ, какъ наше чувство вышло изъ періода заоблачности—что за дивное было время!—я, къ сожалѣнію, слишкомъ много разсчитывала...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, и я могла бы разсказать тебѣ много удивительнаго...

— Разскажи... Теперь надо все говорить.

— Помнишь ты тотъ эпизодъ въ вагонѣ... Когда мы были вдвоемъ?..

— Еще бы я его забылъ!..

— Такъ вотъ видишь ли... Скажи, развѣ онъ не удивилъ тебя? Развѣ ты не подумалъ, что я... что... словомъ, развѣ ты ожидалъ отъ меня такого поступка?

— Нѣтъ, не ожидалъ... Но неужели и это былъ разсчетъ... Но какой? Я не могу понять!..

— Нѣтъ, не то. Я была искренна, но это не было такъ непосредственно, какъ тебѣ казалось... Прежде чѣмъ... Какъ бы это

сказать... прежде чѣмъ отпустить себя настолько, я... я долго думала.

— Ты объ этомъ думала?

— Ну, да... Вѣдь надо говорить все. Въ то время я чувствовала себя страшно одинокой. Мнѣ казалось, что у меня есть только ты и въ то же время я чувствовала, что ты не вполнѣ привязанъ ко мнѣ... у меня явилась рѣшимость привязать тебя безповоротно и навсегда... И я подумала, что это привяжетъ...

— Это такъ и было бы...

— Да? Не знаю, что надо сказать: благословлять или проклинать твое благоразуміе... я не знаю!

— Въ томъ и вся суть, что мы этого не знаемъ. И мы должны это узнать. Ты инстинктивно прибѣгла къ этой поѣздкѣ. Я хватаюсь за нее, какъ за единственное средство распутать свою душу. И такъ, эта твоя поѣздка одинаково нужна намъ обоимъ...

— А ты все-таки не хочешь поѣхать съ нами?

— Нѣтъ, я этого не могу сдѣлать. Этого не позволяютъ ни мои личныя дѣла, ни спонтанѣевскія...

— Жаль, очень жаль!

— Да, тебѣ придется пропустить одинъ опытъ...

— И тебѣ тоже?

— Я меньше нуждаюсь въ немъ...

На лѣстницѣ послышались шаги. Вошла горничная и сообщила, что Марья Ивановна ждетъ ихъ къ чаю. Они сказали, что сейчасъ придутъ.

— Я хотѣлъ бы задать тебѣ еще одинъ вопросъ!—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Пожалуйста!

— Почему ты скрыла отъ меня, что заграницу ѣдутъ и Брухманы?

Вѣра Поликарповна какъ-то странно усмѣхнулась.

— Вообрази, что я и сама не знаю, почему я скрыла это... Но у меня было какое-то чувство, которое помѣшало сказать...

— Ну, вотъ и все. Теперь пойдемъ въ столовую!

— Только ради Бога не дѣлай изъ этого никакихъ выводовъ...

— Изъ всего слѣдуетъ дѣлать выводъ. Не надо только торопиться!..

— Какъ мы нынче благоразумны!—сказала Вѣра Поликарповна, когда они спускались по лѣстницѣ.

— До скучнаго!..—отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Вполнѣ раздѣляю вашъ взглядъ!—промолвила Вѣра Поликарповна, почти уже входя въ столовую.

Здѣсь было очень свѣтло. Марья Ивановна разлила уже чай, и горничная поставила его на обычныхъ мѣстахъ Вѣры Поликарповны и Бертышева. Столъ былъ заваленъ печеньями и закуской.

— Ну, Вѣрочка, Владиміръ Николаевичъ убѣдилъ меня! — сказала Марья Ивановна.

— Онъ извѣстный магъ и волшебникъ!—промолвила Вѣра Поликарповна съ усмѣшкой.

— Да... ужъ это дѣйствительно. Не знаю, что было бы съ нами, если-бы онъ насъ оставилъ!..

— Это правда, мама. Этого я не могу не признать, Владиміръ Николаевичъ...—прибавила она съ улыбкой, обратившись къ нему.—Я думаю, что мы теперь жили бы на очень скромную пенсію, выдаваемую намъ дядей Авксентіемъ Антоновичемъ.

— А кстати, въ какихъ вы съ нимъ отношеніяхъ теперь?— спросилъ Бертышевъ.

— Даже ни въ какихъ!—отвѣтила Марья Ивановна.—Съ Дмитріемъ онъ еще сообщался, пока тотъ ему не сказалъ такое слово... ужъ даже и повторить не могу. Дмитрій, знаете, не стѣсняется... А къ намъ давно ужъ носа не кажетъ.

— Очевидно, что у него были опредѣленные планы...

— Которые разбились о вашу твердость!—сказала Вѣра. — А вы не во всемъ такъ тверды, какъ...

— Какъ въ чужихъ дѣлахъ, это вѣрно...

— Неужто свои плохо ведете, Владиміръ Николаевичъ?—съ участіемъ спросила Марья Ивановна.

— Да у меня никакихъ дѣлъ нѣтъ, Марья Ивановна!—я зарабатываю и проживаю. Это вѣдь очень простая задача.

— Неужто ничего не откладываете?

— Зачѣмъ?

— А на черный день?

— Я никогда не думаю о черныхъ дняхъ. Притомъ и откладывать не изъ чего. Откладываютъ, Марья Ивановна, изъ большого, а изъ малаго—это скучно... Все равно, дома не наживу!

— Отчего? съ вашими способностями могли бы нажить, Владиміръ Николаевичъ. Наши-то дѣла какъ хорошо ведете! Покойный Поликарпъ Антоновичъ просто не могъ нахвалиться вами...

— Да я же вамъ говорю, что умѣю вести только чужія дѣла...— Ну-съ,—прибавилъ, онъ, очевидно, мѣняя разговоръ,—когда же ѣдете?

— А ужъ это какъ пожелаетъ Вѣра. Я вѣдь тутъ съ боку припека!..

— Я бы хотѣла послѣ завтра...—сказала Вѣра.

— Развѣ господа Брухманы послѣ завтра ѣдутъ?—спросилъ Бертышевъ какъ-то машинально, безъ задней мысли.

Вѣра Поликарповна слегка вспыхнула.

— Мы вовсе не намѣрены придерживаться маршрута Брухмановъ!..—промолвила она.

И только послѣ этого Владиміръ Николаевичъ сообразилъ, что его вопросъ могъ быть грубымъ намекомъ, какого онъ не хотѣлъ дѣлать. Онъ смутился и почувствовалъ необходимость какъ-нибудь оправдаться.

— Я думаю, что, разъ люди ѣдутъ одновременно, то веселѣе ѣхать въ одномъ поѣздѣ!..—сказалъ онъ.

— Да, ужъ... Хоть родное слово около себя услышишь!—замѣтила Марья Ивановна:—а то, воображаю, все нѣмцы, да нѣмцы...

— Но вѣдь Брухманы тоже нѣмцы, мама!..—съ непонятной насмѣшкой въ голосѣ сказала Вѣра.

— Ну, какіе они нѣмцы! Я думаю, ужъ забыли, когда были нѣмцами!..

— А какъ только переѣдутъ границу, сейчасъ вспомнятъ...

Вѣра Поликарповна встала изъ-за стола и подошла къ окну.

— Какое множество снѣга нападало!—промолвила она,—должно быть, отличная дорога... Владиміръ Николаевичъ, у васъ съ собой извозчикъ?

— Да, только неважный. Впрочемъ, старательный...

— Это все равно! Мнѣ хочется немного подышать свѣжимъ воздухомъ...

— И я, и мой плохой извозчикъ къ вашимъ услугамъ!—отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Вѣчно ты что-нибудь такое выдумаешь, Вѣра!—запротестовала Марья Ивановна.—Теперь одиннадцатый часъ. Владиміръ Николаевичъ, можетъ, отдохнуть хочетъ...

— Но я вовсе не намѣрена утомлять его, мама. Я не больше десяти минутъ. Вы согласны?—спросила она Бертышева.

— Я уже сказалъ!—отвѣтилъ тотъ.

— Ну, кончайте вашъ чай!—промолвила она, направляясь въ переднюю, чтобы одѣться:—я сейчасъ буду готова.

— Зачѣмъ же ты въ шею гонишь человѣка? Можетъ, Владиміръ Николаевичъ еще стаканчикъ выпьетъ...

— Но вы же сказали, что ему пора отдыхать. Вотъ онъ и отдохнетъ раньше...

Въ ея голосѣ слегка слышались нервы. Владиміръ Николаевичъ понялъ, что желаніе прокатиться было только предлогомъ, а есть другая цѣль.

Она вышла, а Бертышевъ поторопился съ чаемъ. Вѣра Поликарповна скоро вернулась, одѣтая къ выѣзду.

— Я готова!—голосомъ, который явно торопилъ его, сказала она.

Владиміръ Николаевичъ поднялся и началъ прощаться съ Марьей Ивановной.

— А какъ же, Вѣрочка, ты не попросила Владиміра Николаевича насчетъ этихъ бумагъ... какъ ихъ...

— Насчетъ паспортовъ, мама. Я попрошу его объ этомъ.

— Ужъ будьте добры, Владиміръ Николаевичъ, устройте это намъ... Безъ васъ мы ничего не съумѣемъ.

— Вамъ, вѣроятно, одинъ общій паспортъ?—спросилъ Бертышевъ.

— Ну, нѣтъ,—возразила Вѣра,—пожалуйста, отдѣльные! Мало ли что можетъ случиться? Мама вдругъ соскучится по своемъ любимомъ сынѣ и захочетъ пріѣхать сюда...

— Что ты глупости говоришь? Неужто я могу оставить тебя тамъ одну?

— Ну, все равно! Пожалуйста, отдѣльные паспорты, Владиміръ Николаевичъ.

— Вы приготовьте документы, какіе у васъ есть, а я завтра заѣду или пришлю за ними!—сказалъ Бертышевъ.—Я готовъ, Вѣра Поликарповна!

Вѣра пошла впередъ, а онъ за нею, въ передней одѣлся и они вышли на улицу. Извозчикъ спалъ, склонивши голову на грудь и покосившись всѣмъ тѣломъ нѣсколько на бокъ. Пришлось будить его.

— Едва ли вамъ доставитъ удовольствіе эта прогулка!—сказалъ по этому поводу Владиміръ Николаевичъ.

— Это все равно!..—немного рѣзко замѣтила Вѣра и заняла мѣсто въ саняхъ.

Онъ сѣлъ рядомъ съ нею. Извозчикъ ударилъ по лошади, лошадь лѣниво потянула, но потомъ мало-по-малу разошлась и пошла бойко. Они нѣкоторое время оба молчали. Онъ чувствовалъ, что она хочетъ что-то сказать, но не хотѣлъ спрашивать.

— Владиміръ!—сказала, наконецъ, Вѣра Поликарповна:—я вовсе не расположена кататься по ночамъ...

— Я это знаю!..—откликнулся онъ.

— Но я не могла оставить это такъ... Съ какой стати ты заговорилъ о Брухманахъ? Какое они имѣютъ къ намъ отношеніе?

— Я сдѣлалъ это такъ же непроизвольно, какъ ты скрыла отъ меня, что они ѣдутъ...

— Ахъ, право... Что бы ни случилось между нами, не надо быть злымъ... Только не надо быть злымъ...

— Я не былъ золъ, клянусь тебѣ... Я ничего не имѣлъ въ виду...

— И не долженъ имѣть ничего... Я говорю тебѣ, что Брухманы здѣсь ни при чемъ... Это простая случайность, что они ѣдутъ... Допустить, что я имѣю на нихъ какіе-нибудь виды, это было бы слишкомъ ужъ пошло...

— Я ничего подобнаго не думаю. Съ чего ты взяла?

— О, у тебя сегодня такой видъ... Ты замкнулся куда-то. Я сегодня не умѣю читать въ твоихъ глазахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Вѣра, ты напрасно утомляешь свои нервы... Я такого высокаго мнѣнія о тебѣ, что не могъ бы представить тебя рядомъ съ Брухманомъ...

— Я очень рада, что ты такъ думаешь. Вотъ это я и хотѣла сказать тебѣ. Теперь вели извозчику повернуть обратно!

Онъ исполнилъ это, они уже ѣхали обратно. Владиміръ Николаевичъ говорилъ:

— Какъ странно!.. Какіе неожиданные скачки иногда происходятъ въ душѣ! Вчера мнѣ казалось почти страшнымъ, если ты уѣдешь, а сегодня я желаю, чтобъ эта поѣздка какъ можно скорѣе совершилась...

— Я чувствую точно такъ же! И замѣть, это не дѣлаетъ насъ ни на іоту дальше другъ отъ друга... Правда, вѣдь? Мы остаемся также близки... Правда?

— Да, правда, Вѣра!

— Чувство должно испытать всѣ положенія. Если оно выдержитъ искусъ, значитъ, оно вѣчно. Если не выдержитъ... Вѣдь, правда, Владиміръ, „на время—не стоитъ труда"...

— Да, надо примириться съ этимъ...

— Вели ему остановиться около нашего дома!

— Онъ это знаетъ.

И дѣйствительно, извозчикъ повернулъ къ подъѣзду спонтанѣевскаго дома и остановилъ лошадь. Владиміръ Николаевичъ помогъ своей дамѣ сойти и, проводивъ ее до двери, поцѣловалъ у нея руку.

— Такъ два паспорта, Владиміръ Николаевичъ!—напомнила Вѣра, въ виду появившейся изъ передней горничной.

— Будутъ два!—отвѣтилъ Бертышевъ, садясь въ сани.

Вѣра Поликарповна скрылась въ подъѣздѣ. Онъ поѣхалъ прежней дорогой.

Ночь была чудная. Кругомъ все бѣло отъ свѣже-напавшаго снѣга; небо ясно, на немъ горѣли милліарды звѣздъ. Бертышевъ, неизвѣстно почему, вдругъ точно забылъ и о заграничной поѣздкѣ Вѣры, и о недавнемъ разговорѣ, и сталъ думать о путешествіи къ Вольтову и ему представлялось, въ какомъ восторгѣ будутъ дѣти отъ тридцативерстной прогулки въ саняхъ.

Только подъѣзжая къ дому, послѣ длиннаго пути, онъ вспомнилъ о томъ, что въ сущности его отношенія къ Вѣрѣ Спонтанѣевой переживаютъ какой-то важный кризисъ. И ему опять захотѣлось, чтобъ поѣздка Вѣры какъ можно скорѣе совершилась. Было такое чувство, какъ будто въ минуту ея отъѣзда съ него спадутъ оковы и онъ почувствуетъ себя свободнымъ.

Вѣра Петровна еще не спала, но когда онъ пришелъ, она какъ будто удивилась, что онъ вернулся такъ рано.

— Что же,—спросила она,—тамъ въ самомъ дѣлѣ какое-нибудь горе?

— Довольно веселое горе, отъ котораго никто не отказался бы!—чрезвычайно просто отвѣтилъ онъ.

— Что же?

— Онѣ ѣдутъ заграницу!

— Кто онѣ?

— Мать и дочь?

Вѣра Петровна вопросительно взглянула на него.

— Въ чемъ же тутъ бѣда?

— Старухѣ казалось, что это не соотвѣтствуетъ траурному положенію ихъ семейства. Мнѣ пришлось убѣждать ее въ противномъ.

— И ты убѣдилъ?

— Вполнѣ. Мнѣ не стоило это большихъ усилій. Онѣ ѣдутъ послѣ завтра. Но какая чудная дорога!—прибавилъ Владиміръ Николаевичъ,—если такая простоитъ нѣсколько дней, пока Матвѣй Ивановичъ излѣчитъ свой хребетъ, то мы, не откладывая, и поѣдемъ къ Вольтову...

— Я думаю, что незачѣмъ откладывать!—сказала Вѣра Петровна.

Но по ея голосу слышно было, что она думаетъ не о поѣздкѣ къ Вольтову, а о чемъ-то другомъ.

Глава VI.

Хлопоты по добыванію паспортовъ отняли у Бертышева все утро. Въ этотъ день онъ не прикасался къ своей картинѣ. Утромъ, напившись чаю, онъ поѣхалъ въ контору и оттуда послалъ человѣка къ Спонтанѣевымъ за документами.

Ихъ оказалось слишкомъ много. Ему принесли изрядный свертокъ. Марья Ивановна собрала всевозможныя бумаги, какія только нашлись въ комодѣ.

Владиміръ Николаевичъ отобралъ, что надо, и поѣхалъ хлопотать. По особой просьбѣ, ему выдали паспорта въ тотъ же день, затѣмъ онъ визировалъ ихъ у австрійскаго консула и поѣхалъ къ Спонтанѣевымъ.

На этотъ разъ онъ не засталъ дома. Но ему подали записку отъ Вѣры Поликарповны. Она писала:

„Тысяча мелочей. Какая досада, что они ложатся бременемъ и на тебя. Будь добръ до конца и возьми намъ на завтра, вечеръ, спальное купэ до Берлина. А затѣмъ было бы дико, если

бы ты съ нами не обѣдалъ сегодня. Будущее неизвѣстно, такъ надо повидаться хоть въ настоящемъ".

Это не входило въ разсчетъ Бертышева и онъ долженъ былъ послать записку женѣ о томъ, чтобы его не ждали къ обѣду. Онъ уѣхалъ и къ четыремъ часамъ вернулся съ билетами. Дамы были уже дома.

— Какъ хорошо имѣть заботливаго опекуна!—говорила Вѣра Поликарповна:—значитъ, намъ остается только сѣсть и уѣхать.

У Марьи Ивановны былъ какой-то загнанный видъ. Она сошла съ колеи и это необычное состояніе уже утомило ее, особенно ее заботилъ вопросъ о высокихъ калошахъ на мѣху. Кто-то убѣдилъ ее, что заграницей нигдѣ такихъ не достанешь. Затѣмъ она озабоченно спрашивала, можно ли провезти фунта три паюсной икры, которую она очень любила.

Вѣра Поликарповна была очень оживлена. Бертышевъ давно не видалъ ее такою. Чувство перемѣны охватило ее всю и напрягало въ ней каждый нервъ.

— Какъ иногда трудно бываетъ узнать, что нужно человѣку!—говорилъ ей Владиміръ Николаевичъ:—простая механическая перемѣна, и онъ переродился...

Къ обѣду пріѣхалъ Дмитрій и, когда ему сообщили о предстоящей поѣздкѣ, очень мало удивился. Его мало трогало все, что не относилось непосредственно до него. Онъ разсѣянно спросилъ, въ которомъ часу завтра они уѣзжаютъ и узнавъ, что вечеромъ, извинился, что не будетъ провожать.

— Впрочемъ, это никому и не нужно!—прибавилъ онъ.

— Ты, правда, совсѣмъ, какъ чужой!—съ огорченіемъ сказала Марья Ивановна.

— Да что же я буду тамъ ломаться? Вѣдь я и здѣсь вижу васъ въ два мѣсяца разъ и отъ этого ни я, ни вы никакой скорби не ощущаемъ. А на вокзалѣ вѣдь принято изображать грусть... Признаюсь, я этого не умѣю дѣлать. Можетъ быть, это единственное мое достоинство.

— Ничего не разберу, какіе нынче люди пошли!—со вздохомъ промолвила Марья Ивановна.

— Нынче, мама, только меньше ломаются, чѣмъ прежде, а люди все тѣ же. Если по прежнему, такъ я поѣхалъ бы на вокзалъ и, пожалуй, слезу уронилъ бы; но это была бы ложь... А вы будете въ Англіи?—спросилъ онъ, вдругъ перемѣняя разговоръ.

— По всей вѣроятности!—отвѣтила Вѣра Поликарповна.

— Въ такомъ случаѣ, если вамъ придетъ фантазія сдѣлать мнѣ удовольствіе, купите мнѣ настоящую англійскую упряжь, я давно мечтаю объ этомъ... Здѣсь вѣдь—поддѣлка, мнѣ хочется имѣть настоящую...

— Вотъ странное порученіе! — воскликнула Вѣра Поликарповна:—ради твоего удовольствія мы будемъ тащить черезъ всю Европу упряжь...

— Ну, не покупайте! Это необязательно! — равнодушно отказался Дмитрій.

— Что жъ, съ дядей Авксентіемъ Антоновичемъ ты видаешься?—спросила его Марья Ивановна.

— А какъ же! Третьяго дня сдѣлалъ мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ...

— Вотъ какъ! Даже самъ пріѣхалъ! Ужь это, значитъ, не спроста.

— Да, не спроста!—отвѣтилъ Дмитрій и при этомъ какъ-то покосился въ сторону Бертышева.

— Что же это?

— Онъ говорилъ о какихъ-то произвольныхъ дѣйствіяхъ со стороны господина Бертышева...

— Что-о?—съ изумленіемъ воскликнула Вѣра.

— Да. Говорилъ, что господинъ Бертышевъ, въ ущербъ интересамъ наслѣдниковъ, слишкомъ щедро награждаетъ рабочихъ и даже намекалъ на то, что господинъ Бертышевъ — соціалистъ...

Вѣра Поликарповна звонко разсмѣялась, а Марья Ивановна съ явнымъ ужасомъ перекрестилась.

— Съ нами крестная сила!—промолвила она и вздохнула.— Какой онъ нехорошій человѣкъ!

— Ну, и что же ты ему на это сказалъ?—спросила Вѣра.

— Онъ еще предлагалъ потребовать ревизіи дѣлъ... Но я вообще по всѣмъ этимъ пунктамъ послалъ его къ чорту...

— Ахъ, какъ же это можно!—промолвила Марья Ивановна.

— Я сдѣлалъ это деликатно. Я сказалъ: про господина Бертышева мнѣ по крайней мѣрѣ извѣстно, что онъ ростовщичествомъ не занимается, а про васъ, милый дядя, мнѣ это неизвѣстно...

— О! Это сильно! — сказала Вѣра.

— Онъ вскипѣлъ и уѣхалъ...

— Напрасно вы это сдѣлали! — промолвилъ Бертышевъ: — онъ можетъ во всякое время произвести ревизію. Хотя онъ не имѣетъ на это права, но все равно, я не воспрепятствую...

— Но это для меня безразлично. Я просто высказалъ свое мнѣніе.

— Ахъ, ахъ, ахъ!—вздохнула Марья Ивановна:—вотъ вамъ и родство! Все нынче пошло не по-христіански!

— Э, мама, все нынче такое же, какъ и прежде было, только откровеннѣй и проще. Нынче вотъ я дядю своего не уважаю и прямо въ глаза ему это и сказалъ, и онъ теперь знаетъ, что я его не уважаю. А въ прежнее время, о которомъ вы такъ взды-

хаете, молча, презирая другъ друга, могли прожить рядомъ сто лѣтъ изъ одного лицемѣрія, горячо жать другъ другу руку и тихонько дѣлать другъ другу гадости. Ужъ, право, не знаю, что нужно предпочесть...

— Съ тобой не сговоришь, Дмитрій...

Послѣ обѣда Дмитрій простился съ матерью и сестрой и пожелалъ имъ пріятнаго путешествія. Владиміръ Николаевичъ посидѣлъ у Спонтанѣевыхъ около часу и, посовѣтовавъ имъ пораньше лечь спать, чтобы хорошо приготовиться къ дорогѣ, уѣхалъ.

Странно было ему наблюдать это новое явленіе въ себѣ и въ Вѣрѣ Поликарповнѣ: необыкновенно спокойное отношеніе другъ къ другу въ виду предстоящей долговременной разлуки. Они не пользовались остающимся временемъ, чтобы провести его вдвоемъ; напротивъ, казалось даже, что они торопились разстаться и какъ будто боялись оставаться наединѣ.

На другой день Владиміръ Николаевичъ заѣхалъ къ нимъ часа за два до ихъ отъѣзда на вокзалъ. Онъ поднялся прямо наверхъ и засталъ Вѣру Поликарповну взволнованной. При его появленіи она промолвила:

— А, наконецъ... Ты все-таки пріѣхалъ... А я ужъ подумала, что ты ограничишься проводами на вокзалѣ...

Она сказала это съ видимымъ упрекомъ, и онъ понялъ, что волненіе ея относится къ этому обстоятельству.

— Я пріѣхалъ, Вѣра, проститься съ тобой...—сказалъ онъ, взявъ ея руку.

— Не говори такихъ страшныхъ словъ!.. — отвѣтила она мягко дрожащимъ голосомъ.

— Намъ нечего бояться словъ, мой другъ, Вѣра! Мы простимся и дадимъ другъ другу честное слово быть честными по отношенію къ нашему чувству и другъ къ другу. Правда?

— Я даю это слово.

— Я тоже. Мы, каждый въ отдѣльности, дадимъ себѣ отчетъ, сдѣлаемъ своему чувству строгій допросъ... И что окажется, разскажемъ другъ другу и поступимъ напрямикъ такъ, какъ будетъ слѣдовать изъ провѣрки.

— Да, Владиміръ...

— Ну, такъ вотъ... Прощай!

Онъ притянулъ ее къ себѣ и обнялъ, какъ друга, съ которымъ разставался надолго.

— Теперь пойдемъ внизъ и поможемъ Марьѣ Ивановнѣ уложить мелочи. Она навѣрно въ отчаяніи...

— Пойдемъ, Владиміръ...

И уже успокоенная этимъ дружескимъ прощаньемъ, она больше не волновалась. Они пошли внизъ и помогали Марьѣ

Ивановнѣ, которая въ самомъ дѣлѣ была въ большомъ затрудненіи. Ей предстояло уложить въ дорожный сакъ вещицы, необходимыя въ дороги. Но она почти всю жизнь сидѣла на мѣстѣ и рѣшительно не умѣла этого сдѣлать. Въ помѣстительномъ мѣшкѣ какъ-то ни дли чего не оказывалось мѣста.

Еще менѣе ея понимала въ этомъ дѣлѣ Вѣра Поликарповна, и Владиміру Николаевичу пришлось взять на себя и эту обязанность.

— Опекунъ и это умѣетъ!—шутя сказала Вѣра.

— Я привыкъ все самъ для себя дѣлать. Оттого это,—отвѣтилъ Бертышевъ.

Когда спустились зимнія сумерки, они втроемъ, въ закрытой каретѣ, поѣхали на вокзалъ. Крупныя вещи были отправлены впередъ. Владиміру Николаевичу пришлось убѣдиться, что обязанности опекуна гораздо сложнѣе, чѣмъ онъ думалъ. Онъ долженъ былъ сдать багажъ, войти въ переговоры съ кондукторами, чтобы тѣ оказывали путешественницамъ всякое покровительство, словомъ, устроить ихъ, какъ малолѣтнихъ.

Во всѣхъ этихъ хлопотахъ прошло время до второго звонка и такимъ образомъ онъ былъ избавленъ отъ томительнаго ожиданія проводовъ, когда важнаго ничего нельзя сказать, а пустяки не приходятъ въ голову.

Онъ былъ единственный человѣкъ, провожавшій Спонтанѣевыхъ. Дмитрій въ самомъ дѣлѣ не явился. Уже передъ самымъ третьимъ звонкомъ онъ вспомнилъ о Брухманахъ. Ихъ не было. Очевидно, они поѣхали или поѣдутъ другимъ поѣздомъ.

Раздался третій звонокъ. Бертышевъ поцѣловалъ руку у матери, потомъ у дочери. Марья Ивановна усердно крестилась. У Вѣры Поликарповны глаза были влажны и печальны. У нея было ощущеніе чего-то роковаго и важнаго, и такое чувство, какъ будто этимъ звонкомъ рѣшается все.

Поѣздъ медленно отходилъ. Вѣра стояла на платформѣ, а Бертышевъ тихо шелъ рядомъ съ вагономъ, пока было возможно, и они молча смотрѣли другъ на друга. Въ эти послѣднія минуты у нихъ не нашлось словъ, чтобы выразить волновавшія ихъ сложныя чувства, но каждый понималъ, что съ этого момента начинается что-то новое въ ихъ отношеніяхъ.

Дома Владиміръ Николаевичъ нашелъ Скорбянскаго. Онъ еще кривился, когда дѣлалъ неосторожныя движенія, но ему надоѣло сидѣть дома.

— Когда валяешься по принужденію на диванѣ, то въ голову приходятъ все серьезныя мысли, — говорилъ онъ: — а серьезныя мысли въ нашемъ положеніи—всегда печальныя мысли. Я же поставилъ себѣ задачей избѣгать всего печальнаго. А ты сегодня

необычайно веселъ, Вольдемаръ! у тебя такое настроеніе, какъ у чиновника, получившаго орденъ!

— Да, я въ прекрасномъ настроеніи духа! — воскликнулъ Владиміръ Николаевичъ, и въ самомъ дѣлѣ веселость какъ-то неудержимо лилась во всѣхъ его рѣчахъ и движеніяхъ и свѣтилась въ глазахъ. Вѣра Петровна то и дѣло поднимала на него полные удивленія глаза.

Онъ былъ голоденъ—у Спонтанѣевыхъ въ домѣ въ этотъ день все было безалаберно. Его забыли накормить. Былъ организованъ чай, къ которому подали для него обѣдъ.

— Ну, что же?—спросилъ Скорбянскій,—завтра мы можемъ открыть рядъ важныхъ предпріятій?

— А именно?

— А именно: во-первыхъ, отправимся къ нотаріусу и выразимъ предсмертную волю. А во-вторыхъ, поѣдемъ къ Вольтушкѣ...

— Поѣдемъ! обязательно поѣдемъ! Я съ наслажденіемъ подышу не петербургскимъ воздухомъ!..—отозвался Бертышевъ.

— Что касается меня, то мнѣ, вѣроятно, понадобятся два тѣлохранителя, которые должны будутъ поддерживать меня въ моментъ сильнаго вліянія на мой организмъ настоящаго воздуха... Я непремѣнно упаду въ обморокъ! Вѣдь подумай, ровно двадцать два года я уже не дышалъ настоящимъ воздухомъ....

— Двадцать два года ты никуда не выѣзжалъ?

— Двадцать два года свѣтъ для меня клиномъ сходился на черной рѣчкѣ!.. Я полагаю, что у такихъ, какъ я, легкія измѣнили свое строеніе и форму, въ родѣ, какъ у рыбъ, превратившись въ нѣчто, похожее на жабры. И вотъ, когда я попаду въ страну, надъ которой витаетъ настоящій воздухъ, то мои легкія откажутся воспринимать его.

— Но какъ же ты, писатель, и не позаботился расширить свой кругозоръ?..

— Русскій писатель, этого не забывай. Европейскій писатель находится въ постоянномъ движеніи. Какъ только онъ почувствуетъ въ себѣ талантъ, его первая забота—видѣть свѣтъ. Онъ путешествуетъ, онъ ѣдетъ въ Азію, въ Египетъ, въ Америку. А ужъ свое собственное отечество онъ исколеситъ вдоль и поперекъ. И онъ кое-что знаетъ, дѣйствительно знаетъ. Русскій писатель, когда почувствуетъ въ груди пламень вдохновенья, если онъ сидитъ гдѣ-нибудь въ медвѣжьемъ углу, прежде всего тащится въ Петербургъ и, такъ какъ у него, большею частью, ничего нѣтъ, то поселяется въ чердачномъ этажѣ и ищетъ средства къ пропитанію. Тутъ же попутно онъ начинаетъ обходить редакціи и знакомить ихъ съ своими произведеніями. Наконецъ,

онъ добивается того, что одно изъ нихъ помѣщаютъ въ журналѣ. Критикъ хвалитъ и говоритъ, что такой-то подаетъ надежды. Съ этого момента онъ начинаетъ усердно подавать надежды. По пути онъ роковымъ образомъ женится по страстной любви, неизвѣстно зачѣмъ размножается и, уже этимъ самымъ привязанный къ болотистой почвѣ Петербурга, расширяетъ свой кругорозъ лишь тѣмъ, что выѣзжаетъ на дачу въ Лѣсной, на Черную рѣчку, въ Царское и въ Удѣльную. Кругъ его наблюденій—собственное семейство, его пейзажъ—три березы, которыя растутъ подъ окнами его квартиры, колоритъ—младшіе дворники, приносящіе дрова, краски—сѣрая слякоть петербургскаго неба и тому подобное... Ахъ, еслибъ я былъ милліонеромъ, я учредилъ бы фондъ путешествій для писателей. Они бы у меня были постоянно въ движеніи, они шмыгали бы по Россіи, заглядывали бы въ Европу и описывали бы жизнь, а не идею... Ну, впрочемъ, милліонеромъ я, все равно, не буду, значитъ—и толковать нечего. Итакъ, ѣдемъ?

— Ѣдемъ, ѣдемъ! Я завтра же устрою свои дѣла такъ, чтобъ они могли идти безъ меня дней пять.

— Но прежде—духовное завѣщаніе! Боюсь, что моя натура не выдержитъ здоровыхъ впечатлѣній... Такъ на всякій случай будетъ моя законно выраженная воля...

Они намѣтили другихъ свидѣтелей и рѣшили завтра сойтись у нотаріуса, котораго указалъ Бертышевъ, а поѣздку назначили на послѣ завтра.

Глава VII.

На другой день было совершено духовное завѣщаніе Скорбянскаго. У нотаріуса вышелъ комическій эпизодъ, когда былъ поставленъ вопросъ о наличности имущества завѣщателя.

— Это вопросъ щекотливый! — сказалъ Скорбянскій: — родъ имущества, коимъ я владѣю, такъ таинственъ, что пишите просто: „все, что принадлежитъ мнѣ и будетъ пріобрѣтено мною впослѣдствіи, до конца моей жизни“.

— Послушай, однако, вѣдь могутъ Богъ знаетъ что подумать!— возразилъ Бертышевъ.

— Но согласись, что не могу же я цитировать такое сомнительное имущество, какъ мои литературныя права... Я думаю, господинъ нотаріусъ о такого рода имуществѣ даже и не слыхалъ...

— Признаюсь, въ моей практикѣ не случалось! — отвѣтилъ нотаріусъ.

— Ну, вотъ видите. Такъ ужъ вы такъ и обозначьте: все,

молъ, что бы у меня ни нашлось, безъ исключенія, моей женѣ и дѣтямъ.

Нотаріусъ писалъ, но въ душѣ изумлялся странной фантазіи писать завѣщаніе при отсутствіи имущества. Но Скорбянскій дѣлалъ это съ величайшей важностью. Можно было подумать, что онъ въ самомъ дѣлѣ разсчитываетъ на посмертную славу.

По совершеніи этого страннаго акта, зашли въ кабачекъ на Владимірской, который Скорбянскій называлъ „Капернаумъ", хотя оффиціально у него не было никакого названія, и выпили бутылку вина, взятую Матвѣемъ Ивановичемъ за свой счетъ. И этимъ торжественный актъ кончился.

Между тѣмъ Вѣра Петровна дѣятельно готовилась къ поѣздкѣ. Нужно было кое-что ремонтировать въ дѣтской одеждѣ. Владиміръ Николаевичъ далъ подробныя инструкціи Ивану Семеновичу и все было готово къ отъѣзду.

Прошла еще ночь, и день оказался благопріятнымъ. Выпавшій недавно снѣгъ держался крѣпко. Умѣренный морозъ поддерживалъ его. При этомъ не было вѣтра, небо очистилось и свѣтило яркое солнце.

Въ день отъѣзда Бертышевъ уже не ѣздилъ въ контору. Въ два часа у нихъ былъ сокращенный обѣдъ, при чемъ присутствовалъ и Скорбянскій, пріѣхавшій съ маленькимъ чемоданомъ. Отсюда всѣ поѣхали на вокзалъ. Въ квартирѣ осталась только прислуга.

Но на вокзалѣ они нашли все семейство Скорбянскаго. Хотя онъ просилъ жену не провожать его, но она не выдержала. Вѣдь это было его первое дальнее путешествіе за двадцать лѣтъ.

И провожали его по всѣмъ правиламъ дальней дороги. Скорбянскій чудилъ, дѣлалъ видъ, что плачетъ и вытираетъ слезы, и это всему придавало веселый колоритъ. Поѣздъ двинулся. Путешественники размѣстились во-второмъ классѣ.

Владиміръ Николаевичъ давно не видалъ у своей жены столько довольства на лицѣ, какъ во время этого путешествія. „Есть люди,—думалъ онъ,—которые, сколько бы имъ ни давала жизнь, всегда требуютъ большаго. Они, конечно, не довольны. Это жадныя, ненасытныя натуры. Къ такимъ принадлежитъ Вѣра Поликарповна. Но есть люди, способные довольствоваться безконечно малымъ, и малѣйшая прибавка къ этому малому дѣлаетъ ихъ уже счастливыми. Къ такимъ относится моя жена. Какъ тускла ея жизнь, Боже мой! И отъ какой ничтожной радости разцвѣтаетъ она,—она, которая могла бы предъявить столько жалобъ къ судьбѣ. И до какой степени долженъ быть жестокъ человѣкъ, который рѣшается отнять у нея хоть каплю изъ того малаго счастья, какое у нея есть... И этотъ человѣкъ—я". Дѣти

поражались всѣмъ, что видѣли, что мелькало мимо оконъ вагона, что появлялось въ самомъ вагонѣ и на станціяхъ. Они неистово прыгали и поднимали крикъ, несомнѣнно досаждая этимъ другимъ пассажирамъ. Но пассажиры попались снисходительные и не протестовали.

Когда стемнѣло, ихъ уложили спать. Въ вагонѣ было просторно, тѣмъ не менѣе взрослымъ не удалось улечься. Еще Вѣру Петровну кое-какъ устроили, но мужчины должны были спать сидя.

Владиміръ Николаевичъ, болѣе знакомый съ неудобствами пути, переносилъ это довольно мужественно, но Скорбянскій протестовалъ. Кромѣ того, онъ скептически смотрѣлъ на желѣзнодорожную безопасность.

— Я, братъ, до сихъ поръ ѣздилъ только до Павловска съ одной стороны и до Теріокъ съ другой, — говорилъ онъ, — и то мнѣ всегда казалось, что вотъ-вотъ поѣздъ слетитъ на сторону... А теперь я просто вижу, что это самый отчаянный способъ сообщенія. Позвольте! Что жъ это такое? Двадцать тысячепудовыхъ махинъ, какими-то цѣпочками связанныхъ между собой и напичканныхъ живыми и разумными существами, мчатся, переваливаясь съ боку на бокъ, ежеминутно вздрагивая и поворачивая, по двумъ жалкимъ, тонкимъ чугуннымъ ниточкамъ, и это называется безопаснымъ способомъ сообщенія! Это чудо нашего вѣка. Это гордость европейской культуры! Да! я увѣренъ, что наши потомки черезъ какихъ-нибуть пятьдесятъ лѣтъ будутъ умирать отъ хохота при мысли о томъ, чему мы довѣряли свои жизни! Какъ умно я поступилъ, сдѣлавъ духовное завѣщаніе наканунѣ столь опаснаго предпріятія...

Всѣ эти мрачныя мысли сопровождались безсоницей, но послѣ полуночи онъ все же поддался усталости и, прислонивши голову къ боковой стѣнкѣ дивана, уснулъ.

Проснулись всѣ рано. Въ шесть часовъ надо было выходить изъ вагона. Дѣти торопливо одѣвались и съ веселыми лицами заглядывали въ окна. Кругомъ все было бѣло. Мелькали обсыпанные снѣгомъ лѣса, рисовалась тридцати-верстная дорога въ саняхъ при яркомъ солнцѣ.

Вотъ и желанная станція. Горячій чай, закуска, легкій отдыхъ, потомъ разспросы о дорогѣ. Отыскалась вольная почта, осмотрѣли сани. Къ общему восторгу они оказались необъятными, такъ что въ нихъ свободно могли помѣститься всѣ и не надо было раздѣляться на двѣ партіи.

Въ семь часовъ уже плыло по небу солнце. Небо было чистое и обѣщало остаться такимъ весь день. Изъ разспросовъ узнали, что ѣзды гораздо меньше, чѣмъ думали. Тридцать верстъ, это

была лѣтняя дорога. когда приходилось объѣзжать рѣку, а теперь рѣка стала, ѣздили по льду и это сокращало дорогу почти въ половину.

Это было очень веселое путешествіе. Скорбянскій бросилъ пессимистическій тонъ, который нагоняла на него желѣзная дорога, и началъ восторженно воспѣвать старинный способъ передвиженія. Лошади мчали лихо, дорога была чудная. Лѣса смѣнялись полянами и все, рѣшительно все было одѣто въ бѣлый цвѣтъ.

Словоохотливый ямщикъ комментировалъ все, что попадалось на пути и всю дорогу говорилъ безъ умолку. Онъ разсказалъ исторію каждаго поселка, біографіи прежнихъ и нынѣшнихъ владѣльцевъ.

— А вонъ видите церковь на пригоркѣ? Вотъ это и есть Березовка!—наконецъ, сказалъ онъ.

Крикъ радости былъ отвѣтомъ на это сообщеніе. Онъ ударилъ кнутомъ по лошадямъ и, желая, очевидно, заслужить на водку, погналъ ихъ быстрѣе. Вдругъ деревня, уже, было, вся выплывшая изъ за лѣска, скрылась вмѣстѣ съ церковью; потомъ поворотъ и сразу начались избы. Проѣхали черезъ деревню, повернули влѣво, мимо лѣска. Показалась невысокая каменная стѣна, изъ-за которой выглядывали обсыпанныя снѣгомъ садовыя деревья, потомъ раскрытыя ворота, въ которыя они и въѣхали. Двѣ дворовыхъ собаки подняли лай. Дѣти испугались, вообразивъ, что собаки могутъ вскочить въ сани. Лошади остановились передъ широкимъ крыльцомъ одноэтажнаго дома, небольшого, чистенькаго, привѣтливаго. Во дворѣ не было ни души. Пріѣзжіе продолжали сидѣть на своихъ мѣстахъ и съ недоумѣніемъ смотрѣли по сторонамъ. Собаки продолжали свирѣпствовать. Имъ на подмогу откуда-то прибѣжали еще двѣ. На лицахъ у дѣтей появилось выраженіе испуга.

— Что жъ это никого не видно?—сказалъ Владиміръ Николаевичъ, обращаясь къ кучеру.

— Эй-эй!—крикнулъ кучеръ въ пространство: — вымерли тутъ всѣ, что ли?

Вмѣстѣ съ этимъ онъ слѣзъ съ саней и, отмахиваясь отъ собакъ кнутомъ, пошелъ къ отдѣльно стоявшей постройкѣ, повидимому, кухнѣ, и началъ стучать кнутомъ въ окно. Дверь отворилась и вышла баба въ валенкахъ. Увидѣвъ сани съ пріѣхавшими господами, она стремглавъ пустилась къ главному дому, но не съ той стороны, гдѣ было крыльцо, а съ другой.

— Сейчасъ доложитъ! — сказалъ кучеръ, очевидно такимъ образомъ, толкуя движеніе бабы.—Да ужъ слѣзайте... Собаки не тронутъ. Онѣ только лаять свирѣпы!..

Гости начали нерѣшительно слѣзать. На крыльцѣ послышался шумъ, отворилась дверь и показалась та же самая баба.

— Пожалуйте! Барыня сейчасъ выйдутъ!—говорила она такъ привѣтливо, какъ будто знала, что это самые желанные гости

— А баринъ у васъ тутъ есть?—спросилъ ее Скорбянскій.

— Баринъ-то?

— Ну, да, молодой... чудаковатый такой...

— А, есть... хохлатый! Во флигелѣ живетъ онъ!

— Ну, вотъ и ладно! Значитъ, Вольтушка отыскался!

Баба между тѣмъ занялась усмиреніемъ собакъ, а гости всѣ сошли на землю и стали подниматься на крыльцо. Въ дверяхъ показалась хозяйка и, сильно прищуривъ глаза, старалась разглядѣть пріѣзжихъ.

— Ахъ! Вотъ кто!—воскликнула она, узнавъ, наконецъ, и Скорбянскаго, и Бертышева,—прошу васъ въ домъ, господа! Я очень рада!..

Всѣ вошли въ домъ, Владиміръ Николаевичъ познакомилъ хозяйку съ своей семьей.

— Ужъ вы извините, пожалуйста, — говорилъ Матвѣй Ивановичъ,—что мы къ вамъ нагрянули цѣлымъ отрядомъ! Все-таки, надо сознаться, что вы живете не близко отъ Петербурга и отдѣльно каждый изъ насъ не рѣшился бы поѣхать. Для такихъ разстояній требуется соединеніе рѣшимостей...

Но Березова въ самомъ дѣлѣ была рада гостямъ. Она была совершенно одинока, такъ какъ съ сосѣдними помѣщиками почти не водила знакомства.

— Здѣсь иногда по три дня ни съ кѣмъ не скажешь ни слова!—пожаловалась она.

— Какъ? А Вольтовъ?

— О, онъ не разговорчивъ. Его я, случается, по недѣлямъ не вижу... Онъ живетъ, точно въ другой части свѣта.

— Значитъ, чудитъ, по прежнему! А какъ его здоровье?

— Онъ совершенно здоровъ. По крайней мѣрѣ, никогда не жалуется. Да и видъ у него здоровый!

— Надѣюсь, однако,—сказалъ Скорбянскій,—что онъ позволитъ намъ увидѣть себя!.. Можно къ нему пройти?

— О, онъ, навѣрно, сейчасъ прибѣжитъ сюда. Я уже послала къ нему. Нѣтъ, господа, вы раздѣвайтесь и сейчасъ будемъ пить чай. Я только-что собиралась это сдѣлать, у меня и самоваръ готовъ. Вамъ надо хорошенько погрѣться, особенно дѣти, я думаю, иззяблись... Надѣюсь, господа, вы у насъ останетесь хоть на недѣлю... Ужъ это самое меньшее?..

— Мы не такъ безчеловѣчны!—отвѣтилъ Скорбянскій,—при

томъ же вы еще не знаете, какъ петербуржцы умѣютъ легко и быстро надоѣдать...

Березова хлопотала по поводу чая. На Вѣру Петровну она произвела благопріятное впечатлѣніе, хотя показалась немного суховатой. Домъ у нея былъ небольшой, но уютный. Обстановка была простая, ничего лишняго, но всюду было на чемъ присѣсть и прилечь, все было мягко и удобно. Большія печи были натоплены и отъ нихъ пріятно вѣяло тепломъ. Нѣсколько страннымъ казалось обиліе музыкальныхъ инструментовъ. Въ двухъ комнатахъ стояло по роялю—одинъ стариннаго типа, должно быть, разбитый, другой—новый; въ третьей помѣщалась фисгармонія. Была также скрипка и какія-то трубы. Множество нотъ—печатныхъ и писанныхъ—лежали кучей въ углу. Но вспомнивъ, что хозяйка была музыкантша, гости перестали этому удивляться.

Въ то время, когда уже былъ организованъ чайный столъ и гости, по приглашенію хозяйки, собирались усѣсться, вдругъ появился Вольтовъ. Онъ быстро шелъ черезъ комнаты, съ красными отъ мороза щеками, потирая озябшія руки.

— Сердечный другъ, Вольтушка!—воскликнулъ Скорбянскій, заключая его въ свои объятія: — но нѣтъ, онъ теперь уже не паръ! Онъ облекся въ плоть и кровь! Молодчина! Какъ поправился! Вѣдь вотъ когда онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, то моментально худѣетъ! скажите, пожалуйста!

Вольтовъ, по всей вѣроятности, былъ слишкомъ ужъ радъ пріѣзду петербургскихъ пріятелей, потому что, не задумываясь, изъ объятій Скорбянскаго перешелъ въ объятія Владиміра Николаевича, чего тотъ даже не ожидалъ. Съ Вѣрой Петровной онъ поцѣловался, какъ съ родной, и перецѣловалъ дѣтей.

— Страшно радъ, господа, тому, что вы, наконецъ, пріѣхали!—съ необыкновенной искренностью воскликнулъ онъ.

— А ты долженъ это цѣнить, братецъ! — комически-наставительно сказалъ Скорбянскій. — Ты только подумай, какое разстояніе!.. Я за двадцать два года въ первый разъ въ такую даль пустился и, можно сказать, своей драгоцѣнной жизнью рисковалъ изъ-за тебя!

Дальше разговоръ естественно перешелъ на работы и предпріятіе Вольтова. Оказалось, что Еруславъ уже совсѣмъ готовъ.

— У насъ и музыка написана!

— Да, я старалась найти подходящіе звуки, но не знаю, удалось ли мнѣ это!..—сказала Березова.

— Удалось! Вполнѣ удалось!—восторженно воскликнулъ Вольтовъ.—Я болѣе, чѣмъ доволенъ!

Скорбянскій скептически усмѣхнулся.

— Я не сомнѣваюсь,—сказалъ онъ тономъ хитраго царедвор-

ца,—что музыка превосходна, но на твоемъ мѣстѣ, Вольтъ, о музыкѣ судить воздержался бы...

— Почему же? Почему?—спросилъ Вольтовъ.

— Потому что ты въ музыкѣ ничего не понимаешь. Или, можетъ быть, вы обучили его? — прибавилъ онъ, обратившись къ хозяйкѣ.

Березова съ улыбкой отрицательно покачала головой.

— Но это не важно! Это совсѣмъ не имѣетъ значенія!—горячо возразилъ Вольтовъ:—я въ музыкѣ дѣйствительно ничего не понимаю, то-есть, я не смыслю въ гармоніи, контрапунктахъ, фугахъ и тому подобныхъ головоломныхъ вещахъ. Но вѣдь это же и не музыка, это — музыкальныя выкладки! Это, такъ сказать, матеріалъ, изъ котораго дѣлается музыка. Ты ничего не понимаешь въ краскахъ, ты не можешь отличить двухъ оттѣнковъ зеленой краски, не знаешь, сколько надо прибавить желтой, бѣлой, чтобъ получить тотъ или другой оттѣнокъ, ты не умѣешь вымыть кисть, ты, наконецъ, не въ состояніи нарисовать контуръ самой примитивной фигуры. Но это не мѣшаетъ тебѣ правильно оцѣнить достоинство картины...

— Это онъ мнѣ льститъ за то, что я хвалю его картины!—мимоходомъ вставилъ Скорбянскій.

— Не говори глупости. Я утверждаю: можетъ быть, эта музыка съ точки зрѣнія профессора консерваторіи никуда не годится, но намъ это рѣшительно все равно, ибо мы не собираемся исполнять ее въ симфоническихъ концертахъ... Но это музыка — народная, въ ней есть героизмъ, она будетъ понятна народу и она прекрасно иллюстрируетъ поэму. Вотъ все, что нужно...

— А ты не горячись!—сказалъ Скорбянскій:—мы еще посмотримъ, какъ ты самъ иллюстрировалъ поэму. Мы, братъ, судьи строгіе! Мы тебѣ тысячу рублей привезли, такъ, думаешь, такъ зря и дадимъ? Какъ бы не такъ!

— Тысячу рублей? Да неужто? — весь просіявъ, спросилъ Вольтовъ.

— Именно. Вотъ Вольдемаръ привезъ...

— Спасибо! Это недостаточно, но... но спасибо!.. Но откуда?—съ нѣкоторомъ смущеніемъ спросилъ онъ.

— Наши собственные! А ты думалъ—отъ Спонтанѣева? Нѣтъ, братъ, отъ меценатовъ не поживишься. Наши собственные. Его, Вольдемара, деньги, а мои—добрыя пожеланія...

— Спасибо, спасибо! Это—гораздо лучше... Дѣло можно будетъ поставить такъ, что оно возвратитъ затраты...

— Я на это вовсе не разсчитываю!—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Но ты уже кончилъ работу?—спросилъ Скорбянскій.

— Онъ уже началъ другую!—отвѣтила за него Березова.— Это я ему посовѣтовала.

— Другую? Какую же?

— Онъ теперь пишетъ былины...

— Какъ былины? Ты стихи сочиняешь?

— Нѣтъ, я стараюсь воспроизвести богатырей въ рядѣ типовъ и сценъ...

— Отличная мысль! Вотъ неукротимый человѣкъ! Ты меня много утѣшаешь, доказывая своей особой, что есть на свѣтѣ люди послѣдовательные. И что жъ, выходитъ?

— Пока еще не могу судить. Я еще только приступилъ къ этюдамъ... Ахъ, да!—вдругъ, звонко разсмѣявшись, прибавилъ онъ,— читалъ я, что у васъ, въ Петербургѣ, затѣяли народную выставку... Ха, ха, ха!

— Чему жъ ты смѣешься, злой человѣкъ?

— Какъ чему? Да вѣдь это смѣшно, это гомерически смѣшно! Они собрали кучу разныхъ „свиданій“ и „встрѣчъ“, насовали туда десятокъ „историческихъ“ эпизодовъ изъ той исторіи, которая народу и не снилась, прибавили кондитерскихъ пейзажей, какихъ въ природѣ не бываетъ, и при этомъ все это изъ остатковъ, залежавшихся въ мастерскихъ, и воображаютъ, что этимъ могутъ тронуть народъ и сказать ему что-нибудь... Господа, если вамъ скучно, то устраивайте себѣ какія вамъ угодно забавы, но не путайте сюда народъ! Онъ здѣсь ни при чемъ. Для народа, если вы дѣйствительно хотите дойти до него, до его ума и сердца, надо поработать особо... А они хотятъ однимъ и тѣмъ же товаромъ и деньгу зашибить, то-есть, продать его меценату въ гостиную, и народъ занять!..

— Экій ты строгій судья!

— А знаете, онъ правъ!—сказала Березова.

— Да онъ у насъ всегда правъ, только снисходительности къ нашимъ слабостямъ въ немъ незамѣтно!..—промолвилъ Скорбянскій.

— О, снисходительности сколько угодно! Но это уже совсѣмъ другой вопросъ и это вѣдь не мѣняетъ дѣла!..—отвѣтилъ Вольтовъ.

Чай уже давно былъ выпитъ. Дѣти сидѣли за столомъ и на лицахъ у нихъ выражались скука и нетерпѣніе. Березова замѣтила это и предложила встать и выпустить дѣтей на снѣгъ. Всѣ поднялись.

Глава VIII.

Дѣтей выпустили во дворъ и дали имъ въ руководители ту самую бабу, которая первая появилась изъ кухни, и они съ эн-

тузіазмомъ занялись снѣгомъ. Уже черезъ полчаса тѣ самыя собаки, которыя прежде грозили растерзать ихъ, очень близко сошлись съ ними и принимали дѣятельное участіе въ игрѣ.

Всѣ отправились къ Вольтову, въ его флигель. Это была совсѣмъ отдѣльная постройка, закрытая отъ главнаго дома высокими тополями. Флигель состоялъ изъ пяти комнатъ, но Вольтовъ занималъ только одну очень большую комнату, приспособленную подъ мастерскую. Здѣсь стояла кровать, диванчикъ, столъ, нѣсколько стульевъ. Въ комнатѣ было тепло. Но зато, когда отворили дверь въ другія комнаты, изъ нихъ повѣяло холодомъ.

Въ этихъ комнатахъ мебели вовсе не было. Вольтовъ превратилъ ихъ въ картинную галлерею. Помимо большихъ законченныхъ картинъ, которыя висѣли на видныхъ мѣстахъ, здѣсь было множество этюдовъ къ нимъ, представлявшихъ большой интересъ. По нимъ можно было видѣть, какъ Вольтовъ добивался той экспрессіи, которой достигъ въ картинахъ.

Еруcланъ дѣйствительно былъ совершенно законченъ, и зрители съ глубокимъ вниманіемъ переходили отъ картины къ картинѣ. Въ цѣломъ—это производило впечатлѣніе чего-то свѣжаго и въ высшей степени самобытнаго.

— Ну, и молодчина же ты, Вольтовъ!—воскликнулъ Матвѣй Ивановичъ, трепля его по плечу.—Я думалъ, что ты все только болтаешь, а ты вонъ что создалъ! Нѣтъ, рѣшительно ты у меня не дуракъ! Какъ находишь, Вольдемаръ?

— Я нахожу это превосходнымъ!..—отвѣтилъ Бертышевъ.

— А еще цѣлая галлерея богатырей будетъ! — промолвилъ Вольтовъ, и глаза его сіяли дѣтской радостью по поводу того, что его картины произвели впечатлѣніе.—Конечно,—продолжалъ онъ, — это значительно удорожаетъ предпріятіе, но зато оно будетъ полнѣе...

— А какую сумму, приблизительно, нужно, чтобы начать дѣло?—спросилъ Владиміръ Николаевичъ.

— У меня это точнѣйшимъ образомъ высчитано. Я вамъ покажу... Раньше, когда предположенъ былъ только Еруcланъ, можно было обойтись на первое время тремя тысячами. Но богатыри—ихъ будетъ много, съ ними меньше, какъ въ пять тысячъ не обернешься... Ужъ и то музыкальную часть приходится отсюда выдѣлить...

— А какъ же съ музыкой?

— Это я беру на свой страхъ!—сказала Березова.—Видите ли, у меня уже есть небольшой оркестръ. Это все—крестьяне здѣшніе, между ними есть превосходные музыканты...

— Но все же ихъ нужно содержать, возить...

— Ну, содержать ихъ не дорого стоитъ. Они ѣдятъ вѣдь

дешево. А ѣздить они будутъ на лошадяхъ, которые пойдутъ за обозомъ...

— Разумѣется, этой суммы будетъ достаточно на первое время. Но при расширеніи дѣла, понадобится и больше денегъ. Но я надѣюсь, что ваша богатая интеллигенція скоро раскуситъ всю важность этого дѣла и многіе захотятъ принять участіе. Въ особенности же я разсчитываю на художниковъ. Сколько между ними есть благородныхъ людей, которые понимаютъ народную душу и хотѣли бы что-нибудь сдѣлать для народа, но они сбиты съ толку и пишутъ вычурныя картины на выдуманныя темы. Есть даже художники изъ народа, а что они даютъ? Они стараются занять высшіе классы сюжетами изъ народной жизни и пишутъ въ сантиментальномъ родѣ разные проводы новобранцевъ, расправу съ конокрадами и тому подобное, что въ жизни дѣлается совсѣмъ не такъ картинно, а гораздо грубѣе и проще...

— А развѣ вы не думаете,—спросилъ Бертышевъ,—что это предпріятіе, какъ всякое другое, должно окупать себя?

Вольтовъ скептически покачалъ головой.

— Я какъ-то лѣтомъ наблюдалъ одинъ ничтожный случай, который, однако, навелъ меня на размышленія. Тутъ былъ арендаторъ сада. Жилъ онъ все лѣто съ семьей въ шалашѣ весьма сомнительнаго качества и наблюдалъ за произрастаніемъ яблокъ, а потомъ, когда яблоки созрѣли, продавалъ ихъ партіями, отсылая въ Москву. Я часто заходилъ къ нему въ шалашъ, и мы толковали о разныхъ дѣлахъ. Однажды при мнѣ пришелъ къ нему мужикъ съ деревни, мужикъ очень почтеннаго вида. Мужика этого я зналъ. Онъ на селѣ считается хорошимъ хозяиномъ да и по виду ничего себѣ. Пришелъ онъ и говоритъ: хочу, говоритъ, у тебя гостинцевъ купить для дѣтей. Всякій разъ, какъ прихожу домой, дѣти пристаютъ: дай яблочка! Ну, гналъ я ихъ, гналъ и, наконецъ, рѣшился. Давай десятокъ яблоковъ! Арендаторъ говоритъ: Что жъ, ладно, бери, коли надо, Семенъ Иванычъ! — Такъ мужика звали.—А почемъ?—спрашиваетъ мужикъ.—Смотря, какой сортъ! — А самый дешевенькій, лишь бы жевать можно было. Арендаторъ отыскалъ дешевый сортъ и объявилъ: вотъ эти—по четыре копѣйки за десятокъ.—Дорого!—говоритъ мужикъ,—несходно. Ты, говоритъ, возьми двѣ копейки! Арендаторъ не можетъ и начинаетъ объяснять ему, почему не можетъ.—Видишь ты,—говоритъ онъ, — ежели я повезу въ городъ и продамъ на пудъ, то возьму столько-то, а въ пудѣ вотъ сколько десятковъ, слѣдовательно, даже по оптовой цѣнѣ за десятокъ я возьму больше трехъ копѣекъ. Какъ же я тебѣ могу продать за двѣ? Самъ посуди! Мужикъ, съ своей стороны, приводитъ длинныя возраженія:—такъ вѣдь въ городъ тебѣ еще надо везти, оно и провозъ что-

нибудь стоитъ и безпокойство... Да въ городѣ еще надо купца найти, а ежели не найдешь, то и назадъ вези. А тутъ я самъ пришелъ и взялъ.—Да купца мнѣ искать не надо, купецъ у меня готовый...—возражаетъ арендаторъ.—Ты вотъ что, Семенъ Ивановичъ, намъ съ тобой расходиться не къ чему. Я тебѣ отдамъ за три копейки, и то собственно для тебя, такъ какъ ты мужикъ почтенный.—Не сходно, намъ, не сходно!—артачится мужикъ.—Какъ же оно такъ зря проѣсть деньги... Ты вотъ что: я дамъ тебѣ три копейки, а только ты мнѣ двѣ шестерки отпусти. —Нѣтъ, много будетъ, въ убытокъ! и состязаніе это длилось добрыхъ полчаса...

— И чѣмъ же кончилось?—спросила Вѣра Петровна.

— Мужикъ подался на десятокъ съ придачей одного, то-есть, на одиннадцать и арендаторъ согласился отдать ему это за три копейки. Потомъ онъ отсчиталъ ему одинадцать яблоковъ, а мужикъ вынулъ изъ-за-пазухи платокъ, развязалъ узелокъ и досталъ изъ него три копейки, а оставшуюся тамъ мѣдь опять завязалъ и платокъ положилъ обратно.

— Хорошо. Что же изъ сего слѣдуетъ?—спросилъ Скорбянскій.

— А вотъ погоди. Когда мужикъ ушелъ, я сказалъ арендатору: должно быть, скаредный мужикъ этотъ Семенъ Ивановичъ! Арендаторъ говоритъ: зачѣмъ скаредный? Нисколько. Мужикъ, какъ мужикъ!—Да помилуйте,—говорю я,—онъ изъ-за копейки торговался полчаса! — А что жъ, говоритъ, изъ-за копейки? Копейка въ мужицкомъ быту — деньга большая. Это у васъ, въ городѣ, говорятъ копейка ничего не значитъ, даже и не замѣчается. Господа мужикамъ на водку даютъ по двугривенному, такъ ужъ гдѣ же тутъ смотрѣть на копейку! А мужикъ, прежде чѣмъ истратить копейку, сто разъ почешетъ затылокъ... Я разсказалъ это къ тому, что разсчитывать на плату со стороны мужика, а въ особенности за предметъ, который не входитъ въ его обычные разсчеты, нельзя. Двѣ-три копейки намъ кажутся чѣмъ-то ничтожнымъ, а для него это — сумма. Быть можетъ, впослѣдствіи, когда это войдетъ въ кругъ его потребностей, какъ вошло уже у интеллигенціи, онъ и станетъ платить что-нибудь, а теперь—назначить плату, это значитъ—умышленно уменьшать число посѣтителей, т. е. вредить своей собственной задачѣ.

День они употребили на осмотръ того, что было при имѣніи. Хозяйство у Березовой было небольшое, но велось довольно аккуратно, подъ ея личнымъ надзоромъ. Штукъ десять коровъ, сотня овецъ, домашняя птица, шестерка лошадей; этимъ почти исчерпывался живой инвентарь, по крайней мѣрѣ, въ зимнее время.

Завтракъ и обѣдъ заставили ихъ навѣдываться въ домъ. Не будь этого, они съ удовольствіемъ провели бы весь день на воз-

духѣ. Яркое солнце, какого въ Петербургѣ зимой никогда не бываетъ, смягчало суровость мороза. Движеніе согрѣвало ихъ.

Когда наступилъ вечеръ, подулъ вѣтеръ и морозъ сталъ крѣпче, пришлось идти въ домъ, и всѣ выразили сожалѣніе. Послѣ вечерняго чая Вѣра Петровна уложила дѣтей спать. Тогда Березова съ нѣсколько смущеннымъ видомъ сказала:

— Если хотите, господа, я васъ познакомлю съ музыкой!

Всѣ выразили желаніе и отправились въ гостиную, гдѣ стоялъ новый рояль. Березова сѣла за инструментъ, поставила передъ собой ноты и вооружилась очками.

— Это будетъ вступленіе къ Еруслану!—предупредила она.

И началась музыка. Въ первое время она показалась всѣмъ странной. Это не походило на ту музыку, которую всѣ привыкли слышать въ театрахъ и концертахъ. Но по мѣрѣ того, какъ они вслушивались, все больше и больше выступалъ на первый планъ ладъ народной пѣсни, и самая пѣсня въ причудливыхъ сочетаніяхъ звуковъ являлась всюду. Съ нѣкоторой грубоватостью слышалось что-то героическое, то наивное, то поэтичное. Рѣшительно, въ этой музыкѣ присутствовали и талантъ, и оригинальность.

Когда кончилось вступленіе, гости начали громко и открыто высказывать одобреніе. Поощренная этимъ, Березова продолжала и играла безъ устали весь вечеръ. Вольтовъ постоянно врывался съ поясненіями изъ Еруслана, цитируя цѣлыя страницы.

— Господа,—сказалъ онъ, когда музыка къ Еруслану кончилась, — завтра мы перетащимъ сюда картины и будемъ ихъ смотрѣть съ музыкой. Посмотримъ, насколько это усилитъ впечатлѣніе. Жаль, что теперь нельзя собрать оркестръ!

— Собрать можно, но разучивать надо! Они довольно туго разучиваютъ!—промолвила Березова.—А, впрочемъ, съ нѣкоторыми нумерами я ихъ уже познакомила...

— И завра можно устроить?

— Можно. Они теперь свободны отъ полевыхъ работъ. На печкѣ сидятъ!

— О, это великолѣпно!.. Значитъ, можно позвать стариковъ, чтобъ глядѣли на картины?

— И это можно.

— Очаровательнно!

Вольтовъ радовался, какъ ребенокъ. Да и гости были довольны, въ виду предстоящаго, столь необычнаго зрѣлища.

И. Потапенко.

(*Продолженіе будетъ*).

НОВАЯ ИСТОРІЯ XIX СТОЛѢТІЯ.

Alfred Stern. «Geschihte Europas seit den Verträgen von 1815». Berlin, Wilhelm Hertz. ч. I. 1894; ч. II. 1897.

Цюрихскій профессоръ исторіи Штернъ успѣлъ завоевать себѣ видное мѣсто въ ученомъ мірѣ. Его біографическіе труды о Мильтонѣ («Milton und seine Zeit», 2 тома, 1877—1879) и о Мирабо («Das Leben Mirabeaus», 2 части, 1889)—оригинальные вклады въ научную литературу. Когда Штернъ работалъ надъ первою частью біографіи Мильтона, въ его распоряженіи были первые томы капитальнаго труда Masson'a, точно также для перваго тома сочиненія о Мирабо онъ располагалъ почти половиной извѣстнаго сочиненія Loménie. Но стоитъ только внимательно сравнить труды Штерна съ трудами его предшественниковъ, и мы сейчасъ же увидимъ оригинальность его мысли и пера. Въ предисловіи къ біографіи Мильтона Штернъ характеризовалъ свой взглядъ на задачу историка и біографа въ слѣдующихъ словахъ: «*задача историка—показать свободу и необходимость въ ихъ отношеніяхъ, коллизіяхъ и взаимодѣйствіи, а біографія, часть исторіи, не можетъ имѣть другого закона*». Правда, онъ въ заключительныхъ словахъ біографіи Мирабо говоритъ: «Окидывая взоромъ бурную, но въ извѣстномъ отношеніи безуспѣшную дѣятельность народнаго трибуна, историкъ можетъ быть склоненъ придти къ заключенію, что *желѣзная необходимость событій—въ общемъ и цѣломъ сильнѣе дѣйствующей въ противность имъ воли сильнѣйшей единицы*», но этимъ авторъ хотѣлъ только опредѣлить трагическое положеніе Мирабо въ его стремленіяхъ наложить свою волю на ходъ революціи. Вообще Штернъ избѣгаетъ дѣлать смѣлыя обобщенія, выводить общія правила, законы. «Изъ массы фактовъ, которые онъ могъ бы втиснуть въ свое изложеніе, онъ съ большимъ искусствомъ выбираетъ наиболѣе характерные, давая такимъ образомъ читателю готовый матеріалъ для характеристики», такъ опредѣляетъ одинъ критикъ методъ Штерна.

Въ коллективномъ историческомъ изданіи Онкена «Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen» на долю Штерна выпала «Исторія англійской революціи» (Берлинъ, 1881 г.). Руководясь взглядомъ, что «въ рамкахъ всеобщей исторіи, въ сравненіи съ французской революціей,

англійская должна занимать болѣе скромное мѣсто» (Введеніе, стр. 2), авторъ написалъ сжатую исторію этой эпохи, но зато съумѣлъ показать свой блестящій литературный талантъ. Кромѣ другихъ многочисленныхъ работъ, напечатанныхъ преимущественно въ нѣмецкихъ и французскихъ спеціальныхъ журналахъ («Historische Zeitschrift», «Revue Historique», «Deutsche Zeitschrift fur Geschichtswissenschaft» etc.), какъ бы введеніемъ къ его капитальной исторіи Европы могутъ послужить изданная имъ «Abhandlungen und Aktenstücke zur Geschichte der preussischen Reformzeit. 1807—1815» (Берлинъ. 1885). Въ этомъ трудѣ Штернъ успѣлъ освѣтить выдающіеся моменты въ новѣйшей эпохѣ прусскихъ преобразованій. Самымъ интереснымъ отдѣломъ этой книги является его документальное, совершенно новое изслѣдованіе дѣятельности «Landesrepräsentation 1812 — 1817 гг.» и «Исторія прусскаго конституціоннаго вопроса 1807 — 1815 гг.». Въэ той работѣ Штернъ показалъ, какимъ сильнымъ инстинктомъ историка онъ обладаетъ. Ему удалось доказать, вопреки поверхностнымъ утвержденіямъ реакціонныхъ историковъ, что этотъ опытъ «представительнаго учрежденія», какъ вообще первые моменты конституціонныхъ стремленій въ литературѣ и въ обществѣ Германіи, былъ серьезнымъ историческимъ продуктомъ, надъ которымъ, правда, реакціоннымъ усиліямъ феодальныхъ и бюрократическихъ элементовъ удалось одержать временную побѣду.

И до появленія первыхъ томовъ исторіи Европы личность Штерна, какъ человѣка и писателя, довольно ясно характеризовалась его сочиненіями, но въ послѣднемъ сочиненіи, его лучшей работѣ, она выступаетъ рельефнѣе. Стоитъ намъ провести параллель между нимъ и Трейчке, а это невольно будетъ дѣлать всякій, читая послѣдній трудъ Штерна, и мы увидимъ, на сколько Трейчке, являясь горячимъ защитникомъ опредѣленныхъ политическихъ идеаловъ, не былъ въ состояніи видѣть людей и факты въ ихъ настоящемъ историческомъ свѣтѣ, и насколько Штернъ, перенося всѣ свои симпатіи на сторону прогрессивно-культурныхъ моментовъ, въ то же самое время строго критически умѣетъ относиться къ преждевременнымъ попыткамъ и къ опередившимъ свое время новаторамъ, объективно оцѣнивая достоинства учрежденій, которымъ онъ самъ не симпатизируетъ.

Не смотря на то, что наше столѣтіе находится на закатѣ, мы не имѣемъ ни одного цѣльнаго историческаго труда, который бы вполнѣ удовлетворялъ хотя бы и не очень строгимъ требованіямъ. Сочиненіе Гервинуса, проникнутое одностороннимъ доктринернымъ либерализмомъ, устарѣло; исторія Файфа слишкомъ сжата; изданію Онкена недостаетъ единства концепціи, а публикація Лависса и Рамбо «Histoire générale» тоже хромаетъ не мало въ этомъ отношеніи. Зато историческая литература отдѣльныхъ періодовъ и отдѣльныхъ моментовъ нашего столѣтія слишкомъ богата, и надо имѣть не мало смѣлости и самоувѣ-

ренности, чтобы приняться за такую работу, какъ исторія Европы въ XIX вѣкѣ.

Для первыхъ двухъ томовъ, кромѣ напечатаннаго матеріала, Штернъ, изучалъ особенно дипломатическую переписку, находящуюся въ государственныхъ архивахъ Вѣны, Парижа, Берлина и т. д. Во многомъ автору, конечно, пришлось опираться на блестящіе труды своихъ предшественниковъ, историковъ Англіи, Франціи, Германіи и т. д. Но зато, благодаря новымъ документамъ, ему удалось во многомъ освѣтить новыя стороны въ взаимныхъ европейскихъ отношеніяхъ. Главная заслуга Штерна это — уголъ зрѣнія, подъ которымъ онъ наблюдаетъ судьбы европейскихъ государствъ, это — его общая постановка вопроса, оригинальная и вполнѣ самостоятельная. «Достаточно бросить взглядъ на конституцію и кодексы эпохи 1815—1871 г.г.,—говоритъ онъ во «Введеніи»,—чтобы увидѣть, какъ традиціонныя права постепенно теряютъ свое господствущее значеніе, и какъ мало-по-малу государственныя права и обязанности распространяются въ средѣ новыхъ общественныхъ классовъ. Во внѣшней и внутренней политикѣ пробиваетъ себѣ путь демократическая идея, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, и, не смотря на препятствія и противодѣйствія, вызываетъ самыя сильныя измѣненія прежнихъ условій. Громадное различіе между тѣмъ, что̀ было и что̀ стало, еще яснѣе видно изъ экономическихъ и соціальныхъ переворотовъ, которые подготовляли почву новымъ политическимъ формамъ. «Столѣтіе естественныхъ наукъ» вызвало эти культурныя измѣненія и, несмотря на національныя различія, существуетъ мощное интернаціональное общеніе идей и интересовъ въ Европѣ. Правда, бываютъ моменты, когда раздраженная національная гордость или же злобный фанатизмъ стушевываютъ черты этого духовнаго единства европейскихъ народовъ, но эти пароксизмы проходятъ, и господствующую роль начинаютъ опять играть произведенія искусствъ и наукъ. Наступаютъ даже великіе рѣшительные моменты, когда въ исторіи XIX вѣка *общественное мнѣніе* пріобрѣтаетъ силу и увлекаетъ неудержимо даже тѣхъ, кто ему сопротивляется». Эти вступительныя мысли введенія, рисуемая авторомъ перспектива—достаточно характеризуютъ взглядъ Штерна на исторію XIX вѣка, давая намъ возможность сразу опредѣлить, на что онъ больше всего обращаетъ вниманіе, съ какой точки зрѣнія разсматриваетъ эволюцію нашего столѣтія и въ чемъ видитъ залогъ его культурнаго прогресса.

Первый томъ посвященъ эпохѣ послѣ вѣнскаго конгресса и торжеству реакціи, второй—революціоннымъ движеніямъ на Пиренейскомъ, Апеннинскомъ и Балканскомъ полуостровѣ. Въ мастерскомъ очеркѣ происхожденія романтизма авторъ изображаетъ реакцію литературы противъ искусственной деспотической ломки Наполеона, который явился сильнѣйшимъ и могущественнѣйшимъ піонеромъ раціоналистическихъ революціонныхъ стремленій XVIII вѣка. Его завоеванія служили непо-

средственно или посредственно дѣлу революціи. Его деспотизмъ драпировался мантіею «господства разума». Повсюду онъ стремился разорвать историческую связь, повсюду создать однообразный порядокъ вещей на развалинахъ обреченныхъ гибели общественныхъ формъ. Но безпощадный побѣдитель щадилъ живое такъ же мало, какъ и отжившее. Преисполненный вѣры въ свою космополитическую миссію, онъ вздумалъ стать выше правъ языка и народности. Презирая идеологовъ, онъ стремился при помощи внѣшнихъ средствъ властителя наложить цѣпи на нравственныя силы... Но вотъ случилось, что носители духовныхъ идеаловъ взбунтовались противъ господства хваленаго разума. Они опять преклонились предъ традиціонными чарами исторіи. Они отвергли искусственно созданное и превознесли естественно развившееся. Паролемъ многихъ стало «естественное развитіе» вмѣсто сознательныхъ конструкцій. Въ ихъ глазахъ исчезла организаторская воля отдѣльнаго лица, они вперили свой взглядъ въ безсознательное творчество всеобщаго духа. Первобытное, дѣтское, сказочное привлекало ихъ... Царство романтизма наступило.

Не смотря на то, что по почину Таллейрана вѣнскій конгрессъ проникся благоговѣйными чувствами «легитимизма», въ рѣшеніяхъ его представителей не только не видно и слѣда этой освободительной реакціи, но, напротивъ, въ нихъ восторжествовали принципы низвергнутаго титана, для котораго исторія и историческія права народовъ были пустымъ звукомъ. Вѣнскій конгрессъ, подобно Наполеону, говоря словами Мекинтоша, создалъ «искусственныя, мертвыя машины подъ названіемъ націй», и вся исторія 1815—1871 г.г. какъ бы состояла въ значительной степени въ постепенномъ распаденіи этихъ искусственныхъ созданій.

Переходя къ исторіи Франціи эпохи реставраціи, Штернъ находитъ, что отсутствіе органовъ самоуправленія было главною помѣхою успѣхамъ конституціонной дѣятельности. «Громадная пропасть зіяла между неограниченною администраціею и парламентомъ», и Шатобріанъ пророчески предсказалъ въ 1816 г. («De la monarchie selon la charte», стр. 195), что въ одинъ прекрасный день королевскіе ордонансы конфискуютъ всю конституціонную хартію. Во второмъ томѣ Штернъ доводитъ разсказъ событій до торжества ультрареакціонныхъ элементовъ.

Главы, относящіяся къ исторіи Австріи и Германіи, однѣ изъ самыхъ интересныхъ. До сихъ поръ главнымъ источникомъ служила «Исторія Германіи въ XIX столѣтіи» Трейтчке. Это талантливое сочиненіе, написанное увлекательнымъ языкомъ, плодъ самыхъ детальныхъ изслѣдованій, послужило не мало къ распространенію самыхъ нелѣпыхъ взглядовъ, тѣмъ болѣе, что авторъ нерѣдко высказываетъ и самыя горькія истины. Такъ, напр., онъ категорически заявляетъ, что, разъ южно-германскимъ государствамъ удалось сноснымъ образомъ приспособиться къ парламентскому образу правленія, то и Прус-

сія могла бы тоже успѣть въ этомъ, чѣмъ бы спасла корону отъ позора, который ей пришлось пережить въ 1848 г.—«ein preussischer Landtag zur rechten Zeit berufen konnte der Krone die Schmach des Jahres 1848 ersparen» (III, 99). Но Трейтчке относился совсѣмъ неблагосклонно къ представительному образу правленія; по его мнѣнію, «роковой недостатокъ большихъ политическихъ собраній состоитъ въ томъ, что они притупляютъ чувство права, такъ какъ отвѣтственность распредѣляется между многими; дипломатическіе конгрессы и парламенты легче поступаютъ безсовѣстно, чѣмъ отдѣльные государственные мужи» (Treitschke, III, 164). А такъ какъ, по вѣрному выраженію Штерна, исторія нашего столѣтія состоитъ въ постепенномъ торжествѣ представительныхъ учрежденій, въ постепенномъ расширеніи представительныхъ правъ національностей и классовъ, то понятно, почему все сочиненіе Трейтчке, написанное подъ такимъ односторонне-«скептическимъ» угломъ зрѣнія выставляетъ въ фальшивомъ свѣтѣ всю новѣйшую исторію, особенно когда рѣчь идетъ о расширеніи правъ народнаго самоуправленія, общественнаго мнѣнія, о протестѣ свободной мысли противъ исключительныхъ сословныхъ или классовыхъ привилегій. Вотъ почему, основанное на изученіи документовъ и богатой брошюрной и газетной литературы изложеніе конституціоннаго движенія въ Германіи послѣ эпохи освободительныхъ войнъ у Штерна такъ діаметрально расходится со всею концепціею Трейтчке.

Формулою новыхъ политическихъ стремленій, по мнѣнію Штерна, явились пророческія слова Арндта: «Исторія не возвращается назадъ, и человѣкъ не можетъ стать тѣмъ, чѣмъ онъ былъ... всѣ государства, даже тѣ, которыя не стали еще демократіями, съ каждымъ столѣтіемъ все болѣе и болѣе демократизуются» (I, 285). Вся послѣдующая внутренняя и внѣшняя политическая жизнь Пруссіи, въ значительной степени и всей Германіи и Австріи концентрируется въ § 13 германскаго «союзнаго акта» (Bundesakte) отъ 8—20 іюня 1815 года, въ которомъ германскимъ государствамъ торжественно обѣщано было дать конституцію: «In allen Bundesstaaten wird eine landesständische Werfassung stattfinden». Лучшіе писатели и ученые требовали представительнаго правленія: Велькеръ, Роттенъ, Гёрресъ, Варнгагенъ, Фейербахъ. Въ этомъ общегерманскомъ общественномъ движеніи выдѣляются два теченія: въ Южной Германіи, гдѣ сильнѣе вліяли абстрактныя теоріи французской политической литературы, связь съ прошлымъ сильнѣе была порвана, зато въ Сѣверной-Германіи, гдѣ сохранились полусредневѣковые экономическіе и сословные порядки, начало преобладать стремленіе ввести англійскую форму представительнаго правленія. Въ этомъ отношеніи характерна литературная дѣятельность профессора Дальмана, желавшаго приспособить англійскую конституцію къ національнымъ и историческимъ условіямъ германской общественной жизни.

Въ высшей степени интересна анкета, которую предприняло тогда

правительство. Чтобы узнать настроеніе народа и общества относительно необходимости введенія конституціоннаго правленія, Гарденбергъ послалъ въ 1817 г. Альтенштейна въ Вестфалію и на Рейнъ, Клевица въ Саксонію, Силезію, Познань, Бранденбургъ, Бейма въ Померанію и Западную и Восточную Пруссію. На основаніи документовъ Берлинскаго архива, Штернъ въ 1893 г. напечаталъ исторію этой анкеты въ «Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (IX, 62—102). На результаты анкеты повліяло, во-первыхъ, то обстоятельство, что одинъ изъ посланныхъ былъ настроенъ противъ представительнаго правленія, и, во-вторыхъ, требованіе Гарденберга, чтобы были распрошены только «благонамѣренные элементы» (Wohlgesinnte). Альтенштейнъ пришелъ къ заключенію, что, по крайней мѣрѣ, въ западной части монархіи требуютъ, чтобы народу дано было обѣщанное право принимать участіе въ законодательствѣ чрезъ общегосударственныхъ представителей. Беймъ и Клевицъ убѣдились, что между крестьянскими элементами сильнѣе всего требованія представительнаго правленія. Маршалъ Йоркъ категорически требовалъ, чтобы король исполнилъ обѣщаніе дать конституцію. Въ одной докладной запискѣ къ королю отъ 16-го сентября 1817 г. краснорѣчиво защищалась идея парламентарнаго правленія: «Пруссія была велика въ борьбѣ съ Франціею, не благодаря механизму и лихорадочной дѣятельности административныхъ властей, какъ бы онѣ ни были раціональны, но благодаря единству духа и воли цѣлаго народа... Едва ли это единство долго продолжится. Отсутствіе общихъ интересовъ можетъ проявиться съ безпощадной силой при новой войнѣ... Правительство безъ конституціи не имѣетъ никакой возможности узнать настроеніе своего народа и не можетъ поэтому вліять на него... Народъ безъ конституціи, безъ любви къ ней—мертвая машина безъ духа, безъ силы, безъ жизни» («Adresse der Domanialbesitzer». Stern, прилож. IV, т. I, стр. 643 и сл.).

Оберъ-президентъ провинціи Познани еще энергичнѣе высказался въ одной докладной запискѣ. «Не мечтанія пламенной фантазіи,—говоритъ онъ,—не мимолетная мечта о свободѣ, подняли на ноги лучшихъ людей въ Германіи и заставляютъ ихъ предъявлять къ государю требованія,—разъ навсегда устранить все неопредѣленное и двусмысленное въ отношеніяхъ правителей къ ихъ подданнымъ, при помощи торжественнаго договора относительно взаимныхъ правъ и обязанностей. Эти мысли—плоды трезвыхъ, положительныхъ выводовъ изъ великихъ всемірныхъ событій; этими мыслями и народъ начинаетъ проникаться; всякое противодѣйствіе служитъ къ ихъ усиленію, и ничто не въ состояніи ихъ уничтожить. Время наступило! Надо только понять его духъ. Великія событія кроются въ нѣдрахъ будущаго... Пруссіи не имѣть соперниковъ, если она пойметъ задачу, выпавшую на ея долю». При всемъ томъ, конституціонныя стремленія не вызвали сильнаго дви-

женія въ Пруссіи, хотя въ Трирѣ, Кельнѣ, Кобленцѣ, Берлинѣ и т. д. къ королю предъявляли открытыя требованія конституціи. И Гнайзенау довольно мѣтко сказалъ: «Въ большихъ городахъ всѣ говорятъ о конституціи... въ провинціи почти нѣтъ о ней рѣчи; здѣсь только хотятъ одного— не находиться подъ постояннымъ страхомъ новыхъ податей» (Stern, I, 434—443).

Мало-по-малу выдвигается личность Меттерниха. Онъ стремится уничтожить вводимыя конституціи въ южно-германскихъ государствахъ стремится не допустить введенія представительнаго правленія въ Пруссіи, сознавая ясно, на сколько «либерализмъ заразителенъ» и, боясь такимъ образомъ за Австрію и за успѣхъ ея хищнической политики въ Италіи. Въ дипломатической перепискѣ того времени между австрійскимъ и прусскимъ дворами, ясно формулированъ этотъ страхъ: итальянскіе карбонаріи (значитъ и ихъ интернаціональные единоплеменники) «стремятся къ объединенію и полной свободѣ». Меттернихъ проникся самообольстительнымъ догматомъ, что цѣль его жизни,—борьба съ революціей. Онъ самъ выразился, что «онъ чувствовалъ, какъ міръ покоится на его плечахъ», и патетически восклицаетъ при этомъ: «Почему между милліонами людей я одинъ долженъ мыслить, когда другіе бездѣйствуютъ, и писать, когда другіе не могутъ». Не съ презрѣніемъ и ненавистью, какъ Трейтчке, относится къ Меттерниху Штернъ. Онъ старается спокойно оцѣнить историческую роль, выпавшую на долю этого дипломата, про котораго Наполеонъ иронически сказалъ-было: «Господину Меттерниху немного недостаетъ, чтобы стать государственнымъ мужемъ: онъ вретъ прекрасно». «Между тѣмъ его образъ дѣйствій,—говоритъ Штернъ,—какъ это стало извѣстнымъ изъ архивныхъ документовъ, показалъ потомству, что человѣкъ, которому въ концѣ освободительныхъ войнъ Австрія обязана была такимъ положеніемъ, въ годы, послѣдовавшіе послѣ шейнбрунскаго мира, былъ нѣчто больше, чѣмъ политическій развратникъ (roué) и лжецъ. Меттернихъ былъ самымъ характернымъ воплощеніемъ ошибокъ и промаховъ эпохи послѣ вѣнскаго конгресса; онъ не понялъ, что нельзя истребить живого національнаго сознанія, свойственнаго народамъ, и что съ нимъ надо считаться. Не говоря уже объ Австріи, по отношенію къ Германіи и Италіи онъ возвелъ идею реакціи на степень государственнаго принципа и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе развивалъ эту самоубійственную политику. За это презрительное отношеніе къ національной идеѣ Германія отомстила Австріи еще сильнѣе, чѣмъ Италія».

Меттерниху постепенно удается стать на время руководителемъ судебъ европейскихъ народовъ, и онъ, подобно Наполеону, бѣснуется противъ безумныхъ требованій «идеологовъ», неспокойныхъ литераторовъ и профессоровъ. Болѣе чѣмъ умѣренный, Августъ-Вильгельмъ фонъ-Шлегель подаетъ въ отставку отъ профессуры въ Боннскомъ университетѣ, мотивируя ее тѣмъ, что «всегда лучше выскочить изъ

окна, чѣмъ быть изъ него выброшеннымъ» («weil es immer besser sei, zum Fenster hinauszuspringen, als hinausgeworfen zu werden»).

Мало-по-малу императоръ Александръ I началъ втягиваться въ этотъ водоворотъ реакціи. Даже послѣ убійства Коцебу Нессельроде писалъ: «Надо только взять за шиворотъ нѣсколько профессоровъ и легко можно будетъ подавить теперешнее минутное возбужденіе». Императоръ Францъ пишетъ тогда Александру, что только согласіе дворовъ можетъ спасти міръ отъ «крушенія всѣхъ соціальныхъ учрежденій». «Духъ безумія, постояннаго помѣшательства, который овладѣлъ массою лицъ въ Европѣ, сдѣлалъ громадные успѣхи въ Германіи. Клонящійся къ концу годъ болѣе чѣмъ въ сто разъ увеличилъ число заблудившихся». Однако Каподистріа въ одномъ разговорѣ съ Лебцельтеромъ напрямикъ ему заявилъ: «Вы подняли народъ противъ Наполеона, какъ виновника его страданій. Врагъ побѣжденъ, а между тѣмъ народъ очутился въ еще худшемъ положеніи, чѣмъ прежде». «Этотъ человѣкъ,—жаловался Меттернихъ Гарденбергу на Каподистріа—принадлежитъ къ категоріи людей, которые презираютъ положительныя знанія. Его область—абстракція».

Въ Германіи восторжествовала реакція, но зато «какъ противовѣсъ къ подозрительнымъ взглядамъ правительствъ, первоисточнику насильственныхъ законовъ и преслѣдованій, создалось согласіе свободномыслящихъ безъ различія національностей. Еще въ 1818 г. Беранже пѣлъ о «священномъ союзѣ народовъ противъ неблагодарныхъ королей», а годъ спустя Бёрне писалъ: «Дѣйствительно существуетъ заговоръ, развѣтвленный не только въ Германіи, но и въ цѣлой Европѣ. Заговорщики незнакомы между собою, не видятъ другъ друга, у нихъ нѣтъ условныхъ знаковъ, но они при всемъ томъ братья по убѣжденіямъ. Однако, этотъ союзъ не направленъ противъ верховной власти, но противъ злоупотребленія ею государственными мужами, онъ направленъ противъ беззаконнаго положенія вещей, противъ всякаго своеволія, и, вопреки всѣмъ полиціямъ, онъ достигнетъ своей цѣли».

Первымъ проявленіемъ этого инстинктивнаго союза послужили революціи на югѣ Европы. Этою перспективою заканчиваетъ авторъ первый томъ.

Эпоха южноевропейскихъ переворотовъ была эпохою охранительныхъ конгрессовъ. Усмирительницею Испаніи явилась Франція, Австрія умиротворяла Италію, и 100.000 русскихъ штыковъ были на готовѣ поспѣшить ей на помощь. Александръ все болѣе и болѣе склонялся на сторону энергичныхъ мѣръ Меттерниха и возмущался, видя, что ему не вполнѣ довѣряютъ. «Вы всѣ точно думаете,—жаловался онъ прусскому послу,—что у насъ заднія мысли». «Ваше величество и я,—писалъ Францъ Александру,—теперь единственные правители, свободные въ своихъ дѣйствіяхъ». Интересный документъ сообщаетъ Штернъ изъ эпохи конгресса въ Троппау, написанный Генцомъ по порученію Меттер-

ниха: «Mémoire du cabinet d'Autriche sur quelques mesures générales à adopter pour arrêter le progrès des révolutions». Меттернихъ желалъ, чтобы великія силы приняли эту «Garantieakte», которая подвергала критикѣ всякій конституціонный образъ правленія, какъ въ Англіи и Франціи. «Государства, которыя получили писанныя конституціи, благодаря болѣе или менѣе свободному рѣшенію своихъ государей, не болѣе гарантированы отъ (революціонной) бури, чѣмъ тѣ, въ которыхъ продолжаютъ существовать прежніе порядки». На экземплярѣ, хранящемся въ Парижскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, приписано рукою Pasquier: «Si l'Autriche veut mettre l'Europe et l'Allemagne spécialement en feu, elle n'a qu'à faire imprimer ce mémoire» (Stern II, 134—135).

На лайбахскомъ конгрессѣ Меттерниху удалось окончательно побѣдить Каподистріа и обворожить Александра. «Wenn jemand aus schwarz weiss geworden, so ist er es» («Если когда-нибудь случалось, чтобы кто-нибудь изъ черного сдѣлался бѣлымъ, то это онъ»), такъ выражался ликующій Меттернихъ объ Александрѣ. «Но какъ бомба прилетѣла неожиданная вѣсть о возстаніи грековъ, которое должно было повести къ распаденію сердечныхъ отношеній между Россіей и Австріей. Правда, вначалѣ императоръ Александръ заявилъ оффиціально, что греческій «бунтъ» (Revolte) есть «ракета, брошенная между Россіей и Австріей, чтобы не дать погаснуть огню либерализма», но это возстаніе грековъ, продуктъ возникшей въ глубинѣ народной жизни идеи, оказалось сильнѣе всѣхъ пророческихъ комбинацій дипломатіи и, наконецъ, разсѣяло общество усмирителей» (II, 182).

Въ то время, какъ греки боролись за свободу, Меттернихъ, сокрушивъ итальянцевъ, повелъ систематическую борьбу съ южно-германскими конституціонными государствами, кончившуюся его побѣдой въ Bundestag'ѣ. Прусскій король окончательно отказался исполнить свое обѣщаніе и Генцъ восхвалялъ его, какъ «спасителя Германіи и Европы». «Пруссіи недостаетъ только стать католическимъ государствомъ, чтобы быть вмѣстѣ съ нами самою сильною опорою міра; если континентальныя государства,—писалъ онъ Пилату,—желаютъ поддержать другъ друга, то верховнымъ закономъ союза должна быть цензура». Когда была запрещена газета «Deutscher Beobachter», онъ въ этомъ увидѣлъ событіе болѣе важное, чѣмъ завоеваніе Испаніи. Одинъ изъ клевретовъ Меттерниха нашелъ даже для борьбы съ общественнымъ мнѣніемъ болѣе раціональное средство, чѣмъ цензуру: «полицейскій надзоръ и конфискацію, которые дѣйствуютъ такъ же хорошо и часто еще лучше». Союзный совѣтъ во всемъ подчинялся этимъ требованіямъ. «Счастливо проглотилъ онъ вторую порцію карлсбадской воды», иронизировалъ торжествующій Генцъ. «До тѣхъ поръ, пока Австрія неразрывно соединена съ Пруссіей, въ Европѣ все возможно», писалъ

Меттернихъ прусскому королю въ отвѣтъ на его благодарственный рескриптъ.

Консервативная политика Австріи въ восточномъ вопросѣ, особенно въ царствованіе Франца, помогла Россіи сдѣлаться защитницей угнетенныхъ народовъ Турціи. «Россіи обязана была Сербія, Молдавія и Валахія поддержкою. Вліяніе Россіи на страны, которыя окружали почти всю юго-восточную границу Австріи, надолго оказалось господствующимъ. Россія стала надеждою раи» (I, 272 и сл.). Однако Меттернихъ упорно защищалъ полнѣйшій status quo Турціи. «Турки,—сказалъ онъ разъ,—наши удобнѣйшіе и вѣрнѣйшіе сосѣди. Они внушаютъ намъ такое сильное чувство безопасности, какъ будто бы ихъ пограничныя провинціи были для насъ океаномъ» (Bois-Le-Comte'a донесеніе къ Laferonnays изъ Лайбаха отъ 19 апр. 1821. Париж. арх. минис. иностр. дѣлъ). Что касается русской дипломатіи, то она всегда стремилась жить въ мирѣ съ европейскимъ концертомъ и, лишь доведенная до крайности, рѣшалась выступить энергичнѣе въ пользу угнетенныхъ Турціей православныхъ народовъ.

Отношеніе Каподистріа къ организаторамъ греческаго возстанія Штернъ считаетъ двуличнымъ. Зная прекрасно, что имп. Александръ всѣми силами поддержитъ «консервативно-легитимную» точку зрѣнія Меттерниха, Каподистріа надѣялся, что разгаръ освободительной войны заставитъ императора принять сторону возставшихъ. Жертвою этихъ комбинацій сдѣлался Ипсиланти, «молодой, мечтательный фанаріотъ, годный къ тому, чтобы поджечь мину, хотя бы съ опасностью быть взорваннымъ ею». Для Меттерниха возстаніе грековъ было дѣломъ безразсудныхъ революціонеровъ: «то, что̀ на западномъ берегу Адріатическаго моря заслуживаетъ наказанія, не можетъ остаться безнаказаннымъ на восточномъ. Триста, четыреста тысячъ повѣшенныхъ, задушенныхъ, посаженныхъ на колъ за нашею восточною границею не играютъ никакой роли». Общественное мнѣніе всей Западной Европы и Россіи казалось императору Францу дѣломъ атеистовъ. «Надо только бросить взглядъ на этихъ людей, которые теперь такъ горячо воодушевляются такъ-называемыми христіанскими интересами, чтобы тотчасъ же проникнуть въ ихъ затаенныя надежды. Въ Германіи, Италіи, Франціи, Англіи это тѣ же самые элементы, которые не вѣрятъ въ Бога и не уважаютъ ни божественныхъ, ни человѣческихъ законовъ», писалъ онъ имп. Александру. Узнавъ о существованіи тайнаго студенческаго общества въ Варшавѣ, имп. Александръ заявилъ въ февралѣ 1822 года австрійскому посланнику: «мнѣ, какъ и вамъ, извѣстна опасность, которая угрожаетъ соціальному строю, и я болѣе всего желаю мира». Роль историческаго Яго успѣшно была съиграна Меттернихомъ. Каподистріа, которому на время удалось воодушевить государя въ пользу грековъ, долженъ былъ сойти со сцены. «Онъ умеръ,—ликовалъ Меттернихъ,—а я не боюсь мертвыхъ и привидѣній!» А го-

сударь заявилъ: «и я могъ бы увлечься всеобщимъ энтузіазмомъ, но я никогда не упускалъ изъ виду нечистый источникъ греческаго возстанія и опасность, которая угрожала бы моимъ союзникамъ, если бы я вмѣшался. Эгоизмъ пересталъ быть основою поступка. Принципы нашего истинно-священнаго союза чисты» (Сообщеніе Hetzfeld'a. Арх. Берлинъ). Въ этихъ словахъ онъ какъ будто бы искреннно перефразировалъ то, что ему писалъ Меттернихъ годъ тому назадъ: «L'histoire, Sire, tient un compte bien autre des conquétes sur le terrain moral que de celles, qui n'ont pour but que la conquête de quelques provincesou la chûte des empires» (Вѣнск. арх. Stern, прилож. V, т. II, 561—563).

Однако Меттернихъ ошибся въ своихъ разсчетахъ. Общественное мнѣніе Европы пробудилось съ неслыханною силою. Готтфридъ Келлеръ, отецъ котораго былъ однимъ изъ самыхъ рьяныхъ филэллиновъ, прекрасно характеризуетъ этотъ подъемъ духа въ своемъ романѣ «Der grüne Heinrich»: «борьба грековъ за свободу въ первый разъ разбудила заснувшій духъ народовъ и напомнила, что дѣло свободы дѣло всего человѣчества». То, что тысячи чувствовали, Бетховенъ увлекательно высказалъ въ своей музыкѣ къ «Аѳинскимъ руинамъ» десять лѣтъ предъ сформированіемъ батальона филэллиновъ. Ученый Praeceptor Bavariae Thiersch, лейпцигскій философъ Кругъ, наслѣдникъ баварскаго престола, вюртембергскій король, пѣвецъ Вильгельмъ Мюллеръ, цѣлая Германія и Швейцарія подняли голосъ въ пользу угнетеннаго народа. А послѣ ужасной катастрофы на о-вѣ Хіосѣ англичане отбросили въ сторону боязнь русскаго вмѣшательства и стремленіе сохранить турецкую имперію въ цѣлости. По стопамъ англичанъ пошли французы, и въ 1826 г. къ ужасу Меттерниха самъ прусскій король принялъ участіе въ подпискѣ въ пользу грековъ, давъ имъ отъ имени «неизвѣстнаго» («ungenannt») 1.200 фридрихсдоровъ. «Бурный потокъ взорвалъ всѣ плотины», признался, тяжело вздыхая, Шукманнъ въ отвѣтъ на увѣщанія Меттерниха косвеннымъ образомъ образумить короля. «Въ Стокгольмѣ и Эдинбургѣ, въ Гагѣ и во Флоренціи повсюду тысячи чувствовали біеніе пульса времени. Консерваторы и либералы, вѣрующіе и невѣрующіе соединялись тамъ, гдѣ вообще чувство невольно пробивалось наружу. Въ первый разъ послѣ протеста противъ наполеоновской тираніи опять проявилось общеевропейское общественное мнѣніе». «Отвѣтомъ на греческій вопросъ о свободѣ служилъ вопль народовъ», воскликнулъ Грильпарцеръ, «и правительства не могли надолго остаться глухими» (II, 493).

Пока кипѣла война, для Меттерниха греческое возстаніе казалось «проблемой, которую можетъ разрѣшить лишь мудрость Провидѣнія». На свиданіи Франца съ Александромъ въ Черновицѣ, въ октябрѣ 1823 г., государь сознался, что онъ долженъ бороться съ мощнымъ потокомъ, но онъ категорически заявилъ: «Если бы разгорѣлась война, конечно, не противъ революціи и революціонеровъ, то она могла бы

угрожать существованію всѣхъ правительствъ. Я боюсь ее, потому что разсматриваю ее какъ несчастіе для Европы... Да,—добавилъ онъ,—если бы всеобщій интересъ требовалъ не терпѣть болѣе турокъ въ Европѣ, то я былъ бы готовъ всѣми силами помогать ихъ изгнанію. Но самъ я никогда не нападу на нихъ».

Правда, Александръ предложилъ державамъ скромную программу дѣйствій, но этимъ онъ возбудилъ противъ себя и грековъ, и турокъ. Видя все-таки энергичное стремленіе Россіи провести свою программу, Меттернихъ предложилъ только для виду свою болѣе либеральную программу независимости Греціи исключительно, чтобы напугать турокъ и сдѣлать ихъ болѣе уступчивыми. Предлагая объявить Морею и острова Архипелага независимыми, онъ конфиденціально сообщаетъ Lebzeltern'у: «одинъ только этотъ шагъ можетъ произвести дѣйствіе на Порту... Онъ не опасенъ, потому что менѣе всего желателенъ для русскаго кабинета». Застигнутый врасплохъ, Нессельроде протестовалъ противъ отступленія Австріи отъ «корректныхъ принциповъ»: «не этого желаетъ Россія. Она желаетъ, чтобы греки вернулись въ зависимость отъ султана, но чтобы имъ гарантированы были обезпеченное существованіе и административная независимость». Это было, по выраженію Генца, «неоцѣнимымъ заявленіемъ». «Если, дѣйствительно, русское правительство останется ему вѣрнымъ и при всемъ томъ будетъ стремиться къ войнѣ, то, по мнѣнію Меттерниха, оно покажетъ всему свѣту, что дѣло грековъ для него только предлогъ, но главная цѣль—это скрытое стремленіе изгнать турокъ изъ Европы». Меттерниху удалось распространить свое вліяніе на французское и англійское правительство. Изъ Парижа онъ пишетъ въ апрѣлѣ 1825 г.: «Въ данный моментъ никто, кромѣ меня, не играетъ здѣсь политической роли. Всѣ стоятъ передо мною, какъ губки, готовыя всасывать мои идеи». А турецкое правительство гордо и цинично заявило русскому представителю: «Греческій вопросъ наше внутреннее дѣло... Мы также ревниво бдимъ надъ нашею райею, какъ надъ нашими гаремами». Извѣстія съ поля битвы преисполняли Меттерниха радостью: «Die ganze Boutique wird in Bälde gesprengt werden». Однако съ восшествіемъ на престолъ императора Николая I политическая сцена получаетъ новый обликъ. Этому будетъ посвященъ третій томъ.

Stern художникъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Его характеристики извѣстный историкъ Филиппсонъ назвалъ «chef d'oeuvre'ами исторической портретной живописи», но еще замѣчательнѣе его сжатыя изображенія юридическихъ, хозяйственныхъ и т. д. эволюцій и ихъ вліянія на государственно-политическія отношенія. Демократъ до глубины души, Штернъ умѣетъ повсюду оставаться на высотѣ объективной критики. Невольно навязывается сравненіе съ капитальнымъ трудомъ Трейтчке «Нѣмецкая исторія», про который Филиппсонъ мѣтко сказалъ: «Niemals hat es ein bestechlicheres und gefährlicheres

Buch gegeben». Мы ограничиваемся однимъ примѣромъ. Въ третьемъ десятилѣтіи нашего вѣка, говоритъ Штернъ, начинается эпоха скептическаго отношенія ко всему существующему, «это было предвѣстникомъ новыхъ наступающихъ бурь въ европейской семьѣ народовъ». То, что Трейтчке подъ названіемъ «Einbruch des Judentums» считаетъ «undeutsch», называя «prahlerische Selbstgefälligkeit des Teutonentums» (Treitsch, III, 701 и сл.), а именно дѣятельность радикальныхъ элементовъ, напр.. Генриха Гейне, у Штерна представлено, какъ естественный продуктъ исторической эволюціи. «Гейне, этотъ смѣлый «рыцарь духа», явился саркастическимъ критикомъ трагикомическихъ противорѣчій въ государствѣ и обществѣ, въ наукѣ и вѣрѣ; сознавая общность европейской цивилизаціи, онъ бросилъ романтическому генію перчатку, воскликнувъ: «въ Европѣ нѣтъ болѣе націй, а только партіи!»

То, что Штернъ изображаетъ какъ мощный факторъ прогресса, общеніе идей между Франціей и Германіей, Трейтчке считаетъ «бѣдствіемъ для обоихъ народовъ». «Во всѣхъ областяхъ жизни,— говоритъ Штернъ въ заключительныхъ словахъ второго тома,—замѣчалось умственное движеніе, предвѣщавшее крушеніе всѣмъ существующимъ порядкамъ. Заговоры были открыты, ихъ цѣли не осуществились. Тайные союзы не были въ состояніи ничего достигнуть. Политическія учрежденія, плодъ успѣшныхъ военныхъ пронунціаменто, были снова разрушены. Но нельзя было сокрушить заразительную силу идей. Филэллинизмъ представилъ тому сильнѣйшее доказательство, Генцъ оказался довольно дальновиднымъ, когда въ 1827 году призналъ, что, «не смотря на величіе и могущество» его довѣрителей и вопреки одержанныхъ побѣдъ «духъ времени въ концѣ концовъ побѣдитъ». Прошли три года и іюльская революція со своимъ вліяніемъ на всю Европу оправдала его предсказаніе».

Б. Минцесъ.

ПРОЩАНІЕ.

Разсказъ Артура Шнитцлера.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Онъ ждалъ уже цѣлый часъ. Сердце его билось и порою ему казалось, что у него не хватаетъ дыханія; тогда онъ глубоко втягивалъ въ себя воздухъ, но ему не дѣлалось легче. Собственно говоря, ему слѣдовало бы уже привыкнуть къ этому ожиданію, потому что всегда повторялось одно и то же; всегда ему приходилось ждать часъ, два, три, и часто понапрасну. И онъ даже не могъ упрекать ее за это, потому что, когда ея мужъ дольше оставался дома, она не рѣшалась уходить, и только послѣ ухода мужа она на минутку заходила къ нему, торопливо цѣловала его и опять спѣшила внизъ съ лѣстницы, оставляя его одного. Когда она уходила, онъ ложился на диванъ, разбитый этими долгими часами ожиданія, дѣлавшими его неспособнымъ къ работѣ, медленно убивавшими его. Такъ уже продолжалось четверть года, съ конца весны. Каждый день, начиная съ 3-хъ часовъ, онъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ со спущенными шторами и не могъ ни за что приняться: у него не хватало терпѣнія читать книгу и даже газету, онъ не былъ въ состояніи написать письма, и только курилъ одну папиросу за другой, такъ что вся комната наполнялась синевато-сѣрымъ дымомъ. Дверь въ переднюю стояла открытою, и онъ былъ совсѣмъ одинъ дома; его лакей всегда отсутствовалъ въ то время, когда она должна была придти. Когда, наконецъ, раздавался звонокъ, онъ всегда вздрагивалъ отъ испуга. Но если это была она, то все было хорошо. Тогда ему казалось, что оковы порывались, онъ опять дѣлался человѣкомъ и иногда плакалъ отъ счастья, что, наконецъ-то, она пришла и ему нечего больше ждать. Онъ быстро вводилъ ее къ себѣ въ комнату, запиралъ дверь и они были счастливы.

У нихъ было условлено, что каждый день онъ будетъ оставаться дома до 7 часовъ; позже ей нельзя было приходить—онъ рѣшительно заявилъ ей, что послѣ 7 часовъ будетъ постоянно уходить изъ дому, такъ какъ ожиданіе дѣлало его нервнымъ. И все-таки онъ всегда дольше оставался дома, и только въ 8 часовъ выходилъ на улицу. Тогда онъ

съ ужасомъ думалъ о протекшихъ часахъ и вспоминалъ прошлое лѣто, когда онъ свободно располагалъ всѣмъ своимъ временемъ и уже въ августѣ уѣзжалъ на морскія купанія—и онъ мечталъ о свободѣ, о путешествіяхъ, объ одиночествѣ. Но онъ не могъ уѣхать отъ нея,—онъ боготворилъ ее.

Сегодняшній день казался ему самымъ ужаснымъ изъ всѣхъ. Наканунѣ она не приходила и онъ не имѣлъ о ней никакихъ извѣстій. Было около 7 часовъ, но сегодня онъ не чувствовалъ никакого успокоенія по мѣрѣ приближенія вечера. Онъ не зналъ, что ему дѣлать. Ужаснѣе всего было то, что онъ не имѣлъ доступа къ ней. Онъ могъ только подойти къ ея дому и нѣсколько разъ прогуляться взадъ и впередъ подъ ея окнами; но зайти къ ней онъ не смѣлъ, не могъ даже никого послать къ ней, узнать, что съ ней. Ни одинъ человѣкъ не подозрѣвалъ даже, что они другъ друга знали. Они жили, исполненные безпокойной, боязливой и страстной нѣжностью и постоянно опасались выдать себя передъ другими. Тайна ихъ отношеній казалась ему прекрасной, но отъ этого такіе дни, какъ сегодняшній, дѣлались еще невыносимѣе.

Наступило 8 часовъ—она не приходила. Послѣдній часъ онъ простоялъ у двери и смотрѣлъ въ стеклянное окошечко на лѣстницу, пока, наконецъ, тамъ не зажгли газъ. Тогда онъ вернулся въ комнату и бросился на диванъ. Въ комнатѣ было совсѣмъ темно, онъ задремалъ. Черезъ полчаса онъ поднялся и рѣшилъ выйти изъ дому. У него болѣла голова и онъ чувствовалъ такую усталость, какъ будто ходилъ нѣсколько часовъ.

Онъ пошелъ по дорогѣ къ ея дому, и почувствовалъ успокоеніе, увидѣвъ, что всѣ шторы въ ея квартирѣ спущены. Въ окнахъ столовой и спальной виднѣлся свѣтъ. Онъ съ полчаса ходилъ взадъ и впередъ по тротуару на другой сторонѣ улицы, и не сводилъ глазъ съ освѣщенныхъ оконъ. Улица была мало оживлена. Когда у воротъ показалось нѣсколько горничныхъ, онъ удалился, чтобы не обращать на себя вниманія. Эту ночь онъ спалъ крѣпко и хорошо.

На другой день лакей вмѣстѣ съ кофеемъ принесъ ему на подносѣ утреннюю почту; отъ нея не было письма. Но онъ сейчасъ же сказалъ себѣ, что, значитъ, она, навѣрное, сама придетъ днемъ, и поэтому до 3-хъ часовъ былъ сравнительно спокоенъ.

Ровно въ 3 часа онъ вернулся съ обѣда домой, усѣлся въ передней и сталъ прислушиваться къ шагамъ, раздающимся на лѣстницѣ. Каждый разъ, какъ слышались какіе-нибудь шаги, онъ начиналъ надѣяться, но тщетно. Наступило четыре, пять, шесть, семь часовъ — она не приходила. Онъ былъ въ отчаяніи. Этого нельзя больше выносить. Лучше всего было бы уйти, порвать совсѣмъ—такое счастье оплачивалось слишкомъ дорогою цѣною... Или нужно было бы внести какое-нибудь измѣненіе, напримѣръ, ждать ее ежедневно только въ теченіе

одного или двухъ часовъ, но такъ дольше не могло продолжаться. иначе все рухнетъ—его здоровье, способность къ работѣ, даже любовь. Онъ замѣтилъ, что совсѣмъ больше не думаетъ о ней; его мысли кружились, какъ въ тяжеломъ снѣ. Онъ открылъ окно и посмотрѣлъ внизъ, на темную улицу. Вотъ тамъ... на углу... онъ принималъ за нее каждую женщину. Потомъ онъ отошелъ отъ окна; вѣдь она не могла больше придти, время уже прошло. И вдругъ ему показалось необыкновенно глупымъ, почему они назначили для своихъ свиданій только эти немногіе часы. Можетъ быть, именно теперь она могла бы придти—можетъ быть, она могла бы придти сегодня утромъ, и онъ уже представлялъ себѣ, какъ онъ скажетъ ей при первомъ же свиданьи: «теперь я цѣлый день буду сидѣть дома и ждать тебя—съ утра и до ночи». Но какъ только онъ самъ про себя произнесъ эти слова, онъ засмѣялся и проговорилъ: «да вѣдь я схожу съ ума». Опять побѣжалъ онъ къ ея дому. Тамъ было все, какъ вчера. Сквозь опущенныя шторы виднѣлся свѣтъ, и опять, какъ вчера, ему пришлось удалиться, когда у воротъ собрались горничныя и жена портье. Ему казалось, что онѣ на него смотрятъ и говорятъ: «это тотъ самый господинъ, который и вчера вечеромъ расхаживалъ здѣсь взадъ и впередъ». Онъ погулялъ по сосѣднимъ улицамъ, и, когда пробило 10 часовъ и ворота закрылись, вернулся взглянуть на ея окна. Тамъ уже было темно и только въ спальной еще свѣтился огонекъ. Онъ смотрѣлъ на него, какъ прикованный. Ужасъ охватывалъ его при мысли, сколько времени еще ему придется ждать—цѣлую ночь, цѣлое утро, день до 3-хъ часовъ... Да, до трехъ часовъ... а потомъ... если она опять не придетъ? Пустая карета проѣзжала мимо, онъ сдѣлалъ знакъ кучеру и велѣлъ ему медленно ѣхать по ночнымъ улицамъ. Ему вспомнилось ихъ послѣднее свиданіе... нѣтъ, нѣтъ, она не могла разлюбить его... это ужъ навѣрное не могло случиться. Или, можетъ быть, дома ее начали подозрѣвать? Нѣтъ, это тоже было невозможно: до сихъ поръ никто даже не зналъ о ихъ знакомствѣ... и она вѣдь была такъ осторожна. Значитъ, могла быть только одна причина: она заболѣла и слегла. Поэтому она и не могла ничего сообщить ему. А завтра она встанетъ и черкнетъ ему нѣсколько словъ, чтобы его успокоить... Да, но если она встанетъ только черезъ два дня... если она серьезно больна... Боже мой, если она опасна больна... Нѣтъ, нѣтъ, почему же сейчасъ и опасно больна!..

Вдругъ ему пришла въ голову мысль, показавшаяся ему избавленіемъ. Такъ какъ она навѣрное больна, то онъ можетъ послать къ ней, справиться объ ея здоровьѣ. Посыльный могъ вѣдь и не знать, кто далъ ему это порученіе, онъ могъ не разслышать фамиліи... Да, да, такъ онъ непремѣнно и сдѣлаетъ. Онъ былъ совершенно счастливъ, что ему пришла въ голову такая мысль.

Слѣдующая ночь и даже день прошли спокойнѣе. Онъ зналъ, что

вечеромъ будетъ уже имѣть о ней извѣстіе. Въ 8 часовъ онъ вышелъ изъ дому, отыскалъ посыльнаго и поручилъ ему пойти справиться объ ея здоровьи. Взглянувъ при свѣтѣ фонаря на часы, онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по улицѣ. Но тотчасъ же ему пришло въ голову: вдругъ мужъ подозрѣваетъ что-нибудь и придетъ вмѣстѣ съ посыльнымъ, чтобы настигнуть его? Онъ хотѣлъ уже догнать посыльнаго, но потомъ умѣрилъ шагъ и остался въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него. Онъ видѣлъ, какъ посыльный вошелъ въ домъ. Альбертъ стоялъ далеко и долженъ былъ напрягать зрѣніе, чтобы не потерять изъ виду ея домъ... Минуты черезъ три посыльный уже вышелъ изъ него... Онъ подождалъ еще нѣсколько секундъ, чтобы убѣдиться, не слѣдуетъ ли за нимъ кто-нибудь. Никого не было. Тогда онъ поспѣшилъ къ нему навстрѣчу.

— Ну, что?—спросилъ онъ.—Что вы узнали?

— Баринъ велѣли поблагодарить за вниманіе,—отвѣчалъ посыльный.—Барынѣ все еще не лучше. Она встанетъ не раньше, чѣмъ черезъ нѣсколько дней.

— Съ кѣмъ вы говорили?

— Съ горничной. Она пошла въ комнаты и сейчасъ же вернулась. Кажется, тамъ какъ разъ былъ докторъ.

— Что же она сказала?

Онъ заставилъ посыльнаго еще разъ повторить свой разсказъ и убѣдился, что въ сущности онъ не узналъ ничего новаго. Должно быть, она была опасно больна и объ ея здоровьѣ часто справлялись— поэтому и его посланный не обратилъ на себя вниманія... Тѣмъ смѣлѣе онъ могъ прибѣгать къ этому средству. Онъ велѣлъ посыльному завтра въ этотъ же часъ опять справиться объ ея здоровьи.

— Она встанетъ не раньше, чѣмъ черезъ нѣсколько дней—больше онъ ничего не узналъ. А думаетъ ли она теперь о немъ, представляетъ ли она себѣ, какія муки онъ терпитъ изъ-за нея—объ этомъ онъ ничего не зналъ. Угадала ли она, *кто* присылалъ сегодня, вечеромъ, узнать объ ея здоровьѣ? Баринъ велѣлъ благодарить, не она, а онъ; можетъ быть, ей ничего и не сказали. Но чѣмъ же она была больна? Сотни названій различныхъ болѣзней сразу пришли ему въ голову. Если она уже черезъ нѣсколько дней можетъ встать, значитъ, болѣзнь не серьезная... Но вѣдь это всегда говорятъ; когда его отецъ лежалъ при смерти, они тоже отвѣчали такъ знакомымъ, справлявшимся о его здоровьѣ... Время до завтрашняго вечера казалось ему безконечнымъ.

Минутами онъ самъ удивлялся, почему онъ не можетъ вѣрить въ серьезную болѣзнь своей возлюбленной. Его спокойствіе казалось ему преступнымъ... Днемъ онъ нѣсколько часовъ читалъ книгу, чего съ нимъ давно уже не случалось, какъ будто ему нечего было опасаться и нечего желать.

Когда Альбертъ вечеромъ вышелъ изъ дому, посыльный уже ждалъ его на углу. Кромѣ вчерашняго порученія, онъ велѣлъ ему поговорить съ горничной и разузнать, какая собственно болѣзнь у барыни. Посыльный пробылъ въ домѣ дольше, чѣмъ вчера, и Альбертъ уже началъ безпокоиться. Прошло почти четверть часа, когда онъ показался въ воротахъ; Альбертъ побѣжалъ ему навстрѣчу.

— Барыня очень плохо себя чувствуетъ.

— Что̀?—вскрикнулъ Альбертъ.

— Барыня очень плохо себя чувствуетъ,—повторилъ посыльный.

— Съ кѣмъ вы говорили? Что̀ вамъ сказали?

— Горничная сказала мнѣ, что положеніе барыни очень опасно... Сегодня уже были три доктора, и баринъ совсѣмъ въ отчаяніи.

— Что̀ же у нея такое? Вы спрашивали горничную? Вѣдь я вамъ говорилъ...

— Конечно... Она сказала, что это тифозная горячка, и барыня вотъ уже два дня не приходитъ въ себя.

Альбертъ остановился и безсмысленно посмотрѣлъ на посыльнаго. Потомъ онъ спросилъ:

— Больше вы ничего не узнали?

Посыльный опять началъ разсказывать то же самое, и Альбертъ слушалъ, какъ будто онъ говорилъ что-то новое. Потомъ онъ заплатилъ ему и вернулся къ дому своей возлюбленной. Конечно, теперь онъ можетъ спокойно стоять подъ ея окнами; кто станетъ обращать на него вниманіе? Онъ смотрѣлъ на ея спальню и хотѣлъ проникнуть взоромъ сквозь стеклянную раму и шторы. Ясное дѣло, за этимъ окномъ долженъ былъ лежать тяжело больной. Какъ могъ онъ не догадаться съ перваго же вечера? Теперь онъ понималъ, что иначе и быть не могло.

Къ дому подъѣхала карета. Альбертъ узналъ выходящаго изъ нея знакомаго профессора, который исчезъ за воротами. Онъ сталъ у воротъ, чтобы обождать возвращенія профессора, смутно надѣясь узнать что-нибудь по выраженію его лица... Нѣсколько минутъ онъ стоялъ неподвижно, потомъ почувствовалъ, что земля подъ нимъ медленно колышется вверхъ и внизъ. Тутъ онъ замѣтилъ, что стоитъ съ закрытыми глазами, а когда онъ открылъ ихъ, то ему казалось, точно онъ проспалъ нѣсколько часовъ и проснулся освѣженный. Что она была серьезно больна—этому онъ могъ повѣрить, но опасно—нѣтъ! Такая молодая, красивая, любимая... И вдругъ слово «тифозная горячка» снова мелькнуло въ его головѣ. Онъ не зналъ даже, что это въ сущности за болѣзнь, но вспомнилъ, что иногда читалъ это слово въ объявленіяхъ о смерти. Онъ представилъ себѣ напечатанныя строки съ ея именемъ, обозначеніемъ возраста и прибавкою «умерла 10 го августа отъ тифозной горячки»... Это было невозможно, совершенно невозможно... даже представить себѣ это было невозможно... Было бы слишкомъ необыкновенно, если бы ему черезъ нѣсколько дней дѣй-

ствительно пришлось прочитать это... Докторъ вышелъ изъ воротъ. Альбертъ почти позабылъ о немъ—теперь у него захватило дыханіе. У доктора было серьезное и совершенно безстрастное лицо. Онъ сказалъ кучеру какой-то адресъ, сѣлъ въ карету, и карета увезла его дальше. «Почему же я не спросилъ его?» подумалъ Альбертъ, но потомъ даже былъ доволенъ, что ничего не спросилъ. Можетъ быть, ему пришлось бы услышать что-нибудь очень печальное. Лучше было еще надѣяться. Онъ медленно отошелъ отъ воротъ и далъ себѣ слово не возвращаться раньше, чѣмъ черезъ часъ... И вдругъ онъ представилъ себѣ, какъ она въ первый разъ послѣ выздоровленія придетъ къ нему... Это была такая ясная картина, что онъ даже удивился. Онъ зналъ, что въ этотъ день будетъ идти мелкій, сѣрый дождь. Она будетъ въ длинной тальмѣ, которую скинетъ съ себя еще въ передней; бросится къ нему въ объятія и будетъ плакать, только плакать... «Вотъ я и опять съ тобой», скажетъ она наконецъ. Альбертъ вздрогнулъ. Онъ почувствовалъ, что этого никогда, никогда не будетъ... Никогда она больше не придетъ къ нему... пять дней тому назадъ она была у него въ послѣдній разъ, и онъ навѣки простился съ нею тогда, и не зналъ этого...

Опять онъ бродилъ по улицамъ, мысли кружились въ его головѣ и ему хотѣлось забыться, потерять сознаніе, Онъ опять очутился передъ ея домомъ... Ворота все еще были отперты, въ спальнѣ и столовой было освѣщено. Альбертъ убѣжалъ. Онъ зналъ, что если останется еще на одну минуту, то не выдержитъ и отправится наверхъ... къ ней въ комнату. И по своему обыкновенію, онъ представилъ себѣ всю сцену до конца. Онъ представилъ себѣ, какъ мужъ ея, внезапно догадавшійся обо всемъ, подбѣгаетъ къ больной, лежащей недвижимо, встряхиваетъ ее и кричитъ: «твой возлюбленный пришелъ». Но она уже была мертва...

Ночь прошла въ тяжелыхъ снахъ, день—въ тупой усталости. Въ 11 час. онъ опять послалъ посыльнаго справиться, и получилъ въ отвѣтъ: «перемѣны нѣтъ». Теперь онъ могъ свободно справляться объ ея здоровьѣ, никто и не думалъ о знакомыхъ, посылавшихъ узнавать объ ея состояніи. Весь день онъ провалялся дома на диванѣ и самъ не понималъ, что съ нимъ дѣлается. Онъ вдругъ сталъ ко всему равнодушенъ и даже думалъ: «какъ все-таки хорошо быть до такой степени усталымъ»... Онъ долго спалъ, проснулся, когда уже стемнѣло, и вдругъ, въ первый разъ за это время, ему все стало ясно. И въ немъ проснулась страстная жажда узнать, навѣрное, что съ нею—онъ рѣшилъ сегодня непремѣнно поговорить съ докторомъ... Онъ поспѣшилъ къ ея дому. Жена портье стояла у воротъ. Онъ подошелъ къ ней и, самъ удивляясь своему спокойствію, спросилъ невинно:

— Какъ здоровье г-жи...?

Жена портье отвѣчала:

— О, ей очень нехорошо... она ужъ навѣрное не встанетъ.

— А!—проговорилъ Альбертъ и прибавилъ:—это очень печально.

— Конечно,—согласилась его собесѣдница.—Это очень печально, такая молодая, красивая женщина.

Съ этими словами она скрылась въ воротахъ.

Альбертъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ... «Вѣроятно, она ничего во мнѣ не замѣтила», подумалъ онъ, и въ этотъ моментъ ему вдругъ пришла въ голову мысль, не попробовать ли ему зайти къ ней въ квартиру, разъ онъ такъ искусно умѣетъ притворяться... Тутъ подъѣхала карета доктора. Альбертъ поклонился ему, когда онъ входилъ въ домъ, и получилъ въ отвѣтъ вѣжливый поклонъ. Это было ему пріятно—теперь они, значитъ, до извѣстной степени, познакомились, и онъ можетъ спросить объ ея здоровьѣ.

Онъ остался ждать возвращенія доктора, и ему было успокоительно знать, что тотъ въ настоящую минуту находится около нея... Онъ оставался тамъ долгое время. Очевидно, была еще какая-нибудь возможность спасенія, иначе онъ не сидѣлъ бы у больной столько времени. Или, можетъ быть, она въ агоніи... Или... Нѣтъ, нѣтъ, не надо думать... Онъ хотѣлъ прогнать отъ себя страшныя мысли... вѣдь это безполезно... вѣдь все возможно... Вдругъ ему показалось, что онъ слышитъ голосъ доктора, произносящій: «это кризисъ». И безсознательно онъ взглянулъ на окно, которое было закрыто. Тогда онъ подумалъ что при извѣстныхъ обстоятельствахъ, напр., при большомъ волненіи, обостряющемъ наши ощущенія, можно слышать слова и черезъ закрытое окно. Вѣдь онъ ясно разслышалъ ихъ, не въ воображеніи, а какъ слышатъ дѣйствительно сказанныя слова... Въ этотъ моментъ докторъ вышелъ изъ воротъ. Альбертъ быстро подошелъ къ нему. Докторъ, должно быть, принялъ его за одного изъ родственниковъ больной и, прочитавъ нѣмой вопросъ въ его глазахъ, покачалъ головой... Но Альбертъ не хотѣлъ понять этого нѣмого отвѣта. Онъ заговорилъ

— Могу я спросить, г. профессоръ, какъ...

Докторъ, стоя одной ногой на подножкѣ кареты, опять покачалъ головой.

— Очень нехорошо,—сказалъ онъ, взглянувъ на молодого человѣка.—Вы, вѣрно, братъ?

— Да,—отвѣтилъ Альбертъ.

Докторъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на него, потомъ сѣлъ въ карету, поклонился молодому человѣку и уѣхалъ.

Альбертъ посмотрѣлъ вслѣдъ каретѣ, и ему казалось, что вмѣстѣ съ нею исчезаетъ послѣдняя надежда. Потомъ онъ ушелъ. Онъ тихо шепталъ безсвязныя фразы... Что же мнѣ сегодня дѣлать? На дачу ѣхать поздно... на дачу ѣхать поздно... поздно... поздно... Развѣ мнѣ грустно? Развѣ я огорченъ до смерти? Нѣтъ, я иду гулять, я ничего-ничего не ощущаю... Я могъ бы теперь пойти въ театръ, или поѣхать на дачу... О, нѣтъ, это мнѣ только кажется, потому что я такъ глубоко потрясенъ... Да, я потрясенъ... Это высокая минута и ее надо запом-

вить... Я все понимаю и ничего не ощущаю, ничего... ничего... Надо идти домой, домой. Я какъ будто уже переживалъ нѣчто подобное, но когда, когда?.. Можетъ быть, во снѣ... Или это все сонъ? Да, вотъ я иду домой, какъ каждый вечеръ, какъ будто ничего, ровно ничего не случилось.

— Что я такое болтаю! Вѣдь я же все равно не останусь дома, я убѣгу среди ночи, и приду сюда, къ моей возлюбленной, къ моей умирающей возлюбленной...

Вдругъ онъ очутился у себя въ комнатѣ и не могъ припомнить, какъ онъ поднялся наверхъ. Онъ зажегъ лампу и сѣлъ на диванъ.

— Я знаю, какъ обстоитъ дѣло,—говорилъ онъ себѣ.—Горе стучится, и я не впускаю его къ себѣ. Но я знаю, что оно тутъ, около, и смотритъ ко мнѣ въ окно.

— Боже, какъ все это глупо, какъ глупо... Значитъ, она умретъ, навѣрное умретъ... Или, можетъ быть, я еще надѣюсь и потому я такъ спокоенъ? Нѣтъ, я знаю навѣрное. А докторъ принялъ меня за брата! Если бы я отвѣтилъ ему: «Я не братъ, я ея любовникъ»... Боже мой!—воскликнулъ онъ вдругъ громко, вскочилъ съ дивана и быстрыми шагами заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.—Вотъ оно, горе! Я впустилъ его... Анна, Анна, моя дорогая, моя единственная, моя возлюбленная Анна!.. И я не могу теперь быть съ тобою! Я, единственный близкій тебѣ... Можетъ быть, она вовсе не безъ сознанія! Что мы вообще знаемъ объ этомъ! Можетъ быть, она томится по мнѣ, и я не могу... не смѣю быть съ нею. Или, можетъ быть, въ послѣднюю минуту, когда она освободится отъ всѣхъ земныхъ помышленій, она скажетъ шепотомъ: «Позовите его... я хочу еще разъ посмотрѣть на него...» И что онъ тогда сдѣлаетъ?..

Опять вся эта сцена встала у него въ воображеніи. Онъ видѣлъ себя всходящимъ по лѣстницѣ, мужъ встрѣчаетъ его и подводитъ къ постели умирающей, она улыбается ему своими потухающими глазами, онъ склоняется къ ней, она обнимаетъ его, и онъ принимаетъ ея послѣднее дыханіе... Тогда къ нему подходитъ мужъ и говоритъ: «Уходите теперь, милостивый государь, скоро намъ придется еще поговорить съ вами»... Но нѣтъ, такъ въ жизни не бываетъ... Это было бы такъ прекрасно: еще хоть разъ увидѣть ее, почувствовать, что въ самомъ дѣлѣ былъ любимъ ею... Онъ долженъ былъ еще разъ увидѣть ее... какимъ бы то ни было образомъ... Не могъ же онъ оставить ее умирать, не увидѣвши ее хоть одинъ разъ... Это слишкомъ ужасно!.. Да, но что же теперь дѣлать? Скоро будетъ полночь... Подъ какимъ предлогомъ можно теперь пройти къ ней наверхъ?—думалъ онъ.—А впрочемъ, развѣ нуженъ какой-нибудь предлогъ теперь, когда смертъ... Но даже, если она... умретъ... развѣ я имѣю право выдать ея тайну, запятнать ея память для мужа, для семьи? Но... я могъ бы представиться сумасшедшимъ. Я вѣдь довольно хорошо умѣю представляться... Боже, что это опять за нелѣпая выдумка! Вдругъ я такъ хорошо съиграю свою роль, что меня на всю

жизнь запрутъ въ сумасшедшій домъ... Или, если она выздоровѣетъ, она сама сочтетъ меня за сумасшедшаго, и скажетъ, что никогда не знала и не видѣла меня... О, моя голова, моя голова!..» Онъ бросился на постель и рѣшилъ, среди ночной тишины, хорошенько обдумать, что ему теперь дѣлать...

— Я долженъ еще разъ увидѣть ее... Да, непремѣнно... Это уже рѣшено.

Мысли его опять закружились: онъ уже видѣлъ себя всходящимъ на лѣстницу въ ея квартиру подъ самыми различными предлогами: какъ ассистентъ профессора, какъ помощникъ аптекаря, какъ лакей, какъ нищій. Наконецъ, онъ видѣлъ себя даже въ качествѣ служителя похороннаго бюро, у постели покойницы, которую онъ не долженъ былъ признавать; онъ заворачивалъ ее въ саванъ и клалъ въ гробъ...

Онъ проснулся, когда наступили утреннія сумерки. Окно всю ночь оставалось открытымъ, и хотя онъ лежалъ одѣтымъ, ему было холодно, потому что шелъ легкій дождь, и вѣтеръ доносилъ въ комнату нѣсколько капель.

— Осень пришла,—подумалъ Альбертъ. Онъ поднялся и взглянулъ на часы. Я проспалъ пять часовъ. За это время... многое могло случиться...—Онъ вздрогнулъ.—Странно, теперь я прекрасно знаю, что мнѣ нужно дѣлать. Я пойду туда, позвоню въ ея квартиру и самъ спрошу у двери объ ея здоровьѣ»...

Онъ залпомъ выпилъ рюмку коньяку и подошелъ къ окну.

— Фу, какой видъ имѣетъ теперь улица! Еще очень рано... Это все идутъ люди, у которыхъ уже въ 7 часовъ утра есть дѣла. Да, сегодня у меня тоже есть дѣло въ семь часовъ утра. «Очень плохо» сказалъ вчера докторъ... Но отъ этого еще никто не умиралъ... А все-таки у меня вчера все время было такое ощущеніе, какъ будто она уже... Надо идти, надо идти.

Онъ надѣлъ дождевой плащъ, взялъ зонтикъ и вышелъ въ переднюю. Лакей съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Я скоро вернусь,—сказалъ онъ и ушелъ.

Альбертъ медленно шелъ по улицамъ. Въ сущности, ему было очень тяжело самому всходить наверхъ. Что онъ тамъ скажетъ? Онъ все болѣе приближался къ своей цѣли. Вотъ уже ея улица, издали видѣнъ домъ. Все казалось ему такимъ чужимъ. Въ этотъ часъ онъ еще никогда здѣсь не былъ. Какое странное освѣщеніе набрасывается на городскія улицы утреннимъ дождемъ! Да, въ такіе дни умираютъ. Если бы Анна простилась съ нимъ въ тотъ день, когда она была у него въ послѣдній разъ, онъ бы теперь, можетъ быть, уже позабылъ ее. Да, навѣрное, вѣдь это было такъ безконечно-давно, когда онъ въ послѣдній разъ видѣлъ ее! Какія невѣрныя понятія о времени создаются въ такое дождливое утро... Ахъ, Боже мой—Альбертъ былъ очень утомленъ и разсѣянъ: онъ чуть было не прошелъ мимо дома. Ворота стояли откры-

тыми. Изъ нихъ только что вышелъ мальчикъ съ молочными кувшинами. Альбертъ спокойно вошелъ въ ворота; когда онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по лѣстницѣ, его вдругъ озарило сознаніе всего, что̀ случилось, что̀ теперь тамъ происходило, что̀ онъ сейчасъ узнаетъ. Ему казалось, что онъ пришелъ сюда въ полуснѣ и только сейчасъ проснулся... Вотъ ея лѣстница. Онъ никогда здѣсь не былъ. Она лежала въ полумракѣ. Маленькіе газовые рожки горѣли на стѣнѣ. Ея квартира была въ первомъ этажѣ. Что̀ же это такое?.. Дверь была настежь открыта. Онъ видѣлъ всю переднюю—тамъ не было ни души. Онъ вошелъ туда и наудачу открылъ маленькую дверь—она вела въ кухню. Тамъ тоже никого не было. Нѣкоторое время онъ стоялъ въ нерѣшительности. Вотъ отворилась дверь, ведущая въ жилыя комнаты, изъ нея на цыпочкахъ, не замѣчая его, вышла горничная. Альбертъ подошелъ къ ней.

— Какъ здоровье барыни?—спросилъ онъ.

Горничная растерянно посмотрѣла на него.

— Полчаса тому назадъ она умерла, — сказала она, повернулась и ушла въ кухню.

Альберту показалось, что вокругъ него вдругъ наступила мертвая тишина, какъ будто въ эту минуту всѣ сердца перестали биться, люди перестали ходить, экипажи ѣздить, часы остановились.

— Вотъ она, смерть,—думалъ онъ. — Вчера я все-таки этого еще не понималъ.

— Извините, пожалуйста,—проговорилъ чей-то голосъ около него. Это былъ какой-то господинъ въ черномъ, который входилъ въ переднюю съ лѣстницы и которому Альбертъ загораживалъ дорогу. Альбертъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и пропустилъ его. Тотъ быстро прошелъ въ комнаты и оставилъ дверь полуоткрытой. Альбертъ могъ теперь видѣть и слѣдующую комнату. Тамъ было почти темно, потому что шторы были спущены; онъ видѣлъ, какъ нѣсколько человѣкъ, сидѣвшихъ вокругъ стола, поднялись, чтобы поздороваться съ новопришедшимъ. Онъ слышалъ, какъ они шепотомъ заговорили съ нимъ и потомъ исчезли въ сосѣдней комнатѣ. Альбертъ остался у двери и думалъ: «тамъ она лежитъ... Еще недѣлю тому назадъ я держалъ ее въ своихъ объятьяхъ... А теперь я не могу войти къ ней». На лѣстницѣ послышались голоса. Двѣ дамы вошли въ квартиру и прошли мимо него. У одной изъ нихъ были заплаканные глаза. Это была молодая женщина, похожая на его возлюбленную. Навѣрное, это ея сестра, о которой она нѣсколько разъ говорила ему. Навстрѣчу имъ вышла пожилая дама, обняла обѣихъ и тихо зарыдала.

— Полчаса тому назадъ,—сказала она.—Совсѣмъ внезапно.

Слезы мѣшали ей продолжать, онѣ втроемъ ушли въ полутемную комнату. Его никто не замѣтилъ.

— Не могу же я оставаться здѣсь,—думалъ Альбертъ. — Я сойду внизъ и вернусь черезъ часъ.

Онъ ушелъ и черезъ нѣсколько минутъ очутился на улицѣ. Утреннее движеніе уже началось: люди проходили мимо него, катились экипажи.

— Черезъ часъ наверху будетъ больше народу, мнѣ легче будетъ вмѣшаться среди нихъ... Какъ все-таки увѣренность успокаиваетъ... Мнѣ сегодня легче, чѣмъ вчера, хотя она умерла... Полчаса тому назадъ... Черезъ тысячу лѣтъ она будетъ такъ же далека отъ жизни, какъ теперь... и все-таки сознаніе того, что часъ тому назадъ она еще дышала, какъ-то невольно заставляетъ думать, что она и теперь еще не совсѣмъ ушла отъ жизни; осталось еще что-то, чего не подозрѣваешь, пока еще дышешь... можетъ быть, та непостижимая минута, когда мы переходимъ отъ жизни къ смерти, и есть вѣчность... Да, теперь кончились мои часы ожиданія послѣ обѣда... Я никогда не буду больше смотрѣть въ окошечко на лѣстницу, никогда, никогда...

Эти часы казались ему теперь несказанно прекрасными. Нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ такъ счастливъ, да, счастливъ. Это было глубокое, жгучее блаженство. Когда онъ слышалъ ея шаги на послѣднихъ ступеняхъ... когда она бросалась къ нему въ объятія, когда они, безмолвно прижавшись другъ къ другу, сидѣли въ темнѣющей комнатѣ, полной благоуханьемъ цвѣтовъ и запахомъ сигаръ... Кончено, кончено.

— Я уѣду, это единственное, что мнѣ остается. Развѣ я смогу теперь вернуться въ свою комнату? Вѣдь я буду плакать, цѣлыми часами, цѣлыми днями плакать!

Онъ проходилъ мимо кафе и ему пришло въ голову, что онъ со вчерашняго дня ничего не ѣлъ. Онъ вошелъ и спросилъ себѣ стаканъ кофе. Когда онъ кончилъ, было уже болѣе 9 часовъ.

— Теперь можно идти туда... Я долженъ еще разъ увидѣть ее... Но какъ я туда проникну? Увижу ли я ее?.. Я долженъ ее видѣть, я долженъ послѣдній разъ посмотрѣть на мою возлюбленную, мертвую Анну. Но пустятъ ли меня въ комнату покойницы? Конечно, теперь тамъ уже много народу, всѣ двери открыты.

Онъ торопливо пошелъ туда. У воротъ стояла жена портье, она поклонилась ему, когда онъ проходилъ мимо. На лѣстницѣ онъ пробѣжалъ впереди двухъ господъ, которые также поднимались въ квартиру покойницы. Въ передней стояло нѣсколько человѣкъ, двери были настежь открыты. Альбертъ вошелъ въ первую комнату. Тамъ было около двѣнадцати человѣкъ, шопотомъ разговаривавшихъ другъ съ другомъ. Пожилая дама, которую онъ раньше видѣлъ, сидѣла въ углу краснаго дивана и казалась совсѣмъ убитой. Когда Альбертъ проходилъ мимо нея, она посмотрѣла на него; онъ остановился и протянулъ ей руку. Она кивнула ему головой и опять заплакала. Альбертъ осмотрѣлся кругомъ; вторая дверь, ведущая въ сосѣднюю комнату, была закрыта. Онъ обратился къ одному господину, стоящему у окна.

— Гдѣ она лежитъ?—спросилъ онъ.

Господинъ указалъ рукою направо. Альбертъ тихо отворилъ дверь.

Онъ очутился въ свѣтлой маленькой комнатѣ, оклеенной бѣлыми съ золотомъ обоями, и заставленной блѣдно-голубой мебелью. Тамъ никого не было. Дверь въ сосѣднюю комнату была только притворена. Онъ вошелъ туда. Это была спальня.

Ставни были закрыты. Покойница лежала на постели, прикрытая одѣяломъ до подбородка. У изголовья ея на ночномъ столикѣ горѣла восковая свѣча, свѣтъ которой рѣзко освѣщалъ землисто-сѣрое лицо. Онъ не узналъ бы ея, если бы не зналъ, что это она. Постепенно онъ началъ замѣчать сходство—постепенно онъ узнавалъ Анну, свою Анну, лежавшую передъ нимъ, и въ первый разъ за всѣ эти ужасные дни къ глазамъ его подступили слезы. Страстная, жгучая боль сжимала ему грудь, ему хотѣлось кричать, упасть передъ ней на колѣни, цѣловать ея руки... Тутъ только онъ замѣтилъ, что былъ не одинъ. Кто-то стоялъ на колѣняхъ у постели, уткнувши голову въ одѣяло, и держалъ въ своихъ рукахъ руку покойницы. Когда Альбертъ хотѣлъ подойти ближе, тотъ поднялъ голову.

— Что я скажу ему?—подумалъ Альбертъ.

Но человѣкъ, стоявшій на колѣняхъ, уже схватилъ его правую руку и, крѣпко пожимая ее, проговорилъ, сдерживая слезы:

— Благодарю васъ, благодарю.

Потомъ онъ опять отвернулся и тихо зарыдалъ, опустивъ голову на кровать. Альбертъ постоялъ еще немного и съ какимъ-то холоднымъ вниманіемъ разсматривалъ лицо покойницы. Его горе вдругъ сдѣлалось жесткимъ, слезы исчезли. Онъ зналъ, что когда-нибудь впослѣдствіи эта сцена будетъ казаться ему вмѣстѣ и трагичной, и комичной. Онъ казался бы себѣ самому смѣшнымъ, если бы въ этотъ моментъ заплакалъ вмѣстѣ съ мужемъ.

Уходя, онъ остановился у двери и еще разъ посмотрѣлъ на нее. Пламя свѣчи мерцало, и ему казалось, что на губахъ Анны появилась улыбка. Онъ кивнулъ ей головой, какъ бы прощаясь съ нею, и она видѣла это. Онъ хотѣлъ уйти, но ему казалось, что она своей улыбкой удерживаетъ его. И эта улыбка вдругъ сдѣлалась презрительной, чуждой, и какъ бы говорила ему: «Я любила тебя, а ты стоишь тутъ теперь, какъ чужой, и отрекаешься отъ меня. Скажи ему, что я была твоею, что ты долженъ теперь стоять на колѣняхъ передо мной и цѣловать мои руки. Скажи ему! Почему же ты не говоришь ничего?»

Но онъ не рѣшился. Онъ закрылъ глаза рукою, чтобы не видѣть ея улыбки, на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты и затворилъ за собою дверь. Онъ прошелъ свѣтлую гостиную и полутемную комнату, полную людьми, среди которыхъ онъ не имѣлъ права оставаться, сошелъ внизъ и, выйдя изъ воротъ, торопливо шелъ по улицѣ, какъ бы убѣгая отъ ея дома. Ему казалось, что онъ не имѣетъ права горевать вмѣстѣ съ другими, что его мертвая возлюбленная велѣла ему удалиться за то, что онъ отрекся отъ нея.

Л. Давыдова.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ТЕАТРА.

Изъ всѣхъ искусствъ сценическое, несомнѣнно, самое распространенное, наиболѣе любимое публикой и общедоступное. Даже романъ, этотъ царь литературы конца нашего столѣтія, поглотившій собою всѣ другія формы изящной словесности, притянувшій къ себѣ всѣ лучшія силы современной намъ эпохи, и тотъ въ кліентурѣ уступаетъ первенство театру: какъ ни великъ кругъ его современныхъ читателей, «публика театра» еще многочисленнѣе и несравненно разнообразнѣе по своему составу. И вполнѣ понятно. Театръ имѣетъ передъ романомъ громадное преимущество въ большей конкретности своихъ образовъ, не уступая ему въ то же время въ широтѣ захватываемаго круга представленій. «Театръ представляетъ извѣстное органическое сочетаніе всѣхъ искуствъ. Это есть и пластика, и живопись, и музыка, и романъ, и архитектура. Для театральнаго воплощенія доступны такія представленія и идеи, которыя не передаются въ достаточно-конкретной формѣ ни однимъ искусствомъ порознь. Въ театрѣ находитъ свое наиболѣе живое выраженіе весь міръ человѣческихъ страстей, представленій и идей» *).

Каждый вечеръ театръ собираетъ нѣсколько сотенъ зрителей, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, добрая треть совершенно чужда интересамъ изящной литературы, а большинство совершенно игнорируетъ другіе виды искусства: скульптуру, живопись, музыку и проч.

Число театровъ въ Россіи весьма значительно. Есть такія дебри и углы въ русской провинціи, гдѣ изящныя искусства извѣстны только чуть ли не по наслышкѣ, но театръ и тамъ существуетъ.

Какъ вѣрное отраженіе, *зеркало* жизни, театръ является однимъ изъ лучшихъ средствъ для ознакомленія съ внутреннимъ бытомъ даннаго народа, а отношенія къ нему со стороны правительства, самой націи, какъ нельзя лучше и рельефнѣе обрисовываютъ историческое культурное развитіе общества, его умственные, нравственные и эстетическіе идеалы и требованія. Можно безъ преувеличенія сказать, что исторія русскаго театра представляетъ одну изъ интереснѣйшихъ страницъ русской исторіи и словесности.

*) *Н. А. Иванцовъ.* «Задачи искусства». «Вопросы философіи и психологіи», кн. 34.

Жизнь древней Руси представляла не мало благопріятныхъ условій для развитія тогдашняго общества. Изъ исторіи мы знаемъ, что въ древней Руси гораздо ранѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ, развиваются города и среднее сословіе. Въ то время, какъ на западѣ города находятся еще вполнѣ подъ игомъ феодализма, у насъ они представляютъ или свободныя народоправства, или получаютъ льготныя грамоты, пользуются правомъ голоса въ общественныхъ дѣлахъ на вѣчахъ, призываютъ и удаляютъ князей, разрѣшаютъ или запрещаютъ имъ тѣ или другіе походы. Обыкновенно, съ развитіемъ городовъ соединяется возникновеніе и процвѣтаніе средняго сословія, и, дѣйствительно, въ нашей удѣльно-вѣчевой жизни мы наблюдаемъ существованіе средняго сословія въ такое время, когда на Западѣ оно только что зарождалось. Не говоря уже о томъ, что древняя Русь въ XI и XII вѣкахъ вела обширную торговлю съ окружавшими ее странами, а рѣшеніе на всѣхъ народныхъ вѣчахъ по большей части зависѣло отъ голосовъ купцовъ,—достаточно указать на тотъ довольно характерный для насъ фактъ, что въ древне-русской народной поэзіи рядомъ съ эпосомъ дружиннымъ, такъ сказать аристократическимъ, возникаетъ и мало-помалу развивается эпосъ купеческій. Богатыри промышленнаго сословія воспѣваются въ нашихъ былинахъ на ряду съ военными богатырями: Садко богатый гость рядомъ съ храбрымъ Ильей Муромцемъ, Добрыней и проч. Однимъ словомъ, въ древне-русской жизни мы видимъ полное проявленіе духа общественности — одно изъ первыхъ и необходимыхъ условій для развитія театра.

Люди древней Руси, сообща рѣшавшіе свои общественныя дѣла, сообща молились и веселились. Между селъ происходили шумныя игрища, сохранившіяся отъ временъ язычества: на обширныхъ русскихъ долинахъ устаивались всевозможныя пляски и раздавалось пѣніе различныхъ гимновъ въ честь древнихъ стихійныхъ божествъ. Остатки этихъ древне-русскихъ игрищъ мы и теперь находимъ въ деревенскихъ хороводахъ, заключающихъ въ себѣ, какъ извѣстно, такое обиліе драматическаго элемента. Въ святки и на масляницѣ по улицамъ древне-русскихъ городовъ устраивались процессіи, сопровождаемыя пѣснями, плясками и разыгрываньемъ импровизированныхъ сценъ. Интересно отмѣтить, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ наиболѣе была развита свобода общественной жизни (какова новгородская область), лучше всего сохранились и остатки этихъ древнихъ карнаваловъ. По словамъ извѣстнаго изслѣдователя о старинномъ театрѣ въ Европѣ, г. Веселовскаго, въ нынѣшнихъ Новгородской и Олонецкой губерніяхъ и до нашихъ дней еще сохранились эти традиціонныя игрища, хотя и въ сильно измѣненномъ видѣ. Кромѣ того, безъискусственные зародыши русской драмы видны въ нѣкоторыхъ обрядахъ нашего народа. Такъ, русская свадьба, какъ обрядъ, сопровождаемый всевозможными пѣснями и дѣйствіями, является ни чѣмъ инымъ, какъ

драматическимъ представленіемъ. Свадебная игра (народъ говоритъ «играть свадьбу») съ пѣснями, рѣчами и дѣйствіями даже имѣетъ, такъ сказать, своего рода актеровъ, въ видѣ дружка, воппенницы и цѣлаго хора дѣвушекъ. Почти все дѣйствіе этого народнаго свадебнаго обряда сосредоточивается въ домѣ невѣсты, но въ древности оно продолжалось до самой церкви. Въ русской свадебной игрѣ можно даже, пожалуй, подмѣтить отдѣльныя дѣйствія, соотвѣтствующія актамъ нынѣшней драмы. Это—сватовство, рукобитье, дѣвичникъ и свадебный день. Въ первомъ дѣйствіи участвующими являются сваты и родственники жениха и невѣсты. Сваты говорятъ давно заученныя рѣчи: то товаръ покупаютъ отъ имени купца (подъ которымъ разумѣютъ жениха), то прикинутся заѣзжими людьми, то заблудившимися ловцами-охотниками,—ищутъ они слѣдъ куницы или лисицы (т. е. невѣсты). Въ русской литературѣ этотъ народный обрядъ прекрасно изображенъ въ извѣстной балладѣ Алексѣя Толстого «Сватовство», въ которой поэтично описывается, какъ два славныхъ русскихъ богатыря Чурило Пленковичъ и Дюкъ Степановичъ являются ко двору стараго князя Владиміра просить руки его дочерей.

Только что уйдутъ сваты, какъ начинаются грустныя пѣсни невѣсты (на сѣверѣ Россіи, въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой для этихъ пѣсенъ приглашается особая мастерица, своего рода актриса—вопленица). Она проситъ отдумать родителей, но они уже «пиво заварили».

Дальше слѣдуетъ рукобитье или пропиванье невѣсты опять съ пѣснями, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разъигрывается цѣлое представленіе, въ которомъ женихъ со своими товарищами является ворогомъ—«чужимъ чужаниномъ». Невѣста прячется отъ «лихого наѣздника». Послѣдній находитъ ее и влечетъ къ себѣ, но дѣвушки-подруги заступаются, просятъ выкупа. Невѣста въ знакъ согласія вручаетъ жениху полотенце. Припомнимъ въ весенней сказкѣ А. Н. Островскаго «Снѣгурочка» сцену выкупа Купавы Мизгиремъ отъ дѣвушекъ-берендеекъ. Съ рукобитья главными дѣйствующими лицами становятся князь и княгиня, т. е. женихъ и невѣста; вкругъ нихъ появляется цѣлый хоръ другихъ дѣйствующихъ лицъ: дружкó, тысяцкій и проч. Хоръ дѣвушекъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и молодцовъ сопровождаетъ всѣ дальнѣйшія свадебныя дѣйствія съ пѣніемъ «величальныхъ» пѣсенъ въ честь молодыхъ. Свадебныя пѣсни проникнуты древне-русской поэзіей и ведутъ свое начало, несомнѣнно, съ древне-княжескихъ свадебъ. Такъ, напр., въ бытъ простыхъ русскихъ крестьянъ свадебныя пѣсни и обряды вводятъ величавые образы древнихъ князей и бояръ. Женихъ представляется въ пѣсняхъ, какъ древне-русскій князь, а невѣста какъ княгиня.

Вечеромъ къ невѣстѣ собираются гости. Каждому, входящему въ избу поютъ привѣтствія, а невѣста или вопленица голоситъ и спрашиваетъ: «како жити въ чужихъ людяхъ»? Является дружкó и поку-

паетъ косу невѣсты у ея брата. Задаются загадки, а дружкó сыплетъ рѣчи, однѣ другихъ замысловатѣе. Вотъ начинается расплетаніе косы невѣсты, сопровождаемое всевозможными причитаніями. Позже всѣхъ является женихъ во главѣ цѣлаго поѣзда. Ворота заперты, а изъ избы лишь раздается жалобный плачъ невѣсты, ея матери, подругъ... А между тѣмъ за воротами все стучатъ и стучатъ, пріѣзжіе настойчиво просятъ обогрѣться, выдавая себя за рыбаковъ, ловцовъ-охотниковъ, старцевъ-гусляровъ. Отворяются ворота и въѣзжаетъ поѣздъ. Снова сыпятся замысловатыя рѣчи, слѣдуетъ обрядъ за обрядомъ, громко и весело раздаются величальныя пѣсни. Такъ кончается дѣвичникъ.

Наконецъ, наступаетъ и свадебный день. Пекутъ каравай съ пѣснями, съ причитаньями и заговариваютъ князя и княгиню отъ лихихъ людей. Съ пѣснями и радостными кликами встрѣчается изъ церкви свадебный поѣздъ, а жениха и невѣсту осыпаютъ хмелемъ съ пожеланіемъ всякаго благополучія. Молодые идутъ за столъ, за которымъ распоряжается дружкó со своими обрядными рѣчами, полными чисто русскаго задора, веселья и счастья... Этимъ и заканчивается «свадебная игра».

Къ сожалѣнію, эти зародыши народной драмы не получили болѣе искусственной обработки. Мало того, они даже подверглись преслѣдованію со стороны православнаго духовенства, проникнутаго взглядами византійскихъ аскетовъ. Постановленія Кормчей книги осуждаютъ театръ, какъ бѣсовскую, богомерзкую забаву, а церковныя правила запрещаютъ не только представленія, но и переряживаніе, надѣваніе масокъ и проч. аттрибуты сценическаго искусства.

Неизбѣжными спутниками всѣхъ публичныхъ и частныхъ веселій древней Руси были скоморохи *). По мнѣнію А. Н. Веселовскаго скоморохи на Руси—захожіе люди. Но этотъ взглядъ на скоморошество, какъ справедливо замѣтилъ г. Морозовъ, выраженъ въ слишкомъ категорической формѣ **). Безспорно, къ намъ издавна заходили нѣмецкіе, византійскіе скоморохи, но это еще вовсе не исключаетъ возможности существованія своихъ, «доморощенныхъ потѣшниковъ». Скоморошье ремесло было чрезвычайно разнообразно, и слово «скоморохъ» является лишь общимъ родовымъ названіемъ представителей всевозможныхъ увеселительныхъ профессій. Надо полагать, что этимъ именемъ окрещивались различные игроки, музыканты, плясуны, пѣсенники, фокусники, акробаты, вожаки медвѣдей, шуты и проч.,—словомъ, всѣ, кто тѣмъ тѣмъ или другимъ способомъ доставлялъ народу развлеченіе. Поэтому, невозможно допустить, чтобы врожденная каждому человѣку потребность

*) О присутствіи скомороховъ при княжескомъ дворѣ впервые упоминается въ житіи Ѳеодосія Печерскаго, написанномъ, какъ извѣстно, нашимъ первымъ лѣтописцемъ Несторомъ. По всей вѣроятности слово скоморохъ произошло отъ греческаго «σχώμμαρχος»=ἄρχος σχωμμάτων (мастеръ смѣхотворства).

**) *П. О. Морозовъ*. «Исторія русскаго театра». Т. I, Спб. 1889 г.

позабавиться, повеселиться удовлетворялась въ древней Руси только при помощи иноземныхъ, захожихъ скомороховъ. Правда, захожіе византійскіе и западно-европейскіе скоморохи, обладая уже значительно разработаннымъ и разнообразнымъ потѣшнымъ репертуаромъ, могли во многомъ быть учителями нашихъ народныхъ увеселителей, напримѣръ, вызывая ихъ на подражаніе и соревнованіе, передавая имъ свои секреты и ухватки, но, конечно, въ народномъ быту не было недостатка и въ своихъ «веселыхъ молодцахъ», питавшихся отъ шутовскаго промысла.

Церковь, въ лицѣ своихъ пастырей и проповѣдниковъ, неустанно ратуя противъ всякихъ проявленій народнаго веселья, противъ всего, что шло въ разрѣзъ съ ея аскетическимъ идеаломъ, особенно преслѣдовала этихъ профессіональныхъ увеселителей и грозила вѣчнымъ мученіемъ не только имъ самимъ, но и всякому, кто станетъ ихъ слушать. Но всѣ эти обличенія и угрозы нисколько не мѣшали скоморохамъ плодиться и множиться во всѣхъ населенныхъ краяхъ русской земли. Отъ княжескаго терема до убогой деревенской лачужки «веселый человѣкъ» повсюду встрѣчалъ радушный пріемъ и угощеніе.

Правда, въ общественной іерархіи скоморохи занимали послѣднее мѣсто, ихъ презирали, какъ «сосуды діавольскіе», надъ ними издѣвались, но, не смотря на все это, они играли важную роль въ жизни русскаго народа *). Скоморохи были дѣятельными участниками народныхъ праздничныхъ обрядовъ и непремѣнною принадлежностью всякаго публичнаго веселья древней Руси; кромѣ того, они нерѣдко бывали нужны и помимо своей главной профессіи, какъ изворотливые и опытные люди. Въ силу этихъ условій существованіе скомороховъ сдѣлалось, такъ сказать, необходимостью русскаго народнаго быта. Въ XVII вѣкѣ въ эпоху Стоглава, скоморохи, эти бездомные скитальцы, составляютъ уже большія артели, «ходятъ ватагами многими по 60-ти, 70-ти и до 100 человѣкъ, при чемъ иногда и разбойничаютъ» **).

Въ царствованіе извѣстнаго своею богобоязненностью Алексѣя Михайловича издана была даже особая *грамота* о томъ, чтобы «скомороховъ съ гуслями, волынками и домрами въ домы не призывали... по площадямъ, улицамъ и по домамъ богомерзкихъ и скоморошенскихъ пѣсенъ не пѣли и личинъ на себя не накладывали бы»... Очевидно, скоморошество, пустившее глубокіе корни на Руси, было явленіемъ, весьма нежелательнымъ въ глазахъ тогдашняго московскаго правительства. «Непрерывный рядъ обличеній, — говоритъ г. Веселовскій,—которыми духовенство всегда громило любезныхъ народу скомороховъ, обличеній, не прекращающихся почти вплоть до XVIII вѣка, свидѣтельствуютъ о распространеніи и живучести скоморошества на Руси. Эти обличенія

*) Самое слово «шутъ» въ разговорномъ языкѣ часто отождествляется со словомъ «чортъ», напр., въ выраженіи: «шутъ тебя возьми!»

**) Стоглавъ, глава 41, вопросъ 19.

рисуютъ намъ скомороховъ главнѣйшими участниками народныхъ обрядовъ: такъ, на свадьбѣ они играютъ одну изъ первыхъ ролей и всегда идутъ съ пѣснями, плясками и шуточными импровизированными сценами во главѣ свадебнаго поѣзда... Участвуя въ народныхъ обрядахъ, они входили во внутренній бытъ народа, проникали въ семейную жизнь и, славясь остроуміемъ и находчивостью, нерѣдко становились посредниками въ рѣшеніи важныхъ семейныхъ вопросовъ» *).

Рядомъ съ этими чисто народными элементами театра, мы видимъ возникновеніе и первыхъ зачатковъ духовно-религіозной драмы—въ видѣ драматическихъ церковныхъ обрядовъ; такихъ обрядовъ было три въ древнемъ православномъ богослуженіи; «пещное дѣйство» передъ Рождествомъ, «шествіе на осляти» въ вербное воскресеніе и «дѣйство страшнаго суда». Въ «пещномъ дѣйствѣ» изображалось вверженіе трехъ отроковъ въ вавилонскую печь и чудесное избавленіе ихъ ангеломъ отъ пламени; «шествіе на осляти» служило воспоминаніемъ торжественнаго входа Спасителя въ Іерусалимъ и совершалось по особому уставу въ Москвѣ—патріархомъ, въ присутствіи самого царя; въ другихъ городахъ, — архіереями, въ присутствіи воеводъ. Третье, и наиболѣе простое изъ всѣхъ — «дѣйство страшнаго суда» происходило обыкновенно въ воскресенье передъ масляной. На площади, за алтаремъ московскаго Успенскаго собора, устраивали два мѣста: одно для патріарха, другое для государя; передъ партіаршимъ мѣстомъ, на подмосткахъ, обитыхъ краснымъ сукномъ, ставили образъ страшнаго суда. Царь и патріархъ шествовали изъ собора на означенныя мѣста, съ крестнымъ ходомъ, при звонѣ во всѣ колокола. Послѣ пѣнія стихиръ освященія воды и чтенія на четыре стороны евангелія, патріархъ обтиралъ губкою образъ страшнаго суда и другія иконы, осѣнялъ крестомъ и кропилъ святою водою участвующихъ въ обрядѣ **). Но дальше этихъ обрядовъ русская духовная драма не пошла: какъ извѣстно, православное богослуженіе, въ противоположность католическому, вообще не любитъ драматизма.

Что же касается безъискусственныхъ зачатковъ русскаго народно-бытового театра, то они также заглохли въ своемъ зачаточномъ состояніи. Причину этого слѣдуетъ искать, отчасти, какъ я уже выше замѣтилъ, въ настойчивой пропагандѣ православнаго духовенства, порицавшаго всякое проявленіе веселья, отчасти и, пожалуй, главнымъ образомъ, въ монгольскомъ игѣ, которое остановило на долгіе вѣка всякое развитіе древней Руси и довело ее до крайняго одичанія и изувѣрства. Могъ ли существовать театръ у народа, когда ему поми-

---

*) *Веселовскій.* «Старинный театръ въ Европѣ».

**) Подробное описаніе этихъ церковныхъ обрядовъ, особенно «пещнаго» дѣйства, сохранилось вполнѣ и обстоятельно изложено академикомъ *Пекарскимъ* въ извѣстной книгѣ его «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ» (стр. 389—390 и слѣд.)

вутно грозили новые татарскіе погромы, а позднѣе съ усиленіемъ Москвы то и дѣло увеличивались финансовые налоги и поборы?

Напрасно мы будемъ искать въ эту эпоху какихъ бы то ни было проявленій веселья. Разграбленные, одичалые отъ страха и отчаянія, русскіе посадскіе люди скрываются въ непроходимыхъ лѣсахъ, а экономическія богатства страны или не обрабатываются, или стягиваваются въ Золотую Орду. Монгольское иго кладетъ сильный отпечатокъ на весь строй древне-русской жизни. Не говоря уже о послѣдовавшемъ огрубѣніи нравовъ, удаленіи женщины въ теремъ, монгольское иго развило въ высшей степени свойственныя великорусу недовѣрчивость, нерѣшительность, превратившіяся вслѣдствіе этого въ какое-то дикое, тупое недоброжелательство ко всему иноземному. Эта національная замкнутость была главной причиной отсталости русскаго народа въ наукахъ, въ искусствахъ, въ ремеслахъ и проч.

Съ возвышеніемъ Москвы падаютъ удѣлы; князья послѣднихъ вмѣстѣ съ богатыми и именитыми гражданами прежнихъ свободныхъ народоправствъ ссылаются въ отдаленные города. Первые собиратели русской земли невольно опасаются возмущеній, измѣны со стороны этихъ недовольныхъ элементовъ государства и увеличиваютъ полицейскій надзоръ въ странѣ. Вслѣдствіе этого, въ московскомъ царствѣ развилось до крайнихъ размѣровъ наушничество. Знакомые, самые близкіе родственники подозрительно косились другъ на друга и всѣми мѣрами старались съуживать кругъ сношеній съ чужими людьми; вечеринки, пирушки и т. п. развлеченія были рѣдки и скучны: недоставало главнаго — задушевной искренности. Такимъ образомъ, въ русскомъ обществѣ московскаго періода постепенно подрывались всѣ семейные и общественные узы, а это, въ свою очередь, еще болѣе ухудшало незавидное положеніе тогдашняго русскаго театра, если только можно говорить объ его существованіи въ московскій періодъ русской исторіи.

Несравненно привольнѣе жилось въ Малороссіи, силою историческихъ обстоятельствъ уцѣлѣвшей до половины XVII вѣка отъ ига московскаго правительства. Въ южныя степи бѣжало не мало людей, удрученныхъ московскими порядками, которые впослѣдствіи образовали знаменитую казацкую вольницу, жаждавшую воли и широкаго простора для своихъ могучихъ силъ. Запорожская сѣчь была чужда московской мертвой обрядности, того тупого консерватизма, соединеннаго съ отвращеніемъ ко всему иноземному, того, наконецъ, изувѣрства, которое отрицало въ жизни всякое веселье изъ мнимой боязни бѣсовскаго навожденія. И вотъ, не смотря на дико-воинственный характеръ жизни казаковъ, въ XV и XVI вѣкахъ въ Малороссіи мало-по-малу начинаетъ культивироваться театръ. Близость Польши, а черезъ нея и западной Европы сильно вліяла на Кіевскую духовную академію, въ которой рядомъ съ духовными науками были введены и

свѣтскія, а также была занесена изъ Польши и духовная драма, вошедшая въ составъ преподаванія словесности.

Разсмотримъ происхожденіе духовной драмы. Зачатки ея коренятся въ далекой глубинѣ среднихъ вѣковъ, а развитіе представляетъ «борьбу двухъ стихій—церковно-литургической и народно-бытовой, которыя то расходятся, то сливаются между собою, пока одна изъ нихъ, народно-бытовая, не беретъ окончательнаго перевѣса надъ другой» *).

Драма въ западной Европѣ, какъ и въ древней Греціи, развилась изъ религіозныхъ обрядовъ. Католическое духовенство при помощи театра старалось вытѣснить чисто языческія празднества, къ которымъ такъ еще сильно была привязана толпа. Но скоро, впрочемъ, театръ переходитъ въ руки народа и является высшимъ и полнымъ выраженіемъ народнаго духа, настроенія и міросозерцанія въ тотъ или другой моментъ времени. Словомъ, западно-европейскій средневѣковый театръ принимаетъ характеръ древне-греческихъ игръ. «Въ исполненіи мистеріи,—говоритъ г. Веселовскій,—принимали участіе лица всѣхъ сословій, безъ различія званія; цѣль, казавшаяся угодною Богу, привлекала къ себѣ всѣхъ, внося жизнь и одушевленіе въ народный бытъ». Передъ народною толпою въ драматическихъ представленіяхъ развертывались высшія божественныя судьбы, и рядомъ тутъ же раздавался разгульный смѣхъ скомороховъ, которые осмѣивали все ненавистное народу. Такимъ образомъ, въ западно-европейской мистеріи, съ одной стороны мы видимъ драматизмъ процессій, столь присущій католическому богослуженію, а съ другой—полуязыческую народную поэзію, игры, обряды, народное остроуміе. Находясь въ рукахъ народа, выражая его духъ, драма и въ развитіи своемъ обусловливается не столько какими-либо искусственными усиліями отдѣльныхъ личностей, сколько развитіемъ народнаго духа. По мѣрѣ того, какъ жизнь западно-европейскихъ народовъ начинаетъ все болѣе и болѣе осложняться, кругъ міровоззрѣнія расширяться,—расширяется и кругъ драматическихъ представленій. Съ ослабленіемъ теологическаго міросозерцанія въ народѣ и драма начинаетъ принимать все болѣе и болѣе свѣтскій характеръ. Не ограничиваясь одними представленіями важнѣйшихъ эпизодовъ ветхаго и новаго завѣта, мистерія включаетъ въ свой репертуаръ важнѣйшіе моменты исторіи, останавливаясь сначала на тѣхъ, которые были ознаменованы въ глазахъ народа проявленіемъ божественной силы. Въ этихъ историческихъ мистеріяхъ уже виденъ зародышъ позднѣйшихъ историческихъ хроникъ, предшествующихъ новой шекспировской драмѣ.

На ряду съ мистеріями начинаютъ все болѣе и болѣе преобладать пьесы аллегорическія—нравственнаго характера—такъ наз. *моралитэ*. Въ этихъ пьесахъ мы видимъ шагъ впередъ во внутреннемъ содержа-

*) *Н. Стороженко.* «Предшественники Шекспира», Т. I, стр. 12.

вія драмы, именно содержаніе судебъ божественныхъ на ряду съ человѣческими *). Постепенно развиваясь, эти драматическія представленія, въ которыхъ причудливымъ образомъ перемѣшивалось старое и новое, аллегорія и дѣйствительность, античныя воспоминанія и поэтическія преданія среднихъ вѣковъ, рыцарскіе турниры и итальянскія маски, превращали обыденную жизнь среднихъ вѣковъ, по удачному выраженію проф. Стороженко, въ какую-то фантастическую сказку. Дѣйствительно, въ то время не было ни газетъ, ни журналовъ, ни дешевыхъ библіотекъ или публичныхъ чтеній, и театръ былъ единственной школой умственнаго, нравственнаго и эстетическаго развитія народа, единственнымъ мѣстомъ, гдѣ творенія искусства, отрывая мысль народа отъ отупляющихъ мелочныхъ заботъ обыденной жизни, доставляли ему умственную пищу и эстетическое наслажденіе. Въ историческихъ пьесахъ народъ знакомился съ важнѣйшими личностями своей исторіи, которыя являлись передъ нимъ въ обаяніи вѣчной юности и силы и какъ-бы приглашали его быть участникомъ ихъ громкихъ побѣдъ и пораженій, радостей и страданій; фантастическія пьесы переносили воображеніе въ міръ чудныхъ сказочныхъ грезъ, созданный народной фантазіей, въ комедіяхъ показывалась смѣшная сторона порока и всѣ язвы современной дѣйствительности, а въ трагедіи передъ народомъ раскрывалась обширная область психологіи человѣка, и театръ, какъ выразился Томасъ Гейвудъ, пріучалъ понимать «великую книгу сердца съ ея страстными и темными страницами».

Католическое духовенство, избравшее театръ орудіемъ христіанской пропаганды, не ошиблось въ разсчетахъ. Послѣ того какъ церковь признала посѣщеніе мистерій дѣломъ богоугоднымъ, за которое даже отпускались грѣхи, христіанскія идеи получаютъ болѣе широкое распространеніе, а языческія воспоминанія начинаютъ блѣднѣть съ каждымъ поколѣніемъ въ народной памяти; годъ отъ году забываются прежніе

*) Въ моралитэ представляется бол. частью человѣкъ, обуреваемый страстями, такъ сказать, блуждающій между небомъ и адомъ. Цѣль подобной пьесы—нравственное назиданіе. «Постоянно представляя передъ зрителями борьбу добраго и злого началъ въ человѣкѣ, міръ страстей и пороковъ, моралитэ, какъ справедливо замѣчаетъ Гервинусъ (извѣстный комментаторъ Шекспира), пріучили какъ поэтовъ, такъ и публику къ сознанію необходимости въ драмѣ нравственной идеи. Въ этомъ первоначальномъ направленіи англійской драмы Шекспиръ могъ впослѣдствіи почерпнуть тотъ строго-нравственный взглядъ, съ которымъ онъ обдуманно слѣдилъ за глубочайшими проявленіями человѣческой природы и жизни. Отсюда могъ онъ почерпнуть и положить въ основу своей драматической дѣятельности то великое убѣжденіе, что первая и конечная цѣль этого рода поэзіи—служить зеркаломъ, въ которомъ современный человѣкъ видитъ свою природу и бытъ: добродѣтель свои черты, порокъ—свое изображеніе». (*Гервинусъ*. Шекспиръ, переводъ Тимофѣева, Спб. 1862 г.). *Moralités* возникли во Франціи и въ основѣ своей имѣли отвлеченную мораль. На сценѣ, въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, выступали различныя добродѣтели и пороки; отвлеченные образы отдѣльныхъ свойствъ Божества и человѣка, какъ напр., милосердіе, состраданіе, злоба людская, грѣхъ, раскаяніе и т. д.

языческіе праздники и обряды и мало-по-малу замѣняются христіанскими. Какъ я уже замѣтилъ выше, въ чистомъ видѣ мистерія просуществовала не долго: къ ней примѣшивается бытовой элементъ, который беретъ верхъ надъ церковно-литургическимъ, потому что имѣетъ за собой симпатіи народа. Движеніе въ этомъ направленіи быстро прогрессируетъ: народныя пѣсни, пляски и оглушающій хохотъ народнаго шута дѣлаются неумѣстными въ стѣнахъ церкви, театръ переносится на площадь. Замѣна церковныхъ исполнителей свѣтскими не бросалась слишкомъ рѣзко въ глаза: еще въ стѣнахъ церкви нѣкоторыя комическія роли (какъ-то: дьяволовъ, палачей и т. п.), по словамъ Стороженко, по преимуществу были исполняемы не клириками, а лицами, вышедшими изъ среды народа. Въ концѣ концовъ все это привело къ тому, что само духовенство,—особенно молодые клирики,—заразилось веселымъ народнымъ духомъ: «священники и дьяконы не только допускали во время праздничнаго богослуженія свѣтское пѣніе, шутки (visus paschalis) и пляски, но и сами въ нихъ участвовали». Епископы, аббаты, аббатисы до того пристрастились къ свѣтскому веселью и шутовскимъ выходкамъ скомороховъ, что стали заводить у себя домашнихъ шутовъ *). Конечно, всѣ эти излишества въ результатѣ обратили на себя вниманіе со стороны высшей церковной власти и послѣдовалъ рядъ запретительныхъ папскихъ декреталій.

Не могла пройти безслѣдно для развитія западно-европейскаго театра и эпоха возрожденія съ послѣдовавшей вскорѣ затѣмъ реформаціей. Прежде всего, мы видимъ отдѣленіе въ драмѣ свѣтскаго элемента отъ духовнаго, какъ слѣдствіе освобожденія умственной жизни, міра наукъ и искусствъ изъ подъ ига теологической схоластики. По отношенію къ театру этотъ европейскій переворотъ отразился въ видѣ паденія духовной драмы и развитія свѣтской. Въ самомъ разгарѣ реформаціоннаго движенія духовная драма еще продолжаетъ интересовать народъ, такъ какъ она принимаетъ полемическій характеръ, соотвѣтствующій духу времени: какъ протестантская, такъ и католическая партія, ставятъ на сцену пьесы съ цѣлью пропаганды своихъ принциповъ и вышучиванья противниковъ. Но въ такомъ полемическомъ положеніи духовная драма находится не долго: несмотря на послѣдовавшую католическую реакцію, дни духовной драмы были сочтены. «Наивная вѣра утрачивалась и въ рядахъ, оставшихся вѣрными католицизму, и постепенное перерожденіе всего строя жизни, обширное развитіе народнаго комическаго театра, торжество сатиры надъ католической пропагандой въ драматической сферѣ, наконецъ, отрицательный элементъ, внесенный въ духовный театръ реформаторскими пьесами,—всѣ эти разнообразныя причины вели старую мистерію къ неминуемому паденію» **). Правда, духовная

*) *Н. Стороженко.*

**) *А. Веселовскій.* «Старинный театръ въ Европѣ».

драма нашла пріютъ, но въ такой средѣ, которая своею безстрастностью и холоднымъ отношеніемъ къ дѣлу только замедлила ея окончательную гибель. Этой средой послужили многочисленныя католическія и протестантскія академіи, семинаріи, духовныя школы, принявшія мистеріи въ кругъ педагогическихъ пособій на томъ основаніи, что участіе въ представленіи невольно пріучало исполнителей къ развязности, находчивости и т. п. качествамъ, столь необходимымъ для хорошаго проповѣдника или руководителя пропаганды. Таковъ послѣдній періодъ существованія мистеріи, когда она получаетъ названіе школьной или учебной драмы.

Вотъ, въ такомъ школьномъ, омертвѣломъ видѣ перешла къ намъ западная мистерія черезъ Польшу и Кіевскую академію. На русской почвѣ мистерія получила характеръ еще большей безжизненности частью отъ недостатка въ авторахъ поэтическаго таланта и всякаго литературнаго навыка, частью отъ невыработанности языка и отъ нелѣпаго предразсудка (возникшаго на почвѣ схоластики), требовавшаго, чтобы дѣйствующія лица выражались съ самою надутою и туманною напыщенностью. Несмотря на всѣ эти недостатки, убогой, схоластической кіевской драмѣ было суждено сдѣлаться популярною и даже заинтересовать народъ до активнаго участія въ ней. Причину этого нужно искать въ слѣдующихъ обстоятельствахъ. Во-первыхъ, кіевская духовная драма представлялась не передъ одними знатными людьми, а передъ народомъ, такъ какъ особенныя условія жизни кіевскихъ бурсаковъ создали походный театръ, на которомъ разъигрывались духовныя драмы по хуторамъ и селамъ; во-вторыхъ, сами малороссы имѣли полную возможность обогатить кіевскую драму своимъ неистощимымъ остроуміемъ и скрасить, хотя незначительно, ея недостатки общимъ бытовымъ складомъ своей поэтической Украйны, потому что это былъ хоть сколько-нибудь живой народъ, не доведенный до такой крайней степени апатіи, какъ въ холодной Московіи. «Разъ представленная и разученная пьеса становилась какъ бы достояніемъ учениковъ, употреблявшихъ её затѣмъ для своихъ личныхъ цѣлей; въ привольное украинское лѣто разбредутся они небольшими группами по селамъ и хуторамъ и, живя истыми дѣтьми природы, изо-дня въ день повторяютъ пьесу своего учителя у богатыхъ или зажиточныхъ поселянъ, казаковъ и сельской знати» *). Нѣтъ сомнѣнія, что все это возбуждало народную любовь къ подобнымъ удовольствіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственное сближеніе съ народомъ само собою облегчало возможность освобожденія духовной драмы отъ ея схоластическихъ узъ и, главнымъ образомъ, освѣжало театръ мѣстными, яркими и полными жизни, элементами.

Мы дошли въ своемъ изложеніи до половины XVII вѣка. Съ этого момента все болѣе и болѣе завязываются сношенія Москвы съ западной

*) *А. Веселовскій.*

Европой. Русскіе бояре-посланники неоднократно доносятъ царю, какія блестящія театральныя представленія они видѣли при дворахъ европейскихъ государей и благодаря этому русскимъ людямъ удается ознакомиться съ «однимъ изъ первыхъ благъ новаго просвѣщенія»—съ театромъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ тогда извѣстенъ большей части западной Европы. Обстоятельства сложились слѣдующимъ образомъ. Когда церковныя «дѣйства», повторяющіяся изъ году въ годъ безъ всякаго измѣненія или дополненія, стали болѣе или менѣе надоѣдать, царь Алексѣй Михайловичъ, посовѣтовавшись предварительно со своимъ духовникомъ, указавшимъ на театральныя зрѣлища византійскихъ императоровъ, рѣшилъ вывезти изъ заграницы музыкантовъ и комедіантовъ «для потѣхи царскаго величества». Немногіе, однако, соглашались ѣхать въ далекое и незнакомое тогда московское государство *).

Но Москвѣ неожиданно посчастливилось. Одинъ изъ обывателей подмосковной нѣмецкой слободы—лютеранскій пасторъ Іоганнъ Готфридъ Грегори оказался весьма свѣдущимъ въ комедійномъ дѣлѣ и самъ вызвался устроить въ Москвѣ театральныя представленія. Въ виду этого, снова былъ данъ указъ изъ дворца Іоганну Готфриду: «учинити комедію, а на комедіи дѣйствовати изъ библіи *книгу Эсфирь*». Постройка хоромины для комедіи была поручена боярину Артемону Матвѣеву, и дѣло быстро закипѣло. «Того жъ (1672) году была у великаго государя въ селѣ Преображенскомъ комедія: тѣшили его великаго государя, иноземцы, *какъ Алаферна царица царю голову отсѣкла*, и на органахъ играли нѣмцы да люди дворовые боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева» (Дворцовыя записки 1672 года за октябрь) **). Интересно отмѣтить, что трудъ обогащенія репертуара перваго русскаго театра былъ возложенъ на переводчиковъ Посольскаго приказа.

Въ русской литературѣ есть прекрасная комедія А. Н. Островскаго «Комикъ XVII-го столѣтія», по которой наглядно можно ознакомиться съ отношеніемъ русскихъ людей XVII вѣка къ театру и къ первымъ русскимъ актерамъ. Дѣйствіе комедіи происходитъ въ Москвѣ въ 1672 году. Яковъ Кочетовъ, сынъ подъячаго, выбранъ бояриномъ Матвѣевымъ учиться вмѣстѣ съ другими подъяческими дѣтьми театральному дѣлу. Боится старовѣрческая семья Кочетовыхъ этой науки, но передъ бояриномъ ослушаться не смѣетъ. Наконецъ, старики Кочетовы узнаютъ, что ихъ сына въ скоморохи поставили: «ломаютъ, учатъ

---

*) Въ маѣ 1672 года изъ Москвы былъ отправленъ заграницу посолъ, нѣкто полковникъ фонъ-Стаденъ, «пріятель» Артемона Матвѣева. Фонъ-Стадену наказывалось ѣхать въ Курляндію и Пруссію и «приговаривать великому государю въ службу... трубачей самыхъ добрыхъ и ученыхъ... которые бъ умѣли всякія комедіи строить»... Несмотря на увѣщанія русскаго посла, нѣмецкіе актеры не хотѣли ѣхать въ далекую Московію. Фонъ-Стадену удалось привезти въ Москву лишь одного трубача, да четырехъ музыкантовъ.

**) *П. О. Морозовъ*. «Исторія русскаго театра». Т. I. Спб. 1889 г.

скакать, плясать, вертѣться, бѣса тѣшить». Самъ молодой Яковъ уже увѣренъ, что онъ «душу чорту продалъ». И вотъ, во время репетиціи на него нападаетъ страхъ: «мнѣ ль тѣшить, ломать себя, чужую образину напяливать на обликъ православный? Веселымъ быть и веселить другихъ, когда въ глазахъ зіяетъ адъ кромѣшный, надъ головой отцовское проклятіе!» Яковъ бѣжитъ съ цѣлью скрыться. Конечно, отецъ Кочетова, памятуя старыя предписанія: «Глумотворства, веселія бѣжати, а наипаче блюстися скомороховъ, гудѣльниковъ и пѣсенъ ихъ бѣсовскихъ», одобряетъ поступокъ сына. Онъ даже рѣшается подать челобитную царю, чтобы избавили его сына отъ «бѣсовской потѣхи». Но вотъ, все сильнѣе и сильнѣе раздаются голоса новыхъ людей, которыхъ коснулось западно-европейское образованіе. Вотъ что̀ говоритъ просвѣщенный Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ:

«Комедію для чести государской
Имѣть давно пора, - и рѣчи нѣтъ,
Не даромъ же у прочихъ государей
При всѣхъ дворахъ она заведена.
Что можно взять, возьмемъ у иноземцевъ.
...Для русскаго народа,
Для всѣхъ чиновъ и званій—отъ посадскихъ
До насъ, бояръ, не мало пользы въ ней.
...А развѣ то умнѣе
Сберемъ шутовъ, сведемъ ихъ въ кучу, дразнимъ,
Какъ дикихъ псовъ, пока не раздерутся,
И тѣшимся руганьемъ срамословнымъ
И дракою кровавой. Толь забавье
Бояръ, думцовъ, правителей земли?
А нашихъ женъ, боярынь пированья!?
Глядѣть-то срамъ! Отъ сытнаго обѣда,
Отъ полныхъ чаръ медовъ стоялыхъ, встанутъ
Алехоньки, какъ маковы цвѣточки,
По лавочкамъ усядутся рядкомъ,
Велятъ пустить шутихъ, бабенокъ скверныхъ,
И тѣшатся безстыжимъ ихъ плясаньемъ.,
Съ вихляньемъ спинъ, и пѣснями срамными,—
И чѣмъ срамнѣй, тѣмъ лучше, тѣмъ угоднѣй
Боярынямъ. И сами бы пошли,
Да совѣстно, а плечи такъ и ходятъ,
И каблуки стучатъ, и громкій хохотъ
Дебелыя колышетъ тѣлеса.
А дочери, на тѣ потѣхи глядя,
Съ младенчества дѣвичій стыдъ теряютъ
И съ бабами и дѣвками сѣнными
Безъ матери изрядно Стерю пляшутъ.
Пора смѣнить шутовъ, шутихъ и дуръ,
Неистовства на дѣйства комедійны.
Подъячаго винятъ за пьянство; развѣ,
Безъ чарки онъ, безъ хмѣльнаго питья
Найдетъ себѣ веселье? Вѣковѣчнымъ
Обычаемъ указаны ему:

По праздникамъ попойки круговыя
Съ задорными рѣчами, съ бранью, съ боемъ
И на три дня тяжелое похмѣлье,
За что жъ винить его! Иныхъ пріятствъ,
Иныхъ бесѣдъ, рѣчей и обиходовъ
Не знаетъ онъ. А покажи ему
Комедію, гдѣ хитрымъ измышленьемъ
И мудростью представлены, какъ въ явь,
Царей, вельможъ, великихъ полководцевъ,
Философовъ дѣла и обхожденія;
И думъ и чувствъ, извѣдавъ благородство,
Весельемъ онъ безчинства не почтетъ.
Простой народъ—коль вѣрить иноземцамъ,
Въ комедіи не дѣйство, правду видитъ,
Живую явь: иного похваляетъ,
Другихъ коритъ, и, если не унять,
Готовъ и самъ вмѣшаться въ дѣйство».

Однако, театральныя представленія возникли въ Москвѣ лишь затѣмъ, чтобы черезъ четыре года снова изчезнуть на цѣлую четверть столѣтія: тотчасъ по кончинѣ Алексѣя Михайловича, преемникъ его, Θедоръ Алексѣевичъ, указалъ «очистить палаты, которыя были заняты на комедію».

Комедійное дѣло было вызвано къ жизни лишь черезъ 25-ть лѣтъ волею Петра Великаго. Въ іюнѣ 1702 года въ Москву прибылъ, по вызову царя, новый «царскаго величества комедіянтскій правитель» Іоганъ Кунштъ. Однако, труппа Кунштa не дала того, чего ждалъ отъ нея Петръ. Преобразователь Россіи смотрѣлъ на задачи театра съ государственно-практической точки зрѣнія. Съ одной стороны, онъ ждалъ отъ театра «того же самого, что̂ давала ему горячая, искренняя проповѣдь Θеофана Прокоповича» *), именно, помощи для распространенія въ русскомъ обществѣ сочувствія своимъ идеямъ и реформамъ, съ другой—видѣлъ въ сценическомъ искусствѣ могущественное общекультурное средство. Петръ I стремился развить пониманіе и сочувствіе къ театру въ русскомъ обществѣ: хотѣлъ привить къ намъ театръ такъ же, какъ прививалъ и другія стороны западно-европейской культуры и общественности. Преслѣдуя эту цѣль, Петръ I не могъ, конечно, удовлетвориться репертуаромъ труппы Кунштa: ему совсѣмъ не нужны были «оперы, летанія и махины», которыми думалъ Кунштъ «привести царское величество въ утѣшеніе» **); преслѣдуя далѣе цѣль общекультурную, царь немедленно по прибытіи въ Москву труппы Кунштa приказываетъ устроить при ней нѣчто въ родѣ театральной школы для обученія «комедійнымъ наукамъ» русскихъ «робятъ», набранныхъ по приказамъ; впрочемъ, далеко это обученіе не пошло: русскіе «робята», большею частью, бездѣльничали и пьянствовали.

---

*) *Тихонравовъ*. «Русскія драматическія произведенія».

**) *Пекарскій*. «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В.». Т. I. Спб. 1862 г.

Путешествуя по западной Европѣ, Петръ Великій, конечно, не могъ не обратить вниманія на вопіющую противоположность монотонной замкнутости и однообразія русской жизни въ сравненіи съ заграничной, проникнутой духомъ общественности. И вотъ, преобразователь Россіи стремится пересадить на русскую почву весь шумъ и гамъ европейской жизни съ ея блестящими народными празднествами, уличными процессіями, иллюминаціями и т. п. Заводятся ассамблеи, маскарады, торжества, въ которыхъ, между прочимъ, осмѣивается все устарѣвшее, отжившее; мало того, организуется самимъ царемъ цѣлое шутовское общество въ видѣ «сумасброднѣйшаго, всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора», который нерѣдко устраивалъ цѣлое всенародное зрѣлище, превращаясь въ шумную, уличную арлекинаду. Но, несмотря на всю энергію Петра I, трудно было оживить монотонность русской жизни, возвратить народу то, что было постепенно подавлено въ немъ въ теченіе долгихъ вѣковъ. Въ самомъ дѣлѣ, царь насильно заставлялъ веселиться и кривляться людей, которые исподволь привыкли къ суровой и мрачной замкнутости.

Придавая театру важное культурное значеніе, Петръ I стремился сдѣлать его достояніемъ всего народа—«всякаго чина людей»; вслѣдствіе этого театральныя представленія изъ царскаго дворца онъ переноситъ на Красную площадь, въ среду «охотныхъ смотрѣльщиковъ». Впрочемъ, построенная Петромъ I «комедійная хоромина» въ Кремлѣ, на Красной площади, и отданная въ вѣдѣніе Посольскаго приказа, просуществовала не долго *). Скоро другія, несравненно болѣе важныя дѣла отвлекли вниманіе великаго Преобразователя, и театръ былъ предоставленъ собственной участи...

Предъявляя къ театру серьезныя требованія, Петръ Великій сильно недолюбливалъ разныхъ уличныхъ комедіантовъ, канатныхъ плясуновъ, и фокусниковъ. Когда одна такая труппа появилась въ только что построенномъ Петербургѣ, царь принялъ ее съ неудовольствіемъ и приказалъ, чтобы для простого народа она показывала свои представленія даромъ, а для знатныхъ людей по таксѣ, а вскорѣ и совсѣмъ велѣлъ труппу выпроводить вонъ изъ города, категорически замѣтивъ, что его подданнымъ «надобны художники, а не фигляры...» и что «пришельцамъ, шатунамъ сорить деньги—грѣхъ» **).

По смерти Петра I всѣ заведенныя имъ искусственныя арлекинады и народныя празднества разомъ исчезаютъ. Вскорѣ наступившая мрачная эпоха временщиковъ съ казнями, пытками, правежами, страшнымъ «словомъ и дѣломъ» окончательно подавляютъ въ народѣ всякую самостоятельность, всякое проявленіе творчества и жизни. Русской сценой надолго завладѣваютъ «шатуны». Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ они

*) *Тихонравовъ.* «Русскія драматическія произведенія». Т. I.

**) *Архангельскій.* «Русскій театръ XVIII в.». «Русское Обозрѣніе» за 1894 г. № 5.

замѣняютъ и для низшей народной массы, и для высшихъ классовъ, даже для Двора, — настоящій театръ... За все это время, съ двадцатыхъ по самый конецъ сороковыхъ годовъ XVIII столѣтія, мы не видимъ въ Россіи русскаго театра, не только для «всякаго чина людей», но и при Дворѣ. Простой народъ довольствуется балаганными фокусами и пантоминами разныхъ заѣзжихъ плясуновъ и фигляровъ, а высшій классъ и дворъ увеселяется иностранными балетными и оперными труппами: итальянскими, нѣмецкими, позднѣе французскими.

Вотъ въ общихъ чертахъ положеніе русскаго театра до 30 августа 1756 года, важнѣйшаго момента историческаго существованія театра, дня изданія высочайшаго указа объ учрежденіи русскаго театра. Съ одной стороны, съ этого времени для русской Мельпомены наступаетъ новая, лучшая эра: театръ получаетъ отъ правительства матеріальное обезпеченіе, на помощь къ нему приходитъ русская драматическая литература, постепенно развивается журналистика, разливается въ общественной массѣ просвѣщеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ облагораживается и самое русское общество, столь разнохарактерное по своему составу; съ другой — именно съ этого момента особенно ярко бросается въ глаза разъединеніе русскаго театра: является сцена высшихъ классовъ (казенный театръ) и сцена простонародная. Первая, матеріально обезпеченная, знакомитъ общество высшихъ классовъ со всѣми модными литературными вѣяніями; вторая удовлетворяется механическими куклами, пантоминами и фокусами. Правда, и простонародная сцена (populaire, а не nationale) съ теченіемъ времени вырабатываетъ своеобразный репертуаръ: лубочныя представленія преимущественно военнаго характера, въ которыхъ народные потѣшники, балагуры олицетворяютъ всевозможныхъ «занимательныхъ» генераловъ, «забавныхъ» солдатъ, разбойниковъ, вѣдьмъ, чертей и т. п. «диковинки».

Такое ненормальное явленіе мы наблюдаемъ не въ одной Россіи. Какъ на Западѣ, такъ и у насъ разъединеніе сцены явилось неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ложноклассицизма, произведенія котораго недоступны для пониманія заурядныхъ зрителей. Правда, у насъ въ это дѣло были еще вмѣшаны законодательныя нормы: то, что на Западѣ совершалось большею частью путемъ чисто фактическимъ, у насъ регулировалось спеціальными распоряженіями *).

Начало ложноклассическому театру, какъ извѣстно, было положено въ Италіи, которой въ силу историческихъ обстоятельствъ въ эпоху возрожденія удалось играть выдающуюся роль и плоды рецепціи наукъ и искусствъ античнаго міра переданы въ наслѣдство западно-европей-

---

*) На придворный театръ сначала допускалось лишь высшее общество и то «за придворною конторскою печатью, по билетамъ». Лишь при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ «во время трагедіи, комедіи и интермедіи» былъ открытъ «свободный входъ», «и обоего пола знатному купечеству», только бы одѣты были не гнусно»,.. («Русскій Вѣстникъ», 1892 г., февр., стр. 273).

скимъ народамъ. Къ сожалѣнію, умственное движеніе Италіи ограничилось одними высшими классами общества. Между тѣмъ, какъ Ватиканъ и образованные представители знатныхъ итальянскихъ фамилій зачитывались философскими твореніями Платона, Аристотеля, поэзіей Вергилія, Горація и Катулла, народъ коснѣлъ въ невѣжествѣ, погруженный въ мракъ средневѣкового суевѣрія. Итальянскій театръ не замедлилъ отразить на себѣ это печальное раздвоеніе жизни: сцена высшихъ классовъ общества порываетъ всякія традиціонныя связи съ народомъ и своими «Comedia erudita» впадаетъ въ подражаніе античнымъ образцамъ, на народной итальянской сценѣ находятъ пріютъ католическія мистеріи и грубые импровизированные фарсы.

Болѣе другихъ странъ итальянскому ложноклассицизму подчинилась французская сцена. И не мудрено: умственная и политическая жизнь Франціи, начиная съ XVI вѣка и до конца XVIII, вплоть до революціи 1789 года, представляетъ все болѣе и болѣе усиливающуюся централизацію, дошедшую до того, что всѣ лучшія французскія силы стянулись въ Версаль. Что же касается народныхъ массъ, то въ описываемую эпоху les bourgeois et les paysans de la France, доведенные всевозможными повинностями и поборами до крайней нищеты и полнаго одичанія, совершенно оттѣсняются отъ всякаго умственнаго движенія. Какъ и въ Италіи, этотъ общественный дуализмъ отражается на театрѣ. Изъ представительницы живыхъ народныхъ интересовъ французская сцена обращается въ эхо придворныхъ интригъ и сплетенъ. Мѣсто свободнаго безъискусственнаго народнаго творчества занимаетъ высокомѣріе, прописная мораль, притворная чувствительность и лесть.

Несравненно позднѣе господство ложноклассицизма водворяется на нѣмецкой сценѣ, вслѣдствіе массы реформаціонныхъ войнъ, заглушающихъ долгое время всякіе зачатки германскаго театра. Лишь впослѣдствіи, при дворѣ герцоговъ и бароновъ, въ качествѣ реакціи прежнимъ грубымъ солдатскимъ нравамъ, мало-по-малу развивается рабская подражательность версальскимъ порядкамъ и переносится ложноклассическая сцена.

Въ Россіи, благодаря талантливымъ подражаніямъ и переводамъ перваго директора русскаго театра А. П. Сумарокова, на первыхъ же порахъ казенной русской драматической сценой овладѣваетъ ложноклассическое направленіе, смѣненное впослѣдствіи романтизмомъ.

Въ концѣ концовъ повсюду подъ мишурными аттрибутами реминисценціи античнаго міра беретъ верхъ живой народный духъ. Во Франціи является Мольеръ. Не смотря на самый разгаръ моднаго ложноклассицизма, этотъ провинціальный актеръ создаетъ народную комедію и увлекаетъ толпу вѣрнымъ изображеніемъ горькой дѣйствительности, смѣлымъ осмѣиваніемъ людскихъ пороковъ и общимъ демократическимъ духомъ своихъ пьесъ.

Въ Германіи Лессингъ и Шиллеръ, одинъ за другимъ, кладутъ

прочныя основы національнаго театра въ нѣмецкой литературѣ, а въ Россіи, на ряду съ quasi-историческими пьесами Кукольника и Ободовскаго, раздается могучее, истинно русское слово Гоголя. Русское общество, отчасти вслѣдствіе рѣзкаго диссонанса съ господствовавшимъ ранѣе порядкомъ, отчасти вслѣдствіе новизны и отрицательнаго характера, не сразу понимаетъ и оцѣниваетъ новую школу; но толчокъ уже данъ и русская правда съ этого момента все громче и громче начинаетъ стучать въ двери русскаго театра. Школа Гоголя создаетъ цѣлый переворотъ какъ въ составѣ жрецовъ и жрицъ Мельпомены, такъ и въ самой театральной толпѣ, всегда жадно воспринимающей всякое новое слово.

Вскорѣ наступаетъ знаменитая эпоха шестидесятыхъ годовъ: благодѣтельныя реформы Императора Александра II, общее возрожденіе русскаго общества обращаютъ вниманіе лучшихъ, передовыхъ людей на вчерашнихъ (рабовъ) крѣпостныхъ и начинается насажденіе въ народѣ научно-полезныхъ знаній; на ряду съ этимъ выступаетъ на очередь и вопросъ о разумномъ театрѣ для народа. Впервые такой театръ возникаетъ въ Одессѣ въ 1871 г., а въ слѣдующемъ 1872 г. въ Москвѣ на Политехнической выставкѣ. Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ опытныхъ театральныхъ организаторовъ, оба театра просуществовали не долго. И въ настоящее время можно указать только на два крупныхъ постоянныхъ народныхъ театра, именно на Васильевскомъ островѣ въ С.-Петербургѣ и въ селѣ Александровскомъ за Невской заставой.

Въ послѣднее время вопросъ о народномъ театрѣ все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ интересовать наше интеллигентное общество. Чаще и чаще мы слышимъ то объ отдѣльныхъ спектакляхъ, то даже о постоянной театральной организаціи въ уѣздахъ, на фабрикахъ, въ деревняхъ. Исполнителями пьесъ являются любители-интеллигенты, любители изъ народа, а иногда и профессіональные артисты. Въ свое время много было говорено и писано о какомъ-то особенномъ репертуарѣ для народныхъ театровъ, но въ наши дни, благодаря многочисленной практикѣ, всѣ эти разсужденія являются, по меньшей мѣрѣ, праздными *). Нуженъ просто дешевый театръ, который служилъ бы хорошимъ подспорьемъ народной школѣ, а въ этомъ послѣднемъ случаѣ только художественный, а не примѣрно-поучительный репертуаръ можетъ поднять умственный уровень заурядныго зрителя.

Какъ показываетъ практика, собственными своими средствами народный театръ у насъ существовать не можетъ: къ этому роду удовольствій приходится еще пріучать народъ и большею частью приходъ

*) См. коллекцію отзывовъ зрителей изъ рабочихъ о спектакляхъ, поставленныхъ на масляницѣ текущаго года, въ статьѣ г. *Тимковскаго* «Вопросъ объ общедоступномъ театрѣ на 1-мъ всероссійскомъ съѣздѣ сценическихъ дѣятелей». («Русское Богатство», № 5, май).

не покрываетъ издержекъ. Конечно, трудно ожидать въ этомъ отношеніи частной инициативы, — необходима помощь государства, общества. Первый съѣздъ сценическихъ дѣятелей, послѣ всесторонняго обсужденія вопроса объ общедоступномъ театрѣ, единодушно высказался за привлеченіе къ театральному дѣлу городскихъ управленій и земствъ. «Очевидно, сама сила вещей, — замѣчаетъ г. Тимковскій, — вызываетъ эту реформу театральнаго дѣла, и права екатеринбургская земская уѣздная управа, которая въ своемъ докладѣ заявляетъ, что выставленный въ программѣ съѣзда вопросъ объ общедоступности театра она считаетъ «наиболѣе насущнымъ и существеннымъ»; правъ шуйскій городской голова, заявляющій въ своемъ докладѣ, что въ открытіи общедоступныхъ театровъ «ощущается настоятельная необходимость» особенно въ такихъ фабрично-заводскихъ центрахъ, какъ Шуя, Иваново-Вознесенскъ и т. п.».

Нѣтъ сомнѣнія, что общество, расходуя значительную сумму на образованіе обывателей въ ихъ малолѣтнемъ возрастѣ, имѣетъ прямую обязанность, и притомъ къ положительной своей выгодѣ, поддерживать умственный и нравственный уровень народныхъ массъ и въ зрѣломъ возрастѣ. Невольно припоминаются слова бывшаго директора московскаго народнаго театра А. Ф. Федотова: «Кто же, какъ не театръ, скорѣе и проще разскажетъ темному человѣку, какъ мыслятъ, чувствуютъ, страдаютъ и радуются, какъ живутъ на бѣломъ свѣтѣ другіе люди? Намъ, не забитымъ однообразіемъ механическаго труда, не оторваннымъ бѣдностью и недосугомъ отъ общества себѣ подобныхъ, трудно представить себѣ то просвѣтленіе духа, ту радость, какую приноситъ одинокому загрубѣлому человѣку созерцаніе чужой жизни, раскрытой художникомъ до самыхъ потаенныхъ уголковъ ея. Онъ, незамѣтно для себя, въ нее входитъ, сливается съ нею и невольно усваиваетъ себѣ то отношеніе къ воспроизводимымъ явленіямъ жизни и тѣ чувства, какія руководили авторомъ при созданіи художественнаго произведенія».

В. Д. Гурѣевъ.

ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА.

(THE CHRISTIAN).

Романъ Холль Кэна.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

КНИГА IV.

Святилище.

*(Продолженіе *).*

Прошло полгода. Въ Лондонѣ царила жестокая паника, нѣчто вродѣ тѣхъ эпидемій безумнаго страха, какія, случалось, въ былыя времена овладѣвали большими городами. Населеніе прониклось мыслью, что Лондонъ въ опасности, что надъ нимъ нависло тяжкое бѣдствіе, что онъ наканунѣ разрушенія.

Имѣлись на лицо и предвѣстники бѣдствія—знаменія, которыя, какъ извѣстно, должны предвѣщать собой второе пришествіе Мессіи: подземный ударъ всколыхнулъ столицу и даже сбросилъ на земь расшатавшуюся печную трубу (гдѣ-то въ Сого); ожидали появленія кометы. Но о второмъ пришествіи не было и рѣчи; бѣдствіе должно было ограничиться однимъ Лондономъ.

Какимъ образомъ это произойдетъ, никто не зналъ въ точности; предположеній строили много; страхъ и смятеніе выливались въ различныхъ догадкахъ. Одни ждали страшнаго землетрясенія, отъ котораго пошатнется соборъ св. Павла, а башни Вестминстерскаго Аббатства низвергнутся и разсыплются въ прахъ. По другимъ свѣдѣніямъ, огнь небесный сойдетъ на нечестивый городъ, и онъ сгоритъ до тла, освѣтивъ кровавымъ заревомъ всю Европу, чтобы всѣ видѣли и поняли, какъ Господь караетъ людей за грѣхи. Наконецъ, третій варіантъ гласилъ, что Темза выйдетъ изъ береговъ и затопитъ всю столицу, причемъ погибнутъ десятки тысячъ зданій и сотни тысячъ народу.

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

Время гибели опредѣляли болѣе точно. Днемъ возмездія будетъ день великаго національнаго торжества—день скачекъ въ Дерби. Этотъ день, посвященный спорту, игрѣ, распутству и пьянству — излюбленный день англичанъ; они дорожатъ имъ больше, чѣмъ годовщинами великихъ политическихъ событій и побѣдъ, больше, чѣмъ религіозными торжествами. Вотъ почему Всевышній избралъ этотъ день, чтобы явить человѣку свое могущество, поразивъ его страхомъ и ужасомъ.

Задаваясь вопросомъ, откуда беретъ начало паника, каждый невольно вспоминалъ о темноглазомъ, высокомъ человѣкѣ, бродившемъ по лондонскимъ улицамъ въ монашеской рясѣ, опоясанной веревкой съ тремя узлами. Никакая одежда не могла бы служить лучшей рамкой для этого смуглаго лица и высокой фигуры. Что-то царственное было въ осанкѣ монаха. Его большіе, блестящіе глаза, слабая улыбка, всегда съ оттѣнкомъ затаенной горечи, его молчаливость, сдержанность, пламенное краснорѣчіе его проповѣдей—все это неотразимо дѣйствовало на воображеніе толпы и покоряло ее, особенно женщинъ.

Обаяніе еще усиливалось тѣмъ, что въ жизни монаха была какая-то тайна. Говорили, что онъ дворянинъ, знатнаго рода, отрекшійся отъ свѣта, принесшій свое богатство и честолюбіе въ жертву Богу. Всю свою жизнь онъ посвятилъ бѣднякамъ и отверженнымъ, въ особенности падшимъ женщинамъ и ихъ несчастнымъ дѣтямъ. Онъ носилъ рясу и повиновался уставу одного изъ монашескихъ братствъ англиканской церкви, но въ то же время былъ священникомъ и имѣлъ приходъ въ Вестминстерѣ. Церковь его являлась центромъ религіозной жизни этого заброшеннаго квартала; въ ея вѣдѣніи находилось не менѣе тридцати различныхъ благотворительныхъ учрежденій, клубовъ, сберегательныхъ кассъ, обществъ трезвости и т. под., но больше всего заботъ священникъ отдавалъ пріютамъ и убѣжищамъ для женщинъ и дѣтей.

У него были помощницы — набожныя женщины, по большой части изъ фешенебельныхъ кварталовъ, опоясывающихъ этотъ убогій закоулокъ Лондона; онѣ составили посестріе. Въ священнослужительствѣ ему помогали братья его ордена; деньги, добываемыя тѣми и другими, онъ раздавалъ бѣднымъ, больнымъ и несчастнымъ. Своихъ денегъ у него не было; кошелекъ его былъ всегда пустъ, благодаря его щедрости. Ходили слухи, что онъ истратилъ тысячное состояніе на добрыя дѣла, на постройку больницъ и убѣжищъ. Онъ велъ жизнь болѣе чѣмъ простую, пренебрегая для себя, и комфортомъ, и удобствами. Жилъ онъ подъ церковью въ двухъ комнаткахъ, прежде занимаемыхъ пѣвчими, и спалъ на больничной койкѣ, завернувшись въ плащъ, который зимою служилъ ему верхней одеждой. У него былъ прислужникъ — бѣлецъ изъ Братства, высокій, угрюмый малый, съ расплывшимися чертами лица, который служилъ ему, любилъ его и былъ ему преданъ, какъ собака. Была у него и другая собака, на-

стоящая, — бульдогъ, наводившій ужасъ на всѣхъ, кто возбуждалъ его ревность или гнѣвъ его господина. Говорили, что онъ — воплощенное самоотреченіе, что никогда еще человѣкъ до такой степени не уподоблялся Христу. Всѣ его звали «батюшкой».

Достовѣрно было извѣстно только одно: что «батюшка» съ неслыханной силой громитъ пороки своихъ современниковъ, а когда онъ говоритъ о жестокости свѣта по отношенію къ женщинѣ, объ окружающихъ ее искушеніяхъ и ловушкахъ, о горькой участи, ожидающей ее, когда пройдетъ лѣто и наступитъ зима ея жизни, глаза его сверкаютъ неземнымъ огнемъ, а рѣчь звучитъ такъ пламенно, какъ будто ангелъ коснулся устъ его пылающимъ углемъ съ жертвенника. Кара Божія постигнетъ города и народы, терпящіе у себя такой развратъ, продуктъ ложной цивилизаціи. Часъ возмездія близокъ; онъ неотвратимъ; не будь единицъ, искупающихъ своей добродѣтелью пороки богатыхъ и сильныхъ міра сего, жалкій фарсъ давно пришелъ бы къ концу; лишь ради нѣсколькихъ праведниковъ Господь щадитъ Содомъ; иначе гнусный городъ давно былъ бы разрушенъ. Находились люди, которые смѣялись надъ такими пророчествами, но это было все равно, что лить холодную воду на известь: чѣмъ больше вы льете, тѣмъ сильнѣе она дымится.

Мало-по-малу толпа окружила фигуру «батюшки» ореоломъ сверхъестественнаго; на него стали смотрѣть какъ на посланника Божія. Однажды, посѣтивъ больного ребенка, онъ сказалъ: «Это скоро пройдетъ». Дитя немедленно выздоровѣло; съ тѣхъ поръ ему приписывали силу цѣлить. Его подстерегали на улицѣ, чтобы коснуться его руки. Послѣ службы его иной разъ болѣе получаса не выпускали изъ церкви; каждый изъ прихожанъ старался дотронуться до него, проходя мимо. Люди, весьма здравомыслящіе во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, увѣряли, что, пожимая его руку, они ощущаютъ какъ бы прикосновеніе электричесраго тока. Больные утверждали, что при видѣ его имъ становится лучше; шарлатаны продавали платки, будто бы благословленные имъ. Онъ не разъ протестовалъ, говоря, что не надо ни дотрогиваться до него, ни смотрѣть на него, что достаточно одной вѣры: «вѣра твоя спасетъ тя!» но толпа продолжала безумствовать; на улицахъ ему не давали проходу; за нимъ бѣгали по пятамъ, испрашивая благословенія.

Въ его церкви и всегда бывало тѣсно, а наканунѣ того дня, которому предстояло рѣшить участь Лондона, ее буквально осадили толпы народу. Говорили, будто онъ въ своихъ проповѣдяхъ обѣщалъ, что въ годину бѣдствія часть жителей будетъ пощажена, какъ израильтяне были пощажены въ періоды язвъ, опустошавшихъ Египетъ. Тысячи людей, слишкомъ бѣдныхъ для того, чтобы покинуть Лондонъ, рѣшили провести ночь наканунѣ страшнаго дня подъ открытымъ небомъ, въ садахъ и паркахъ. Паника царила ужасная; газеты

требовали вмѣшательства властей, крича, что все это грозитъ опасностью общественному спокойствію и что главный виновникъ долженъ быть лишенъ возможности вліять на толпу. Пусть онъ неповиненъ въ активномъ соблазнѣ, пусть онъ посвятилъ свою жизнь религіознымъ и гуманитарнымъ задачамъ, пусть его горячая вѣра и выполненіе на дѣлѣ Божіихъ завѣтовъ подобны *свѣту, свѣтящему во мракѣ*, пусть онъ не виновенъ въ нелѣпомъ искаженіи его словъ послѣдователями,—все это нельзя принимать въ разсчетъ: «батюшка» человѣкъ опасный; онъ виновникъ паники, его нужно арестовать и держать въ заключеніи.

Утро въ день скачекъ встало сѣрое, туманное,—одно изъ тѣхъ которыя несутъ съ собой зной и грозу. Въ этой тяжелой удушливой атмосферѣ два вида горячки одновременно овладѣли Лондономъ—суевѣрный страхъ и страсть къ игрѣ и спорту.

II.

Лондонъ—чудовище съ нѣсколькими сердцами, способное къ самымъ разнообразнымъ эмоціямъ, и даже въ этотъ періодъ лихорадочнаго возбужденія его волновали вещи, ничего общаго съ предидущимъ не имѣющія. Волновали его новая пьеса и новая исполнительница. Пьеса была «рискованная»; она изображала падшую женщину такой, какова она есть въ дѣйствительности, а не запятнанной голубкой, или игрушкой чувства. Исполнительница была артистка, игравшая главную роль. Она была мало извѣстна и первый разъ выступала на сценѣ, но ходили слухи, что въ ней есть что-то общее съ типомъ, который она должна была изображать. Съ перваго же представленія она имѣла огромный успѣхъ; портреты ея красовались въ окнахъ магазиновъ и на страницахъ иллюстрированныхъ журналовъ; она позировала для знаменитыхъ художниковъ; портретъ ея масляными красками былъ выставленъ въ Бёрлингтонъ-гоузѣ.

Пьеса была послѣднее произведеніе скандинавскаго драматурга; артистка—Глори Квэйль.

Въ девять часовъ утра въ день скачекъ Глори сидѣла у себя въ гостиной, одѣтая въ великолѣпный выходной свѣтло-сѣрый костюмъ для прогулки. Она казалась блѣднѣе прежняго и болѣе нервной; натягивая на руки длинныя перчатки, она то поглядывала на часы, то устремляла взоръ въ пространство. На лѣстницѣ послышались торопливые шаги, и въ комнату вбѣжала Роза Маккварри, въ черномъ платьѣ, съ красными розами, нарядная, оживленная и радостная.

— Онъ прислалъ за нами экипажъ и Бенсона, проситъ ѣхать. Ему, должно быть, нельзя—задержали. Поѣдемъ, милочка! Времени терять нечего.

— Ужъ и не знаю, ѣхать-ли?—съ странной серьезностью выговорила Глори.

— Ну, конечно, ѣхать. Почему же нѣтъ? Вы послѣднее время все хандрили; вамъ будетъ полезно развлечься. Цѣлый сезонъ, полгода работы,—надо же дать себѣ отдыхъ. И потомъ, это такой важный день для *него*...

— Ну, хорошо, я поѣду, — сказала Глори и нервнымъ движеніемъ сломала пуговку у перчатки. Она быстро сорвала обѣ перчатки, бросила ихъ на маленькій столикъ, взяла другую пару, лежавшую тутъ же, и послѣдовала за Розой.

Въ жизни Дрэка за это время также произошли перемѣны. Отецъ его умеръ, передавъ ему по наслѣдству, кромѣ состоянія, титулъ баронета и скаковую конюшню. Одна изъ лошадей должна была въ этотъ день участвовать въ скачкахъ. Ее звали Эллана Ваннинъ; она выступала въ первый разъ и не принадлежала къ числу фаворитовъ. Несмотря на перемѣну въ общественномъ положеніи, Дрэкъ все еще занималъ мѣсто личнаго секретаря при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, но всѣ знали, что онъ долженъ сдѣлать блестящую карьеру и что ждутъ только подходящей вакансіи.

Въ честь «истмійскихъ игръ» засѣданіе парламента на этотъ день было отмѣнено; министръ внутреннихъ дѣлъ, лидеръ нижней палаты, заявилъ, что «скачки — благородный и аристократическій спортъ, заслуживающій учрежденія національнаго праздника». Тѣмъ не менѣе министръ, а слѣдовательно, и его секретарь, не могли уклониться и въ этотъ день отъ пріема просителей. Были неотложныя дѣла, требовавшія немедленнаго разрѣшенія.

Въ большомъ зеленомъ кабинетѣ, изъ оконъ котораго открывался видъ на огромную четырехугольную площадь, министръ принималъ депутацію, состоявшую изъ шести священниковъ, въ томъ числѣ архидіакона Уэльзси. Послѣдній взялъ на себя роль оратора. Звучнымъ голосомъ, принявъ важную осанку, онъ витіевато изложилъ суть дѣла. Они пришли сюда противъ воли, съ чувствомъ горя, скорби и униженія, принести жалобу на своего же брата-священника. Рѣчь идетъ объ извѣстномъ м-рѣ Стормѣ,—вѣрнѣе, «отцѣ Стормѣ», ибо онъ совращаетъ народъ въ католичество. Этотъ человѣкъ выставляетъ религію въ смѣшномъ и презрительномъ видѣ, и долгъ каждаго, кто преданъ матери-церкви...

— Извините, господинъ архидіаконъ,—прервалъ его министръ,— это насъ не касается. Обратитесь къ вашему епископу. Онъ самое компетентное лицо...

— Мы уже обращались, сэръ.—Слѣдовало объясненіе, почему епископъ безсиленъ. Онъ не можетъ экстренно уволить священника. Санъ не освобождаетъ его отъ обязанности дѣйствовать легальнымъ порядкомъ, какъ бы дико ни велъ себя его подчиненный. — Но на него должны обратить вниманіе гражданскія власти. Онъ постоянно под-

стрекаетъ народъ къ беззаконнымъ сборищамъ; это грозитъ опасностью общественному спокойствію.

— Что? Какъ?

— Онъ фанатикъ, сумасшедшій; онъ изрекаетъ нелѣпыя и чудовищныя пророчества насчетъ гибели Лондона; благодаря этому, вокругъ его церкви всѣ улицы запружены народомъ; никому проходу нѣтъ, толкаются, дерутся... При такомъ положеніи вещей...

— Еще разъ извините, господинъ архидіаконъ, но, мнѣ кажется, это просто-на-просто дѣло полиціи. Почему вы не обратитесь къ мѣстному коммиссару?

— Мы обращались, сэръ, но онъ сказалъ,—вы не повѣрите,—онъ позволилъ себѣ утверждать, что разъ этотъ человѣкъ не уличенъ въ открытомъ подстрекательствѣ къ бунту, его нельзя...

— Совершенно вѣрно; я сказалъ бы то же.

— Чего же ожидать, сэръ: мятежа, смерти, убійства? Развѣ у насъ не было прецедентовъ? Не лучше ли закону вмѣшаться, раньше чѣмъ что-нибудь серьезное... Я хотѣлъ сказать: прискорбное...

— Ну-съ, господа,—перебилъ его министръ, нетерпѣливо поглядывая на часы,—я могу только обѣщать вамъ, что на это дѣло будетъ обращено надлежащее вниманіе. Я дамъ знать коммиссару; онъ можетъ вызвать отца Сторма.

— Слишкомъ поздно, сэръ. Этотъ человѣкъ опасный безумецъ; его нужно арестовать, держать подъ замкомъ...

— Признаюсь, я не вижу, что онъ такого сдѣлалъ, но если....

Архидіаконъ выпрямился.

— Потому только, что у этого человѣка знатное родство, большія связи... Такъ лучше же одного человѣка, кто бы онъ ни былъ, держать въ заключеніи, чѣмъ подвергать опасности и позору всю церковь и націю.

— Гм!.. Гм!.. Я какъ будто гдѣ-то слыхалъ эти рѣчи... Ну-съ, не буду васъ задерживать. Если нуженъ приказъ о взятіи подъ арестъ...

Умиротворивъ депутатовъ любезными рѣчами и туманными обѣщаніями, министръ, наконецъ, выпроводилъ ихъ. Освободившись, онъ съ отвращеніемъ плюнулъ и перекинулъ черезъ плечо полевой бинокль, готовясь выйти.

— Чортъ бы ихъ побралъ! Какъ эти христіане любятъ другъ друга! Пожалуйста, распорядитесь, Дрэкъ. Первый министръ объявилъ, чтобъ мы дѣйствовали, не принимая въ разсчетъ того, что онъ лично интересуется молодымъ священникомъ. Если дѣйствительно готовится бунтъ, пусть коммиссаръ припасетъ приказъ объ арестѣ... Эге! уже половина одиннадцатаго. Бѣгу! До свиданья!

Нѣсколько минутъ спустя, Дрэкъ, написавъ отношеніе коммиссару, послѣдовалъ за своимъ патрономъ, по особой потайной лѣстницѣ, на площадь, гдѣ его ждали въ коляскѣ Глори и Роза.

Въ честь великаго событія, въ которомъ должна была играть роль и его лошадь, Дрэкъ нанялъ ландо, чтобы ѣхать на скачки компаніей, съ друзьями. Сборнымъ пунктомъ назначенъ былъ одинъ изъ отелей по дорогѣ въ Букингэмскій дворецъ. Здѣсь ихъ ожидалъ лордъ Робертъ, одѣтый по послѣдней модѣ, въ сапогахъ послѣдняго парижскаго фасона и галстухѣ кричащихъ цвѣтовъ, и съ нимъ Бетти Бельманъ въ красномъ съ бѣлымъ платьѣ и большой красной шляпѣ. Была еще дама въ блѣдно-зеленомъ и свѣтлой шляпѣ, другая—въ сѣромъ съ бѣлымъ и третья—въ ярко-голубомъ. Собралась большая, веселая, нарядная компанія, все больше изъ театральнаго міра. Въ одиннадцать часовъ всѣ уже ѣхали по дорогѣ въ Ипсомъ.

Ѣздить въ Дерби въ экипажѣ вышло изъ моды, свѣтскіе люди рѣдко позволяютъ себѣ такую прогулку, а все-таки это очень забавно, и многіе старые спортсмены обдѣлываютъ дѣла именно по дорогѣ.

Лицо Глори постепенно прояснялось. Все забавляло ее, все удивляло. Она сіяла счастьемъ и отбрасывала отъ себя лучи на всѣхъ своихъ спутниковъ. Минутами въ ней сказывалась уроженка деревни; душа ея трепетала созвучіемъ окружающей красотѣ; она полной грудью впивала въ себя ароматный весенній воздухъ и, какъ ребенокъ, вскрикнула отъ восторга, увидавъ зелень каштановъ и красный боярышникъ. Нерѣдко проѣзжіе узнавали ее, снимали передъ ней шляпу; Дрэкъ гордился ея сосѣдствомъ и не скрывалъ этого. Наклонившись къ Розѣ, сидѣвшей позади, онъ шепнулъ: «Сегодня она опять прежняя Глори, правда?»

— Было бы странно, еслибъ она не была весела,—весь свѣтъ у ея ногъ.

Но въ это мгновеніе словно облачко набѣжало на лицо Глори; казалось, свѣтъ и развлеченія не могли заполнить всего ея сердца; въ немъ все-таки оставался пустой уголокъ. Въ Суттонѣ они остановились попоить лошадей; къ нимъ подошла смуглая женщина, съ огромными серебряными серьгами въ ушахъ и чудовищной шляпѣ съ перьями, и предложила «погадать».

— Давайте гадать, Гло,—вскричала Бетти;—я это смерть люблю!

Цыганка протянула руку Глори.

— Покажи ручку, красавица; на ладонь погляжу, всю правду скажу.

— Сначала сдѣлать на ладони крестъ серебромъ?

— Благодарствуй, красавица. А можно всю правду говорить?

— Ну, конечно, матушка, только правду.

— Сегодня ты денегъ лишишься, но это ничего; все кончится благополучно, и тотъ, кого любишь, твоимъ будетъ.

— Вотъ это прекрасно!—въ одинъ голосъ вскричали мужчины.

Дамы хихикали; Глори обернулась къ Дрэку и сказала:

— Ставлю пару перчатокъ противъ Эллана Ваннинъ.

— Идетъ!—сказалъ Дрэкъ, и всѣ засмѣялись.

Цыганка продолжала держать руку Глори, искоса поглядывая на Дрэка.

— Не скажу тебѣ, красавица, какой онъ масти, брюнетъ, или блондинъ; только скажу, что онъ молодой и ростомъ высокъ и хоть гордый, а такой, что за него умереть можно съ радостью. Много тебѣ съ нимъ будетъ хлопотъ; изъ за его дурачествъ, да изъ за твоего сердца недобраго разойдетесь вы на семьдесятъ миль. Ты любишь жить своимъ умомъ, барышня; мужчины топятъ горе въ винѣ, а ты свое горе топишь въ весельи. Только въ концѣ все станетъ, какъ слѣдуетъ быть, и тѣ, что теперь ненавидятъ тебя и завидуютъ, будутъ цѣловать землю, по которой ты ходишь.

— Гло,—вмѣшалась Бетти,—я удивляюсь вамъ, милочка, какъ вы можете слушать подобный вздоръ?

Глори долго не могла опомниться отъ этихъ предсказаній; они проѣхали нѣсколько деревень, прежде чѣмъ ей, наконецъ, удалось преодолѣть свое волненіе. Подъѣзжая къ холму, за которымъ находилось ристалище, они нагнали толпу пѣшеходовъ—подростковъ, усталымъ голосомъ желавшихъ имъ счастья, толстыхъ матросовъ, калѣкъ съ шарманками и оборванцевъ, продававшихъ програмки за четыре пенса или просто выпрашивавшихъ «копѣечку»: «Переночевать негдѣ, помогите бѣдному человѣку!»—цѣлую армію бродягъ, калѣкъ и уродовъ, неизбѣжную принадлежность всякихъ общественныхъ увеселеній.

Одна фигура въ этой толпѣ особенно выдѣлялась своимъ комизмомъ—фигура польскаго еврея, въ длиннополомъ кафтанѣ и залоснившейся шабашовой шапкѣ, сосредоточенно шлепавшаго поодаль отъ другихъ туфлями безъ каблуковъ. Лордъ Робертъ въ это время дразнилъ Бетти, называя ее «элефантомъ» за ея полноту, но когда кто-то обратилъ его вниманіе на еврея, онъ вставилъ стеклышко въ глазъ, посмотрѣлъ и вскричалъ:

— Клянусь Юпитеромъ, отецъ Стормъ!

Прозвище это подхватили его спутники, услыхали въ другихъ экипажахъ, и двадцать голосовъ разомъ со всѣхъ сторонъ кричали растерявшемуся еврею: «Отецъ Стормъ!» Глори покраснѣла до ушей; Дрэкъ принялся насвистывать какую-то арію, чтобы прикрыть ея смущеніе.

— Придержи языкъ, Робертъ!—крикнулъ Дрэкъ.—Господа, слышите?

Они были у подножія горы. Издали доносился глухой гулъ: «О!» вскричала Бетти.—«Ну?» протянула дама въ голубомъ, а Глори замѣтила: «Точно улэй, когда снимешь крышку».

— Погодите, не то еще будетъ,—сказалъ Дрэкъ.

Черезъ минуту всѣ ахнули. Передъ ними открылось ристалище. Во всѣ стороны, куда глазомъ ни кинь, разстилалось черное волнующееся море головъ безъ малѣйшаго просвѣта земли или травы; живая рѣка текла по направленію линіи бѣга; мѣста для публики снизу до

верху представляли собой сплошную темную массу; на противоположномъ холмѣ громоздилась баррикада изъ экипажей, телѣгъ, балагановъ и опять-таки людей. Глори задыхалась отъ восторга, глядѣла и не могла наглядѣться, восклицая:

— Это цѣлая нація! царство!..

Они погрузились въ эти живыя, бурливыя шумныя волны; говоръ и смѣхъ оглушили ихъ; Глори засмотрѣлась на темную фигуру, какъ бы возвышавшуюся надъ всѣми остальными, но въ это время Дрэкъ крикнулъ:

— Ну, теперь держись! Сейчасъ пущу въ галопъ.

Щелкнулъ бичъ, затрубилъ рожокъ, и лошади помчались, какъ вѣтеръ. Бетти взвизгивала, Роза стонала, Глори смѣялась и въ восторгѣ смотрѣла на Дрэка. Какъ только они очутились на другой сторонѣ холма, загудѣлъ колоколъ, возвѣщая о началѣ скачекъ, Глори оглянулась, но темная фигура уже исчезла.

III.

Въ это утро Джонъ Стормъ явился въ церковь чуть свѣтъ; ночной сторожъ еще не кончилъ обхода, но торговцы съ телѣжками и ослами, съ женами и дѣтьми, уже снаряжались, чтобы двинуться въ Ипсомъ. Причастниковъ было много, и служба затянулась, такъ что домой онъ вернулся только въ восемь часовъ. Его ждало письмо отъ дяди: «Получивъ эту записку, немедленно приходи въ Доунингъ-стритъ. Мнѣ необходимо видѣться съ тобой безотлагательно».

Было девять, когда Джонъ подошелъ къ дому перваго министра. Небольшая кучка зѣвакъ проводила его до самой двери.

— Ихъ сіятельство ждутъ васъ въ саду, сэръ,—доложилъ ливрейный лакей и пригласилъ Джона слѣдовать за собой.

Въ маленькомъ тѣсномъ садикѣ, втиснутомъ между Доунингъ-стритъ и Конногвардейскимъ бульваромъ, первый министръ шагалъ по дорожкѣ. Голова его была опущена, поступь тяжела; онъ имѣлъ видъ усталый и удрученный. При видѣ монашескаго одѣянія Джона онъ вздрогнулъ и смутился; но минуту спустя они сидѣли рядомъ, и дядя, стараясь не глядѣть на племянника, говорилъ:

— Я послалъ за тобой, голубчикъ, чтобы предостеречь тебя. Прекрати свой крестовый походъ. Онъ грозитъ опасностью обществу! Богъ вѣсть, чѣмъ все это кончится. Не думай, что я тебѣ не сочувствую. Я сочувствую до извѣстной степени. Не думай также, что я валю на тебя всю отвѣтственность за эту нелѣпую смуту. Я слѣдилъ за тобой и знаю, что на 99 сотыхъ ты тутъ ни при чемъ. Но въ глазахъ общества ты единственный виноватый, и такъ всегда бываетъ на свѣтѣ.

Лицо Джона нервно подергивалось; министръ продолжалъ:

— Полно, полно, въ интересахъ общественнаго мира и спокойствія,

ты долженъ оставить все это. Къ чему рисковать? Ты сѣешь смуту, быть можетъ, смерть. Подумай, голубчикъ, вѣдь мы заинтересованы въ общественномъ благѣ не меньше тебя, а отвѣтственность наша больше. Я не могу пальцемъ пошевельнуть, чтобы помочь тебѣ, Джонъ, не могу защитить тебя. Я послалъ за тобой, потому что... потому что ты сынъ своей матери. Не возлагай на меня бремени, которое мнѣ не по силамъ. Спаси себя и пощади меня.

— Что же надо сдѣлать для этого, дядя?

— Уѣзжай немедленно изъ Лондона и не возвращайся, пока всѣ эти безпорядки не улягутся.

— Ахъ, дядя, это невозможно!

— Невозможно?

— Совершенно невозможно. Я не предсказывалъ гибели Лондона, но я самъ думаю, что мы наканунѣ великихъ перемѣнъ, и если бы вы не прислали за мной, я самъ пришелъ бы къ вамъ просить васъ назначить день для общественнаго молебствія. Надо молить Господа, чтобы Онъ, по милосердію Своему, отвратилъ отъ насъ грядущее бѣдствіе или же обратилъ слово спасенія вѣрнымъ слугамъ своимъ. Въ обществѣ замѣчается упадокъ нравственности, дядя, а когда нравственность падаетъ, конецъ недалекъ. Англія предана праздности, пышности, разврату и наслажденію. Всегда и вездѣ наслажденіе! Игра и пьянство—вотъ два коршуна, пожирающіе жизненныя силы нашего народа. Наша роскошь бьетъ въ глаза,— смѣшная пародія на національное величіе! Наши нравы и обычаи — полная противоположность истинной религіозности.

— Правда, правда...

— Какъ же я могу оставаться спокойнымъ, какъ могу я уйти, когда долгъ каждаго христіанина и патріота кричать, громко кричать, предупреждая объ опасности? У каждаго изъ насъ есть обязанности, какъ могу я уйти отъ своихъ? О, еслибъ церковь понимала, какая отвѣтственность лежитъ на ней, еслибъ она только захотѣла раскрыть глаза...

— У нея есть важныя причины держать ихъ закрытыми и такъ всегда будетъ, пока она не перестанетъ существовать, какъ учрежденіе. Когда-нибудь этотъ день наступитъ, а пока берегись. Духовенство врагъ тебѣ, Джонъ. Намъ, государственнымъ людямъ, слишкомъ хорошо извѣстна жестокость клерикаловъ, прикрывающихся свѣтской властью. Это старая пѣсня; примѣры тому виданы еще въ Палестинѣ. Будь остороженъ, голубчикъ...

— «Если міръ васъ ненавидитъ, знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ!»

Экзальтація Джона все росла и на-ряду съ этимъ росла тревога министра; онъ словно боялся, какъ бы племянникъ не предложилъ ему стать на колѣни и помолиться.

— Ну,—молвилъ онъ, поднимаясь съ мѣста,—полагаю, что я тутъ

ничего не могу подѣлать. Пусть все идетъ своимъ чередомъ, что будетъ, то будетъ.

Онъ перевелъ разговоръ на другія темы, заговорилъ о своемъ братѣ, отцѣ Джона. Недавно онъ получилъ о немъ дурныя вѣсти. Его здоровье сильно пошатнулось; долго онъ не протянетъ; еслибъ сынъ теперь написалъ ему, они могли бы примириться.

Джонъ сидѣлъ молча, опустивъ голову; первый министръ понялъ, что слова его не произвели никакого впечатлѣнія. На увядшемъ старческомъ лицѣ проступила ледяная улыбка.

— Въ одномъ отношеніи ты нисколько не усовершенствовался, мой милый. Знаешь ли ты, что ты ни разу не былъ у меня съ того дня, какъ сообщилъ мнѣ, что женишься и намѣренъ идти по стопамъ отца Даміана!

Джонъ вздрогнулъ и лицо его снова нервно передернулось.

— Это была дикая фантазія, Джонъ. Не удивительно, что твоя невѣста не позволила тебѣ осуществить ее. Но она могла бы разрѣшить тебѣ изрѣдка навѣщать стараго родственника.

Блѣдное лицо Джона выражало мучительную боль, грудь его бурно вздымалась.

— Ну, хорошо, хорошо,—дядя взялъ его за руку,—я не упрекаю тебя. Есть страсти, которыя охватываютъ всю душу, не оставляя въ ней свободнаго уголка,—я это отлично знаю; кто подпадетъ вліянію такой страсти, тому ужъ некогда помнить ни о родныхъ, ни о близкихъ. Прощай, голубчикъ!.. Прошу сюда.

Лакей подошелъ къ министру и шепнулъ ему что-то на счетъ толпы, собравшейся возлѣ дома. Джонъ вышелъ изъ сада черезъ калитку, прямо въ паркъ.

Три часа спустя посѣтители скачекъ замѣтили высокаго человѣка въ рясѣ, который влѣзъ въ пустую телѣжку и видимо собирался держать рѣчь. Онъ стоялъ какъ разъ противъ призового столба, окруженный плотнымъ кольцомъ колясокъ, ландо и кабріолетовъ, въ которыхъ сидѣли нарядныя женщины въ свѣтлыхъ платьяхъ, угощаясь шампанскимъ и сандвичами; имъ прислуживали ливрейные лакеи. Это былъ какъ разъ моментъ перерыва между двумя номерами программы. За лабиринтомъ экипажей виднѣлся рядъ людей въ одеждахъ изъ синяго шелка и зеленаго альпага; они стояли на стульяхъ, подъ огромными зонтиками и, показывая раскрытыя книжечки, предлагали разгоряченной, потной толпѣ внизу держать пари.

— Мужи и жены!—началъ высокій человѣкъ въ телѣжкѣ и пять тысячъ головъ одновременно обернулись въ его сторону. Люди съ книжечками продолжали гнусавымъ голосомъ выкрикивать свои предложенія, но на нихъ уже не обращали вниманія.

— Это батюшка, отецъ Стормъ!

Имя Джона повторялось тысячами устъ, подъ акомпаниментъ гром-

каго смѣха и хихиканья, вольныхъ шутокъ и легкой брани; тѣмъ не менѣе толпа хлынула къ нему и все свободное пространство между экипажами заполнилось удивленными, любопытными лицами.

— Добрый старый батя!—смѣясь, кричали ему.—А что, старикъ, когда ждать свѣтопреставленія?—Кто-то прошелся на счетъ «поповскихъ юбокъ». И снова послышался смѣхъ. Проповѣдникъ молча выжидалъ. Наконецъ, спокойное достоинство его осанки и любовь англичанъ ко всякимъ зрѣлищамъ заставили толпу притихнуть. Онъ началъ среди общаго молчанія:

— Не знаю, дозволяется ли здѣсь держать рѣчи, но я готовъ рискнуть нарушеніемъ правилъ, ибо дѣло мое неотложное и время не терпитъ. Мужи и жены Лондона, вы собрались здѣсь подъ ложнымъ предлогомъ. Вы увѣряете себя и другихъ, что пришли сюда изъ любви къ спорту, но вы сами знаете, что это неправда. Спортъ развлеченіе суетное, но простительное; любить лошадей и наслаждаться ихъ быстрымъ бѣгомъ не составляетъ грѣха, но вы пришли сюда, чтобы предаться непростительному пороку. Вы пришли сюда играть и къ игрѣ вы присоединяете всѣ виды излишествъ и распутства. Я не боюсь сказать вамъ это въ глаза, ибо Господь послалъ меня къ вамъ и я хочу исполнить свой долгъ. Ваши скачки поощряютъ не разведеніе скаковыхъ лошадей, а развратъ, алчность и пьянство. Не думайте,—продолжалъ онъ, вглядываясь въ раскрашенныя лица нарядныхъ женщинъ, которыя старались улыбаться и дѣлать видъ, что имъ очень весело,—не думайте, что я буду нападать на несчастныхъ, которыхъ ложная цивилизація вынуждаетъ торговать своей красотой. Онѣ—друзья мои; я полжизни провожу среди нихъ. Между ними есть женщины, сердца которыхъ чисты, какъ ясное небо, и когда я подумаю, что онѣ выстрадали отъ мужчинъ, мнѣ становится стыдно, что я мужчина. Но,—о сестры мои!—и къ вамъ я посланъ и дѣло мое неотложно. Вы переживаете лѣто вашей жизни, но вѣдь для каждой изъ васъ наступитъ зима, когда не будетъ ни солнца, ни роскоши и наслажденій, ни лести и похвалъ, когда тѣ, кому вы отдали лучшіе годы своей жизни...

— Галло! Прочь съ дороги! Па-а-ди!

Коляска, запряженная четверней, неслась во весь опоръ, подымая облака пыли; грохотъ колесъ, крики возницы и звуки рожка сливались въ одно внушительное цѣлое; толпа шарахнулась въ сторону, чтобы дать дорогу.

— Это Глорія!—пронеслось въ толпѣ.

Все обаяніе рѣчи пропало. Ораторъ сдѣлалъ паузу, обернулся и увидалъ Глори. Она сидѣла на козлахъ рядомъ съ Дрэкомъ, красивая, нарядная, веселая; вся озаренная лучами солнца, она улыбалась, и ему показалось, что она смѣется прямо въ лицо ему.

Онъ снова началъ говорить, сбился и замолчалъ. Ударили въ колоколъ. Всѣ заволновались. «Пускаютъ!»—крикнулъ кто-то и, прежде

*

чѣмъ Джонъ Стормъ успѣлъ опомниться, толпа подхватила его и увлекла за собой.

IV.

Блестящее зрѣлище снова привело Глори въ хорошее настроеніе. Она то и дѣло смѣялась и вскрикивала и, какъ ребенокъ, жила минутой. Всѣ узнавали ее, почти всѣ ей кланялись. Дрэкъ сіялъ радостью и гордостью. Онъ водилъ ее по всему ристалищу, отвѣчалъ на ея вопросы, подчеркивалъ ея шутки и все объяснялъ ей, предоставивъ лорду Роберту занимать другихъ гостей.—Кто такіе эти «обитатели шатровъ?»—Члены гвардейскаго клуба; кромѣ того, здѣсь не мало представителей арміи: артиллеристы, королевскіе гусары и офицеры линейнаго полка изъ Ольдершота. А вотъ такъ называемая «Гора», пріютъ развеселыхъ молодцовъ, которые поднимаютъ оброненныя пальто и забытыя въ экипажахъ корзинки съ провизіей. Да, карманные воришки, шулера, нищіе, попрошайки и плуты всѣхъ разрядовъ разставляютъ здѣсь сѣти простакамъ, обдѣлываютъ дѣла на глазахъ у полиціи. Это ихъ святилище.—Земля обѣтованная?—Ха-ха-ха! Ну да!—И библейскіе патріархи здѣсь? Гдѣ же они?—Ахъ,. вотъ эти крикуны въ бархатныхъ кафтанахъ, подъ знаменами и парусиновыми вывѣсками, на которыхъ обозначены библейскія имена,—Моисей, Ааронъ и т. д.?..—Ну да, это «*boocies*», люди съ книжечками, предлагающіе записываться на пари, по большей части евреи. «Bookies» выкрикивали какія-то непонятныя слова; Глори разспрашивала Дрэка о значеніи ихъ; тотъ объяснялъ.

— Кажется, развлеченій достаточно?—Да, негры, арфистки, министрели, силачи, акробаты, клоуны, женщины, прогуливающіяся на ходуляхъ и т. п. и т. п.—Что такое «Африканская чаща»? Тиръ съ чучелами львовъ и медвѣдей.—Выставка изящныхъ искусствъ?—Выставлена одна картина, изображающая казнь черезъ повѣшеніе двухъ убійцъ. Мѣсто для бокса? Да, борются между собой женщины, обнаженныя до пояса, и, надо отдать имъ справедливость, борются, не жалѣя себя. А вотъ расфранченная леди продаетъ мѣдные соверены по копѣйкѣ за штуку.

— Купите, господа, присмотритесь, какіе бываютъ фальшивыя деньги, чтобы «bookies» васъ не надули!

— Кормиться тоже есть гдѣ?—Да, три ресторана, и цѣлая куча телѣжекъ съ душеными угрями, яицами «въ крутую», телячьими ножками, устрицами, кокосовыми орѣхами и тому подобными лакомствами. Почему эту собаку зовутъ «поварской»? Потому что она навѣрное окончитъ свою жизнь на кухнѣ.

Они взбирались на холмъ, лавируя между экипажами, задыхаясь въ удушливой атмосферѣ, отравленной запахомъ эля и нечистымъ дыханіемъ пьяныхъ.

Глори привлекала общее вниманіе, и Дрэкъ гордился ею. Одно чрез-

вычайно важное лицо пожелало быть ей представленнымъ, объявило, что присутствовало на первомъ представленіи ея пьесы, и предсказывало ей блестящій успѣхъ. Глори ничуть не сконфузилась. Она слегка покраснѣла, чуть замѣтно дрогнула ея нижняя губка и только; оказанную ей честь она приняла, какъ должное. Принцъ устраивалъ завтракъ и пригласилъ ее вмѣстѣ съ Дрэкомъ. Здѣсь были самые сливки общества; Глори занималась наблюденіями надъ сильными міра сего и находила ихъ очень забавными.

— Ну что, какъ вамъ здѣсь нравится?—спрашивалъ Дрэкъ.

— Я нахожу, что многіе изъ присутствующихъ здѣсь не на своемъ мѣстѣ. Вотъ этотъ напримѣръ, господинъ, — ему бы слѣдовало быть подручнымъ конюха. А та дама въ платьѣ mouve—совсѣмъ типъ кордебалетной танцовщицы, только...

— Тише, ради Бога!—Но Глори шепнула:

— Пойдемте куда-нибудь въ уголокъ, посмѣяться.

Она сидѣла между Дрэкомъ и толстымъ господиномъ съ огромной бородой, разсыпавшейся, какъ водопадъ.

— Много ставятъ противъ вашей лошади, Дрэкъ?

Дрэкъ сталъ высчитывать. Глори оторвалась отъ своихъ наблюденій и спросила:

— Сколько, вы сказали?

— Это для васъ запретный плодъ.

— Какой вздоръ! Я непремѣнно хочу попытать счастья и буду играть противъ васъ.

Ей объяснили, что одни «bookies» держать пари противъ лошадей, но господинъ съ бородой согласился помѣняться ролями и принять ея ставку—десять противъ одного, противъ Эллэнъ Ваннинъ.

— Что означаетъ эта погоня за чуждыми богами?—спросилъ Дрэкъ.

— Не ваше дѣло, милостивый государь. Знаете, «изъ устъ грудныхъ дѣтей и младенцевъ»...

Въ эту минуту ударили въ колоколъ, и они поспѣшили на свои мѣста. Полиція очищала дорогу для лошадей.

Бѣлый флагъ на столбѣ упалъ, что было сигналомъ къ старту, и толпа загудѣла: «Пускаютъ!» Затѣмъ мгновенно наступило молчаніе, мертвая тишина, и всѣ глаза, монокли и лорнеты повернулись въ сторону скакуновъ.

Лошади дружно взяли съ мѣста и, не разрывая линіи, словно кавалерійскій отрядъ идущій въ аттаку, взлетѣли на вершину холма; у перваго столба фаворитъ опередилъ другихъ; остальныя слѣдовали за нимъ сплошной массой. Но, спускъ повидимому, пришелся ему не по вкусу; онъ все время вертѣлся: жокей натягивалъ возжи и совсѣмъ припадалъ къ шеѣ лошади. Когда скакуны обогнули Таттенгэмъ-корнеръ и показались снова вдали, маленькіе, словно мыши, всѣ замѣтили, какъ другая лошадь прибавила шагу и однимъ громаднымъ скачкомъ

опередила фаворита. Цвѣтъ жокея былъ черный съ бѣлымъ; лошадь была Эллавъ Ваннинъ. Съ этой минуты она все время держала другихъ лошадей на почтительномъ разстояніи и пришла къ столбу первой.

Взволнованная толпа ревѣла отъ восторга. Глори, схватившись рукой за плечо Дрэка, кричала, плакала и смѣялась въ одно и тоже время.

— А *вы* проиграли,—замѣтилъ Дрэкъ.

— О, развѣ можно объ этомъ говорить!

— Зачѣмъ вы держали противъ меня?

— Глупый вы мальчикъ,—засмѣялась она веселымъ, счастливымъ смѣхомъ;—да вѣдь цыганка же мнѣ предсказала, что я сегодня проиграю. Какъ же мнѣ было ставить на вашу лошадь? То же бы проиграли *вы*.

Дрэкъ пришелъ въ восторгъ отъ этой милой хитрости и едва удержался, чтобъ не схватить ее въ свои объятія и не расцѣловать. Къ нему то и дѣло подходили знакомые, хлопали его по плечу, осыпали поздравленіями. Ему непремѣнно хотѣлось самому отвести свою лошадь въ ограду; лордъ Робертъ повелъ туда Глори. Ихъ ждали треннеръ и жокей, гордые, радостные. Дрэкъ, съ блѣднымъ, но торжествующимъ лицомъ водилъ лошадь подъ уздцы, какъ будто ему жаль было разстаться съ нею. Скакунъ тяжело дышалъ; грудь его, голова и уши были покрыты крупными каплями пота.

— Ахъ, ты, красота моя! Съ какой бы радостью я покаталась на тебѣ!—вскричала Глори.

— Вы бы рѣшились?—спросилъ Дрэкъ.

— Я? Только позвольте.

— Позволяю, кляну...—за мной дѣло не станетъ.

Принесли шампанское; Глори заставили выпить за «лучшую лошадь конца вѣка», потомъ за ея хозяина, «милѣйшаго малаго»; потомъ за «самый знаменательный день въ исторіи эпсомскихъ скачекъ». Послѣ третьяго бокала ее оставили въ покоѣ; а мужчины, по предложенію Дрэка, выпили еще тостъ за здоровье «самой милой, самой веселой, самой обаятельной женщины въ мірѣ, благослови ее Боже!» Глори смѣялась, прятала лицо въ ладони и говорила: «Господа, скажите мнѣ, когда кончится: тогда я опять выгляну».

Дрэкъ, наконецъ, отвѣтилъ на всѣ телеграммы, отдѣлался отъ интервьюеровъ, и они всѣ пошли къ коляскѣ. Пора было возвращаться домой. Солнце скрылось за густыми свинцовыми тучами; небо хмурилось; у Глори начинало болѣть между глазами. Роза должна была ѣхать прямо домой, чтобы во-время попасть въ редакцію, и Глори почти хотѣлось уѣхать вмѣстѣ съ нею; но въ этотъ вечеръ она не участвовала въ спектаклѣ, и отговориться было нечѣмъ. Лавируя среди густой толпы экипажей, коляска ихъ съ трудомъ взобралась на вершину холма, и, уносимая отливомъ живой рѣки, двинулась назадъ въ Лондонъ.

— А что же моя пара перчатокъ?

— Вотъ жестокій человѣкъ: жнетъ, гдѣ не сѣялъ, и собираетъ...

Дрэкъ повернулся назадъ и на лету поцѣловалъ ее въ щеку, говоря: «Ну, ладно, теперь мы квиты!» Было ясно, что онъ выпилъ лишнее.

V.

Въ то время, какъ Эллanъ Ваннинъ обгоняла своихъ соперницъ, отъ ристалища, по пустынной теперь дорогѣ, медленно двигался человѣкъ, направляясь къ желѣзнодорожной станціи. Ревность и гнѣвъ терзали его сердце, но онъ ни за что не сознался бы, что способенъ поддаваться такимъ страстямъ; онъ былъ увѣренъ, что испытываетъ лишь отвращеніе, жалость и стыдъ. Джонъ Стормъ видѣлъ Глори на скачкахъ, въ обществѣ Дрэка, такъ сказать, подъ его защитой; видѣлъ *его* гордымъ, торжествующимъ, *ее*—веселой, оживленной, счастливой.

— Боже, помоги мнѣ! Смилуйся надо мною, Боже!

Теперь, разбитый физически, еле передвигая ноги, онъ мысленно видѣлъ ее жертвой этого человѣка, его игрушкой, которую можно по желанію взять, или бросить; вѣдь она не лучше женщинъ, окружавшихъ ее, и кончитъ тѣмъ же, чѣмъ кончаютъ онѣ. Въ одинъ прекрасный день онъ найдетъ ее тамъ, гдѣ находилъ другихъ, покинутой, отверженной, погибшей, увлеченной водоворотомъ жизни на самое дно, заклейменной гнуснымъ и презрительнымъ именемъ.

— Боже, помоги ей! Боже, спаси ее!

Въ обратномъ лондонскомъ поѣздѣ было вообще очень немного пассажировъ, а въ отдѣленіи, куда онъ вошелъ,—ни души. Онъ забился въ уголъ, сжигаемый негодованіемъ и какимъ-то страннымъ чувствомъ униженія. Онъ снова видѣлъ передъ собой ея блестящіе глаза, алыя губы, все ея сіяющее радостью личико, и приступы ревности разрывали его сердце на части. Вѣдь это была *его* Глори. Пусть между ними зіяетъ бездна, душа ея принадлежитъ ему, Джону, и ненависть къ человѣку, обладавшему ея тѣломъ, давила ему горло. Противъ этого возставала вся его гордость, вся религіозность. Онъ старался овладѣть собой, дать иное направленіе своимъ мыслямъ, какъ спасти ее? Если Глори погибнетъ, его замучатъ угрызенія совѣсти; они жгутъ больнѣе адскаго огня. Чѣмъ менѣе она достойна, тѣмъ упорнѣе онъ долженъ бороться за ея душу, чтобы вырвать ее изъ когтей діавола, спасти отъ адскихъ мукъ.

Признаки душевной борьбы исчезли съ его лица, пока онъ дошелъ до церкви, но тамъ его ждало новое испытаніе. До вечерней службы оставалось еще около часа, но на площади уже стояла толпа. Онъ хотѣлъ было проскользнуть незамѣтно, но его тотчасъ окружили, одни, чтобы пожать его руку, другіе, чтобы коснуться его одежды; многіе

становились передъ нимъ на колѣни и цѣловали его ноги. Съ чувствомъ стыда и невольнаго лицемѣрія онъ, наконецъ, освободился и прошелъ въ ризницу, къ брату Эндрью. Добрякъ принесъ для него цѣлый коробъ разсказовъ. Въ продолженіе дня Духъ Святой нѣсколько разъ чудесно проявилъ свою силу; между прочимъ, хромоногій сторожъ, поздоровавшійся утромъ за руку съ «батюшкой», теперь бросилъ костыль и ходитъ, какъ всѣ люди, славя Бога.

Церковь была большая, четырехугольная, очень просто убранная и обветшалая. Прихожане были замѣтно взволнованы, но служба, повидимому, дѣйствовала на нихъ успокоительно. Служба шла чинно и строго, какъ въ монастырѣ; служили, соблюдая весь обычный ритуалъ, но безъ ризъ. Проповѣдь говорилъ самъ Джонъ Стормъ, на текстъ, выбранный изъ перваго посланія къ коринѳянамъ: «Предадимъ его сатанѣ во изможденіе плоти, чтобы духъ его былъ спасенъ въ день Господа нашего, Іисуса Христа».

Слышавшіе эту проповѣдь говорили послѣ, что въ жизнь свою не слыхали ничего подобнаго. Голосъ проповѣдника, глухой и низкій, вздрагивалъ отъ волненія. Предметомъ проповѣди была любовь. Изъ всего, что оставлено Богомъ своимъ созданіямъ, любовь—главное наслѣдіе, самое высокое и чистое, лучшее и самое сладостное. Но человѣкъ извратилъ и унизилъ ее, поддавшись навѣтамъ сатаны и вожделѣніямъ плоти. Изгнаніе нашихъ прародителей изъ рая не болѣе, какъ поэтическій прообразъ того, что̀ происходило во всѣ времена, происходитъ и теперь. Лондонъ, этотъ современный Содомъ, поплатится за свои грѣхи точно такъ же, какъ города древняго Востока. Незачѣмъ ждать непремѣнно потопа, огня, или бури, опредѣленнаго дня и часа. Кара, которая постигнетъ Англію, подобно египетскимъ казнямъ, будетъ однородна съ виной. Мы извратили смыслъ любви. Кто знаетъ, не покараетъ ли насъ Господь именно тѣмъ, въ чемъ мы согрѣшили, не отниметъ ли Онъ у людей самаго чувства любви, со всѣмъ, что̀ къ нему причастно, хорошимъ и дурнымъ, духовнымъ и чувственнымъ, низменнымъ и святымъ?

Тяжелыя тучи, изливавшія зной, казалось, спустились въ самую церковь; мракъ сгущался и въ этомъ мракѣ слабо вырисовывалось лицо проповѣдника, съ горѣвшими, какъ раскаленные угли, глазами; а онъ все говорилъ, рисуя страшную картину послѣдствій Божьей кары. Міръ, изъ котораго исчезли безкорыстіе, самопожертвованіе, героизмъ, рыцарство, честность, міръ безъ смѣха и дѣтей! Міръ, гдѣ всѣ люди изолированы, одиноки, гдѣ каждый живетъ особнякомъ, считая себя центромъ вселенной и, словно изгнанникъ, проклятый самъ собой, не вѣдая ни любви, ни брака, стремится къ вырожденію и смерти! Вотъ какой карой можетъ покарать Господь злой и жестокій городъ за его плотскія прегрѣшенія.

Проповѣдникъ мало-по-малу утратилъ всякую власть надъ собой.

Фантазія рисовала ему картины, одна страшнѣе другой; слушатели внимали, пораженные, замирая отъ ужаса; только когда запѣли послѣдній гимнъ, краска снова выступила на ихъ блѣдныя лица. Гимнъ этотъ пѣли всѣ хоромъ и, послѣ благословенія, выходя густою толпою изъ церкви, начали пѣть его снова.

Даже и по выходѣ, они не могли разойтись; на площади стояли тысячи не успѣвшихъ попасть въ церковь, и съ каждой минутой количество ихъ расло. На землѣ негдѣ было иголкѣ упасть; раскрытыя настежь окна сосѣднихъ домовъ были усѣяны лицами; люди карабкались на церковную ограду, иные даже на крыши.

Кто-то пробрался въ ризницу доложить «батюшкѣ», что происходитъ у церкви. Тотъ самъ дошелъ до такого состоянія, что совершенно не владѣлъ собою. Выйдя на высокое крыльцо церкви, откуда всѣ могли его видѣть, онъ воздѣлъ руки горѣ и началъ молиться звучнымъ голосомъ, полнымъ пламенной вѣры:

— Доколѣ, о Господи, доколѣ? Изъ лона Отца Твоего, гдѣ Ты почилъ отъ трудовъ, воззри на землю, по которой Ты ходилъ во образѣ человѣческомъ. Не Ты ли училъ насъ молиться: «Да пріидетъ царствіе Твое»? Не Ты ли говорилъ, что царство Твое близко, что иные, изъ бывшихъ съ Тобою, не вкусятъ смерти, доколѣ не увидятъ его? Что когда оно наступитъ, бѣдные возликуютъ, алчущіе насытятся, слѣпые узрятъ, труждающіеся и обремененные успокоются, и воля Отца Твоего будетъ твориться на землѣ, какъ и на небесахъ. И вотъ ужъ около двухъ тысячъ лѣтъ прошло, о Господи, а царствіе Твое все еще не наступило. Во имя Твое фарисей, раздавая милостыню на улицахъ, всѣхъ возвѣщаетъ объ этомъ трубнымъ звукомъ, посылая передъ собою глашатая. Во имя Твое левитъ, завидѣвъ человѣка, ограбленнаго разбойниками, переходитъ на другую сторону улицы. Во имя Твое священникъ торгуетъ благою вѣстью о приближеніи царствія Твоего, выдавая за слово Божіе заповѣди человѣческія, и живетъ въ роскошныхъ палатахъ, и разъѣзжаетъ въ пышныхъ экапажахъ, и молясь устами: «Хлѣбъ нашъ насущный, даждь намъ днесь», въ то же время говоритъ душѣ своей: «Душа, много у тебя добра запасено на многіе годы; покойся, ѣшь, пей, веселись!» Доколѣ, о Господи, доколѣ?

Не успѣлъ Джонъ Стормъ отойти, какъ изъ свинцовыхъ тучъ раздался первый ударъ грома. Раскаты были вначалѣ такъ глухи, что среди шума и говора ихъ почти никто и не замѣтилъ; но громъ гремѣлъ снова и снова, и съ каждымъ разомъ все сильнѣе. Возбужденіе толпы дошло до крайности. Казалось, само небо заговорило, предвѣщая близость и неотразимость давно предсказанной кары.

Въ толпѣ послышался истерическій плачъ, какая-то женщина билась и кричала словно въ родовыхъ мукахъ. За ней разрыдалась молодая дѣвушка, моля о пощадѣ и взводя на себя безчисленныя и небывалыя вины. А тамъ и вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, загудѣла, заревѣла

и застонала; вопли отчаянія перемѣшивались съ взрывами дикаго смѣха и безумными возгласами: «Прости! прости!» «Іисусе, спаси насъ!» «Спасе мой, буди милостивъ мнѣ грѣшному!» «Боже, сжалься надъ нами!» «Сердце мое, сердце!» Иные кидались на землю и лежали неподвижно, ничего не слыша, не чувствуя, словно мертвые; другіе, склонясь надъ ними, молились, чтобы Господь освободилъ ихъ изъ подъ власти сатаны. Одни бились въ конвульсіяхъ; другіе, дико уставившись въ одну точку, ликовали, воображая себя спасенными.

Уже почти смерклось; часть уѣхавшихъ спозаранокъ въ Дерби, возвращалась домой, съ хохотомъ и пѣснями; почти всѣ были пьяны.

Въ девять часовъ вестминстерская полиція, сознавъ свое безсиліе разогнать толпу, послала въ Скотландъ-ярдъ за вооруженнымъ отрядомъ конницы.

VI.

Тѣмъ временемъ главный виновникъ всей этой суматохи сидѣлъ одинъ въ своей каморкѣ подъ церковью, бѣдной комнаткѣ съ голыми стѣнами, похожей на келью, безъ всякаго убранства, даже безъ коврика у кровати; всей мебели въ ней было: простая деревянная койка, маленькій умывальникъ, два стула, столъ, аналой и распятіе, да на стѣнѣ изображеніе Богоматери съ младенцемъ. Пѣніе толпы внизу долетало до него, но не несло ему съ собой ни утѣшенія, ни вдохновѣнія. Организмъ его не могъ больше выдерживать этого страшнаго напряженія, силы измѣнили ему; онъ сидѣлъ, подавленный, угнетенный, переживая одинъ изъ тѣхъ моментовъ, какіе переживаютъ самыя сильныя души, когда, достигнувъ или почти достигнувъ вѣнца своихъ желаній, онѣ вдругъ оборачиваются назадъ и спрашиваютъ себя: «Къ чему?» Приливъ нѣжности размягчилъ его душу; на него нахлынули воспоминанія. Онъ думалъ о прошломъ, о счастливомъ прошломъ, полномъ любви и невинности, пережитомъ вмѣстѣ съ Глори, о маленькомъ зеленомъ островѣ посреди Ирландскаго моря, о чудныхъ дняхъ, которые они проводили тамъ раньше, чѣмъ она поддалась искушеніямъ свѣта, а онъ сталъ жертвой своего суроваго, хотя и высокаго жребія. О, зачѣмъ онъ самъ отказался отъ радостей, которыя даны въ удѣлъ всѣмъ другимъ? Къ чему отрекся отъ счастья, доступнаго даже самымъ бѣднымъ, самымъ слабымъ и низкимъ? Любовь, женская ласка! Зачѣмъ онъ отвергъ ихъ? Зачѣмъ пожертвовалъ собой? О Боже, неужели все это напрасно?

Мысли его опять и опять обращались къ Глори. Вѣдь и она спѣшитъ на встрѣчу гибели, надвигающейся на этотъ грѣшный городъ. Онъ пытался спасти ее—не удалось. Что можетъ сдѣлать онъ теперь? Ему страстно хотѣлось попытаться еще сдѣлать что-нибудь для нея,—что-нибудь необыкновенное. Присѣвъ на край постели, онъ сталъ припоминать лицо Глори, какимъ онъ видѣлъ его на скачкахъ. И теперь,

послѣ грезъ о ея дѣтствѣ, оно поразило его неожиданностью. Онъ замѣтилъ въ немъ оттѣнокъ вульгарности, котораго не замѣчалъ раньше; выраженіе стало грубѣе; что-то неуловимо низменное омрачало расцвѣтъ ея пышной красоты. Изогнувъ шею, играя глазами, она заглядывала въ лицо мужчинѣ, сидѣвшему возлѣ нея, и полныя алыя губы ея улыбались. Эта улыбка говорила многое, и радостный, пылкій взглядъ, которымъ ей отвѣтилъ мужчина, тоже былъ полонъ значенія. Онъ читалъ *ихъ* мысли, какъ въ книгѣ. Что произошло? Неужели всѣ преграды пали? Неужели между ними не осталось ничего недосказаннаго?

Эта мысль могла свести съ ума. Въ припадкѣ неудержимой ярости онъ вскочилъ на ноги, и вдругъ весь затрепеталъ, чувствуя, что въ немъ зрѣетъ какой-то страшный умыселъ. Его знобило; холодный потъ струился по всему его тѣлу; но мысль, которой онъ такъ жадно искалъ, пришла сама собой. Вначалѣ она блеснула, какъ молнія, и поразила его неописаннымъ ужасомъ, но потомъ сразу завладѣла имъ и толкала впередъ. Онъ вспомнилъ текстъ, послужившій темой его проповѣди: «Предайте его сатанѣ во изможденіе плоти, чтобы духъ его былъ спасенъ въ день Господа нашего, Іисуса Христа».

— Почему бы и нѣтъ? — думалъ онъ. — Вѣдь это стоитъ въ святой книгѣ, скрѣплено авторитетомъ апостола Павла. Очевидно, среди первыхъ христіанъ такія вещи были дѣломъ обычнымъ. — Но тутъ сердце его сжалось чисто физической болью. Эта молодая жизнь была такъ прекрасна въ своей жаждѣ любви и счастья, полна такой прелести и обаянія! Это невозможно, чудовищно! «Я, кажется, съ ума схожу?»—спрашивалъ онъ самъ себя.

И вдругъ ему сдѣлалось нестерпимо жаль и себя, и Глори. Какъ ему жить на свѣтѣ безъ нея? Пусть онъ потерялъ её, пусть между ними легла пропасть, пусть онъ не видалъ ее цѣлыхъ полгода,—по крайней мѣрѣ, онъ знаетъ, что она жива; это уже кое-что; а ночью онъ можетъ ходить около ея дома, глядѣть въ окна и думать: «Она здѣсь».—Нѣтъ, я положительно схожу съ ума,—подумалъ онъ и снова задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Самыя противорѣчивыя желанія боролись въ его душѣ, пока наконецъ *та* гадкая, отвратительная мысль не вернулась снова. Лишь только онъ вспомнилъ Дрэка и улыбку, которой тотъ обмѣнялся съ Глори, кровь ударила ему въ голову, и волненіе затемнило его разсудокъ. Когда онъ спросилъ себя, дозволительно ли въ Англіи и въ девятнадцатомъ столѣтіи то, что могло быть хорошо для Палестины и первыхъ вѣковъ христіанства,—отвѣтъ немедленно получился утвердительный. Глори въ опасности. Она на краю бездны. Не допустить ее упасть, спасти ее отъ адскихъ мукъ, — тутъ не можетъ быть грѣха; это благородный долгъ. Лучше преждевременная кончина, чѣмъ унизительная жизнь, паденіе тѣла и гибель души.

На помощь пришли софизмы. Правда, онъ потерялъ ее; она уйдетъ отъ него,—она, въ комъ вся его отрада, о комъ онъ мечтаетъ днемъ и грезитъ ночью! Но неужели же онъ настолько эгоистиченъ, чтобы удержать ее во плоти и тѣмъ обречь ея душу на адскія муки? Кромѣ того, въ другомъ мірѣ она будетъ принадлежать ему навѣки, ему одному. Да и въ этомъ мірѣ также вѣдь оттого, что она умретъ, онъ не перестанетъ любить ее. «Но, Господи, почему именно *я* долженъ это сдѣлать?» спрашивалъ онъ себя, и тутъ же самъ собой напрашивался отвѣтъ: «Да, да, *я*, потому что я слуга Божій».

Опять ему вспомнился текстъ: «Предайте его *Сатанѣ*...» Это слово смутило его, но на поляхъ была ссылка на посланіе къ Тимоѳею. Джонъ дрожащей рукой искалъ указанной страницы. Вотъ она: вмѣсто «*Сатаны*» въ исправленномъ переводѣ стоитъ: «слугѣ Господню»; значитъ надо читать такъ: «предайте его слугѣ Господню во изможденіе плоти, чтобы духъ его былъ спасенъ въ день Господа нашего Іисуса Христа». Онъ чуть не вскрикнулъ отъ радости. Онъ упивался этими словами. Рѣшеніе его было принято и непоколебимо. Онъ нашелъ въ святой книгѣ одобреніе и поддержку; онъ былъ лишь орудіемъ высшихъ цѣлей; никакія соображенія не удержатъ его теперь.

Сердце его билось до боли, въ виски стучало; ему казалось, что огненный столпъ увлекаетъ его за собой. Передъ глазами его носилось видѣніе Ісаіи: кроткій агнецъ, превратившійся въ неумолимаго мстителя, спускающагося съ высотъ Эдема. Пролить кровь, повинуясь велѣнію Божію, отнюдь не грѣшно,—напротивъ, неизбѣжно, необходимо. Какъ въ древнія времена Богъ повелѣлъ Аврааму принести въ жертву любимаго сына, такъ теперь Богъ повелѣваетъ ему, Джону Сторму, принести въ жертву жизнь Глори, чтобы спасти ея душу отъ вѣчнаго осужденія.

Должно быть, подъ вліяніемъ этихъ мыслей слухъ временно измѣнилъ ему, потому что онъ только теперь замѣтилъ, что кто-то зоветъ его, стоя за дверью.

Это была м-ссъ Каллендеръ, съ небольшимъ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукахъ.

М-ссъ Каллендеръ заперла дверь и шепотомъ сказала:

— Я сильно подозрѣваю, что они заручились приказомъ арестовать тебя.

— Смотри-ка,—она открыла мѣшокъ и продолжала шепотомъ,—я принесла тебѣ твое старое платье и шляпу. Я ихъ нашла въ твоей комнаткѣ. Ты такъ долго ходилъ въ этомъ нарядѣ, что теперь, когда ты станешь опять самимъ собой, никто не узнаетъ тебя. Ну одѣвайся же: скорѣе сними эту гадкую хламиду.

— Я не могу уйти, тетушка.

Онъ видимо почти не замѣчалъ ея присутсвія; она постояла ми-

нутку у дверей, глядя на него взоромъ, исполненнымъ любви и сострадания, и тихонько вышла.

Въ первый разъ онъ задалъ себѣ вопросъ: какъ выполнить свое намѣреніе? Сидя на краю постели, опершись головой на руку, онъ испытывалъ странное чувство: ему казалось, что онъ на кораблѣ и вокругъ него шумитъ и плещетъ бурное море. Удержать расходившуюся толпу не было возможности; воздухъ былъ полонъ воплей и стенаній. А ему придется пробиваться сквозь эту толпу; его увидятъ, задержатъ, можетъ быть, пойдутъ за нимъ. А ждать онъ не могъ; его била лихорадка нетерпѣнія. То, что онъ порѣшилъ сдѣлать, необходимо сдѣлать сегодня же вечеромъ, безотлагательно. Но прежде всего необходимо уйти изъ дому незамѣченнымъ. Какъ это сдѣлать?

Снова придя въ себя, онъ смутно припомнилъ, что кто-то какъ будто пожелалъ ему доброй ночи. «О, доброй ночи, доброй ночи!»— вскричалъ онъ, жестомъ прося извинить его разсѣянность. Но въ комнатѣ никого не было. Онъ повернулся, увидалъ на полу мѣшокъ и сразу вспомнилъ все. Тутъ произошло нѣчто странное. Душой его одновременно овладѣли два противорѣчивыхъ чувства: одно — энтузіазмъ религіознаго экстаза, другое—гнусная хитрость преступника.

Все было предназначено заранѣе. Онъ не болѣе, какъ орудіе въ рукахъ Провидѣнія. Доказательство тому—это платье. Оно попалось ему подъ руку какъ разъ въ ту минуту, когда оно сдѣлалось необходимымъ, когда ничто другое не могло бы выручить его. М-ссъ Каллендеръ была также слѣпымъ орудіемъ, направляемымъ высшею силой. Бѣжать, скрыться? Это не угодно Богу. Приказъ объ арестѣ? Что за бѣда? пусть его выставятъ хоть у позорнаго столба, какъ Краммера. Но здѣсь совсѣмъ другое; здѣсь явное проявленіе воли Божіей, здѣсь...

Онъ думалъ объ этомъ и въ то же время смѣялся нехорошимъ смѣхомъ, вынимая дрожащей рукой изъ мѣшка принадлежности свѣтскаго костюма. Онъ уже снялъ рясу, когда дверь вдругъ отворилась.

— Кто тамъ?—окликнулъ онъ хриплымъ голосомъ.

— Никого, это я,—робко отозвался братъ Эндрью и вошелъ, весь блѣдный, испуганный.

— Ахъ, это ты!—Войди; запри дверь; мнѣ надо кое-что сказать тебѣ. Слушай! Я выйду и не знаю, когда вернусь. Гдѣ собака?

— Въ корридорѣ, братъ.

— Привяжи ее, а то она пойдетъ за мной. Убери эту рясу; если кто спроситъ меня, скажи, что не знаешь, куда я ушелъ. Понимаешь?

— Да, но вы нездоровы, братъ Стормъ. У васъ видъ такой измученный, словно вы бѣжали бѣгомъ.

На умывальникѣ лежало ручное зеркальце. Джонъ взялъ его, взглянулъ и положилъ обратно. Ноздри его вздрагивали, глаза горѣли; выраженіе лица было ужасно.

— Что дѣлается на улицѣ? Поди посмотри, можно ли пройти такъ, чтобъ меня не узнали?

Братъ Эндрью вышелъ.

Корридоръ подвальнаго этажа выходилъ на задній дворъ, потомъ въ узкій и темный проулокъ; но и здѣсь дежурила кучка любопытныхъ, привлекаемыхъ свѣтомъ въ окнахъ. Голоса ихъ явственно доносились черезъ дверь, которую братъ Эндрью не заперъ, а только притворилъ за собою; Джонъ стоялъ за дверью и слушалъ. Говорили о немъ, хвалили его, благословляли; прославляли его святую жизнь, его доброту.

Братъ Эндрью доложилъ, что больше всего народу передъ домомъ, на улицѣ, и что толпа эта, подъ вліяніемъ религіознаго экстаза, готова на всякія безумства. Женщины давятъ другъ дружку, стараясь протиснуться къ рѣшеткѣ, на которую отецъ Стормъ, окончивъ свою молитву, на мигъ облокотился головой, чтобы приложить къ ней свои платки и шали.

— Но это ничего; такъ васъ никто не узнаетъ, братъ Стормъ; даже ваше лицо измѣнилось.

Джонъ опять засмѣялся, но тѣмъ не менѣе потушилъ свѣчи, разсчитывая прогнать этимъ любопытныхъ, ожидавшихъ его въ проулкѣ. Хитрость удалась. Тогда Божій слуга отправился совершать свой высокій подвигъ, крадучись, ползкомъ, словно преступникъ, задумавшій злое дѣло.

На Парламентской улицѣ его чуть не задавилъ отрядъ конницы. Чтобы не обращать на себя вниманія, онъ свернулъ въ сторону и пошелъ вдоль стѣнъ Уайтгольскихъ садовъ.

Въ Клементсъ-иннѣ ворота были уже заперты, и привратника пришлось вызвать изъ ложи.

— Мнѣ нужно въ Гарденъ-гоузъ.

— Гарденъ-гоузъ, сэръ? Во второмъ дворѣ, за уголъ налѣво.

Джонъ прошелъ въ ворота.

— Все это припомнятъ потомъ,—подумалъ онъ;—ну да пусть ихъ, тогда все уже будетъ кончено.

Рѣзкій переходъ отъ шумныхъ людныхъ улицъ къ прохладнымъ садамъ, гдѣ царили мракъ и тишина, гдѣ пахло росистой травой и сквозь просвѣты листвы, привѣтно мерцали звѣздочки, напоминая ему другую ночь,—ночь, когда они бродили здѣсь вмѣстѣ съ Глори.

Воспоминаніе привело съ собой приливъ нѣжности; слезы сдавили ему горло. Онъ почти явственно видѣлъ ее, чувствовалъ ее рядомъ съ собой, вдыхалъ душистую свѣжесть ея кожи, слышалъ легкій шумъ шаговъ и думалъ: «Господи, долженъ ли я это сдѣлать? долженъ ли? долженъ ли?»

Но тутъ ему вспомнилось другое: надъ тихимъ садомъ пронесся голосъ Дрэка, и Джонъ снова ощутилъ приливъ ненависти, уже испы-

танной имъ раньше. Этотъ человѣкъ губитъ ее: онъ окружилъ ее соблазнами; ея любовь къ роскоши, славѣ, свѣтской суетнѣ, блеску и шуму,—все вводитъ ее въ искушеніе. И въ первый разъ Джонъ представилъ себѣ, какъ онъ войдетъ. Возможно, что онъ застанетъ *ихъ* вмѣстѣ. Они только что вернулись со скачекъ. Дрэкъ проводилъ ее домой; теперь они вмѣстѣ ужинаютъ. Домъ освѣщенъ; окна открыты,—они играютъ, поютъ, смѣются; звуки веселья доносятся къ нему, стоящему внизу, въ темнотѣ.

Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Онъ сдѣлаетъ, что нужно, на глазахъ у *того*... А когда все будетъ кончено, когда она будетъ лежать тамъ... лежать тамъ... лежать!.. отвернется къ *тому* и скажетъ: «Взгляни на нее; это прелестнѣйшее созданіе, милое, нѣжное, преданное; другой такой женщины нѣтъ на свѣтѣ! Это *ты* сдѣлалъ, ты, ты, ты—будь ты проклятъ!»

Измученное сердце его ныло отъ боли; разумъ мутился. Прежде чѣмъ онъ сообразилъ, куда идти, онъ уже очутился во второмъ дворѣ. Она здѣсь; вотъ ея домъ, подумалъ Дрэкъ. Но въ домѣ было темно, окна заперты, шторы спущены; ни звука, ни голоса; лишь у подъѣзда горѣло два газовыхъ рожка, да и тѣ были завернуты. Джонъ постоялъ нѣсколько минутъ, стараясь собраться съ мыслями; мало-по-малу ярость его улеглась и на сцену снова выступило низкое коварство преступника. Онъ позвонилъ.

Онъ уже занесъ ногу на первую ступеньку, какъ вдругъ въ умѣ его мелькнула мысль, что хотя онъ и слуга Божій, а прибѣгаетъ къ оружію діавола. Пусть! все равно! Иное дѣло, еслибъ онъ задумалъ преступленіе, но вѣдь это не преступленіе, и онъ не преступникъ. Онъ орудіе, съ помощью котораго Богъ явитъ Свое милосердіе надъ любимой имъ женщиной.

Онъ убьетъ ея тѣло, чтобы спасти ея душу!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАТЕРЯННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

(Переводъ изъ Боденштедта).

* * *

Мои глаза когда-то, какъ твои,
Горѣли ясною надеждою на счастье;
Душа была полна святой любви,
Я ждалъ, какъ ты, и ласки, и участья.

Но годы шли... Я къ жизни охладѣлъ.
Въ людскихъ дѣлахъ коварство сталъ я видѣть:
Мнѣ въ сердцѣ Богъ любовь запечатлѣлъ,
А люди научили ненавидѣть.

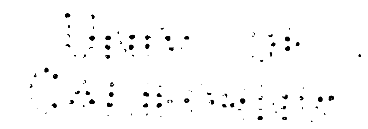
II.

Узникъ.

Бушуетъ буря. Громъ гремитъ.
Дождь дико хлещетъ и шумитъ.
Съ полей въ испугѣ всѣ бѣгутъ
Найти защиту и пріютъ.
А я одинъ въ тюрьмѣ своей...
О, воли, воли мнѣ скорѣй!

Пускай погибну въ бурѣ я,
Какъ въ морѣ утлая ладья,—
Я съ небомъ, съ молніей въ бою
Хочу окончить жизнь свою!
Мнѣ душно здѣсь въ тюрьмѣ моей...
О, дайте жъ волю мнѣ скорѣй!

С. Яхонтовъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Послѣднія произведенія г. Чехова: «Человѣкъ въ футлярѣ», «Крыжовникъ», «Любовь».—Пессимизмъ автора.—Безъисходно-мрачное настроенія разсказовъ.—Субъективизмъ, преобладающій въ нихъ. — Первая народная выставка въ Петербургѣ.— Ея недостатки.— Возможное значеніе подобныхъ выставокъ.—70-ти-лѣтіе Льва Николаевича Толстого.

Каждое новое произведеніе г. Чехова вызываетъ живѣйшій интересъ, и не потому, чтобы изящная литература послѣдняго времени оскудѣла талантами, перестала привлекать читателя однообразіемъ или скудостью содержанія, измельчала или ударилась въ исключительныя крайности декадентства или символистики. Ничуть не бывало. Если сравнивать нашу родную беллетристику съ иностранной, право, мы вовсе не такъ ужъ обижены судьбой. На Западѣ выступаютъ двѣ-три крупныя звѣзды, въ родѣ Зола во Франціи, Гауптмана въ Германіи, Ибсена въ норвежской литературѣ, около которыхъ группируются нѣсколько меньшихъ свѣтилъ, а затѣмъ разстилается обширное поле дарованій, приближающихся къ посредственности, мелкихъ метеоровъ, блистающихъ на мгновеніе, чтобы исчезнуть безслѣдно. У насъ, при всей ограниченности предѣловъ доступнаго литературѣ, при всей затрудненности проникновенія новыхъ вѣяній жизни въ журналистику, при всей минорности тона, въ которомъ— хочешь не хочешь — приходится говорить и живописать, что въ общемъ не можетъ не отражаться самымъ тяжкимъ образомъ на содержаніи и жизненности беллетристики,—не теряютъ силы старшіе по времени таланты, каковы гг. Потапенко, Станюковичъ, Маминъ-Сибирякъ, Боборыкинъ, Короленко, и на ряду съ ними каждый день выдвигаетъ все новыхъ и новыхъ, о чемъ ярко свидѣтельствуютъ наши серьезные журналы, въ каждой книжкѣ которыхъ вы встрѣчаете новое имя. Въ этомъ отношеніи особенно велики заслуги «Русскаго Богатства», на страницахъ котораго, если даже взять двѣ-три послѣднихъ книжки журнала, можно найти рядъ новыхъ писателей, отличающихся несомнѣнно искрой таланта, вдумчивостью и оригинальностью. Таковы, напр., за послѣднее время напечатанныя въ этомъ журналѣ произведенія—г. Булыгина «Ночныя тѣни», г. Александровскаго превосходные очерки, полные юмора и теплоты, г. Кузьменка «Жизнь». Отдѣльныя изданія разсказовъ нашихъ несомнѣнно яркихъ писателей, какъ г. Горькій, или затрогивающихъ серьезнѣйшіе вопросы современности, какъ «Очерки и разсказы» г. Вересаева, новые якутскіе разсказы г. Сѣрошевскаго («Въ сѣтяхъ»),—развѣ все это взятое въ цѣломъ не говоритъ о кипучей жизни, о неумолчномъ біеніи «живой» силы въ беллетристикѣ,—силы, далекой отъ оскудѣнія и слабости, отъ декадентскихъ кривляній и жалкихъ попытокъ къ символизму, вымученной манерности и ломанія, въ значительной степени характеризующихъ литературу Запада за послѣднее время?

И, тѣмъ не менѣе, интересъ къ произведеніямъ г. Чехова нельзя даже сравнить съ тѣмъ отношеніемъ, какое выказывается къ другимъ авторамъ.

Причина этого лежитъ не только въ томъ, что предъ нами первоклассный новеллистъ, не имѣющій себѣ равнаго, пожалуй, даже и на Западѣ, гдѣ за смертью Гюи-де-Мопассана это мѣсто осталось вакантнымъ. Есть что-то въ послѣднихъ произведеніяхъ г. Чехова, что углубляетъ ихъ содержаніе, быть можетъ, помимо воли самого автора, придаетъ имъ какую-то терпкость и остроту, волнуетъ и причиняетъ острую боль читателю. Читатели, конечно, помнятъ его «Мужиковъ» и «Моя жизнь», изъ-за которыхъ столько копій ломалось въ свое время, что одно уже указываетъ на ихъ выдающееся общественное значеніе. Но его послѣдніе три разсказа, появившіеся въ лѣтнихъ книжкахъ «Русской Мысли», не менѣе глубоки, жгучи и значительны.

«Человѣкъ въ футлярѣ» лучшій изъ нихъ и самый значительный по содержательности темы и типичности выхваченнаго изъ жизни явленія. Кому не знакомъ этотъ жалкій, ничтожный, плюгавенькій и въ то же время страшный «человѣкъ въ футлярѣ», для котораго жизнь свелась къ отрицанію жизни? Онъ, какъ кошмаръ, давитъ все живое, сдерживаетъ проявленіе всякаго общественнаго, альтруистическаго движенія своимъ мертвящимъ припѣвомъ—«какъ бы чего не вышло». Эта ходячая пародія на человѣка изображена авторомъ съ поразительнымъ совершенствомъ, что при необычайной естественности и простотѣ, съ какою написанъ весь разсказъ, дѣлаетъ эту фигуру почти трагическою. Разсказъ ведется отъ перваго лица. Учитель гимназіи Буркинъ разсказываетъ про своего товарища, недавно умершаго учителя греческаго языка Бѣликова.

«Онъ былъ замѣчателенъ тѣмъ,—говоритъ Буркинъ,—что всегда, даже въ очень хорошую погоду, выходилъ въ калошахъ и съ зонтикомъ, и непремѣнно въ тепломъ пальто на ватѣ. И зонтикъ у него былъ въ чехлѣ, и часы въ чехлѣ изъ сѣрой замши, и когда онъ вынималъ перочинный ножикъ, чтобы очинить карандашъ, то и ножъ былъ въ чехольчикѣ; и лицо, казалось, тоже было въ чехлѣ, такъ какъ онъ все время пряталъ его въ поднятый воротникъ. Онъ носилъ темные очки, фуфайку, уши закладывалъ ватой и, когда садился на извозчика, то приказывалъ поднимать верхъ. Однимъ словомъ, у этого человѣка наблюдалось постоянное и непреодолимое стремленіе окружить себя оболочкой, создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ бы его, защитилъ отъ внѣшнихъ вліяній. Дѣйствительность раздражала его, пугала, держала въ постоянной тревогѣ и, быть можетъ, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отвращеніе къ настоящему, онъ всегда хвалилъ прошлое и то, чего никогда не было: и древніе языки, которые онъ преподавалъ, были для него въ сущности тѣ же калоши и зонтикъ, куда онъ прятался отъ дѣйствительной жизни. «О, какъ звученъ, какъ прекрасенъ греческій языкъ!» говорилъ онъ съ сладкимъ выраженіемъ; и, какъ бы въ доказательство своихъ словъ, прищуривъ глаза и поднявъ палецъ, произносилъ: Антропосъ!

«И мысль свою Бѣликовъ также старался запрятать въ футляръ. Для него были ясны только циркуляры и газетныя статьи, въ которыхъ запрещалось что-нибудь. Когда въ циркулярѣ запрещалось ученикамъ выходить на улицу послѣ девяти часовъ вечера, или въ какой-нибудь статьѣ запрещалась плотская любовь, то это было для него ясно, опредѣленно; запрещено—и баста. Въ разрѣшеніи и позволеніи скрывался для него всегда элементъ сомнительный, что-то недосказанное и смутное. Когда въ городѣ разрѣшали драматическій кружокъ, или читальню, или чайную, то онъ покачивалъ головой и говорилъ тихо:

«—Оно, конечно, такъ-то такъ, все это прекрасно, да какъ бы чего не вышло.

«Всякія нарушенія, уклоненія, отступленія отъ правилъ приводили его въ уныніе, хотя, казалось бы, какое ему дѣло? Если кто изъ товарищей опаздывалъ на молебенъ, или доходили слухи о какой-нибудь проказѣ гимназистовъ, или видѣли классную даму поздно вечеромъ съ офицеромъ, то онъ очень вол-

новался и все говорилъ, «какъ бы чего не вышло». А на педагогическихъ совѣтахъ онъ просто угнеталъ насъ своею осторожностью, мнительностью и своими чисто-футлярными соображеніями насчетъ того, что вотъ-де въ мужской и женской гимназіяхъ молодежь ведетъ себя дурно, очень шумитъ въ классахъ,—ахъ, какъ бы не дошло до начальства, ахъ, какъ бы чего не вышло,—и что если бы изъ второго класса исключить Петрова, а изъ четвертаго—Егорова, то было бы очень хорошо. И что же? Своими вздохами, нытьемъ, своими темными очками на блѣдномъ маленькомъ лицѣ,—знаете, маленькомъ лицѣ, какъ у хорька,—онъ давилъ насъ всѣхъ, и мы уступали, сбавляли Петрову и Егорову баллъ по поведенію, сажали ихъ подъ арестъ и въ концѣ-концовъ исключали и Петрова, и Егорова... Мы, учителя, боялись его. И даже директоръ боялся. Вотъ подите же, наши учителя народъ все мыслящій, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневѣ и Щедринѣ, однако же этотъ человѣчекъ, ходившій всегда въ калошахъ и съ зонтикомъ, держалъ въ рукахъ всю гимназію цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ! Да что гимназію? Весь городъ! Наши дамы по субботамъ домашнихъ спектаклей не устраивали, боялись, какъ бы онъ не узналъ; и духовенство стѣснялось при немъ кушать скоромное и играть въ карты. Подъ вліяніемъ такихъ людей, какъ Бѣликовъ, за послѣднія десять—пятнадцать лѣтъ въ нашемъ городѣ стали бояться всего. Бояться громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, бояться помогать бѣднымъ, учить грамотѣ»...

Таковъ этотъ мастерски написанный портретъ, вдумываясь въ который, чувствуешь, какая глубокая правда лежитъ въ его основѣ. Бѣликовъ—это сама жизнь, та житейская тина, болото, съ которымъ приходится имѣть дѣло на каждомъ шагу, которое все затягиваетъ, все грязнитъ и душитъ въ своей вонючей грязи. Бѣликовъ—это общественная сила, страшная своей неуязвимостью, потому что она нечувствительна, недоступна человѣческимъ интересамъ, страстямъ и желаніямъ. Закованный въ броню циркуляровъ, все воспрещающихъ и все «упорядочивающихъ», Бѣликовъ попираетъ на законномъ основаніи самыя естественныя требованія сердца, самыя простыя проявленія человѣческихъ отношеній. И что ужаснѣе всего, онъ дѣйствуетъ, какъ ядовитый микробъ—не насиліемъ, не грубыми, жестокими пріемами, самая жестокость которыхъ могла бы возмутить людей, а незамѣтно, медленно, постепенно растлѣвая все окружающее, доводя до отупѣнія и безвольнаго согласія всѣхъ на самыя дикія и по существу безчеловѣчныя мѣры. Этотъ пріемъ его—«какъ бы чего не вышло»—исходитъ какъ будто изъ чувства заботливости, желанія добра, стремленія оградить отъ возможныхъ золъ и бѣдствій. Онъ подкупаетъ, съ одной стороны, не привыкшую къ критикѣ среду, съ другой—запугиваетъ, и въ концѣ концовъ все покоряетъ.

Кромѣ того, онъ—сила еще и потому, что онъ—единственное лицо, которое твердо знаетъ, чего хочетъ. А знаніе это ему дается легко: онъ *ничего* не хочетъ, *ничего* не желаетъ, *ни къ чему* не стремится. Его идеалъ—отрицаніе жизни. Онъ сила потому, что онъ идеальнѣйшій *нигилистъ*. Понятно, въ борьбѣ противъ него его товарищи, учителя, «народъ все мыслящій, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневѣ и Щедринѣ», должны пассовать. Ихъ желанія, мысли, стремленія, все это—живыя, измѣнчивыя движенія души, колеблемыя, яко тростникъ. А противъ стоитъ одно неизмѣнное отрицаніе, неуязвимый футляръ, внутри пустой, гордый этой пустотой и побѣдоносный въ сознаніи своей правоты, не встрѣчающій единственнаго дѣйствительнаго протеста—простой, житейской силы, которая, не мудрствуя лукаво, взяла бы его зашиворотъ и вышвырнула бы за окно.

Такъ поступаетъ съ нимъ свѣжій человѣкъ, и этотъ пріемъ оказывается самымъ дѣйствительнымъ. Бѣликовъ вздумалъ нѣсколько приподнять футляръ, заняться дѣломъ, которое разрѣшается даже циркулярами: онъ задумалъ жениться. Какъ и слѣдовало ожидать, такое жизненное дѣло, въ которомъ ц.р-

*

куляры и запрещенія плохая помощь, оканчивается для Бѣликова трагикомически. Какъ-то, въ періодъ ухаживанія, онъ встрѣчаетъ свой «предметъ» катающимся на велосипедѣ въ сопровожденіи брата, тоже учителя. Велосипедъ не воспрещенъ циркуляромъ, но и прямого разрѣшенія на него тоже не имѣется. И вотъ человѣкъ въ футлярѣ отправляется къ брату «предмета» съ предостереженіемъ—«какъ бы чего не вышло», но встрѣчаетъ неожиданный отпоръ. Опѣшившій Бѣликовъ начинаетъ благоразумно ссылаться на то, что вообще... Нѣтъ! Здѣсь авторъ такъ неподражаемо живописуетъ своего героя, что никакая передача не можетъ дать хоть тѣни понятія о характерѣ человѣка въ футлярѣ.

«—Что же собственно вамъ угодно?»—спрашиваетъ его Коваленко, братъ «предмета».

«—Мнѣ угодно только одно предостеречь васъ,—отвѣчаетъ Бѣликовъ.— Вы—человѣкъ молодой, у васъ впереди будущее, надо вести себя очень, очень осторожно, вы же такъ манкируете, охъ, какъ вы манкируете! Вы ходите въ вышитой сорочкѣ, постоянно на улицѣ съ какими-то книгами, а теперь вотъ еще велосипедъ. О томъ, что вы и ваша сестрица катаетесь на велосипедѣ, узнаетъ директоръ, дойдетъ до попечителя... Что же хорошаго?

«— Что я и сестра катаемся на велосипедѣ, никому до этого дѣла нѣтъ!— сказалъ Коваленко и побагровѣлъ. — А кто будетъ вмѣшиваться въ мои домашнія и семейныя дѣла, того я пошлю къ чертямъ собачьимъ.

«Бѣликовъ поблѣднѣлъ и всталъ.

«— Если вы говорите со мной такимъ тономъ, то я не могу продолжать,— сказалъ онъ.—И прошу васъ никогда такъ не выражаться въ моемъ присутствіи о начальникахъ. Вы должны съ уваженіемъ относиться къ властямъ.

«— А развѣ я говорилъ, что дурное про властей?—спросилъ Коваленко, глядя на него со злобой.—Пожалуйста, оставьте меня въ покоѣ. Я человѣкъ честный и съ такимъ господиномъ, какъ вы, не желаю разговаривать. Я не люблю фискаловъ.

«Бѣликовъ нервно засуетился и сталъ одѣваться быстро, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ. Вѣдь это первый разъ въ жизни онъ слышалъ такія грубости.

«— Можете говорить, что вамъ угодно,—сказалъ онъ, выходя изъ передней на верхнюю площадку лѣстницы.—Я долженъ только предупредить васъ: быть можетъ, насъ слышалъ кто-нибудь, и чтобы не перетолковали нашего разговора и чего-нибудь не вышло, я долженъ буду доложить господину директору содержаніе нашего разговора... въ главныхъ чертахъ. Я обязанъ это сдѣлать.

«— Доложить? Ступай, докладывай!

«Коваленко схватилъ его сзади за воротникъ и пихнулъ, тотъ покатился внизъ по лѣстницѣ, гремя своими калошами».

Первый, рѣзкій и рѣшительный отпоръ, встрѣченный имъ такъ неожиданно, произвелъ на человѣка въ футлярѣ потрясающее дѣйствіе. Онъ захворалъ и умеръ. Могутъ замѣтить, что для такого человѣка недостаточно такого ничтожнаго повода, чтобы умереть отъ простой обиды. Шпіоны, предатели и доносчики обладаютъ одной, имъ только присущей особенностью,—крайне легко выносить всякія обиды дѣйствіемъ. Они, что называется, въ огнѣ не горятъ и въ водѣ не тонутъ, и то, что сгубило бы въ десять разъ сильнѣйшаго, служитъ имъ только къ вящему украшенію. Это совершенно вѣрно, но лишь по отношенію къ профессіональнымъ лицамъ этого непочтеннаго цеха. Бѣликовъ же вовсе не профессіоналистъ-доносчикъ, не простой фискалъ, какъ его грубо назвалъ Коваленко,—фискалъ, работающій изъ-за мзды. Бѣликовъ искренно вѣритъ въ доносъ и необходимость доложить начальству, разъ, по его мнѣнію, потрясены основы власти хотя бы и велосипедомъ. Для него доносъ, столь непріятно дѣйствующій на Коваленко, есть актъ священный, обязательный, выполненіе коего заключаетъ въ себѣ такую же сладостную пріятность, какъ и всякое

выполненіе долга. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ подвизаясь на этомъ поприщѣ и не встрѣчая противодѣйствія, Бѣликовъ могъ съ полнымъ правомъ думать, что и всѣ такъ же относятся къ доносу, такъ же видятъ въ немъ одинъ изъ устоевъ той системы, олицетвореніемъ которой выступалъ онъ, побѣдоносный Бѣликовъ, подчинявшій себѣ воспитанныхъ на Тургеневѣ и Щедринѣ, «глубоко порядочныхъ» товарищей. И вдругъ шиворотъ и внизъ по лѣстницѣ! Вся трусливая, жалкая душонка этого плюгавца, все значеніе котораго опиралось на страхѣ, наводимомъ имъ на другихъ, должна была перевернуться, когда испытанное оружіе оказалось безсильно. Сегодня одинъ спустилъ его съ лѣстницы, завтра другой можетъ сдѣлать то же, и «какъ бы чего не вышло»!

Вся сила Бѣликова именно въ окружающей средѣ, въ слабости ея, въ расплывчатости нравственныхъ и всякихъ другихъ устоевъ, въ безсознательной подлости, составляющей общественную основу той жизни, гдѣ процвѣтаютъ Бѣликовы. Какіе принципы могутъ выставить въ свою защиту эти «воспитанные на Тургеневѣ и Щедринѣ» товарищи? Если бы они у нихъ имѣлись, развѣ получило бы такое значеніе его «какъ бы чего не вышло»? Воспитаніе на Тургеневѣ и Щедринѣ не имѣетъ никакого значенія тамъ, гдѣ вся окружающая жизнь есть сплошное отрицаніе принциповъ этихъ великихъ воспитателей, гдѣ самое упоминаніе этихъ именъ является чуть не преступленіемъ. Для всякой борьбы, хотя бы и съ ничтожными Бѣликовыми, нужна внѣшняя сила, на которую можно бы опереться, а разъ ея нѣтъ—Бѣликовы непобѣдимы и не истребимы, что и почувствовали немедленно послѣ его смерти оставшіеся. «Хоронить такихъ людей, какъ Бѣликовы,—говоритъ разсказчикъ,—это большое удовольствіе. Когда мы возвращались съ кладбища, то у насъ были скромныя, постныя физіономіи; никому не хотѣлось обнаружить этого чувства удовольствія,—чувства, похожаго на то какое мы испытывали давно-давно, еще въ дѣтствѣ, когда старшіе уѣзжали изъ дому и мы бѣгали по саду часъ-другой, наслаждаясь полною свободой. Ахъ, свобода, свобода! Даже намекъ, даже слабая надежда на ея возможность даетъ душѣ крылья... Вернулись мы съ кладбища въ добромъ расположеніи. Но прошло не больше недѣли, и жизнь, потекла по прежнему, такая же суровая, утомительная, безтолковая, жизнь не запрещенная циркулярно, но и не разрѣшенная вполнѣ; не стало лучше. И въ самомъ дѣлѣ, Бѣликова похоронили; а сколько еще такихъ человѣковъ въ футлярѣ осталось, сколько еще ихъ будетъ!» — заканчиваетъ разсказчикъ со вздохомъ, на что его слушатель, ветеринарный врачъ Иванъ Ивановичъ, отвѣчаетъ: «То-то вотъ оно и есть».

Жуткое чувство безнадежности и безъисходной тоски охватываетъ читателя отъ этого безотраднаго «то-то вотъ оно и есть!» И авторъ, чтобы усилить это давящее чувство безвыходности положенія, заставляетъ Ивана Ивановича разразиться подъ конецъ такой репликой:

«— То-то вотъ оно и есть,—повторилъ Иванъ Ивановичъ.—А развѣ то, что мы живемъ въ городѣ въ духотѣ, въ тѣснотѣ, пишемъ ненужныя бумаги, играемъ въ винтъ, — развѣ это не футляръ? А то, что мы проводимъ всю жизнь среди бездѣльниковъ, сутягъ, глупыхъ, праздныхъ женщинъ, говоримъ и слушаемъ разный вздоръ—развѣ это не футляръ!.. Видѣть и слышать, какъ лгутъ и тебя же называютъ дуракомъ за то, что ты терпишь эту ложь, сносить обиды, униженія, не смѣть открыто заявить, что ты на сторонѣ честныхъ, свободныхъ людей, и самому лгать, улыбаться, и все это изъ-за куска хлѣба, изъ-за теплаго угла, изъ-за какого-нибудь чинишка, которому грошъ цѣна,— нѣтъ, больше жить такъ невозможно!»

И читателю представляются изъ-за блѣдной фигуры Ивана Ивановича тысячи, десятки тысячъ такихъ же измученныхъ людей, которые ежедневно со стономъ повторяютъ: «такъ жить невозможно!» и продолжаютъ жить, плодиться,

воспитывать такихъ же футлярныхъ людей. Г. Чеховъ не даетъ ни малѣйшаго утѣшенія, не открываетъ ни щелочки просвѣта въ этомъ футлярѣ, который покрываетъ нашу жизнь, «не запрещенную циркулярно, но и не вполнѣ разрѣшенную». Созданная имъ картина получаетъ характеръ трагической неизбѣжности. Фигура Бѣликова разростается, если не въ общечеловѣческую, то въ общерусскую, получаетъ значеніе не временного, наноснаго явленія, которое должно исчезнуть вмѣстѣ съ вызвавшими его причинами, а постояннаго, въ насъ самихъ коренящагося.

Въ этомъ художественномъ преувеличеніи, въ безмѣрности авторскаго пессимизма, какъ бы онъ ни оправдывался дѣйствительностью, все же чувствуется натяжка. Слишкомъ мрачное, до болѣзненности безотрадное настроеніе автора не позволяетъ ему разобраться въ массѣ условій, создающихъ футлярное существованіе для русскаго обывателя. Духота и тѣснота этой жизни не оттого, напр., зависятъ, что мы живемъ въ городахъ. Изъ неподражаемаго по силѣ разсказа того же г. Чехова мы знаемъ, что и въ деревняхъ не меньше духоты, тѣсноты и несравненно больше темноты. Значитъ, не въ условіяхъ только города или деревни надо искать причинъ, создающихъ футляръ. Они гораздо шире и равнымъ образомъ давятъ и городъ, и деревню. Они заключаются отнюдь не въ насъ самихъ, а лежатъ внѣ насъ, и сущность ихъ сводится къ отсутствію общественной жизни. Гдѣ нѣтъ хода для личности, для развитія иниціативы, проявленія своего «я», гдѣ каждый ничтожный по существу актъ личной воли наталкивается на рядъ препятствій, требующихъ крайняго напряженія всѣхъ силъ, гдѣ даже такой пустякъ, какъ ѣзда на велосипедѣ, допускается лишь съ особаго разрѣшенія, послѣ предварительныхъ испытаній, тамъ простой средній человѣкъ, составляющій кассу, поневолѣ опускается, теряетъ интересъ къ жизни, къ своимъ обязанностямъ, ко всему, что непосредственно не затрогиваетъ его шкурнаго существованія. Вѣчный страхъ за кусокъ хлѣба, винтъ, чинишка, которому цѣна грошъ—это не составляетъ футляра, а лишь результаты общаго футляра, въ которомъ жизнь замираетъ и вмѣсто нея являются ея суррогаты...

Г. Чеховъ съумѣлъ съ безпощадной силой раскрыть все ничтожество футлярной жизни, и въ этомъ заключается жгучая особенность его послѣднихъ произведеній. Онъ выбираетъ, можетъ быть, безсознательно самыя больныя мѣста нашей жизни и заставляетъ насъ «вложить перстъ въ рану», и такъ какъ у каждаго она такъ или иначе болитъ, то и получается та особая острота ощущеній горечи, недовольства и тоски жизни, которую испытываешь при чтеніи г. Чехова.

Въ слѣдующемъ, напр., разсказѣ той же лѣтней серіи, «Крыжовникъ», ветеринарный врачъ разсказываетъ про своего брата, въ лицѣ котораго г. Чеховъ съумѣлъ представить одинъ изъ самыхъ распространенныхъ типовъ обывательской пошлости, человѣческаго ничтожества, самодовольнаго и безцѣльнаго прозябанія. Хотя этотъ разсказъ и не имѣетъ непосредственной связи съ предъидущимъ, но въ немъ какъ бы обрисовывается среда, гдѣ властвуетъ человѣкъ въ футлярѣ. Николай Ивановичъ, герой разсказа, это живой представитель того мірка, гдѣ человѣкъ въ футлярѣ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ вытравлялъ все человѣческое, все сколько-нибудь возвышающееся надъ низменнымъ уровнемъ будничной жизни. Съ дѣтства въ немъ подавлялся всякій живой порывъ, благородное, сочувственное движеніе души, свободная мысль, не укладывающаяся въ рамки ограничительныхъ циркуляровъ. Юношескія мечты, горячія стремленія, мысли о борьбѣ, о благѣ людей, все было подавлено всепоглощающей мыслью о личномъ существованіи, страхомъ за эту жалкую жизнь, боязнью предъ невидимымъ—«какъ бы чего не вышло». Единственной мечтой этого забитаго существа являлся собственный уголокъ земли, маленькая усадьба, гдѣ бы онъ могъ чувствовать себя спокойно. Это чисто-звѣриное стремленіе къ своей

берлогѣ, подальше отъ другихъ, куда страхъ загоняетъ звѣря, гдѣ послѣдній можетъ, наконецъ, безъ опасенія протянуть усталыя лапы. Страстное стремленіе къ такому уголку мало-по-малу оформилось, развилось въ цѣльную картину своей усадьбы на берегу небольшой рѣчки, съ садикомъ, въ которомъ непремѣнно есть крыжовникъ. Этотъ крыжовникъ является въ мечтахъ Николая Ивановича кульминаціоннымъ пунктомъ благополучія, недосягаемымъ счастьемъ, которому онъ жертвуетъ всю жизнь. Онъ живетъ, не доѣдая и не досыпая, копитъ гроши, отказываютъ себѣ во всемъ. Ради него женится на старухѣ съ деньгами, которую своею скупостью доводитъ до преждевременной смерти. Наконецъ, уже сѣдой, старый, безъ силъ и желаній, онъ послѣ смерти жены осуществляетъ свою мечту молодости. Разсказчикъ пріѣзжаетъ къ нему и видитъ его на вершинѣ блаженства, когда Николай Ивановичъ угощаетъ гостя *своимъ* крыжовникомъ, кислымъ, недозрѣлымъ, и въ восторгѣ отъ каждой ягодки восклицаетъ: «какъ вкусно!» Печаль и тоска овладѣваютъ разсказчикомъ при видѣ этой пошлости, самодовольной, ограниченной, не желающей ничего знать, видѣть, понимать, кромѣ *своего* крыжовника.

«Какъ въ сущности много довольныхъ, счастливыхъ людей! Какая это подавляющая сила!—съ душевною болью восклицаетъ авторъ устами разсказчика.— Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильныхъ, невѣжество и скотоподобіе слабыхъ, кругомъ бѣдность невозможная, тѣснота, вырожденіе, пьянство, лицемѣріе, вранье... Между тѣмъ во всѣхъ домахъ и на улицахъ тишина, спокойствіе; изъ пятидесяти тысячъ, живущихъ въ городѣ, ни одного, который бы вскрикнулъ, громко возмутился. Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ за провизіей, днемъ ѣдятъ, ночью спятъ, которые говорятъ свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащатъ на кладбище своихъ покойниковъ; но мы не видимъ и не слышимъ тѣхъ, которые страдаютъ, и то, что страшно въ жизни, проходитъ за кулисами. Все тихо, спокойно, и протестуетъ одна только нѣмая статистика: столько-то дѣтей погибло отъ недоѣданія, столько-то съ ума сошло, столько-то ведеръ выпито... И такой-то порядокъ, очевидно, нуженъ: очевидно, счастливый чувствуетъ себя хорошо только потому, что несчастные несутъ свое бремя молча, и безъ этого молчанія счастье было бы невозможно. Это общій гипнозъ. Надо, чтобы за дверью каждаго счастливаго человѣка стоялъ кто-нибудь съ молоточкомъ и постоянно напоминалъ бы стукомъ, что есть несчастные, что какъ бы онъ ни былъ счастливъ, жизнь рано или поздно покажетъ ему свои когти, стрясется бѣда—болѣзнь, бѣднота, потери, и его никто не увидитъ и не услышитъ, какъ теперь онъ не видитъ и не слышитъ другихъ».

Охваченный волненіемъ, разсказчикъ восклицаетъ: «Ахъ, если бы я былъ молодъ!»—и обращается къ одному изъ слушателей, молодому помѣщику Алехину, съ воззваніемъ.

«—Павелъ Константиновичъ! Не успокоивайтесь, не усыпляйте себя, дѣлайте добро! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте дѣлать добро! Счастья нѣтъ и не должно его быть, а есть жизнь, и если она имѣетъ смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ и цѣль вовсе не въ нашемъ счастьѣ, а въ чемъ-то болѣе разумномъ и великомъ. Есть жизнь, есть нравственный законъ, высшій для насъ законъ... Дѣлайте добро!»

И тутъ же, чтобы подчеркнуть все безсиліе такихъ воззваній, авторъ описываетъ богатую, изящную обстановку дома Алехина, гдѣ шелъ разговоръ. «Когда изъ золотыхъ рамъ глядѣли генералы и дамы, которые въ сумеркахъ казались живыми, слушать разсказъ про бѣднягу чиновника, который ѣлъ крыжовникъ, было скучно. Хотѣлось почему-то говорить и слушать про изящныхъ людей, про женщинъ. И то, что они сидѣли въ гостиной, гдѣ все — и люстра въ чехлѣ, и кресла, и ковры подъ ногами, говорили, что здѣсь когда-то ходили,

сидѣли, пили чай вотъ эти самые люди, которыя глядѣли теперь изъ рамъ, и то, что здѣсь теперь безшумно ходила красивая Пелагея,—это было лучше всякихъ разсказовъ»...

Послѣдній разсказъ «Любовь» проникнутъ той же грустной, щемящей сердце нотой, какъ и оба предъидущіе. Этотъ разсказъ усиливаетъ впечатлѣніе ненормальности окружающей жизни, спутанности въ ней самыхъ простыхъ отношеній, безжалостности людей другъ къ другу, ихъ неумѣнья жить по-человѣчески. Алехинъ разсказываетъ о своей любви къ замужней женщинѣ, которая тоже любила его; какъ они оба таили эту любовь, старались исполнять свои обязанности, страдали, томились, и только въ минуту разставанья оба поняли, что они потеряли и какъ пропустили самое главное въ своей жизни. «Когда тутъ, въ купе, взгляды наши встрѣтились, душевныя силы оставили насъ обоихъ, я обнялъ ее, она прижалась лицомъ къ моей груди, и слезы потекли изъ глазъ; цѣлуя ея лицо, плечи, руки, мокрыя отъ слезъ, — о, какъ мы были съ ней несчастны!—я признался ей въ своей любви, и со жгучей болью въ сердцѣ я понялъ, какъ ненужно, мелко и обманчиво было все то, что намъ мѣшало любить. Я понялъ, что когда любишь, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви нужно исходить съ высшаго, съ болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, грѣхъ или добродѣтель въ ихъ ходячемъ смыслѣ, или не нужно разсуждать вовсе».

Алехинъ — умный и хорошій человѣкъ, чувствующій призваніе къ наукѣ, къ общественной дѣятельности, а занимается сельскимъ хозяйствомъ, котораго не любитъ и не знаетъ, во имя взятаго на себя призрачнаго долга поднять состояніе, расшатанное отцомъ. Такъ упустилъ онъ свое истинное призваніе, какъ упустилъ любовь, разбилъ и свою, и другую жизнь, потому что не было въ немъ гордости, твердой воли и энергіи. Все это выѣла въ немъ футлярная жизнь, оставивъ горечь воспоминаній и сознаніе ненужности своей жизни.

Всѣ три разсказа, при разнообразіи сюжета и малой связи, проникнуты и объединены общей печалью и тоской, лежащими въ ихъ основѣ. Исторія человѣка въ футлярѣ мѣстами глубоко комична, напр., его ухаживаніе; также смѣшна и фигура любителя крыжовника, но улыбка ни разу не освѣщаетъ лица читателя. Сквозь внѣшній комизмъ просвѣчиваетъ такое тяжелое, грустное настроеніе автора, что самый комизмъ персонажей только углубляетъ безотрадные выводы, которые сами собой вытекаютъ изъ рисуемыхъ авторомъ картинъ пошлости и житейской неурядицы. Автора мучаютъ темныя стороны жизни, къ которымъ г. Чеховъ сталъ какъ-то особенно чутокъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ. Правда, и прежде одной изъ основныхъ нотъ въ его настроеніи была меланхолическая струнка, напр., въ его «Хмурыхъ людяхъ», въ «Сумеркахъ», но теперь она стала преобладающею. Вспомнимъ его «Мужиковъ» или «Моя жизнь», гдѣ траурный фонъ застилаетъ сплошь всю картину. Жизнерадостное, бодрящее чувство какъ бы совсѣмъ покинуло автора, и жизнь рисуется ему, какъ облачный день, въ туманѣ печали и тоски, разстилается предъ нимъ, какъ необозримая ровная степь, съ низко нависшими облаками, гдѣ ни одинъ лучъ солнца не проглянетъ, не согрѣетъ, не освѣтитъ печально и безъ цѣли бредущихъ путниковъ.

Помимо разныхъ причинъ, могшихъ усилить въ авторѣ его песемизмъ, намъ кажется, эта особенность коренится въ общихъ свойствахъ таланта г-на Чехова. Художественное творчество его напоминаетъ превосходное, но разбитое зеркало, въ каждомъ обломкѣ котораго отражается съ удивительной рельефностью и правдивостью тотъ или иной уголокъ жизни. Но соединить всѣ эти уголки въ общую цѣльную картину онъ не можетъ, откуда и происходитъ чрезмѣрность темной окраски каждой отдѣльной картинки, усиливаемая, сверхъ того, личнымъ настроніемъ. Жизнь въ цѣломъ отнюдь не такъ ужъ мрачна и

безъисходно тосклива, какою она кажется, если разсматривать ее по частямъ, въ деталяхъ. Но для болѣе свѣжаго и радостнаго настроенія необходимо нѣсколько подняться надъ нею, чтобы схватить ее шире, взглянуть на нее во времени и пространствѣ и уловить общую гармонію частей, гдѣ не всегда и не вездѣ одни человѣки въ футлярѣ диктуютъ законы, не только *свой* крыжовникъ является центромъ, около котораго вращаются всѣ помышленія. Какъ ни сперта и душна атмосфера туманнаго облачнаго дня, живое вѣяніе жизни то здѣсь, то тамъ даетъ себя чувствовать, если только нарочно не запирать всѣ окна, отгораживаясь отъ всего живого, вольнаго, всего, не мирящагося съ низменными интересами текущаго дня. Если бы было иначе, не стоило бы и жить. Есть великое утѣшеніе въ мысли, что всему бываетъ конецъ на свѣтѣ,—будетъ конецъ и футлярному прозябанію...

Замѣчается и еще одна особенность, совершенно новая для г. Чехова, который отличался всегда поразительной объективностью въ своихъ произведеніяхъ, за что нерѣдко его упрекали въ равнодушіи и безпринципности. Теперь же, какъ навѣрное уже замѣтили читатели въ приведенныхъ выдержкахъ, г. Чеховъ не можетъ удержаться, чтобы мѣстами не высказаться, вкладывая въ реплики героевъ задушевныя свои мысли и взгляды. какъ, напр., заключеніе разсказа «Человѣкъ въ футлярѣ», тирада Ивана Ивановича о невозможности жить такъ дольше или патетическое воззваніе къ добру въ разсказѣ «Крыжовникъ». Можно сказать, что мракъ и отвратительная пошлость изображаемыхъ имъ картинъ вырываютъ изъ груди художника невольный стонъ. Онъ не можетъ оставаться только художникомъ и помимо воли становится моралистомъ и обличителемъ. Такая новая черта крайне знаменательна для настроенія автора. Въ немъ какъ бы назрѣваетъ какой-то переломъ, прорывается нѣчто, сближающее его съ другими нашими великими художниками, которые никогда не могли удержаться на чисто-объективномъ творчествѣ и кончали проповѣдью, одни, какъ Левъ Толстой, жертвуя ей всѣмъ своимъ художественнымъ талантомъ, другіе, какъ Гаршинъ, своимъ субъективизмомъ, окрашивая свои произведенія почти до тенденціозности (напр., «Художники» Гаршина). Мы вполнѣ увѣрены, что огромный талантъ г. Чехова удержитъ его въ должныхъ границахъ, и нѣкоторая доля субъективности только углубитъ содержаніе его творчества.

Лѣто въ Петербургѣ считается обыкновенно глухимъ сезономъ, когда замираетъ умственная и общественная жизнь, и послѣ зимняго напряженія, шумной и пестрой дѣятельности, въ столицѣ наступаетъ сравнительное затишье. Такое представленіе о петербургской жизни вполнѣ вѣрно, если понимать подъ этой жизнью высшую сферу и область умственныхъ интересовъ, сосредоточенныхъ около университета, высшихъ учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ. Но то, что̀ составляетъ основу Петербурга, какъ огромнаго промышленнаго центра, жизнь рабочихъ, вообще трудящейся физически массы, не только не затихаетъ, но идетъ усиленнымъ темпомъ, о чемъ говорятъ вамъ на каждомъ шагу толпы пришлаго рабочаго люда, снующаго по всѣмъ направленіямъ, особенно по утрамъ, когда начинается трудовая муравьиная работа. Петербургъ получаетъ тогда совсѣмъ необычный видъ. Вмѣсто сухихъ, дѣловитыхъ чиновничьихъ лицъ, улицы заполняютъ спѣшно и молчаливо шествующія артели плотниковъ, каменщиковъ, штукатуровъ, рѣзко выдающихъ себя провинціальными акцентами, манерою ходить тяжело, въ перевалку и сравнительно здоровымъ, даже на взглядъ петербуржца цвѣтущимъ видомъ. Въ другое время года петербургскій обыватель рѣдко видитъ рабочихъ, обитающихъ на окраинахъ города и знакомыхъ ему только въ образѣ всегда полупьянаго мастерового, болѣзненнаго, изможденнаго, смѣлаго и циничнаго, говорливаго,

бойкаго и умѣющаго постоять за себя. Эти пришлыя артели, расползающіяся, какъ тараканы, съ утра, наполняютъ самыя бойкія центральныя улицы, взрываютъ и улаживаютъ мостовыя, лѣпятся по стѣнамъ шестиэтажныхъ домовъ, копошатся вдоль каналовъ, у барокъ съ дровами, кирпичемъ и разнымъ строительнымъ матеріаломъ. Они очищаютъ городъ отъ накопившагося за зиму сору и устраиваютъ его для новой зимы.

Лѣтомъ въ Петербургѣ «народъ» преобладаетъ, и общество петербургскихъ художниковъ отлично выбрало время, открывъ свою выставку для народа именно лѣтомъ. Въ большомъ конногвардейскомъ манежѣ, гдѣ можетъ построиться цѣлый полкъ, центръ задрапированъ въ видѣ овала, по которому расположены картины, освѣщаемыя боковыми окнами. Отсутствіе освѣщенія сверху и царящій въ огромномъ манежѣ сумракъ сильно мѣшаютъ свѣтовымъ эффектамъ, многія картины, что̀ называется, отсвѣчиваютъ и разглядѣть ихъ довольно трудно. Вообще, манежъ, какъ мѣсто для картинной выставки, не отвѣчаетъ цѣли, хотя и представляетъ большія удобства по пространству и количеству воздуха. Выставлено всего до 300 картинъ и этюдовъ и нѣсколько скульптурныхъ произведеній, къ сожалѣнію, очень немного и очень посредственныхъ. Входъ — 5 к.,—плата умѣренная и доступная даже народу. По буднямъ посѣтителей, конечно, немного, но въ праздники и воскресные дни манежъ довольно многолюденъ, и эта толпа не менѣе, если не болѣе, любопытна, чѣмъ сама выставка. Преобладающій колоритъ—молодыя, свѣжія лица, много подростковъ и даже дѣтей, и на этомъ фонѣ кое-гдѣ выдѣляются сѣдобрадыя лица, съ суровымъ и «учительнымъ» выраженіемъ приглядывающіяся къ картинамъ. Общее настроеніе сдержанное, почти вялое, мало оживленія и видимаго интереса къ предмету. У большинства выраженіе сосредоточенное, почти напряженное и нѣсколько недоумѣлое. Видимо, многое непонятно или понимается «совсѣмъ напротивъ», что̀ и подтверждается, когда прислушаешься къ рѣдкому обмѣну мнѣній между зрителями.

«Ромео и Джульетта» — читаетъ зритель на картинѣ г. Маковскаго, гдѣ представлена сидящая въ саду цвѣтущая пара. «Ромео и Джульетта»—читаетъ онъ, обойдя овалъ съ другой стороны, на картинѣ проф. Венига, изобразившаго послѣднюю сцену драмы въ склепѣ,—и бѣдный зритель изъ народа путается и недоумѣваетъ. Только-что видѣлъ цвѣтущую пару, а здѣсь—лежатъ двое мертвыхъ, изъ которыхъ, кстати замѣтить, Ромео написанъ такъ, что его и разглядѣть нельзя. Разныя «весна идетъ», въ образѣ зеленой дѣвицы, порхающей по лугамъ, «лѣто», изображенное худыми и мертвыми фигурами, приводятъ этого зрителя въ полное отупѣніе. Голая дѣвица—«Модель»—и не менѣе обнаженная «Сирена» на «народной» выставкѣ тоже не пользуются вниманіемъ посѣтителей, какъ и на любой выставкѣ не пользовались бы, въ виду «символическаго» пошиба и фіолетовыхъ тоновъ. Надъ исполненіемъ зрители изъ народа не останавливаются, но ихъ поражаетъ самый предметъ, мало подходящій, по ихъ мнѣнію, къ картинѣ вообще, къ которой они относятся съ наивнымъ уваженіемъ. Сюжетъ, содержаніе привлекаетъ ихъ исключительно, что можно видѣть по внимательности, съ которой они долго разсматриваютъ картины, мало привлекавшія обыкновеннаго посѣтителя выставокъ. Такова, напр., картина г. Кондратенки «Послѣдніе защитники Малахова Кургана», вызвавшая большія порицанія на выставкѣ того же общества художниковъ зимою годъ тому назадъ. Картина сопровождается большимъ пояснительнымъ текстомъ, что̀ справедливо было признано всѣми неумѣстнымъ. Картина съ комментаріями—уже не картина, а иллюстрація къ тексту. Иное дѣло здѣсь, гдѣ огромное большинство посѣтителей нуждается въ такихъ поясненіяхъ, безъ чего большинство картинъ съ сложнымъ сюжетомъ для нихъ темно и неясно. Текстъ для нихъ осмысливаетъ картину, и около «Послѣднихъ защитниковъ» соби-

рается толпа, внимательно слушающая текстъ и разсматривающая картину, обмѣниваясь живыми замѣчаніями, подчасъ очень вѣрными. «Дымъ словно живой»—такое очень мѣткое мнѣніе, указавшее главное достоинство картины, было высказано простоватымъ мастеровымъ.

Говоря о значеніи текста, мы имѣемъ въ виду настоящую выставку петербургскихъ художниковъ, которая по своей пестротѣ, полному отсутствію выбора и въ большей части плохимъ картинамъ могла бы хоть этимъ привлечь посѣтителей. Мы совершенно не понимаемъ, почему это сборище плохихъ полотенъ названо народной выставкой? Развѣ только малая плата даетъ ей право такъ называться. Не странно ли на народной выставкѣ встрѣтить этихъ голыхъ дѣвицъ, сиренъ, декадентскую «весну» и «лѣто» и въ довершеніе картину г. Саксена «Изъ повѣсти «Крейцерова соната» гр. Льва Толстого, Ромео и Юлію, и прочія непонятныя для народа вещи? Мы вовсе не стоимъ за особую живопись для народа, какъ не признаемъ и особой для него литературы. Но это вовсе не значитъ, что мы совѣтовали бы издавать для народа все, не дѣлая ни малѣйшаго выбора среди массы литературныхъ произведеній, и ужъ, конечно, никогда не пришло бы намъ въ голову пустить въ народную среду «Крейцерову сонату» или произведенія Метерлинка. При всей ихъ несомнѣнной цѣнности, эти вещи требуютъ опредѣленной ступени развитія и знаній, чтобы разобраться въ нихъ, что вполнѣ примѣнимо и къ картинамъ.

Положимъ, картина обладаетъ однимъ огромнымъ преимуществомъ предъ литературнымъ произведеніемъ, — она непосредственнѣе вліяетъ на зрителя и потому доступнѣе его пониманію, и если она дѣйствительно хороша, она цѣльнѣе захватываетъ его. Но отсюда же вытекаетъ и бо́льшая требовательность къ картинѣ, въ особенности на *народной* выставкѣ. Петербургскіе художники не соблюли этого условія и разомъ предложили народу все, что у нихъ накопилось не проданнаго отъ всѣхъ выставокъ, повидимому, руководствуясь однимъ принципомъ,—для народа сойдетъ и это. Какъ примѣръ небрежности, можно указать, кромѣ отмѣченныхъ выше, безконечный рядъ этюдовъ г. Сергѣева, представляющихъ микроскопическія картинки, наброски и штрихи, интересные развѣ для знатоковъ. Да и то сказать, мы понимаемъ изученіе этюдовъ какого-нибудь Иванова или Рѣпина, но г. Сергѣева... И притомъ, народу мы не рѣшились бы дать этюдовъ даже великихъ художниковъ. Ему необходимо давать вполнѣ отдѣланныя вещи, законченныя и ясныя, понятныя всякому и дающія каждому столько, сколько онъ можетъ взять. А что, напр., могутъ дать ему эти этюды, можетъ быть, и раскрывающіе тайны психологіи художника г. Сергѣева, но сами по себѣ прямо-таки никому неинтересные? Или еще «картина» нѣкоего г. Фрейвиртъ-Люцова—«Пріемный день», изображающая великосвѣтскій салонъ, гдѣ въ живописныхъ позахъ расположены посѣтители, занятые «causerie» на злобы дня? Картина и сама по себѣ изъ рукъ вонъ плоха, написанная въ сѣро-грязномъ тонѣ, безсмысленная по сюжету, а на народной выставкѣ она приводитъ зрителя просто въ недоумѣніе: люди сидятъ и болтаютъ, что же тутъ «картиннаго»?

Не мѣсто также на подобной выставкѣ картинамъ лубочнаго характера, съ которыми народъ и безъ того имѣетъ постоянное знакомство. Такова «Иллюминаціи Кремля», вызывавшая общее недоумѣніе еще на зимней выставкѣ того же общества. Аляповатая по рисунку, съ потускнѣвшими красками, она просто нелѣпа. Еще хуже картина «Возвращеніе волостного старшины съ коронаціи». Считаемъ необходимымъ оговориться, во избѣжаніе недоразумѣній. Возмущаетъ въ этой картинѣ не сюжетъ, а именно выполненіе, шаблонное до тошноты. Изданія Никольскаго рынка въ сравненіи съ этой картиной просто шедевръ, до того плоски лица, мертвенны краски и первобытна перспектива. Это—дѣтская мазня, никуда негодная, меньше всего, конечно, для народной выставки.

На ряду съ этими ошибками устроителей выставки необходимо поставить и подборъ, лучше сказать, отсутствіе подбора—портретовъ. Ихъ, правда, немного, но что за портреты! Для народа чрезвычайно любопытные: портретъ артиста М. И. Писарева, портретъ художника Пурвица, просто «портретъ», портретъ г-жи Ш., портретъ художника Г.—и все. Сами по себѣ эти портреты только посредственны, чтобы не сказать больше, и уже, конечно, не даютъ представленія о томъ, чѣмъ долженъ и можетъ быть портретъ. А между тѣмъ, развѣ портреты этихъ интересныхъ незнакомцевъ могутъ привлечь зрителя изъ народа? Почему они тутъ, такъ же понятно, какъ и присутствіе этюдовъ г. Сергѣева, декадентовъ гг. Скиргелло и Розенталя и лубочниковъ. Просто—устроители брали все, что давали господа художники. Такъ можно судить хотя бы потому, что рядомъ съ этими только-только посредственными портретами есть и работа г. Галкина: «Портретъ Ихъ Императорскихъ Величествъ съ Великой Княгиней Ольгой Николаевной», превосходно написанный, особенно ребенокъ, прыгающій на колѣняхъ Императрицы, какъ будто онъ вотъ-вотъ сойдетъ съ полотна. Вся картина написана въ прозрачныхъ нѣжныхъ тонахъ, съ прекраснымъ соблюденіемъ перспективы, и даже при плохомъ освѣщеніи манежа фигуры выступаютъ изъ рамокъ, что производитъ рѣдкое по живости впечатлѣніе. Г. Галкинъ несомнѣнно крупная сила и какъ портретистъ, и какъ художникъ.

Такова первая народная выставка. При всемъ желаніи отнестись къ ней съ полнымъ сочувствіемъ, приходится признать ее не изъ удачныхъ. Добрыя намѣренія устроителей не нашли достаточнаго матеріала, и, видимо, на выставку попало по большей части то, что было подъ рукой, безъ надлежащей критики и выбора. Результаты этого могутъ быть только печальные, такъ какъ подобныя выставки могутъ только отбить у народа охоту посѣщать «народныя» выставки. Дѣлая наши замѣчанія, мы вовсе не стоимъ за тенденціозный подборъ картинъ, меньше всего желательный для ознакомленія народа съ искусствомъ. Но требуемъ одного — хорошихъ картинъ, въ которыхъ выполненіе и содержаніе были бы слиты въ одно художественное цѣлое. Едва ли было необходимо гнаться за количествомъ, и даже изъ имѣющагося матеріала можно было подобрать въ общемъ недурную, хотя и небольшую выставку. Теперь же среди массы заурядныхъ и прямо негодныхъ полотенъ затериваются хорошія вещи, мимо которыхъ неопытный зритель пройдетъ, даже не обративъ на нихъ вниманія. Настоящая выставка учитъ, впрочемъ, какъ не слѣдуетъ устраиватъ такія выставки, и въ этомъ отношеніи будетъ имѣть извѣстное значеніе для будущихъ устроителей.

Намъ представляется, какъ прекрасно можно бы устраивать такія выставки ежегодно, пользуясь тѣмъ обиліемъ картинъ, какое скопляется на нашихъ зимнихъ выставкахъ. За послѣдніе годы ихъ бываетъ до пяти выставокъ одновременно, съ двумя-тремя тысячами картинъ. Изъ такого количества можно бы выбрать лучшія вещи и ежегодно давать народу небольшую, но дѣйствительно цѣнную, хорошо подобранную выставку, которая знакомила бы его съ роднымъ искусствомъ. Въ текущемъ году, напр., какіе были пейзажи Дубовскаго, Волкова, Шишкина, портреты Ярошенко, Галкина, Маковскаго, жанры Бакаловича, картины Семирадскаго, Котарбинскаго, военныя картинки Мазуровскаго,—такая выставка, дѣйствительно *народная*, являлась бы кульминаціоннымъ пунктомъ современнаго искусства и имѣла бы огромное воспитательное значеніе не только для народа, но и для самихъ художниковъ. Попасть на нее было бы высокой честью для художника, а сознаніе, что онъ служитъ высшей задачѣ искусства въ общественномъ его значеніи — воспитанію массъ, подняло бы самосознаніе художника и вдохновило бы многихъ. Недаромъ замѣчается теперь упадокъ искусства у насъ, какъ бы потерявшаго путь и идеалы, размѣнивающагося на мелочи или ударяющагося въ исканіе экстравагантныхъ темъ, въ необузданную

фантазію, въ мистицизмъ или нездоровый романтизмъ символизма. Можетъ быть, въ этомъ сближеніи съ народною массою искусство нашло бы новый источникъ вдохновенія, котораго такъ не достаетъ ему теперь. Привлекая къ себѣ эту массу, воспитывая ея вкусъ и развивая пониманіе, искусство вызываетъ къ жизни новыя силы, дремлющія въ глубинѣ народа, никому неизвѣстныя и гибнущія безъ слѣда и значенія для человѣчества. Въ Англіи философъ-поэтъ Рескинъ и художникъ-агитаторъ Моррисъ поняли это и приложили всѣ силы къ сближенію искусства съ народомъ, и результаты оправдали уже теперь ихъ надежды, что сказалось въ развитіи изящныхъ вкусовъ въ рабочей средѣ, въ созданіи художественной промышленности и въ идеалистическомъ направленіи самого искусства. Мы не говоримъ, что и у насъ, при отсутствіи широкой и свободной общественной атмосферы, возможно то же самое. Но попытки въ этомъ направленіи, несомнѣнно, благородны и современны, отвѣчая главнѣйшей задачѣ современности—подъему умственнаго и нравственнаго уровня народа.

28-го августа исполнилось 70 лѣтъ великому писателю земли русской Льву Николаевичу Толстому,—возрастъ, почтенный самъ по себѣ, въ данномъ случаѣ тѣмъ достойнѣе почтенія и удивленія, что рѣдкому изъ русскихъ писателей удавалось достигнуть его,—сохраняя почти юношескую мощь и силу таланта и ума и чуткость отзывчивой души. Почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ выступивъ въ литературѣ, великій писатель все такъ же свѣжъ и бодръ, какъ въ лучшіе годы своей дѣятельности, когда создавались имъ безсмертныя произведенія, составляющія гордость не только русской литературы.

Да, не только русской, потому что въ лицѣ Льва Толстого человѣчество имѣетъ одного изъ тѣхъ немногихъ своихъ геніевъ, которыхъ нельзя считать достояніемъ одного лишь народа, одной націи. Онъ—международный писатель, творенія котораго такъ же чтутся, такъ же дороги и всему цивилизованному міру, какъ и русскимъ, хотя въ то же время Левъ Толстой истый представитель своего народа, настоящій «русскій мужикъ», какъ озаглавлена вышедшая къ его семидесятилѣтію біографія, изданная на англійскомъ языкѣ. Вглядитесь въ это лицо съ выдающимися скулами, широкимъ низкимъ лбомъ, изъ-подъ нависшихъ бровей котораго блестятъ глубокіе, пронизывающіе глаза, эти умные, съ затаенной искоркой юмора и насмѣшки, глаза человѣка «себѣ на умѣ»,—лицо, полное упорства, степенной, сдержанной, увѣренной силы и неторопливой, но непоколебимой энергіи,—и вы получите представленіе объ эпическомъ русскомъ мужикѣ, создателѣ огромнаго государства.

Всѣ, хорошія и дурныя, стороны русскаго творчества получали въ Толстомъ свое выраженіе. Геніальный художникъ, онъ съумѣлъ выразить свойственную лучшимъ представителямъ русской литературы кристальную ясность и живость образовъ, довести реальность изображенія до высшаго предѣла, сохранивъ въ нихъ глубину жизни и увѣковѣчивъ въ безсмертныхъ типахъ все разнообразіе ея. Въ безконечной галлереѣ созданныхъ имъ типовъ мы встрѣчаемъ представителей всѣхъ сословій, положеній, возрастовъ и половъ. Начиная съ дѣтской и до императорскаго дворца, черезъ всѣ ступени соціальной лѣстницы, Левъ Толстой раскрываетъ читателю безконечное разнообразіе жизни, знакомитъ съ самыми причудливыми уголками ея, съ самыми удивительными героями. Описаніе дѣтской души, ея горести и радости, бытъ русской деревни, русская природа во всемъ ея разнообразіи, русскій мужикъ, русскій солдатъ, бытъ арміи на войнѣ и во время мира, великосвѣтскіе салоны и тихая семейная жизнь, волненія зарождающейся любви и пылъ страсти, фанатизмъ и муки сомнѣній, спокойная вѣра и сектантская нетерпимость—все нашло мѣсто въ геніальныхъ твореніяхъ, отлитое въ неумирающія формы нетлѣнной красоты. Въ геніи Льва Толстого русское творчество достигло кульминаціоннаго пункта по глубинѣ, широтѣ, высотѣ замысла и совершенству выполненія.

И мы понимаемъ, почему иностранная критика, когда рѣчь идетъ о русской литературѣ, выдвигаетъ на первый планъ Толстого.

Здѣсь предъ нею въ прихотливыхъ сочетаніяхъ—прозрачная, нѣжная живопись Тургенева, страстность и нервность Достоевскаго, гоголевскій юморъ и пушкинская простота и сжатость языка. И надъ всѣмъ господствуетъ вдумчивая, созерцательная, ищущая и неспокойная душа молодого народа, который въ порывѣ еще не сознанныхъ силъ стремится разомъ все рѣшить, все обнять, проникнуть и впитать въ себя. Отсюда крайности, поражающія насъ на каждомъ шагу въ творчествѣ Льва Толстого, наивность на ряду съ глубочайшимъ анализомъ, гордая смѣлость мысли и запоздалыя открытья, хвастливая самоувѣренность, граничащая съ русскимъ «шапками закидаемъ», и смиреніе, доходящее до самоуничиженія, искренность, хватающая за сердце, и лукавство, близкое къ лицемѣрію.

Въ одной изъ юбилейныхъ статей по поводу семидесятилѣтія какой-то критикъ призналъ Льва Толстого «человѣкомъ шестидесятыхъ годовъ». Намъ кажется, нѣтъ болѣе невѣрной характеристики, какъ подобное причисленіе Толстого къ представителямъ той или иной эпохи. Не говоря уже о натяжкѣ во времени, странна и непонятна эта кличка «шестидесятникъ» по отношенію къ писателю, который и въ эпоху шестидесятыхъ годовъ упрямо шелъ противъ духа эпохи въ очень и очень многомъ, а впослѣдствіи стремился цѣликомъ опровергнуть то, что составляло сущность стремленій этой эпохи—*всю* цивилизацію Запада. Но и помимо этого, никакія мѣрки подобнаго рода не примѣнимы къ такимъ оригинальнымъ натурамъ, какъ Левъ Толстой. Можно ли, напр., къ Пушкину примѣнить названіе «человѣкъ двадцатыхъ или тридцатыхъ годовъ»? Конечно, какъ бы ни былъ великъ и оригиналенъ писатель, онъ все же дитя своего времени, которое наложитъ и на него свой отпечатокъ, и въ произведеніяхъ Толстого можно найти отголоски думъ и мыслей, волновавшихъ людей шестидесятыхъ годовъ. Отсюда, однако, еще далеко до признанія его «шестидесятникомъ», какъ нельзя назвать его «семидесятникомъ» или «восьмидесятникомъ». Есть писатели, которые, превосходно выразивъ свою эпоху, вмѣстѣ съ ней сходятъ со сцены. Они завершаютъ въ своемъ творчествѣ опредѣленный циклъ общественнаго развитія и далѣе органически не могутъ идти. Они—«изъ рода Азровъ, которые, разъ полюбивъ, умираютъ» вмѣстѣ съ предметомъ своего обожанія—опредѣленнымъ кругомъ идей. Они—какъ инструментъ, настроенный только на одинъ тонъ, и пока въ жизни господствуетъ послѣдній, они даютъ глубокій, полный отзвукъ. Въ этомъ ихъ сила и значеніе. Но есть и другіе, которыхъ не пріурочишь ни къ какому времени, ни къ одной опредѣленной идеѣ, ни къ какому «предмету», потому что въ нихъ всякое время, всякая идея находятъ свои «корни и нити» только съ прибавкой чего-то совсѣмъ особеннаго, то съуживающаго, то расширяющаго ихъ значеніе. Каждое настроеніе находитъ въ нихъ отвѣтъ себѣ, и къ Толстому это больше примѣнимо, чѣмъ къ кому-либо другому изъ русскихъ писателей. Онъ поклонялся многимъ богамъ, проповѣдывалъ самыя противорѣчивыя мысли, и, по мѣткому выраженію Ник. Михайловскаго, шуйца и десница его частенько враждовали, одна ниспровергая то, что воздвигала другая. Это даетъ ему въ русской литературѣ особое мѣсто, которое ни одинъ историкъ ея не пріурочитъ къ строго опредѣленной эпохѣ или школѣ, какъ нельзя сдѣлать того же по отношенію къ Пушкину.

Присоединивъ въ день 70-лѣтія и свое привѣтствіе къ тѣмъ безчисленнымъ выраженіямъ уваженія и восторга, которыя въ этотъ день стекались въ Ясную Поляну со всѣхъ концовъ міра, мы могли только искренно пожелать великому писателю еще долгихъ-долгихъ дней для дѣятельности на благо всему человѣчеству.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

О борьбѣ съ голодомъ. Во всѣхъ газетахъ напечатанъ слѣдующій циркуляръ отъ общества «Краснаго Креста».

«Въ текущемъ году нѣкоторыя мѣстности имперіи постигъ недородъ хлѣбовъ и травъ, по размѣрамъ своимъ значительно превосходящій неурожай прошлаго года; съ особою силою проявился онъ въ губерніяхъ: Казанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Уфимской, Пермской, Вятской и Рязанской.

Для оказанія помощи пострадавшему населенію правительство и земства приняли необходимыя и широкія мѣры, но мѣры эти, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ выдачѣ ссудъ нуждающимся, не распространяются на все населеніе, такъ какъ часть его, въ нѣкоторыхъ пострадавшихъ губерніяхъ, достигающая 23 проц. общаго количества всего крестьянскаго населенія, не пользуется правомъ на продовольственную помощь изъ общеустановленныхъ источниковъ.

Къ этому разряду нуждающихся принадлежатъ крестьяне другихъ губерній, живущіе въ губерніяхъ, постигнутыхъ недородомъ, мѣщане, вдовы и сироты духовнаго званія, разночинцы, безземельные и бездомовые, за которыхъ общество, среди котораго они живутъ, не даетъ за круговою порукою ручательства, и пр. Всѣ эти лица живутъ почти исключительно заработками. Между тѣмъ, въ неурожайные годы возможность прокормиться значительно затрудняется, такъ какъ, съ одной стороны, повышаются цѣны на жизненные припасы, а съ другой—отправленіе крестьянъ массами на заработки ненормально увеличиваетъ предложеніе труда.

Кромѣ того, въ отдѣльныхъ случаяхъ требуются и особые виды помощи всему пострадавшему населенію, которые не входятъ въ кругъ заботъ правительственныхъ и земскихъ учрежденій. Такова помощь санитарная и медицинская, устройство школьныхъ столовыхъ, снабженіе хозяйствъ топливомъ, рабочимъ скотомъ и проч.».

Въ виду этого, общество «Краснаго Креста» обращается къ милосердію русскихъ людей и проситъ внести свою лепту на помощь алчущему и страждущему ближнему.

Циркуляръ этотъ является оффиціальнымъ засвидѣтельствованіемъ народной нужды, которая дѣйствительно въ этомъ году угрожаетъ принять серьезные размѣры въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, гдѣ «недоѣданье» сдѣлалось уже хроническимъ явленіемъ. Такъ, корреспондентъ «Нов. Врем.» пишетъ изъ Казанской губ.

«Районъ нужды растетъ въ длину и ширину ежедневно. 13 крестьянскихъ обществъ Чистопольскаго уѣзда потребовали корма еще въ іюлѣ; въ Спасскомъ уѣздѣ безхлѣбная тягота начинается съ сентября, также и въ нѣкоторыхъ волостяхъ Самарскаго уѣзда, въ Казанскомъ уѣздѣ кормить народъ предполагають съ января, въ Николаевскомъ уѣздѣ продовольственная ссуда потре-

буется лишь весной и т. д. Вотъ какая неровность выходитъ даже при взятіи огромнаго поуѣзднаго масштаба; каждый пойметъ, что это неравенство скажется еще болѣе, когда мы возьмемъ за единицы волости; каждый догадается, что подобное неравенство должно явиться для всѣхъ канцелярій настоящей вавилонской башней, когда мы возьмемъ за единицу каждаго нуждающагося въ ежедневномъ хлѣбѣ»...

Корреспондентъ знакомитъ далѣе съ общепринятымъ порядкомъ выдачи ссудъ. Въ каждой волости составляется по напечатанной вѣдомости «именной списокъ крестьянъ, ходатайствующихъ о выдачѣ ссуды на продовольствіе. Волость шлетъ одинъ экземпляръ такого списка земскому начальнику, другой—земской управѣ. Обѣ власти, предполагается, считаютъ волосы на головѣ, т. е. провѣряютъ эти списки и земскіе начальники шлютъ имена тысячи тысячъ Ванекъ, Сенекъ, Дунекъ и Палашекъ въ губернію»...

Относительно этихъ списковъ, по словамъ корреспондента, всѣ мѣстныя власти признаютъ, что крестьяне добросовѣстно относятся къ продовольственному дѣлу, и замѣтна въ нихъ скорѣе неохота брать это продовольствіе, чѣмъ «развратъ деморализаціи казеннаго кормленія»... Графъ Татищевъ лично убѣдился въ существованіи отказовъ отъ ссудъ нуждающагося населенія; земскій начальникъ Бугульминскаго уѣзда 9-го участка рапортуетъ губернатору, что «всѣ крестьяне его округа будутъ нуждаться въ продовольствіи, но, въ виду дороговизны сѣмянъ, многіе не хотятъ ссуды»; земскій начальникъ 3-го участка Бугурусланскаго уѣзда доноситъ, что «крестьянскія общества составили приговоры, что въ помощи не нуждаются», и пр. и пр. Мѣстныя власти—коронныя и земскія—настолько знакомы съ «воздержаніемъ» крестьянства отъ принятія ссудъ, что уже давно практикуютъ принятіе неузаконеннаго типа обезпеченія въ видѣ временнаго спеціально ссудо-продовольственнаго товарищества крестьянъ: «соберется десятокъ голодныхъ мужиковъ, напишутъ бумагу, что своими пустыми животами ручаются другъ за друга, и земство выдаетъ имъ ссуду, успокаивая подобнымъ ручательствомъ совѣсть формализма»...

Когда списки составлены, провѣрены и утверждены, назначается продовольственная ссуда въ количествѣ 35 фунтовъ ржаного зерна въ мѣсяцъ на каждаго стараго, коему свыше 50 лѣтъ, и на каждаго малаго отъ 1 года до 18 лѣтъ; населеніе же въ возрастѣ отъ 18 до 50 лѣтъ не имѣетъ правъ на продовольственную ссуду,—«оно должно само зарабатывать свой хлѣбъ». «И бывали случаи, — разсказывалъ мнѣ г. Шишковъ, бывшій губернскій дѣятель, — что власти, являясь въ Николаевскомъ уѣздѣ на сходъ домохозяевъ, дивились, что присутствующіе стоятъ кучками въ обнимку.

— Стой хорошенько! Чего обнимаешься!

— Поддерживаемъ, вашество, другъ друга, стоять не въ силахъ, ноги не держутъ»...

Понятно, что народъ, въ смыслѣ семей, не держитъ оффиціальнаго разграниченія, и продовольственную ссуду ѣдятъ всѣ члены голодной семьи, имѣющіе и не имѣющіе правъ на эту ссуду. Понятно, что достаются на долю каждаго такіе кусочки, которые по своей скромной величинѣ не только не могутъ деморализировать крестьянъ, но даже не въ силахъ оберечь неурожайныя мѣста отъ цынги и голоднаго тифа, уносящихъ тысячи жертвъ. При такихъ условіяхъ разговоръ о «развратѣ даровщинки» звучитъ безобразнѣйшей дикостью и жестокостью...

Въ Казанской губерніи уже начались предварительныя мѣропріятія по организаціи продовольственной помощи голодающему населенію. По сообщенію «Казанскаго Телеграфа», «главное управленіе россійскаго общества «Краснаго Креста», согласно сообщенію г. министра внутреннихъ дѣлъ, предложило мѣстному управленію доставить необходимыя для составленія плана оказанія помощи населенію

Казанской губерніи, пострадавшему отъ неурожая сего года, свѣдѣнія: въ какихъ мѣстностяхъ, въ какой формѣ (школьныя столовыя, убѣжища для престарѣлыхъ) и въ какихъ размѣрахъ (приблизительное количество потребнаго хлѣба, корма, размѣръ ассигнованія) необходима помощь «Краснаго Креста» въ дополненіе къ мѣрамъ, принимаемымъ административными учрежденіями губерніи по ослабленію послѣдствій недорода».

Казанское управленіе, приступивъ къ составленію отвѣта, обратилось въ казанскую губернскую земскую управу съ просьбой доставить ему свѣдѣнія. Управа сообщила, «что наиболѣе пострадавшими отъ неурожая текущаго года оказались уѣзды: Спасскій, Чистопольскій, Лаишевскій, Мамадышскій, Тетюшскій, Казанскій и Свіяжскій, нуждающемуся населенію которыхъ земствомъ предполагается оказывать продовольственную помощь выдачею ссудъ въ размѣрѣ 35 ф. муки въ мѣсяцъ на ѣдока, въ томъ числѣ и на дѣтей отъ 2-хъ-лѣтняго возраста, за исключеніемъ лицъ рабочаго возраста, пособіе коимъ будетъ выдаваться только въ особо уважительныхъ случаяхъ». За полученіемъ болѣе детальныхъ свѣдѣній управа рекомендовала управленію обратиться къ подлежащимъ уѣзднымъ земскимъ управамъ.

Въ Самарѣ, въ концѣ августа, было созвано экстренное уѣздное земское собраніе для разсмотрѣнія вопроса о продовольствіи населенія въ текущемъ году. Собраніе это, какъ сообщаютъ «Рус. Вѣд.», постановило: ходатайствовать передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ о выдачѣ изъ средствъ общаго по имперіи продовольственнаго капитала ссуды на пріобрѣтеніе 278.418 пуд. ржи на продовольствіе населенія и о зачетѣ, сверхъ того, въ счетъ продовольственныхъ ссудъ всего озимаго хлѣба, находящагося въ общественныхъ магазинахъ, 505.583½ пуд., а также и всего ярового хлѣба, за исключеніемъ овса и ячменя, 265.132½ пуд.; выдавать ссуды на продовольствіе въ теченіе 8 мѣсяцевъ (съ 1-го октября по 1-е іюня), а для особенно нуждающихся селеній — 9 мѣсяцевъ въ размѣрѣ 30-ти фунт. въ мѣсяцъ на ѣдока до 1-го марта, а съ 1-го марта—до 50-ти фунт. на ѣдока, но съ тѣмъ, чтобы въ общемъ ссуда за весь періодъ не превышала 35-ти фунт. въ мѣсяцъ на ѣдока; выдавать ссуды и на работниковъ, если въ данной мѣстности зимой нельзя достать работъ; съ 1-го же марта выдавать на всѣхъ работниковъ, потому что тогда истощатся у населенія всякіе запасы, а заработковъ за весенней распутицей и за началомъ своихъ полевыхъ работъ не будетъ; ссужаемый хлѣбъ выдавать помѣсячно. Такъ какъ въ нынѣшнемъ году былъ сильный неурожай кормовъ, то для помощи населенію въ этомъ отношеніи собраніе постановило ходатайствовать о томъ, чтобы безплатный провозъ ссужаемаго хлѣба не превышалъ 20-ти верстъ, а при большемъ разстояніи—выдавать крестьянамъ провозную плату. По вопросу объ обсѣмененіи яровыхъ полей собраніе постановило: въ виду того, что въ настоящее время еще нельзя точно опредѣлить количество хлѣба, нужнаго на обсѣмененіе яровыхъ, поручить управѣ созвать своевременно новое экстренное уѣздное земское собраніе. Въ настоящее же время предоставляется управѣ самой установить приблизительные размѣры необходимой заготовки яровыхъ сѣмянъ. По вопросу о мѣрахъ къ прокормленію скота собраніе постановило: признавая единственно возможною мѣрою выдачу посыпнаго хлѣба, ходатайствовать передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ о пріобрѣтеніи для этой цѣли 880.000 пуд. хлѣба (предпочтительно — ячменя); признавая за прокормленіемъ скота крупное экономическое значеніе, ходатайствовать передъ правительствомъ о дополненіи нынѣ дѣйствующаго Продовольственнаго Устава статьями о ссудахъ на прокормленіе скота; ходатайствовать о воспрещеніи вывоза отрубей и жмыховъ и скупки ихъ въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ (замѣченъ фактъ, что крупные капиталисты начинаютъ скупать отруби съ цѣлью перепродажи ихъ по повышеннымъ цѣнамъ зимой). Норму для выдачи ссудъ на прокормъ скота установило собраніе въ 3 лошади

и 1 корову на дворъ; дворы, имѣющіе болѣе скота, ссуды не должны получать. Выдачу ссудъ на прокормъ скота производить съ 1-го ноября по 1-е мая, причемъ до 1-го марта—по $1^1/_2$ пуда на голову въ мѣсяцъ, а послѣ 1-го марта—по 2 пуда. Для гарантіи этой ссуды установить увеличеніе общественной запашки на 100 кв. саж. сверхъ нормальныхъ 200 кв. саж. на душу. Далѣе собраніе постановило ходатайствовать передъ губернскимъ земствомъ объ организаціи общественныхъ работъ за счетъ дорожнаго капитала по плану, утвержденному губернскимъ земскимъ собраніемъ, и передъ правительствомъ—о томъ, чтобы немедленно было приступлено къ сооруженію намѣченныхъ въ предѣлахъ губерніи желѣзныхъ дорогъ.

Вопросъ о всеобщемъ обученіи на кіевскомъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей. Кромѣ спеціальныхъ вопросовъ естествознанія на послѣднемъ кіевскомъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей разрабатывались и вопросы, имѣющіе общій интересъ и серьезное общественное значеніе. Къ числу ихъ относится и вопросъ о всеобщемъ обученіи, обсуждавшійся въ подсекціи статистики и послужившій темою для нѣсколькихъ докладовъ земскихъ статистиковъ изъ различныхъ мѣстностей Россіи—г.г. Трегубова изъ Екатеринослава, Бѣлоконскаго изъ Курска и Бориневича изъ Одессы. По словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», первый изъ референтовъ, г-нъ Трегубовъ. пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно опредѣленія возраста дѣтей при введеніи всеобщаго, но не обязательнаго обученія: дѣтьми школьнаго возраста слѣдуетъ считать дѣтей 8, 9 и 10-ти-лѣтняго возраста, составляющихъ (по таблицамъ выживанія) 7%; необходимое число школъ слѣдуетъ разсчитывать при началѣ введенія всеобщаго обученія на всѣхъ мальчиковъ и на половину дѣвочекъ, что составитъ 5—$5^1/_2$% населенія; что, какъ и въ какихъ размѣрахъ дѣлать дальше, будетъ видно изъ текущей регистраціи. Одна школа можетъ состоять изъ 2-хъ классовъ, по 60-ти учениковъ въ каждомъ, и такая школа должна приходиться не болѣе какъ на 2.400 душъ населенія (на первыхъ порахъ введенія всеобщаго обученія).

Сущность доклада г-на Бѣлоконскаго сводится къ слѣдующему. Земская статистика, такъ много сдѣлавшая по вопросамъ экономическимъ, несомнѣнно откликнется на назрѣвшую духовную нужду народную, также добросовѣстно изслѣдуетъ этотъ вопросъ и укажетъ на способъ его разрѣшенія. Что же надо сдѣлать? Прежде чѣмъ говорить о какихъ-либо мѣропріятіяхъ, необходимо ознакомиться съ тѣмъ, какъ обстоитъ дѣло народнаго образованія въ настоящее время. Самымъ важнымъ при такого рода изслѣдованіяхъ является отысканіе истиннаго школьнаго возраста, для опредѣленія котораго необходимо собрать лишь данныя о лѣтахъ учащихся въ правильно организованныхъ школахъ (земскихъ и министерскихъ), такъ какъ перепись и данныя о возрастѣ въ школахъ неправильно организованныхъ (школы грамоты и церковно-приходскія) показали, что колебанія возрастовъ очень велики. Опредѣливъ границы школьнаго возрасти, т. е. его предѣлы отъ такихъ-то до такихъ-то лѣтъ, легко. при посредствѣ данныхъ всероссійской переписи, найти количество лицъ школьнаго возраста, а опредѣливъ требованіями педагогіи и санитарія нормальное количество учащихся въ одной школѣ, узнаемъ, сколько необходимо училищъ въ данномъ районѣ для всеобщаго обученія. Собравъ такого рода матеріалъ, необходимо приступить къ составленію нормальной сѣти школъ, для чего къ вышеупомянутымъ даннымъ слѣдуетъ присоединить данныя о разстояніи между селеніями, а также произвести изслѣдованіе относительно нормальнаго школьнаго возраста для даннаго района, при которомъ возможно безпрепятственное хожденіе въ школу. Когда выяснятся разстоянія, тогда можно приступить къ построенію нормальной сѣти школъ, но это будетъ только сѣть по-районная.

Для всеобщаго обученія или нужно расширить по-районную школу до размѣровъ, чтобы вмѣстились всѣ учащіеся, или устраивать школы во всѣхъ селеніяхъ, такъ что, понятно, по-районныхъ школъ получится много меньше, чѣмъ таковыхъ для всеобщаго обученія.

Третій докладъ, г-на Бориневича, касался введенія всеобщаго обученія въ городахъ. По мнѣнію автора: 1) Населеніе городовъ вполнѣ подготовлено къ введенію всеобщаго обученія какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ. 2) Дѣти, поступающія до возраста семи лѣтъ, просиживаютъ лишній учебный годъ, почему слѣдуетъ запретить принимать въ школы дѣтей менѣе 8-ми лѣтъ. 3) Продолжительность обученія (для всѣхъ учащихся, а не окончившихъ только курсъ) можно принять въ три года. 4) Процентъ дѣтей въ школьномъ возрастѣ для города долженъ быть нѣсколько пониженъ. 5) Даже при пониженіи процентовъ дѣтей школьнаго возраста окажется, что внѣ школы остается болѣе 40 процентовъ дѣтей. 6) При такихъ условіяхъ городскія общественныя управленія не могутъ принять на себя всѣхъ расходовъ на дѣло введенія всеобщаго обученія. Какъ мѣра общегосударственная, она должна вызвать и общегосударственные расходы. 7) Пока не рѣшится вопросъ о всеобщемъ обученіи, нужно: а) открывать въ городахъ школы не одноклассныя типа сельскаго, а трехъ и двухклассныя или, вѣрнѣе, трехъ и двухъ-отдѣленныя съ особымъ учителемъ для каждаго отдѣленія, б) образовать вторыя смѣны учащихъ и учащихся, в) ограничить время пріема и производить пріемъ не по училищамъ, а по районамъ города или общій по городу.

Доклады по вопросу о всеобщемъ обученіи вызвали оживленный обмѣнъ мыслей.

Общество защиты падшихъ женщинъ. Въ прошломъ году мы уже сообщали о попыткѣ казанской интеллигенціи придти на помощь падшимъ женщинамъ и организовать общество «Защиты женщинъ». Дѣятельность этого общества еще не началась вслѣдствіе проволочекъ въ утвержденіи устава, но постоянно встрѣчающіяся въ газетахъ сообщенія указываютъ на то, что потребность въ такого рода обществахъ давно уже назрѣла и не въ одной только Казани. Особенно сильно нужда въ такомъ обществѣ ощущается, напр., въ Нижнемъ, съ его ярмаркой, привлекающей въ городъ массу пришлыхъ элементовъ. Въ интересныхъ корреспонденціяхъ съ ярмарки, печатающихся въ «Русск. Вѣдом.», мы встрѣчаемся съ указаніями на факты, требующіе дѣятельнаго вмѣшательства общества. Авторъ корреспонденціи приводитъ примѣръ недавно умершаго въ Нижнемъ мирового судьи Сапожникова. Въ періодъ своей молодости, совпадавшей съ молодостью самого судебно-мирового института, проникнутый сознаніемъ «высоты своей миссіи», отчасти, быть можетъ, преувеличивавшій значеніе мирового судьи въ ряду другихъ учрежденій, онъ былъ грозой тогдашней ярмарочной полиціи и многихъ, десятками лѣтъ освященныхъ ярмарочно-канавинскихъ «порядковъ и обычаевъ».

«Однажды онъ получилъ извѣстіе, что въ одномъ изъ вертеповъ содержится дѣвушка, попавшая туда случайно, которую, однако, «хозяева» стараются принудить къ разврату. Судью предупреждали, что просто обратиться къ тогдашней полиціи было бы совершенно безполезно. Времена тогда, какъ извѣстно, были жестокія, и полиція «для порядка» смотрѣла на всѣхъ обитательницъ извѣстныхъ домовъ какъ на вѣчныхъ рабынь почтенныхъ «хозяекъ». Поэтому всякая попытка къ «освобожденію» разсматривалась какъ нѣкое посягательство на самый «порядокъ».

«Зная это, Сапожниковъ организовалъ нѣчто въ родѣ секретной экспедиціи. Прежде всего онъ послалъ мѣстному полицейскому приставу «предписаніе» явиться къ нему тогда-то, съ извѣстнымъ числомъ полицейскихъ и понятыхъ.

*

и застонала; вопли отчаянія перемѣшивались съ взрывами дикаго смѣха и безумными возгласами: «Прости! прости!» «Іисусе, спаси насъ!» «Спасе мой, буди милостивъ мнѣ грѣшному!» «Боже, сжалься надъ нами!» «Сердце мое, сердце!» Иные кидались на землю и лежали неподвижно, ничего не слыша, не чувствуя, словно мертвые; другіе, склонясь надъ ними, молились, чтобы Господь освободилъ ихъ изъ подъ власти сатаны. Одни бились въ конвульсіяхъ; другіе, дико уставившись въ одну точку, ликовали, воображая себя спасенными.

Уже почти смерклось; часть уѣхавшихъ спозаранокъ въ Дерби, возвращалась домой, съ хохотомъ и пѣснями; почти всѣ были пьяны.

Въ девять часовъ вестминстерская полиція, сознавъ свое безсиліе разогнать толпу, послала въ Скотландъ-ярдъ за вооруженнымъ отрядомъ конницы.

VI.

Тѣмъ временемъ главный виновникъ всей этой суматохи сидѣлъ одинъ въ своей каморкѣ подъ церковью, бѣдной комнаткѣ съ голыми стѣнами, похожей на келью, безъ всякаго убранства, даже безъ коврика у кровати; всей мебели въ ней было: простая деревянная койка, маленькій умывальникъ, два стула, столъ, аналой и распятіе, да на стѣнѣ изображеніе Богоматери съ младенцемъ. Пѣніе толпы внизу долетало до него, но не несло ему съ собой ни утѣшенія, ни вдохновѣнія. Организмъ его не могъ больше выдерживать этого страшнаго напряженія, силы измѣнили ему; онъ сидѣлъ, подавленный, угнетенный, переживая одинъ изъ тѣхъ моментовъ, какіе переживаютъ самыя сильныя души, когда, достигнувъ или почти достигнувъ зѣнца своихъ желаній, онѣ вдругъ оборачиваются назадъ и спрашиваютъ себя: «Къ чему?» Приливъ нѣжности размягчилъ его душу; на него нахлынули воспоминанія. Онъ думалъ о прошломъ, о счастливомъ прошломъ, полномъ любви и невинности, пережитомъ вмѣстѣ съ Глори, о маленькомъ зеленомъ островѣ посреди Ирландскаго моря, о чудныхъ дняхъ, которые они проводили тамъ раньше, чѣмъ она поддалась искушеніямъ свѣта, а онъ сталъ жертвой своего суроваго, хотя и высокаго жребія. О, зачѣмъ онъ самъ отказался отъ радостей, которыя даны въ удѣлъ всѣмъ другимъ? Къ чему отрекся отъ счастья, доступнаго даже самымъ бѣднымъ, самымъ слабымъ и низкимъ? Любовь, женская ласка! Зачѣмъ онъ отвергъ ихъ? Зачѣмъ пожертвовалъ собой? О Боже, неужели все это напрасно?

Мысли его опять и опять обращались къ Глори. Вѣдь и она спѣшитъ на встрѣчу гибели, надвигающейся на этотъ грѣшный городъ. Онъ пытался спасти ее—не удалось. Что можетъ сдѣлать онъ теперь? Ему страстно хотѣлось попытаться еще сдѣлать что-нибудь для нея,—что-нибудь необыкновенное. Присѣвъ на край постели, онъ сталъ припоминать лицо Глори, какимъ онъ видѣлъ его на скачкахъ. И теперь,

послѣ грезъ о ея дѣтствѣ, оно поразило его неожиданностью. Онъ замѣтилъ въ немъ оттѣнокъ вульгарности, котораго не замѣчалъ раньше; выраженіе стало грубѣе; что-то неуловимо низменное омрачало расцвѣтъ ея пышной красоты. Изогнувъ шею, играя глазами, она заглядывала въ лицо мужчинѣ, сидѣвшему возлѣ нея, и полныя алыя губы ея улыбались. Эта улыбка говорила многое, и радостный, пылкій взглядъ, которымъ ей отвѣтилъ мужчина, тоже былъ полонъ значенія. Онъ читалъ *ихъ* мысли, какъ въ книгѣ. Что произошло? Неужели всѣ преграды пали? Неужели между ними не осталось ничего недосказаннаго?

Эта мысль могла свести съ ума. Въ припадкѣ неудержимой ярости онъ вскочилъ на ноги, и вдругъ весь затрепеталъ, чувствуя, что въ немъ зрѣетъ какой-то страшный умыселъ. Его знобило; холодный потъ струился по всему его тѣлу; но мысль, которой онъ такъ жадно искалъ, пришла сама собой. Вначалѣ она блеснула, какъ молнія, и поразила его неописаннымъ ужасомъ, но потомъ сразу завладѣла имъ и толкала впередъ. Онъ вспомнилъ текстъ, послужившій темой его проповѣди: «Предайте его сатанѣ во изможденіе плоти, чтобы духъ его былъ спасенъ въ день Господа нашего, Іисуса Христа».

— Почему бы и нѣтъ? — думалъ онъ. — Вѣдь это стоитъ въ святой книгѣ, скрѣплено авторитетомъ апостола Павла. Очевидно, среди первыхъ христіанъ такія вещи были дѣломъ обычнымъ. — Но тутъ сердце его сжалось чисто физической болью. Эта молодая жизнь была такъ прекрасна въ своей жаждѣ любви и счастья, полна такой прелести и обаянія! Это невозможно, чудовищно! «Я, кажется, съ ума схожу?»—спрашивалъ онъ самъ себя.

И вдругъ ему сдѣлалось нестерпимо жаль и себя, и Глори. Какъ ему жить на свѣтѣ безъ нея? Пусть онъ потерялъ её, пусть между ними легла пропасть, пусть онъ не видалъ ее цѣлыхъ полгода,—по крайней мѣрѣ, онъ знаетъ, что она жива; это уже кое-что; а ночью онъ можетъ ходить около ея дома, глядѣть въ окна и думать: «Она здѣсь».—Нѣтъ, я положительно схожу съ ума,—подумалъ онъ и снова задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Самыя противорѣчивыя желанія боролись въ его душѣ, пока наконецъ *та* гадкая, отвратительная мысль не вернулась снова. Лишь только онъ вспомнилъ Дрэка и улыбку, которой тотъ обмѣнялся съ Глори, кровь ударила ему въ голову, и волненіе затемнило его разсудокъ. Когда онъ спросилъ себя, дозволительно ли въ Англіи и въ девятнадцатомъ столѣтіи то, что могло быть хорошо для Палестины и первыхъ вѣковъ христіанства,—отвѣтъ немедленно получился утвердительный. Глори въ опасности. Она на краю бездны. Не допустить ее упасть, спасти ее отъ адскихъ мукъ, — тутъ не можетъ быть грѣха; это благородный долгъ. Лучше преждевременная кончина, чѣмъ унизительная жизнь, паденіе тѣла и гибель души.

На помощь пришли софизмы. Правда, онъ потерялъ ее; она уйдетъ отъ него,—она, въ комъ вся его отрада, о комъ онъ мечтаетъ днемъ и грезитъ ночью! Но неужели же онъ настолько эгоистиченъ, чтобы удержать ее во плоти и тѣмъ обречь ея душу на адскія муки? Кромѣ того, въ другомъ мірѣ она будетъ принадлежать ему навѣки, ему одному. Да и въ этомъ мірѣ также вѣдь оттого, что она умретъ, онъ не перестанетъ любить ее. «Но, Господи, почему именно *я* долженъ это сдѣлать?» спрашивалъ онъ себя, и тутъ же самъ собой напрашивался отвѣтъ: «Да, да, *я*, потому что я слуга Божій».

Опять ему вспомнился текстъ: «Предайте его *Сатанѣ...*» Это слово смутило его, но на поляхъ была ссылка на посланіе къ Тимоѳею. Джонъ дрожащей рукой искалъ указанной страницы. Вотъ она: вмѣсто «*Сатаны*» въ исправленномъ переводѣ стоитъ: «слугѣ Господню»; значитъ надо читать такъ: «предайте его слугѣ Господню во изможденіе плоти, чтобы духъ его былъ спасенъ въ день Господа нашего Іисуса Христа». Онъ чуть не вскрикнулъ отъ радости. Онъ упивался этими словами. Рѣшеніе его было принято и непоколебимо. Онъ нашелъ въ святой книгѣ одобреніе и поддержку; онъ былъ лишь орудіемъ высшихъ цѣлей; никакія соображенія не удержатъ его теперь.

Сердце его билось до боли, въ виски стучало; ему казалось, что огненный столпъ увлекаетъ его за собой. Передъ глазами его носилось видѣніе Ісаіи: кроткій агнецъ, превратившійся въ неумолимаго мстителя, спускающагося съ высотъ Эдема. Пролить кровь, повинуясь велѣнію Божію, отнюдь не грѣшно,—напротивъ, неизбѣжно, необходимо. Какъ въ древнія времена Богъ повелѣлъ Аврааму принести въ жертву любимаго сына, такъ теперь Богъ повелѣваетъ ему, Джону Сторму, принести въ жертву жизнь Глори, чтобы спасти ея душу отъ вѣчнаго осужденія.

Должно быть, подъ вліяніемъ этихъ мыслей слухъ временно измѣнилъ ему, потому что онъ только теперь замѣтилъ, что кто-то зоветъ его, стоя за дверью.

Это была м-ссъ Каллендеръ, съ небольшимъ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукахъ.

М-ссъ Каллендеръ заперла дверь и шепотомъ сказала:

— Я сильно подозрѣваю, что они заручились приказомъ арестовать тебя.

— Смотри-ка,—она открыла мѣшокъ и продолжала шепотомъ,—я принесла тебѣ твое старое платье и шляпу. Я ихъ нашла въ твоей комнаткѣ. Ты такъ долго ходилъ въ этомъ нарядѣ, что теперь, когда ты станешь опять самимъ собой, никто не узнаетъ тебя. Ну одѣвайся же; скорѣе сними эту гадкую хламиду.

— Я не могу уйти, тетушка.

Онъ видимо почти не замѣчалъ ея присутсвія; она постояла ми-

нутку у дверей, глядя на него взоромъ, исполненнымъ любви и сострадания, и тихонько вышла.

Въ первый разъ онъ задалъ себѣ вопросъ: какъ выполнить свое намѣреніе? Сидя на краю постели, опершись головой на руку, онъ испытывалъ странное чувство: ему казалось, что онъ на кораблѣ и вокругъ него шумитъ и плещетъ бурное море. Удержать расходившуюся толпу не было возможности; воздухъ былъ полонъ воплей и стенаній. А ему придется пробиваться сквозь эту толпу; его увидятъ, задержатъ, можетъ быть, пойдутъ за нимъ. А ждать онъ не могъ; его била лихорадка нетерпѣнія. То, что онъ порѣшилъ сдѣлать, необходимо сдѣлать сегодня же вечеромъ, безотлагательно. Но прежде всего необходимо уйти изъ дому незамѣченнымъ. Какъ это сдѣлать?

Снова придя въ себя, онъ смутно припомнилъ, что кто-то какъ будто пожелалъ ему доброй ночи. «О, доброй ночи, доброй ночи!»— вскричалъ онъ, жестомъ прося извинить его разсѣянность. Но въ комнатѣ никого не было. Онъ повернулся, увидалъ на полу мѣшокъ и сразу вспомнилъ все. Тутъ произошло нѣчто странное. Душой его одновременно овладѣли два противорѣчивыхъ чувства: одно — энтузіазмъ религіознаго экстаза, другое—гнусная хитрость преступника.

Все было предназначено заранѣе. Онъ не болѣе, какъ орудіе въ рукахъ Провидѣнія. Доказательство тому—это платье. Оно попалось ему подъ руку какъ разъ въ ту минуту, когда оно сдѣлалось необходимымъ, когда ничто другое не могло бы выручить его. М-ссъ Каллендеръ была также слѣпымъ орудіемъ, направляемымъ высшею силой. Бѣжать, скрыться? Это не угодно Богу. Приказъ объ арестѣ? Что за бѣда? пусть его выставятъ хоть у позорнаго столба, какъ Краммера. Но здѣсь совсѣмъ другое; здѣсь явное проявленіе воли Божіей, здѣсь...

Онъ думалъ объ этомъ и въ то же время смѣялся нехорошимъ смѣхомъ, вынимая дрожащей рукой изъ мѣшка принадлежности свѣтскаго костюма. Онъ уже снялъ рясу, когда дверь вдругъ отворилась.

— Кто тамъ?—окликнулъ онъ хриплымъ голосомъ.

— Никого, это я,—робко отозвался братъ Эндрью и вошелъ, весь блѣдный, испуганный.

— Ахъ, это ты!—Войди; запри дверь; мнѣ надо кое-что сказать тебѣ. Слушай! Я выйду и не знаю, когда вернусь. Гдѣ собака?

— Въ корридорѣ, братъ.

— Привяжи ее, а то она пойдетъ за мной. Убери эту рясу; если кто спроситъ меня, скажи, что не знаешь, куда я ушелъ. Понимаешь?

— Да, но вы нездоровы, братъ Стормъ. У васъ видъ такой измученный, словно вы бѣжали бѣгомъ.

На умывальникѣ лежало ручное зеркальце. Джонъ взялъ его, взглянулъ и положилъ обратно. Ноздри его вздрагивали, глаза горѣли; выраженіе лица было ужасно.

— Что дѣлается на улицѣ? Поди посмотри, можно ли пройти такъ, чтобъ меня не узнали?

Братъ Эндрью вышелъ.

Корридоръ подвальнаго этажа выходилъ на задній дворъ, потомъ въ узкій и темный проулокъ; но и здѣсь дежурила кучка любопытныхъ, привлекаемыхъ свѣтомъ въ окнахъ. Голоса ихъ явственно доносились черезъ дверь, которую братъ Эндрью не заперъ, а только притворилъ за собою; Джонъ стоялъ за дверью и слушалъ. Говорили о немъ, хвалили его, благословляли; прославляли его святую жизнь, его доброту.

Братъ Эндрью доложилъ, что больше всего народу передъ домомъ, на улицѣ, и что толпа эта, подъ вліяніемъ религіознаго экстаза, готова на всякія безумства. Женщины давятъ другъ дружку, стараясь протиснуться къ рѣшеткѣ, на которую отецъ Стормъ, окончивъ свою молитву, на мигъ облокотился головой, чтобы приложить къ ней свои платки и шали.

— Но это ничего; такъ васъ никто не узнаетъ, братъ Стормъ; даже ваше лицо измѣнилось.

Джонъ опять засмѣялся, но тѣмъ не менѣе потушилъ свѣчи, разсчитывая прогнать этимъ любопытныхъ, ожидавшихъ его въ проулкѣ. Хитрость удалась. Тогда Божій слуга отправился совершать свой высокій подвигъ, крадучись, ползкомъ, словно преступникъ, задумавшій злое дѣло.

На Парламентской улицѣ его чуть не задавилъ отрядъ конницы. Чтобы не обращать на себя вниманія, онъ свернулъ въ сторону и пошелъ вдоль стѣнъ Уайтголльскихъ садовъ.

Въ Клементсъ-иннѣ ворота были уже заперты, и привратника пришлось вызвать изъ ложи.

— Мнѣ нужно въ Гарденъ-гоузъ.

— Гарденъ-гоузъ, сэръ? Во второмъ дворѣ, за уголъ налѣво.

Джонъ прошелъ въ ворота.

— Все это припомнятъ потомъ,—подумалъ онъ;—ну да пусть ихъ, тогда все уже будетъ кончено.

Рѣзкій переходъ отъ шумныхъ людныхъ улицъ къ прохладнымъ садамъ, гдѣ царили мракъ и тишина, гдѣ пахло росистой травой и сквозь просвѣты листвы, привѣтно мерцали звѣздочки, напоминая ему другую ночь,—ночь, когда они бродили здѣсь вмѣстѣ съ Глори.

Воспоминаніе привело съ собой приливъ нѣжности; слезы сдавили ему горло. Онъ почти явственно видѣлъ ее, чувствовалъ ее рядомъ съ собой, вдыхалъ душистую свѣжесть ея кожи, слышалъ легкій шумъ шаговъ и думалъ: «Господи, долженъ ли я это сдѣлать? долженъ ли? долженъ ли?»

Но тутъ ему вспомнилось другое: надъ тихимъ садомъ пронесся голосъ Дрэка, и Джонъ снова ощутилъ приливъ ненависти, уже испы-

танной имъ раньше. Этотъ человѣкъ губитъ ее: онъ окружилъ ее соблазнами; ея любовь къ роскоши, славѣ, свѣтской суетнѣ, блеску и шуму,—все вводитъ ее въ искушеніе. И въ первый разъ Джонъ представилъ себѣ, какъ онъ войдетъ. Возможно, что онъ застанетъ *ихъ* вмѣстѣ. Они только что вернулись со скачекъ. Дрэкъ проводилъ ее домой; теперь они вмѣстѣ ужинаютъ. Домъ освѣщенъ; окна открыты,—они играютъ, поютъ, смѣются; звуки веселья доносятся къ нему, стоящему внизу, въ темнотѣ.

Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Онъ сдѣлаетъ, что нужно, на глазахъ у *того*... А когда все будетъ кончено, когда она будетъ лежать тамъ... лежать тамъ... лежать!.. отвернется къ *тому* и скажетъ: «Взгляни на нее; это прелестнѣйшее созданіе, милое, нѣжное, преданное; другой такой женщины нѣтъ на свѣтѣ! Это *ты* сдѣлалъ, ты, ты, ты—будь ты проклятъ!»

Измученное сердце его ныло отъ боли; разумъ мутился. Прежде чѣмъ онъ сообразилъ, куда идти, онъ уже очутился во второмъ дворѣ. Она здѣсь; вотъ ея домъ, подумалъ Дрэкъ. Но въ домѣ было темно, окна заперты, шторы спущены; ни звука, ни голоса; лишь у подъѣзда горѣло два газовыхъ рожка, да и тѣ были завернуты. Джонъ постоялъ нѣсколько минутъ, стараясь собраться съ мыслями; мало-по-малу ярость его улеглась и на сцену снова выступило низкое коварство преступника. Онъ позвонилъ.

Онъ уже занесъ ногу на первую ступеньку, какъ вдругъ въ умѣ его мелькнула мысль, что хотя онъ и слуга Божій, а прибѣгаетъ къ оружію діавола. Пусть! все равно! Иное дѣло, еслибъ онъ задумалъ преступленіе, но вѣдь это не преступленіе, и онъ не преступникъ. Онъ орудіе, съ помощью котораго Богъ явитъ Свое милосердіе надъ любимой имъ женщиной.

Онъ убьетъ ея тѣло, чтобы спасти ея душу!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАТЕРЯННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

(Переводъ изъ Боденштедта).

*
* *

Мои глаза когда-то, какъ твои,
Горѣли ясною надеждою на счастье;
Душа была полна святой любви,
Я ждалъ, какъ ты, и ласки, и участья.

Но годы шли... Я къ жизни охладѣлъ.
Въ людскихъ дѣлахъ коварство сталъ я видѣть:
Мнѣ въ сердцѣ Богъ любовь запечатлѣлъ,
А люди научили ненавидѣть.

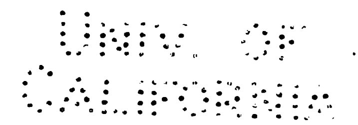
II.

Узникъ.

Бушуетъ буря. Громъ гремитъ.
Дождь дико хлещетъ и шумитъ.
Съ полей въ испугѣ всѣ бѣгутъ
Найти защиту и пріютъ.
А я одинъ въ тюрьмѣ своей...
О, воли, воли мнѣ скорѣй!

Пускай погибну въ бурѣ я,
Какъ въ морѣ утлая ладья,—
Я съ небомъ, съ молніей въ бою
Хочу окончить жизнь свою!
Мнѣ душно здѣсь въ тюрьмѣ моей...
О, дайте жъ волю мнѣ скорѣй!

С. Яхонтовъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Послѣднія произведенія г. Чехова: «Человѣкъ въ футлярѣ», «Крыжовникъ», «Любовь».—Пессимизмъ автора.—Безъисходно-мрачное настроенія разсказовъ.—Субъективизмъ, преобладающій въ нихъ. — Первая народная выставка въ Петербургѣ.— Ея недостатки.— Возможное значеніе подобныхъ выставокъ.—70-ти-лѣтіе Льва Николаевича Толстого.

Каждое новое произведеніе г. Чехова вызываетъ живѣйшій интересъ, и не потому, чтобы изящная литература послѣдняго времени оскудѣла талантами, перестала привлекать читателя однообразіемъ или скудостью содержанія, измельчала или ударилась въ исключительныя крайности декадентства или символистики. Ничуть не бывало. Если сравнивать нашу родную беллетристику съ иностранной, право, мы вовсе не такъ ужъ обижены судьбой. На Западѣ выступаютъ двѣ-три крупныя звѣзды, въ родѣ Зола во Франціи, Гауптмана въ Германіи, Ибсена въ норвежской литературѣ, около которыхъ группируются нѣсколько меньшихъ свѣтилъ, а затѣмъ разстилается обширное поле дарованій, приближающихся къ посредственности, мелкихъ метеоровъ, блистающихъ на мгновеніе, чтобы исчезнуть безслѣдно. У насъ, при всей ограниченности предѣловъ доступнаго литературѣ, при всей затрудненности проникновенія новыхъ вѣяній жизни въ журналистику, при всей минорности тона, въ которомъ— хочешь не хочешь — приходится говорить и живописать, что въ общемъ не можетъ не отражаться самымъ тяжкимъ образомъ на содержаніи и жизненности беллетристики,—не теряютъ силы старшіе по времени таланты, каковы гг. Потапенко, Станюковичъ, Маминъ-Сибирякъ, Боборыкинъ, Короленко, и на ряду съ ними каждый день выдвигаетъ все новыхъ и новыхъ, о чемъ ярко свидѣтельствуютъ наши серьезные журналы, въ каждой книжкѣ которыхъ вы встрѣчаете новое имя. Въ этомъ отношеніи особенно велики заслуги «Русскаго Богатства», на страницахъ котораго, если даже взять двѣ-три послѣднихъ книжки журнала, можно найти рядъ новыхъ писателей, отличающихся несомнѣнно искрой таланта, вдумчивостью и оригинальностью. Таковы, напр., за послѣднее время напечатанныя въ этомъ журналѣ произведенія—г. Булыгина «Ночныя тѣни», г. Александровскаго превосходные очерки, полные юмора и теплоты, г. Кузьменка «Жизнь». Отдѣльныя изданія разсказовъ нашихъ несомнѣнно яркихъ писателей, какъ г. Горькій, или затрогивающихъ серьезнѣйшіе вопросы современности, какъ «Очерки и разсказы» г. Вересаева, новые якутскіе разсказы г. Сѣрошевскаго («Въ сѣтяхъ»),—развѣ все это взятое въ цѣломъ не говоритъ о кипучей жизни, о неумолчномъ біеніи «живой» силы въ беллетристикѣ,—силы, далекой отъ оскудѣнія и слабости, отъ декадентскихъ кривляній и жалкихъ попытокъ къ символизму, вымученной манерности и ломанія, въ значительной степени характеризующихъ литературу Запада за послѣднее время?

И, тѣмъ не менѣе, интересъ къ произведеніямъ г. Чехова нельзя даже сравнить съ тѣмъ отношеніемъ, какое выказывается къ другимъ авторамъ.

Причина этого лежитъ не только въ томъ, что предъ нами первоклассный новеллистъ, не имѣющій себѣ равнаго, пожалуй, даже и на Западѣ, гдѣ за смертью Гюи-де-Мопассана это мѣсто осталось вакантнымъ. Есть что-то въ послѣднихъ произведеніяхъ г. Чехова, что углубляетъ ихъ содержаніе, быть можетъ, помимо воли самого автора, придаетъ имъ какую-то терпкость и остроту, волнуетъ и причиняетъ острую боль читателю. Читатели, конечно, помнятъ его «Мужиковъ» и «Моя жизнь», изъ-за которыхъ столько копій ломалось въ свое время, что одно уже указываетъ на ихъ выдающееся общественное значеніе. Но его послѣдніе три разсказа, появившіеся въ лѣтнихъ книжкахъ «Русской Мысли», не менѣе глубоки, жгучи и значительны.

«Человѣкъ въ футлярѣ» лучшій изъ нихъ и самый значительный по содержательности темы и типичности выхваченнаго изъ жизни явленія. Кому не знакомъ этотъ жалкій, ничтожный, плюгавенькій и въ то же время страшный «человѣкъ въ футлярѣ», для котораго жизнь свелась къ отрицанію жизни? Онъ, какъ кошмаръ, давитъ все живое, сдерживаетъ проявленіе всякаго общественнаго, альтруистическаго движенія своимъ мертвящимъ припѣвомъ—«какъ бы чего не вышло». Эта ходячая пародія на человѣка изображена авторомъ съ поразительнымъ совершенствомъ, что при необычайной естественности и простотѣ, съ какою написанъ весь разсказъ, дѣлаетъ эту фигуру почти трагическою. Разсказъ ведется отъ перваго лица. Учитель гимназіи Буркинъ разсказываетъ про своего товарища, недавно умершаго учителя греческаго языка Бѣликова.

«Онъ былъ замѣчателенъ тѣмъ,—говоритъ Буркинъ,—что всегда, даже въ очень хорошую погоду, выходилъ въ калошахъ и съ зонтикомъ, и непремѣнно въ тепломъ пальто на ватѣ. И зонтикъ у него былъ въ чехлѣ, и часы въ чехлѣ изъ сѣрой замши, и когда онъ вынималъ перочинный ножикъ, чтобы очинить карандашъ, то и ножъ былъ въ чехольчикѣ; и лицо, казалось, тоже было въ чехлѣ, такъ какъ онъ все время пряталъ его въ поднятый воротникъ. Онъ носилъ темные очки, фуфайку, уши закладывалъ ватой и, когда садился на извозчика, то приказывалъ поднимать верхъ. Однимъ словомъ, у этого человѣка наблюдалось постоянное и непреодолимое стремленіе окружить себя оболочкой, создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ бы его, защитилъ отъ внѣшнихъ вліяній. Дѣйствительность раздражала его, пугала, держала въ постоянной тревогѣ и, быть можетъ, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отвращеніе къ настоящему, онъ всегда хвалилъ прошлое и то, чего никогда не было: и древніе языки, которые онъ преподавалъ, были для него въ сущности тѣ же калоши и зонтикъ, куда онъ прятался отъ дѣйствительной жизни. «О, какъ звученъ, какъ прекрасенъ греческій языкъ!» говорилъ онъ съ сладкимъ выраженіемъ; и, какъ бы въ доказательство своихъ словъ, прищуривъ глаза и поднявъ палецъ, произносилъ: Антропосъ!

«И мысль свою Бѣликовъ также старался запрятать въ футляръ. Для него были ясны только циркуляры и газетныя статьи, въ которыхъ запрещалось что-нибудь. Когда въ циркулярѣ запрещалось ученикамъ выходить на улицу послѣ девяти часовъ вечера, или въ какой-нибудь статьѣ запрещалась плотская любовь, то это было для него ясно, опредѣленно; запрещено—и баста. Въ разрѣшеніи и позволеніи скрывался для него всегда элементъ сомнительный, что-то недосказанное и смутное. Когда въ городѣ разрѣшали драматическій кружокъ, или читальню, или чайную, то онъ покачивалъ головой и говорилъ тихо:

«—Оно, конечно, такъ-то такъ, все это прекрасно, да какъ бы чего не вышло.

«Всякія нарушенія, уклоненія, отступленія отъ правилъ приводили его въ уныніе, хотя, казалось бы, какое ему дѣло? Если кто изъ товарищей опаздывалъ на молебенъ, или доходили слухи о какой-нибудь проказѣ гимназистовъ, или видѣли классную даму поздно вечеромъ съ офицеромъ, то онъ очень вол-

новался и все говорилъ, «какъ бы чего не вышло». А на педагогическихъ совѣтахъ онъ просто угнеталъ насъ своею осторожностью, мнительностью и своими чисто-футлярными соображеніями насчетъ того, что вотъ-де въ мужской и женской гимназіяхъ молодежь ведетъ себя дурно, очень шумитъ въ классахъ,—ахъ, какъ бы не дошло до начальства, ахъ, какъ бы чего не вышло,—и что если бы изъ второго класса исключить Петрова, а изъ четвертаго—Егорова, то было бы очень хорошо. И что же? Своими вздохами, нытьемъ, своими темными очками на блѣдномъ маленькомъ лицѣ,—знаете, маленькомъ лицѣ, какъ у хорька,—онъ давилъ насъ всѣхъ, и мы уступали, сбавляли Петрову и Егорову баллъ по поведенію, сажали ихъ подъ арестъ и въ концѣ-концовъ исключали и Петрова, и Егорова... Мы, учителя, боялись его. И даже директоръ боялся. Вотъ подите же, наши учителя народъ все мыслящій, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневѣ и Щедринѣ, однако же этотъ человѣчекъ, ходившій всегда въ калошахъ и съ зонтикомъ, держалъ въ рукахъ всю гимназію цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ! Да что гимназію? Весь городъ! Наши дамы по субботамъ домашнихъ спектаклей не устраивали, боялись, какъ бы онъ не узналъ; и духовенство стѣснялось при немъ кушать скоромное и играть въ карты. Подъ вліяніемъ такихъ людей, какъ Бѣликовъ, за послѣднія десять—пятнадцать лѣтъ въ нашемъ городѣ стали бояться всего. Бояться громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, бояться помогать бѣднымъ, учить грамотѣ»...

Таковъ этотъ мастерски написанный портретъ, вдумываясь въ который, чувствуешь, какая глубокая правда лежитъ въ его основѣ. Бѣликовъ—это сама жизнь, та житейская тина, болото, съ которымъ приходится имѣть дѣло на каждомъ шагу, которое все затягиваетъ, все грязнитъ и душитъ въ своей вонючей грязи. Бѣликовъ—это общественная сила, страшная своей неуязвимостью, потому что она нечувствительна, недоступна человѣческимъ интересамъ, страстямъ и желаніямъ. Закованный въ броню циркуляровъ, все воспрещающихъ и все «упорядочивающихъ», Бѣликовъ попираетъ на законномъ основаніи самыя естественныя требованія сердца, самыя простыя проявленія человѣческихъ отношеній. И что ужаснѣе всего, онъ дѣйствуетъ, какъ ядовитый микробъ—не насиліемъ, не грубыми, жестокими пріемами, самая жестокость которыхъ могла бы возмутить людей, а незамѣтно, медленно, постепенно растлѣвая все окружающее, доводя до отупѣнія и безвольнаго согласія всѣхъ на самыя дикія и по существу безчеловѣчныя мѣры. Этотъ пріемъ его—«какъ бы чего не вышло»—исходитъ какъ будто изъ чувства заботливости, желанія добра, стремленія оградить отъ возможныхъ золъ и бѣдствій. Онъ подкупаетъ, съ одной стороны, не привыкшую къ критикѣ среду, съ другой—запугиваетъ, и въ концѣ концовъ все покоряетъ.

Кромѣ того, онъ—сила еще и потому, что онъ—единственное лицо, которое твердо знаетъ, чего хочетъ. А знаніе это ему дается легко: онъ *ничего* не хочетъ, *ничего* не желаетъ, *ни къ чему* не стремится. Его идеалъ—отрицаніе жизни. Онъ сила потому, что онъ идеальнѣйшій *нигилистъ*. Понятно, въ борьбѣ противъ него его товарищи, учителя, «народъ все мыслящій, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневѣ и Щедринѣ», должны пассовать. Ихъ желанія, мысли, стремленія, все это—живыя, измѣнчивыя движенія души, колеблемыя, яко тростникъ. А противъ стоитъ одно неизмѣнное отрицаніе, неуязвимый футляръ, внутри пустой, гордый этой пустотой и побѣдоносный въ сознаніи своей правоты, не встрѣчающій единственнаго дѣйствительнаго протеста—простой, житейской силы, которая, не мудрствуя лукаво, взяла бы его зашиворотъ и вышвырнула бы за окно.

Такъ поступаетъ съ нимъ свѣжій человѣкъ, и этотъ пріемъ оказывается самымъ дѣйствительнымъ. Бѣликовъ вздумалъ нѣсколько приподнять футляръ, заняться дѣломъ, которое разрѣшается даже циркулярами: онъ задумалъ жениться. Какъ и слѣдовало ожидать, такое жизненное дѣло, въ которомъ цар-

*

куляры и запрещенія плохая помощь, оканчивается для Бѣликова трагикомически. Какъ-то, въ періодъ ухаживанія, онъ встрѣчаетъ свой «предметъ» катающимся на велосипедѣ въ сопровожденіи брата, тоже учителя. Велосипедъ не воспрещенъ циркуляромъ, но и прямого разрѣшенія на него тоже не имѣется. И вотъ человѣкъ въ футлярѣ отправляется къ брату «предмета» съ предостереженіемъ—«какъ бы чего не вышло», но встрѣчаетъ неожиданный отпоръ. Опѣшившій Бѣликовъ начинаетъ благоразумно ссылаться на то, что вообще... Нѣтъ! Здѣсь авторъ такъ неподражаемо живописуетъ своего героя, что никакая передача не можетъ дать хоть тѣни понятія о характерѣ человѣка въ футлярѣ.

«—Что же собственно вамъ угодно?»—спрашиваетъ его Коваленко, братъ «предмета».

«—Мнѣ угодно только одно предостеречь васъ,—отвѣчаетъ Бѣликовъ.—Вы—человѣкъ молодой, у васъ впереди будущее, надо вести себя очень, очень осторожно, вы же такъ манкируете, охъ, какъ вы манкируете! Вы ходите въ вышитой сорочкѣ, постоянно на улицѣ съ какими-то книгами, а теперь вотъ еще велосипедъ. О томъ, что вы и ваша сестрица катаетесь на велосипедѣ, узнаетъ директоръ, дойдетъ до попечителя... Что же хорошаго?

«— Что я и сестра катаемся на велосипедѣ, никому до этого дѣла нѣтъ!—сказалъ Коваленко и побагровѣлъ. —А кто будетъ вмѣшиваться въ мои домашнія и семейныя дѣла, того я пошлю къ чертямъ собачьимъ.

«Бѣликовъ поблѣднѣлъ и всталъ.

«— Если вы говорите со мной такимъ тономъ, то я не могу продолжать,—сказалъ онъ.—И прошу васъ никогда такъ не выражаться въ моемъ присутствіи о начальникахъ. Вы должны съ уваженіемъ относиться къ властямъ.

«— А развѣ я говорилъ, что дурное про властей?—спросилъ Коваленко, глядя на него со злобой.—Пожалуйста, оставьте меня въ покоѣ. Я человѣкъ честный и съ такимъ господиномъ, какъ вы, не желаю разговаривать. Я не люблю фискаловъ.

«Бѣликовъ нервно засуетился и сталъ одѣваться быстро, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ. Вѣдь это первый разъ въ жизни онъ слышалъ такія грубости.

«— Можете говорить, что вамъ угодно,—сказалъ онъ, выходя изъ передней на верхнюю площадку лѣстницы.—Я долженъ только предупредить васъ: быть можетъ, насъ слышалъ кто-нибудь, и чтобы не перетолковали нашего разговора и чего-нибудь не вышло, я долженъ буду доложить господину директору содержаніе нашего разговора... въ главныхъ чертахъ. Я обязанъ это сдѣлать.

«— Доложить? Ступай, докладывай!

«Коваленко схватилъ его сзади за воротникъ и пихнулъ, тотъ покатился внизъ по лѣстницѣ, гремя своими калошами».

Первый, рѣзкій и рѣшительный отпоръ, встрѣченный имъ такъ неожиданно, произвелъ на человѣка въ футлярѣ потрясающее дѣйствіе. Онъ захворалъ и умеръ. Могутъ замѣтить, что для такого человѣка недостаточно такого ничтожнаго повода, чтобы умереть отъ простой обиды. Шпіоны, предатели и доносчики обладаютъ одной, имъ только присущей особенностью,—крайне легко выносить всякія обиды дѣйствіемъ. Они, что называется, въ огнѣ не горятъ и въ водѣ не тонутъ, и то, что сгубило бы въ десять разъ сильнѣйшаго, служитъ имъ только къ вящему украшенію. Это совершенно вѣрно, но лишь по отношенію къ профессіональнымъ лицамъ этого непочтеннаго цеха. Бѣликовъ же вовсе не профессіоналистъ-доносчикъ, не простой фискалъ, какъ его грубо назвалъ Коваленко,—фискалъ, работающій изъ-за мзды. Бѣликовъ искренно вѣритъ въ доносъ и необходимость доложить начальству, разъ, по его мнѣнію, потрясены основы власти хотя бы и велосипедомъ. Для него доносъ, столь непріятно дѣйствующій на Коваленко, есть актъ священный, обязательный, выполненіе коего заключаетъ въ себѣ такую же сладостную пріятность, какъ и всякое

выполненіе долга. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ подвизаясь на этомъ поприщѣ и не встрѣчая противодѣйствія, Бѣликовъ могъ съ полнымъ правомъ думать, что и всѣ такъ же относятся къ доносу, такъ же видятъ въ немъ одинъ изъ устоевъ той системы, олицетвореніемъ которой выступалъ онъ, побѣдоносный Бѣликовъ, подчинявшій себѣ воспитанныхъ на Тургеневѣ и Щедринѣ, «глубоко порядочныхъ» товарищей. И вдругъ зашиворотъ и внизъ по лѣстницѣ! Вся трусливая, жалкая душонка этого плюгавца, все значеніе котораго опиралось на страхѣ, наводимомъ имъ на другихъ, должна была перевернуться, когда испытанное оружіе оказалось безсильно. Сегодня одинъ спустилъ его съ лѣстницы, завтра другой можетъ сдѣлать то же, и «какъ бы чего не вышло»!

Вся сила Бѣликова именно въ окружающей средѣ, въ слабости ея, въ расплывчатости нравственныхъ и всякихъ другихъ устоевъ, въ безсознательной подлости, составляющей общественную основу той жизни, гдѣ процвѣтаютъ Бѣликовы. Какіе принципы могутъ выставить въ свою защиту эти «воспитанные на Тургеневѣ и Щедринѣ» товарищи? Если бы они у нихъ имѣлись, развѣ получило бы такое значеніе его «какъ бы чего не вышло»? Воспитаніе на Тургеневѣ и Щедринѣ не имѣетъ никакого значенія тамъ, гдѣ вся окружающая жизнь есть сплошное отрицаніе принциповъ этихъ великихъ воспитателей, гдѣ самое упоминаніе этихъ именъ является чуть не преступленіемъ. Для всякой борьбы, хотя бы и съ ничтожными Бѣликовыми, нужна внѣшняя сила, на которую можно бы опереться, а разъ ея нѣтъ—Бѣликовы непобѣдимы и не истребимы, что и почувствовали немедленно послѣ его смерти оставшіеся. «Хоронить такихъ людей, какъ Бѣликовы,—говоритъ разсказчикъ,—это большое удовольствіе. Когда мы возвращались съ кладбища, то у насъ были скромныя, постныя физіономіи; никому не хотѣлось обнаружить этого чувства удовольствія,—чувства, похожаго на то какое мы испытывали давно-давно, еще въ дѣтствѣ, когда старшіе уѣзжали изъ дому и мы бѣгали по саду часъ-другой, наслаждаясь полною свободой. Ахъ, свобода, свобода! Даже намекъ, даже слабая надежда на ея возможность даетъ душѣ крылья... Вернулись мы съ кладбища въ добромъ расположеніи. Но прошло не больше недѣли, и жизнь, потекла по прежнему, такая же суровая, утомительная, безтолковая, жизнь не запрещенная циркулярно, но и не разрѣшенная вполнѣ; не стало лучше. И въ самомъ дѣлѣ, Бѣликова похоронили; а сколько еще такихъ человѣковъ въ футлярѣ осталось, сколько еще ихъ будетъ!» — заканчиваетъ разсказчикъ со вздохомъ, на что его слушатель, ветеринарный врачъ Иванъ Ивановичъ, отвѣчаетъ: «То-то вотъ оно и есть».

Жуткое чувство безнадежности и безъисходной тоски охватываетъ читателя отъ этого безотраднаго «то-то вотъ оно и есть!» И авторъ, чтобы усилить это давящее чувство безвыходности положенія, заставляетъ Ивана Ивановича разразиться подъ конецъ такой репликой:

«— То-то вотъ оно и есть,—повторилъ Иванъ Ивановичъ.—А развѣ то, что мы живемъ въ городѣ въ духотѣ, въ тѣснотѣ, пишемъ ненужныя бумаги, играемъ въ винтъ, — развѣ это не футляръ? А то, что мы проводимъ всю жизнь среди бездѣльниковъ, сутягъ, глупыхъ, праздныхъ женщинъ, говоримъ и слушаемъ разный вздоръ—развѣ это не футляръ!.. Видѣть и слышать, какъ лгутъ и тебя же называютъ дуракомъ за то, что ты терпишь эту ложь, сносить обиды, униженія, не смѣть открыто заявить, что ты на сторонѣ честныхъ, свободныхъ людей, и самому лгать, улыбаться, и все это изъ-за куска хлѣба, изъ-за теплаго угла, изъ-за какого-нибудь чинишка, которому грошъ цѣна,— нѣтъ, больше жить такъ невозможно!»

И читателю представляются изъ-за блѣдной фигуры Ивана Ивановича тысячи, десятки тысячъ такихъ же измученныхъ людей, которые ежедневно со стономъ повторяютъ: «такъ жить невозможно!» и продолжаютъ жить, плодиться,

воспитывать такихъ же футлярныхъ людей. Г. Чеховъ не даетъ ни малѣйшаго утѣшенія, не открываетъ ни щелочки просвѣта въ этомъ футлярѣ, который покрываетъ нашу жизнь, «не запрещенную циркулярно, но и не вполнѣ разрѣшенную». Созданная имъ картина получаетъ характеръ трагической неизбѣжности. Фигура Бѣликова разростается, если не въ общечеловѣческую, то въ общерусскую, получаетъ значеніе не временного, наноснаго явленія, которое должно исчезнуть вмѣстѣ съ вызвавшими его причинами, а постояннаго, въ насъ самихъ коренящагося.

Въ этомъ художественномъ преувеличеніи, въ безмѣрности авторскаго пессимизма, какъ бы онъ ни оправдывался дѣйствительностью, все же чувствуется натяжка. Слишкомъ мрачное, до болѣзненности безотрадное настроеніе автора не позволяетъ ему разобраться въ массѣ условій, создающихъ футлярное существованіе для русскаго обывателя. Духота и тѣснота этой жизни не оттого, напр., зависятъ, что мы живемъ въ городахъ. Изъ неподражаемаго по силѣ разсказа того же г. Чехова мы знаемъ, что и въ деревняхъ не меньше духоты, тѣсноты и несравненно больше темноты. Значитъ, не въ условіяхъ только города или деревни надо искать причинъ, создающихъ футляръ. Они гораздо шире и равнымъ образомъ давятъ и городъ, и деревню. Они заключаются отнюдь не въ насъ самихъ, а лежатъ внѣ насъ, и сущность ихъ сводится къ отсутствію общественной жизни. Гдѣ нѣтъ хода для личности, для развитія иниціативы, проявленія своего «я», гдѣ каждый ничтожный по существу актъ личной воли наталкивается на рядъ препятствій, требующихъ крайняго напряженія всѣхъ силъ, гдѣ даже такой пустякъ, какъ ѣзда на велосипедѣ, допускается лишь съ особаго разрѣшенія, послѣ предварительныхъ испытаній, тамъ простой средній человѣкъ, составляющій массу, поневолѣ опускается, теряетъ интересъ къ жизни, къ своимъ обязанностямъ, ко всему, что непосредственно не затрогиваетъ его шкурнаго существованія. Вѣчный страхъ за кусокъ хлѣба, винтъ, чинишка, которому цѣна грошъ—это не составляетъ футляра, а лишь результаты общаго футляра, въ которомъ жизнь замираетъ и вмѣсто нея являются ея суррогаты...

Г. Чеховъ съумѣлъ съ безпощадной силой раскрыть все ничтожество футлярной жизни, и въ этомъ заключается жгучая особенность его послѣднихъ произведеній. Онъ выбираетъ, можетъ быть, безсознательно самыя больныя мѣста нашей жизни и заставляетъ насъ «вложить перстъ въ рану», и такъ какъ у каждаго она такъ или иначе болитъ, то и получается та особая острота ощущеній горечи, недовольства и тоски жизни, которую испытываешь при чтеніи г. Чехова.

Въ слѣдующемъ, напр., разсказѣ той же лѣтней серіи, «Крыжовникъ», ветеринарный врачъ разсказываетъ про своего брата, въ лицѣ котораго г. Чеховъ съумѣлъ представить одинъ изъ самыхъ распространенныхъ типовъ обывательской пошлости, человѣческаго ничтожества, самодовольнаго и безцѣльнаго прозябанія. Хотя этотъ разсказъ и не имѣетъ непосредственной связи съ предъидущимъ, но въ немъ какъ бы обрисовывается среда, гдѣ властвуетъ человѣкъ въ футлярѣ. Николай Ивановичъ, герой разсказа, это живой представитель того мірка, гдѣ человѣкъ въ футлярѣ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ вытравлялъ все человѣческое, все сколько-нибудь возвышающееся надъ низменнымъ уровнемъ будничной жизни. Съ дѣтства въ немъ подавлялся всякій живой порывъ, благородное, сочувственное движеніе души, свободная мысль, не укладывающаяся въ рамки ограничительныхъ циркуляровъ. Юношескія мечты, горячія стремленія, мысли о борьбѣ, о благѣ людей, все было подавлено всепоглощающей мыслью о личномъ существованіи, страхомъ за эту жалкую жизнь, боязнью предъ невидимымъ—«какъ бы чего не вышло». Единственной мечтой этого забитаго существа являлся собственный уголокъ земли, маленькая усадьба, гдѣ бы онъ могъ чувствовать себя спокойно. Это чисто-звѣриное стремленіе къ своей

берлогѣ, подальше отъ другихъ, куда страхъ загоняетъ звѣря, гдѣ послѣдній можетъ, наконецъ, безъ опасенія протянуть усталыя лапы. Страстное стремленіе къ такому уголку мало-по-малу оформилось, развилось въ цѣльную картину своей усадьбы на берегу небольшой рѣчки, съ садикомъ, въ которомъ непремѣнно есть крыжовникъ. Этотъ крыжовникъ является въ мечтахъ Николая Ивановича кульминаціоннымъ пунктомъ благополучія, недосягаемымъ счастьемъ, которому онъ жертвуетъ всю жизнь. Онъ живетъ, не доѣдая и не досыпая, копитъ гроши, отказываютъ себѣ во всемъ. Ради него женится на старухѣ съ деньгами, которую своею скупостью доводитъ до преждевременной смерти. Наконецъ, уже сѣдой, старый, безъ силъ и желаній, онъ послѣ смерти жены осуществляетъ свою мечту молодости. Разсказчикъ пріѣзжаетъ къ нему и видитъ его на вершинѣ блаженства, когда Николай Ивановичъ угощаетъ гостя *своимъ* крыжовникомъ, кислымъ, недозрѣлымъ, и въ восторгѣ отъ каждой ягодки восклицаетъ: «какъ вкусно!» Печаль и тоска овладѣваютъ разсказчикомъ при видѣ этой пошлости, самодовольной, ограниченной, не желающей ничего знать, видѣть, понимать, кромѣ *своего* крыжовника.

«Какъ въ сущности много довольныхъ, счастливыхъ людей! Какая это подавляющая сила!—съ душевною болью восклицаетъ авторъ устами разсказчика.—Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильныхъ, невѣжество и скотоподобіе слабыхъ, кругомъ бѣдность невозможная, тѣснота, вырожденіе, пьянство, лицемѣріе, вранье... Между тѣмъ во всѣхъ домахъ и на улицахъ тишина, спокойствіе; изъ пятидесяти тысячъ, живущихъ въ городѣ, ни одного, который бы вскрикнулъ, громко возмутился. Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ за провизіей, днемъ ѣдятъ, ночью спятъ, которые говорятъ свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащатъ на кладбище своихъ покойниковъ; но мы не видимъ и не слышимъ тѣхъ, которые страдаютъ, и то, что страшно въ жизни, проходитъ за кулисами. Все тихо, спокойно, и протестуетъ одна только нѣмая статистика: столько-то дѣтей погибло отъ недоѣданія, столько-то съ ума сошло, столько-то ведеръ выпито... И такой-то порядокъ, очевидно, нуженъ: очевидно, счастливый чувствуетъ себя хорошо только потому, что несчастные несутъ свое бремя молча, и безъ этого молчанія счастье было бы невозможно. Это общій гипнозъ. Надо, чтобы за дверью каждаго счастливаго человѣка стоялъ кто-нибудь съ молоточкомъ и постоянно напоминалъ бы стукомъ, что есть несчастные, что какъ бы онъ ни былъ счастливъ, жизнь рано или поздно покажетъ ему свои когти, стрясется бѣда—болѣзнь, бѣднота, потери, и его никто не увидитъ и не услышитъ, какъ теперь онъ не видитъ и не слышитъ другихъ».

Охваченный волненіемъ, разсказчикъ восклицаетъ: «Ахъ, если бы я былъ молодъ!»—и обращается къ одному изъ слушателей, молодому помѣщику Алехину, съ воззваніемъ.

«—Павелъ Константиновичъ! Не успокоивайтесь, не усыпляйте себя, дѣлайте добро! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте дѣлать добро! Счастья нѣтъ и не должно его быть, а есть жизнь, и если она имѣетъ смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ и цѣль вовсе не въ нашемъ счастьѣ, а въ чемъ-то болѣе разумномъ и великомъ. Есть жизнь, есть нравственный законъ, высшій для насъ законъ... Дѣлайте добро!»

И тутъ же, чтобы подчеркнуть все безсиліе такихъ воззваній, авторъ описываетъ богатую, изящную обстановку дома Алехина, гдѣ шелъ разговоръ. «Когда изъ золотыхъ рамъ глядѣли генералы и дамы, которые въ сумеркахъ казались живыми, слушать разсказъ про бѣднягу чиновника, который ѣлъ крыжовникъ, было скучно. Хотѣлось почему-то говорить и слушать про изящныхъ людей, про женщинъ. И то, что они сидѣли въ гостиной, гдѣ все — и люстра въ чехлѣ, и кресла, и ковры подъ ногами, говорили, что здѣсь когда-то ходили,

сидѣли, пили чай вотъ эти самые люди, которые глядѣли теперь изъ рамъ, и то, что здѣсь теперь безшумно ходила красивая Пелагея,—это было лучше всякихъ разсказовъ»...

Послѣдній разсказъ «Любовь» проникнутъ той же грустной, щемящей сердце нотой, какъ и оба предъидущіе. Этотъ разсказъ усиливаетъ впечатлѣніе ненормальности окружающей жизни, спутанности въ ней самыхъ простыхъ отношеній, безжалостности людей другъ къ другу, ихъ неумѣнья жить по-человѣчески. Алехинъ разсказываетъ о своей любви къ замужней женщинѣ, которая тоже любила его; какъ они оба таили эту любовь, старались исполнять свои обязанности, страдали, томились, и только въ минуту разставанья оба поняли, что они потеряли и какъ пропустили самое главное въ своей жизни. «Когда тутъ, въ купе, взгляды наши встрѣтились, душевныя силы оставили насъ обоихъ, я обнялъ ее, она прижалась лицомъ къ моей груди, и слезы потекли изъ глазъ; цѣлуя ея лицо, плечи, руки, мокрыя отъ слезъ, — о, какъ мы были съ ней несчастны!—я признался ей въ своей любви, и со жгучей болью въ сердцѣ я понялъ, какъ ненужно, мелко и обманчиво было все то, что намъ мѣшало любить. Я понялъ, что когда любишь, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви нужно исходить съ высшаго, съ болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, грѣхъ или добродѣтель въ ихъ ходячемъ смыслѣ, или не нужно разсуждать вовсе».

Алехинъ — умный и хорошій человѣкъ, чувствующій призваніе къ наукѣ, къ общественной дѣятельности, а занимается сельскимъ хозяйствомъ, котораго не любитъ и не знаетъ, во имя взятаго на себя призрачнаго долга поднять состояніе, расшатанное отцомъ. Такъ упустилъ онъ свое истинное призваніе, какъ упустилъ любовь, разбилъ и свою, и другую жизнь, потому что не было въ немъ гордости, твердой воли и энергіи. Все это выѣла въ немъ футлярная жизнь, оставивъ горечь воспоминаній и сознаніе ненужности своей жизни.

Всѣ три разсказа, при разнообразіи сюжета и малой связи, проникнуты и объединены общей печалью и тоской, лежащими въ ихъ основѣ. Исторія человѣка въ футлярѣ мѣстами глубоко комична, напр., его ухаживаніе; также смѣшна и фигура любителя крыжовника, но улыбка ни разу не освѣщаетъ лица читателя. Сквозь внѣшній комизмъ просвѣчиваетъ такое тяжелое, грустное настроеніе автора, что самый комизмъ персонажей только углубляетъ безотрадные выводы, которые сами собой вытекаютъ изъ рисуемыхъ авторомъ картинъ пошлости и житейской неурядицы. Автора мучаютъ темныя стороны жизни, къ которымъ г. Чеховъ сталъ какъ-то особенно чутокъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ. Правда, и прежде одной изъ основныхъ нотъ въ его настроеніи была меланхолическая струнка, напр., въ его «Хмурыхъ людяхъ», въ «Сумеркахъ», но теперь она стала преобладающею. Вспомнимъ его «Мужиковъ» или «Моя жизнь», гдѣ траурный фонъ застилаетъ сплошь всю картину. Жизнерадостное, бодрящее чувство какъ бы совсѣмъ покинуло автора, и жизнь рисуется ему, какъ облачный день, въ туманѣ печали и тоски, разстилается предъ нимъ, какъ необозримая ровная степь, съ низко нависшими облаками, гдѣ ни одинъ лучъ солнца не проглянетъ, не согрѣетъ, не освѣтитъ печально и безъ цѣли бредущихъ путниковъ.

Помимо разныхъ причинъ, могшихъ усилить въ авторѣ его песемизмъ, намъ кажется, эта особенность коренится въ общихъ свойствахъ таланта г-на Чехова. Художественное творчество его напоминаетъ превосходное, но разбитое зеркало, въ каждомъ обломкѣ котораго отражается съ удивительной рельефностью и правдивостью тотъ или иной уголокъ жизни. Но соединить всѣ эти уголки въ общую цѣльную картину онъ не можетъ, откуда и происходитъ чрезмѣрность темной окраски каждой отдѣльной картинки, усиливаемая, сверхъ того, личнымъ настроніемъ. Жизнь въ цѣломъ отнюдь не такъ ужъ мрачна и

безъисходно тосклива, какою она кажется, если разсматривать ее по частямъ, въ деталяхъ. Но для болѣе свѣжаго и радостнаго настроенія необходимо нѣсколько подняться надъ нею, чтобы схватить ее шире, взглянуть на нее во времени и пространствѣ и уловить общую гармонію частей, гдѣ не всегда и не вездѣ одни человѣки въ футлярѣ диктуютъ законы, не только *свой* крыжовникъ является центромъ, около котораго вращаются всѣ помышленія. Какъ ни сперта и душна атмосфера туманнаго облачнаго дня, живое вѣяніе жизни то здѣсь, то тамъ даетъ себя чувствовать, если только нарочно не запирать всѣ окна, отгораживаясь отъ всего живого, вольнаго, всего, не мирящагося съ низменными интересами текущаго дня. Если бы было иначе, не стоило бы и жить. Есть великое утѣшеніе въ мысли, что всему бываетъ конецъ на свѣтѣ,—будетъ конецъ и футлярному прозябанію...

Замѣчается и еще одна особенность, совершенно новая для г. Чехова, который отличался всегда поразительной объективностью въ своихъ произведеніяхъ, за что нерѣдко его упрекали въ равнодушіи и безпринципности. Теперь же, какъ навѣрное уже замѣтили читатели въ приведенныхъ выдержкахъ, г. Чеховъ не можетъ удержаться, чтобы мѣстами не высказаться, вкладывая въ реплики героевъ задушевныя свои мысли и взгляды. какъ, напр., заключеніе разсказа «Человѣкъ въ футлярѣ», тирада Ивана Ивановича о невозможности жить такъ дольше или патетическое воззваніе къ добру въ разсказѣ «Крыжовникъ». Можно сказать, что мракъ и отвратительная пошлость изображаемыхъ имъ картинъ вырываютъ изъ груди художника невольный стонъ. Онъ не можетъ оставаться только художникомъ и помимо воли становится моралистомъ и обличителемъ. Такая новая черта крайне знаменательна для настроенія автора. Въ немъ какъ бы назрѣваетъ какой-то переломъ, прорывается нѣчто, сближающее его съ другими нашими великими художниками, которые никогда не могли удержаться на чисто-объективномъ творчествѣ и кончали проповѣдью, одни, какъ Левъ Толстой, жертвуя ей всѣмъ своимъ художественнымъ талантомъ, другіе, какъ Гаршинъ, своимъ субъективизмомъ, окрашивая свои произведенія почти до тенденціозности (напр., «Художники» Гаршина). Мы вполнѣ увѣрены, что огромный талантъ г. Чехова удержитъ его въ должныхъ границахъ, и нѣкоторая доля субъективности только углубитъ содержаніе его творчества.

Лѣто въ Петербургѣ считается обыкновенно глухимъ сезономъ, когда замираетъ умственная и общественная жизнь, и послѣ зимняго напряженія, шумной и пестрой дѣятельности, въ столицѣ наступаетъ сравнительное затишье. Такое представленіе о петербургской жизни вполнѣ вѣрно, если понимать подъ этой жизнью высшую сферу и область умственныхъ интересовъ, сосредоточенныхъ около университета, высшихъ учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ. Но то, что̀ составляетъ основу Петербурга, какъ огромнаго промышленнаго центра, жизнь рабочихъ, вообще трудящейся физически массы, не только не затихаетъ, но идетъ усиленнымъ темпомъ, о чемъ говорятъ вамъ на каждомъ шагу толпы пришлаго рабочаго люда, снующаго по всѣмъ направленіямъ, особенно по утрамъ, когда начинается трудовая муравьиная работа. Петербургъ получаетъ тогда совсѣмъ необычный видъ. Вмѣсто сухихъ, дѣловитыхъ чиновничьихъ лицъ, улицы заполняютъ спѣшно и молчаливо шествующія артели плотниковъ, каменщиковъ, штукатуровъ, рѣзко выдающихъ себя провинціальными акцентами, манерою ходить тяжело, въ перевалку и сравнительно здоровымъ, даже на взглядъ петербуржца цвѣтущимъ видомъ. Въ другое время года петербургскій обыватель рѣдко видитъ рабочихъ, обитающихъ на окраинахъ города и знакомыхъ ему только въ образѣ всегда полупьянаго мастерового, болѣзненнаго, изможденнаго, смѣлаго и циничнаго, говорливаго,

бойкаго и умѣющаго постоять за себя. Эти пришлыя артели, расползающіяся, какъ тараканы, съ утра, наполняютъ самыя бойкія центральныя улицы, взрываютъ и улаживаютъ мостовыя, лѣпятся по стѣнамъ шестиэтажныхъ домовъ, копошатся вдоль каналовъ, у барокъ съ дровами, кирпичемъ и разнымъ строительнымъ матеріаломъ. Они очищаютъ городъ отъ накопившагося за зиму сору и устраиваютъ его для новой зимы.

Лѣтомъ въ Петербургѣ «народъ» преобладаетъ, и общество петербургскихъ художниковъ отлично выбрало время, открывъ свою выставку для народа именно лѣтомъ. Въ большомъ конногвардейскомъ манежѣ, гдѣ можетъ построиться цѣлый полкъ, центръ задрапированъ въ видѣ овала, по которому расположены картины, освѣщаемыя боковыми окнами. Отсутствіе освѣщенія сверху и царящій въ огромномъ манежѣ сумракъ сильно мѣшаютъ свѣтовымъ эффектамъ, многія картины, что̀ называется, отсвѣчиваютъ и разглядѣть ихъ довольно трудно. Вообще, манежъ, какъ мѣсто для картинной выставки, не отвѣчаетъ цѣли, хотя и представляетъ большія удобства по пространству и количеству воздуха. Выставлено всего до 300 картинъ и этюдовъ и нѣсколько скульптурныхъ произведеній, къ сожалѣнію, очень немного и очень посредственныхъ. Входъ — 5 к.,—плата умѣренная и доступная даже народу. По буднямъ посѣтителей, конечно, немного, но въ праздники и воскресные дни манежъ довольно многолюденъ, и эта толпа не менѣе, если не болѣе, любопытна, чѣмъ сама выставка. Преобладающій колоритъ—молодыя, свѣжія лица, много подростковъ и даже дѣтей, и на этомъ фонѣ кое-гдѣ выдѣляются сѣдобрадыя лица, съ суровымъ и «учительнымъ» выраженіемъ приглядывающіяся къ картинамъ. Общее настроеніе сдержанное, почти вялое, мало оживленія и видимаго интереса къ предмету. У большинства выраженіе сосредоточенное, почти напряженное и нѣсколько недоумѣлое. Видимо, многое непонятно или понимается «совсѣмъ напротивъ», что̀ и подтверждается, когда прислушаешься къ рѣдкому обмѣну мнѣній между зрителями.

«Ромео и Джульетта» — читаетъ зритель на картинѣ г. Маковскаго, гдѣ представлена сидящая въ саду цвѣтущая пара. «Ромео и Джульетта»—читаетъ онъ, обойдя овалъ съ другой стороны, на картинѣ проф. Венига, изобразившаго послѣднюю сцену драмы въ склепѣ,—и бѣдный зритель изъ народа путается и недоумѣваетъ. Только-что видѣлъ цвѣтущую пару, а здѣсь—лежатъ двое мертвыхъ, изъ которыхъ, кстати замѣтить, Ромео написанъ такъ, что его и разглядѣть нельзя. Разныя «весна идетъ», въ образѣ зеленой дѣвицы, порхающей по лугамъ, «лѣто», изображенное худыми и мертвыми фигурами, приводятъ этого зрителя въ полное отупѣніе. Голая дѣвица—«Модель»—и не менѣе обнаженная «Сирена» на «народной» выставкѣ тоже не пользуются вниманіемъ посѣтителей, какъ и на любой выставкѣ не пользовались бы, въ виду «символическаго» пошиба и фіолетовыхъ тоновъ. Надъ исполненіемъ зрители изъ народа не останавливаются, но ихъ поражаетъ самый предметъ, мало подходящій, по ихъ мнѣнію, къ картинѣ вообще, къ которой они относятся съ наивнымъ уваженіемъ. Сюжетъ, содержаніе привлекаетъ ихъ исключительно, что можно видѣть по внимательности, съ которой они долго разсматриваютъ картины, мало привлекавшія обыкновеннаго посѣтителя выставокъ. Такова, напр., картина г. Кондратенки «Послѣдніе защитники Малахова Кургана», вызвавшая большія порицанія на выставкѣ того же общества художниковъ зимою годъ тому назадъ. Картина сопровождается большимъ пояснительнымъ текстомъ, что̀ справедливо было признано всѣми неумѣстнымъ. Картина съ комментаріями—уже не картина, а иллюстрація къ тексту. Иное дѣло здѣсь, гдѣ огромное большинство посѣтителей нуждается въ такихъ поясненіяхъ, безъ чего большинство картинъ съ сложнымъ сюжетомъ для нихъ темно и неясно. Текстъ для нихъ осмысливаетъ картину, и около «Послѣднихъ защитниковъ» соби-

рается толпа, внимательно слушающая текстъ и разсматривающая картину, обмѣниваясь живыми замѣчаніями, подчасъ очень вѣрными. «Дымъ словно живой»—такое очень мѣткое мнѣніе, указавшее главное достоинство картины, было высказано простоватымъ мастеровымъ.

Говоря о значеніи текста, мы имѣемъ въ виду настоящую выставку петербургскихъ художниковъ, которая по своей пестротѣ, полному отсутствію выбора и въ большей части плохимъ картинамъ могла бы хоть этимъ привлечь посѣтителей. Мы совершенно не понимаемъ, почему это сборище плохихъ полотенъ названо народной выставкой? Развѣ только малая плата даетъ ей право такъ называться. Не странно ли на народной выставкѣ встрѣтить этихъ голыхъ дѣвицъ, сиренъ, декадентскую «весну» и «лѣто» и въ довершеніе картину г. Саксена «Изъ повѣсти «Крейцерова соната» гр. Льва Толстого, Ромео и Юлію, и прочія непонятныя для народа вещи? Мы вовсе не стоимъ за особую живопись для народа, какъ не признаемъ и особой для него литературы. Но это вовсе не значитъ, что мы совѣтовали бы издавать для народа все, не дѣлая ни малѣйшаго выбора среди массы литературныхъ произведеній, и ужъ, конечно, никогда не пришло бы намъ въ голову пустить въ народную среду «Крейцерову сонату» или произведенія Метерлинка. При всей ихъ несомнѣнной цѣнности, эти вещи требуютъ опредѣленной ступени развитія и знаній, чтобы разобраться въ нихъ, что вполнѣ примѣнимо и къ картинамъ.

Положимъ, картина обладаетъ однимъ огромнымъ преимуществомъ предъ литературнымъ произведеніемъ, — она непосредственнѣе вліяетъ на зрителя и потому доступнѣе его пониманію, и если она дѣйствительно хороша, она цѣльнѣе захватываетъ его. Но отсюда же вытекаетъ и бо́льшая требовательность къ картинѣ, въ особенности на *народной* выставкѣ. Петербургскіе художники не соблюли этого условія и разомъ предложили народу все, что у нихъ накопилось не проданнаго отъ всѣхъ выставокъ, повидимому, руководствуясь однимъ принципомъ,—для народа сойдетъ и это. Какъ примѣръ небрежности, можно указать, кромѣ отмѣченныхъ выше, безконечный рядъ этюдовъ г. Сергѣева, представляющихъ микроскопическія картинки, наброски и штрихи, интересные развѣ для знатоковъ. Да и то сказать, мы понимаемъ изученіе этюдовъ какого-нибудь Иванова или Рѣпина, но г. Сергѣева... И притомъ, народу мы не рѣшились бы дать этюдовъ даже великихъ художниковъ. Ему необходимо давать вполнѣ отдѣланныя вещи, законченныя и ясныя, понятныя всякому и дающія каждому столько, сколько онъ можетъ взять. А что, напр., могутъ дать ему эти этюды, можетъ быть, и раскрывающіе тайны психологіи художника г. Сергѣева, но сами по себѣ прямо-таки никому неинтересные? Или еще «картина» нѣкоего г. Фрейвиртъ-Люцова—«Пріемный день», изображающая великосвѣтскій салонъ, гдѣ въ живописныхъ позахъ расположены посѣтители, занятые «causerie» на злобы дня? Картина и сама по себѣ изъ рукъ вонъ плоха, написанная въ сѣро-грязномъ тонѣ, безсмысленная по сюжету, а на народной выставкѣ она приводитъ зрителя просто въ недоумѣніе: люди сидятъ и болтаютъ, что же тутъ «картиннаго»?

Не мѣсто также на подобной выставкѣ картинамъ лубочнаго характера, съ которыми народъ и безъ того имѣетъ постоянное знакомство. Такова «Иллюминаціи Кремля», вызывавшая общее недоумѣніе еще на зимней выставкѣ того же общества. Аляповатая по рисунку, съ потускнѣвшими красками, она просто нелѣпа. Еще хуже картина «Возвращеніе волостного старшины съ коронаціи». Считаемъ необходимымъ оговориться, во избѣжаніе недоразумѣній. Возмущаетъ въ этой картинѣ не сюжетъ, а именно выполненіе, шаблонное до тошноты. Изданія Никольскаго рынка въ сравненіи съ этой картиной просто шедевръ, до того плоски лица, мертвенны краски и первобытна перспектива. Это—дѣтская мазня, никуда негодная, меньше всего, конечно, для народной выставки.

На ряду съ этими ошибками устроителей выставки необходимо поставить и подборъ, лучше сказать, отсутствіе подбора—портретовъ. Ихъ, правда, немного, но что за портреты! Для народа чрезвычайно любопытные: портретъ артиста М. И. Писарева, портретъ художника Пурвица, просто «портрётъ», портретъ г-жи Ш., портретъ художника Г.—и все. Сами по себѣ эти портреты только посредственны, чтобы не сказать больше, и уже, конечно, не даютъ представленія о томъ, чѣмъ долженъ и можетъ быть портретъ. А между тѣмъ, развѣ портреты этихъ интересныхъ незнакомцевъ могутъ привлечь зрителя изъ народа? Почему они тутъ, такъ же понятно, какъ и присутствіе этюдовъ г. Сергѣева, декадентовъ гг. Скиргелло и Розенталя и лубочниковъ. Просто—устроители брали все, что давали господа художники. Такъ можно судить хотя бы потому, что рядомъ съ этими только-только посредственными портретами есть и работа г. Галкина: «Портретъ Ихъ Императорскихъ Величествъ съ Великой Княгиней Ольгой Николаевной», превосходно написанный, особенно ребенокъ, прыгающій на колѣняхъ Императрицы, какъ будто онъ вотъ-вотъ сойдетъ съ полотна. Вся картина написана въ прозрачныхъ нѣжныхъ тонахъ, съ прекраснымъ соблюденіемъ перспективы, и даже при плохомъ освѣщеніи манежа фигуры выступаютъ изъ рамокъ, что производитъ рѣдкое по живости впечатлѣніе. Г. Галкинъ несомнѣнно крупная сила и какъ портретистъ, и какъ художникъ.

Такова первая народная выставка. При всемъ желаніи отнестись къ ней съ полнымъ сочувствіемъ, приходится признать ее не изъ удачныхъ. Добрыя намѣренія устроителей не нашли достаточнаго матеріала, и, видимо, на выставку попало по большей части то, что было подъ рукой, безъ надлежащей критики и выбора. Результаты этого могутъ быть только печальные, такъ какъ подобныя выставки могутъ только отбить у народа охоту посѣщать «народныя» выставки. Дѣлая наши замѣчанія, мы вовсе не стоимъ за тенденціозный подборъ картинъ, меньше всего желательный для ознакомленія народа съ искусствомъ. Но требуемъ одного — хорошихъ картинъ, въ которыхъ выполненіе и содержаніе были бы слиты въ одно художественное цѣлое. Едва ли было необходимо гнаться за количествомъ, и даже изъ имѣющагося матеріала можно было подобрать въ общемъ недурную, хотя и небольшую выставку. Теперь же среди массы заурядныхъ и прямо негодныхъ полотенъ затериваются хорошія вещи, мимо которыхъ неопытный зритель пройдетъ, даже не обративъ на нихъ вниманія. Настоящая выставка учитъ, впрочемъ, какъ не слѣдуетъ устраивать такія выставки, и въ этомъ отношеніи будетъ имѣть извѣстное значеніе для будущихъ устроителей.

Намъ представляется, какъ прекрасно можно бы устраивать такія выставки ежегодно, пользуясь тѣмъ обиліемъ картинъ, какое скопляется на нашихъ зимнихъ выставкахъ. За послѣдніе годы ихъ бываетъ до пяти выставокъ одновременно, съ двумя-тремя тысячами картинъ. Изъ такого количества можно бы выбрать лучшія вещи и ежегодно давать народу небольшую, но дѣйствительно цѣнную, хорошо подобранную выставку, которая знакомила бы его съ роднымъ искусствомъ. Въ текущемъ году, напр., какіе были пейзажи Дубовскаго, Волкова, Шишкина, портреты Ярошенко, Галкина, Маковскаго, жанры Бакаловича, картины Семирадскаго, Котарбинскаго, военныя картинки Мазуровскаго,—такая выставка, дѣйствительно *народная*, являлась бы кульминаціоннымъ пунктомъ современнаго искусства и имѣла бы огромное воспитательное значеніе не только для народа, но и для самихъ художниковъ. Попасть на нее было бы высокой честью для художника, а сознаніе, что онъ служитъ высшей задачѣ искусства въ общественномъ его значеніи — воспитанію массъ, подняло бы самосознаніе художника и вдохновило бы многихъ. Недаромъ замѣчается теперь упадокъ искусства у насъ, какъ бы потерявшаго путь и идеалы, размѣнивающагося на мелочи или ударяющагося въ исканіе экстравагантныхъ темъ, въ необузданную

фантазію, въ мистицизмъ или нездоровый романтизмъ символизма. Можетъ быть, въ этомъ сближеніи съ народною массою искусство нашло бы новый источникъ вдохновенія, котораго такъ не достаетъ ему теперь. Привлекая къ себѣ эту массу, воспитывая ея вкусъ и развивая пониманіе, искусство вызываетъ къ жизни новыя силы, дремлющія въ глубинѣ народа, никому неизвѣстныя и гибнущія безъ слѣда и значенія для человѣчества. Въ Англіи философъ-поэтъ Рескинъ и художникъ-агитаторъ Моррисъ поняли это и приложили всѣ силы къ сближенію искусства съ народомъ, и результаты оправдали уже теперь ихъ надежды, что сказалось въ развитіи изящныхъ вкусовъ въ рабочей средѣ, въ созданіи художественной промышленности и въ идеалистическомъ направленіи самого искусства. Мы не говоримъ, что и у насъ, при отсутствіи широкой и свободной общественной атмосферы, возможно то же самое. Но попытки въ этомъ направленіи, несомнѣнно, благородны и современны, отвѣчая главнѣйшей задачѣ современности—подъему умственнаго и нравственнаго уровня народа.

28-го августа исполнилось 70 лѣтъ великому писателю земли русской Льву Николаевичу Толстому,—возрастъ, почтенный самъ по себѣ, въ данномъ случаѣ тѣмъ достойнѣе почтенія и удивленія, что рѣдкому изъ русскихъ писателей удавалось достигнуть его,—сохраняя почти юношескую мощь и силу таланта и ума и чуткость отзывчивой души. Почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ выступивъ въ литературѣ, великій писатель все такъ же свѣжъ и бодръ, какъ въ лучшіе годы своей дѣятельности, когда создавались имъ безсмертныя произведенія, составляющія гордость не только русской литературы.

Да, не только русской, потому что въ лицѣ Льва Толстого человѣчество имѣетъ одного изъ тѣхъ немногихъ своихъ геніевъ, которыхъ нельзя считать достояніемъ одного лишь народа, одной націи. Онъ—международный писатель, творенія котораго такъ же чтутся, такъ же дороги и всему цивилизованному міру, какъ и русскимъ, хотя въ то же время Левъ Толстой истый представитель своего народа, настоящій «русскій мужикъ», какъ озаглавлена вышедшая къ его семидесятилѣтію біографія, изданная на англійскомъ языкѣ. Вглядитесь въ это лицо съ выдающимися скулами, широкимъ низкимъ лбомъ, изъ-подъ нависшихъ бровей котораго блестятъ глубокіе, пронизывающіе глаза, эти умные, съ затаенной искоркой юмора и насмѣшки, глаза человѣка «себѣ на умѣ»,—лицо, полное упорства, степенной, сдержанной, увѣренной силы и неторопливой, но непоколебимой энергіи,—и вы получите представленіе объ эпическомъ русскомъ мужикѣ, создателѣ огромнаго государства.

Всѣ, хорошія и дурныя, стороны русскаго творчества получали въ Толстомъ свое выраженіе. Геніальный художникъ, онъ съумѣлъ выразить свойственную лучшимъ представителямъ русской литературы кристальную ясность и живость образовъ, довести реальность изображенія до высшаго предѣла, сохранивъ въ нихъ глубину жизни и увѣковѣчивъ въ безсмертныхъ типахъ все разнообразіе ея. Въ безконечной галлереѣ созданныхъ имъ типовъ мы встрѣчаемъ представителей всѣхъ сословій, положеній, возрастовъ и половъ. Начиная съ дѣтской и до императорскаго дворца, черезъ всѣ ступени соціальной лѣстницы, Левъ Толстой раскрываетъ читателю безконечное разнообразіе жизни, знакомитъ съ самыми причудливыми уголками ея, съ самыми удивительными героями. Описаніе дѣтской души, ея горести и радости, бытъ русской деревни, русская природа во всемъ ея разнообразіи, русскій мужикъ, русскій солдатъ, бытъ арміи на войнѣ и во время мира, великосвѣтскіе салоны и тихая семейная жизнь, волненія зарождающейся любви и пылъ страсти, фанатизмъ и муки сомнѣній, спокойная вѣра и сектантская нетерпимость—все нашло мѣсто въ геніальныхъ твореніяхъ, отлитое въ неумирающія формы нетлѣнной красоты. Въ геніи Льва Толстого русское творчество достигло кульминаціоннаго пункта по глубинѣ, широтѣ, высотѣ замысла и совершенству выполненія.

И мы понимаемъ, почему иностранная критика, когда рѣчь идетъ о русской литературѣ, выдвигаетъ на первый планъ Толстого.

Здѣсь предъ нею въ прихотливыхъ сочетаніяхъ—прозрачная, нѣжная живопись Тургенева, страстность и нервность Достоевскаго, гоголевскій юморъ и пушкинская простота и сжатость языка. И надъ всѣмъ господствуетъ вдумчивая, созерцательная, ищущая и неспокойная душа молодого народа, который въ порывѣ еще не сознанныхъ силъ стремится разомъ все рѣшить, все обнять, проникнуть и впитать въ себя. Отсюда крайности, поражающія насъ на каждомъ шагу въ творчествѣ Льва Толстого, наивность на ряду съ глубочайшимъ анализомъ, гордая смѣлость мысли и запоздалыя открытья, хвастливая самоувѣренность, граничащая съ русскимъ «шапками закидаемъ», и смиреніе, доходящее до самоуничиженія, искренность, хватающая за сердце, и лукавство, близкое къ лицемѣрію.

Въ одной изъ юбилейныхъ статей по поводу семидесятилѣтія какой-то критикъ призналъ Льва Толстого «человѣкомъ шестидесятыхъ годовъ». Намъ кажется, нѣтъ болѣе невѣрной характеристики, какъ подобное причисленіе Толстого къ представителямъ той или иной эпохи. Не говоря уже о натяжкѣ во времени, странна и непонятна эта кличка «шестидесятникъ» по отношенію къ писателю, который и въ эпоху шестидесятыхъ годовъ упрямо шелъ противъ духа эпохи въ очень и очень многомъ, а впослѣдствіи стремился цѣликомъ опровергнуть то, что составляло сущность стремленій этой эпохи—*всю* цивилизацію Запада. Но и помимо этого, никакія мѣрки подобнаго рода не примѣнимы къ такимъ оригинальнымъ натурамъ, какъ Левъ Толстой. Можно ли, напр., къ Пушкину примѣнить названіе «человѣкъ двадцатыхъ или тридцатыхъ годовъ»? Конечно, какъ бы ни былъ великъ и оригиналенъ писатель, онъ все же дитя своего времени, которое наложитъ и на него свой отпечатокъ, и въ произведеніяхъ Толстого можно найти отголоски думъ и мыслей, волновавшихъ людей шестидесятыхъ годовъ. Отсюда, однако, еще далеко до признанія его «шестидесятникомъ», какъ нельзя назвать его «семидесятникомъ» или «восьмидесятникомъ». Есть писатели, которые, превосходно выразивъ свою эпоху, вмѣстѣ съ ней сходятъ со сцены. Они завершаютъ въ своемъ творчествѣ опредѣленный циклъ общественнаго развитія и далѣе органически не могутъ идти. Они—«изъ рода Азровъ, которые, разъ полюбивъ, умираютъ» вмѣстѣ съ предметомъ своего обожанія—опредѣленнымъ кругомъ идей. Они—какъ инструментъ, настроенный только на одинъ тонъ, и пока въ жизни господствуетъ послѣдній, они даютъ глубокій, полный отзвукъ. Въ этомъ ихъ сила и значеніе. Но есть и другіе, которыхъ не пріурочишь ни къ какому времени, ни къ одной опредѣленной идеѣ, ни къ какому «предмету», потому что въ нихъ всякое время, всякая идея находятъ свои «корни и нити» только съ прибавкой чего-то совсѣмъ особеннаго, то съуживающаго, то расширяющаго ихъ значеніе. Каждое настроеніе находитъ въ нихъ отвѣтъ себѣ, и къ Толстому это больше примѣнимо, чѣмъ къ кому-либо другому изъ русскихъ писателей. Онъ поклонялся многимъ богамъ, проповѣдывалъ самыя противорѣчивыя мысли, и, по мѣткому выраженію Ник. Михайловскаго, шуйца и десница его частенько враждовали, одна ниспровергая то, что воздвигала другая. Это даетъ ему въ русской литературѣ особое мѣсто, которое ни одинъ историкъ ея не пріурочитъ къ строго опредѣленной эпохѣ или школѣ, какъ нельзя сдѣлать того же по отношенію къ Пушкину.

Присоединивъ въ день 70-лѣтія и свое привѣтствіе къ тѣмъ безчисленнымъ выраженіямъ уваженія и восторга, которыя въ этотъ день стекались въ Ясную Поляну со всѣхъ концовъ міра, мы могли только искренно пожелать великому писателю еще долгихъ-долгихъ дней для дѣятельности на благо всему человѣчеству.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

О борьбѣ съ голодомъ. Во всѣхъ газетахъ напечатанъ слѣдующій циркуляръ отъ общества «Краснаго Креста».

«Въ текущемъ году нѣкоторыя мѣстности имперіи постигъ недородъ хлѣбовъ и травъ, по размѣрамъ своимъ значительно превосходящій неурожай прошлаго года; съ особою силою проявился онъ въ губерніяхъ: Казанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Уфимской, Пермской, Вятской и Рязанской.

Для оказанія помощи пострадавшему населенію правительство и земства приняли необходимыя и широкія мѣры, но мѣры эти, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ выдачѣ ссудъ нуждающимся, не распространяются на все населеніе, такъ какъ часть его, въ нѣкоторыхъ пострадавшихъ губерніяхъ, достигающая 23 проц. общаго количества всего крестьянскаго населенія, не пользуется правомъ на продовольственную помощь изъ общеустановленныхъ источниковъ.

Къ этому разряду нуждающихся принадлежатъ крестьяне другихъ губерній, живущіе въ губерніяхъ, постигнутыхъ недородомъ, мѣщане, вдовы и сироты духовнаго званія, разночинцы, безземельные и бездомовые, за которыхъ общество, среди котораго они живутъ, не даетъ за круговою порукою ручательства, и пр. Всѣ эти лица живутъ почти исключительно заработками. Между тѣмъ, въ неурожайные годы возможность прокормиться значительно затрудняется, такъ какъ, съ одной стороны, повышаются цѣны на жизненные припасы, а съ другой—отправленіе крестьянъ массами на заработки ненормально увеличиваетъ предложеніе труда.

Кромѣ того, въ отдѣльныхъ случаяхъ требуются и особые виды помощи всему пострадавшему населенію, которые не входятъ въ кругъ заботъ правительственныхъ и земскихъ учрежденій. Такова помощь санитарная и медицинская, устройство школьныхъ столовыхъ, снабженіе хозяйствъ топливомъ, рабочимъ скотомъ и проч.».

Въ виду этого, общество «Краснаго Креста» обращается къ милосердію русскихъ людей и проситъ внести свою лепту на помощь алчущему и страждущему ближнему.

Циркуляръ этотъ является оффиціальнымъ засвидѣтельствованіемъ народной нужды, которая дѣйствительно въ этомъ году угрожаетъ принять серьезные размѣры въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, гдѣ «недоѣданье» сдѣлалось уже хроническимъ явленіемъ. Такъ, корреспондентъ «Нов. Врем.» пишетъ изъ Казанской губ.

«Районъ нужды растетъ въ длину и ширину ежедневно. 13 крестьянскихъ обществъ Чистопольскаго уѣзда потребовали корма еще въ іюлѣ; въ Спасскомъ уѣздѣ безхлѣбная тягота начинается съ сентября, также и въ нѣкоторыхъ волостяхъ Самарскаго уѣзда, въ Казанскомъ уѣздѣ кормить народъ предполагаютъ съ января, въ Николаевскомъ уѣздѣ продовольственная ссуда потре-

буется лишь весной и т. д. Вотъ какая неровность выходитъ даже при взятіи огромнаго поуѣзднаго масштаба; каждый пойметъ, что это неравенство скажется еще болѣе, когда мы возьмемъ за единицы волости; каждый догадается, что подобное неравенство должно явиться для всѣхъ канцелярій настоящей вавилонской башней, когда мы возьмемъ за единицу каждаго нуждающагося въ ежедневномъ хлѣбѣ»...

Корреспондентъ знакомитъ далѣе съ общепринятымъ порядкомъ выдачи ссудъ. Въ каждой волости составляется по напечатанной вѣдомости «именной списокъ крестьянъ, ходатайствующихъ о выдачѣ ссуды на продовольствіе. Волость шлетъ одинъ экземпляръ такого списка земскому начальнику, другой—земской управѣ. Обѣ власти, предполагается, считаютъ волосы на головѣ, т. е. провѣряютъ эти списки и земскіе начальники шлютъ имена тысячи тысячъ Ванекъ, Сенекъ, Дунекъ и Палашекъ въ губернію»...

Относительно этихъ списковъ, по словамъ корреспондента, всѣ мѣстныя власти признаютъ, что крестьяне добросовѣстно относятся къ продовольственному дѣлу, и замѣтна въ нихъ скорѣе неохота брать это продовольствіе, чѣмъ «развратъ деморализаціи казеннаго кормленія»... Графъ Татищевъ лично убѣдился въ существованіи отказовъ отъ ссудъ нуждающагося населенія; земскій начальникъ Бугульминскаго уѣзда 9-го участка рапортуетъ губернатору, что «всѣ крестьяне его округа будутъ нуждаться въ продовольствіи, но, въ виду дороговизны сѣмянъ, многіе не хотятъ ссуды»; земскій начальникъ 3-го участка Бугурусланскаго уѣзда доноситъ, что «крестьянскія общества составили приговоры, что въ помощи не нуждаются», и пр. и пр. Мѣстныя власти—коронныя и земскія—настолько знакомы съ «воздержаніемъ» крестьянства отъ принятія ссудъ, что уже давно практикуютъ принятіе неузаконеннаго типа обезпеченія въ видѣ временнаго спеціально ссудо-продовольственнаго товарищества крестьянъ: «соберется десятокъ голодныхъ мужиковъ, напишутъ бумагу, что своими пустыми животами ручаются другъ за друга, и земство выдаетъ имъ ссуду, успокаивая подобнымъ ручательствомъ совѣсть формализма»...

Когда списки составлены, провѣрены и утверждены, назначается продовольственная ссуда въ количествѣ 35 фунтовъ ржаного зерна въ мѣсяцъ на каждаго стараго, коему свыше 50 лѣтъ, и на каждаго малаго отъ 1 года до 18 лѣтъ; населеніе же въ возрастѣ отъ 18 до 50 лѣтъ не имѣетъ правъ на продовольственную ссуду,—«оно должно само зарабатывать свой хлѣбъ». «И бывали случаи, — разсказывалъ мнѣ г. Шишковъ, бывшій губернскій дѣятель, — что власти, являясь въ Николаевскомъ уѣздѣ на сходъ домохозяевъ, дивились, что присутствующіе стоятъ кучками въ обнимку.

— Стой хорошенько! Чего обнимаешься!

— Поддерживаемъ, вашество, другъ друга, стоять не въ силахъ, ноги не держутъ»...

Понятно, что народъ, въ смыслѣ семей, не держитъ оффиціальнаго разграниченія, и продовольственную ссуду ѣдятъ всѣ члены голодной семьи, имѣющіе и не имѣющіе правъ на эту ссуду. Понятно, что достаются на долю каждаго такіе кусочки, которые по своей скромной величинѣ не только не могутъ деморализировать крестьянъ, но даже не въ силахъ оберечь неурожайныя мѣста отъ цынги и голоднаго тифа, уносящихъ тысячи жертвъ. При такихъ условіяхъ разговоръ о «развратѣ даровщинки» звучитъ безобразнѣйшей дикостью и жестокостью...

Въ Казанской губерніи уже начались предварительныя мѣропріятія по организаціи продовольственной помощи голодающему населенію. По сообщенію «Казанскаго Телеграфа», «главное управленіе россійскаго общества «Краснаго Креста», согласно сообщенію г. министра внутреннихъ дѣлъ, предложило мѣстному управленію доставить необходимыя для составленія плана оказанія помощи населенію

Казанской губерніи, пострадавшему отъ неурожая сего года, свѣдѣнія: въ какихъ мѣстностяхъ, въ какой формѣ (школьныя столовыя, убѣжища для престарѣлыхъ) и въ какихъ размѣрахъ (приблизительное количество потребнаго хлѣба, корма, размѣръ ассигнованія) необходима помощь «Краснаго Креста» въ дополненіе къ мѣрамъ, принимаемымъ административными учрежденіями губерніи по ослабленію послѣдствій недорода».

Казанское управленіе, приступивъ къ составленію отвѣта, обратилось въ казанскую губернскую земскую управу съ просьбой доставить ему свѣдѣнія. Управа сообщила, «что наиболѣе пострадавшими отъ неурожая текущаго года оказались уѣзды: Спасскій, Чистопольскій, Лаишевскій, Мамадышскій, Тетюшскій, Казанскій и Свіяжскій, нуждающемуся населенію которыхъ земствомъ предполагается оказывать продовольственную помощь выдачею ссудъ въ размѣрѣ 35 ф. муки въ мѣсяцъ на ѣдока, въ томъ числѣ и на дѣтей отъ 2-хъ-лѣтняго возраста, за исключеніемъ лицъ рабочаго возраста, пособіе коимъ будетъ выдаваться только въ особо уважительныхъ случаяхъ». За полученіемъ болѣе детальныхъ свѣдѣній управа рекомендовала управленію обратиться къ подлежащимъ уѣзднымъ земскимъ управамъ.

Въ Самарѣ, въ концѣ августа, было созвано экстренное уѣздное земское собраніе для разсмотрѣнія вопроса о продовольствіи населенія въ текущемъ году. Собраніе это, какъ сообщаютъ «Рус. Вѣд.», постановило: ходатайствовать передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ о выдачѣ изъ средствъ общаго по имперіи продовольственнаго капитала ссуды на пріобрѣтеніе 278.418 пуд. ржи на продовольствіе населенія и о зачетѣ, сверхъ того, въ счетъ продовольственныхъ ссудъ всего озимаго хлѣба, находящагося въ общественныхъ магазинахъ, 505.583½ пуд., а также и всего ярового хлѣба, за исключеніемъ овса и ячменя, 265.132½ пуд.; выдавать ссуды на продовольствіе въ теченіе 8 мѣсяцевъ (съ 1-го октября по 1-е іюня), а для особенно нуждающихся селеній — 9 мѣсяцевъ въ размѣрѣ 30-ти фунт. въ мѣсяцъ на ѣдока до 1-го марта, а съ 1-го марта—до 50-ти фунт. на ѣдока, но съ тѣмъ, чтобы въ общемъ ссуда за весь періодъ не превышала 35-ти фунт. въ мѣсяцъ на ѣдока; выдавать ссуды и на работниковъ, если въ данной мѣстности зимой нельзя достать работъ; съ 1-го же марта выдавать на всѣхъ работниковъ, потому что тогда истощатся у населенія всякіе запасы, а заработковъ за весенней распутицей и за началомъ своихъ полевыхъ работъ не будетъ; ссужаемый хлѣбъ выдавать помѣсячно. Такъ какъ въ нынѣшнемъ году былъ сильный неурожай кормовъ, то для помощи населенію въ этомъ отношеніи собраніе постановило ходатайствовать о томъ, чтобы безплатный провозъ ссужаемаго хлѣба не превышалъ 20-ти верстъ, а при большемъ разстояніи—выдавать крестьянамъ провозную плату. По вопросу объ обсѣмененіи яровыхъ полей собраніе постановило: въ виду того, что въ настоящее время еще нельзя точно опредѣлить количество хлѣба, нужнаго на обсѣмененіе яровыхъ, поручить управѣ созвать своевременно новое экстренное уѣздное земское собраніе. Въ настоящее же время предоставляется управѣ самой установить приблизительные размѣры необходимой заготовки яровыхъ сѣмянъ. По вопросу о мѣрахъ къ прокормленію скота собраніе постановило: признавая единственно возможною мѣрою выдачу посыпнаго хлѣба, ходатайствовать передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ о пріобрѣтеніи для этой цѣли 880.000 пуд. хлѣба (предпочтительно — ячменя); признавая за прокормленіемъ скота крупное экономическое значеніе, ходатайствовать передъ правительствомъ о дополненіи нынѣ дѣйствующаго Продовольственнаго Устава статьями о ссудахъ на прокормленіе скота; ходатайствовать о воспрещеніи вывоза отрубей и жмыховъ и скупки ихъ въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ (замѣченъ фактъ, что крупные капиталисты начинаютъ скупать отруби съ цѣлью перепродажи ихъ по повышеннымъ цѣнамъ зимой). Норму для выдачи ссудъ на прокормъ скота установило собраніе въ 3 лошади

и 1 корову на дворъ; дворы, имѣющіе болѣе скота, ссуды не должны получать. Выдачу ссудъ на прокормъ скота производить съ 1-го ноября по 1-е мая, причемъ до 1-го марта—по $1^1/_2$ пуда на голову въ мѣсяцъ, а послѣ 1-го марта—по 2 пуда. Для гарантіи этой ссуды установить увеличеніе общественной запашки на 100 кв. саж. сверхъ нормальныхъ 200 кв. саж. на душу. Далѣе собраніе постановило ходатайствовать передъ губернскимъ земствомъ объ организаціи общественныхъ работъ за счетъ дорожнаго капитала по плану, утвержденному губернскимъ земскимъ собраніемъ, и передъ правительствомъ—о томъ, чтобы немедленно было приступлено къ сооруженію намѣченныхъ въ предѣлахъ губерніи желѣзныхъ дорогъ.

Вопросъ о всеобщемъ обученіи на кіевскомъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей. Кромѣ спеціальныхъ вопросовъ естествознанія на послѣднемъ кіевскомъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей разрабатывались и вопросы, имѣющіе общій интересъ и серьезное общественное значеніе. Къ числу ихъ относится и вопросъ о всеобщемъ обученіи, обсуждавшійся въ подсекціи статистики и послужившій темою для нѣсколькихъ докладовъ земскихъ статистиковъ изъ различныхъ мѣстностей Россіи—г.г. Трегубова изъ Екатеринослава, Бѣлоконскаго изъ Курска и Бориневича изъ Одессы. По словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», первый изъ референтовъ, г-нъ Трегубовъ, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно опредѣленія возраста дѣтей при введеніи всеобщаго, но не обязательнаго обученія: дѣтьми школьнаго возраста слѣдуетъ считать дѣтей 8, 9 и 10-ти-лѣтняго возраста, составляющихъ (по таблицамъ выживанія) 7%; необходимое число школъ слѣдуетъ разсчитывать при началѣ введенія всеобщаго обученія на всѣхъ мальчиковъ и на половину дѣвочекъ, что составитъ 5—$5^1/_2$% населенія; что, какъ и въ какихъ размѣрахъ дѣлать дальше, будетъ видно изъ текущей регистраціи. Одна школа можетъ состоять изъ 2-хъ классовъ, по 60-ти учениковъ въ каждомъ, и такая школа должна приходиться не болѣе какъ на 2.400 душъ населенія (на первыхъ порахъ введенія всеобщаго обученія).

Сущность доклада г-на Бѣлоконскаго сводится къ слѣдующему. Земская статистика, такъ много сдѣлавшая по вопросамъ экономическимъ, несомнѣнно откликнется на назрѣвшую духовную нужду народную, также добросовѣстно изслѣдуетъ этотъ вопросъ и укажетъ на способъ его разрѣшенія. Что же надо сдѣлать? Прежде чѣмъ говорить о какихъ-либо мѣропріятіяхъ, необходимо ознакомиться съ тѣмъ, какъ обстоитъ дѣло народнаго образованія въ настоящее время. Самымъ важнымъ при такого рода изслѣдованіяхъ является отысканіе истиннаго школьнаго возраста, для опредѣленія котораго необходимо собрать лишь данныя о лѣтахъ учащихся въ правильно организованныхъ школахъ (земскихъ и министерскихъ), такъ какъ перепись и данныя о возрастѣ въ школахъ неправильно организованныхъ (школы грамоты и церковно-приходскія) показали, что колебанія возрастовъ очень велики. Опредѣливъ границы школьнаго возрасти, т. е. его предѣлы отъ такихъ-то до такихъ-то лѣтъ, легко, при посредствѣ данныхъ всероссійской переписи, найти количество лицъ школьнаго возраста, а опредѣливъ требованіями педагогіи и санитарія нормальное количество учащихся въ одной школѣ, узнаемъ, сколько необходимо училищъ въ данномъ районѣ для всеобщаго обученія. Собравъ такого рода матеріалъ, необходимо приступить къ составленію нормальной сѣти школъ, для чего къ вышеупомянутымъ даннымъ слѣдуетъ присоединить данныя о разстояніи между селеніями, а также произвести изслѣдованіе относительно нормальнаго школьнаго возраста для даннаго района, при которомъ возможно безпрепятственное хожденіе въ школу. Когда выяснятся разстоянія, тогда можно приступить къ построенію нормальной сѣти школъ, но это будетъ только сѣть по-районная.

Для всеобщаго обученія или нужно расширить по-районную школу до размѣровъ, чтобы вмѣстились всѣ учащіеся, или устраивать школы во всѣхъ селеніяхъ, такъ что, понятно, по-районныхъ школъ получится много меньше, чѣмъ таковыхъ для всеобщаго обученія.

Третій докладъ, г-на Бориневича, касался введенія всеобщаго обученія въ городахъ. По мнѣнію автора: 1) Населеніе городовъ вполнѣ подготовлено къ введенію всеобщаго обученія какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ. 2) Дѣти, поступающія до возраста семи лѣтъ, просиживаютъ лишній учебный годъ, почему слѣдуетъ запретить принимать въ школы дѣтей менѣе 8-ми лѣтъ. 3) Продолжительность обученія (для всѣхъ учащихся, а не окончившихъ только курсъ) можно принять въ три года. 4) Процентъ дѣтей въ школьномъ возрастѣ для города долженъ быть нѣсколько пониженъ. 5) Даже при пониженіи процентовъ дѣтей школьнаго возраста окажется, что внѣ школы остается болѣе 40 процентовъ дѣтей. 6) При такихъ условіяхъ городскія общественныя управленія не могутъ принять на себя всѣхъ расходовъ на дѣло введенія всеобщаго обученія. Какъ мѣра общегосударственная, она должна вызвать и общегосударственные расходы. 7) Пока не рѣшится вопросъ о всеобщемъ обученіи, нужно: а) открывать въ городахъ школы не одноклассныя типа сельскаго, а трехъ и двухклассныя или, вѣрнѣе, трехъ и двухъ-отдѣленныя съ особымъ учителемъ для каждаго отдѣленія, б) образовать вторыя смѣны учащихъ и учащихся, в) ограничить время пріема и производить пріемъ не по училищамъ, а по районамъ города или общій по городу.

Доклады по вопросу о всеобщемъ обученіи вызвали оживленный обмѣнъ мыслей.

Общество защиты падшихъ женщинъ. Въ прошломъ году мы уже сообщали о попыткѣ казанской интеллигенціи придти на помощь падшимъ женщинамъ и организовать общество «Защиты женщинъ». Дѣятельность этого общества еще не началась вслѣдствіе проволочекъ въ утвержденіи устава, но постоянно встрѣчающіяся въ газетахъ сообщенія указываютъ на то, что потребность въ такого рода обществахъ давно уже назрѣла и не въ одной только Казани. Особенно сильно нужда въ такомъ обществѣ ощущается, напр., въ Нижнемъ, съ его ярмаркой, привлекающей въ городъ массу пришлыхъ элементовъ. Въ интересныхъ корреспонденціяхъ съ ярмарки, печатающихся въ «Русск. Вѣдом.», мы встрѣчаемся съ указаніями на факты, требующіе дѣятельнаго вмѣшательства общества. Авторъ корреспонденціи приводитъ примѣръ недавно умершаго въ Нижнемъ мирового судьи Сапожникова. Въ періодъ своей молодости, совпадавшей съ молодостью самого судебно-мирового института, проникнутый сознаніемъ «высоты своей миссіи», отчасти, быть можетъ, преувеличивавшій значеніе мирового судьи въ ряду другихъ учрежденій, онъ былъ грозой тогдашней ярмарочной полиціи и многихъ, десятками лѣтъ освященныхъ ярмарочно-канавинскихъ «порядковъ и обычаевъ».

«Однажды онъ получилъ извѣстіе, что въ одномъ изъ вертеповъ содержится дѣвушка, попавшая туда случайно, которую, однако, «хозяева» стараются принудить къ разврату. Судью предупреждали, что просто обратиться къ тогдашней полиціи было бы совершенно безполезно. Времена тогда, какъ извѣстно, были жестокія, и полиція «для порядка» смотрѣла на всѣхъ обитательницъ извѣстныхъ домовъ какъ на вѣчныхъ рабынь почтенныхъ «хозяекъ». Поэтому всякая попытка къ «освобожденію» разсматривалась какъ нѣкое посягательство на самый «порядокъ».

«Зная это, Сапожниковъ организовалъ нѣчто въ родѣ секретной экспедиціи. Прежде всего онъ послалъ мѣстному полицейскому приставу «предписаніе» явиться къ нему тогда-то, съ извѣстнымъ числомъ полицейскихъ и понятыхъ.

*

Затѣмъ, не сообщая цѣли похода, судья сталъ лично во главѣ отряда и повелъ его въ одинъ изъ вертеповъ. Здѣсь, надѣвъ цѣпь, онъ потребовалъ представленія всѣхъ дѣвицъ и, когда искомой дѣвушки на-лицо не оказалось, распорядился произвести обыскъ. Дѣвушка была найдена въ какой-то каморкѣ, запуганная и спрятанная на-скоро отъ судьи. Разумѣется, она тотчасъ же была освобождена, а «хозяйка» приговорена къ тюремному заключенію,

«Этотъ небывалый эпизодъ сразу всколыхнулъ все болото. Сапожниковъ сталъ послѣ этого получать письмо за письмомъ и не разъ еще повторялъ свои экспедиціи. Разумѣется, далеко не во всѣхъ случаяхъ освободителю приходилось защищать столь несомнѣнную невинность, и старожилъ, разсказавшій мнѣ этотъ характерный эпизодъ, передавалъ съ улыбкой, что нерѣдко молодой судья выводилъ изъ вертеповъ цѣлыя стаи «дѣвицъ», большинство которыхъ тотчасъ же пристраивалось къ другимъ хозяйкамъ. Затѣмъ, какъ извѣстно, практика и сенатскія рѣшенія ввели въ границы молодую компетенцію самого мирового института, и ни подобныя «предписанія» судьи по адресу полиціи, ни подобные аболюціонистскіе походы въ вертепы стали уже невозможны. А еще черезъ десятокъ лѣтъ—самая фигура бывшаго воина покрылась мѣстнымъ налетомъ и слилась съ общимъ фономъ обывательской жизни».

Далѣе авторъ указываетъ на то, что и въ наше время часто встрѣчаются факты, подобные тѣмъ, которые вызывали такое негодованіе у Сапожникова.

«Нѣсколько лѣтъ еще назадъ въ газетахъ былъ разсказанъ случай, когда молодая дѣвушка, ѣхавшая мимо Нижняго въ Варшаву, была приглашена какой-то благообразной старушкой, разговорившейся съ ней на пароходѣ, отдохнуть на часокъ у нея и затѣмъ попала въ притонъ. И замѣчательно, что только случайное вмѣшательство посторонняго человѣка помогло несчастной вырваться на волю. А что же «надзоръ», а что же бдительность полиціи? Я не знаю, но фактъ остается фактомъ. А сколько же такихъ фактовъ, не открытыхъ «случайно, посторонними лицами», остаются подъ спудомъ, такъ какъ поистинѣ адскій разсчетъ у этихъ «хозяекъ» основанъ на чувствѣ неодолимаго стыда, сразу отдѣляющемъ ихъ жертвы отъ всей прежней жизни! Разъ подлая ловушка удалась, нѣсколько дней или недѣль невообразимой грязи легли между настоящимъ и прошлымъ,—и кончено! Дѣвушка мѣняетъ имя, и главная ея забота—никогда не встрѣчаться ни съ кѣмъ изъ прежняго міра. А тамъ еще нѣсколько лѣтъ,—среда безповоротно налагаетъ свою печать,—и человѣкъ убитъ окончательно...»

Дальше авторъ отмѣчаетъ факты, рисующіе упадокъ чуткости ко злу въ людяхъ, часто встрѣчающихся съ нимъ. «Нѣсколько лѣтъ назадъ,—пишетъ онъ,—«Волгарь» отмѣтилъ съ справедливымъ негодованіемъ, хотя и въ слишкомъ общихъ чертахъ, что на ярмаркѣ «люди съ высшимъ образованіемъ» не гнушаются брать незаконные поборы съ несчастныхъ женщинъ, подлежащихъ осмотру. Никто изъ тѣснаго персонала, явно задѣтаго этимъ сообщеніемъ, не счелъ нужнымъ обидѣться и потребовать у газеты точныхъ разъясненій и доказательствъ. Поговаривали о предстоящемъ, будто-бы, запросѣ въ мѣстномъ обществѣ врачей, но все это не состоялось, и обвиненіе такъ и повисло въ воздухѣ, указывая, во всякомъ случаѣ, на какое-то специфическое, разъѣдающее дѣйствіе ярмарочной атмосферы, при которомъ подобныя обвиненія могутъ оставаться неснятыми...

«А вотъ и еще новый фактъ, на этотъ разъ уже ясный, точный и опредѣленный. Въ № 210 «Волгаря» появилось слѣдующее сообщеніе, которое мы приводимъ здѣсь во всей его краснорѣчивой сухости: «Въ ярмаркѣ,—пишетъ газета,—однимъ изъ членовъ врачебно-полицейскаго комитета обнаружено «крѣпостное право», примѣняемое къ дѣвицамъ легкаго поведенія. При посѣщеніи членомъ комитета смотрового пункта одна изъ дѣвицъ заявила, что женщи-

намъ запрещено уходить отъ хозяекъ и поступать на другое мѣсто, вслѣдствіе чего женщины поставлены бываютъ въ полную рабскую зависимость отъ своей хозяйки, и безъ того эксплоатирующей ихъ горькое положеніе. Членъ комитета обратился въ ярмарочное полицейское управленіе по этому поводу, гдѣ ему предъявили оффиціальное отношеніе врачебно-полицейскаго комитета отъ 30-го іюля, подтверждающее заявленіе, выслушанное на смотровомъ пунктѣ. Такъ какъ отношеніе это было написано отъ врачебно-полицейскаго комитета, а между тѣмъ вопросъ этотъ въ комитетѣ не обсуждался, то членъ комитета обратился за разъясненіемъ этого распоряженія, не только, по его мнѣнію, незаконнаго, но и безчеловѣчнаго.

«Оказалось, что «распоряженіе» сдѣлано единоличной властью предсѣдателя комитета, доктора медицины Д. Ф. Рѣшетилло, а вызвало оно протестъ простого купца, г-на А. А. Титова. Невольно напрашивается грустная параллель: четверть вѣка назадъ одинъ человѣкъ съ высшимъ образованіемъ наивно тормошится и воюетъ съ безчеловѣчнымъ и незаконнымъ рабствомъ, а въ наше трезвое время другой человѣкъ, тоже «высшаго просвѣщенія», однимъ почеркомъ пера подтверждаетъ и предписываетъ то же самое рабство».

Основываясь на этихъ фактахъ, авторъ указываетъ на то, какое огромное значеніе въ такихъ случаяхъ играютъ «посторонніе люди», и приходитъ къ слѣдующему безспорному выводу: необходимо систематизировать контроль и вліяніе въ данной области свѣжаго, сторонняго человѣка, не надышавшагося этой атмосферой до полнаго забвенія не только человѣчности, но даже и оффиціальной и обязательной законности. Необходимо, чтобы такой свѣжій человѣкъ спустился наконецъ, побуждаемый нравственными мотивами, въ эту область отверженія и позора. Нигдѣ общество защиты несчастныхъ женщинъ не было бы такъ необходимо и такъ полезно, какъ именно здѣсь, на ярмаркѣ. Уже одинъ фактъ, что въ нѣсколькихъ пунктахъ ярмарки и города, какъ маяки, были бы разсѣяны адреса людей, стороннихъ и неоффиціальныхъ, къ которымъ можно было бы обратиться, безъ стыда и риска, за помощью и защитой, имѣлъ бы громадное значеніе. А затѣмъ, какъ всякое освобождающее вѣяніе, это оказало бы смягчающее вліяніе на всѣ стороны, на общій тонъ этой жизни.

Къ вопросу о разоруженіи. Интересныя данныя о вооруженіяхъ у различныхъ государствъ приводятся въ «Прав. Вѣстникѣ». Оказывается, что по численности арміи первое мѣсто занимаетъ Россія. Въ мирное время въ Россіи стоитъ подъ ружьемъ милліонъ солдатъ. Ежегодно къ отбыванію воинской повинности призываются 280.000. Въ случаѣ мобилизаціи Россія можетъ выставить 2½ милліона человѣкъ, къ которымъ слѣдуетъ еще прибавить 6.947.000 запасныхъ нижнихъ чиновъ и ратниковъ ополченія. Такимъ образомъ, въ случаѣ надобности, Россія можетъ выставить на поле битвы огромную армію свыше 9 милліоновъ штыковъ.

Второе мѣсто занимаетъ Франція. Постоянная армія у ней въ 589.000 человѣкъ, въ случаѣ мобилизаціи—2.500.000. Если прибавить резервныя войска, то численность французской арміи въ военное время возрастетъ до 4.370.000 человѣкъ, ежегодно эта послѣдняя цифра увеличивается на 16.000.

Далѣе идетъ Германія съ постоянной арміей въ 585.000 солдатъ. Въ десять дней эта армія можетъ быть мобилизована, при чемъ численность ея будетъ доведена до 2.230.000 штыковъ; съ присоединеніемъ резервовъ составъ германской арміи можетъ возрасти до 4.300.000 человѣкъ.

Постоянная армія Австро-Венгріи исчисляется въ 365.000 штыковъ; въ случаѣ войны эта армія увеличивается до 2.500.000 чел., а съ призывомъ резервовъ она возростетъ до 4.000.000.

Италія, весьма часто страдающая отъ финансовыхъ кризисовъ, принуждена

была сократить постоянную армію, которая не превышаетъ 174.000 человѣкъ. Впрочемъ, въ военное время Италія можетъ довести свою армію до 1.473.000 и, кромѣ того, призвать еще подъ знамена 727.000 резервистовъ, т. е. всего выставить на поле сраженія 2.200.000 солдатъ.

Наименьшая армія изъ числа европейскихъ государствъ въ Великобританіи: она съ трудомъ можетъ выставить 220.000 штыковъ, а включая резервы, милицію и волонтеровъ—не болѣе 720.000.

Въ дѣйствительности, замѣчаетъ газета, Европа не что иное, какъ обширный лагерь, и почти каждый изъ европейцевъ часть своей жизни проводитъ въ казармѣ. Такъ, во Франціи одинъ солдатъ приходится на 9 человѣкъ населенія; въ Германіи—на 12, или на 6 мужчинъ; въ Австріи на 11 и въ Италіи подъ ружьемъ стоитъ одна седьмая часть мужскаго населенія. Въ Россіи одинъ солдатъ приходится на 13 человѣкъ населенія.

Въ настоящее время въ Европѣ постоянно стоитъ подъ ружьемъ 4.250.000 человѣкъ. Если бы возгорѣлась всемірная война, то выступило бы въ походъ 16.410.000 воиновъ, а со включеніемъ резервовъ—34 милліона. Если бы эту колоссальную армію построить въ одну колонну въ четыре шеренги, то потребовалось бы разстояніе между Мадритомъ и Петербургомъ. На каждые 1.680 кв. метровъ пришлось бы 9 солдатъ и 79 простыхъ обывателей. Вообще же въ Европѣ одинъ солдатъ приходился бы на 10 жителей, или на 5 мужчинъ.

Въ Азіи въ мирное время насчитывается 500.000 войскъ, не считая мелкихъ государствъ.

Сравнительно съ Европой, военныя силы Новаго Свѣта являются совсѣмъ ничтожными. Такъ, Мексика можетъ созвать подъ знамена 120.000 человѣкъ, а Бразилія—28.000, къ которымъ слѣдуетъ прибавить 20.000 жандармовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ въ мирное время содержится постоянная армія только въ 25.000 чел., но въ случаѣ войны призываются всѣ способные носить оружіе въ возрастѣ отъ 18 до 45 лѣтъ; при такихъ условіяхъ американцы могутъ образовать армію въ 10 милліоновъ человѣкъ. Въ Аргентинской республикѣ имѣется 120.000 солдатъ, а въ Канадѣ—2.000 англійскихъ войскъ, 1.000 канадцевъ и 35.000 милиціи.

На всемъ земномъ шарѣ постоянно находятся подъ ружьемъ 5.250.000 солдатъ, въ случаѣ всемірной войны могли бы воевать 44.250.000 человѣкъ. Если бы эта многомилліонная армія получила приказаніе истребить все остальное населеніе земного шара, на долю каждаго солдата пришлось бы 32 чел. Послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ сраженій родъ человѣческій могъ бы совсѣмъ исчезнуть съ лица земли.

Поставленные въ одну линію солдаты всего міра образовали бы непрерывную цѣпь вокругъ экватора, при чемъ ружье каждаго солдата лежало бы на плечѣ впереди стоящаго сосѣда. Одинъ только залпъ изъ всѣхъ этихъ ружей стоилъ бы $2^1/_2$ милліона франковъ. Сколько же стоитъ содержаніе этой массы людей?

Россія ежегодно расходуетъ 772.500.000 франковъ, Германія—675 милліоновъ, Франція—650 милл., Австрія—432.500.000, Италія—267.250.000, Великобританія—450.000, а всѣ шесть государствъ—4 милліарда 230 милл. франковъ.

Дешевле всѣхъ обходится содержаніе русскаго солдата: онъ стоитъ въ годъ только 772 фр. 50 сант., нѣмецкій солдатъ обходится ежегодно въ 1.162 фр. 50 сант., австрійскій—въ 1.175 фр., итальянскій—въ 1.535 фр., французскій—1.633 фр. и англійскій—въ 2.045 фр.

На каждаго жителя въ Россіи приходится 6 фр. военныхъ расходовъ, въ Германіи эта цифра возрастаетъ до 13 фр., въ Австріи—около 10 фр., въ Италіи—около 9 фр., во Франціи—около 18 фр. 25 сант. и въ Англіи—около 12 франковъ.

Другія европейскія государства не менѣе обременены тягостью военныхъ расходовъ. Такъ, военныя издержки Турціи достигаютъ 172.500.000 франковъ. Военный бюджетъ Даніи не превышаетъ, правда, 5.750.000 фр., но и эта сумма является относительно огромной для такой маленькой страны. Вообще всѣ второстепенныя европейскія государства расходуютъ на свои арміи 614.500.000 франковъ. Если прибавить эту цифру къ расходамъ вышепоименованныхъ европейскихъ державъ, то получится огромная сумма, безъ малаго пять милліардовъ франковъ, ежегодно расходуемыхъ Европою (не считая издержекъ на флотъ) на поддержаніе мира; если всѣ европейскія государства не выходятъ изъ долговъ, то, конечно, почти исключительно вслѣдствіе непосильныхъ военныхъ расходовъ. Каждую секунду Европа тратитъ на военное дѣло 137 фр. 50 сант.

Уже изъ этихъ общихъ цифръ понятно, сколько можетъ стоить всемірная война. Послѣдняя война Китая съ Японіей поглотила милліардъ 250 милл. франковъ. Въ случаѣ же европейской войны расходы достигнутъ 6 милліардовъ франковъ, къ которымъ еще слѣдуетъ прибавить неисчислимыя потери людьми и имуществомъ. Германія имѣетъ спеціально военный фондъ, хранимый въ Шпандау, въ 450 милл. фр.; но, конечно, это капля въ морѣ, если принять во вниманіе, что въ военное время германская армія въ недѣлю будетъ стоить 150 милл. фр.

Американскія республики ежегодно расходуютъ на военныя надобности около 525 милл. фр. Если прибавить къ этому военные расходы Европы, Азіи и Африки, то сумма въ 6 милліардовъ франковъ покажетъ близко къ истинѣ, сколько ежегодно расходуютъ всѣ государства земного шара на содержаніе своихъ армій.

Къ 70-лѣтнему дню рожденія Льва Толстого. 28-го августа исполнилось 70-лѣтіе рожденія Толстого и по случаю этого дня заграничные почитатели Толстого устроили цѣлый рядъ чествованій великаго писателя земли русской. Одинъ изъ нѣмецкихъ критиковъ, Левенфельдъ, составившій біографію Толстого, отправился къ нему въ «Ясную Поляну» и напечаталъ въ нѣмецкихъ газетахъ свои впечатлѣнія отъ этого визита. Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ его статьи, переведенной въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ». Толстой сейчасъ же началъ со своимъ гостемъ разговоръ на литературную тему. Онъ освѣдомленъ обо всемъ, что есть выдающагося въ Германіи и Франціи въ области литературы, а также, посколько возможно слѣдить издали, въ области искусства.

— Я многое читаю изъ новѣйшихъ произведеній вашихъ молодыхъ писателей. Пишутъ много и, очевидно, есть не мало свѣжихъ литературныхъ талантовъ. Но я знаю только одно произведеніе, которое болѣе всего меня тронуло, это—«Ткачи» Гергардта Гауптмана. Это настоящее искусство, почерпнутое изъ самаго сердца народа. Читали ли вы мое разсужденіе: «Что такое искусство?»— прервалъ самъ себя Толстой.

Я отвѣчалъ, что только теперь, на пути изъ Москвы въ Тулу, познакомился съ первыми главами.

— Видите ли,—продолжалъ Толстой,—я изложилъ тамъ методически свои взгляды по этому поводу. Мы всѣ заблуждаемся. Мы творимъ не для народа, а это вѣдь значитъ ошибаться на счетъ всей нашей задачи. Только гауптмановскіе «Ткачи» являются произведеніемъ, дающимъ высшее художественное отраженіе чувствъ народа, и притомъ въ формѣ, которая понятна для всякаго изъ народа.

Я спросилъ графа, читалъ ли онъ «Одинокихъ людей» (того же Гауптмана), которые мы въ Германіи особенно цѣнимъ. Онъ зналъ, если не ошибаюсь, всѣ драматическія произведенія Гауптмана, но относилъ ихъ къ тому роду искусства, который онъ теперь отвергаетъ.

— Видите ли, — продолжалъ Толстой, — для меня совершенно непонятно, почему нѣмцы ставятъ позднѣйшія произведенія Шиллера выше его первой работы—«Разбойниковъ». Во время болѣзни я эту вещь прочиталъ еще разъ. Вотъ это народное искусство! Никогда еще послѣ того Шиллеръ столь мощно не отражалъ паѳоса народной души

Толстой вообще бо́льшій поклонникъ Шиллера, чѣмъ Гёте. Основной моральный тонъ шиллеровскихъ произведеній ближе къ Толстому, чѣмъ возвышенное спокойствіе Гёте.

Д-ръ Лёвенфельдъ, стоящій въ настоящее время во главѣ Берлинскаго народнаго театра (Schiller-Theater) и вообще занимающійся организаціей разумныхъ развлеченій для народа, много говорилъ съ Толстымъ о своей дѣятельности. Я разсказалъ ему, говоритъ онъ, объ основаніи Шиллеровскаго театра, о моей четырехлѣтней дѣятельности, объ устраиваемыхъ нами вечерахъ поэтовъ, о развитіи дѣла народныхъ бесѣдъ въ Германіи, которымъ интересуется множество серьезныхъ людей. Въ этихъ стремленіяхъ есть нѣчто родственное Толстому, хотя они и отличаются отъ его ученія въ самомъ существенномъ пунктѣ. Какъ велика эта разница, сдѣлалось мнѣ ясно на слѣдующій день, когда онъ по прочтеніи отчета о нашей дѣятельности высказалъ мнѣ свой взглядъ.

— Все, что вы тамъ дѣлаете, я нахожу превосходнымъ, но вы, повидимому стремитесь къ удовлетворенію эстетическихъ потребностей. Мнѣ кажется, что вы достигнете большаго вліянія, если будете имѣть въ виду болѣе нравственныя цѣли, если вы рядомъ съ вашими вечерами, посвященными Шамиссо, Шиллеру, Ленау, будете посвящать также вечера какому-нибудь Эпиктету, какому-нибудь Сакьямуни, какому-нибудь Паскалю. Германія вѣдь такъ богата народными поэтами! Я просмотрѣлъ всю вашу книжку и не нашелъ Бертольда Ауэрбаха и Гебеля. Одно имя нашелъ я такое, которое мнѣ чуждо—Рейтеръ.

Ауэрбахъ и Гебель—любимые поэты Толстого съ ранней юности. Изъ мелкихъ стихотвореній Гебеля онъ и теперь еще знаетъ нѣкоторыя наизустъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ онъ привелъ въ Киссингенѣ въ восхищеніе кружокъ нѣмецкихъ друзей своимъ знакомствомъ съ нѣмецкими поэтами.

Интересны также разсказы Толстого объ его путешествіи въ Италію.

— Невозможно, чтобы вы, побывавъ въ Италіи, не видѣли Рима, — сказалъ Левенфельдъ. — Но объ этомъ нѣтъ нигдѣ и слѣда. И въ матеріалахъ, которыя я получилъ отъ графини въ 1890 году, ничего не было сказано о Римѣ.

— Я несомнѣнно былъ въ Римѣ, — отвѣчалъ Толстой. — Я очень хорошо знаю этотъ городъ и съ однимъ русскимъ художникомъ, имени котораго теперь не припомню, предпринималъ оттуда продолжительныя экскурсіи въ Неаполь, Помпею и Геркуланумъ. Мы сходились въ «Café Greco» и оттуда отправлялись въ путь. Благодаря своему многолѣтнему пребыванію въ Римѣ, онъ хорошо зналъ этотъ городъ.

Само собою разумѣется, что рѣчь зашла о сокровищахъ искусства, находящихся въ Римѣ.

— Долженъ сознаться, — сказалъ Толстой, — что античное искусство не произвело на меня необычайнаго впечатлѣнія, которому, повидимому, подчинялись всѣ вокругъ меня. Я тогда много говорилъ по этому поводу съ Тургеневымъ, я былъ убѣжденъ въ томъ, что классическое искусство слишкомъ уже высоко цѣнятъ. Тургенева я пытался убѣдить въ томъ, что у большинства людей вовсе нѣтъ собственнаго чувства къ поэзіи и искусству и что они большею частью говорятъ съ чужого голоса, съ голоса авторитета. Въ доказательство я посовѣтовалъ ему предложить большому количеству людей стихотвореніе Пушкина, которое само по себѣ очень красиво, но въ которомъ

есть довольно плохая строфа. Тотъ, кто не отличитъ тотчасъ же разницы между этой строфою и другими, тѣмъ самымъ засвидѣтельствуетъ, что у него нѣтъ тонкаго органа къ воспринятію искусства.

— Для меня, вообще,—продолжалъ Толстой,—человѣкъ представлялъ наибольшій интересъ. Въ томъ, что вы писали обо мнѣ, я прочелъ вчера замѣчаніе, которое мнѣ показалось удачнымъ. Вы говорите, что меня повсюду интересуетъ только человѣкъ; насколько это вѣрно, свидѣтельствуетъ мое пребываніе въ Римѣ. Когда я мысленно возвращаюсь къ тому времени, въ моей памяти пробуждается только одно маленькое событіе. Я предпринялъ со своимъ товарищемъ небольшую прогулку въ Монте-Пинчіо. Внизу, у подошвы горы, стоялъ восхитительный ребенокъ съ большими черными глазами. Это былъ настоящій типъ итальянскаго ребенка изъ народа. Теперь еще слышу его крикъ: «Daremi un baiocco». Все прочее почти исчезло изъ моей памяти. И происходитъ это потому, что я занимался народомъ больше, чѣмъ прекрасной природою, которая меня окружала, и произведеніями искусства.

Левенфельдъ разсказываетъ еще слѣдующій курьезный случай, бывшій съ Толстымъ.

Въ первый разъ «Плоды просвѣщенія» появились на сценѣ дворянскаго клуба въ Тулѣ. Толстой самъ руководилъ приготовленіями къ спектаклю, дочь его выступила въ качествѣ исполнительницы одной роли, всѣ вообще исполнители были не призванные артисты, а любители, а цѣль, само собою разумѣется, благотворительная. Одному изъ членовъ клуба пришлось играть роль слуги, который выбрасывалъ въ одной сценѣ мужиковъ изъ передней своего барина. Но онъ не могъ дѣйствовать такъ грубо, какъ требовалъ Толстой.

— Нѣтъ,—сказалъ Левъ Николаевичъ,—такъ нейдетъ. Это не вышвыриваніе. Вы должны налечь покрѣпче, какъ это только-что было продѣлано со мною.

И затѣмъ Толстой разсказалъ слѣдующее.

У дверей клуба, внизу, былъ поставленъ городовой съ приказомъ не впускать никого, кромѣ графа Толстого. Вдругъ онъ видитъ, къ своему величайшему удивленію, что подходитъ какой-то мужикъ въ полушубкѣ и безъ всякихъ разговоровъ направляется мимо него въ двери клуба. Возмущенный такою дерзостью, городовой приказываетъ ему остановиться, но мужикъ продолжаетъ спокойно подниматься вверхъ по лѣстницѣ. Не долго думая, озлобленный городовой кидается за нимъ, хватаетъ его за шиворотъ и, стащивъ съ лѣстницы, выбрасываетъ на улицу въ снѣгъ. Только тогда, когда мужикъ разъяснилъ ему, что онъ—авторъ драмы и тотъ именно Толстой, котораго ожидаютъ, городовой пропустилъ его въ двери.

— Видите,—закончилъ Толстой,—онъ съумѣлъ. Это я понимаю—вышвырнуть!

По словамъ Левенфельда, Толстой вовсе не производитъ впечатлѣнія 70-ти-лѣтняго старика. Видъ его очень бодрый, фигура—мощная, глаза—оживленные и блестятъ вѣчно-ровной добротою, бесѣда—живая, когда предметъ разговора его воодушевляетъ. Онъ и теперь, какъ много лѣтъ назадъ, проходитъ пѣшкомъ огромныя разстоянія, ѣздитъ верхомъ часокъ и затѣмъ возвращается къ обѣду. Работаетъ Толстой не меньше прежняго, а читаетъ даже больше, такъ какъ авторы посылаютъ ему свои произведенія со всѣхъ концовъ свѣта.

Изъ прошлаго. Въ «Русской Старинѣ» напечатана въ высшей степени интересная записка Кутузова, подъ заглавіемъ «Состояніе государства въ 1841 г.», поданная имъ императору Николаю I. Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ этой записки, пользуясь цитатами «Биржевыхъ Вѣдомостей». Кутузовъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее:

«При проѣздѣ моемъ по тремъ губерніямъ, по большимъ и проселочнымъ трак-

тамъ, въ самое лучшее время года, при уборкѣ сѣна и хлѣба, не было слышно ни одного голоса радости, не видно ни одного движенія, доказывающаго довольствіе народное. Напротивъ, печать унынія и скорби отражается на всѣхъ лицахъ. проглядываетъ во всѣхъ чувствахъ и дѣйствіяхъ. Помня тридцать лѣтъ тому назадъ, что это время года было торжество селянина, дни его радости, оглашаемой отъ зари утренней до зари вечерней пѣснями, — эта печать унынія была для меня поразительна, тѣмъ болѣе, что благословеніе Божіе лежало на поляхъ губерній, мною проѣханныхъ (Новгородской, Псковской и части Тверской): на нихъ красовались богатыя жатвы, обѣщавшія вознаградить труды землевладѣльца болѣе, чѣмъ обыкновенно вознаграждаетъ ихъ сѣверное небо нашей родины. Отпечатокъ этихъ чувствъ скорби такъ общъ всѣмъ классамъ, слѣды бѣдности общественной такъ явны, неправда и угнетеніе вездѣ и во всемъ такъ наглы и губительны для государства, что невольно рождается вопросъ: неужели все это не доходитъ до престола Вашего Императорскаго Величества? Вы не знаете причинъ бѣдствій народныхъ, Всемилостивѣйшій Государь: иначе скорбь бы его обратилась въ радость, бѣдность — въ избытокъ, неправда и угнетеніе — въ судъ правый и въ защиту слабаго отъ сильнаго. По чувству преданности къ пользамъ государства, я поставляю для себя священною обязанностью представить краткую, но вѣрную картину общественныхъ бѣдствій, открыть то зло, которое тяготѣетъ надъ землею русскою и которое грозитъ разрушеніемъ всѣхъ началъ государственнаго благоустройства».

Говоря о необыкновенной смертности въ арміи, Кутузовъ замѣчаетъ:

«Причины смертности и неспособности заключаются въ томъ, что: 1) рекрутъ, тотчасъ по приводѣ въ полки, подвергаютъ всѣмъ тягостямъ обученія, отчего между ними рождается болѣзнь, извѣстная подъ именемъ тоски по отчизнѣ, болѣзнь неизлѣчимая, ибо, истощая душевныя силы, уничтожаетъ силы физическія; 2) принята метода обученія, гибельная для жизни человѣческой. Солдата тянутъ вверхъ и внизъ въ одно время: вверхъ для какой-то фигурной стойки, внизъ для вытяжки ногъ и носковъ. Солдатъ долженъ медленно, съ напряженіемъ всѣхъ мускуловъ и нервъ,—вытянуть ногу въ половину человѣческаго роста, и потомъ быстро опустить ее, подавшись на нее всѣмъ тѣломъ: отъ этого вся внутренность растянутая и безпрестанно потрясаемая, производитъ чахотки и воспалительныя болѣзни, такъ что часто, повидимому, ничтожная болѣзнь превращается въ смертельную, потому что при поврежденіи внутренняго организма природа не можетъ сопротивляться и малѣйшему на нее нападенію.

«Къ этому, можно сказать, гибельному обученію присоединилась мысль пересоздать человѣка: требуютъ, чтобы солдатъ шагалъ въ $1^1/_2$ аршина, когда Богъ создалъ ему ноги шагать въ аршинъ! Слѣдовательно, къ растяженію внутренностей присоединилось растяженіе связокъ ножныхъ. Отъ этого войско не въ состояніи будетъ дѣлать тѣхъ изумительныхъ переходовъ, которые дѣлали солдаты временъ суворовскихъ, никогда, не имѣя отсталыхъ. Суворовъ говорилъ: «Солдата шагъ аршинъ, при захожденіи $1^1/_2$ аршина» Слѣдствіе нынѣ принятой методы обученія можно видѣть весною на площадяхъ: солдатъ, послѣ всѣхъ вытяжекъ и растяжекъ, повторяемыхъ нѣсколько разъ въ день, по 2 часа на пріемъ, идетъ въ казармы, какъ разбитая на ноги лошадь! Присоединивъ къ этому дурное лѣченіе и содержаніе солдатъ въ госпиталяхъ (изъ отчета арміи за 1837 г. видно, что въ госпиталяхъ умираетъ 15-й человѣкъ, а въ лазаретахъ 28-й), надо удивляться, что не половина войска ежегодно уничтожается. Люди тысячами гибнутъ безъ ропота, но и безъ славы, а народъ безпрестанно истощается рекрутскими наборами, повинностью самою тягостною и разорительною: она, выбирая изъ семействъ лучшихъ людей, приводитъ въ бѣдность и семейства, и государство, теряющее призводительныя силы безъ

пользы и славы для себя. И для чего эта огромная армія, когда она исчезаетъ отъ болѣзней, когда она, можно сказать, съѣдаетъ благосостояніе государства безъ славы и пользы для имперіи? Огромность арміи есть выраженіе не силы, но безсилія государства, котораго крѣпость и могущество заключается въ духѣ народномъ, въ его преданности и любви къ правительству».

Интересны также замѣчанія Кутузова о голодѣ 1841 г.

«Бѣдствіе было ужасное! Но развѣ голодъ вдругъ упалъ съ неба? Нѣтъ, еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1839 г. въ нихъ (въ губерніяхъ) ѣли жолуди, не было ни всходовъ на поляхъ, ни хлѣба, ни овощей, голодъ представлялся вездѣ и во всемъ, а въ Петербургѣ узнали объ этомъ уже въ маѣ 1840 г., когда цѣлыя селенія заражены были повальными болѣзнями, когда уже тысячи умирали въ мученіяхъ, когда младенцы умирали у грудей матерей, находя въ нихъ не жизнь, а заразу смерти! Причина столь предосудительной невнимательности заключается въ вышесказанной истинѣ, что все вниманіе главныхъ (начальниковъ) обращено на очистку бумагъ, для представленія въ отчетахъ блестящей дѣятельности, когда сущность управленія въ самомъ жалкомъ положеніи.

«Но это губерніи отдаленныя; о нихъ только слышно, а не видно. Конечно, въ столицѣ болѣе попечительности о бѣдномъ классѣ народа? Два примѣра докажутъ эту попечительность. Нынѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, я самъ покупалъ лучшую говядину по 17 коп. за фунтъ, а при мнѣ же съ бѣднаго взяли по 20 коп. за самую худшую, потому что онъ бралъ только 1$^1/_2$ фунта; по лицу и одеждѣ его можно было видѣть, что онъ платилъ послѣднія деньги, можетъ быть, не имѣя болѣе и копейки, чтобы купить соли. Слѣдовательно, вся тягость падаетъ на бѣдный классъ народа; купецъ правъ: онъ бралъ съ бѣднаго тремя копейками болѣе, потому что такса была въ 22 съ половиною коп. за фунтъ, а виновато начальство. Послѣ уничтоженія лажа на серебро, с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, созвавъ содержателей торговыхъ бань, спросилъ ихъ: «почемъ вы будете брать за бани, за которыя брали по 40 коп. асс. съ человѣка?». Хозяева лучшихъ бань отвѣчали: «мы брали по гривеннику серебромъ на старый курсъ, по гривеннику же будемъ брать по новому курсу». Тогда, вмѣсто одобренія, онъ отвѣчалъ: «теперь все дорого, можно брать по 15 коп. сер. (т. е. по 52 коп. на мѣдь), только не прибавляйте цѣны на солдатъ». Отчего же такая попечительность о пользахъ баньщиковъ? — у его зятя были двѣ торговыя бани. Лучше бы обратить вниманіе на то, что бѣдный народъ мретъ тысячами, не имѣя пристанища и помощи въ болѣзни, ибо на 500 тысячъ жителей столицы, только 1.300 кроватей въ мужскихъ больницахъ. Это бездѣлицы, но онѣ, доказывая попечительность начальства, прямо касаются до благосостоянія низшаго класса народа, бездѣлицы, которыми не пренебрегали ни Петръ Великій, ни Екатерина. Петръ лично наблюдалъ за составленіемъ цѣнъ на съѣстные припасы, обращалъ вниманіе на мануфактурныя произведенія и препятствовалъ возвышенію на нихъ цѣны».

Одна изъ главныхъ причинъ бѣдствій, угнетавшихъ тогдашнюю Россію, заключается, по мнѣнію Кутузова, въ «бумажности», въ канцелярщинѣ, господствующей въ государственномъ управленіи. Такъ, по его словамъ, учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ повлекло за собой открытіе трехъ новыхъ бумажныхъ фабрикъ. И эта бумажность ровно никакой пользы не приноситъ, а одинъ только вредъ.

Передъ казнью. Профессоръ Ивановскій, путешествовавшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ по сѣверо-западной Монголіи, описываетъ въ «Русск. Вѣд.», какъ онъ чуть было не поплатился жизнью за свое желаніе собрать коллекцію череповъ для московскаго антропологичтскаго музея. Мѣстомъ для изслѣдованія

была назначена область Кобонъ-Цари. Изъ пограничнаго съ Китаемъ Зайсанскаго поста, путешественникъ заѣхалъ въ китайскій городъ Чугучакъ и чрезъ посредство живущаго въ этомъ городѣ нашего консула получилъ отъ китайскаго «хебей-амбаня» (губернатора) разрѣшеніе на свободный проѣздъ въ Монголію и на производство тамъ изслѣдованій. «Хебей-амбань» оказалъ ему самое широкое содѣйствіе. Онъ выдалъ на китайскомъ, монгольскомъ и киргизскомъ языкахъ видъ, въ которомъ строго приказывалось всюду пропускать путешественника, давать ночлегъ и пищу, вообще всячески содѣйствовать безопасности и удобствамъ путешествія, съ угрозою наказанія всѣмъ тѣмъ, кто въ какомъ-либо отношеніи не исполнитъ приказа «хебей-амбаня». Одного не разрѣшалъ и не совѣтовалъ дѣлать губернаторъ,—собирать черепа. Монголы-торгоуты умершихъ своихъ не хоронятъ, а прямо бросаютъ на земной поверхности, причемъ, по вѣрованіямъ торгоутовъ, чѣмъ скорѣе трупъ покойника будетъ съѣденъ собаками, тѣмъ святѣе, значитъ, былъ умершій. Если же трупъ остается нетронутымъ собаками въ теченіе цѣлой недѣли, покойникъ считается большимъ грѣшникомъ, и по немъ не справляютъ никакой тризны. Самое собираніе торгоутскихъ череповъ не можетъ представлять никакихъ трудностей. «Но,—говорилъ губернаторъ, — несмотря на кажущееся пренебрежительное отношеніе торгоутовъ къ своимъ умершимъ, они чтутъ прахъ ихъ, и увозъ череповъ они сочтутъ за страшное оскорбленіе, за которое, изъ боязни возмездія со стороны умершихъ предковъ, они непремѣнно должны отомстить. А наилучшее отмщеніе, по ихъ мнѣнію, сами знаете,—голову долой»... Когда же г. Ивановскій продолжалъ настаивать на необходимости и важности для ного собрать подобную коллекцію «хебей-амбань», съ сожалѣніемъ качая головой, закончилъ разговоръ словами: «Дѣлайте, какъ хотите, но знайте, что бы ни случилось съ вами, я слагаю съ себя всякую отвѣтственность и впередъ во всемъ умываю руки».

Ученый, однако, не послушалъ совѣта губернатора и не удержался отъ соблазна. Искушеніе было слишкомъ велико, пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, и я поддался ему. Кругомъ — степь широкая, необозримая. Нигдѣ, кромѣ насъ, не видать ни души. Черепа лежатъ такіе бѣленькіе, чистенькіе, съ такими характерными для монголовъ формами, съ такими интересными аномаліями, такъ и просятся въ мѣшки, благо ихъ наготовлено много. Не помню, какъ очутился въ мѣшкѣ первый черепъ, но знаю, что скоро же онъ оказался въ сообществѣ другого, тамъ—третьяго, и мои мѣшки быстро начали наполняться ими, черезъ нѣсколько дней число ихъ доходило уже до ста. Необходимо было съ такимъ необычнымъ багажемъ принимать нѣкоторыя мѣры предосторожности. Особенно легко было выдать себя при остановкахъ на ночлегъ. Достаточно было во время моего сна какому-нибудь любознательному торгоуту заглянуть въ содержимое моихъ мѣшковъ, и бѣда неминуемая. На совѣтѣ съ моимъ спутникомъ-киргизомъ, который проклиналъ свое существованіе изъ-за этихъ череповъ и безпрестанно убѣждалъ меня бросить всю эту «дрянь», мы рѣшили, во-первыхъ, дѣлать остановки возможно позже, уже съ наступленіемъ ночи, и, во-вторыхъ, завидѣвъ огоньки въ какомъ нибудь аулѣ, не ѣхать прямо къ нему, а, объѣхавъ его стороной, спрятать мѣшки гдѣ-либо впереди нашего завтрашняго пути и уже безъ нихъ подъѣзжать къ аулу, а на другой день, отправляясь въ дальнѣйшій путь, снова брать ихъ съ собою. Такой маневръ съ полнымъ успѣхомъ практиковался нами въ теченіе нѣсколькихъ дней. Но наканунѣ того дня, въ который мнѣ пришлось пережить тяжелыя минуты осужденнаго на смертную казнь, намъ не удалось прибѣгнуть къ обычному нашему маневру, и мы должны были подъѣхать къ аулу съ нашимъ «черепнымъ» багажемъ.

За часъ-два до наступленія ночи насъ нагнали трое всадниковъ-торгоутовъ. Поздоровались, разговорились (по-киргизски). Оказалось, они возвращаются домой,

въ аулъ, лежащій впереди верстъ на десять. Начались усердныя приглашенія заѣхать переночевать къ нимъ. Я все время отказывался, но когда показался аулъ, торгоуты почти силою затащили меня въ него, и мы волей-неволей должны были развьючивать своихъ лошадей. Всѣ вещи внесли въ кибитку, исключая мѣшковъ съ черепами, которые я велѣлъ своему киргизу положить гдѣ-либо около кибитки, укрывъ ихъ хорошенько войлокомъ. Никто изъ торгоутовъ весь вечеръ ничего объ этихъ мѣшкахъ меня не спрашивалъ. Далеко за полночь затянулись угощеніе и оживленная бесѣда, прерываемая иногда пѣніемъ и игрою на двухструнномъ инструментѣ, вродѣ нашей балалайки, и только когда уже начала брезжиться утренняя заря, я, измученный длиннымъ дневнымъ переѣздомъ, заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Было часовъ шесть утра, когда я проснулся на другой день. Первымъ моимъ дѣломъ было попросить хозяйку вскипятить намъ въ котлѣ чаю. Она какъ-то неохотно начала приготовлять его. Я задалъ ей нѣсколько вопросовъ, она ничего мнѣ не отвѣтила. Мужа ея, несмотря на ранній часъ и любовь торгоута подольше поспать, въ кибиткѣ не было, Напившись чаю, мы начали готовиться къ дальнѣйшему пути; насъ, противъ обыкновенія, ни мало не удерживали. Когда мы, засѣдлавъ и навьючивъ лошадей, хотѣли зайти въ кибитку проститься съ хозяйкой и поблагодарить ее, насъ не пустили туда собаки, съ лаемъ накинувшіяся на насъ. Никто не окликнулъ и не остановилъ ихъ. Мы сѣли на лошадей и тронулись въ путь.

Все происшедшее показалось намъ очень подозрительнымъ. Мой спутникъ-киргизъ первый высказалъ предположеніе, что торгоуты увидали наши черепа и насъ, вѣроятно, ждетъ бѣда. Опасенія его скоро сбылись. Не успѣли мы отъѣхать отъ аула верстъ пяти—шести, какъ увидали несущееся на насъ сзади громадное облако пыли. Въ первую минуту я рѣшилъ было бросить вьючныхъ лошадей и самимъ спасаться бѣгствомъ, на тотчасъ же созналъ всю безполезность такого рѣшенія. Мы остановились. Облако приближалось и росло все болѣе и болѣе. Стали ужъ слышны раздававшіеся въ немъ крики. Я велѣлъ своему киргизу приготовить револьверъ и побольше запасныхъ пуль. Самъ сдѣлалъ то же. Едва мы успѣли окончить свои приготовленія, какъ громадная толпа торгоутовъ человѣкъ 60—70, съ страшнымъ крикомъ налетѣла на насъ. «Убить, убить!»—раздавалось со всѣхъ сторонъ. Я выхватилъ револьверъ, рѣшившись защищаться до послѣдней возможности, но послѣ перваго же выстрѣла чей-то сильный ударъ по рукѣ вышибъ его у меня. Я схватился за висѣвшее на спинѣ ружье, но тотчасъ же его выдернули у меня съ такой силой, что я не могъ усидѣть на лошади и вылетѣлъ изъ сѣдла. Въ одно мгновеніе на меня насѣло нѣсколько человѣкъ и стали вязать сзади руки, прикручивая ихъ къ ногамъ. Киргиза моего также сбросили съ лошади, и я видѣлъ, какъ удары нагаекъ посыпались на него. Связавъ, его подтащили ко мнѣ и поставили рядомъ. «Убить, убить ихъ, собакъ!»—продолжали раздаваться со всѣхъ сторонъ голоса. Я видѣлъ, какъ нѣкоторые съ обнаженными саблями и ножами бросались въ нашу сторону, но другіе ихъ удерживали».

Г-нъ Ивановскій описываетъ страшныя минуты, перенесенныя имъ въ ожиданіи казни: онъ какъ будто впалъ въ полу-обморокъ, и ему мерещилась казнь солдата, на которой ему недавно пришлось присутствовать въ Китаѣ.

«Страшно, жутко... Что-то съ острою, щемящею болью кольнуло въ сердце, заставивъ застонать... И оно перестало биться. Я силюсь услышать хоть малѣйшій, самый слабый ударъ его и—напрасно. Оно какъ будто сжато какими то тисками. И вдругъ стало лучше, легче... Какого-либо страха какъ не бывало. Да, мнѣ спокойнѣе... Я началъ всматриваться въ возбужденныя лица окружавшей толпы. «Кто-то изъ нихъ будетъ палачомъ?»—подумалось мнѣ. Должно быть, вотъ этотъ молодой, здоровый торгоутъ. Съ какою злобою, съ

какою ненавистью онъ смотритъ на меня! Онъ уже скинулъ халатъ, оставшись въ одной рубахѣ; рукава ея засучены; по лицу крупными каплями катится потъ; глаза горятъ какимъ-то особенно ненавистнымъ огонькомъ; рука крѣпко сжала саблю и только ждетъ, чтобы размахнуться ей и молодецкимъ ударомъ снести голову. Минута—и нѣтъ головы, смерть... А кто изъ насъ думаетъ о ней?.. Вотъ... конецъ... Блеснула высоко поднятая сабля... Я закрылъ глаза и мысленно прощаюсь со всѣми... Я долго-долго лечу въ какую-то глубокую пропасть и, наконецъ теряю сознаніе... Но что это?.. Кажется я еще живъ... Я дѣлаю усиліе, чтобы пошевелиться, щиплю пальцами руку... Ничего не ощущаю... Живъ я или мертвъ?.. На мгновеніе открываются глаза. Да, я еще живъ... Но меня вѣдь должны казнить?.. Что же они медлятъ?.. Мнѣ кажется, что меня, поставивъ на ноги, быстро-быстро вертятъ... На нѣсколько секундъ я опять потерялъ сознаніе... Я снова въ Дорбульджинѣ и вторично присутствую на видѣнной уже мною казни солдата. Съ поразительной ясностью встаетъ опять передъ моими глазами вся картина. Ясный, тихій вечеръ... на небѣ ни облачка... Солнце не жжетъ, а только сладко пригрѣваетъ. На городской площади тысячная толпа, но кругомъ мертвая тишина. Все замерло. Ни звука. Осужденный на казнь солдатъ стоитъ такъ же на колѣняхъ, со связанными руками, какъ теперь стою и я. Его широко открытые глаза неподвижно устремлены вдаль, въ разстилающуюся передъ нимъ широкую, безпредѣльную степь, гдѣ такой просторъ, гдѣ столько воли, свободы. Но вотъ раздается громкій пушечный выстрѣлъ. Это—сигналъ къ началу казни. Взвивается сабля палача, и... нѣтъ человѣка, на землѣ лежитъ уже обезглавленный трупъ, извивающійся какъ змѣя, въ страшныхъ судорогахъ... И какъ въ первый разъ, рядомъ съ казненнымъ опять появляется тотъ молодой батырь-киргизъ, который, твердо вѣруя, что, если онъ выпьетъ крови другого человѣка, то сила и храбрость его удвоится, тотчасъ же за отсѣченіемъ головы съ жадностью бросился пить бившую фонтаномъ изъ горла казненнаго кровь... Неужели какой-нибудь несчастный изувѣръ будетъ пить и мою кровь?.. А впрочемъ, пусть, вѣдь я тогда, все равно, не буду чувствовать... Мнѣ показалось, что надъ моей шеей блеснула сабля... Поскорѣе бы ужъ...»

«Слава Аллаху!.. Слава Аллаху! Насъ не убьютъ!» вдругъ воскликнулъ сопровождавшій путешественника молодой киргизъ. Оказалось, что торгоуты послѣ оживленныхъ споровъ и яростныхъ угрозъ рѣшили арестовать «виновнаго», опасаясь, что имъ придется заплатить большой «кунъ»—штрафъ за убитаго. Но когда изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выяснилось, что у г. Ивановскаго имѣется паспортъ отъ амбаня, то киргизы отпустили задержанныхъ, но череповъ имъ все-таки не отдали.

За границей.

Китай и Японія. Вниманіе всей европейской читающей публики до такой степени поглощено въ настоящее время животрепещущимъ дѣломъ Дрейфуса, что всѣ остальныя событія проходятъ почти незамѣченными. Между тѣмъ, помимо характерной борьбы, происходящей во Франціи между общественнымъ мнѣніемъ и диктатурою военной власти, наступающій политическій сезонъ ознаменовался нѣсколькими выдающимися событіями, которыя могутъ имѣть весьма важныя послѣдствія въ политическомъ отношеніи. Возбужденіе критскаго вопроса, покореніе Судана и цѣлый рядъ конфликтовъ, возникшихъ въ разныхъ частяхъ свѣта и между разными государствами, страннымъ образомъ совпадаетъ съ разговорами о разоруженіи и созваніи конференціи мира. Во всякомъ случаѣ все

это указываетъ, что горючаго матеріала всюду накопилось очень много, и прежде чѣмъ наступитъ эра всеобщаго примиренія, придется потратить не мало труда, чтобы уладить всѣ разногласія. Но если бы даже и удалось достигнуть въ Европѣ, не только въ теоріи, но и на практикѣ, рѣшенія нѣкоторыхъ жгучихъ политическихъ вопросовъ, то тамъ, на дальнемъ Востокѣ, дѣла усложняются такимъ образомъ, что можно ожидать цѣлый рядъ новыхъ столкновеній и сюрпризовъ съ этой стороны. Недавно получено было извѣстіе о переворотѣ въ Китаѣ, общія причины котораго еще недостаточно выяснены, но во всякомъ случаѣ уже теперь можно сказать, что онъ составляетъ результатъ торжества старокитайской партіи, противящейся слишкомъ быстрому превращенію Китая въ цивилизованное государство. Примѣръ Японіи у всѣхъ передъ глазами. Россіи, ближайшей сосѣдкѣ Китая, конечно, было бы невыгодно, если бы Китай пошелъ по слѣдамъ Японіи и быстро усвоилъ бы себѣ западную цивилизацію. Поэтому, когда Китай, потерпѣвшій жестокое пораженіе въ войнѣ съ Японіей, понялъ, наконецъ, что все его величіе и могущество носитъ призрачный характеръ и рѣшилъ сдѣлать нѣкоторыя уступки современнымъ требованіямъ цивилизаціи, то немедленно возникло нѣчто вродѣ состязанія и три державы, Россія, Англія и Японія, стали добиваться того, чтобы взять Китай подъ свою опеку. Молодой китайскій императоръ—Квангъ-Су, которому исполнилось 26 лѣтъ, въ началѣ какъ будто даже склонялся въ пользу партіи реформъ, поддерживаемой англичанами и во главѣ которой находился его ближайшій совѣтникъ Канъ-Юмей. Англійское вліяніе усилилось и результатомъ его явилось проведеніе нѣсколькихъ новыхъ желѣзнодорожныхъ путей въ Китаѣ (первая китайская желѣзная дорога была проведена въ 1890 году) и разныя административныя реформы, открывшія европейцамъ болѣе широкій доступъ въ Китай и расширившія условія внѣшней торговли.

Но англичане домогались, конечно, болѣе широкихъ реформъ и полнаго и безусловнаго открытія всѣхъ портовъ для внѣшней торговли. Съ этою цѣлью, когда Лихунгъ-Чангъ пріѣхалъ въ Лондонъ, то его старались убѣдить въ необходимости слѣдовать политикѣ сближенія съ Англіей и Японіей и заключить съ этими двумя державами нѣчто вродѣ тройственнаго союза. Хитрый китайскій государственный дѣятель, котораго даже называютъ «китайскимъ Бисмаркомъ», перебывалъ во всѣхъ главныхъ европейскихъ дворахъ и вездѣ внимательно слушалъ и обѣщалъ. Въ каждомъ государствѣ, послѣ его отъѣзда, были увѣрены, что заключили съ нимъ выгодный договоръ и что содѣйствіе его обезпечено.

Такъ думали и въ Англіи. Всѣ были увѣрены, что Лихунгъ-Чангъ, стоящій во главѣ европейской партіи въ Китаѣ, конечно, сдѣлается союзникомъ англичанъ. Но тутъ англичане, повидимому, ошиблись. Въ это время въ Китаѣ совершился цѣлый рядъ событій, исходнымъ пунктомъ которыхъ сдѣлалась оккупація порта Кіао-Чау нѣмцами, вслѣдъ за которыми и всѣ остальныя европейскія державы потребовали для себя разныхъ уступокъ отъ Китая. Въ европейской печати даже былъ поднятъ вопросъ о раздѣленіи «китайскаго наслѣдства», но пока шли эти теоретическіе разговоры, Лихунгъ-Чангъ выбралъ среди претендентовъ на это «наслѣдство» Россію, вѣроятно, внушавшую ему меньше опасеній, нежели прочія державы. Русское вліяніе стало какъ будто увеличиваться, но вдругъ наступила какая-то перемѣна при дворѣ и Лихунгъ-Чангъ слетѣлъ. Былъ ли «китайскій Бисмаркъ» дѣйствительно другомъ Россіи или онъ поступалъ совершенно такъ же, какъ «честный маклеръ», служившій ему образцомъ, объ этомъ трудно судить въ виду слишкомъ неясныхъ и противорѣчивыхъ извѣстій изъ Китая, появляющихся въ европейской печати. Какъ бы тамъ ни было, но съ его отставкой въ Россіи возникли опасенія, что въ Китаѣ восторжествуютъ англійскіе интересы. Опасенія эти еще усилились, когда про-

несся слухъ, что въ Пекинъ отправляется японскій дипломатъ Ито, съ цѣлью предложить китайскому правительству свое содѣйствіе въ дѣлѣ проведенія реформъ. Въ англійской печати стали говорить о томъ, что Японія вступаетъ съ Китаемъ въ союзъ и что китайскій императоръ проектируетъ цѣлый рядъ новыхъ реформъ, подъ руководствомъ своего ближайшаго совѣтника Канъ-Юмея. Но старокитайская партія при дворѣ, поддерживаемая русскими дипломатами, очевидно, не дремала и подготовляла гибель этихъ проектовъ. На помощь ей подоспѣли волненія въ Хуннанѣ. Стали распространяться слухи о сильномъ антидинастическомъ движеніи, охватившемъ провинціи на сѣверѣ. Молодой императоръ Куангъ-Су,—что означаетъ по китайски «блестящій успѣхъ»,—никогда не отличавшійся твердостью воли, очевидно, струсилъ. Ему поставили на видъ, что народъ противится введенію западныхъ реформъ и что его сближеніе съ Англіей можетъ быть пагубно для Китая. Вѣроятно, на слабовольнаго императора, раньше находившагося подъ весьма сильнымъ вліяніемъ своей матери, около которой группировалась старокитайская партія, было произведено давленіе и онъ вынужденъ былъ издать указъ о возстановленіи регентства императрицы, на томъ основаніи, что она уже однажды правила государствомъ въ смутныя времена. Теперь именно и настало такое смутное время; только что начавшееся было движеніе впередъ пріостановилось, но настолько ли силенъ тормазъ, чтобы задержать его совсѣмъ—узнаемъ въ близкомъ будущемъ.

Такимъ образомъ въ Китаѣ сталкиваются въ данную минуту преимущественно интересы Англіи и Россіи, и борьба этихъ интересовъ оказываетъ задерживающее вліяніе на ходъ прогресса. Впрочемъ, превращеніе Китая въ настоящее цивилизованное государство, благодаря его близкому сосѣдству и сношеніямъ съ Россіей, не можетъ совершиться такъ же быстро и незамѣтно, какъ оно совершилось въ Японіи. Только послѣ японско-китайской войны Европа къ своему удивленію замѣтила, что на дальнемъ Востокѣ образовалось мощное молодое государство, необыкновенно быстро усвоившее себѣ весь европейскій прогрессъ. Уже теперь ученики, т. е. японцы, во многомъ сравнялись, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже перегнали своихъ учителей европейцевъ. Между Японіей 1871 года, когда былъ окончательно свергнутъ деспотизмъ и феодальный режимъ, и нынѣшнею современною Японіей существуетъ неизмѣримая разница. Надо удивляться только, какъ быстро народъ освоился съ новымъ положеніемъ вещей и научился сознавать свои права. Врядъ ли даже въ Америкѣ можно найти другой такой примѣръ необычайно быстраго развитія промышленности, торговли, желѣзныхъ дорогъ и всевозможныхъ новыхъ учрежденій, въ томъ числѣ печати и парламентскаго режима, какой мы встрѣчаемъ въ Японіи. Народное образованіе также сдѣлало огромные успѣхи въ этотъ короткій промежутокъ времени и Японія уже въ правѣ гордиться своими народными школами и университетами. Въ этомъ году даже поднятъ былъ вопросъ объ учрежденіи въ Токіо женскаго университета. Японскій ученый Нисо Наруссе высказался публично въ пользу этой мысли на одномъ большомъ многолюдномъ митингѣ въ Осака и митингъ почти единогласно вотировалъ открытіе «японскаго университета для женщинъ». Въ преніяхъ, происходившихъ по этому вопросу на митингѣ, принимали участіе присутствовавшіе тутъ же многіе изъ высшихъ придворныхъ сановниковъ и государственныхъ дѣятелей, между прочимъ, министры иностранныхъ дѣлъ и просвѣщенія и друг. Самъ японскій императоръ относится къ этому вопросу очень сочувственно и въ особенности его жена заинтересована этими планами и принимаетъ горячее участіе въ ихъ осуществленіи. Очевидно, современное женское движеніе захватило и Японію и уже успѣло кое-чего достигнуть, несмотря на свое кратковременное и недавнее существованіе.

Пытки въ современной Испаніи. За послѣднее время случились въ Испаніи событія. обратившія всеобщее вниманіе на эту отдаленную и малоизвѣстную у насъ страну. Въ дѣлѣ испано-американской войны почти всякій мыслящій человѣкъ является, по самымъ различнымъ соображеніямъ, горячимъ сторонникомъ той или другой стороны. Въ виду этого не безынтересной показалась намъ корреспонденція изъ Парижа, помѣщенная въ польскомъ журналѣ «Правда» и касающаяся одной изъ темныхъ сторонъ внутренней политики Испаніи. Корреспонденцію эту въ близкомъ къ подлиннику переводѣ мы и предлагаемъ читателямъ «Міра Божія», надѣясь, что она многое скажетъ сердцу и уму людей, которымъ дороги интересы тѣхъ элементарныхъ правъ личности, безъ которыхъ немыслима въ настоящее время никакая соціальная жизнь.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1898 года происходила грандіозная манифестація въ городѣ Барцелонѣ. Десять тысячъ человѣкъ подъ сѣнью тридцати знаменъ вышли изъ театра Тиволи, а затѣмъ отправились къ городскому мэру и передали ему петицію о возбужденіи судебнаго преслѣдованія по поводу пытокъ, которыя были примѣнены въ тюрьмѣ Монтгюихъ и другихъ. Одновременно двѣ петиціи объ оказаніи содѣйствія были вручены консуламъ французскому и англійскому.

Вотъ уже пять мѣсяцевъ, какъ раздаются эти требованія: послѣ смерти Кановаса болѣе честные элементы, оправившись немного, взяли на себя задачу пролить свѣтъ на это позорное дѣло. Впрочемъ, оно не составляетъ ни для кого въ Испаніи, и даже за границами ея, никакой тайны; въ газетахъ печатались письма пытанныхъ; въ Англіи, во Франціи, Голландіи и Бельгіи состоялось за послѣдніе два года множество митинговъ, на которыхъ раздавались протесты противъ этого позора девятнадцатаго вѣка. Въ Австріи престарѣлый Фридрихъ Шпильгагенъ помѣстилъ въ «Neues Wiener Tagblat», читанную нарасхватъ статью: «Не истязай!» У одного лишь Сагасты не хватаетъ смѣлости заклеймить недостойные поступки своего предшественника.

На путь великихъ инквизиторовъ Кановасъ вступилъ еще въ 1892 году, когда возникли безпорядки среди крестьянъ въ Андалузіи. Четверо поплатились тогда жизнью, многихъ другихъ постигли суровыя кары.

Но что особенно заслуживаетъ нашего вниманія, это муки, которымъ подвергали подсудимыхъ. Одинъ изъ разстрѣлянныхъ, Царцуэлла, успѣлъ предать ихъ гласности передъ своею смертью. На другой день послѣ казни пятый подсудимый, крестьянинъ Каро, умеръ отъ перенесенныхъ имъ пытокъ. Въ послѣднее время Торридо-дель Мармоль въ недавно изданномъ своемъ сочиненіи: «Испанскіе инквизиторы» («Les inquisiteurs d'Espagne». Paris,1898) опубликовалъ письмо двадцатичетырехъ-лѣтняго парикмахера, Ламелли, который былъ разстрѣлянъ. Вотъ что пишетъ этотъ несчастный за двѣ недѣли до смерти:

«Двадцать второго января меня и моего товарища, Діаца, повели въ казармы. Тамъ разлучили насъ, и спустя нѣсколько минутъ я услышалъ раздирающіе душу крики несчастнаго Діаца. Минутъ десять спустя ввели и меня въ камеру, которую только что покинулъ мой товарищъ. Тогда одинъ изъ судей, предварительно избивши меня, велѣлъ мнѣ дать показанія. которыя я считалъ совершенно ложными; когда же я отказался, меня подвѣсили къ потолку и били розгами до тѣхъ поръ, пока я не лишился чувствъ».

Послѣ андалузскихъ безпорядковъ наступила очередь извѣстныхъ анархистскихъ покушеній. вслѣдъ за которыми испанскія тюрьмы переполнились заподозрѣнными лицами. Не будемъ входить здѣсь въ излишнія подробности, приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ, что реакція въ Испаніи глумится надъ всѣми требованіями современнаго гуманитарнаго законодательства.

Въ 1893 году былъ арестованъ нѣкто Серецуэлла, котораго первымъ дѣломъ подвергли пыткамъ. Передъ своею смертью несчастный успѣлъ переслать въ редакцію республиканской газеты «El País» въ Мадридѣ слѣдующее письмо:

«Двадцатаго декабря 1893 г., въ 2 часа утра, два жандарма съ офицеромъ пришли за мною въ тюрьму и связаннаго повели на берегъ моря, Тамъ они на моихъ глазахъ зарядили ружья и пригрозили, что я буду немедленно разстрѣлянъ, если не скажу всего, чего отъ меня потребуетъ офицевъ. Я отказался; тогда они начали меня страшно бить. Въ изступленіи я бросился въ море, но меня вытащили и повели въ префектуру. Пять дней и шесть ночей меня принуждали кнутомъ ходить безъ остановки. Единственную пищу, которую мнѣ подавали, составлялъ хлѣбъ и вяленая селедка безъ капли воды. Кромѣ того, по цѣлымъ часамъ меня подвѣшивали къ потолку и нѣсколько разъ продѣлывали всевозможныя мученія. Наконецъ, я сказалъ все, чего добивались, и въ минуту слабости подписалъ свои показанія».

Не слѣдуетъ думать, что описанныя только-что пытки являются какимъ-нибудь новшествомъ. Принужденіе къ безостановочной ходьбѣ и недопусканіе спать составляло всегда одну изъ любимѣйшихъ пытокъ средневѣковыхъ инквизиторовъ. Приведемъ отрывокъ изъ книги Делакруа (Delacroix. «Les procès de sorcellerie à XVIII siècle». Paris, 1896), касающейся исторіи преслѣдованія вѣдьмъ.

«Италія является родиной—пишетъ одинъ изъ тогдашнихъ инквизиторовъ,—еще болѣе счастливаго изобрѣтенія. Марзиль выдумалъ вполнѣ безвредное средство, чтобы принудить подсудимыхъ ко всякаго рода показаніямъ, не прибѣгая къ дробленію рукъ и ногъ. Онъ приказывалъ обвиняемому садиться на скамью между двумя палачами, которые не давали ему спать ни днемъ, ни ночью. Когда же они утомлялись сами, когда ихъ самихъ клонило ко сну, мѣсто ихъ занимали другіе. Такъ продолжалось всего двѣ ночи и одинъ день. Какъ только пытаемый склонялъ голову, не будучи въ состояніи противостоять сну, палачи немедленно будили его ударами по головѣ. Никакая сила характера не могла противостоять этой гуманной пыткѣ, и подвергнутые ей обвиняемые показывали все, чего отъ нихъ требовали.

Въ Англіи же извѣстный судья вѣдьмъ, Матѳей Гоптэисъ, принуждалъ заключенныхъ ходить до тѣхъ поръ, пока кожа на подошвахъ не стерлась совершенно. Страданія были на столько мучительны, что пытаемые чуть не сходили съ ума».

Но самыми позорными были дѣйствія испанскаго правосудія въ дѣлѣ въ Монтгюихъ 1896 г. Въ праздникъ Божьяго Тѣла (Corporis Christi, 24 іюня н. ст.), во время крестнаго хода неизвѣстно кто бросилъ двѣ динамитныя бомбы. «Libre Parole», обыкновенно прекрасно освѣдомленная объ испанскихъ дѣлахъ, утверждаетъ, что виновникъ покушенія безнаказанно пребываетъ заграницей; во всякомъ случаѣ, изъ числа пяти, разстрѣлянныхъ въ маѣ 1897 г., никто не находился съ нимъ въ сношеніяхъ. Ашери принялъ на себя вину, но—согласно его показаніямъ на судѣ—лишь подъ вліяніемъ пытокъ.

Упомянутый выше Торрида дель-Мармоль публикуетъ письмо еще одной изъ жертвъ этого дѣла, нѣкоего Моласа:

«Вотъ описаніе моихъ пытокъ: Шестого августа 1896 г., въ три четверти десятаго утра, надзиратель Майансъ заковалъ меня и приказалъ мнѣ ходить скорымъ шагомъ вплоть до четырехъ часовъ пополудни слѣдующаго дня.

Въ это время я не могъ болѣе двигать ногами. Тогда надзиратель Парильясъ вошелъ въ мою камеру и ударилъ меня не менѣе двадцати разъ рукояткой кнута. Въ девять часовъ вечера еще одинъ изъ нихъ, Каррерасъ, опять билъ меня, причемъ еще болѣе жестоко, чѣмъ предъидущіе. Я пытался лишить себя жизни, ударяя головой о каменную амбразуру окна и упалъ, обливаясь кровью. На мой крикъ: «палачи! убійцы!» явился офицеръ Портасъ съ восьмью надзирателями. На его вопросъ о причинѣ моего крика я разсказалъ ему о случившемся. Тогда меня стали бить кнутами куда попало.

Пока я лежалъ на полу, Майансъ затыкалъ мнѣ ротъ, причемъ билъ меня кулаками по лицу, чтобы принудить разомкнуть челюсти, затѣмъ онъ же толкнулъ меня головой о стѣну съ такой силой, что кровь залила мнѣ глаза. Отъ меня опять требовали, чтобы я ходилъ, но такъ какъ я не могъ, то меня опять били безъ милосердія.

Восьмого августа опять меня сѣкли, девятаго опять такимъ-же образомъ затыкали мнѣ ротъ. Тринадцатаго Парильясъ такъ страшно меня избилъ, что я упалъ безъ чувствъ. Четырнадцатое августа было для меня днемъ отдыха, пятнадцатаго-же Майансъ безъ палки повелъ меня къ Портасу. Тотъ сказалъ мнѣ: «Если хочешь, чтобы твои страданія прекратились и чтобы тебѣ дали ѣсть, подпиши вотъ это показаніе». Тутъ онъ составилъ протоколъ, но я, видя, что онъ не согласенъ съ дѣйствительностью, сталъ протестовать, однако, въ концѣ концовъ подписалъ, прибавивъ, что дополню его въ присутствіи судьи.

Судья спросилъ меня, не желаю ли я еще чего-нибудь прибавить. Я отвѣтилъ, что все подписанное мною ложно. Тогда Парильясъ опять приказалъ меня пытать. Я могу вполнѣ сказать, что я перенесъ весь адъ. Девять дней и девять ночей я не ѣлъ, не пилъ, постоянно ходилъ и не спалъ, весь въ крови, съ десятью ранами на головѣ и съ тѣломъ, исполосованнымъ ударами кнута. Этотъ мой разсказъ слишкомъ коротокъ, но мнѣ потребовалось бы гораздо больше бумаги, чтобы описать всѣ подробности.

Надзиратели, мучившіе меня съ особеннымъ ожесточеніемъ, Майансъ и Эсторони, получили недавно медали за истязаніе жертвъ по дѣлу Лисео; это имъ приноситъ пять франковъ въ мѣсяцъ дохода. Я, жертва. Осипъ Моласъ».

Стоитъ привести здѣсь еще письмо шестнадцатилѣтняго Ивана Олле. Отъ восьми часовъ вечера четвертаго августа онъ былъ принужденъ ходить тридцать семь часовъ, не получая ничего, кромѣ вяленой рыбы. Когда же, несмотря на все это, онъ отказался отъ дачи показаній въ такомъ видѣ, въ какомъ ихъ отъ него требовали, новыя истязанія и удары посыпались на несчастнаго; кромѣ того, ему былъ отданъ приказъ ходить днемъ и ночью безъ остановки, — приказъ, подкрѣпляемый нагайкой и кулакомъ. Такъ продолжалось до ночи восьмого августа.

«Невыносимая жажда мучила меня; страшное истощеніе порождало непрерывныя галлюцинаціи. Я постоянно падалъ и ударялся головой о стѣну. Я пытался отравить себя: ѣлъ песокъ, известку, пилъ керосинъ изъ лампы, но это не убило меня. Наконецъ, палачи оставили меня въ покоѣ. Однако, несмотря на страшное утомленіе, я не могъ сомкнуть глазъ въ эту ночь, такъ какъ со всѣхъ сторонъ долетали до моихъ ушей раздирающіе душу крики. На другой день, вечеромъ, Портасъ вошелъ въ мою камеру и сказалъ мнѣ, что онъ думалъ о чемъ-то, но теперь видитъ, что ошибался. Онъ потребовалъ отъ меня, чтобы я, когда меня выпустятъ на свободу, молчалъ обо всемъ, что я перенесъ».

Такое же требованіе было предъявлено и другимъ пытаннымъ, но всѣ они отказали. Въ день суда испанское правосудіе получило страшную пощечину.

Ногэсъ первый заявилъ, что все показанное имъ на слѣдствіи о себѣ и своихъ товарищахъ, совершенно ложно и было вынуждено у него пытками. Каллисъ, Моласъ и другіе заявили то же самое. Мерэ же сознался въ участіи въ покушеніи лишь подъ давленіемъ самыхъ изысканныхъ мученій. Все послѣобѣденное засѣданіе изобиловало самыми невѣроятными показаніями. Моласъ, будучи введенъ въ залу суда, повторилъ все то, что разсказалъ въ тотъ же день утромъ. Предсѣдатель хотѣлъ лишить его голоса, но Моласъ такъ энергично сталъ протестовать противъ этого, что одинъ изъ членовъ суда принялъ его сторону. «Господинъ предсѣдатель,—сказалъ онъ,—намъ нельзя лишать подсудимаго возможности говорить, такъ какъ онъ имѣетъ на это право».

Тогда Моласъ разсказалъ о своихъ мученіяхъ. Въ залѣ воцарилось гробовое

молчаніе. Судья Марро, виновный въ этомъ гнусномъ дѣлѣ не менѣе Портаса, поблѣднѣлъ, какъ стѣна. Разсказъ произвелъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что подсудимый тутъ же заявилъ объ угрозѣ палачей подвергнуть его еще болѣе страшнымъ пыткамъ, если онъ предастъ гласности ихъ поступки.

Ногэсъ разсказывалъ на судѣ, что еще до сихъ поръ, послѣ четырехъмѣсячнаго промежутка времени, видны на его бедрахъ слѣды каленаго желѣза, которымъ его жгли. Цѣлую недѣлю онъ не ѣлъ и не спалъ; ему вырывали ногти, били несчетное число разъ.

Масъ, вызванный вслѣдъ за Ногэсомъ, сошелъ съ ума, не будучи въ состояніи перенести пытки, основанной на новѣйшихъ научныхъ изобрѣтеніяхъ. «Голову жертвы,—разсказываютъ одни изъ подсудимыхъ, — покрываетъ металлическій шлемъ, соединенный съ электрической батареей. По проводникамъ пускаютъ токъ, недостаточно сильный для того, чтобы убить, но достаточный для причиненія нестерпимыхъ мученій».

Стоитъ также упомянуть о приборѣ, которымъ пытали Каллиса. Онъ состоитъ изъ желѣзнаго шлема, расчлененнаго на нѣсколько частей, приводимыхъ всѣ вмѣстѣ въ движеніе однимъ винтомъ. Одна изъ этихъ частей тянетъ со страшною силою верхнюю губу, покрываетъ ею носъ и натягиваетъ ее до тѣхъ поръ, пока не лопаются десны. Вторая такимъ же образомъ тянетъ внизъ нижнюю. Въ то же время двѣ другія сдавливаютъ съ обѣихъ сторонъ виски. Это ничто иное, какъ медленное мозженіе головы.

Каменщику Гана, который вынесъ самыя страшныя пытки, сдавливали винтами руки и ноги и вырывали ногти изъ пальцевъ.

Вышеизложенные факты такъ и наводятъ на цѣлую массу тяжелыхъ мыслей о средневѣковой реакціи, которая, какъ страшный кошмаръ, надвигается на цивилизованныя страны, и о непростительной недальновидности того правительства, которое можетъ пользоваться подобными средствами. Но мы воздержимся отъ какихъ бы то ни было выводовъ изъ переведенной нами статьи, такъ какъ всякое размышленіе можетъ, по нашему, лишь уменьшить то потрясающее впечатлѣніе, которое производятъ вышеизложенные факты.

Этическое движеніе въ разныхъ государствахъ. Секретарь этическаго союза, докторъ Фёрстеръ, издалъ недавно брошюру, въ которой описываетъ современное состояніе этого движенія въ различныхъ государствахъ. Въ Америкѣ оно дѣлаетъ успѣхи, хотя и не такіе быстрые, какъ это можно было бы ожидать. На воскресныхъ этическихъ бесѣдахъ доктора Адлера въ Нью-Іоркѣ собирается теперь больше тысячи человѣкъ. Члены союза распредѣлили между собою соціальный трудъ; женщины взяли на себя уходъ за больными, помощь нуждающимся женщинамъ, заботу о дѣтяхъ-калѣкахъ и вообще о брошенныхъ дѣтяхъ, надзоръ за гигіеной въ школахъ и жилищахъ рабочихъ и устройство школъ на этическихъ основаніяхъ. Въ Чикаго уже существуютъ три воскресныя школы, устроенныя союзомъ, въ которыхъ занятія распредѣляются согласно этической программѣ и устраиваются бесѣды объ обязанностяхъ человѣка и современномъ взглядѣ на жизнь.

Въ Англіи успѣхъ этого движенія ознаменовался устройствомъ митинговъ и изданіемъ спеціальнаго органа этическаго союза, «Ethical World». Этическая пропаганда проникла уже во всѣ классы общества, обращающіе теперь особенное вниманіе на соціальныя проблемы. Церковь не противится самому движенію, хотя и не вполнѣ сочувствуетъ широкимъ принципамъ религіозной свободы и отсутствію теологическаго направленія въ школахъ, устраиваемыхъ союзомъ.

Въ Германіи образовалось уже нѣсколько отдѣленій этическаго союза въ разныхъ городахъ. Устроено нѣсколько народныхъ библіотекъ въ Берлинѣ,

Франкфуртѣ, Фрейбургѣ, Іенѣ и Ульмѣ. Въ Мюнхенѣ и Франкфуртѣ этическій союзъ организовалъ также народныя развлеченія, а въ Берлинѣ устроено нѣчто въ родѣ справочнаго бюро, куда могутъ обращаться всѣ тѣ, кто нуждается въ какой-либо помощи или совѣтѣ, или самъ желаетъ оказывать эту помощь другимъ.

Французское этическое движеніе выразилось въ организаціи публичныхъ бесѣдъ и лекцій въ провинціи и учрежденіи курсовъ въ Парижѣ, въ одномъ изъ рабочихъ кварталовъ. Объ этическомъ движеніи въ Италіи мы уже говорили раньше, въ одномъ изъ предшествующихъ нумеровъ нашего журнала. Что же касается Австріи, то здѣсь движеніе пока существуетъ только въ Вѣнѣ, гдѣ этическое общество насчитываетъ 421 члена и недавно учредило комитетъ, которому поручено организовать этическую пропаганду въ печати. Вслѣдствіе недостаточнаго числа членовъ австрійскій союзъ пока еще не можетъ мечтать объ изданіи собственнаго органа.

Швейцарскій этическій союзъ, секретаремъ котораго состоитъ авторъ отчета, докторъ Фёрстеръ, въ настоящее время въ особенности занимается вопросомъ о введеніи этическаго обученія въ школахъ и улучшеніи жилищъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Въ нѣкоторыхъ школахъ уже устроены этическіе классы и очень охотно посѣщаются дѣтьми, такъ какъ преподаваніе этическихъ принциповъ дѣтямъ организовано въ видѣ бесѣдъ и эти бесѣды чрезвычайно занимаютъ дѣтей и дѣйствуютъ на нихъ очень развивающимъ образомъ.

Соціальныя движенія въ Голландіи. Для многихъ Голландія интересна только своею прошлою исторіей и въ настоящемъ представляется маленькою страною, заботящеюся только о своемъ матеріальномъ благосостояніи и выгодахъ и не имѣющей особеннаго значенія. Хотя Голландію и посѣщаютъ туристы ежегодно, но большинство изъ нихъ ничуть не интересуется внутреннею жизнью страны, а между тѣмъ именно въ этихъ маленькихъ общинахъ, не принимающихъ въ политическомъ отношеніи активнаго участія въ крупной игрѣ, которую ведутъ великія націи, можно найти широкое развитіе нравственной, умственной и художественной жизни.

Голландія, за послѣднія 25 лѣтъ, сдѣлала большіе успѣхи во всѣхъ направленіяхъ. Соціальное движеніе, достигшее довольно значительнаго развитія, выразилось прежде всего въ различныхъ усиліяхъ, направленныхъ къ улучшенію положенія рабочаго населенія и облегченію участи бѣднѣйшихъ классовъ. Въ этомъ отношеніи образцомъ послужила Англія, и въ Голландіи были устроены такія же поселенія въ рабочихъ центрахъ, какія давно уже существуютъ въ Англіи. Лучшее изъ этихъ поселеній и достигшее уже высокой степени процвѣтанія, находится въ Амстердамѣ и было устроено по иниціативѣ писательницы Элленъ Мерсье, пробудившей своими произведеніями интересъ къ соціальной работѣ въ голландскомъ обществѣ.

Благодаря крупной финансовой помощи и практической поддержкѣ, оказанной нѣкоторыми лицами, Элленъ Мерсье могла осуществить свой планъ устройства поселенія для рабочихъ. Въ центрѣ рабочаго квартала было выстроено красивое и просторное зданіе, которое должно служить мѣстомъ отдохновенія и собранія рабочихъ. Прежде всего была устроена библіотека и читальный залъ, а затѣмъ, по образцу лондонскихъ, открыты вечерніе классы и всякаго рода курсы для желающихъ, также собранія и клубы. Популярность этого учрежденія настолько быстро возросла, что уже теперь рабочіе не называютъ его иначе какъ «нашъ домъ», и такъ какъ, чтобы посѣщать его, они должны вносить извѣстную плату, то это названіе становится совершенно естественнымъ; учрежденіе совсѣмъ не носитъ благотворительнаго характера, и каждый

рабочій, дѣлающійся его членомъ, чувствуетъ себя въ немъ такимъ же полноправнымъ хозяиномъ, какъ и тѣ, кто стоитъ во главѣ его.

Въ настоящее время въ Голландіи существуетъ уже нѣсколько учрежденій, устроенныхъ по образцу амстердамскаго поселенія, и только Ротердамъ нѣсколько уклонился отъ первоначальнаго образца.

Соціальное движеніе въ Голландіи выразилось также организаціей нѣсколькихъ конгрессовъ по разнымъ общественнымъ вопросамъ. Въ литературѣ это отразилось смѣною различныхъ направленій, при чемъ въ послѣднее время становится очень замѣтной реакція противъ чисто позитивной науки. Хладнокровные и положительные голландцы, прежде чѣмъ заняться изученіемъ этическихъ вопросовъ и организовать этическое движеніе, считаютъ нужнымъ обсудить, какая форма общества всего лучше будетъ отвѣчать цѣли и высокимъ стремленіямъ къ идеалу. Но этическій элементъ начинаетъ, впрочемъ, явно преобладать въ послѣднее время во всѣхъ общественныхъ движеніяхъ въ Голландіи, такъ что несомнѣнно почва уже подготовлена для организаціи настоящаго этическаго движенія. Что касается соціалъ-демократической партіи, то въ ней, также какъ и въ другихъ странахъ, образовался расколъ послѣ лондонскаго конгресса въ 1896 г., но этотъ расколъ однако не мѣшаетъ партіи организовать свою дѣятельность. Въ отношеніи женскаго движенія Голландія хотя и сдѣлала большіе успѣхи, но все еще остается позади другихъ европейскихъ государствъ, за исключеніемъ Испаніи и Италіи, гдѣ это движеніе обнаруживается сравнительно слабо.

Школьные кооперативные союзы. Въ Соединенныхъ Штатахъ, которые можно назвать родиною всевозможныхъ кооперативныхъ обществъ, существуютъ также и школьные кооперативные союзы. Дѣятельность ихъ оказывается въ высшей степени плодотворной, въ особенности въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ большихъ центровъ. Лучше всего это доказываетъ дѣятельность школьнаго союза взаимопомощи, основаннаго, лѣтъ десять тому назадъ, въ небольшомъ округѣ Фоунтенъ-Крикъ, въ западной части Соединенныхъ Штатовъ. Этотъ округъ, мало населенный, имѣлъ только одну школу для мальчиковъ и дѣвочекъ вмѣстѣ, и такъ какъ многіе ученики жили довольно далеко отъ школы, то имъ приходилось запасаться ѣдой на цѣлый день. Это было очень неудобно, и школьная учительница предложила родителямъ, составлявшимъ совѣтъ школы, замѣнить провизію, которую они выдавали своимъ дѣтямъ при отправленіи ихъ въ школу, извѣстнымъ денежнымъ взносомъ и устроить на эти деньги общую столовую, при чемъ учительница взяла на себя всѣ хлопоты по устройству, а старшія ученицы должны были ей помогать.

Опытъ удался вполнѣ, и какъ родители, такъ и дѣти остались очень довольны. Кромѣ того, учительница, закупая оптомъ провизію въ Санъ-Франциско, дѣлала большую экономію и на остаточныя суммы пріобрѣла не только необходимыя пособія, въ которыхъ такъ нуждалась школа, но купила еще и кусокъ земли, около 80 акровъ, на которой были выстроены всѣ службы для устройства фермы, а затѣмъ было пріобрѣтено такимъ же точно образомъ 10 коровъ и механическая маслобойка.

Дѣло постепенно разросталось. Благодаря устроенной при школѣ фермѣ, дѣвочекъ стали обучать молочному хозяйству, а мальчики воздѣлывали устроенный при школѣ огородъ, который не только доставлялъ овощи школѣ, но и приносилъ ей доходъ. Доходы школьнаго союза съ каждымъ годомъ увеличивались и возрасли до пяти тысячъ долларовъ. Въ настоящее время на эти доходы заведены сельскохозяйственныя машины, устроены мастерскія, гдѣ мальчики и дѣвочки обучаются ремесламъ и шитью. Дѣло обставлено очень широко, и, благодаря организаціи школьнаго союза взаимопомощи, не только

самое существованіе школы вполнѣ обезпечено, но и сфера дѣятельности ея расширилась, ученики выходятъ изъ нея не только съ теоретическими познаніями. но и съ массою практическихъ свѣдѣній по сельскому мозяйству и домоводству.

Въ Европѣ такіе школьные союзы взаимопомощи существуютъ только въ Италіи. Первый союзъ былъ устроенъ докторомъ Монти, три года тому назадъ, въ маленькомъ городкѣ Леньяно, въ Ломбардіи. Идея устройства такого союза пришла въ голову доктору Монти совершенно случайно. Разговаривая однажды съ однимъ крупнымъ фабрикантомъ, онъ узналъ, что оптовыя цѣны втрое дешевле розничныхъ и что, покупая, напримѣръ, учебныя книги непосредственно у издателей, можно съэкономить чуть не 40% на этой покупкѣ. Это внушило ему мысль устроить союзъ взаимопомощи между учениками съ цѣлью пріобрѣтенія оптомъ изъ первыхъ рукъ бумаги, тетрадей, различныхъ письменныхъ принадлежностей, учебныхъ книгъ и проч. Дѣло оказалось настолько выгоднымъ, что расходы уменьшились почти вдвое и, кромѣ того, получилась запасная сумма, изъ которой выдавались пособія ученикамъ на пріобрѣтеніе не только классныхъ принадлежностей, но и одежды. Въ первый же годъ своего существованія союзъ роздалъ ученикамъ 80.000 тетрадей, 750 азбукъ и 1.260 учебныхъ книгъ; бѣднымъ ученикамъ книги и тетради раздавались безплатно и 150 дѣтей были одѣты съ ногъ до головы. На второй годъ число учениковъ возрасло и дѣятельность союза еще болѣе расширилась. Въ настоящее время рѣшено употребить сумму, оставшуюся отъ всѣхъ расходовъ, на покупку земли, гдѣ крестьянскія дѣти могутъ обучаться различнымъ нововведеніямъ въ земледѣліи.

Примѣру Леньяно въ дѣлѣ организаціи школьныхъ союзовъ взаимопомощи теперь уже послѣдовали другіе города Италіи и, между прочимъ, Павія и Болонья и, благодаря этимъ союзамъ, положеніе школъ упрочилось во многихъ округахъ, гдѣ въ прежнее время школы влачили самое жалкое существованіе.

Клубы для несовершеннолѣтнихъ рабочихъ въ Америкѣ. Семь лѣтъ тому назадъ, дочь генеральнаго аторнея въ Пенсильваніи, миссъ Элленъ Пальмеръ, принимавшая горячее участіе въ дѣтяхъ, вынужденныхъ съ младенческаго возраста работать изъ-за куска хлѣба, задумала образовать изъ нихъ родъ ассоціаціи, которая преслѣдовала бы не только цѣли развлеченія, но и имѣла бы широкое воспитательное значеніе. Найдя поддержку во многихъ представителяхъ городской власти, миссъ Пальмеръ основала «Промышленную ассоціацію мальчиковъ», членами которой могли быть всѣ мальчики, зарабатывавшіе кусокъ хлѣба собственнымъ трудомъ. Понимая, что надо чѣмъ-нибудь привлечь новыхъ работниковъ и вызвать въ нихъ желаніе сдѣлаться членами ассоціаціи, миссъ Пальмеръ устроила представленія съ волшебнымъ фонаремъ. Это понравилось мальчикамъ и сразу же 46 человѣкъ записалось въ члены. Начало было положено и съ каждымъ днемъ число членовъ возрастало. Мальчики, находясь на работѣ, разсказывали другъ другу о пріятно проведенномъ вечерѣ наканунѣ, объ интересныхъ картинахъ и т. п. и возбуждали въ другихъ любопытство и желаніе также повеселиться.

Видя успѣхъ предпріятія, миссъ Пальмеръ задумала расширить его. Къ простому развлеченію, которое представлялъ для мальчиковъ волшебный фонарь, она присоединила чтенія по разнымъ отраслямъ знанія, разумѣется, въ самой популярной формѣ и также въ сопровожденіи туманныхъ картинъ, послѣ которыхъ устраивались бесѣды и пренія. Мальчики очень охотно посѣщали эти чтенія, обнаруживая большую любознательность и по окончаніи чтенія закидывали лекторшу вопросами; бесѣда иногда затягивалась и миссъ Пальмеръ приходилось откладывать ее до слѣдующаго дня, напоминая своимъ юнымъ слуша-

телямъ, что имъ надо отдохнуть, такъ какъ имъ предстоитъ завтра опять идти на работу. Такимъ образомъ, мало-по-малу, изъ этихъ чтеній образовались настоящіе вечерніе курсы и вскорѣ къ нимъ были присоединены ремесленные профессіональные классы, въ которыхъ желающіе могли изучать какое-нибудь ремесло или же совершенствоваться въ своей профессіи. Эти классы также имѣли большой успѣхъ и уже черезъ годъ пришлось ихъ расширить, такъ какъ наплывъ желающихъ былъ очень великъ.

Въ настоящее время, т. е. черезъ семь лѣтъ послѣ основанія ассоціаціи, число ея членовъ возрасло до 700. Большинство изъ нихъ работаютъ въ угольныхъ копяхъ, но есть между ними маленькіе работники, другимъ способомъ добывающіе себѣ кусокъ хлѣба, напр., чистильщики сапоговъ, посыльные, разносчики газетъ и т. п.; въ ассоціацію принимаютъ всѣхъ, безъ различія профессій. Каждому изъ вновь поступающихъ предлагаютъ подписать условіе—хотя ему предоставляется право и не дѣлать этого, если онъ не пожелаетъ—въ которомъ новый членъ выражаетъ готовность содѣйствовать цѣлямъ общества, направленнымъ къ улучшенію его физическаго, умственнаго и нравственнаго благосостоянія.

Въ самомъ началѣ ассоціація больше всего заботилась о томъ, чтобы доставить здоровыя развлеченія маленькимъ работникамъ, лишеннымъ всякаго призора и проводящимъ свободное время либо на улицѣ, либо въ какихъ-нибудь притонахъ, гдѣ царитъ пьянство и развратъ. Затѣвая свое предпріятіе, миссъ Пальмеръ больше всего имѣла въ виду отвлечь мальчиковъ отъ этихъ притоновъ, и въ этомъ отношеніи результаты ея усилій превзошли ея ожиданія. Въ мальчикахъ пробудилась любознательность, жажда знанія; книги изъ библіотеки ассоціаціи читались нарасхватъ и за объясненіемъ непонятнаго прибѣгали къ миссъ Пальмеръ, которая всегда была готова придти на помощь своимъ кліентамъ.

Мало-по-малу вечерніе классы получили прочную организацію и теперь, когда ассоціація такъ разрослась, пришлось устроить нѣсколько филіальныхъ отдѣленій; кромѣ того, въ самой ассоціаціи организовались отдѣльные клубы со спеціальными цѣлями: клубъ пѣвцовъ или хоровое общество, клубъ любителей исторіи, драматическій клубъ и др. Юные члены клуба сами смотрятъ за порядкомъ и за соблюденіемъ правилъ клуба. Въ этомъ отношеніи они очень строги и провинившійся членъ немедленно изгоняется на время или навсегда изъ клуба, смотря по его проступку.

По мѣрѣ того, какъ разросталась ассоціація, возрасталъ и интересъ къ ней въ обществѣ. Миссъ Пальмеръ уже нечего опасаться теперь, что дѣло ея погибнетъ, такъ какъ она со всѣхъ сторонъ получаетъ поддержку и теперь у нея много помощниковъ и помощницъ. Но она остается во главѣ дѣла, тѣмъ болѣе, что юные члены ассоціаціи питаютъ къ ней чувство, граничащее съ обожаніемъ, и ей ни разу не приходилось услышать ни одного грубаго слова отъ мальчиковъ, слушающихся безпрекословно «свою королеву», какъ они ее называютъ. Кромѣ преданности къ «своей королевѣ», члены клуба отличаются преданностью къ учрежденію, членами котораго состоятъ. Они гордятся тѣмъ, что состоятъ членами клуба и поэтому стараются вести себя прилично, чтобы не позорить свой клубъ, и эти старанія въ особенности отражаются благопріятно на внѣшности молодыхъ работниковъ, такъ что сразу можно узнать теперь членовъ ассоціаціи по ихъ благопріятному виду и вѣжливому обращенію.

Многіе изъ членовъ ассоціаціи уже перешли теперь школьный возрастъ и должны были выйти изъ клуба, но нѣкоторые изъ нихъ остались въ качествѣ помощниковъ миссъ Пальмеръ и всѣми силами содѣйствуютъ успѣху ея предпріятія. Одинъ изъ этихъ бывшихъ членовъ произнесъ недавно рѣчь на одномъ изъ публичныхъ митинговъ, въ которой сказалъ, между прочимъ,

что своимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ онъ всецѣло обязанъ своему пребыванію въ ассоціаціи и ея благодѣтельному вліянію. Въ настоящее время репутація клуба вполнѣ обезпечена и по примѣру его устраиваются подобныя же ассоціаціи въ другихъ промышленныхъ центрахъ. Этотъ опытъ еще разъ подтверждаетъ, какъ много можетъ сдѣлать частная иниціатива тамъ, гдѣ условія общественной жизни ей благопріятствуютъ, а не стѣсняютъ до полнаго уничтоженія.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des Revues».—«Revue de Paris».—«National Revue». — «Pearson Magazine».

Вопросъ о преимуществахъ и недостаткахъ классическаго образованія составляетъ въ настоящее время злобу дня во многихъ европейскихъ государствахъ. Во Франціи онъ также служитъ предметомъ горячихъ дебатовъ въ собраніяхъ и печати. Почтенный ученый, директоръ психологической лабораторіи въ Сорбоннѣ, А. Бинэ, также принялъ участіе въ этихъ обсужденіяхъ и въ своей статьѣ въ «Revue des Revues» разсматриваетъ теперь этотъ вопросъ съ точки зрѣнія экспериментальной психологіи.

По его мнѣнію, прежде, чѣмъ рѣшать вопросъ о достоинствахъ той или другой системы воспитанія, необходимо принять во вниманіе самое главное: что человѣческій умъ вовсе не созданъ по одному и тому же схематическому образцу и что существуетъ нѣсколько родовъ ума, совершенно отличныхъ другъ отъ друга, и что подходитъ для одного, то совсѣмъ не годится для другого. Бинэ различаетъ нѣсколько природныхъ интеллектуальныхъ типовъ, которые онъ называетъ «семействами» (familles naturelles d'esprit); изъ этихъ семействъ одни легче усваиваютъ классическое образованіе, для другихъ же болѣе пригодно воспитаніе, носящее болѣе современный характеръ и основанное на изученіи точныхъ наукъ. Опредѣлить эти природныя различія ума можно только экспериментальнымъ путемъ и Бинэ указываетъ, какъ это сдѣлать. На основаніи своихъ изысканій и опытовъ, которыми онъ занимается уже около восьми лѣтъ въ школахъ, Бинэ устанавливаетъ три главныхъ интеллектуальныхъ типа, рѣзко различающихся между собою, такъ какъ, конечно, существуютъ и промежуточные и переходные типы; эти главные типы ума слѣдующіе: умъ литературный, умъ научный и умъ художественный.

Умъ литературный (esprit littéraire) въ особенности характеризуется развитіемъ «функціи рѣчи». Люди, принадлежащія къ этому интеллектуальному типу, отличаются любовью къ чтенію и легкостью, съ которою имъ удается писать сочиненія, составлять красивыя фразы и отыскивать удачныя выраженія. Если въ классѣ будетъ задано какое-нибудь сочиненіе на извѣстную тему, то можно всегда убѣдиться, что два ученика, совершенно одинаковаго интеллектуальнаго развитія, могутъ написать сочиненіе совершенно разнаго достоинства. У одного изъ нихъ сочиненіе будетъ написано красиво и увлекательно и будетъ изобиловать яркими образами; другой же съ трудомъ разрѣшится нѣсколькими короткими и сухими фразами, безъ всякихъ оттѣнковъ.

«Умъ научный» характеризуется въ особенности развитіемъ наблюдательности, стремленіемъ классифицировать, разсуждать и согласовать между собою факты, а также доискиваться причинъ и слѣдствій. Каждый учитель, дающій себѣ трудъ изучать своихъ учениковъ, всегда можетъ различить среди нихъ различные интеллектуальные типы. Вообще существуютъ нѣкоторые опредѣленные признаки, по которымъ всегда можно судить о свойствахъ ума. Методъ, при помощи котораго познаются эти свойства, входитъ въ составъ весьма слож-

ной науки, которую Бинэ называетъ «индивидуальной психологіей». Посредствомъ методовъ этой науки можно сдѣлать характеристику ума каждаго человѣка, опредѣлить его способъ мышленія, разсужденія и чувствованія. Способы изслѣдованія способностей ума, конечно, весьма многочисленны, такъ какъ на свѣтѣ ничего нѣтъ сложнѣе человѣческаго интеллекта. Бинэ останавливается только на двухъ способахъ, не потому, чтобы они были наиболѣе убѣдительны, а потому, что они болѣе просты и легче примѣнимы. Первый способъ заключается въ томъ, что лицамъ, которыя подвергаются испытанію, предлагаютъ описать какой-нибудь предметъ и притомъ самый простой, напримѣръ, папироску, ручку для пера и т. п. Несмотря на такую несложность задачи, она выполняется ими далеко неодинаково, и то, какъ оріентируются различные люди при выполненіи этой задачи, позволяетъ зачислить ихъ въ одну изъ трехъ интеллектуальныхъ группъ, о которыхъ говорено выше.

Бинэ приводитъ нѣсколько образцовъ такихъ описаній, по которымъ уже можно ясно видѣть, какъ различно принимаются за выполненіе задачи представители двухъ главныхъ интеллектуальныхъ типовъ: ума литературнаго и ума научнаго. Если тотъ и другой будутъ описывать цвѣтокъ, то первый непремѣнно напишетъ поэтическую картину, а второй пустится въ ботаническія подробности.

Второй способъ, предлагаемый Бинэ, состоитъ въ изслѣдованіи способности воображенія и въ особенности зрительной памяти. По наблюденіямъ Бинэ, умъ литературный, обыкновенно, не обладаетъ большимъ развитіемъ зрительной памяти, между тѣмъ какъ умъ научный, главную характерную черту котораго составляетъ наблюдательность, имѣетъ, обыкновенно, очень развитую зрительную память. Такимъ образомъ въ рукахъ педагоговъ имѣется средство опредѣлить и классифицировать свойства ума своихъ учениковъ и зачислять ихъ въ ту или другую интеллектуальную группу. Затѣмъ, задачею воспитателя будетъ развитіе соотвѣтствующихъ способностей, которыя находятся въ зародышѣ у даннаго индивида и недоразвитіе которыхъ должно ему принести вредъ. Но всегда необходимо развивать именно тѣ способности, которыя составляютъ неотъемлемую принадлежность даннаго интеллектуальнаго типа, и на этомъ основаніи Бинэ совѣтуетъ предварительно изслѣдовать способность ума и тогда уже рѣшать, какая система воспитанія болѣе цѣлесообразна въ данномъ случаѣ. Бинэ не отвергаетъ классической системы воспитанія, но совѣтуетъ исключительно примѣнять ее только къ ученикамъ съ «умомъ литературнымъ». Для «умовъ научныхъ», Бинэ находитъ гораздо болѣе цѣлесообразнымъ воспитаніе, носящее современный характеръ, изъ котораго исключается изученіе классическихъ языковъ и замѣняется точными науками.

Къ числу вопросовъ, особенно останавливающихъ на себѣ вниманіе современныхъ соціологовъ и антропологовъ, принадлежитъ вопросъ о свойствахъ и качествахъ толпы. Психологія толпы не разъ уже служила предметомъ обсужденій на научныхъ конгрессахъ и ей уже были посвящены спеціальныя изслѣдованія. Французскій соціологъ Тардъ, давно уже занимающійся изслѣдованіемъ этого вопроса, въ своихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ «Revue de Paris», указываетъ на различіе между «публикою и толпой». Онъ не согласенъ съ Лебономъ, который говоритъ, что «нашъ вѣкъ—это эра толпы». По мнѣнію Тарда, нашъ вѣкъ скорѣе можно назвать эрою публики или публикъ, что совсѣмъ иное. Толпа, по Тарду, принадлежитъ одинаково всѣмъ временамъ и представляетъ, послѣ семьи, одну изъ древнѣйшихъ и первобытныхъ соціальныхъ группъ; но «публика» болѣе позднаго происхожденія. Въ древности она не была извѣстна. Въ древности существовала аудиторія, но не публика. То же самое и относительно среднихъ вѣковъ; была толпа, но публики не было. Пуб-

лика могла образоваться лишь послѣ того, какъ искусство книгопечатанія получило широкое распространеніе въ XVI вѣкѣ. Передача силы на разстояніе, конечно, далеко не можетъ имѣть того важнаго соціальнаго значенія, какое имѣла передача мысли на разстояніе посредствомъ книгопечатанія, такъ какъ человѣческая мысль представляетъ огромную соціальную силу, объединяющую различные соціальные элементы. Однако, публика, какъ таковая, получила нѣсколько болѣе опредѣленный характеръ лишь въ царствованіе Людовика XIV, но и тогда она представляла лишь небольшой избранный кружокъ лицъ, не смѣшивавшихся съ толпою, которая въ несмѣтномъ количествѣ наполняла улицы и площади и общественныя мѣста во время оффиціальныхъ празднествъ, или же бунтовала во время голода. Небольшой же кружокъ избранныхъ, составляющихъ публику, не принималъ участія въ толпѣ. Эта публика читала свою ежемѣсячную газету и въ особенности книги, преимущественно даже написанныя въ разсчетѣ на небольшой кругъ читателей, большинство которыхъ проживало, все-таки, въ столицѣ, если даже и не при дворѣ короля.

Въ XVIII вѣкѣ публика быстро возрастаетъ и начинаетъ обособляться. Постепенно образуется «публика философская», «публика литературная» и т. д. Во второй половинѣ XVIII вѣка нарождается уже новая публика — политическая, которая быстро растетъ и, наконецъ, поглощаетъ, точно разлившаяся рѣка, всѣ другія публики—литературную, философскую и научную. Впрочемъ, почти до самой революціи публика играла второстепенную роль въ общественной жизни и имѣла значеніе лишь по стольку, по скольку она соединялась съ толпой и вызывала броженіе въ салонахъ и кафе.

Революція вызвала къ жизни новую силу — «журнализмъ», а вмѣстѣ съ нимъ народилась и настоящая публика. Конечно, и во времена революціи толпа выдвигалась на первый планъ, и въ этомъ отношеніи революція ничѣмъ не отличается отъ гражданскихъ войнъ прошлаго, въ XIV и XVI вѣкахъ и даже отъ фронды. Но для всякой толпы существуетъ извѣстный предѣлъ, далѣе котораго она не можетъ расти и увеличиваться безъ того, чтобы не распасться. За этимъ предѣломъ толпа уже становится неспособной къ общему дѣйствію, всегда одинаковому во всѣхъ случаяхъ и выражающемуся въ баррикадахъ, разрушеніяхъ дворцовъ, убійствахъ, грабежахъ, пожарахъ и т. д. Эти вѣковыя проявленія дѣятельности толпы всегда крайне однообразны. Но 1789 годъ представляетъ новыя характерныя черты, которыя въ прошломъ не существовали. Никогда не появлялось столько газетъ и никогда ихъ не читали съ такою жадностью, какъ въ эту знаменательную эпоху пробужденія журнализма. Многія газеты были мертворожденными, но во всякомъ случаѣ онѣ нарождались въ такомъ изобиліи, что зрѣлище это было единственное въ своемъ родѣ, каждый изъ великихъ публицистовъ того времени имѣлъ «свою публику» и эта публика отличается отъ толпы тѣмъ, что она способна расти безпредѣльно, и чѣмъ больше она растетъ, тѣмъ интенсивнѣе она живетъ; поэтому, нѣтъ сомнѣнія, что именно «публика» составляетъ соціальную группу будущаго. Прежняя аудиторія трибуновъ и проповѣдниковъ разрослась теперь до небывалыхъ размѣровъ вслѣдствіе могущества прессы, которое явилось результатомъ трехъ важнѣйшихъ изобрѣтеній: книгопечатанія, желѣзныхъ дорогъ и телеграфа, и между публикой и толпой теперь уже существуетъ громадное разстояніе, хотя публика частью и образовалась изъ толпы, составлявшей аудиторію ораторовъ, и одна можетъ составлять продуктъ другой.

Между публикою и толпой, говоритъ далѣе Тардъ, различіе заключается еще въ томъ, что публика скорѣе допускаетъ разнообразные оттѣнки мнѣній, но толпа не признаетъ ихъ и поэтому отличается гораздо большею нетерпимостью; отсюда проистекаетъ и нетерпимость націй, въ которыхъ преобладаетъ духъ толпы, и то преимущество, которое заключается въ постепенной замѣнѣ

толпы публикой, при чемъ это превращеніе обыкновенно сопровождается развитіемъ духа вѣротерпимости, а иногда скептицизма. Случается, впрочемъ, что публика, дошедшая до извѣстной степени возбужденія, превращается въ толпу, такое паденіе всегда бываетъ опасно, но, къ счастью, оно бываетъ рѣдко.

Толпа представляетъ естественную группировку и подчиняется силамъ природы; она чаще собирается лѣтомъ, нежели зимой, и проливной дождь можетъ ее разсѣять. Когда Байлью былъ мэромъ Парижа, то онъ радовался, когда начиналъ накрапывать дождь, и огорчался, когда разсѣивались тучи. Но публика, представляющая группировку высшаго порядка, не находится въ такой зависимости отъ физическихъ условій климата и времени года и въ ней не проявляются такъ рѣзко расовыя черты, какъ въ толпѣ. Вліяніе, которое имѣетъ публицистъ на свою публику, если оно и не такъ интенсивно въ данную минуту, какъ вліяніе, которое имѣетъ вожакъ на толпу, тѣмъ не менѣе, уже въ силу своей продолжительности, оно гораздо могущественнѣе, чѣмъ тотъ кратковременный импульсъ, которому всегда подчиняется толпа, направляемая вожакомъ.

Какова бы ни была природа группъ, на которыя распадается общество, будутъ ли они носить религіозный, экономическій, политическій и національный характеръ, публика представляетъ до нѣкоторой степени конечное выраженіе этихъ группъ, результатъ соціальной эволюціи этого общества. Далѣе Тардъ дѣлаетъ классификацію публики. Онъ различаетъ прежде всего «мужскую и женскую публику». Женская публика, состоящая изъ читательницъ романовъ, стиховъ, модныхъ журналовъ и т. п., совсѣмъ не похожа на женскую толпу, которая всегда отличалась своимъ чрезмѣрнымъ возбужденіемъ и свирѣпостью. Но публика, также какъ и толпа, характеризуется цѣлями, къ которымъ она стремится, и вѣрованіями, которыя ея воодушевляютъ. Изъ всѣхъ соціальныхъ аггрегатовъ публика всего ближе стоитъ къ толпѣ, такъ какъ она часто представляетъ лишь увеличенную и разсѣянную аудиторію, которая, превращаясь постепенно въ публику, пріобрѣтаетъ новыя характерныя черты, и не смотря на многочисленныя точки соприкосновенія съ толпой, отличается отъ нея во многихъ отношеніяхъ.

Еслибъ не существовало публики, группирующейся вокругъ того или другого органа печати, толпа чаще заявляла бы о себѣ шумными собраніями, на улицахъ, въ клубахъ, въ кофейняхъ, и полемика печати въ данномъ случаѣ служитъ отвлекающимъ средствомъ. Число слушателей въ публичныхъ собраніяхъ далеко уже не такъ велико, какъ въ прежнія времена. Большинство изъ тѣхъ, кто въ прежнее время непремѣнно устремился бы въ амфитеатръ, чтобъ послушать популярныхъ ораторовъ, теперь преспокойно остаются дома, говоря себѣ, что завтра они прочтутъ эту рѣчь въ своей газетѣ. И, такимъ образомъ, публика все растетъ, между тѣмъ, какъ толпа все уменьшается, и еще быстрѣе уменьшается ея значеніе.

Одна школьная учительница въ Манчестерѣ' напечатала въ «National Review» интересную статью, относящуюся къ области психологіи ребенка, въ которой, между прочимъ, указываетъ на разницу, существующую между городскими и деревенскими дѣтьми. Она задавала своимъ ученикамъ различные вопросы относительно значенія того или другого слова или наименованія и при этомъ замѣтила, что маленькіе крестьяне обнаруживаютъ гораздо больше наблюдательности, нежели городскія дѣти, и даютъ болѣе пространные отвѣты, пускаясь въ различныя описательныя подробности, но зато городскія дѣти обнаружили гораздо больше познаній въ другихъ отношеніяхъ. Вообще дѣти, смотря по тому, воспитывались ли они въ городѣ или въ деревнѣ, очень различно понимаютъ вещи и объясняютъ ихъ. Напримѣръ, на вопросъ: «Кто такой полицейскій?» городскія дѣти отвѣтили: «Это джентльменъ, который надзираетъ за

тѣми, кто ведетъ себя дурно», а деревенскія дѣти на тотъ же вопросъ дали слѣдующій отвѣтъ: «Это человѣкъ, который ловитъ браконьеровъ, когда можетъ!» Не лишены также интереса отвѣты, данные дѣтьми на вопросы: «Что такое профессоръ?» и «Что такое членъ парламента?» Въ этомъ отношеніи городскія дѣти оказались далеко впереди деревенскихъ изъ которыхъ только 8% могли опредѣлить, кто называется профессоромъ. Между прочимъ, были даны слѣдующіе отвѣты. Одинъ маленькій мальчикъ сказалъ: «Профессоръ—это человѣкъ, который пишетъ исторіи». Другіе отвѣтили: «Это человѣкъ, который пишетъ и печатаетъ разныя вещи»—«Профессоромъ называется такой человѣкъ, который увѣряетъ, что онъ все знаетъ, все можетъ»—«Это ученый человѣкъ, котораго всѣ знаютъ» и т. д. На вопросъ: Кто такой членъ парламента? дѣти дали слѣдующіе отвѣты: «Членъ парламента—это человѣкъ, который старается придумать законы»—«Это богатый лордъ»—«Это человѣкъ, придумывающій законы и затѣмъ спрашивающій королеву, нравятся ли они ей».—«Это джентльменъ, котораго выбираетъ народъ» (отвѣтъ городского мальчика)—«Это человѣкъ, который дѣлаетъ законы, и когда приноситъ королевѣ бумаги для подписи, то она волей-неволей должна подписывать ихъ» (отвѣтъ сельскаго мальчика).

Миссъ Доддъ намѣревается продолжать свои опыты въ этомъ направленіи и пока воздерживается отъ какихъ бы то ни было выводовъ.

Въ «Pearson's Magazine» описывается жизнь двухъ метеорологовъ въ обсерваторіи на вершинѣ Бенъ-Невисъ, самой высокой горѣ на британскихъ островахъ. Эту вершину снѣгъ покрываетъ даже въ іюнѣ мѣсяцѣ и тамъ царитъ все время арктическая температура. Обсерваторія, выстроенная въ 1883 году, состоитъ изъ трехъ комнатъ, кухни, башни и кладовыхъ. Стѣны зданія толщиною въ три метра, крыша плоская, двери и окна двойныя, такъ что внутри господствуетъ все-таки довольно сносная температура. Когда наступаетъ лѣто, т.-е. послѣ 15-го іюня, и снѣгъ начинаетъ таять, то ежедневно на вершину горы доставляются тюки съ припасами, которыхъ должно хватить на всю зиму, такъ какъ зимою всякое сообщеніе прерывается, и трое обитателей вершины горы—два метеоролога и поваръ, который исполняетъ въ то же время и всѣ домашнія работы, поддерживаютъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ только посредствомъ телеграфа, соединяющаго обсерваторію съ обитаемыми мѣстностями. Но за то лѣтомъ сношенія не перерываются; каждый день на вершину горы взбирается маленькій караванъ и небольшія, но крѣпкія горныя лошадки, тащутъ тюки съ провизіей и мѣшки съ углемъ и коксомъ, запасъ котораго долженъ быть сдѣланъ на всю зиму. Всѣ припасы укладываются въ кладовыя, мясо, рыба и другая провизія хранится въ ледникахъ, въ которыхъ конечно недостатка не можетъ быть. Метеорологи въ это время пользуются журналами и газетами, получаютъ письма и обновляютъ свой запасъ чтенія на зиму. Какъ только наступаютъ осеннія непогоды, сношенія прерываются и добровольные изгнанники остаются на вершинѣ одни. Нельзя сказать, чтобы жизнь ихъ принадлежала къ числу пріятныхъ, но они переносятъ ее съ истиннымъ самоотверженіемъ людей науки. Наблюденія не прерываются ни днемъ, ни ночью и они по очереди производятъ ихъ. Каждый изъ метеорологовъ обязанъ вставать ночью въ извѣстные часы и производить наблюденія. Для этого онъ надѣваетъ костюмъ полярнаго путешественника и съ фонаремъ въ рукахъ лѣзетъ на башню обсерваторіи, гдѣ и записываетъ показанія термометровъ, барометровъ и т. п. Сдѣлавъ все это, онъ спускается внизъ и согрѣвается въ теплой комнатѣ обсерваторіи, но черезъ часъ ему приходится снова возобновлять свою прогулку и такъ круглый годъ, ежедневно. Только одинъ разъ за все время наблюденія были прерваны на двое сутокъ, по случаю страшной бури, которая

заставляла ежеминутно опасаться, что башня обсерваторіи рушится. Маленькій домикъ обсерваторіи совсѣмъ завалило снѣгомъ, обитатели его съ трудомъ проложили себѣ ходъ сквозь толщу снѣга. Грохотъ падающихъ лавинъ былъ такъ силенъ, что заглушалъ всѣ другіе звуки, и трое обитателей маленькаго домика не могли даже разговаривать другъ съ другомъ.

По словамъ метеорологовъ, они такъ привыкли къ своей уединенной созерцательной жизни, что, пожалуй, жизнь въ шумномъ городѣ была бы имъ теперь въ тягость. Единственнымъ развлеченіемъ зимой служитъ чтеніе и наблюденіе различныхъ атмосферическихъ явленій, которыя носятъ порою грандіозный характеръ. Тѣмъ не менѣе они радуются наступленію лѣта, а вмѣстѣ съ нимъ и появленію человѣческихъ лицъ, когда обсерваторію посѣщаютъ туристы и на вершинѣ горы господствуетъ большое оживленіе. Но наступаетъ зима и все затихаетъ; метеорологи снова остаются наединѣ со своими книгами, инструментами и опять ничего не видятъ кругомъ, кромѣ покрытыхъ снѣгомъ вершинъ.

Нѣсколько словъ по поводу послѣднихъ событій во Франціи.

(Письмо изъ Парижа).

Вотъ уже много мѣсяцевъ, какъ во Франціи происходитъ необычайное общественное движеніе, глубоко волнующее страну, но, повидимому, не укладывающееся въ рамки какой бы то ни было категоріи политическихъ событій. Въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ съ общественной сцены не сходитъ вопросъ, не имѣющій прямого отношенія ни къ установленнымъ формамъ политической жизни, ни къ господствующимъ экономическимъ условіямъ; тѣмъ не менѣе этотъ частный, случайный вопросъ вызываетъ крайне напряженное настроеніе французскаго общества и даже угрожалъ перейти въ гражданскую войну. По количеству захваченныхъ имъ людей, интенсивности возбуждаемыхъ чувствъ и серьезности созданнаго положенія дѣло Дрейфуса должно быть поставлено на ряду съ крупными событіями французской общественной жизни; весьма вѣроятно, что его благопріятный исходъ, теперь уже почти не подлежащій сомнѣнію, повлечетъ за собою болѣе или менѣе существенныя измѣненія во внутренней политикѣ Франціи и поколеблетъ очень сильныя позиціи, занятыя въ ней клерикальной партіей. Борьба, которую вела послѣдняя, сначала съ привычнымъ сознаніемъ своего господства, даже не отдавая себѣ полнаго отчета во всей ея серьезности, затѣмъ съ отчаяннымъ упорствомъ, прибѣгая къ самымъ рискованнымъ средствамъ,—проиграна. Тѣхъ разоблаченій, какія сдѣланы, и тѣхъ фактовъ, какіе уже вышли наружу, благодаря неослабной энергіи сторонниковъ пересмотра, достаточно для констатированія пораженія ихъ противниковъ. Теперь начинается развязка, которая покажетъ, какіе результаты могутъ быть извлечены изъ этой частичной побѣды; но самая побѣда уже не подлежитъ сомнѣнію. Такое явленіе представляетъ большой интересъ съ точки зрѣнія современной европейской исторіи, и мы желали бы остановить вниманіе читателя на нѣкоторыхъ очень важныхъ сторонахъ этого по истинѣ необычайнаго дѣла.

Мы не будемъ излагать всѣхъ перипетій этой двухлѣтней борьбы, полагая, что онѣ еще достаточно свѣжи въ памяти читателя; мы только выставимъ на видъ главныя, характерныя черты событія и постараемся указать на его общее, историческое значеніе.

То обстоятельство, что офицеръ генеральнаго штаба былъ слишкомъ торопливо обвиненъ въ измѣнѣ, можетъ быть признано совершенной случайностью въ разсматриваемомъ дѣлѣ; это одинъ изъ тѣхъ роковыхъ отдѣльныхъ фактовъ, въ ко-

торыхъ, какъ и въ тысячѣ другихъ, проявляются общія свойства какого-нибудь лица или учрежденія, но которые наталкиваются на непримиримые съ ними элементы окружающей среды и обусловливаютъ катастрофу.

Не случайностью въ обвиненіи и осужденіи Дрейфуса была развѣ только антисемитическая подкладка всего дѣла. Оказалось, что антисемитизмъ свилъ себѣ прочное гнѣздо во французскомъ генеральномъ штабѣ, а капитанъ Дрейфусъ былъ однимъ изъ очень немногихъ французскихъ гражданъ еврейскаго происхожденія, проникнувшихъ въ это святилище. Антисемитизмъ—побочный продуктъ современныхъ общественныхъ отношеній, не совпадающій ни съ однимъ изъ крупныхъ историческихъ теченій XIX вѣка; особенно рѣзкую дисгармонію составляетъ онъ съ политическими и общественными традиціями современной Франціи.

Для каждаго желающаго понять это крупное общественное событіе въ его историческомъ значеніи важно выяснить, какія потенціальныя общественныя силы были приведены имъ въ дѣйствіе, или, другими словами, изъ столкновенія какихъ общественныхъ силъ получилась, въ конецъ концовъ, данная равнодѣйствующая разсматриваемаго общественнаго движенія

Центромъ борьбы служитъ, какъ извѣстно, французскій генеральный штабъ и отстаивавшее его исключительныя привилегіи военное министерство; около нихъ сгруппировалась сильная партія, состоявшая изъ очень различныхъ элементовъ: консерваторовъ всѣхъ оттѣнковъ, демагоговъ-націоналистовъ и антисемитовъ. Рошфоръ оказался въ союзѣ съ органами клерикаловъ и *Figaro*. Мотивы, сплотившіе эту партію, также очень разнообразны и ихъ трудно подвести подъ какую-нибудь общую мѣрку. Одни изъ нихъ носятъ явно-политическій характеръ и прямо связаны съ программами правилъ парламентскихъ группъ; другіе имѣютъ чисто личную подкладку. Но главное значеніе въ этомъ, какъ и во всѣхъ общественныхъ движеніяхъ, имѣютъ не тѣ партійные или личные интересы, которые замѣшаны непосредственно въ поднятый общественный вопросъ, а тѣ силы, которыя приводятся имъ въ дѣйствіе и которыя часто не имѣютъ ничего общаго съ этими интересами.

Интересы, руководившіе въ исторіи всѣми политическими партіями, неизмѣнны въ своей основѣ и могутъ быть сведены въ концѣ концовъ къ экономическимъ. Но этому однообразію мотивовъ соотвѣтствуетъ крайняя сложность исторической жизни народовъ. Борьба, въ основѣ которой лежатъ элементарныя, почти зоологическія стремленія человѣка, велась въ теченіе большей части исторіи, на почвѣ очень дифференцированной и разнообразной общественной обстановки и принимала очень разнообразныя формы. Эта такъ называемая классовая борьба давно уже утратила характеръ простого физическаго насилія, путемъ котораго достигалось, въ ранніе періоды исторіи, господство свободныхъ гражданъ надъ рабами или военнаго сословія надъ прочими слоями общества. Вмѣстѣ съ развитіемъ государственной жизни, среди народовъ устанавливалось понятіе объ общественной необходимости и общественной пользѣ, какъ основахъ государственныхъ учрежденій. Это понятіе имѣло подъ собой реальную историческую подкладку и вытекало изъ общности интересовъ, связывавшихъ завоевателей съ порабощеннымъ населеніемъ. Такъ, въ средневѣковой Франціи, когда вмѣстѣ съ размноженіемъ городского населенія и развитіемъ городской промышленности возникла новая общественная сила, на которую должны были опереться короли, измѣнился соотвѣтствующимъ образомъ характеръ ихъ власти: изъ личной и военной она обратилась въ общественную и облеклась въ принципіальныя формы; съ другой стороны, подъ вліяніемъ настоятельныхъ потребностей общественной жизни, создалось идеализированное представленіе о самой личности короля, а принципъ абсолютной монархіи получилъ народную санкцію.

Подобнымъ же образомъ, какъ указываетъ на это профессоръ Ключевскій

въ своихъ замѣчательныхъ лекціяхъ по русской исторіи, въ московскомъ государствѣ, въ началѣ XVII вѣка, произошелъ глубокій переворотъ въ политическихъ понятіяхъ русскаго общества. Подъ вліяніемъ событій смутнаго времени и «великой разрухи московскаго государства», исчезло представленіе о государѣ, какъ о частномъ владѣльцѣ русской земли, и «сталъ складываться взглядъ на него не какъ на хозяина государства, а какъ на блюстителя государственныхъ интересовъ»; сообразно этому, и сама власть стала иначе смотрѣть на себя и иначе ставить свои задачи.

Такимъ образомъ, въ процессѣ развитія общественной жизни, въ умахъ населенія каждаго государства складывалось болѣе или менѣе сложное политическое міросозерцаніе, опиравшееся на коллективныя массовыя чувства. Въ западно-европейскихъ государствахъ, все большее и большее значеніе въ общественной жизни пріобрѣтало общественное мнѣніе, и государственныя учрежденія фактически стали поддерживаться въ концѣ концовъ уже традиціонными понятіями и связанными съ ними народными чувствами. Вмѣстѣ съ тѣмъ и классовая борьба, происходившая на почвѣ государственной жизни, получала все болѣе и болѣе сложный характеръ, не смотря на то, что ея мотивы оставались попрежнему однообразны и элементарны.

Чтобы достигнуть господствующаго положенія или удержать свое политическое преобладаніе въ современномъ государствѣ, та или другая партія уже должна дѣйствовать въ сферѣ общественныхъ учрежденій, построенныхъ на принципѣ государственной необходимости, и должна искать поддержки и оправданія для себя въ общественномъ мнѣніи. Отсюда огромная роль печати въ современной общественной жизни.

Это первостепенное значеніе печати въ новѣйшихъ общественныхъ движеніяхъ какъ нельзя болѣе ярко обнаружилось въ дѣлѣ Дрейфуса и составляетъ его характерную черту. Ожесточенная общественная борьба, охватившая огромную часть населенія, раздѣлившая Францію на два непріятельскихъ лагеря и возбуждавшая почти фанатическія страсти, велась исключительно посредствомъ газетъ. Рошфоръ, имѣющій двѣсти тысячъ читателей и преимущественно парижскихъ, представлялъ собою грозную силу. *Le Petit Journal*, распространяющійся въ полутора или двухъ милліонахъ экземпляровъ и проникающій въ самыя отдаленныя коммуны, возбуждалъ до тѣхъ поръ скорѣе презрительное отношеніе къ себѣ серьезной печати; но въ это тревожное время онъ вызывалъ глубокое негодованіе во всѣхъ честныхъ и искреннихъ французахъ. Только теперь можно было конкретно представить себѣ, какая страшная сила находится въ рукахъ милліонеровъ издателей этого двухкопеечнаго газетнаго листка, располагающихъ по своему усмотрѣнію настроеніемъ народныхъ массъ. Для этого имъ стоило только сообщать неполные тексты отчетовъ, систематически искажать факты, поддерживать ложные слухи; въ самый же опасный періодъ борьбы, когда были возбуждены патріотическія страсти, ослѣпившія извѣстную часть французовъ, газеты, спекулировавшія на эти страсти, могли безнаказанно распространять какую угодно тенденціозную ложь. Трудно повѣрить, чтобы, напримѣръ, чудовищныя нелѣпости, изобрѣтаемыя Рошфоромъ, не только не отталкивали отъ него читателей, но, напротивъ того, оказывали на нихъ свое дѣйствіе; между тѣмъ, это несомнѣнный фактъ. Въ подобные моменты массовыхъ движеній вступаютъ въ силу законы не индивидуальной, а коллективной психологіи.

Необходимо замѣтить, что наибольшее и, можно сказать, рѣшающее значеніе имѣли не дорогіе и вліятельные политическіе органы, въ родѣ *Temps* или *Journal des Débats*, а дешевыя и очень распространенныя газеты: *l'Intransigeant*, *l'Eclair*, *la Libre Parole*, *le Petit Journal* и др. Солидная печать отступила на второй планъ; она даже держалась почти нейтральнаго положенія. Это не значитъ, конечно, чтобы она не интересовалась ходомъ событій, не понимала

серьезнаго значенія происходившей вокругъ нея агитаціи, остановившей всѣ дѣла и державшей Францію почти въ болѣзненномъ нервномъ напряженіи. Нѣтъ, это объясняется тѣмъ, что французская политическая жизнь вышла въ этотъ періодъ изъ обычной колеи и поднятый вопросъ разрѣшался не тѣми общественными силами, которыя функціонировали ранѣе, при спокойномъ положеніи дѣлъ; вопросъ былъ перенесенъ въ высшую или низшую инстанцію (это зависитъ отъ точки зрѣнія), т. е. на улицу, на которую солидная парламентская французская печать не имѣетъ никакого вліянія; она была устранена отъ руководящей роли самимъ ходомъ событій.

Эта характерная особенность разсматриваемаго движенія указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на ту общественную силу, которая была вызвана имъ на политическую сцену Франціи.

Чисто гуманитарный вопросъ о судьбѣ неправильно осужденнаго человѣка' какъ извѣстно, очень скоро отступилъ въ этомъ дѣлѣ на второй планъ; онъ былъ поглощенъ другимъ, соціальнаго характера, связаннымъ съ самыми основами современной государственной жизни. Дѣло коснулось одного изъ учрежденій, въ которомъ воплотилось французское національное чувство патріотизма. Мы не будемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе происхожденія этого чувства; но намъ важно констатировать его энергію и ту роль, какую оно способно играть въ классовой борьбѣ, въ разрѣшеніи соціальныхъ задачъ. Въ данномъ случаѣ это чувство слѣпо служило интересамъ клерикальной и консервативной партіи, еще довольно значительной во Франціи. Республиканская Франція послѣднихъ мѣсяцевъ представляла странное зрѣлище тѣснаго союза католическихъ конгрегацій, уцѣлѣвшихъ представителей аристократіи и народныхъ массъ; ибо не надо забывать, что та сбродная толпа, которая одно мгновеніе держала въ своей власти Парижъ, была не единственной и далеко не главной массовой силой, охваченной движеніемъ. Оно затронуло и привело въ возбужденіе обширные и глубокіе слои населенія, настроеніе котораго испугало даже вождей французскаго рабочаго движенія. Значительное большинство радикальной и даже умѣренной лѣвой не могли, разумѣется, не сомнѣваться въ законности и твердой обоснованности приговора 1894 г. и, тѣмъ не менѣе, въ парламентѣ, они единогласно вотировали противъ пересмотра; отсюда видно, какъ велико должно было быть давленіе стихійнаго общественнаго мнѣнія, чтобы заставить этихъ людей стать въ такое трудное психологическое положеніе.

Читателю, конечно, извѣстно, какъ возникло это движеніе. Когда черезъ родственниковъ и адвоката осужденнаго свѣдѣнія о нѣкоторыхъ странныхъ эпизодахъ тягостнаго для французовъ процесса 1894 года, стали проникать въ общество, въ немъ нашлись отдѣльные люди, рѣшившіеся взять на себя иниціативу въ неблагодарномъ дѣлѣ защиты юридическихъ правъ заклейменнаго всѣми измѣнника-офицера, приговоръ надъ которымъ былъ произнесенъ судомъ его военныхъ товарищей. Необходимо замѣтить, что въ началѣ движенія для большинства сторонниковъ пересмотра вопросъ шелъ только объ юридической неправильности приговора; убѣжденіе въ невинности Дрейфуса руководило лишь очень немногими изъ нихъ. Никто, конечно, не могъ предвидѣть тогда тѣхъ размѣровъ и того политическаго значенія, которое это дѣло получило впослѣдствіи; тѣмъ не менѣе французское общество оказалось достаточно чуткимъ, чтобы протестующіе голоса родственниковъ и друзей осужденнаго не затерялись въ сутолокѣ общественной жизни, несмотря на крайне неблагопріятное для него впечатлѣніе, произведенное приговоромъ. Весьма возможно, что не малое значеніе на самыхъ первыхъ ступеняхъ развитія дѣла имѣла энергія семьи Дрейфуса и ея матеріальная обезпеченность, хотя, съ другой стороны, именно богатство и еврейское происхожденіе этой семьи могли возбуждать недовѣріе и извѣстное предвзятое отношеніе къ ея начинаніямъ въ искреннихъ и убѣжденныхъ лю-

дяхъ, поддержка которыхъ въ данномъ случаѣ была всего болѣе необходима. Несомнѣнно, что самыми важными первоначальными эпизодами этого движенія, обезпечившими его дальнѣйшее развитіе, были: потрясающій разсказъ майора Форцинетти, напечатанный въ *Figaro*, вмѣшательство Пиккара, вопросъ, поставленный въ сенатѣ Шереръ-Кестнеромъ, и письмо Эмиля Зола; но нечего, разумѣется, и говорить, что участіе всѣхъ этихъ лицъ не было обусловлено личными разсчетами, не было куплено деньгами Дрейфусовъ.

Нѣкоторые изъ эпизодовъ этого дѣла, имѣвшіе болѣе или менѣе рѣшающее значеніе, могутъ казаться совершенною случайностью, какъ, напр., открытіе проѣзжимъ иностранцемъ де-Кастро сходства почерка Эстергази съ бордеро и, наконецъ, самое нахожденіе Пиккара въ числѣ служащихъ генеральнаго штаба или Зола въ числѣ знаменитыхъ литераторовъ Франціи; но этими случайностями характеризуется средній уровень общественнаго развитія страны; открытіе сходства почерка, когда факсимиле печатаются въ милліонахъ экземпляровъ, неизбѣжно, но не всегда открывшій это сходство найдетъ президента сената, готоваго подвергнуться такому положенію, въ какое поставилъ себя Шереръ-Кестнеръ. Въ теченіе прогрессивно разроставшейся во Франціи агитаціи въ пользу пересмотра она выставила длинный рядъ крупныхъ талантовъ и непреклонныхъ характеровъ, поддерживавшихъ эту трудную борьбу, долгое время казавшуюся совершенно безнадежной, — борьбу, къ которой господствующее мнѣніе относилось, какъ къ безтактной, вредной и даже гибельной для страны. Стоитъ только припомнить продолжительное торжество министерства Мелина, отвергавшаго пересмотръ, тонъ даже умѣренныхъ газетъ по отношенію къ людямъ, репутація которыхъ еще недавно казалась незыблемой, наконецъ, эту безумную атмосферу Парижа во время процесса Зола, чтобы понять, какая нравственная сила требовалась отъ французскаго общества для непрерывнаго развитія движенія. Величайшій ораторъ современной Франціи рисковалъ сойти съ политической сцены и видѣть себя отстраненнымъ даже отъ своей собственной партіи, не желая подчиниться ея осторожнымъ парламентскимъ разсчетамъ. Таковы были условія, при которыхъ поддерживалась и разросталась борьба въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, привлекая въ ряды сторонниковъ пересмотра все новыя выдающіяся имена. Ихъ списокъ очень внушителенъ: Габріэль Моно, Бреаль, Анатоль Франсъ, Дюкло, Гримо, Прессансе, Дюркгеймъ, Альберъ Ревилль, Октавъ Мирбо, Люсьенъ Декавъ, Гюставъ Жоффруа, Адальберъ и т. д. При данномъ запасѣ интеллектуальныхъ и моральныхъ силъ во французскомъ обществѣ и при данной возможности ихъ проявленія эта борьба не могла остановиться и должна была привести къ полному разоблаченію всего дѣла. Это невидимое, неуловимое участіе частныхъ лицъ, помимо разоблаченій печати, имѣло огромное значеніе и создавало атмосферу, въ которой очень неудобно было хоронить въ воду концы. Положеніе противниковъ пересмотра все болѣе и болѣе запутывалось; послѣ одного затушеннаго всѣми неправдами процесса возникало два или три другихъ; въ числѣ слѣдователей, болѣе или менѣе доступныхъ давленію, выискивался Бертюлюсъ, выводившій на свѣжую воду Дю-Пати де-Клама и т. д.; число нападающихъ все увеличивалось и въ ихъ рукахъ накоплялось все болѣе и болѣе доказательствъ. При такомъ ходѣ дѣла необходимо долженъ былъ рано или поздно обнаружиться фактъ, который дѣлалъ невозможнымъ дальнѣйшее сопротивленіе; этимъ фактомъ оказалось признаніе полковника Анри, которому, очевидно, не оставалось никакого другого исхода. Эпизодъ съ Анри не случайность; онъ въ концѣ концовъ вытекаетъ изъ невозможности оправдать передъ общественнымъ мнѣніемъ страны систему дѣйствій, явно противорѣчащихъ ея интересамъ.

Для иллюстраціи настроенія деревенскаго населенія, какъ результата веденной въ этомъ дѣлѣ патріотической пропаганды, приводимъ выдержки изъ письма одного

молодого рабочаго, напечатанные недавно въ газетахъ. Этотъ рабочій, живя въ маленькой деревушкѣ Боса, имѣлъ неосторожность открыто высказать свои взгляды по дѣлу Дрейфуса. Онъ немедленно же возстановилъ противъ себя своихъ односельчанъ и получилъ прозвище «Золя», какъ худшее оскорбленіе въ глазахъ мѣстнаго населенія. Одинъ изъ крестьянъ тутъ же пообѣщалъ расправиться съ нимъ, а вечеромъ нѣсколько деревенскихъ парней бросали въ него камнями и грозили убить: «Намъ не надо измѣнниковъ!»—кричали они. Дальнѣйшее передаемъ словами самого рабочаго:

«Въ прошлую пятницу, въ одиннадцать часовъ вечера, на меня напало шестеро храбрецовъ; они повалили меня на землю и начали бить, безъ всякаго повода съ моей стороны; между нами не было никакого спора. Я возвращался отъ знакомыхъ, когда они набросились на меня; это была настоящая засада. Услыхавъ шумъ, они отбѣжали подальше и спрятались около дороги, чтобы докончить меня. Они могли бы легко отважиться на это, зная, что имъ втайнѣ сочувствуютъ власти и зная враждебное отношеніе ко мнѣ населенія. Я повернулъ назадъ и провелъ эту ночь у рабочихъ въ булочной».

На другой день юноша пошелъ жаловаться жандармскому бригадиру. Тотъ, сдѣлавъ ему строгое внушеніе, обѣщалъ принять мѣры, чтобы подобные факты не повторялись. «Хотя вы и смутьянъ,—сказалъ онъ,—но ваша жизнь такъ же неприкосновенна, какъ и жизнь всѣхъ гражданъ. Я сдѣлаю допросъ виновнымъ, хотя ожидаю, что встрѣчу затрудненія, такъ какъ они найдутъ свидѣтелей, а у васъ не окажется ни одного».

Жандармъ, безъ сомнѣнія, настращалъ нападавщихъ послѣдствіями, какія могла повести поданная на нихъ жалоба, такъ какъ, встрѣтивъ рабочаго на площади, они стали обѣщать ему, что не станутъ больше драться и, чтобы заключить мировую, пригласили его въ кабакъ.

«Когда мы подходили къ нему,—пишетъ юноша,—отецъ одного изъ нападавшихъ бросился на меня съ очевиднымъ намѣреніемъ покончить со мной. Понадобилось не менѣе десяти человѣкъ, чтобы удержать разсвирѣпѣвшаго, которымъ внезапно овладѣлъ припадокъ бѣшенства, потому что онъ увидѣлъ со мной своего сына!»

Послѣ этого молодой рабочій ушелъ на цѣлую недѣлю изъ деревни, гдѣ его жизнь ежеминутно подвергалась опасности.

«Я думалъ, что мое отсутствіе успокоитъ кровожадное возбужденіе шовинистовъ,—продолжаетъ онъ.—Ничуть не бывало. Мнѣ передавали очевидцы, что въ теченіе всего этого времени не проходило ни одной ночи, чтобы меня не поджидала группа изъ восьми или десяти человѣкъ; во главѣ ихъ находится начальникъ пожарной команды С... Деревенскій почтальонъ стоитъ на сторожѣ, чтобы предупредить шайку въ случаѣ неожиданнаго появленія жандармовъ. Чтобы придать себѣ тѣнь законности, они утверждаютъ, что я кричалъ: «Долой армію!» Но это неправда. Изъ *Petit Journal*, который изрѣдка попадаетъ мнѣ въ руки—это единственная газета, проникающая сюда,—я вижу, что дѣло, къ счастью, начинаетъ проясняться. Мнѣ очень хотѣлось бы читать *l'Aurore*. Если черезъ нѣкоторое время я соберусь съ деньгами, то вышлю вамъ, чтобы подписаться на газету».

Изъ всего вышеизложеннаго достаточно выясняются тѣ общественныя силы, между которыми происходила въ данномъ случаѣ борьба. Съ одной стороны стояли еще уцѣлѣвшіе остатки партій, господствовавшихъ въ прежнее время во Франціи, опиравшіеся на массовыя чувства, также вынесенныя ею изъ ея прошлой исторіи, и, кромѣ того, на современную безпринципную буржуазію. Съ другой стороны стояла интеллигентная и принципіальная Франція, опиравшаяся на публичное право своей страны, завоеванное съ такими тяжелыми усиліями, защищая

шая его и тѣмъ самымъ содѣйствовавшая его болѣе полному проведенію въ жизнь. Борьба была трудная и опасная; но исходъ ея теперь уже опредѣлился; побѣда осталась на сторонѣ интеллигентной Франціи, тѣхъ *intellectuels*, къ которымъ такъ презрительно относилась «патріотическая» печать въ періодъ своего наибольшаго торжества. Таковъ соціальный смыслъ этихъ крупныхъ общественныхъ событій. Въ такой формѣ произошла во Франціи первая серьезная стычка между клерикальной реакціей, давно уже нависшей надъ западно-европейскимъ континентомъ и демократической республикой. Франція и въ этомъ случаѣ оказалась первой изъ большихъ государствъ, намѣтившей важную современную задачу европейской демократіи и тѣмъ обнаружившей свое сравнительно высокое политическое развитіе.

Правда, тѣ формы, въ которыхъ разыгралось разсматриваемое событіе, могутъ показаться несоотвѣтствующими придаваемому нами ему серьезному значенію. Эти формы какъ бы указываютъ на упадокъ политической жизни во Франціи. Политическіе дѣятели, стоявшіе за это время во главѣ страны, далеко не прославили своихъ именъ; обѣ палаты депутатовъ пріобрѣли скорѣе печальную извѣстность; Франція была театромъ зрѣлищъ, подававшихъ поводъ берлинцамъ считать себя головою выше парижанъ и т. д.

Мы теперь знаемъ, чѣмъ должны быть объясняемы дикія сцены и грубое нарушеніе законности, которыми сопровождалось дрейфусовское дѣло. Это были предвѣстники подготовлявшагося насильственнаго переворота, призыва къ фанатическимъ страстямъ толпы. Что же касается второстепенной роли, которую игралъ въ разсматриваемомъ движеніи парламентъ, то въ этомъ заключается также одна изъ особенностей этого движенія, на которой мы хотимъ остановить вниманіе читателя.

Всякому слѣдящему за политической жизнью Франціи не трудно замѣтить, что за послѣднее десятилѣтіе парламентъ все болѣе и болѣе теряетъ въ ней свой престижъ. Съ одной стороны, на немъ самомъ слишкомъ замѣтно отражаются темныя стороны французской общественной жизни; съ другой — онъ почти не служитъ органомъ ея дальнѣйшаго развитія. Послѣднія событія особенно ярко показали, что онъ не только не является руководителемъ общественнаго мнѣнія, но, напротивъ того, самъ подчиняется давленію его низшихъ составныхъ элементовъ. Причины этого довольно сложны. Онѣ заключаются, во-первыхъ, въ самыхъ свойствахъ парламентскаго образа правленія, а во-вторыхъ, въ тѣхъ историческихъ условіяхъ, среди которыхъ онъ функціонируетъ во Франціи.

Парламентскій образъ правленія выработался въ западной Европѣ, преимущественно въ Англіи, на почвѣ политической борьбы съ средневѣковой монархіей, и тамъ, гдѣ еще сильны остатки аристократическихъ привиллегій, какъ, напр., въ Германіи съ ея юнкерствомъ, парламентъ еще не утратилъ своей блестящей политической роли и продолжаетъ служить дѣлу дальнѣйшей демократизаціи государственнаго строя. Но разъ эта цѣль достигнута, парламентъ, какъ это показываетъ новѣйшая исторія, стремится приспособиться къ окружающимъ общественнымъ условіямъ и обратиться въ орудіе *statu quo*. Его высшая современная форма характеризуется, какъ извѣстно, отвѣтственностью министерства передъ палатою депутатовъ и всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Отвѣтственность министерства обусловливаетъ собою политическое господство парламентскаго большинства, а всеобщее избирательное право опредѣляетъ составъ этого большинства. Такимъ образомъ центръ тяжести политической жизни переносится въ концѣ концовъ въ составъ избирателей, и парламентскій образъ правленія, въ его высшемъ развитіи, долженъ былъ бы, повидимому, обезпечивать политическое господство большинства населенія. Но это господство въ значительной степени фиктивно, благодаря, главнымъ образомъ, недостаточному

политическому развитію массы избирателей и оказываемому на нихъ давленію со стороны обладателей капитала. Такъ какъ обѣ эти причины, въ свою очередь, поддерживаются господствующими соціальными отношеніями, верховное регулированіе которыхъ находится въ рукахъ парламента, то получается извѣстный *cercle vicieux*, обусловливающій застой политической жизни. Парламентъ обращается въ орудіе консерватизма и перестаетъ стоять во главѣ общественнаго развитія. Естественно, что при такомъ положеніи дѣла общественное движеніе, вызываемое ростомъ новыхъ общественныхъ силъ, не только не вмѣщается въ стѣнахъ парламента, но стремится выйти изъ него и ищетъ для себя новыхъ политическихъ формъ. Извѣстно, что въ наиболѣе демократическихъ странахъ, а именно въ Соединенныхъ Штатахъ и Швейцаріи, такія формы уже выработы и все болѣе входятъ въ практику государственной жизни. Ими являются народная законодательная иниціатива и такъ-называемый *референдумъ*, т. е. передача вотированныхъ палатами законопроектовъ на окончательное утвержденіе народа путемъ прямого голосованія. Эти демократическія учрежденія имѣютъ въ виду, во-первыхъ, дать въ руки болѣе развитой части населенія возможность потребовать отъ парламента обсужденія новыхъ законодательныхъ мѣръ или пересмотра дѣйствующей конституціи, а во-вторыхъ, облегчить избирателямъ ихъ верховную правительственную функцію, предоставивъ ихъ вотуму не общія политическія программы, а частныя законодательныя мѣры, имѣющія гораздо болѣе опредѣленное отношеніе къ ихъ интересамъ.

Такимъ образомъ классическій парламентскій образъ правленія уже видимо отживаетъ свое время въ наиболѣе передовыхъ конституціонныхъ государствахъ и находится въ періодѣ упадка, обусловленнаго его собственными свойствами. Но этотъ упадокъ парламентской жизни вовсе не предполагаетъ соотвѣтствующей деградаціи общества, отсутствія въ странѣ живого общественнаго движенія, такъ какъ послѣднему приходится искать для себя другихъ путей, другихъ способовъ проявленія. Это особенно примѣнимо по отношенію именно къ Франціи.

Нѣкоторыя условія общественной жизни Франціи значительно усиливаютъ въ ней недостатки парламентскаго образа правленія. Прежде всего, вслѣдствіе гораздо болѣе полнаго упадка во Франціи политической роли аристократіи, по сравненію, напримѣръ, съ Англіей, составъ парламентскаго большинства въ ней гораздо болѣе однороденъ. Это отсутствіе двухъ или трехъ борящихся между собою господствующихъ политическихъ партій значительно затрудняетъ дѣятельность демократическаго меньшинства во французскомъ парламентѣ и сводитъ ее почти къ нулю.

Другую особенность политической жизни во Франціи составляетъ преобладаніе въ ней сравнительно обезпеченнаго земледѣльческаго населенія. Въ апрѣльской книжкѣ «Міра Божія», разсматривая вопросъ о маломъ приростѣ французскаго народонаселенія, мы старались выяснить общественное значеніе этого явленія. Оно сводится къ поддержанію экономическаго *statu quo* французскаго крестьянства и, вслѣдствіе этого, къ ослабленію численности и политическаго значенія городского пролетаріата. Мы видимъ, напримѣръ, что въ Англіи современные консерваторы и либералы конкуррируютъ между собою въ заискиваніи поддержки у многочисленныхъ и организованныхъ городскихъ избирателей. Такимъ образомъ сравнительно слабое развитіе рабочаго движенія во Франціи еще болѣе увеличивало безраздѣльное и безконтрольное господство французской буржуазіи въ парламентѣ, т. е. уничтожало его руководящее политическое значеніе.

Всѣ эти неблагопріятныя для парламентской жизни обстоятельства способствовали ея особенно замѣтному упадку во Франціи. Этотъ упадокъ проявился въ застоѣ французскаго законодательства, въ крупныхъ парламентскихъ скандалахъ, въ равнодушномъ, почти презрительномъ отношеніи къ своему парла-

менту французскаго общества. Насмѣшки и безпощадныя издѣвательства надъ палатами сдѣлались общимъ мѣстомъ французской публицистики. Между парламентомъ и наиболѣе активною частью французскаго общества образовалась какъ бы пропасть. Этимъ именно объясняется то странное на первый взглядъ обстоятельство, что очень серьезное общественное движеніе возникло и разыгрывается во Франціи внѣ парламентскихъ стѣнъ, при пассивной, исключительно задерживающей роли законодательныхъ палатъ, престижу которыхъ нанесенъ этимъ еще одинъ крупный ударъ. Ясно, слѣдовательно, что по низкому уровню парламентской жизни во Франціи нельзя судить о дѣйствительномъ состояніи ея общественнаго пульса. Франція—страна богатая, какъ матеріальными, такъ и умственными силами; не смотря на многія неблагопріятныя условія ея современнаго положенія, странно было бы говорить о ея политическомъ паденіи. Но несомнѣнно, что она ищетъ новыхъ путей общественной дѣятельности, новыхъ формъ политической жизни. Такъ-называемое дѣло Дрейфуса представляетъ собою, какъ намъ кажется, одно изъ проявленій этого внутренняго общественнаго процесса.

П. Б.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ.

Читатели «Міра Божія» уже знакомы съ книжкой Фабра по нѣсколькимъ отрывкамъ изъ нея, которые были помѣщены въ нашемъ журналѣ за 1895 г. Теперь появился полный переводъ этой книги на русскомъ языкѣ, что даетъ намъ поводъ познакомить читателей ближе съ замѣчательными наблюденіями французскаго энтомолога.

Фабръ былъ маленькимъ провинціальнымъ учителемъ на югѣ Франціи, въ Провансѣ, близъ Авиньона. Большую часть жизни пришлось ему перебиваться изъ-за куска хлѣба, и только подъ старость удалось ему выполнить мечту своей жизни—купить маленькій клочокъ земли, заброшенный пустырь, заросшій чертополохомъ и другими колючими растеніями, гдѣ бы онъ могъ спокойно предаваться дѣлу своей жизни—наблюденіямъ надъ инстинктомъ и нравами насѣкомыхъ. Какъ ни велика разница между Россіей и Франціей, все-таки французская провинціальная жизнь, особенно много лѣтъ назадъ, во время молодости Фабра, имѣла много общаго съ жизнью нашей провинціи: общество, раздѣленное на отдѣльныя группы непреодолимыми перегородками предразсудковъ, отсутствіе общественныхъ интересовъ и гнетущая скука, какъ результаты всего этого. Точно также легко себѣ представить условія жизни Фабра, когда онъ былъ молодымъ учителемъ — они такъ хорошо описаны въ одномъ изъ романовъ Доде «Le petit chose».

Вотъ какъ Фабръ описываетъ начало своихъ наблюденій надъ насѣкомыми: «Въ 1843 г., еще 18-ти-лѣтнимъ юношей, я только-что начиналъ свою преподавательскую дѣятельность въ Карпантра, въ качествѣ завѣдующаго первоначальной школой, переименованной тогда въ высшую школу, или коллежъ. Между предметами, которые я преподавалъ, одинъ въ особенности привлекалъ какъ учителя, такъ и учениковъ. Это — геометрія въ открытомъ полѣ, т. е. практическія землемѣрныя работы. Съ наступленіемъ мая, по два раза въ недѣлю, мы покидали мрачную школьную залу и, вооруженные цѣпями, вѣхами и прочими инструментами, направлялись въ поля и на необработанныя каменистыя равнины для измѣреній и размежеванія всякихъ многоугольниковъ. На первой же экскурсіи мое вниманіе было привлечено чѣмъ-то подозрительнымъ въ поведеніи школьниковъ. Если какой-нибудь изъ нихъ былъ посланъ далеко для втыканія вѣхи, то я видѣлъ, какъ онъ много разъ останавливался, нагибался и чего-то искалъ съ такимъ вниманіемъ, что забывалъ о вѣхѣ; другой, не обращая никакого вниманія на способы измѣренія угловъ, растиралъ въ рукахъ какіе-то комочки земли. А многоугольникъ ожидалъ своей очереди, діагонали страдали. Я спрашиваю: что же это все значитъ? и все объясняется. Изслѣдователь и наблюдатель по природѣ, ученикъ, давно уже зналъ то, что было еще неизвѣстно учителю. На камняхъ пустыря большая черная пчела

устраиваетъ гнѣзда изъ земли. Въ этихъ гнѣздахъ есть медъ и мои землемѣры открываютъ ихъ для того, чтобы высосать его чрезъ соломенку Они объясняютъ мнѣ, какъ это дѣлать. Медъ, хотя слишкомъ крѣпкій, все-таки очень вкусенъ. Я, въ свою очередь, нахожу его по вкусу и присоединяюсь къ искателямъ гнѣздъ. А за многоугольникъ примемся потомъ. Такъ я увидалъ въ первый разъ пчелу-каменщицу Реомюра, хотя я тогда не зналъ ни ея исторіи, ни историка. Это великолѣпное перепончатокрылое, съ темнофіолетовыми крыльями и чернымъ бархатнымъ костюмомъ; его грубыя постройки на пригрѣтыхъ солнцемъ камняхъ среди тмина, медъ, развлекавшій насъ во время землемѣрныхъ работъ—все это произвело на меня новое впечатлѣніе; и мнѣ захотѣлось узнать о ней больше того, чему научили меня мои школьники: высасывать медъ изъ ячеекъ черезъ соломенку. Въ это время у моего книгопродавца была великолѣпная книга о насѣкомыхъ «Естественная исторія членистыхъ животныхъ, де Кастельно, Эм. Бланшара, Лукаса». Книга была со множествомъ рисунковъ, которые приковывали вниманіе. Но, увы! это и стоило хорошихъ денегъ! Ахъ какихъ денегъ! За нее надо было отдать мѣсячное жалованье. Но, что за важность: развѣ моего великолѣпнаго оклада, въ 700 франковъ въ годъ, не должно хватить на умственную пищу такъ же, какъ на тѣлесную. То, что истрачу лишняго на одной, съэкономлю на другой — къ этому долженъ быть готовъ всякій, кто зарабатываетъ себѣ хлѣбъ наукой. Покупка была сдѣлана и книга была буквально проглочена. Изъ нея я узналъ названіе моей черной пчелы; здѣсь я въ первый разъ прочелъ подробное описаніе нравовъ насѣкомыхъ; здѣсь я встрѣтилъ, окруженныя въ моихъ глазахъ нѣкоторымъ ореоломъ, имена Реомюра, Губера, Леона Дюфура; и въ то время, какъ я въ сотый разъ перелистывалъ книгу, внутренній голосъ шепталъ мнѣ: и ты также будешь историкомъ животныхъ».

Таково было скромное начало болѣе чѣмъ сорокалѣтней, блестящей дѣятельности Фабра, какъ естествоиспытателя-энтомолога. Въ провинціальной глуши, среди тяжелой матеріальной обстановки, ему удалось сдѣлать рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій, сдѣлавшихъ его имя извѣстнымъ всему ученому міру и заслужившихъ хвалебные отзывы отъ такого авторитета, какъ Дарвинъ.

Книга Фабра настолько богата содержаніемъ, что мы не можемъ задаваться цѣлью передать хотя вкратцѣ ея содержаніе цѣликомъ, остановимся только на нѣкоторыхъ очеркахъ.

Однако, какъ ни разнообразенъ матеріалъ, занимающій Фабра, двѣ общихъ мысли постоянно его занимаютъ: во-первыхъ, мудрость инстинкта, какъ онъ это называетъ, то есть его необыкновенная сложность, и, во-вторыхъ, неудовлетворительность инстинкта, когда нарушены условія, въ которыхъ обыкновенно приходится животному жить и работать.

Необыкновенная мудрость инстинкта сразу же выясняется въ первомъ очеркѣ книги, посвященномъ насѣкомымъ, которыя парализуютъ добычу, чтобы снести ее въ норки, гдѣ она будетъ служить пищею ея личинкамъ.

Съ перваго взгляда для нихъ было бы проще наловить добычи, умертвить ее и сложить въ норку, но дѣло въ томъ, что разъ норка снабжена добычей, она задѣлывается и запасъ пищи для личинки въ сухую погоду скоро бы высохъ, а въ сырую скоро бы загнилъ, между тѣмъ, какъ личинка требуетъ себѣ совершенно свѣжей, живой пищи. И вотъ, оса, дѣйствительно, составляетъ запасъ пищи для своей личинки изъ живыхъ насѣкомыхъ, лишенныхъ способности двигаться. Достигаетъ она этого способомъ, который, если бы его вырабатывать сознательнымъ путемъ, потребовалъ бы соединенія знаній физіологіи, какія были у Клодъ Бернара и Флуранса, съ знаніемъ строенія нервной системы насѣкомыхъ, какими обладали только знаменитые изслѣдователи послѣднихъ. Оса лишаетъ своихъ жертвъ способности двигаться, поражая своимъ жаломъ тѣ

нервные узлы, которые завѣдуютъ движеніемъ конечностей насѣкомаго. Фабръ описываетъ, какъ эту операцію производитъ оса — церцерисъ надъ жукомъ долгоносикомъ—клеономъ.

«Я уже говорилъ, что, возвращаясь съ охоты, церцерисъ садится внизу обрыва, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ норки, и тяжело дотаскиваетъ свою добычу пѣшкомъ. Въ этотъ моментъ надо отнять у него жертву, схвативъ ее пинцетомъ за лапку, и сейчасъ же въ обмѣнъ бросить ему живого клеона. Какъ только церцерисъ почувствовала, что добыча скользитъ у нея подъ брюшкомъ и исчезаетъ, она нетерпѣливо бьетъ лапками по землѣ, оборачивается и, замѣтивъ новаго клеона, который замѣнилъ ей добычу, кидается на него и обхватываетъ его лапками, чтобы унести. Но скоро она замѣчаетъ, что добыча жива, и тогда начинается драма, оканчивающаяся съ непостижимой быстротой.

«Оса становится лицомъ къ лицу съ своей жертвой, схватываетъ ея хоботъ своими могучими челюстями и въ то время, какъ долгоносикъ выгибается на своихъ ножкахъ, оса передними лапками усиленно давитъ въ его спинку, какъ будто для того, чтобы раскрыть какое-нибудь сочлененіе брюшка. Тогда брюшко убійцы скользитъ подъ брюшкомъ клеона и живо, въ два, три пріема впускаетъ свой ядовитый стилетъ въ мѣсто прикрѣпленія передней части груди, между второй и первой парами ножекъ. Все сдѣлано въ одно мгновеніе. Безъ малѣйшаго конвульсивнаго движенія, безъ этихъ потягиваній членами, которыя обыкновенно сопровождаютъ предсмертную агонію животнаго, жертва, какъ пораженная громомъ, падаетъ навсегда неподвижная. Это ужасно столь же, какъ и удивительно по быстротѣ. Потомъ охотникъ поворачиваетъ трупъ на спину, обхватываетъ его ножками и улетаетъ съ нимъ».

Въ то время, какъ умерщвленное какимъ-либо способомъ животное быстро сохнетъ или загниваетъ, пораженные такимъ образомъ жуки сохраняются совершенно свѣжими въ теченіе мѣсяца и болѣе. Они не мертвы, доказательствомъ этого служитъ выдѣленіе экскрементовъ, продолжающееся въ теченіе первой недѣли; также если опустить такихъ долгоносиковъ въ банку съ опилками, намоченными бензиномъ, можно видѣть, что жуки двигаютъ усиками и лапками, но это не есть возвращеніе къ жизни, а наоборотъ признакъ окончательно угасающей раздражимости. Еще послѣ десятаго дня можно вызвать въ этихъ жукахъ, раздражая ихъ посредствомъ электричества, слабыя сокращенія ножекъ.

Еще большимъ удивленіемъ мы проникаемся къ талантамъ осы, когда обратимъ вниманіе на выборъ жуковъ, дѣлаемый ею. Фабръ пытался воспроизвести лишеніе насѣкомаго способности двигаться, производимое осою. Когда онъ для этой цѣли бралъ жуковъ пластинчатоусыхъ, златокъ или долгоносиковъ, это ему легко удавалось. Для этой цѣли онъ иглой или, что удобнѣе, концомъ остраго металлическаго пера вводилъ капельку какой-нибудь ѣдкой жидкости, напр., амміака, въ двигательные грудные центры жука, уколовъ его въ сочлененія перваго и второго грудныхъ колецъ, позади первой пары ножекъ. У жуковъ, упомянутыхъ выше, дѣйствіе укола мгновенно — насѣкомое дѣлается недвижимымъ. Но совсѣмъ не то происходитъ съ другими жуками, напр., жужжелицами. Уколотая такимъ образомъ жужжелица не только не впадаетъ въ параличъ, но, наоборотъ, производитъ жестокія и безпорядочныя конвульсіи. Эта разница въ дѣйствіи укола получается оттого, что у этихъ двухъ группъ жуковъ есть рѣзкая разница въ строеніи нервной системы. Въ то время, какъ у жуковъ, служащихъ добычею осы, три нервныхъ грудныхъ узла, завѣдующихъ движеніями, расположены тѣсно другъ возлѣ друга, одной группой, такъ что однимъ уколомъ можно ихъ разрушить; у другихъ жуковъ дѣло обстоитъ иначе: у нихъ нервные узлы расположены цѣпью, такъ что въ одинъ пріемъ ихъ нельзя всѣхъ уничтожить.

Крайне интересно, что во внѣшнемъ видѣ жуковъ эта тонкость строенія нервной системы ничѣмъ не отмѣчена, такъ что осы церцерисъ, выбирая себѣ добычей однѣ долгоносиковъ, другія злотокъ, дѣйствуютъ при этомъ, какъ бы руководимыя глубокимъ знаніемъ сравнительной анатоміи нервной системы насѣкомыхъ. Замѣчательна также легкость, съ какою осы находятъ свою добычу. Въ то время, какъ самъ Фабръ, опытный энтомологъ, долженъ былъ посвятить два дня, чтобы найти трехъ цѣлыхъ долгоносиковъ, въ тѣхъ-же мѣстахъ въ очень короткое время наши осы находятъ ихъ сотнями и притомъ свѣжими и блестящими, повидимому, только что вышедшими изъ куколки.

Такою же глубокою опытностью въ анатоміи и систематикѣ насѣкомыхъ обладаетъ и другая группа осъ—сфексы. Добычею ихъ служатъ прямокрылые: одни изъ сфексовъ охотятся за сверчками, другіе за кобылками, одинъ видъ даже за особымъ видомъ таракана—за американскимъ таракономъ или какерлакомъ и, наконецъ, одинъ за большимъ кузнечикомъ—эфиппигерой. Эти насѣкомыя очень рѣзко отличаются другъ отъ друга по внѣшнему виду и неопытный глазъ никогда не призналъ бы ихъ за родственниковъ, между тѣмъ какъ родъ сфексовъ это дѣлаетъ. У всѣхъ этихъ прямокрылыхъ животныхъ нервная система построена по одному типу—нервные узлы груди расположены одинъ за другимъ цѣпочкой и сдѣлать животное неподвижнымъ ударомъ въ одно мѣсто невозможно. Дѣйствительно и сфексы, нападая на свою добычу, наносятъ ей послѣдовательно три удара стилетомъ: въ первый разъ въ шею жертвы, во второй разъ—въ сочлененіе двухъ переднихъ сегментовъ груди и, затѣмъ, третій ударъ въ мѣсто прикрѣпленія брюшка.

Одинъ изъ сфексовъ — лангедокскій — охотится за самкой одного большого кузнечика — эфиппигера; нападая на него, сфексъ, вѣроятно, экономя капельки яда, которымъ снабжается жало, не лишаетъ ее вполнѣ способности движенія; эфиппигера, запертая въ ячейку, безпорядочно двигаетъ своими челюстями, усиками и ножками и только не можетъ перевернуться и избавиться отъ прикрѣпленнаго къ ней яичка или выбраться изъ ячейки. Такое неполное парализованіе жертвы вполнѣ достаточно, когда эфиппигера помѣщена уже въ ячейку. Другое дѣло во время перетаскиванія ея въ норку: тащитъ сфексъ значительно превосходящую его по величинѣ эфиппигеру за ея длинный усикъ, который проходитъ у нея между ножками, а дичь волочится сзади, опрокинутая на спину. Въ такомъ положеніи она могла бы цѣпляться снабженными коготками ножками за всякія препятствія; наконецъ могла бы своими страшными челюстями вцѣпиться въ брюшко неосторожно приблизившагося къ ней сфекса. Однимъ словомъ, если для сохраненія эфиппигера въ ячейкѣ совсѣмъ не нужно, чтобы она была вполнѣ парализована, то для сфекса въ то время, какъ онъ ее тащитъ, наоборотъ, необходимо, чтобы она была хоть временно совершенно парализована, и онъ этого достигаетъ съ такимъ искусствомъ, какъ будто бы онъ вооруженъ глубокимъ знаніемъ физіологіи и анатоміи. Для этого сфексъ, сидя верхомъ на добычѣ, широко раскрываетъ у нея шейное сочлененіе на верхней сторонѣ и мнетъ это мѣсто, не повреждая тонкой кожицы, концами своихъ челюстей. Дѣло въ томъ, что при этомъ онъ повреждаетъ колечко изъ нервныхъ узелковъ, замѣняющее мѣсто головного мозга высшихъ животныхъ; у насѣкомыхъ эти узелки завѣдуютъ движеніями частей рта и, кромѣ того, служатъ мѣстопребываніемъ воли и послѣ поврежденія ихъ животное дѣлается совершенно неподвижнымъ. Фабръ пытался воспроизвести эту операцію сфекса, замѣняя челюсти послѣдняго пинцетомъ; ему дѣйствительно удалось получить полный параличъ эфиппигеры; разница получалась только въ томъ, что животное съ головными узлами, помятыми сфексомъ, опять получало, по прошествіи нѣкотораго времени, способность движенія, между тѣмъ, какъ послѣ операціи человѣка животное окончательно умирало.

На томъ же лангедокскомъ сфексѣ можно видѣть рѣзко выраженнымъ то, что Фабръ называетъ и невѣжествомъ инстинкта. «Для инстинкта,—говоритъ Фабръ,—нѣтъ ничего труднаго до тѣхъ поръ, пока дѣйствіе не выходитъ изъ обычнаго круга дѣятельности, отведеннаго животному; для инстинкта также нѣтъ ничего легкаго, если дѣйствіе должно отклониться отъ обыкновеннаго пути. Насѣкомое, которое удивляетъ и поражаетъ насъ своею высокой проницательностью, минуту спустя, передъ фактомъ самымъ простымъ, но чуждымъ его обыкновенной практикѣ, удивляетъ насъ своей тупостью». Приведемъ здѣсь подлинный отрывокъ Фабра,картинно излагающаго опытъ.

«Сфексъ, влачащій свою добычу, находится уже въ нѣсколькихъ дюймахъ отъ норки. Не трогая его, я перерѣзываю ножницами усики эфиппигеры, которые, какъ уже извѣстно, служатъ ему вмѣсто возжей. Оправившись отъ удивленія, которое вызываетъ въ немъ внезапное облегченіе ноши, перепончатокрылое возвращается къ ней и безъ колебаній схватываетъ ее за основаніе усиковъ, короткіе остатки, не перерѣзанные ножницами. Эти кусочки очень коротки, едва въ миллиметръ длины, но насѣкомому нужды нѣтъ до этого; оно схватываетъ ихъ и принимается снова тащить добычу. Очень осторожно, чтобы не ранить сфекса, я отрѣзываю ножницами и эти два кусочка усиковъ, какъ разъ у черепа эфиппигеры. Не имѣя за что схватится въ знакомыхъ ему мѣстахъ, сфексъ схватываетъ длинную щупальцу жертвы и продолжаетъ свою работу передвиженія, причемъ, повидимому, его нисколько не безпокоитъ эта перемѣна въ способѣ упряжки. Я оставляю его въ покоѣ. Добыча притащена къ жилищу и положена такъ, что головою обращена ко входу въ норку. Тогда перепончатокрылое входитъ одно въ норку, чтобы сдѣлать краткій осмотръ внутренности ячейки, прежде чѣмъ втаскивать запасъ. Я пользуюсь этимъ краткимъ мгновеніемъ, чтобы схватить добычу, пообрывать у нея всѣ щупальцы и положить ее на шагъ разстоянія отъ норки. Сфексъ появляется и прямо идетъ къ дичи, которую онъ видитъ съ порога своей двери. Онъ ищетъ со всѣхъ сторонъ головы жертвы, за что бы схватиться, но ничего не находитъ. Сдѣлана отчаянная попытка: открывъ во всю ширину свои челюсти, сфексъ пытается схватить ими эфиппигеру за голову; но челюсти скользятъ по круглой и гладкой головѣ. Онъ много разъ повторяетъ попытку, но безъ всякаго результата. Наконецъ, убѣдившись въ безполезности своихъ усилій, онъ отступаетъ немного въ сторону и, повидимому, отказывается отъ добычи. Сфексъ обезкураженъ; задними ножками онъ разглаживаетъ себѣ крылышки, а передними, которыя беретъ сначала въ ротъ, промываетъ глаза. У перепончатокрылыхъ, мнѣ казалось, это всегда служитъ признакомъ того, что они отказываются отъ работы. А между тѣмъ нѣтъ недостатка въ мѣстахъ, за которыя можно было бы схватить эфиппигеру и такъ же легко потащить, какъ за усики или за щупальцы. Есть шесть ножекъ и яйцекладъ, все органы, достаточно тонкія для того, чтобы схватить ихъ цѣликомъ и употребить вмѣсто возжей. Я признаю, что удобнѣе всего втащить дичь за усики, при чемъ голова входитъ первая въ норку; но, если ее тащить за ножку, въ особенности за переднюю, то она почти съ такою легкостью войдетъ въ норку, потому что входъ широкъ, а корридоръ очень коротокъ, его почти нѣтъ. Почему же сфексъ даже не пробуетъ ни одного раза схватить за одну изъ шести ножекъ или за кончикъ яйцеплода, тогда какъ онъ пытается сдѣлать невозможное: схватить челюстями, несравненно меньшими по размѣру, громадную голову своей добычи. Можетъ быть, ему не пришла въ голову эта мысль? Въ такомъ случаѣ попытаемся пробудить ее въ немъ.

«Я подставлю ему въ челюсти то ножку, то кончикъ яицеклада эфиппигеры. Насѣкомое упорно отказывается ихъ взять; мои попытки, повторенныя нѣсколько разъ, не приводятъ ни къ чему. Можетъ быть, мое продолжительное присутствіе и необычныя обстоятельства спутали его способности? Такъ предо-

ставимъ сфекса самому себѣ возлѣ его добычи, дадимъ ему время сосредоточиться и изобрѣсти въ тиши уединенія какое-нибудь средство выйти изъ затрудненія. И такъ, я его оставляю и продолжаю свой путь, а два часа спустя возвращаюсь на то же мѣсто. Сфекса тамъ уже больше нѣтъ, норка открыта, а эфиппигера лежитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ я ее положилъ. Выводъ: перепончатокрылое не дѣлало больше попытокъ, оно ушло, покинувъ все—жилье, дичь, тогда какъ для того, чтобы воспользоваться тѣмъ и другимъ, ему стоило только схватить свою добычу за ножку. Такимъ образомъ, этотъ ученикъ Флуранса, который только что поражалъ насъ своими знаніями, когда сжималъ мозгъ добычи, чтобы вызвать у нея летаргію, оказывается невѣроятно неспособнымъ для совершенія самаго простого дѣйствія, но выходящаго изъ круга его привычекъ».

Второй опытъ, подтверждающій это положеніе, былъ слѣдующій: у сфекса изъ совершенно готовой норки, съ положенной туда эфиппигерой, у которой на груди было прикрѣплено яйцо, когда уже сфексъ закрывалъ норку, Фабръ вынулъ положенную туда эфиппигеру вмѣстѣ съ яйцемъ. Сфексъ смотрѣлъ, какъ вынимали его добычу изъ норки, наконецъ, послѣ того онъ взошелъ въ норку и внимательно ее осмотрѣлъ, а въ результатѣ всего сфексъ принимается основательнѣйшимъ образомъ задѣлывать пустую норку, какъ будто въ ней по прежнему лежала эфиппигера съ яйцомъ. И это не было временное задѣлываніе норки съ тѣмъ, чтобы воспользоваться ею когда-либо послѣ, такъ какъ сфексъ уже никогда больше къ ней не возвращался.

Также поучителенъ слѣдующій опытъ: если у бѣлокаемчатаго сфекса, охотящагося на кобылокъ, нѣсколько разъ отнимать и откладывать на нѣкоторое разстояніе добычу въ то время, какъ онъ входитъ въ норку, чтобы послѣдній разъ осмотрѣть ее, то онъ постоянно возвращается къ добычѣ, подтаскиваетъ ее опять ко входу къ норкѣ и опять-таки опускается въ норку, чтобъ еще разъ осмотрѣть ее. Если при этомъ въ концѣ концовъ совершенно взять добычу и спрятать ее туда, гдѣ сфексъ не могъ бы ее найти, то сфексъ, выйдя изъ норки, опять отправляется осматривать ее, а возвратившись, принимается старательно замуровывать ее, какъ будто бы тамъ находилась добыча съ отложеннымъ яйцомъ. Фабръ слѣдующимъ образомъ объясняетъ себѣ, что въ норкахъ сфекса находишь разное число сверчковъ: обыкновенно четыре, но иногда три или даже два. Личинкѣ для полнаго развитія нужно, повидимому, четыре животныхъ, и если мы находимъ меньшее количество, то это объясняется неудачными экскурсіями, когда принесенный и оставленный у норки сверчокъ откатился слишкомъ далеко отъ нея и не былъ найденъ сфексомъ или послѣдній не рѣшился взять его. Дѣйствительно, у подножія склоновъ, занятыхъ сфексами, говоритъ Фабръ, можно найти раненыхъ сверчковъ, потерянныхъ вслѣдствіе того, что они соскользнули съ крутой покатости въ то время, какъ охотникъ по какой-нибудь причинѣ оставилъ ихъ на минуту. Эти сверчки становятся добычей муравьевъ и мухъ, и сфексы, которые на нихъ наталкиваются, очень остерегаются подбирать ихъ, потому что они сами ввели бы враговъ въ свое жилище.

«Эти факты,—говоритъ Фабръ,—доказываютъ, что если ариѳметика темнокрылаго сфекса способна точно сосчитать число тѣхъ жертвъ, которыхъ онъ долженъ поймать, то она не въ состояніи подняться до того, чтобы провѣрить тѣхъ жертвъ, которыя благополучно доставлены по назначенію, какъ будто бы животное не имѣетъ другого руководителя въ своихъ счетахъ, кромѣ неудержимаго стремленія, влекущаго его опредѣленное число разъ на поиски за дичью. Когда онъ совершилъ обычное число экспедицій, когда онъ сдѣлалъ все, что въ состояніи, для того, чтобы втащить въ жилище добычу, явившуюся результатомъ его экспедицій—его трудъ оконченъ и ячейка закрывается, вполнѣ ли она

снабжена провизіей, или нѣтъ. Инстинктъ все знаетъ,—заканчиваетъ Фабръ,—въ той неизмѣнной области дѣйствій, которая ему предназначена; инстинктъ ничего не знаетъ внѣ этой области. Его участь быть въ одно и то же время высочайшимъ ясновидѣніемъ знанія и удивительной непослѣдовательностью глупости, смотря по тому, дѣйствуетъ ли животное въ условіяхъ нормальныхъ, или же въ условіяхъ случайныхъ».

Слѣдующее насѣкомое, на которомъ мы остановимся изъ книги Фабра, филантъ-пчелиный волкъ. Эта оса ловитъ въ пищу своимъ личинкамъ, а также, отчасти, какъ мы увидимъ дальше и для себя, домашнихъ пчелъ. Поймавъ пчелу, филантъ становится прямо на свои заднія ножки и концы крыльевъ, держитъ пчелу передъ собою и, загнувъ свое брюшко съ жаломъ, поражаетъ пчелу въ шейное сочлененіе, т. е. въ ея головной мозгъ, и убиваетъ ее.

Осы, о которыхъ мы говорили раньше, поражали свою добычу въ нервные центры, завѣдывавшіе движеніемъ; дѣлали они это, чтобъ лишить ее только способности движенія, филантъ же поступаетъ по другому—онъ прямо убиваетъ свою жертву. Дальнѣйшее наблюденіе показываетъ, что эта перемѣна въ тактикѣ имѣетъ глубокій смыслъ. Убивъ пчелу, филантъ сейчасъ же старается выдавить изъ ея зобика и желудка запасъ меда и тщательно слизываетъ его съ пчелы. Въ первую минуту можно подумать, что все это просто гнусный грабежъ съ его стороны и что онъ лишаетъ своихъ дѣтей самой вкусной части ихъ пищи—пчелы. На самомъ дѣлѣ не такъ. Фабръ пробовалъ кормить личинокъ филанта пчелами, у которыхъ зобикъ оставался полнымъ меда, и эти личинки начинали хирѣть и погибали. Если смазать пчелу медомъ снаружи и предложить личинкѣ, то она, несмотря на голодъ, откажется отъ пищи и не дотронется до такой пчелы. Такимъ образомъ филантъ, для того, чтобы пчела могла служить пищей его личинкѣ, долженъ непремѣнно выдавить изъ ея зобика медъ и слизать его. А это онъ можетъ сдѣлать, только убивъ пчелу и парализовавъ ея ротовыя части и мышцы пищевода уколомъ жала въ головные нервные центры пчелы. Этимъ объясняется, почему тактика филанта совершенно другая, чѣмъ у осъ, парализующихъ свою добычу. Но такъ какъ филантъ убиваетъ свою добычу, а не парализуетъ, то онъ и не можетъ дѣлать запасъ пищи для своихъ личинокъ, а долженъ постоянно кормить ихъ только что убитыми пчелами.

Всѣ осы, которыхъ мы до сихъ поръ описывали, могутъ внушать большее удивленіе къ сложности и мудрости ихъ инстинкта, но въ то же время могутъ вызывать и чувство антипатіи жестокостью, съ какой они обращаются съ своей беззащитной добычей. Не то совсѣмъ геройскія насѣкомыя, къ которымъ мы перейдемъ. Чтобы доставить пищу своему потомству, они нападаютъ на хищниковъ, страшно вооруженныхъ и большихъ, чѣмъ они, по величинѣ.

Таковъ, напримѣръ тахитъ, охотящійся за богомолами. Мы не можемъ не привести великолѣпное описаніе богомола-эмпубы, дѣлаемое Фабромъ—оно такъ характеризуетъ манеру Фабра писать.

«Въ мірѣ насѣкомыхъ нашихъ странъ нѣтъ существа болѣе страннаго. Это какое-то привидѣніе, дьявольскій призракъ. Ея плоскій животъ, изрѣзанный по краямъ фестонами, поднимается дугой; ея коническая голова кончается вверху широкими, расходящимися рогами, похожими на кинжалы; ея тонкая заостренная физіономія, которая умѣетъ смотрѣть въ сторону, годилась бы по хитрости ея выраженія какому-нибудь мефистофелю; ея длинныя ножки снабжены въ мѣстахъ сочлененій пластинчатыми придатками, подобными наручнямъ, которые носили на локтяхъ древніе рыцари. Высоко приподнявшись, какъ на ходуляхъ, на своихъ четырехъ заднихъ ножкахъ, изогнувъ брюшко, приподнявъ прямо туловище, а переднія ножки, свою охотничью ловушку, сложивъ на груди, она мягко покачивается на концѣ какой-нибудь вѣтки... Еще словечко о богомолѣ. Его длинныя крылья нѣжно-зеленаго цвѣта, по-

хожія на большія вуали, его поднятая къ небу голова и скрещенныя на груди переднія ножки даютъ ему видъ богомольца въ религіозномъ экстазѣ. А между тѣмъ, это жестокое животное, любящее кровь. Усѣвшись на какомъ-нибудь низкомъ кустарникѣ, онъ ждетъ, чтобы случай послалъ ему какихъ-нибудь проходящихъ изъ насѣкомыхъ. Терпѣніе его подвергается продолжительному испытанію: перепончатокрылое недовѣрчиво держится на сторожѣ; но, наконецъ, какой-нибудь вѣтренникъ попадается. Внезапнымъ шумомъ полураскрытыхъ крыльевъ, чѣмъ-то въ родѣ конвульсивнаго потягиванья, богомолъ пугаетъ до оцѣпенѣнія приближающагося, который отъ страха на минуту останавливается. Сейчасъ же порывистымъ движеніемъ вытягиваются переднія ножки, зазубренная голень приближается къ такому же бедру и насѣкомое схвачено зубьями складной пилы. Сомкнувъ свою жестокую машину, богомолъ начинаетъ грызть маленькими кусочками схваченнаго плѣнника. Таковы восторги религіозныхъ размышленій *богомола!*»

Вотъ какую страшную добычу долженъ побѣдить и парализовать тахитъ. У богомала первое длинное кольцо туловища отдѣляетъ первую пару ножекъ, составляющую страшную двойную пилу, ловушку богомола, отъ остальныхъ двухъ заднихъ паръ ножекъ. Это первое кольцо туловища заключаетъ первый нервный узелъ, самый большой и самый важный, такъ какъ онъ инервируетъ страшную переднюю пару ножекъ. На разстояніи отъ этого нервнаго узла близко одно отъ другого расположены два другихъ грудныхъ узла, снабжающихъ нервами вторую и третью пару ножекъ.

Тахитъ хорошо знаетъ объ угрожающей опасности и сообразно этому прибѣгаетъ къ слѣдующей тактикѣ. «Тахитъ начинаетъ жужжать и летать позади богомола, производя очень быстрыя качательныя движенія. А богомолъ, между тѣмъ, смѣло выпрямляется на своихъ четырехъ заднихъ ножкахъ: онъ приподнимаетъ переднюю часть туловища, открываетъ, закрываетъ и снова открываетъ свои пилы и угрожающе выставляетъ ихъ противъ врага. Вслѣдствіе преимущества въ строеніи шеи, котораго не раздѣляетъ съ нимъ никакое другое насѣкомое, онъ поворачиваетъ голову то въ одну сторону, то въ другую сторону, какъ это дѣлаемъ мы, когда смотримъ чрезъ плечо. И вотъ онъ поворачивается къ нападающему, готовый къ отпору, съ какой бы стороны ни произошло нападеніе. Я въ первый разъ присутствую при такой смѣлой защитѣ. Тахитъ продолжаетъ свои качательныя движенія, чтобы избѣжать ужасной хватательной машины; потомъ сразу, когда считаетъ, что богомолъ сбитъ съ толку быстротою его маневровъ, садится на спину жертвы, схватываетъ ее челюстями за шею, обхватываетъ ножками передне-грудь и поспѣшно жалитъ въ переднюю ея часть туда, гдѣ прикрѣпляются переднія ея ножки: смертоносныя пилы безсильно опускаются. Тогда операторъ скользитъ внизъ, какъ вдоль мачты, останавливается на спинкѣ средне-груди и парализуетъ, на этотъ разъ не торопясь, двѣ пары заднихъ ножекъ. Все кончено: парализованный лежитъ неподвижно, только лапки его дѣлаютъ послѣднія конвульсивныя движенія. Тахитъ нѣсколько мгновеній чиститъ себѣ крылья, разглаживаетъ усики, пропуская ихъ черезъ ротъ — обыкновенный признакъ спокойствія, наступившаго послѣ волненій битвы. Потомъ схватываетъ дичь за шею, обхватываетъ ее ножками и уноситъ».

Въ этомъ описаніи удивительнѣе всего, какъ поражаетъ тахитъ нервную систему своей жертвы. Онъ какъ будто руководится разумомъ и точнымъ знаніемъ анатоміи богомола. Особенно удивительно, какъ тахитъ, поразивъ первый нервный узелъ, пропускаетъ длинное разстояніе и потомъ близко другъ отъ друга наноситъ два удара, чтобъ поразить второй и третій узелъ. Къ тому же, тахитъ, подобно сфексамъ, не только хорошо знаетъ анатомію своихъ насѣкомыхъ, но и систематику. Онъ охотится только за богомолами, но богомолами разныхъ видовъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга и цвѣтомъ, и внѣшнимъ видомъ, и это не мѣшаетъ ему точно узнавать ихъ.

Еще большею храбростью, чѣмъ тахиты, отличаются помпилы, охотящіеся за пауками. Черный помпилъ охотится за большимъ паукомъ сегестріей, который живетъ въ старыхъ стѣнахъ и дѣлаетъ себѣ паутину въ формѣ большой воронки, которая оканчивается трубкой, заканчивающейся въ щели стѣны; тутъ помѣщается столовая паука, куда онъ уходитъ, чтобы пожрать свою добычу. Изъ этой норки и кидается онъ на добычу. Что касается его внѣшняго вида, то это паукъ 9 линій въ длину, весь черный, кромѣ челюстей, которыя прекраснаго металлическаго зеленаго цвѣта, а ядовитые крючки на нихъ кажутся точно сдѣланными изъ бронзы. Укушеніе его настолько ядовито, что большія мухи погибаютъ отъ него мгновенно, но и человѣку его укусъ причиняетъ сильную боль. Какъ же охотится помпилъ за такой страшной добычей? Онъ кидается на одну изъ ножекъ паука, быстрымъ и сильнымъ ударомъ старается выкинуть его изъ норки, а тогда уже внѣ норы паукъ оказывается для него слабымъ противникомъ и помпилъ парализуетъ его ударами жала въ грудь. Осѣ грозитъ смертельная опасность, говорилъ Фабръ, если она нападетъ на паука въ его жилищѣ; она знаетъ это и никогда не входитъ туда, но она знаетъ также, что какъ только паукъ бываетъ выгнанъ изъ норки, онъ дѣлается настолько же трусливымъ, насколько былъ смѣлъ, сидя въ ней. Вся военная тактика помпила сводится къ тому, чтобы выселить паука изъ норки, а когда это достигнуто, остальное для осы пустяки.

Наконецъ, есть осы каликурги, которыя охотятся на такихъ большихъ пауковъ, какъ эпейра и даже черный тарантулъ, который своимъ укушеніемъ умерщвляетъ крота и воробья и даже опасенъ человѣку.

Ловлей пауковъ занимается тоже оса-пелопей. Интересная его особенность заключается въ томъ, что его личинкамъ нужно тепло, онѣ не могутъ переносить зиму даже юга Франціи. Поэтому пелопеи вынуждены строить свои гнѣзда въ жилищѣ человѣка. Другія осы, напр., одинеры и пчелы-халикодамы, строя изъ земли гнѣздо, употребляютъ сухую пыль, которую они смачиваютъ своей слюной, такимъ образомъ у нихъ получается своего рода цементъ, который, отвердѣвъ, получаетъ способность противустоять влагѣ. Пелопей же дѣлаетъ свое гнѣздо просто изъ грязи—отъ дождя оно начинаетъ прямо разваливаться, и это второе основаніе, почему пелопей такъ жадно стремится въ человѣческое жилье. Фабръ считаетъ его уроженцемъ Африки, перебравшимся въ южную Францію черезъ Испанію и Италію, но уже тутъ онъ можетъ существовать только какъ гость человѣка.

Пелопей строитъ гнѣзда въ очень различныхъ мѣстахъ, говоритъ Фабръ, лишь бы воздухъ въ нихъ былъ теплый и сухой Но любимое его мѣсто—входъ въ печь, боковыя стѣны входа, до высоты фута. Это мѣсто имѣетъ свои неудобства: туда доходитъ дымъ и гнѣзда покрываются слоемъ копоти. Но это не важно, лишь бы пламя не лизало ячеекъ, отчего личинки въ нихъ могутъ погибнуть. Чтобы избѣгнуть этой опасности, пелопей выбираетъ печи съ широкимъ устьемъ, въ которыхъ до боковъ доходитъ только дымъ. Но эта осторожность не исключаетъ опасности. Во время постройки гнѣзда, когда насѣкомое не отдыхаетъ ни минуты, путь ему можетъ быть прегражденъ или облакомъ пара, подымающимся изъ котла, или дымомъ отъ плохого хвороста, горящаго въ печи. Въ особенности часто повторяется это во время стирки бѣлья, когда хозяйка цѣлый день поддерживаетъ въ печи огонь для кипяченія воды и тогда у входа въ печь носится цѣлая туча пара и дыма. Это не затрудняетъ пелопея, онъ смѣло перелетаетъ черезъ облако дыма, исчезая въ немъ совершенно, только отрывистая рабочая пѣсенка, которая слышится изъ-за облака, выдаетъ его присутствіе.

Пелопей особенно интересенъ тѣмъ, что и у него можно наблюдать недостаточность инстинкта. Такъ, если изъ ячейки выбирать приносимыхъ пелопеемъ

пауковъ, то онъ будетъ все продолжать носить; такимъ образомъ можно его заставить принести до двадцати пауковъ; наконецъ, руководясь чувствомъ усталости, онъ принимается задѣлывать пустую ячейку, какъ будто бы она наполнена добычей и въ нее снесено яйцо. Выстроивъ группу ячеекъ, пелопей покрываетъ ее общей крышей. Если застать его въ тотъ моментъ, когда онъ собирается строить эту общую крышу и снять со стѣны гнѣздо, то пелопей начинаетъ покрывать крышей пустое мѣсто, какъ ни въ чемъ не бывало. «Когда я снялъ гнѣздо,—говоритъ Фабръ,—и положилъ его въ карманъ, то на стѣнѣ не осталось ничего, кромѣ тоненькой полосочки, обрисовывавшей контуръ гнѣзда. Внутри этого контура стѣна осталась бѣлою, только отличающейся цвѣтомъ отъ пепельной окраски снятаго мной гнѣзда. Является пелопей съ ношей земли. Безъ колебаній, насколько я могу замѣтить, онъ садится на пустое мѣсто, гдѣ было гнѣздо, кладетъ свою пилюлю и немного ее расплющиваетъ. На самомъ гнѣздѣ работа производилась бы не иначе. Судя по спокойствію работы и по усердію, несомнѣнно, что насѣкомое въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что штукатуритъ свое гнѣздо, тогда какъ оно работаетъ только на томъ мѣстѣ, гдѣ было гнѣздо. Другой цвѣтъ, плоская поверхность вмѣсто выпуклой—ничто не даетъ ему замѣтить отсутствіе гнѣзда. Тридцать разъ присутствую я при возвращеніи его все съ новой земляной пилюлей, которую онъ каждый разъ безошибочно прикрѣпляетъ внутрь контура, бывшаго на стѣнѣ гнѣзда. Его память, ничего не говорящая ему ни о цвѣтѣ, ни о формѣ, ни о рельефѣ гнѣзда, поразительно точна относительно бывшаго мѣста его нахожденія». Наконецъ, зайдя дня черезъ два на это же мѣсто, Фабръ нашелъ, что покровъ изъ грязи ничѣмъ не отличался отъ тѣхъ, которые покрывали вполнѣ оконченныя гнѣзда.

Вернемся къ осамъ, парализующимъ свою добычу. Тѣ, которыя складываютъ въ ячейки для пищи своимъ личинкамъ по одному большому животному, прикрѣпляютъ къ нему яичко совершенно опредѣленнымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что полупарализованное животное еще сохраняетъ способность до извѣстной степени двигаться и при этихъ движеніяхъ можетъ быть повреждено нѣжное яичко осы, наконецъ только что вылупившаяся личинка можетъ попасть въ челюсти полунеподвижной жертвы. Чтобы избѣжать этой опасности для своего потомства, яйцо всегда прикрѣпляется на опредѣленное мѣсто жертвы и, притомъ, такое, гдѣ бы оно оставалось неподвижнымъ, не смотря на ея движенія. Какъ же достигаютъ безопасности яйца и личинки осы, которыя запасъ каждой ячейки составляютъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ насѣкомыхъ? Такъ, осы-эвмены строютъ искуснымъ образомъ ячейку и набиваютъ ее очень маленькими гусеницами. Сколько разъ ни пробовалъ Фабръ искусственно выращивать личинокъ эвмена, это ему не удавалось, хотя пища предлагалась имъ въ изобиліи. Гусеницы, которыя запасаетъ эвменъ въ ячейкѣ, очень недостаточно парализованы, они двигаются, двигаютъ своими челюстями и легко могутъ повредить яйца эвмены и вышедшую изъ яйца личинку. Послѣ долгихъ стараній, наконецъ, удалось Фабру, найти то, чего недоставало его опыту выкармливанія, чтобъ онъ вышелъ удачнымъ. Оказывается, что эвменъ прикрѣпляетъ свое яйцо на тонкой шелковинкѣ къ потолку ячейки. Вышедшая изъ яйца его личинка, въ свою очередь, пользуется скорлупкой яйца, какъ убѣжищемъ и при малѣйшемъ движеніи среди кучи гусеницъ, сваленныхъ на днѣ ячейки ей въ пищу, она сейчасъ же прячется въ свое убѣжище.

У осы одинеры яйцо и первое время личинка предохранены такимъ же образомъ, но впослѣдствіи безопасность личинки достигается другимъ способомъ. Такъ, почковидный одинеръ роетъ норку, которая состоитъ изъ узкаго, цилиндрическаго хода и кончается болѣе широкой камерой. Въ этой камерѣ и виситъ яйцо на шелковинкѣ. Что касается хода, то онъ набитъ полупарализованными зелеными червячками, личинками одного жука — долгоносика. Ихъ около 12

штукъ; они свернуты кольцами и приложены одинъ къ другому; спиной они касаются стѣны. При попыткѣ выпрямится, эти червячки только упираются въ стѣны своей темницы. Что касается хозяина этого логовища—личинки одинеры, то первый день послѣ своего вылупливанія изъ яйца она въ безопасности, такъ какъ виситъ на нити, которая состоитъ изъ короткой ниточки, на которой висѣло яйцо, и изъ кожицы яйца, обратившейся во что-то, похожее на кусокъ измятой ленты. Чтобы личинка могла держаться въ концѣ этой полой ленты, задній конецъ ея сначала какъ бы сдавленъ, а на концѣ вздутъ, какъ пуговица. Черезъ 24 часа послѣ вылупливанія личинка линяетъ, отрывается отъ нити и падаетъ на дно норки. Но и топерь она оказывается въ безопасности отъ своей добычи. Дѣло въ томъ, что одинера мать приноситъ въ ячейку первыми тѣхъ червячковъ, которые глубже всего лежатъ въ ячейкѣ и ближе всего находятся въ личинкѣ. Такимъ образомъ послѣдней приходится имѣть дѣло сперва съ червячками, раньше всѣхъ пойманными и оттого полумертвыми и неспособными къ сопротивленію, а потомъ уже съ болѣе свѣжей и бодрой добычей.

Еще одна новая сторона вопроса открывается при изученіи жизни громадныхъ осъ сколій. Сколіи—громадной величины; одинъ видъ изъ нихъ имѣетъ въ длину больше вершка, а при раскрытыхъ крыльяхъ до $2^1/_2$ вершковъ отъ одного конца крыла до другого; другой видъ не уступаетъ ей по величинѣ. Передъ осами такой величины каждый, конечно, въ страхѣ отступаетъ, ожидая самыхъ непріятныхъ послѣдствій отъ ея ужаленія, и совершенно несправедливо: больно жалятъ общественныя перепончатокрылыя, жало которыхъ служитъ имъ для защиты; наши громадныя осы—парализаторы и, какъ таковыя, они дорожатъ каждой капелькой яда, заключеннаго въ ихъ тѣлѣ, такъ какъ каждая его капелька нужна имъ, чтобъ обезпечить пищей ихъ потомство. Поэтому-то сколіи совершенно миролюбивы и ихъ можно брать руками.

Около четверти вѣка должно было пройти для Фабра, прежде чѣмъ ему удалось проникнуть въ тайны жизни сколій. Мы не будемъ здѣсь повторять исторіи его изслѣдованій. Скажемъ только, что сколіи—землекопы; подобно кротамъ, они быстро продѣлываютъ въ землѣ ходы, отыскивая личинокъ пластинчатоусыхъ жуковъ (напр., бронзовокъ). Найдя личинку, они ее парализуютъ жаломъ, что имъ легко сдѣлать, ибо у послѣднихъ, какъ и у взрослыхъ жуковъ, нервные узлы сближены. Парализованной личинкѣ прилѣпляется на брюшко яичко. Вылупившаяся изъ него личинка сколіи прогрызаетъ кожицу на брюшкѣ своей жертвы и начинаетъ ее высасывать. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше личинка сколіи растетъ, а личинка бронзовки худѣетъ, пока отъ послѣдней останется одна сухая кожица. Тогда личинка сколіи дѣлаетъ себѣ коконъ, окукляется и изъ кокона выходитъ взрослая сколія. Эта исторія превращенія очень интересна, но не представляетъ сама по себѣ выдающагося новаго. Весь интересъ заключается въ томъ, что наблюденія Фабра доказали, что личинка сколіи должна обладать особымъ искусствомъ ѣсть; она должна умѣть такъ питаться своей жертвой, чтобы не повредить ея важныхъ органовъ и чтобы ея жертва до самаго послѣдняго момента оставалась живою. Личинка сколіи, разъ, погрузивъ голову въ тѣло жертвы, не вынимаетъ ее изъ него. Но, если вытащить ее изъ ранки, то уже этой манипуляціи достаточно, чтобы личинка, не смотря на то, что она опять погружаетъ свою голову въ ранку, теряла свое умѣнье ѣсть, не убивая жертву, и послѣдняя погибала; а за этимъ слѣдовала смерть и личинки, отравленной продуктами гніенія. Интересенъ слѣдующій опытъ Фабра: онъ бралъ эфиппигеру, парализованную сфексомъ и помѣщалъ на нее личинку сколіи. Послѣдняя съ аппетитомъ принималась ее ѣсть, но эфиппигера, которая остается свѣжей и живой долгое время, пока ее ѣстъ личинка сфекса, была убита личинкой скаліи. Личинка сколіи какъ бы знаетъ анатомію и физіологію своей бронзовки и умѣетъ ее по пра-

виламъ ѣсть, но лишена науки ѣсть эфиппигеру, науки, которую знаетъ личинка сфекса.

Свой взглядъ на инстинкты насѣкомыхъ Фабръ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «Животное не свободно, не сознательно въ своей дѣятельности; послѣдняя является въ немъ только внѣшней функціей, ходъ которой регулируется съ такоюже правильностью, какъ фазы какой-нибудь внутренней функціи, напримѣръ, пищеваренія. Оно строитъ, дѣлаетъ ткани и коконы, охотится, парализуетъ, жалитъ, точно такъ же, какъ перевариваетъ пищу, какъ выдѣляетъ ядъ въ свое оружіе, шелкъ для кокона или воскъ для сотовъ—совершенно не отдавая себѣ никогда ни малѣйшаго отчета въ цѣли и въ средствахъ. Оно не сознаетъ своихъ чудныхъ талантовъ точно такъ же, какъ желудокъ не сознаетъ своей ученой химіи. Оно не можетъ ни прибавить ничего существеннаго къ своей дѣятельности, ни отнять отъ нея, какъ не можетъ измѣнять пульсаціи своего сердца. Если внести случайныя условія въ его работу, то оно не пойметъ ихъ значенія и будетъ продолжать работу, какъ будто бы ничего не случилось, хотя бы новыя обстоятельства самымъ настоятельнымъ образомъ требовали измѣненія обычнаго хода работы. Ни время, ни опытъ ничего его не научаютъ.

«Побужденіемъ къ работѣ служитъ здѣсь удовольствіе, этотъ первый двигатель всякаго животнаго. Мать не имѣетъ совершенно никакихъ представленій относительно будущей личинки; она строитъ, охотится, заготовляетъ пищу, вовсе не имѣя въ виду воспитанія семьи. Дѣйствительная цѣль ея работы скрыта отъ нея; испытываемое ею удовольствіе, есть единственный ея руководитель. Пелопей чувствуетъ живое удовольствіе, если онъ натаскаетъ полную ячейку пауковъ, и съ увлеченіемъ продолжаетъ охотиться за ними тогда, когда отсутствіе яйца въ ячейкѣ дѣлаетъ эту охоту совершенно безсмысленной. Онъ наслаждается, покрывая слоемъ грязи мѣсто, на которомъ было гнѣздо, какъ будто бы онъ покрываетъ самое гнѣздо. Также поступаютъ и другія насѣкомыя. Заблужденія ихъ инстинкта—неизбѣжныя послѣдствія безсознательности ихъ дѣйствій, выведенныхъ изъ нормальныхъ условій» *).

Таковы наиболѣе выдающіяся наблюденія Фабра надъ инстинктомъ насѣкомыхъ. На сколько они интересны, читатели могутъ судить сами. Но надо замѣтить, что обобщенія и выводы Фабра далеко уступаютъ его способностямъ, какъ наблюдателя. Его стремленіе опровергнуть Дарвина мѣстами курьезно. и мы понимаемъ почтеннаго редактора перевода, который значительно сократилъ эту часть книги. Главное ея достоинство, во всякомъ случаѣ, не въ выводахъ, а въ наблюденіяхъ.

Я—ій.

---

*) «Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ. Изъ энтомологическихъ воспоминаній Фабра». Переводъ подъ ред. Шевырева. Изд. Маркса, 1898 г., ц. 3 руб. Стр. 225.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Астрономія. 1) Новый гигантскій телескопъ. 2) Новый астероидъ.—**Физика.** Новыя изслѣдованія радуги.—**Метеорологія.** Необычайный градъ.—**Ботаника.** Веселящее растеніе.—**Зоологія.** 1) Алкоголизмъ у животныхъ. 2) Психологія муравьевъ. 3) Вѣсъ мозга и величина тѣла у млекопитающихъ.—**Агрономія.** Культура тропическихъ растеній въ климатѣ нашихъ широтъ.—**Медицина и гигіена.** 1) Горная болѣзнь 2) Мыло, какъ средство дезинфекціи.—**Антропологія** 1) Ногти человѣческой руки. 2) Развитіе частей человѣческаго мозга въ связи съ устройствомъ черепа.

Астрономія. *1) Новый гигантскій телескопъ.* Своими блестящими успѣхами и открытіями астрономія обязана телескопу, и можно сказать, что каждый новый шагъ впередъ въ конструкціи астрономическихъ инструментовъ ведетъ за собою новые успѣхи, новыя открытія въ этой области человѣческаго знанія, все болѣе и болѣе раздвигая границы міроваго пространства, и безъ того уже необъятнаго для нашего человѣческаго представленія. Еще не такъ давно величайшимъ въ мірѣ считался рефракторъ обсерваторіи Іеркеса, пожертвовавшаго колоссальныя деньги на устройство обсерваторіи, причемъ единственнымъ условіемъ было поставлено, чтобы рефракторъ былъ возможно большихъ размѣровъ. Въ результатѣ получился телескопъ объективомъ въ 40 дюймовъ (1 м. 5 сентим.). Но было обнаружено, что, при извѣстныхъ положеніяхъ объектива, линзы, вслѣдствіе громаднаго вѣса, нѣсколько изгибаются. Это явленіе было принято, какъ указаніе на то, что мы въ данномъ случаѣ приближаемся уже къ предѣлу, и что дальше въ этомъ направленіи идти уже трудно. Но на послѣдней выставкѣ въ Берлинѣ можно было видѣть объективъ въ 1 метръ 10 сент. въ діаметрѣ. Оказывается, что и этому колоссальному телескопу вскорѣ предстоитъ уступить пальму первенства новому инструменту, который будетъ фигурировать на всемірной выставкѣ 1900 г. въ Парижѣ. Вотъ описаніе того, что уже сдѣлано для этого новаго телескопа въ мастерскихъ Готье въ Парижѣ. Заимствуемъ его изъ журнала «Ciel et terre» за августъ текущаго года.

Длина трубы будетъ 60 метровъ. Телескопъ будетъ снабженъ двумя объективами по 1 м. 25 сент. въ діаметрѣ (одинъ изъ объективовъ—фотографическій). Оба объектива установлены на особыхъ повозочкахъ, такъ что ихъ легко будетъ перемѣнять по желанію. Такимъ образомъ объективъ будетъ больше перваго до сихъ поръ по величинѣ берлинскаго объектива на 0,15 метра.

Понятно то громадное затрудненіе, которое представляло бы движеніе телескопа съ 60-ю метрами фокуснаго разстоянія и его установка подъ гигантскимъ подвижнымъ куполомъ. Этотъ способъ установки пришлось оставить и остроумно замѣнить слѣдующимъ.

Труба будетъ неподвижна, но передъ ея объективомъ будетъ помѣщено подвижное зеркало, которое можно будетъ направлять на любой пунктъ неба и которое, благодаря сидеростатической оправѣ, можетъ посылать въ трубу пучекъ параллельныхъ лучей, исходящихъ постоянно изъ одного и того же пункта небеснаго свода.

Въ особомъ помѣщеніи лежатъ части громадной трубы—это стальныя трубки въ 2,5 метра длиною и 1,5 м. въ діаметрѣ. Онѣ будутъ еще пригоняться одна

къ одной и ввиду чрезвычайной тяжести трубы, которая получится въ результатѣ, она будетъ поставлена на кирпичныхъ устояхъ. Здѣсь же находятся уже готовыя части великолѣпной сидеростатической оправы зеркала. Высота ея—10 метр. Вѣсъ подвижной части сидеростата—14.000 килогр.

Какъ же добиться крайней нѣжности и легкости движенія при столь крупномъ вѣсѣ? Часть этой тяжести будетъ двигаться на колесахъ; для уравновѣшенія остальной устроена ванна въ 50 или 60 литр. ртути. Отдѣльныя части—шедёвры. Замѣчательно еще то, что всѣ работы, какъ, напр., плавленіе чугуна, стекла—все производится на мѣстѣ въ однѣхъ и тѣхъ же мастерскихъ. Невозможно передать всѣхъ деталей конструкціи.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о зеркалѣ. Его величина—2 метра въ діаметрѣ, толщина—30 сент. и вѣсъ 3.600 килогр. Его конструкція имѣетъ свою исторію. Для отливки его нужно было устроить спеціальное помѣщеніе, такъ какъ въ имѣющихся для этой цѣли мастерскихъ возможно расплавить лишь 1.000 килогр. стекла заразъ. Потребовался капиталъ въ 200.000 франковъ и притомъ приходилось рисковать—такъ какъ успѣхъ былъ сомнительный. Было отлито 12 дисковъ; 11 оказались никуда негодными, только первый оказался хорошимъ. Для полировки стекла Готье изобрѣлъ новый приборъ, замѣчательной точности. Трудно передать всѣ подробности операціи. Достаточно сказать, что во время посѣщенія авторомъ замѣтки мастерской операція окончательной полировки производилась уже 7 мѣсяцевъ подъ рядъ каждый день съ утра до вечера. Каждое утро происходитъ повѣрка положенія стекла и полирующаго прибора, причемъ точность, требуемая Готье при повѣркѣ параллельности поверхностей, равна $^1/_{1000}$ миллиметра. Способъ провѣрки отличается изумительной точностью! Колоссальный трудъ, потребный для отливанія стеклянныхъ частей нельзя передать въ немногихъ словахъ. Операція удаленія пузырьковъ воздуха происходитъ при 1.600—1.800° С. и требуетъ 20—30 часовъ. Лучеиспусканіе такъ сильно, что рабочій въ перчаткахъ и нарукавникахъ изъ асбеста не можетъ выносить жара болѣе 5 минутъ.

Инициатива конструкціи телескопа принадлежитъ депутату Делонклю. Цѣна инструмента въ окончательномъ видѣ будетъ 1.400.000 франковъ. Необходимыя для этого деньги доставлены однимъ обществомъ, которое хочетъ помѣстить телескопъ въ «дворцѣ оптики», гдѣ будутъ собраны всѣ рѣдкости этой области техники. «Гвоздемъ» этого дворца будетъ описываемый телескопъ. Дворецъ будетъ помѣщенъ у подножія Эйфелевой башни и займетъ площадь не менѣе гектара. Назначеніе телескопа еще неизвѣстно, но его употребленіе въ дѣло должно дать важные результаты. Фокусное изображеніе луны будетъ 60 сантиметровъ! Это составитъ увеличеніе въ 6.000 разъ (наибольшее до сихъ поръ достигнутое увеличеніе — 4.000). Луна будетъ видна на разстояніи 67 километровъ. На этомъ разстояніи всякій предметъ въ 130 метровъ длиною даетъ изображеніе въ $^1/_{10}$ миллиметра, а слѣдовательно, при помощи этаго телескопа можно было бы слѣдить за маневрами корпуса арміи и за ходомъ большого трансатлантическаго парохода.

Извѣстна также громадная роль, какую теперь играетъ фотографія неба; и въ этомъ отношеніи отъ новаго телескопа ждутъ не менѣе замѣчательныхъ результатовъ. Въ 4 минуты можно будетъ получить фотографіи большой точности. Луна, за которою можно будетъ точно слѣдить, не смотря на ея быстрое перемѣщеніе въ полѣ зрѣнія объектива, потребуетъ на фотографированіе отъ 1 до 6 секундъ экспозиціи.

Вооруженный этимъ инструментомъ глазъ человѣческій еще дальше проникнетъ въ глубины неизмѣримаго пространства и еще разъ увеличитъ сознаніе нашей ничтожности.

2) *Новый астероидъ.* 14-го августа, астрономомъ Wilt'омъ берлинской

обсерваторіи «Urania», открытъ новый астероидъ. Напомнимъ, что это уже 435-я извѣстная малая планета. По размѣрамъ она равна звѣздамъ 11-й величины.

Физика. 1) *Новыя изслѣдованія радуги.* Каждому изъ насъ извѣстное, эффектное явленіе радуги далеко еще не получило полнаго и точнаго объясненія въ наукѣ. Во всѣхъ классическихъ сочиненіяхъ по оптикѣ приводится теорія радуги Декарта, далекая отъ точной научной теоріи. Давая очень неполное объясненіе обыкновенной радуги, она оказывается совершенно несостоятельной, когда дѣло идетъ объ объясненіи такъ называемыхъ ложныхъ радугъ. Каждый внимательный наблюдатель замѣтитъ возлѣ внутренняго края радуги нѣкоторые цвѣта, не входящіе въ составъ простого ряда цвѣтовъ спектра. Это главнымъ образомъ красный и зеленый цвѣта. Съ тѣхъ поръ, какъ обратили вниманіе на эти цвѣта, изученіе радуги было поставлено на научную почву и положено основаніе точной теоріи радуги англійскимъ физикомъ Эйри. Въ настоящее время ученые заняты провѣркой этой теоріи. Любопытныя данныя сообщаетъ въ «Wiener Bericht» новый директоръ вѣнскаго метеорологическаго института, Пернтеръ. Съ необычайнымъ терпѣніемъ этотъ ученый наблюдалъ за угловымъ отклоненіемъ цвѣтовъ радуги въ дождевыхъ капляхъ различной величины и выводы свои провѣрялъ на различныхъ экспериментахъ. Принято, что діаметръ водяныхъ капелекъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ обыкновенно наблюдаются, варіируетъ отъ 0,1 до 2,6 миллиметра; крупныя же капли тропическихъ дождей доходятъ до 3,4 мм. въ діаметрѣ. Таблицы Пернтера даютъ наблюденія надъ каплями 12 различныхъ величинъ отъ 0,01 до 2 мм. въ діаметрѣ. Невозможно вдаваться въ детали крайне любопытныхъ, но слишкомъ спеціальныхъ результатовъ этихъ чрезвычайно тонкихъ наблюденій. Мы остановимся лишь на общихъ выводахъ, которые могутъ быть очень интересны для метеорологовъ. Дѣло въ томъ, что чѣмъ крупнѣе капли, тѣмъ больше замѣчается побочныхъ радугъ (ложныхъ). Ярко розовая и зеленая дуги получаются отъ капель, имѣющихъ отъ 1 до 2 мм. въ діаметрѣ. Ярко-красная окраска обозначаетъ всегда крупныя капли. Побочныя дуги зеленаго и фіолетоваго цвѣта, безъ желтаго, соотвѣтствуютъ каплямъ въ 0,5 мм. въ діаметрѣ и т. п. Трудно еще предвидѣть результаты, къ которымъ могутъ привести эти новыя изслѣдованія Пернтера—одно можно сказать съ увѣренностью, что онѣ увеличатъ интересъ къ изученію великолѣпнаго явленія природы—радуги. (Ciel et Terre).

Метеорологія. 1) *Необычайный градъ.* Въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ французскому метеорологическому обществу о грозѣ съ градомъ, разразившейся надъ департаментомъ Энъ, многіе наблюдатели сообщаютъ о необычайной величинѣ выпавшаго града. Къ счастью, градъ былъ довольно рѣдкій и ширина захваченной имъ полосы была отъ 1 до 5 километр. Вотъ свѣдѣнія изъ разныхъ мѣстъ: *Лешеру* (Lescheroux) — собраны отдѣльныя зерна вѣсомъ отъ 400 до 500 гр. очень неправильной формы. *St. Didier d'Aussiat*—зерна града, по формѣ напоминавшія луковицу до 6 сантим. въ діаметрѣ, другія зерна болѣе неправильной формы отличались еще большими размѣрами: отъ 8 до 9 сант. толщины и отъ 12 до 15 сант. длины. *Montrevel*—куски льда, толщиною отъ 3 до 4 сант. покрываютъ ладонь человѣка. *Sonlignot*—вѣсъ льдинъ доходитъ до 980 гр. Сообщаютъ о льдинахъ въ 1.200 гр. Достойныя довѣрія наблюдатели передаютъ, какъ фактъ, слѣдующее. Во дворѣ одной фермы свалилась льдина въ 20 килогр. (?) и разбилась съ такимъ шумомъ, что обитателямъ показалось, что рушатся ихъ жилища. (Revue scientifique).

Ботаника. *Веселящее растеніе.* Растеніе это произрастаетъ въ Аравіи и своимъ названіемъ обязано особаго рода нервному возбужденію, которое вызываютъ его сѣмена, если ихъ попробовать. Оно средней величины съ свѣтло-желтыми цвѣтами. Сѣмена похожи на маленькіе черные бобы. Туземцы высуши-

ваютъ ихъ и обращаютъ затѣмъ въ порошокъ. Небольшая доза этого порошка производитъ дѣйствіе, подобное тому, которое вызывается вдыханіемъ веселящаго газа. Самый сдержанный человѣкъ начинаетъ танцовать, радостно кричать, смѣяться съ возбужденіемъ буйнаго сумасшедшаго, бросаться и выкидывать курьезнѣйшія штуки въ теченіе приблизительно часа. По истеченіи этого времени наступаетъ періодъ упадка и возбужденный засыпаетъ. Черезъ нѣсколько часовъ онъ просыпается безъ сознанія своихъ поступковъ. Мѣсто растенія въ ботанической классификаціи еще не установлено. (Monreal pharmaceutical journal).

Зоологія. 1) *Алкоголизмъ у животныхъ.* Вкусъ къ алкоголю, какъ извѣстно, не есть привилегія человѣка. Лошади охотно пьютъ красное вино; собаки—пиво. «Médecine moderne», сообщаетъ объ интересныхъ демонстраціяхъ Tutt'а, которыя показываютъ, что даже такія насѣкомыя, какъ бабочки, охотно напиваются до пьяна. На своей публичной лекціи, посвященной вопросу объ алкоголизмѣ у животныхъ, Tutt посадилъ въ небольшую клѣтку бабочекъ, самцовъ и самокъ и предоставилъ къ ихъ услугамъ различнаго рода цвѣты. Въ то время, какъ самки скромно утоляли свою жажду росою на лепесткахъ розъ, самцы прямо набросились на цвѣты, дистилляція которыхъ даетъ много алкоголя, и до тѣхъ поръ тянули сокъ изъ нихъ, пока не падали замертво на мѣстѣ. Бабочки были пьяны до безчувствія. Чтобы окончательно убѣдить аудиторію, Tutt внесъ въ клѣтку стаканъ воды и маленькія рюмки ликёра. Самцы, не колеблясь, выбрали спиртный напитокъ. Фактъ, впрочемъ, не оставляетъ никакихъ сомнѣній: даже находящіеся на свободѣ самцы часто привлекаются запахомъ забытаго въ саду стакана джина и, напившись, засыпаютъ тяжелымъ сномъ.

2) *Психологія муравьевъ.* Нѣмецкій натуралистъ Albert Beth, занимался вопросомъ, какъ и въ какой мѣрѣ муравьи одной колоніи узнаютъ другъ друга. Что различіе между своими и чужими существуетъ, явствуетъ изъ того простого наблюденія, что насильно введенный въ чужую колонію муравей сейчасъ же убивается членами этой колоніи. Лёббокъ уже занимался этимъ вопросомъ и констатировалъ нѣсколько интересныхъ фактовъ. Между прочимъ онъ установилъ тотъ любопытный фактъ, что особи Formica fusca, въ теченіе двухъ лѣтъ изолированныя отъ своихъ собратьевъ по колоніи, прекрасно принимаются ими обратно, какъ только ихъ помѣстятъ въ гнѣздо. Точно также свободно принимаются муравьи, взятые изъ гнѣзда еще личинками. Правда, уходъ за личинками поручается муравьямъ того же вида; но если за личинками ухаживали муравьи другихъ видовъ, результатъ часто получается обратный: рѣдко ихъ признавали своими, обыкновенно на нихъ набрасывались, какъ на иностранцевъ. Изъ этого Лёббокъ заключилъ, что колоніей узнается не индивидуумъ, какъ таковой. Лёббоку однако не удалось замѣтить, какіе факторы опредѣляютъ ту или иную встрѣчу новаго пришельца. Cook замѣтилъ, что одинъ муравей, попавшій въ воду передъ приходомъ домой, не былъ узнанъ своими собратьями и подвергся нападенію съ ихъ стороны. Изъ этого факта онъ заключилъ, что, вслѣдствіе принятой ванны, муравей лишился какого-то свойства, по которому собратья узнавали его. Какое же это свойство? По всей вѣроятности онъ лишился какого-то специфическаго запаха, по которому собратья узнавали его. Форель подтвердилъ этотъ взглядъ, показавши, что можно помѣстить въ одно и то же гнѣздо муравьевъ разныхъ колоній, обрѣзавъ имъ щупальцы, которыя, по его мнѣнію, служатъ органами обонянія. Если муравьи узнаютъ другъ друга по запаху, они не должны въ этихъ условіяхъ различать враговъ, такъ какъ они не могутъ различить запаховъ. Bethe поддерживаетъ эти взгляды слѣдующимъ опытомъ. Если раздавить нѣсколько муравьевъ и полученнымъ сокомъ вымазать муравья одной породы съ раздавленными, то онъ будетъ принятъ своими. Если же того же муравья вымазать сокомъ, добытымъ изъ другихъ породъ, на него сейчасъ же нападутъ его

прежніе собратья по колоніи. Если муравья вымыть въ 30°-омъ алкоголѣ, затѣмъ въ водѣ и намазать сокомъ другой породы муравьевъ, онъ будетъ прекрасно принятъ въ гнѣздѣ этой, чужой ему, колоніи. Муравей можетъ сильно отличаться и по росту, и по цвѣту, это не оказываетъ вліянія на пріемъ. Отсюда Bethe заключаетъ, что ни цвѣтъ, ни форма не играютъ въ данномъ случаѣ никакой роли, что здѣсь дѣло только въ обоняніи и запахѣ. Муравей, вымытый въ 30° алкоголѣ и затѣмъ въ водѣ и посаженный сейчасъ же вь свое гнѣздо, подвергается немедленно нападенію. Если же его послѣ этого продержать 24 часа въ одиночествѣ, его опять принимаютъ охотно. Вѣроятно, муравьи одного и того же гнѣзда выдѣляютъ одинъ и тотъ же специфическій запахъ, который возстановляется нѣсколько часовъ спустя послѣ ванны, и муравьи принимаются обратно въ зависимости отъ того, имѣютъ ли они этотъ специфическій запахъ или нѣтъ. Это пахучее вещество Bethe назвалъ Neststoff «матеріей гнѣзда». Гипотеза имѣетъ много вѣроятія и было бы интересно провѣрить ее новыми опытами.

3) *Вѣсъ мозга и величина тѣла у млекопитающихъ.* Давно уже извѣстенъ фактъ, что развитіе мозга не находится, повидимому, въ прямой связи съ духовными способностями и съ положеніемъ животнаго на той или иной ступени зоологической лѣстницы, которое указано данному виду систематикой. До сихъ поръ наука не въ состояніи еще дать полнаго объясненія добытымъ наблюденіемъ фактовъ. Маленькія, низко стоящія животныя имѣютъ часто относительно большое количество мозга, сравнительно съ большими высоко стоящими животными формами. Даже человѣкъ остается позади множества ниже его стоящихъ животныхъ не только по абсолютному, но и по относительному вѣсу своего мозга. Прежде чѣмъ дать то или иное объясненіе наблюдаемымъ фактамъ, важно прежде всего точно установить ихъ и систематизировать добытый въ возможно большемъ количествѣ матеріалъ. За такую работу взялся E. Dubois: онъ занялся изслѣдованіемъ зависимости вѣса мозга отъ величины тѣла у млекопитающихъ. Изъ обильнаго матеріала, который даетъ авторъ въ своемъ трудѣ, мы передаемъ читателю нѣкоторыя цифры, которыя приводитъ «Naturwissenschaftliche Wochenschrift».

Большія антропоидныя обезьяны имѣютъ при одинаковомъ съ человѣкомъ вѣсѣ тѣла только одну треть вѣсового количества мозга. Одинаковаго вѣса собаки — лишь $^1/_{10}$ этого вѣса. Абсолютный вѣсъ мозга слона въ 4 раза превышаетъ вѣсъ человѣческаго мозга, у большого кита въ 5 разъ. По относительному вѣсу мозга, человѣка (1 : 45, 1 : 46) превосходятъ: летучая мышь (1 : 42), яванскій Cupaja (1 : 41), землеройка (1 : 23). Абсолютно наибольшее (7.000 gram.) и относительно наименьшее количество (1 : 10.571) имѣетъ Balaenoptera Sibboldi

Агрономія. *Культура тропическихъ растеній въ грунтѣ въ климатѣ нашихъ широтъ.* Существуетъ, безъ сомнѣнія, множество тропическихъ растеній, которыя могли бы выростать въ нашемъ умѣренномъ климатѣ прямо въ грунтѣ, при томъ, конечно, условіи, что на зиму ихъ необходимо прикрыть какимъ-нибудь теплымъ и сухимъ покровомъ. По произведеннымъ недавно въ Голландіи опытамъ прекраснымъ веществомъ для покрова является сильно измельченный торфъ (poussiére de tourbe), который представляетъ совершенную защиту отъ дождя и мороза. Подъ слоемъ торфяной пыли въ 50, 70 сент. растеніе остается совершенно сухимъ, несмотря на продолжительный дождливый сезонъ въ 4, 5 мѣсяцевъ. Растенія должны быть покрыты осенью въ хорошую, не дождливую погоду. Хорошіе результаты дало растеніе Acacia arabica, распространенное въ Индіи, Египтѣ, Аравіи и Сенегалѣ. Разные виды его даютъ большинство продажной гумми, аравійской и сенегальской.

Медицина и гигіена. 1) *Горная болѣзнь.* Постройка горной желѣзной дороги въ Швейцаріи на высотѣ отъ 1.607 метр. до 3.020 метр. дала возмож-

ность врачу Куртэну сдѣлать слѣдующія любопытныя наблюденія. Въ 1896 г., когда рабочіе были заняты на высотѣ отъ 1.620 до 2.230 м., не было никакихъ симптомовъ горной болѣзни; не то оказалось въ 1897 г., когда рабочіе достигли болѣе высокихъ областей. Уже начиная съ лѣта, несмотря на чудную погоду, обнаружилось много случаевъ заболѣванія; въ сентябрѣ появленіе холодовъ еще ухудшило положеніе. Больные жаловались на сильную усталость, на сильныя головныя боли, на отсутствіе аппетита, сердцебіеніе и т. п. Было замѣчено, что рабочіе вообще не въ состояніи производить обыкновеннаго количества труда. Пульсъ былъ слабъ —отъ 80 до 100 ударовъ въ минуту, при температурѣ въ 35°, 35,5°, 36° С. Сначала приняли болѣзнь за приступы инфлуэнцы. Двухъ-трехъ-дневное пребываніе въ Zermatt'ѣ излѣчивало болѣзнь, но тѣ же симптомы появлялись вновь, когда начиналась работа. Очевидно, это была горная болѣзнь. Пришлось замѣнить рабочихъ (большинство ихъ было изъ провинціи Болоньи), жителей равнины горными жителями. Но и изъ этихъ послѣднихъ не всѣ противостояли приступамъ горной болѣзни. Наблюденіе показало, что рабочій чувствуетъ себя въ нормальномъ состояніи до высоты 2.700 метр. — на высотѣ 3.000 метр. онъ уже находится въ абсолютно анормальныхъ, негигіеничныхъ условіяхъ.

2) *Мыло, какъ средство дезинфекціи.* «Revue scientifique» приводитъ интересныя изслѣдованія Reithoffer'а о дезинфецирующей силѣ разныхъ сортовъ обыкновеннаго мыла. Опыты были произведены съ обыкновеннымъ зеленымъ мыломъ, съ бѣлымъ миндальнымъ мыломъ (съ нитробензиномъ). Оказывается, что мыло является очень дѣйствительнымъ средствомъ противъ холерныхъ микробовъ. Однопроцентнаго раствора поташнаго мыла достаточно, чтобы въ очень короткій срокъ убить этихъ бактерій, и даже 0,5% растворъ уничтожаетъ ихъ въ пять минутъ. Такъ какъ руки моются minimum 5% растворомъ мыла (иногда же онъ достигаетъ 45%), то изъ этого видно, что эта простая предосторожность является очень дѣйствительной. То же нужно сказать о бѣльѣ— достаточно положить бѣлье въ мыльную воду, чтобы обеззаразить его.

Прочнѣе оказываются тифозныя бациллы: для нихъ нуженъ minimum 10% растворъ, чтобы онъ оказывалъ дѣйствіе. На гнилостныхъ же бактерій мыло, повидимому, не оказываетъ вліянія. Миндальное мыло оказалось самымъ дѣйствительнымъ,—это можно объяснить присутствіемъ нитробензина. Комбинація мыла съ другими дезинфецирующими веществами, какъ, напр., корболовая кислота, лизолъ и пр. не дала никакихъ результатовъ: прибавка мыла скорѣе парализуетъ дѣйствіе ихъ и, при желаніи воспользоваться этими дезинфецирующими веществами, ихъ лучше употреблять послѣ мыла.

Впрочемъ, простого мыльнаго раствора, мы видѣли, достаточно уже для обеззараженія.

Антропологія. 1) *Ногти человѣческой руки.* Извѣстно, въ какой широкой мѣрѣ къ изслѣдованію антропологическихъ вопросовъ примѣняется измѣрительный методъ, составившій въ наше время цѣлую «науку»—антропометрію. Извѣстно также, что жизненная практика воспользовалась антропометрическими данными для своихъ спеціальныхъ цѣлей, напр., для установленія личности преступника. Въ вышедшемъ недавно первомъ выпускѣ «Bull. de la Société d'Anthrop. de Paris» за 1898 годъ, Феликсъ Реньо сообщаетъ результаты своихъ измѣреній ногтей человѣческой руки. Рука, которою человѣкъ больше пользуется, обладаетъ и большей силой. Динамометръ констатируетъ этотъ фактъ. Наконецъ, и прямое измѣреніе показываетъ, что правая рука обыкновенно шире, чѣмъ лѣвая; то же самое справедливо и относительно пальцевъ обѣихъ рукъ. Измѣренія эти не могутъ, однако, отличаться точностью, вслѣдствіе сжиманія мягкихъ частей. Измѣреніе ногтей даетъ гораздо болѣе точныя и интересныя свѣдѣнія. Измѣряя ширину ногтей въ ихъ средней части у ста субъектовъ ...авшей), Реньо нашелъ, что всѣ ногти правой руки шире ногтей лѣвой. Ма-

ximum этого явленія замѣчается на большомъ и второмъ пальцахъ. Разница отъ 0,5 до 2 миллиметровъ. 5 изслѣдованныхъ лѣвшей дали обратные результаты. Только въ трехъ случаяхъ было равенство: у одной женщины-лѣвши и у 2-хъ мужчинъ-правшей. Прямой выводъ изъ этого, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ судебная медицина по трупу можетъ констатировать, былъ-ли субъектъ лѣвшей, или нѣтъ? Разница въ ширинѣ ногтей особенно рѣзко выражена у рабочихъ, занятыхъ тяжелыми трудами. Расширеніе ногтей совпадаетъ съ ихъ уплощеніемъ: ногти правой руки болѣе плоски, чѣмъ ногти лѣвой. Такъ какъ расширеніе ногтей и ихъ болѣе плоская форма связаны съ большимъ физическимъ трудомъ, есть нѣкоторое основаніе въ распространенномъ мнѣніи, что дугообразно изогнутые въ поперечномъ направленіи ногти характеризуютъ аристократическую руку. Правда, такой формы ногти часто встрѣчаются у дикарей: негровъ, яванцевъ и пр., но это можно объяснить тѣмъ, что они выполняютъ работы, требующія скорѣе большой ловкости, чѣмъ напряженія. Форма ногтей не имѣетъ, повидимому, значенія для характеристики расъ, по крайней мѣрѣ, наблюденія во всѣхъ провинціяхъ Франціи не дали въ этомъ смыслѣ никакихъ результатовъ. Ногти подвержены деформаціи при многихъ хроническихъ заболѣваніяхъ: чахоткѣ, хронической пневмоніи и т. п.

2) *Изученіе развитія частей человѣческаго мозга въ связи съ устройствомъ черепа.* Профессоръ парижской антропологической школы Мануврі϶ давно уже извѣстенъ въ ученомъ мірѣ своими замѣчательными трудами въ области краніологіи, сравнительной анатоміи и атропологіи мозга. Въ этомъ отношеніи онъ является достойнымъ преемникомъ Брока, не только усовершенствовавшимъ многіе методы своего учителя, но давшимъ и новые, собственные методы для изслѣдованія этихъ трудныхъ областей знанія. Въ недавней, краткой замѣткѣ, помѣщенной въ «Bull. de la Société», Мануврі϶ сообщаетъ антропологическому обществу о своихъ новыхъ изслѣдованіяхъ череца и мозга. Выводы его сводятся къ слѣдующимъ общимъ положеніямъ. Обыкновенно принимаемая связь между умственнымъ развитіемъ и измѣненіемъ относительнаго развитія различныхъ частей мозга (раздѣленнаго на лобный, затылочный и средній участки) въ человѣческой расѣ не оправдывается въ дѣйствительности. Разница между мужчинами и женщинами въ этомъ отношеніи, найденная Топинаромъ, послѣ внимательной провѣрки среднихъ цифръ, также оказалась не-существующей. Отсутствіе половой разницы должно было, по взглядамъ Мануврі϶, повести и къ отсутствію ея въ группахъ, различающихся по росту, что также оправдалось фактами. Въ то время, какъ полъ, ростъ, старость оказываютъ громадное вліяніе на абсолютный и относительный вѣсъ мозга—всѣ эти факторы не оказываютъ никакого вліянія на пропорціональность различныхъ участковъ его. Слѣдовательно, увеличеніе общаго количества мозга не зависитъ отъ увеличенія одной какой-нибудь части его, напр., лобной, сравнительно съ другими. Этотъ теоретическій выводъ нуждается, по мнѣнію Мануврі϶, въ прямой провѣркѣ, которая имъ уже и начата и привела къ нѣкоторымъ положительнымъ результатамъ. Они будутъ сообщены современемъ. Прежде всего они говорятъ о томъ, что всѣ области (при вышеупомянутомъ дѣленіи) мозга находятся въ одинаковой связи какъ съ ростомъ, такъ и съ умственнымъ развитіемъ. Очевидно, говоритъ далѣе авторъ, что увеличеніе относительнаго вѣса мозга ведетъ за собою увеличеніе свода черепа сравнительно съ его основаніемъ, болѣе тѣсно связаннымъ съ ростомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ лобная кость стремится увеличить свою ѐмкость насчетъ лицевой своей части. Лобная, теменная и затылочная кости должны увеличить относительную емкость, пріобрѣтая болѣе сильное развитіе съ основаніемъ черепа, а отъ этого находятся въ зависимости многіе признаки этническіе, половые и индивидуальные.

Н. М.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Октябрь. 1898 г.

Содержаніе: Русскія и переводныя книги.—Беллетристика.—Публицистика.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія и статистика.—Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. — *Иностранная литература*.—Изъ западной культуры. «Литературная любовь» Ив. Иванова.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Ив. Бунинъ. «Подъ открытымъ небомъ», стихотворенія.—*Ал. Леницевичъ*. «Стихотворенія».—*К. Бальмонтъ*. «Стихотворенія Шелли».—*Бичеръ-Стоу*. «Хижина дядя Тома».

Ив. А. Бунинъ. Подъ открытымъ небомъ. Стихотворенія. Изд. ред. «Дѣтскаго чтенія». Москва. 1898 г. Ц. 30 к. Среди стихотворцевъ и беллетристовъ послѣдняго времени г. Бунинъ выгодно выдѣляется несомнѣнной поэтической искоркой, задушевностью, простотой и подкупающей искренностью. Какъ въ изданной имъ книжечкѣ разсказовъ «На край свѣта», такъ и въ только что вышедшемъ небольшомъ изящномъ сборникѣ стихотвореній «Подъ открытымъ небомъ», природа занимаетъ главное мѣсто, ей посвящено преимущественное вниманіе поэта, который всецѣло поддается обаянію неуловимой смѣны впечатлѣній степи, лѣса, воды, тихой жизни деревни, или затерявшагося въ необозримомъ пространствѣ полей хутора. Въ легкихъ, проникнутыхъ цѣльнымъ настроеніемъ картинкахъ рисуются, какъ бы подернутые туманомъ, весеннее оживаніе природы, мечтательная весна, жаркое лѣто, грусть осени и бодрящее чувство зимняго утра. Г. Бунинъ умѣетъ чутко вслушиваться въ безконечное разнообразіе звуковъ лѣса и степи, пустынныхъ полей, моря безконечной волнующейся пшеницы, умѣетъ подмѣтить безчисленные переливы красокъ стелющихся по лугамъ тумановъ, облаковъ, озаренныхъ закатомъ, вспыхивающихъ, словно зарево костровъ, при первыхъ лучахъ солнца горныхъ вершинъ, багряно-золотистыхъ сосенъ, темныхъ дубовъ и серебристыхъ березъ. Каждый его пейзажъ даетъ вполнѣ законченную, тщательно сотканную изящную картинку, всегда проникнутую настроеніемъ.

Яснымъ утромъ на тихомъ прудѣ
Рѣзво ласточки рѣютъ кругомъ,
Опускаются къ самой водѣ,
Чуть касаются влаги крыломъ.

На лету они звонко поютъ,
А вокругъ зеленѣютъ луга,
И стоитъ, словно зеркало, прудъ,
Отражая свои берега.

И какъ въ зеркалѣ, межъ тростниковъ,
Съ береговъ опрокинулся лѣсъ,
И уходитъ узоръ облаковъ
Въ глубину отраженныхъ небесъ.

Облака тамъ нѣжнѣй и бѣлѣй,
Глубина—безконечно свѣтла...
И доносится мирно съ полей
Надъ водой тихій звонъ изъ села...

Мы нарочно выбираемъ это небольшое стихотвореніе, въ высшей степени характерное для таланта г. Бунина. Предъ нами такъ и вырисовывается картинка пруда, окаймленнаго лѣсомъ, берега, поросшіе тростникомъ, мелькающія надъ водой ласточки, тихій, чуть слышный звонъ колокола — и только. Нѣтъ главнаго, что оживило бы этотъ пейзажъ и углубило бы его содержаніе: человѣка. И замѣчательная авторская черта, — человѣкъ отсутствуетъ въ поэзіи г. Бунина. Можно сказать, природа подавила автора, онъ настолько подчинился ей, что ея настроеніе вытѣснило въ немъ собственное чувство; свои радости и печали, мечты, надежды, гнѣвъ, любовь—все это исчезло передъ подавляющей силой природы. И даже когда авторъ желаетъ стряхнуть съ себя этотъ гнетъ, вернуться къ себѣ, къ своему внутреннему міру—онъ не можетъ. Стихотворенія такого типа, гдѣ не природа занимаетъ поэта, крайне слабы, высокопарны, дѣланны и производятъ впечатлѣніе вымученности и неискренности, какъ, напр., вечерняя молитва.

Затѣмъ, существеннѣйшимъ недостаткомъ г. Бунина, какъ поэта, является слабость его стиха. Ни одного яркаго, энергичнаго выраженія, сильнаго эпитета, страстной, вырвавшейся изъ сердца строфы. Сплошной минорный тонъ его стихотвореній утомляетъ. Въ его грусти нѣтъ ничего бодрящаго, въ его печали чувствуется болѣзненная разслабленность, мечтательная вялость и хилость человѣка, мало жившаго, но уже усталаго, робко льнущаго къ мертвой природѣ и боязливо сторонящагося жизни съ ея борьбой, подчасъ жестокой, но возбуждающей и всегда живительной. Его идеалъ тихій, затерявшійся въ степи хуторокъ надъ прудкомъ, окруженный садикомъ, вдали темная полоса синѣющаго лѣса, необозримая гладь впереди—и царящій надъ всѣмъ легкій шумъ вѣтерка. Здѣсь чувствуетъ онъ себя привольно, погруженный въ мечтательное настроеніе созерцателя, любующагося тихими смѣнами временъ года, наслаждающагося свободной и привольной жизнью «подъ открытымъ небомъ».

Ал. Ленцевичъ. Стихотворенія. Вятка. 1898. Ц. 1 р. Совершеннѣйшую противоположность г. Бунину являетъ собой г. Ленцевичъ. Онъ большой вояка и то и дѣло зоветъ всѣхъ на бой, бряцаетъ воинственно на лирѣ и грозно хмуритъ брови. Съ перваго абцуга онъ заявляетъ, что «его вдохновляли»... не люди, не жизнь, не страсти, а «Михайловскій, Некрасовъ, Гл. Успенскій и еще немногіе, имена которыхъ священны для автора». Нѣсколько странное заявленіе для поэта, которому полагается по законамъ Парнаса другихъ вдохновлять своими твореніями, а не самому черпать вдохновенія изъ чужихъ писаній. Но то на Парнасѣ, а то въ Вяткѣ,—что страна, то и обычай, какъ гласитъ народная мудрость. Приходится съ этимъ мириться и брать г. Ленцевича такимъ, каковъ онъ есть. Кому же это не нравится, можетъ и совсѣмъ не брать г. Ленцевича, что̀, съ точки зрѣнія читателя, ищущаго въ поэзіи свободнаго вдохновенія, будетъ вполнѣ правильно. Потому что, связавъ себя по рукамъ и ногамъ вдохновеніемъ выше перечисленныхъ авторовъ, г. Ленцевичъ не даетъ въ своихъ стихахъ ничего оригинальнаго. Его стихи—сплошные перепѣвы или переложенія въ стихи прозы этихъ почтенныхъ писателей, которыхъ гораздо интереснѣе и поучительнѣе читать въ оригиналѣ, чѣмъ въ изложеніи г. Ленцевича. Какъ образчикъ такой риемованной и притомъ заимствованной прозы, позволимъ себѣ привести воззваніе нашего вятича къ столичному жителю.

Бѣги, бѣги отъ этихъ ликованій,
Отъ этой пошлой суеты!

Читатель, навѣрное, ожидаетъ характеристики суеты и ликованій, но горько ошибется, ибо далѣе

Мелькаютъ кровли загородныхъ зданій,
Гремятъ чугунные мосты.

Такой переходъ нѣсколько неожиданъ и приведетъ хоть кого въ недоумѣніе. Но г. Ленцевичъ, ни мало не смущаясь, катитъ дальше:

И вотъ—опять направо и налѣво
Передъ тобой знакомыя поля.
Смотри, какъ зеленью озимаго посѣва
Одѣлась вешняя земля.
Какъ тихо здѣсь, какъ вольно, какъ просторно,
И какъ свободно дышетъ грудь твоя!
Свѣжѣе мысль, и сердце животворно
Воспринимаетъ радость бытія!
Лѣсокъ пошелъ... береза и осина...
И все цвѣтетъ, куда ни погляди!
...А городъ, убранный въ одежды арлекина (?),
Въ лоскутьяхъ праздничныхъ (?!) остался позади.
И гулъ его торжествъ, напыщенныхъ и лживыхъ,
Не возмутитъ отрадной тишины,
Что вѣетъ здѣсь—на этихъ Божьихъ нивахъ
Живою прелестью весны.

Таково заимствованное вдохновеніе вятскаго поэта, и это счастье гг. Михайловскаго и Гл. Успенскаго, что ихъ творенія такъ хорошо всѣмъ извѣстны. А то можно бы заподозрить, что и въ ихъ твореніяхъ все также «напыщенно и лживо», какъ и у г. Ленцевича. Ни искорки чувства не промелькнетъ въ его риѳмованной прозѣ, ни даже намека на образъ въ его дѣланныхъ вымученныхъ «тропахъ и фигурахъ», облекающихъ «честныя» мысли «симпатичнаго» поэта. Кому нужна такая «поэзія»? Думаемъ, меньше всего ей мѣста именно въ Вяткѣ, гдѣ каждая печатная строка имѣетъ несравненно больше значенія, чѣмъ въ столицахъ, почему приходится дорожить ею, а не засаривать риѳмованнымъ вздоромъ.

Сочиненія Шелли. Переводъ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Выпускъ 5-й. Москва. 1898 г. Ц. 75 к. Г. Бальмонтъ продолжаетъ удивлять «міръ злодѣйствомъ», правда, весьма невиннаго свойства, но все же не совсѣмъ приличнаго тона. Лягнувъ во введеніи еще разъ критику, которая, по его словамъ, «во всѣхъ климатахъ страдаетъ болѣе, чѣмъ извинительно, припадками *эстетическаго кретинизма*», г. К. Бальмонтъ, должно быть, въ знакъ полнаго презрѣнія къ этой «кретинической критикѣ», сталъ переводить Шелли *прозой*. Пусть не подумаютъ читатели, что мы говоримъ иносказательно. Нисколько, проза г. Бальмонта такъ и есть настоящая заправская проза, та самая, которая такъ удивила мольеровскаго мѣщанина, когда онъ узналъ, что говоритъ прозой. А почему г. Бальмонтъ измѣнилъ стиху, тому слѣдуютъ пункты. Во-1-хъ, русскій языкъ, по его словамъ, недостаточно выработанъ, чтобы передать въ стихахъ всю художественность Шелли; во-2-хъ, г. Бальмонтъ не могъ перевести нѣкоторыхъ слишкомъ реальныхъ вещей Шелли «въ силу личнаго недостатка», такъ какъ «реальное чуждо мнѣ». Новый пріемъ и объясненія его, придуманныя г. Бальмонтомъ, заслуживаютъ полнаго вниманія гг. переводчиковъ. Стоитъ только заявить публикѣ, что такой-то поэтъ слишкомъ идеаленъ для русскаго стиха, а такой-то слишкомъ реаленъ для переводчика,—и дѣло въ шляпѣ. Всякая отвѣтственность съ переводчика снимается, можно переводить прозой, что̀ и легче, и удобнѣе, и, какъ изъ рога изобилія, польются прозаическіе переводы Шиллера, Гёте, Гейне, Байрона, Теннисона и прочихъ большихъ и малыхъ боговъ все-

мірной поэзіи, въ назиданіе и поученіе гг. критикамъ, которые съ свойственнымъ имъ «эстетическимъ кретинизмомъ» осмѣливаются думать и говорить, что поэтовъ надо переводить въ той формѣ, которой держались они.

Что же сказать о прозѣ г. Бальмонта? О стихотворныхъ переводахъ его уже говорилось не разъ, и хотя всѣ критики отмѣчали растянутость, грубоватость и тяжеловѣсность перевода сравнительно съ подлинникомъ, тѣмъ не менѣе всѣ признавали за нимъ извѣстныя достоинства, а г. Бальмонту ставилось въ заслугу, что, благодаря ему, русскій читатель могъ составить себѣ хотя приблизительное представленіе о Шелли. Но Шелли въ прозѣ г. Бальмонта нѣчто столь уродливое, тошнотворное и смертельно скучное, что даже опасеніе быть зачисленнымъ въ «эстетическіе кретины» едва ли заставитъ кого прочесть отъ доски до доски эту сугубую абракадабру. Изъ прозрачнаго, идеально-изящнаго и легкаго стиха Шелли г. Бальмонтъ сочинилъ неповоротливыя, тяжеловѣсныя, напыщенныя фразы, въ которыхъ съ величайшими усиліями вы доискиваетесь смысла, погребеннаго въ кучѣ словъ, безпорядочно нагроможденныхъ, какъ тѣ холмы изъ первозданныхъ породъ, надъ происхожденіемъ которыхъ геологъ ломаетъ голову. Образчикомъ этой головоломки можетъ служить начало стихотворенія, озаглавленнаго «Строки, написанныя среди Евганейскихъ холмовъ».

«Нужно, чтобы много зеленыхъ острововъ были въ глубокомъ, пустынномъ морѣ страданія, — иначе морякъ, усталый и блѣдный, никогда не могъ бы такъ странствовать, день за ночью, ночь за днемъ, гонимый по мрачному пути и неотступно преслѣдуемый непроницаемой тьмой, которая бѣжитъ по слѣду за убѣгающимъ кораблемъ, — между тѣмъ, какъ тамъ наверху тяжело нависло небо, лишенное солнца и обремененное тучами, а сзади мчится быстрая буря, несется на крыльяхъ изъ молній, рветъ паруса, рветъ снасти и доски, пока смерть не брызнетъ на корабль изъ переполненной вспѣненной глубины, и онъ вопьетъ ее, и будетъ погружаться все ниже и ниже, точно тотъ, кто во снѣ колыхается на волнахъ вѣчности: туманная низкая линія далекаго и темнаго берега все бѣжитъ отъ него, уходитъ, и онъ рвется впередъ и рвется назадъ, съ раздѣленной волей, но нѣтъ у него власти ни остановиться, ни ускользнуть, и безпокойная волна все мчитъ его впередъ къ пристани смерти» (стр. 30—31).

Невозможно составить представленіе о стихахъ Шелли по этому отрывку, который нельзя прочесть, не задохнувшись. У Шелли стихи льются свободно и гармонично, какъ горный ручей,—въ спотыкливой прозѣ г. Бальмонта вязнешь, какъ въ болотѣ. И какъ въ своихъ стихотворныхъ переводахъ г. Бальмонтъ разсыропливалъ сжатый стихъ Шелли, такъ и въ прозѣ онъ позволяетъ себѣ уснащать Шелли цвѣтами собственной реторики. У Шелли сказано, напр., просто—«рветъ паруса, снасти и доски», у нашего величаваго прозаика—«рветъ паруса, рветъ снасти и доски»; у Шелли «корабль пьетъ смерть изъ бушующей глубины», у г. Бальмонта—«смерть брызнетъ на корабль изъ переполненной вспѣненной глубины», и т. д. Въ стихотвореніи на смерть Наполеона у Шелли земля грѣетъ «свои старые пальцы», у г. Бальмонта «дряхлыя длани»; земля у Шелли «кричитъ», у г. Бальмонта «съ ликованіемъ восклицаетъ»; у Шелли земля говоритъ: «мертвецы наполняютъ меня въ десять тысячъ разъ большею живостью, великолѣпіемъ и веселостью», у г. Бальмонта: «мертвецы меня наполняютъ многократной, тысячекратной полнотою блеска, быстроты и веселія». «Наполняютъ полнотою», можетъ быть, и очень «бальмонтично», но мало поэтично и, во всякомъ случаѣ, не грамматично, а отъ прозы мы въ правѣ требовать хоть грамматики. Есть и прямыя невѣрности. Напр., въ томъ же стихотвореніи, у г. Бальмонта «свирѣпый духъ Наполеона, среди страха и крови и золота, устремилъ потокъ гибели отъ рожденія къ смерти». Совершенно непонятно — отъ какого рожденія, къ какой смерти? Между тѣмъ, у Шелли совершенно ясно и точно сказано: «мчался

губительнымъ потокомъ отъ *его* (Наполеона) рожденія до смерти» (to death from his birth).

Мы не имѣли ни терпѣнія, ни времени прослѣдить прозу г. Бальмонта изъ фразы въ фразу и сравнить ее съ подлинникомъ. Но и приведенныхъ образчиковъ, думаемъ, довольно, чтобы понять, какой перлъ курьезовъ преподнесъ намъ г. Бальмонтъ. Истинно, надо обладать болѣзненно раздутымъ самомнѣніемъ, чтобы выступать съ подобной работой, не отдавая себѣ отчета, насколько это черновая работа, которая въ лучшемъ случаѣ могла бы послужить какъ подготовка къ переводу. Въ такомъ видѣ переводъ г. Бальмонта не только никому не нуженъ и безполезенъ, но даже вреденъ. Онъ можетъ внушить читателю, незнакомому съ Шелли, самое превратное о немъ представленіе, какъ о надутомъ, напыщенномъ, неестественно-манерномъ и слащавомъ писателѣ, въ чемъ бѣдный красавецъ Шелли, искренній, вдумчивый, возвышенный и страстный, ни мало не повиненъ. Предлагаемая бальмонтіада также далека отъ истиннаго духа Шелли, какъ чуждъ этотъ духъ г-ну Бальмонту вообще.

Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Полный переводъ съ англійскаго З. Журавской. Съ 66 рисунками. Изд. О. Н. Поповой. 1898 г. Спб. Ц. 1 р. 20 к.—«Души, вопіющія у престола Божія, взывающія ко Господу о мести!.. И Господь услышитъ ихъ, услышитъ!»—и Онъ ихъ услышалъ. Книга Бичеръ-Стоу была Его отвѣтомъ на этотъ вопль, вырвавшійся у бѣдной, измученной негритянки, и весь цивилизованный міръ содрогнулся отъ этого громоваго отвѣта. Прошло съ тѣхъ поръ почти полъ столѣтія (книга вышла въ свѣтъ въ 1852 г.), но и теперь чудная сила сердца, переполненнаго страстной любви къ страждущему человѣчеству и негодованія противъ насилія и несправедливости, вызываетъ въ читателѣ благороднѣйшія чувства, заставляя переживать самыя свѣтлыя минуты безкорыстной любви и безграничной ненависти. И пока есть на свѣтѣ хоть одинъ страждущій, пока насиліе и несправедливость преобладаютъ въ человѣческихъ отношеніяхъ, эта святая книга не потеряетъ обаянія.

Есть много великихъ произведеній, написанныхъ съ несравненно большимъ талантомъ, съ большимъ совершенствомъ и художественностью, но мы не знаемъ ни одного, которое такъ сильно заставляло бы биться всѣ сердца, такъ трогало бы и вдохновляло, какъ «Хижина дяди Тома». Кто не плакалъ горькими слезами, читая ее въ дѣтствѣ? Кого не трогали удивительныя созданія автора — ея дядя Томъ, Евангелина, Лиза, Гарри? Кто отъ души не смѣялся надъ наивными комическими продѣлками Анди, Сама, Топси и цѣлой вереницы негритятъ, оживляющихъ страницы этой книги, грустной и возвышенной, какъ торжественная церковная мелодія? И въ зрѣломъ возрастѣ, вновь перечитывая эту книгу, развѣ мы не испытываемъ на ряду съ умиленіемъ особаго подъема духа при мысли, что «Хижина дяди Тома» явилась во время наибольшей силы рабства, когда, казалось, никакіе протесты, не основанные на силѣ кулака, не могутъ имѣть значенія? Законъ, обычай, церковь—все стояло на сторонѣ рабства, побѣда казалась немыслимой. Люди, въ родѣ Бичеръ-Стоу, считались безумными фантазерами. На нихъ смотрѣли, какъ смотрятъ вообще на защитниковъ чисто отвлеченнаго права въ примѣненіи къ практической жизни, считая ихъ чѣмъ-то въ родѣ нравственныхъ мономановъ, которые, посвятивъ себя одному только разряду интересовъ и несправедливостей, утратили и здравый смыслъ, и всякое чувство мѣры. И церковь, и государство смотрѣли на нихъ, какъ на «сѣявшихъ смуту въ Израилѣ». И тѣмъ не менѣе явилась женщина, не убоявшаяся ни гоненій, ни гнѣва непосредственно задѣтыхъ ею личностей, и представила яркую, потрясающую картину величайшаго изъ преступленій,—картину, при видѣ которой со стыдомъ смолкли защитники, а противники рабства почувствовали въ себѣ новый источникъ силъ. Прошло де-

сять лѣтъ—и дни рабства были сочтены. Конечно, не одна «Хижина дяди Тома» совершила этотъ великій переворотъ. Но книга Бичеръ-Стоу выразила съ необычайной силой несовмѣстимость цивилизаціи и рабства, невозможность совмѣстнаго существованія культуры и грубѣйшаго попранія основныхъ человѣческихъ правъ. Разъ войдя въ общее сознаніе, эта мысль уже ниспровергла рабство, и только нуженъ былъ внѣшній толчекъ для его фактическаго уничтоженія. Человѣчество ужъ такъ устроено, что оно готово терпѣть величайшія несправедливости, мириться съ самымъ яркимъ зломъ, пока въ сознаніи его не возникнетъ вопросъ о справедливости. Но если несправедливость понята,—гибель зла неизбѣжна, какъ бы оно въ данную минуту ни казалось сильнымъ. Даже болѣе,—чѣмъ, кажется, оно сильнѣе, тѣмъ ближе его конецъ, потому что тѣмъ настойчивѣе требуетъ этого проснувшееся чувство справедливости.

Всѣмъ усталымъ въ жизни, утомленнымъ въ борьбѣ и впавшимъ въ уныніе мы искренно совѣтуемъ читать книгу Бичеръ-Стоу. Они почерпнутъ въ ней новую увѣренность въ торжество правды и въ пораженіе насилія. Лучше всякихъ доказательствъ ума, эта книга вдохновеннаго и любящаго сердца убѣдитъ ихъ, что жизнь не заканчивается текущимъ днемъ, что люди лучше, чѣмъ мы ихъ себѣ представляемъ, что для правды нѣтъ смерти, какъ бы эта правда ни была попираема. «Трижды свята душа, которая умѣетъ такъ любить, благословлять и утѣшать мучениковъ,—говоритъ Жоржъ-Зандъ по поводу этой книги:—чистъ, проникновененъ и глубокъ умъ, способный извѣдать такимъ образомъ отдаленнѣйшіе уголки человѣческой души. Благородно, великодушно и велико сердце, обнимающее своею жалостью и любовью цѣлую расу, попираемую ногами, пресмыкающуюся въ грязи и крови, подъ кнутомъ злодѣевъ и проклятьями нечестивыхъ. *Такъ* должно быть, *такъ* должны мы цѣнить вещи. Мы должны почувствовать, что геній—сердце, что сила—вѣра, что талантъ—искренность, наконецъ, что успѣхъ не что иное, какъ сочувствіе, ибо эта книга побѣждаетъ насъ, проникаетъ намъ въ грудь, захватываетъ нашъ умъ и наполняетъ насъ страннымъ чувствомъ, смѣсью нѣжности и удивленія передъ бѣднякомъ негромъ, исполосованнымъ кнутомъ, простертымъ во прахѣ, умирающимъ на жалкихъ нарахъ и до послѣдняго вздоха славящимъ Господа».

Что касается изданія г-жи Поповой, то оно во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительно. Переводъ превосходенъ, вполнѣ передавая простоту и изящество безъискусственнаго стиля Бичеръ-Стоу. Рисунки очень удачно воспроизведены съ стараго англійскаго изданія, въ которомъ лица и типы нѣсколько идеализированы, какъ это было принято въ старинныхъ иллюстраціяхъ, что чрезвычайно подходитъ къ общему тону книги. Снабдить ее новѣйшими рисунками значило бы въ огромной степени испортить. Переводъ сдѣланъ съ новаго американскаго изданія, снабженнаго обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ приведены интересные отзывы разныхъ выдающихся дѣятелей и писателей, и библіографическимъ спискомъ изданій и переводовъ знаменитой книги.

ПУБЛИЦИСТИКА.

«Финляндія». Подъ редакціей *Д. Протопопова.*

Финляндія. Подъ редакціей Д. Протопопова при участіи: И. Андреева, В. Валина, Г. В., А. Гранфельта, О. Грундстрема, Clericus, К. Лейно, Neuter, Д. Протопопова, В Скалона, І. Тикканена, г-жи Т. Хультинъ, Т. Форселля, г-жи М. Фрибергъ и Э. Эркко. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898 г. Цѣна 3 руб. 50 коп. Появленіе настоящаго изданія О. Н. Поповой, подписка на которое объявлена была въ концѣ прошлаго года, ожидалось съ большимъ инте-

ресомъ. На русскомъ языкѣ, за исключеніемъ изданія М. О. Вольфа «Финляндія въ XIX столѣтіи», не было ни одного сочиненія, откуда русскій читатель могъ бы почерпнуть точныя и всестороннія свѣдѣнія о сосѣднемъ намъ краѣ. Но изданіе М. О. Вольфа. хотя и отличается своими внѣшними достоинствами и содержитъ много прекрасныхъ рисунковъ и гравюръ, стоитъ дорого (12 руб.) и не даетъ полнаго знакомства со всѣми сторонами финляндской жизни, а потому и не получило распространенія среди читающей русской публики. Помимо этого, интересъ къ новому изданію О. Н. Поповой вызывался также тѣмъ, что въ нашемъ обществѣ, сбитомъ съ толку публицистами «Новаго Времени» и такими исключительными сочиненіями, какъ появившаяся въ прошломъ году книга г. Мессароша *), явилось сильное желаніе ознакомиться со всѣми проявленіями жизни того народа, о которомъ вышеназванные публицисты. въ какомъ-то экстазѣ человѣконенавистничества, распространяли столько лжи и клеветы, и узнать о немъ, наконецъ, всю правду. До чего смутны понятія нашего общества о Финляндіи и существующихъ тамъ порядкахъ, видно, между прочимъ, изъ фельетона г. М—е «Финляндскія впечатлѣнія» («Нов. Вр.», 10 авг. 1898 г.), гдѣ авторъ откровенно признается, что онъ былъ такъ глубоко убѣжденъ въ недоброжелательствѣ къ намъ мѣстнаго населенія, что всякій разъ, когда въ теченіе его двадцатилѣтней жизни въ Петербургѣ у него мелькала мысль заглянуть въ Финляндію, онъ тотчасъ же тщательно отгонялъ ее. Вотъ какая «правда» о Финляндіи распространена у насъ въ обществѣ. Конечно, страхи г. М—е оказались напрасными, въ чемъ онъ чистосердечно исповѣдуется. Новое изданіе г-жи Поповой несомнѣнно будетъ содѣйствовать разсѣянію подобныхъ предубѣжденій противъ Финляндіи, такъ какъ оно даетъ полную и всестороннюю картину финляндской жизни во всей ея неподкрашенной правдѣ.

Прочитавъ статью г. Скалона «Политическое положеніе Финляндіи» и «Финляндскій вопросъ», русскій читатель убѣдится, что всѣ нападки, раздающіяся со стороны извѣстной части русской печати (гг. Ординъ, Еленевъ, Мессарошъ, «Новое Время» и К°) на финляндскихъ политическихъ дѣятелей и публицистовъ, стремящихся выяснить и научно обосновать юридическое и политическое положеніе своей страны и ея отношеніе къ имперіи,—лишены всякаго основанія. Нападки эти не остаются, однако, безъ вліянія на общественное настроеніе: онѣ поселяютъ въ русскомъ обществѣ, незнакомомъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, раздраженіе и непріязнь къ финляндцамъ, а среди послѣднихъ—тѣ же чувства къ намъ, обостряемыя опасеніями за свою политическую будущность.

Не останавливаясь на государственномъ бюджетѣ Финляндіи, отдѣльныя статьи котораго по приходамъ и расходамъ нѣсколько знакомы читающей публикѣ, такъ какъ свѣдѣнія о нихъ попадали въ нашу печать, остановимся, для уясненія общаго финансоваго положенія Финляндіи, на бюджетахъ городовъ и сельскихъ общинъ. Общій расходъ всѣхъ финляндскихъ городовъ равнялся въ 1894 г. 11.244.276 мар. **). Главными статьями расхода въ городахъ являются администрація, отправленіе правосудія, пожарное дѣло, народное образованіе и народное здравіе. Расходы на первые три предмета колеблются между 558.605 мар. въ Гельсингфорсѣ и 4.350 мар. въ Маріехалевѣ; народное образованіе поглощаетъ отъ 456.493 мар. въ Гельсингфорсѣ (свыше 11% всѣхъ расходовъ) до 1.285 мар. въ Нюкарлебю; на народное здравіе тратится

*) Рецензію о ней см. въ «М. Б.» 1897 г., № 11, стр. 76—78.

**) Напомнимъ здѣсь, что всѣхъ городовъ въ Финляндіи 37, а населеніе ея, по послѣднимъ даннымъ, равняется 2.500.000 чел., изъ которыхъ живетъ въ городахъ только 272.415 чел.

въ Гельсингфорсѣ 153.467 мар.; расходы на пожарное дѣло колеблются между 85.820 мар. и 150 мар. Средства на покрытіе этихъ расходовъ получаются городами частью изъ доходовъ съ принадлежащихъ имъ земель и водъ, частью изъ сборовъ съ предпріятій и промысловъ, частью путемъ обложенія городскихъ жителей подоходнымъ налогомъ, дающимъ въ Гельсингфорсѣ 1.179.009 мар., въ Або—473.785 мар., въ Выборгѣ—319.911 мар. и въ Нодендалѣ—2.814 м. Положеніе финансовъ сельскихъ общинъ аналогично городскимъ. Общій доходъ сельскихъ общинъ — 5.649.557 мар. Важнѣйшія статьи расхода составляютъ народное образованіе, на которое тратится 872.587 мар. (свыше 15%), и поддержаніе почтовыхъ дорогъ и почтовой гоньбы, обходящееся въ годъ въ 867.624 мар. (См. стр. 169—170).

Слѣдующія затѣмъ главы VII, VIII и IX, посвященныя сельскому хозяйству, сельскому населенію и рабочимъ, даютъ намъ полную картину аграрныхъ отношеній, системъ полеводства, скотоводства, лѣсного и молочнаго хозяйства и мѣропріятій къ развитію сельскаго хозяйства. Финляндія — страна мелкаго землевладѣнія. Число землевладѣльцевъ Финляндіи въ 1893 г. составляло 114.603 человѣка. По обширности владѣній они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

2.703	челов.	обладали	свыше 100 гектаровъ	полей	и	луговъ,
23.818	»	»	отъ 25 до 100 гект.	»		»
55.757	»	»	» 5 » 25	»	»	»
32.325	»	»	менѣе 5 гектаровъ пахатной земли.			

Вывозъ лѣсныхъ продуктовъ за послѣднія 25 лѣтъ по цѣнности составлялъ 45% всего вывоза; этимъ уясняется громадное значеніе лѣсного дѣла въ Финляндіи. Въ 1895 г. на 427 лѣсопильняхъ Финляндіи было распилено всего $14^1/_2$ милліоновъ бревенъ, на $40^1/_2$ милліоновъ марокъ. Въ 1895 г. на лѣсопильняхъ работало 12.000 человѣкъ. Еще болѣе важное значеніе для Финляндіи имѣетъ молочное хозяйство: молочные продукты составляютъ главную пищу населенія и въ огромныхъ количествахъ экспортируются за границу. Особенное значеніе получилъ вывозъ масла. Онъ выражается слѣдующими цифрами: 1875 г. 4.804.509 килогр., 1880—6.544.321, 1890—8.016.232, 1893—9.641.200, 1894—13.355.069, 1895—14.115.054.

Съ 1865 г. въ д. Мустіаля находится высшій сельскохозяйственный институтъ, при которомъ съ 1881 г. открыто молочно-хозяйственное отдѣленіе. Кромѣ того, въ странѣ имѣется 22 низшихъ сельскохозяйственныхъ школы. На службѣ правительства состоитъ теперь 17 губернскихъ агрономовъ, обязанныхъ давать желающимъ совѣты и указанія по сельскому хозяйству, составлять планы дренажныхъ работъ и по возможности лично руководить ими, составлять проекты чертежей для сельскохозяйственныхъ строеній. Въ 1890 г. учреждены 3 должности губернскихъ инженеровъ, на обязанности которыхъ лежитъ составленіе плановъ для обширныхъ осушительныхъ работъ и руководство этими работами. Правильнымъ лѣснымъ хозяйствомъ руководятъ два инструктора. Кромѣ того, существуютъ пять инструкторовъ молочнаго хозяйства, инструкторъ льноводства, инструкторъ полеводства, инструкторъ скотоводства. Всѣ эти лица получаютъ содержаніе отъ правительства и обязаны за небольшое вознагражденіе помогать совѣтами и указаніями частнымъ лицамъ.

Въ настоящее время въ Финляндіи считается свыше 6.735 заведеній и около 60.000 фабричныхъ рабочихъ и ремесленниковъ. Всего лицъ, принадлежащихъ къ рабочему классу, считая женъ и дѣтей рабочихъ, насчитываютъ около 200.000. По свѣдѣніямъ гельсингфорскаго рабочаго союза, собраннымъ путемъ enquête, средняя заработная плата для Гельсингфорса въ 1890 г. равнялась 18 мар. 51 пенни въ недѣлю или 3 мар. $8^1/_2$ пенни въ день (7 руб. 7 коп.

и 1 р. 17 к.). Въ среднемъ, годовая заработная плата въ 1890 г. въ Гельсингфорсѣ составляла 971 мар. 65 пенни (около 371 руб.).

О заработной платѣ въ крупномъ производствѣ имѣются отрывочныя свѣдѣнія. Такъ, на бумагопрядильнѣ въ Або мужчины получаютъ въ день 2 мар. 50 пенни—3 мар. 50 пенни, женщины 1 мар. — 1 мар 50 пенни; на таммерфорскихъ фабрикахъ мужчины получаютъ въ день 1 мар. 90 пенни—4 мар., женщины 1 мар.—2 мар. 50 пенни. Продолжительность рабочаго времени въ большинствѣ случаевъ равна 11, 11½ и 12 часамъ. Изъ слѣдующей таблицы уясняется годовое потребленіе финскимъ рабочимъ нѣкоторыхъ продуктовъ, сравнительно съ рабочими другихъ странъ:

	Кофе. Kg.	Чай. Kg.	Сахаръ. Kg.	Табакъ. Kg.	Алкоголь. Литры.
Финляндія	22,3	0,25	5,89	12,79	1,94
Россія	0,6	2,86	4,84	5,65	5,33
Швеція	34,5	0,31	14,23	9,51	4,57
Германія	24,1	0,51	9,94	15,40	10,43
Франція	17,6	0,14	11,50	10,76	18,84
Англія	3,3	24,81	36,75	7,45	9,55

Слѣдующія три главы—X, XI и XII, посвященныя національному движенію и партіямъ, общественной жизни и періодической печати, даютъ читателю яркую картину общественной жизни Финляндіи. Главы эти, въ особенности X, знакомящая насъ съ общественнымъ значеніемъ финскаго національнаго движенія и партій съ ихъ политическими программами, читаются съ захватывающимъ интересомъ, такъ какъ на русскомъ языкѣ впервые появляется описаніе столь важныхъ для Финляндіи основъ ея общественной жизни. Статья г. И. Андреева по справедливости можетъ быть названа лучшей во всемъ разбираемомъ сборникѣ: съ поразительной ясностью авторъ излагаетъ наиболѣе трудные и запутанные моменты въ исторіи финскаго національнаго движенія и своимъ безпристрастнымъ, чуждымъ всякихъ увлеченій, талантливымъ изложеніемъ политическихъ программъ національныхъ партій много помогаетъ русскому читателю разобраться въ значеніи этихъ программъ и уяснить себѣ политическую физіономію вождей феннoманства и сведоманства. Заимствуемъ изъ главы о періодической печати нѣкоторыя цифры. Въ 1898 г. въ Финляндіи всего выходило 186 періодическихъ изданій, т. е. 1 изданіе на каждыя 13.000 жителей; изъ нихъ 20—изданія ежедневныя, 21—выходятъ 3 раза въ недѣлю, 32—два раза и 32—одинъ разъ въ недѣлю. Изъ 37 городовъ Финляндіи лишь въ 5 нѣтъ собственной газеты. Въ Або (30.000 жителей) существуетъ 3 финскихъ и 3 шведскихъ органа; Выборгъ имѣетъ 4 ежедневныя газеты; Таммерфорсъ—3 финскихъ и 1 шведскую; Ваза—3 шведскихъ и 2 финскихъ. Изъ гельсингфорскихъ газетъ двѣ ежедневно расходятся въ количествѣ около 12.000 номеровъ; другія—въ 7.000—8.000. Среди провинціальныхъ органовъ есть не мало такихъ, которыя выходятъ въ 5.000—7.000 экземплярахъ. Годовая цѣна на гельсингфорскія газеты колеблется между 24 и 15 марк. (9 руб.—5 руб. 70 коп.), считая и расходы на пересылку; провинціальныя газеты стоятъ въ годъ 13 — 11 мар. (5 р — 4 р. 20 к.); выходящія 2 — 3 раза въ недѣлю стоятъ 3, 4 и 5 мар. въ годъ. (См. стр. 331—332).

Изъ главъ XIII, XIV и XV, посвященныхъ начальному народному образованію, среднему образованію и университету и студенческой жизни, русскій читатель детально ознакомится съ состояніемъ школьнаго и учебнаго дѣла въ странѣ. Въ городахъ существуетъ всеобщее обученіе. По дѣйствующему закону города *обязаны* имѣть столько школъ, сколько необходимо для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, не получающихъ образованія дома или въ другихъ, т. е. не народныхъ школахъ. Обученіе платное, но плата незначительная: 1—2 марки

(38 — 76 к.) за семестръ; неимущіе освобождаются отъ этой платы. Всѣ городскія школы свѣтскія, т. е. состоятъ въ вѣдѣніи свѣтской правительственной власти. Городскія школы содержатся на городскія средства, но пользуются субсидіей отъ правительства. Устройство школъ въ сельскихъ общинахъ пока еще не обязательно.

По грамотности Финляндія стоитъ высоко, какъ это видно изъ слѣдующей сравнительной таблицы:

	% неграмотныхъ.		% неграмотныхъ.
Швеція	0,6	Англія	14,0
Норвегія	0,8	Австрія	27,0
Данія	0,8	Франція	32,0
Швейцарія	0,9	Италія	46,0
Германія	1,4	Испанія	52,0
Финляндія	2,1	Россія	80,0

(См. стр. 338—340, 360).

Съ большимъ интересомъ также прочтутся главы XVI, XVII и XVIII, посвященныя наукѣ, литературѣ и искусству. Заключительныя же 2 главы, XIX и XX, посвященныя борьбѣ противъ спиртныхъ напитковъ и призрѣнію бѣдныхъ, весьма поучительны для русскаго читателя, такъ какъ оба эти вопроса составляютъ больное мѣсто нашей общественной жизни и мы многому можемъ научиться у нашихъ сосѣдей.

Изъ сдѣланнаго бѣглаго обзора усматривается тотъ интересъ къ разбираемой нами книгѣ, о которомъ мы говорили въ началѣ настоящей замѣтки. При всѣхъ недостаткахъ, свойственныхъ коллективнымъ работамъ, каковы неизбѣжныя повторенія и отсутствіе вполнѣ выдержанной, руководящей точки зрѣнія, новое изданіе О. Н. Поповой представляетъ несомнѣнно цѣнный вкладъ въ небогатую литературу о Финляндіи и можетъ быть рекомендовано всѣмъ интересующимся краемъ, о которомъ у насъ знаютъ такъ мало. Книга издана очень изящно, снабжена массой рисунковъ и гравюръ и по цѣнѣ доступна.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Ж. Ревилль. «Религія въ Римѣ при Северахъ».—*I. Шерръ.* «Комедія всемірной исторіи».—*С. Зенченко.* «Учебникъ древней исторіи».—«Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ».

Жанъ Ревилль. Религія въ Римѣ при Северахъ. Переводъ съ французскаго В. Н. Линда. Изд. магазина «Книжное дѣло». Москва. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к Читателя не должно отпугивать нѣсколько спеціальное заглавіе этой книги, разсматривающей въ общедоступномъ и мѣстами изящномъ и легкомъ изложеніи одинъ изъ существеннѣйшихъ и интереснѣйшихъ вопросовъ въ исторіи христіанства. Авторъ избралъ предметомъ изслѣдованія эпоху, почти предшествующую оффиціальному торжеству христіанства, и задается вопросомъ, что подготовило почву для той легкости, съ которой наканунѣ гонимая и преслѣдуемая со всей свирѣпостью эпохи религія воцарилась на мѣстѣ только-что признаваемыхъ и массою, и государствомъ безчисленныхъ боговъ? Время императоровъ Северовъ, начало третьяго вѣка и до конца его первой половины, представляется Ревиллю особенно важнымъ при рѣшеніи этого вопроса. Это было время сравнительнаго затишья въ борьбѣ двухъ міровоззрѣній, когда христіанская церковь переживала тихіе дни, не только не преслѣдуемая,

но даже какъ бы покровительствуемая въ стѣнахъ самого императорскаго дворца, гдѣ если не императоры, то управлявшія ими женщины болѣе, чѣмъ сочувственно относились къ ней. Церковь тогда постепенно организовалась, принимая тотъ стройный внѣшній видъ, въ какомъ она предстала въ минуту полнаго торжества. Языческій міръ въ то же время переживалъ самую критическую минуту, минуту крайняго напряженія всѣхъ духовныхъ силъ, устремленныхъ на выработку общей религіозной системы, которая могла бы противостать христіанству. Религія въ Римѣ стала въ эту эпоху окончательно космополитичной, всѣ боги собралися здѣсь, всѣ имѣли своихъ приверженцевъ, искреннихъ, проникнутыхъ глубокимъ почтеніемъ. Никогда римское общество въ предшествующія эпохи не отличались большей религіозностью, какъ въ III вѣкѣ. При Северахъ всѣ вѣруютъ, всѣ исполняютъ обряды, императоры, и худшіе, и лучшіе, проникнуты религіозностью, и появленіе на престолѣ сирійскаго жреца Элагабала ни мало не шокируетъ умы, какъ и тѣ чудовищно-странные обряды, которымъ предавался этотъ императоръ, увлекая за собой сенатъ и толпу. Безчисленное скопленіе всякихъ божествъ пріучило массу и высшій классъ относиться къ нимъ сначала равнодушно, въ періодъ безвѣрія при первыхъ императорахъ, затѣмъ принимать ихъ всѣхъ равно почтительно, когда оживившееся религіозное чувство потребовало предметовъ поклоненія. Въ результатѣ, изъ среды всѣхъ этихъ боговъ, обрядовъ, вѣрованій выдѣлилась одна идея, что въ концѣ концовъ все это только различныя проявленія одного и того же божества, различные обряды одного и того же культа, различное пониманіе одного и того же благочестія. Безсознательное въ массахъ, это движеніе религіознаго *синкретизма*, какъ его называетъ Ревилль, возводится въ систему философской діалектикой. Происходятъ попытки религіозной реформы въ этомъ смыслѣ, предпринятыя при дворѣ Северовъ, гдѣ три женщины получаютъ постепенно огромное вліяніе на ходъ и развитіе философско-религіозной мысли эпохи.

Первая часть книги посвящена главнымъ моментамъ распространенія религіознаго синкретизма, описанію многочисленныхъ культовъ, господствовавшихъ въ Римѣ до Северовъ и при нихъ, и общей характеристикѣ религіознаго броженія, того постепеннаго завоеванія Рима востокомъ, которое началось при первыхъ императорахъ и продолжалось непрерывно до нашествія варваровъ. Эта часть книги Ревилля суховата и не даетъ ничего новаго, представляя лишь сжатый конспектъ спеціальныхъ работъ по исторіи римской имперіи въ первые два вѣка новой эры. Несравненно живѣе и интереснѣе вторая часть, въ которой авторъ переходитъ къ попыткамъ религіозной реформы при дворѣ и характеристикѣ цѣлаго кружка философовъ, собравшихся въ салонѣ замѣчательнѣйшихъ женщинъ той эпохи: Юліи Мезы, Юліи Соемисъ и Юліи Мамеи, родоначальницей которыхъ была сирійка Юлія Домна, жена перваго Севера—Септима. «Этотъ салонъ,—говоритъ Ревилль,—организованный императрицей, былъ совершеннымъ подобіемъ тѣхъ, которыми отличались нѣкоторые дворы Италіи въ эпоху Возрожденія; это было собраніе блестящихъ остроуміемъ личностей, въ родѣ тѣхъ собраній, которыя старались устроить греческія куртизанки временъ Перикла, знаменитыя женщины XVIII вѣка во Франціи, наконецъ, m-me Рекамье и принцесса Матильда въ нашемъ вѣкѣ. Повидимому, замѣчаетъ авторъ,—женщины больше, чѣмъ мужчины, обладаютъ даромъ создавать такіе салоны, воспоминаніе о которыхъ живетъ въ исторіи, благодаря вліянію ихъ на движеніе цивилизаціи. Лишь женщины обладаютъ тонкимъ тактомъ, способностью руководить мягко и незамѣтно, и чарующей прелестью, благодаря которой вокругъ нихъ долго группируются люди различныхъ взглядовъ и характеровъ».

Въ этомъ салонѣ религіозный синкретизмъ получилъ философское развитіе

и былъ оформленъ въ творенiи Филостата «Жизнеописанiе Аполлонiя Тiанскаго», въ которой нѣкоторые ученые хотѣли видѣть нарочитое противопоставленiе Аполлонiя — Христу. Противъ этого Ревилль приводитъ весьма основательныя возраженiя, между прочимъ, то, что во всемъ произведенiи не упоминается *ни разу* имя Христа. Разборъ «Жизнеописанiя» очень интересенъ. Авторъ показываетъ, какъ выражена идея общности божествъ въ рѣчахъ и поведенiи Аполлонiя и какъ слаба въ то же время духовная сторона въ немъ. Въ императорскомъ дворцѣ религiозный синкретизмъ достигъ высшаго завершенiя въ лицѣ сына Юлiи Мамеи Александра Севера, введшаго, между прочимъ, впервые *культъ языческихъ святыхъ*. Такъ, повседневныя молитвы молодой императоръ совершалъ въ особыхъ молельняхъ дворца, гдѣ не было ни Юпитера, ни Сераписа, ни Ваала, ни Изиды, но были изображенiя его предковъ, лучшихъ изъ его обоготворенныхъ предшественниковъ, и «самыхъ святыхъ душъ» прошлаго времени, каковы Аполлонiй Тiанскiй, Христосъ, Авраамъ, Орфей и Александръ Великiй.

Въ заключенiе Ревилль указываетъ еще одинъ факторъ, подготовившiй торжество идеи единаго Бога, именно—терпимость религiознаго синкретизма эпохи Северовъ. Синкретизмъ охотно ввелъ бы въ число всѣхъ религiй и христiанство, если бы оно само упорно не сопротивлялось осквернить себя подобнымъ сожительствомъ съ прочими культами. Поэтому, благодаря духу синкретизма, враждебное отношенiе къ христiанству утратило свой религiозный характеръ, получивъ чисто политическую окраску. Христiане упорно отказывались приносить жертвы передъ алтарями, воздвигаемыми въ честь императоровъ, и тѣмъ какъ бы отрицали ихъ *право* власти, что должно было вести къ административнымъ репрессалiямъ противъ христiанъ, какъ бунтовщиковъ. «Этимъ объясняется,—говоритъ Ревилль,—любопытное явленiе въ исторiи христiанства: правительство начинаетъ преслѣдовать христiанъ какъ разъ тогда, когда толпа перестаетъ относиться къ нимъ враждебно. Дѣйствительно, ненависть толпы была слѣдствiемъ религiознаго чувства, правительство же руководилось политическими соображенiями. Проникаясь все болѣе и болѣе духомъ синкретизма, толпа привыкаетъ къ христiанамъ. Она не понимаетъ, почему бы верховное божество не могло быть почитаемо подъ именемъ Христа также, какъ и подъ именемъ Сераписа или Митры? Но преслѣдованiя именно опасны лишь тогда, когда они исходятъ отъ народной массы; она устраняетъ тогда лучшихъ защитниковъ обвиняемой стороны; самая враждебность толпы обусловливаетъ такое положенiе дѣлъ, при которомъ найти новыхъ противниковъ крайне трудно. Напротивъ, преслѣдованiя правительства, вызванныя только политикой, скорѣе полезны, чѣмъ вредны для гонимой партiи; они очищаютъ и пополняютъ ея ряды значительнымъ числомъ новыхъ послѣдователей изъ людей независимаго характера».

Такимъ образомъ, заканчиваетъ Ревилль, подготовлялось постепенно и незамѣтно, но неудержимо слiянiе христiанства и античнаго общества. Послѣднее преобразовалось вслѣдствiе свободнаго развитiя своихъ жизненныхъ силъ, пока, наконецъ, не наступилъ день, когда эти двѣ силы сблизились настолько, чтобы слитьея воедино. Синкретическая реформа язычества, независимо отъ воздѣйствiя на него церкви трехъ первыхъ вѣковъ, способствовала этому не меньше, чѣмъ само христiанство, и эпоха Северовъ, когда эта реформа получила яркое выраженiе въ философской мысли и овладѣла античнымъ обществомъ, получаетъ особый интересъ въ исторiи христiанства.

Іоганнъ Шерръ. Комедiя всемiрной исторiи. Историческiй очеркъ событiй 1848 г. Перев. съ нѣмец. въ двухъ томахъ, 3 р. 50 к. Т. I, 1898 г. Изд. О. Н. Поповой. Книга Шерра хорошая знакомая русскаго читателя, которому она всегда служила введенiемъ къ изученiю 1848 г. по болѣе спе-

ціальнымъ и существеннымъ сочиненіямъ. Шерръ не является въ ней чистымъ историкомъ, посвящающемъ все свое вниманіе систематическому изложенію хода событій по отдѣльнымъ странамъ. Его задача нѣсколько иная. Въ блестящей, остроумной и мѣстами почти художественной формѣ онъ рисуетъ общую картину «весны народовъ», стремясь лишь къ тому, чтобы уловить главную основную черту знаменательнаго года. Его книга скорѣе публицистическая, чѣмъ научная работа. Это, если можно такъ выразиться, историческій фельетонъ, въ которомъ авторъ ни мало не скрываетъ своихъ симпатій и антипатій, не церемонится съ дѣятелями и не жалѣетъ крѣпкихъ словечекъ для ихъ характеристики. Пій IX у него «слабодушный человѣкъ, гибкая трость, гнущаяся и повертывающаяся такъ или иначе, смотря по желанію другихъ,—словомъ, узколобый, малодушный попъ, сдѣланный на короткое время «либеральнымъ» папой, т.-е. забавнѣйшимъ изъ всѣхъ шутовъ, благодаря капризу народной благосклонности». Луи-Филиппъ— идеальный «король-лавочникъ», который даже въ минуту смертельной опасности не забываетъ о портфелѣ съ цѣнными бумагами. Тьеръ—«маленькій человѣчекъ». все время мнящій себя избранникомъ Провидѣнія и мечтающій о роли спасителя, который мягкими словечками думаетъ утѣшить бурю. Южно-нѣмецкіе республиканцы фигурируютъ у Шерра въ самомъ комичномъ видѣ, а ихъ походъ изображенъ, какъ романтическая затѣя пылкихъ фантазеровъ.

Въ книгѣ преобладаетъ тонъ ѣдкой насмѣшки надъ преувеличенными надеждами и ожиданіями современныхъ дѣятелей, достается особенно буржуазіи и ея представителямъ за ихъ полное непониманіе народныхъ интересовъ. Но и народъ тоже не пощаженъ, хотя все время симпатіи автора явно на его сторонѣ. Нужно замѣтить, что книга написана въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда и въ Германіи, и въ Парижѣ господствовала реакція, и взрывъ 48-го года казался многимъ только подготовителемъ именно этой реакціи. Отсюда горечь, которая проникаетъ Шерра, когда онъ съ птичьяго полета озираетъ знаменательную эпоху и помимо воли сравниваетъ мечты и дѣйствительность. Самъ Шерръ былъ далеко не изъ стойкихъ борцовъ. Ему не доставало вѣры въ исповѣдуемые имъ принципы, что и проявилось крайне рѣзко послѣ франко-прусской войны, когда бывшій ярый демократъ 48 года сразу превратился въ оффиціальнаго пѣвца Бисмарка и сталъ внушать «Михелю» (прозвище нѣмецкаго мужика) въ романѣ, написанномъ Шерромъ подъ этимъ заглавіемъ, — повиновеніе и преклоненіе предъ силой, словомъ — сдѣлался правовѣрнымъ націоналъ-либераломъ. Конечно, этотъ послѣдующій переворотъ не отразился на «Комедіи всемірной исторіи», которая и теперь все-таки остается интересной и хорошо написанной книгой. Первый томъ заканчивается описаніемъ революціоннаго движенія въ южной Германіи.

С. Зенченко. Учебникъ древней исторіи. Выпускъ I. Востокъ и Греція. Изданіе второе. М. 1898 г. XVI+283 стр. ц. 80 к. Трудно найти предметъ, поставленный менѣе благопріятно въ условіяхъ нашего гимназическаго преподаванія, чѣмъ древняя исторія. Проходится этотъ отдѣлъ всеобщей исторіи съ учениками младшихъ классовъ, возрасту которыхъ недоступны, даже въ элементарной формѣ, богатство идейнаго содержанія античной культуры, глубокая сложность соціальныхъ вопросовъ античной жизни, классическая красота античнаго искусства. При такихъ условіяхъ задача составить учебникъ, въ одно и то же время практичный и небезсодержательный, оказывается чрезвычайно трудной. Слишкомъ долговѣчные учебники г. Иловайскаго отличаются тѣмъ качествомъ, которое хуже всякихъ фактическихъ ошибокъ и устарѣлыхъ данныхъ: внутренней ненаучностью, свойствомъ, которое дѣлаетъ учебникъ безполезнымъ, какъ пособіе для умственной работы ученика надъ даннымъ ему матеріаломъ. Конечно, «средній уровень преподаванія, вообще говоря, не задается и не можетъ задаваться строго-научными цѣлями. Большею частью тутъ дѣло ограни-

чивается только нѣкоторымъ подготовленіемъ къ наукѣ и научному чтенію. Чисто научный элементъ вносится лишь насколько это возможно и не возводится до полной своей высоты» (Н. Н. Страховъ). Но это значитъ только, что постановка предмета въ преподаваніи не можетъ достигнуть сложности постановки его въ наукѣ: разница количественная, а не качественная. Внутренняя научность доступна учебнику, какъ и ученому труду. Она скажется въ характерѣ изложенія и въ подборѣ матеріала. Безъ нея преподаваніе даетъ лишь отрывочныя свѣдѣнія, затверженныя на память безъ всякой разумной связи. Съ полнымъ сознаніемъ этихъ основныхъ требованій приступилъ къ составленію своихъ учебниковъ проф. Виноградовъ. Справедливо раздѣляетъ онъ двѣ стороны дѣла въ преподаваніи исторіи: «образное повѣствованіе, оживленное множествомъ конкретныхъ чертъ», которое одно можетъ дать живое пониманіе прошлой жизни, и «разумное упрощеніе историческаго процесса, который сначала кажется случайнымъ и безпорядочнымъ», нужное для того, чтобы смѣна формъ общественной и вообще культурной жизни была разумно понята. Первое, по мнѣнію П. І. Виноградова, можетъ дать ученикамъ лишь разсказъ учителя и внѣклассное чтеніе; для этой цѣли имъ издана «Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ» (см. «Міръ Божій» 1898 г. № 6). Вторая задача должна быть достигнута учебникомъ, который дастъ научный матеріалъ, усвояемый съ помощью объясненій преподавателя. Это важнѣйшая сторона преподаванія исторіи, такъ какъ она дастъ возможность выяснить учащимся основныя политическія, соціальныя и, вообще, историко-культурныя понятія. Относительно древней исторіи, въ младшихъ классахъ, подобная задача всего труднѣе. Учебникъ древней исторіи проф. Виноградова, какъ умная и изящно написанная книга, прочтется съ пользою и удовольствіемъ даже взрослыми. Но первое его изданіе уже встрѣтило много возраженій со стороны преподавателей, такъ какъ изложеніе, часто слишкомъ отвлеченное, не подходило къ умственному уровню юныхъ читателей. Въ послѣдующихъ изданіяхъ авторъ замѣнилъ нѣкоторыя трудныя мѣста болѣе легкими, устранилъ излишнія подробности, исправилъ нѣкоторыя фактическія погрѣшности и строже выдѣлилъ въ мелкій шрифтъ все то, что болѣе или менѣе, недоступно разумѣнію учениковъ IV класса: въ полномъ объемѣ книга предназначается для VIII класса. Что учебникъ Виноградовъ содержателенъ—не подлежитъ сомнѣнію; доступенъ ли онъ для цѣлей элементарнаго преподаванія—это вопросъ, на который опытъ нѣкоторыхъ московскихъ учебныхъ заведеній отвѣчаетъ утвердительно.

Кромѣ учебниковъ г.г. Иловайскаго и Виноградова, у насъ имѣются учебники древней исторіи проф. Трачевскаго и Гуревича. Первый изъ нихъ можетъ имѣть свои достоинства, какъ книга для чтенія, но онъ многословенъ и слишкомъ обширенъ; стремленіе къ живости и яркости изложенія заставляетъ автора теряться въ деталяхъ, впадать въ нѣкоторую вычурность и рисовать картины, нѣсколько искусственныя. Учебникъ Гуревича былъ до появленія книги проф. Виноградова—безусловно лучшимъ. Но наука древней исторіи многое иначе освѣтила за послѣднія 10 лѣтъ и изложеніе г. Гуревича является мѣстами устарѣлымъ; а, кромѣ того, этотъ учебникъ страдаетъ излишествомъ подробностей и, въ литературномъ отношеніи, представляетъ собою произведеніе довольно тяжеловѣсное.

Въ ряду этихъ учебниковъ новая книга г. Зенченка имѣетъ свои немаловажныя достоинства. Для тѣхъ, кого пугаетъ «слишкомъ серьезный» тонъ изложенія Виноградова, стиль г. Зенченка, обратившаго вниманіе на то, что «языкъ учебника долженъ какъ можно больше быть формой, сродной дѣтскому мышленію», будетъ данной въ пользу удобопримѣнимости его труда. Но за учебникомъ Виноградова остается то преимущство, что онъ ставитъ преподаванію цѣль повысить уровень мышленія къ старшимъ классамъ до полной при-

вычки къ научности изложенія, тогда какъ учебникъ г. Зенченка рискуетъ по самой формѣ своей оказаться слишкомъ дѣтскимъ при повтореніи древней исторіи не съ дѣтьми, а съ юношами. Предпочтеніе тому или другому можетъ быть отдано, смотря по составу класса. По содержанію новый учебникъ вполнѣ удовлетворителенъ. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью облегчить дѣтямъ, приступающимъ къ изученію новаго для нихъ предмета, усвоеніе основныхъ «историко-культурныхъ понятій, необходимыхъ при дальнѣйшемъ изученіи предмета». Это заставляетъ его выдвигать на первый планъ культурную сторону предмета, избѣгая фактическихъ подробностей, кромѣ тѣхъ, которыя «не излишни и не обременительны, если въ необходимой полнотѣ рисуютъ образъ, даютъ краски картинѣ и позволяютъ произвести необходимое, требуемое содержаніемъ впечатлѣніе». Такое пониманіе дѣла дало автору возможность написать книгу содержательную и доступную самому элементарно мыслящему уму. Мы можемъ, по опыту, засвидѣтельствовать, что его книга съ интересомъ читается людьми, которыхъ подготовка не выше дѣтской, и думаемъ, что это хорошая рекомендація для элементарнаго учебника. Но учебникъ этотъ имѣетъ одно внѣшнее практическое неудобство: онъ разсчитанъ на два томика и рискуетъ оказаться слишкомъ обширнымъ для тѣхъ учебныхъ заведеній, а таковы почти всѣ, гдѣ древняя исторія проходится въ одинъ годъ. Правда, размѣръ книги увеличенъ обширными приложеніями, содержащими изложеніе нѣсколькихъ важнѣйшихъ произведеній греческой литературы, которое выполнено со вкусомъ. Но все-таки учебникъ на практикѣ потребуетъ сокращеній. Нѣкоторыя фактическія неточности и нѣкоторыя неясно изложенныя мѣста будутъ, конечно, отмѣчены педагогической критикой и исправлены авторомъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: ихъ немного и останавливаться на нихъ, какъ неособенно важныхъ, мы не будемъ. Въ общемъ, учебникъ г. Зенченка принесетъ свою пользу и надо желать скорѣйшаго появленія второго выпуска.

«Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до Смутнаго времени», сборникъ статей, изданный подъ редакціей В. Н. Сторожева. Выпускъ первый. М. 1898 г. XXII+657 стр. Ц. 2 р. 75 к. Новый томикъ «Библіотеки для самообразованія», издаваемой по плану московской «коммиссіи по организаціи домашняго чтенія», посвященъ внутренней исторіи древней Руси. Статьи, вошедшія въ составъ этого сборника, подобраны примѣнительно къ программѣ занятій русской исторіей, напечатанной въ «Программахъ домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса» (Москва, 1896 г.). Вырабатывалась она подъ руководствомъ П. Н. Милюкова и представляетъ дѣйствительно настолько превосходный планъ изученія исторіи Россіи, что кто ее проработаетъ, будетъ владѣть предметомъ, если не лучше, то и не хуже лицъ, прослушавшихъ университетскіе историческіе курсы. Для упрощенія этой работы комиссія рѣшила издать систематическую хрестоматію, которая, конечно, не замѣнитъ изученія литературы предмета, но облегчитъ знакомство съ нею для лицъ, не имѣющихъ достаточно времени, чтобы обращаться къ обширнымъ научнымъ трудамъ. Редакція «Библіотеки для самообразованія» предпослала первому тому сборника предисловіе, въ которомъ, между прочимъ, указываетъ, что издаваемыя ею книги имѣютъ цѣлью дать «необходимый минимумъ познаній, безъ усвоенія которыхъ нельзя ознакомиться съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ науки сколько-нибудь основательно». Подборъ статей въ изданномъ первомъ выпускѣ сборника по русской исторіи вполнѣ соотвѣтствуетъ этой цѣли. Элементарный фактическій курсъ предполагается извѣстнымъ. Сборникъ имѣетъ цѣлью познакомить читателей съ культурой Днѣпровской Руси, ея экономическимъ, соціальнымъ, политическимъ и духовнымъ бытомъ.

Въ предисловіи редакторъ сборника указываетъ вѣрную точку зрѣнія, обоснованную П. Н. Милюковымъ въ его «Очеркахъ по исторіи русской куль-

туры», на исторію днѣпровской Руси, какъ на «совершенно особый и законченный историческій процессъ», по отношенію къ которому историческая жизнь сѣверо-восточной Руси съ ея болѣе низкой культурой «не движеніе назадъ, а нѣчто новое». Съ этой точки зрѣнія разбираемый томъ представляетъ нѣкоторое законченное цѣлое. Статьи, въ немъ помѣщенныя касаются начальнаго періода русской исторіи и быта Южной Руси въ XI—XII вв.; это, по большей части, выдержки изъ трудовъ лучшихъ нашихъ изслѣдователей старины или изложенія ихъ взглядовъ; только двѣ статьи—новыя: статья В. Н. Сторожева о холопахъ и М. Н. Покровскаго объ «отраженіи экономическаго быта въ «Русской Правдѣ».

Дать догматическое изображеніе общественнаго строя Руси въ древнѣйшій періодъ невозможно, въ виду того, что взгляды изслѣдователей далеко еще не пришли къ желанному единству. Поэтому коммиссія предлагаетъ своимъ читателямъ «ознакомиться съ главнѣйшими теоріями, возстановляющими этотъ строй предположительно». Изложены кратко и отчетливо главныя теоріи: «государственная», родовая и общинная, въ ихъ первоначальныхъ редакціяхъ и позднѣйшихъ видоизмѣненіяхъ, по трудамъ главныхъ ихъ представителей. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе различныхъ теорій, разъясняющихъ развитіе государственнаго строя древней Руси. Вдумчивое чтеніе этихъ статей, при внимательномъ сопоставленіи различныхъ воззрѣній, согласно съ указаніями программы, несомнѣнно дастъ начинающимъ хорошую подготовку для серьезнаго чтенія вообще. Весь этотъ отдѣлъ знакомитъ съ пріемами и построеніями корифеевъ русской исторической литературы, въ упрощенномъ и общедоступномъ изложеніи. Слѣдующій отдѣлъ даетъ рядъ содержательныхъ свѣдѣній относительно политическаго, соціальнаго, юридическаго и культурнаго быта южной Руси. Къ ряду хорошо подобранныхъ статей присоединены: полный текстъ «Русской Правды» въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ, отрывки изъ «Патерика Печерскаго», «Поученій» Владиміра Мономаха и посланіи митрополита Іоанна II къ Іакову Черноризцу. Этой мысли нельзя не признать весьма удачной: каковы бы ни были достоинства трудовъ изслѣдователей, имъ не сохранить той свѣжести и силы впечатлѣнія, какое даетъ чтеніе первоисточниковъ. Было бы весьма желательно даже расширить осуществленіе этой мысли: изданіе для учащихся и «большей публики» сборника избранныхъ отрывковъ, болѣе или менѣе цѣльныхъ и обширныхъ, изъ лѣтописей, житій и отдѣльныхъ сказаній, представляется насущный необходимостью.

Полнота и содержательность новаго сборника заставляетъ признать его явленіемъ весьма отраднымъ. Это книга популярная, но не въ шаблонномъ смыслѣ слова. Она серьезна и ея чтеніе потребуетъ значительнаго труда отъ мало подготовленныхъ читателей, для которыхъ она издана. Но при нѣкоторой подготовкѣ, какая имѣется, напримѣръ, у учениковъ старшихъ классовъ гимназій, эта книга можетъ дать очень много, стоя въ этомъ отношеніи, на ряду съ болѣе доступной «Книгой для чтенія по исторіи Среднихъ Вѣковъ» проф. Виноградова.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Л. Слонимскій. «Экономическое ученіе Карла Маркса».

Л. Слонимскій. Экономическое ученіе Карла Маркса. Изложеніе и критическій разборъ. Спб. 1898. (Стр. IX+211). Книга г. Слонимскаго, составившаяся изъ статей, служившихъ нѣкогда сомнительнымъ украшеніемъ «Вѣст-

ника Европы», представляетъ, рядомъ съ неполнымъ и неточнымъ изложеніемъ ученія Маркса, не столько его критическій разборъ, сколько «опроверженіе». Этимъ, въ значительной мѣрѣ, опредѣляется научное достоинство сочиненія плодовитаго и не лишеннаго бойкости пера публициста. Для дальнѣйшаго развитія экономической науки не можетъ быть ничего безплоднѣе, чѣмъ такія опроверженія Маркса, и ничего—плодотворнѣе и важнѣе, чѣмъ истинная историческая и догматическая критика этого писателя. Зомбартъ совершенно правильно указалъ, что Маркса такъ же невозможно и безсмысленно опровергать, какъ Кенэ, Смита, Рикардо и другіе руководящіе умы. По поводу новаго русскаго опроверженія Маркса можно сказать, что опроверженіе Маркса есть дѣло легкомысленныхъ дилеттантовъ, безстрашно берущихся за обсужденіе и рѣшеніе сложныхъ научныхъ проблемъ. У г. Слонимскаго нѣтъ той истинной и необходимой научной скромности, которая считается съ размѣрами научныхъ задачъ и не мнитъ все рѣшать натискомъ и быстротой здраваго смысла.

Итакъ, г. Слонимскаго не стоитъ опровергать, потому что это значило бы заняться истолкованіемъ и критикой Маркса по поводу книги... г. Слонимскаго. Достаточно будетъ нѣсколькихъ указаній для того, чтобы показать, какъ небрежно и легкомысленно отнесся г. Слонимскій къ своей задачѣ.

Какъ извѣстно, Маркса во всѣхъ его экономическихъ изысканіяхъ занимаетъ всего больше соціологическая проблема: отношеніе между общественными классами въ процессѣ производства въ зависимости отъ степени развитія производительности труда. Самая экономическая теорія Маркса есть, по своему существу и содержанію, ученіе чисто соціологическое. Отношенія между отдѣльными экономическими единицами, хозяйствами разсматриваются имъ постольку, поскольку они выражаются въ общественныхъ классовыхъ отношеніяхъ. Съ этой постановкой экономической теоріи у Маркса связаны всѣ достоинства и вся неполнота его построеній. Но вотъ является г. Слонимскій и развязно заявляетъ: «Въ рукахъ Маркса политическая экономія не только не пріобрѣтаетъ характера широкой общественной науки, но, напротивъ, совершенно утрачиваетъ связь съ другими отраслями обществовѣдѣнія и съуживается до степени спеціальной доктрины товарнаго производства и обращенія» (стр. 3). Приходится буквально развести руками и спросить г. Слонимскаго, не смѣшалъ ли онъ въ своемъ полемическомъ азартѣ Карла Маркса съ тѣми вульгарными нѣмецкими экономистами, которыхъ Лассаль нѣкогда сравнивалъ со скворцами, заучившими и повторяющими слово: Tausch (обмѣнъ). Или, быть можетъ, г. Слонимскій смѣшалъ Маркса съ Ф. Бастія или съ Ричардомъ Уэтли? Право, упреки г. Слонимскаго порожденіе какой то полемической галлюцинаціи. Пусть объяснитъ намъ также суровый критикъ Маркса, что означаетъ слѣдующее мѣсто. «*Цѣнность труда опредѣляется количествомъ средствъ, необходимыхъ для содержанія работника и его семьи*; нѣкоторая часть рабочаго дня достаточна для покрытія этой наемной цѣны труда... Рабочій продаетъ не свой трудъ, а свою рабочую силу, изъ которой хозяинъ старается извлечь какъ можно больше производительнаго труда; другими словами, рабочій отдаетъ себя въ распоряженіе капиталиста безъ всякихъ условій о количествѣ ежедневной работы; онъ продаетъ самого себя, а не то или другое количество своихъ рабочихъ часовъ, заранѣе опредѣленное при наймѣ. Въ опредѣленіи мѣновой стоимости труда Марксъ такимъ образомъ существенно отступаетъ отъ основного понятія цѣнности. *Онъ ставитъ цѣнность труда въ зависимость не отъ того, сколько стоитъ его приготовленіе и доставленіе на рынокъ, или сколько требуется для содержанія и постояннаго возстановленія рабочей силы, а отъ того, какую пользу можетъ трудъ принести покупателю*» (стр. 16).

Два выдѣленныя нами курсивомъ утвержденія въ началѣ и концѣ цитаты рѣшительно противорѣчатъ одно другому и мы совершенно не понимаемъ: какъ

можетъ Марксъ въ одно и то же время *ставить цѣнность труда въ зависимость не отъ того, сколько стоитъ его приготовленіе и доставленіе на рынокъ, а отъ того, какую пользу можетъ трудъ принести покупателю*, и утверждать, что *цѣнность труда опредѣляется количествомъ средствъ, необходимыхъ для содержанія работника и его семьи?* Одно для насъ ясно: г. Слонимскій вкладываетъ Марксу въ уста вещи, которыя онъ никогда не утверждалъ. Начнемъ съ того, что выраженіе «цѣнность труда» съ точки зрѣнія окончательной теоріи и терминологіи Маркса есть явно нелѣпое выраженіе, и что поэтому въ «Капиталѣ» Марксъ нигдѣ не говоритъ о цѣнности труда. Тамъ рѣчь идетъ только о цѣнности рабочей силы. Если Марксъ дѣйствительно говорилъ, что цѣнность рабочей силы (труда по вульгарной терминологіи) «опредѣляется количествомъ средствъ, необходимыхъ для содержанія работника и его семьи», то онъ никогда не утверждалъ и не могъ утверждать, что цѣнность рабочей силы «опредѣляется тѣмъ, какую пользу можетъ трудъ (т. е. рабочая сила по терминологіи Маркса) принести покупателю». Такое сумбурное пониманіе безусловно ясной теоріи Маркса съ ея строго выдержанной терминологіей, какое обнаруживаетъ г. Слонимскій, было бы непростительно и студенту, прослушавшему курсъ политической экономіи. Трудъ по Марксу вовсе не имѣетъ цѣнности, потому что: Der Gebrauch der Arbeitskraft ist die Arbeit selbst (3-е нѣм. изд. «Капитала», стр. 155). т. е. «трудъ есть потребленіе рабочей силы»—этими словами начинается 5-я глава перваго тома трактата о капиталѣ. Марксъ, вслѣдъ за Рикардо, училъ, что цѣнность, создаваемая трудомъ, превосходитъ цѣнность рабочей силы (т. е. заработную плату). Это въ высшей степени просто, нисколько не противорѣчитъ «основному понятію цѣнности» и логически, по крайней мѣрѣ, неуязвимо. Но г. Слонимскій не понялъ или не хотѣлъ понять этой простой вещи. Хороша же критика, въ основѣ которой лежитъ грубѣйшее, чисто ученическое, непониманіе!!

Конечно, не понимая Маркса, трудно его критиковать, но непониманіе, пожалуй, не столько вина, сколько бѣда г. Слонимскаго. Но въ чемъ г. Слонимскій несомнѣнно уже виновенъ, такъ это въ совершенно непозволительномъ заподозриваніи честности Маркса. Указывая на извѣстный вопросъ о противорѣчіи между теоріей трудовой цѣнности и фактомъ стремленія прибыли къ одному уровню, г. Слонимскій говоритъ: «...фактъ, достаточный самъ по себѣ для опроверженія придуманной Марксомъ теоріи, оставляется неразъясненнымъ безъ всякаго мотива, съ отсылкою читателя къ будущему тому, въ появленіи котораго самъ авторъ не могъ быть увѣренъ при изданіи первой части «Капитала» въ 1867 году. Въ неопредѣленномъ будущемъ онъ обѣщаетъ «доказать», что норма прибыли можетъ и должна быть одинакова при различной нормѣ прибавочной цѣнности, а въ первомъ томѣ онъ не могъ этого сдѣлать, даже въ видѣ краткаго указанія или намека, хотя удѣлилъ въ этомъ томѣ очень много мѣста подробнѣйшимъ фактическимъ даннымъ о положеніи англійскихъ рабочихъ до введенія фабричныхъ законовъ,—даннымъ, хорошо извѣстнымъ изъ книги Энгельса и не представляющимъ абсолютно никакого общаго теоретическаго интереса. Этимъ невѣроятнымъ, но геніальнымъ въ своемъ родѣ пріемомъ отсрочки на неопредѣленное время весьма существеннаго разъясненія, которое, будто бы, имѣлось уже у автора въ запасѣ, Марксъ сразу достигъ двухъ цѣлей: во-первыхъ, онъ сосредоточилъ вниманіе читателя на одной слабой сторонѣ его теоріи и отвлекъ отъ другихъ, болѣе коренныхъ его погрѣшностей, и, во-вторыхъ, вызвалъ готовность увѣровать въ его ученіе, такъ сказать, въ кредитъ, и обезпечилъ себя отчасти отъ разрушительной критики перспективою будущихъ окончательныхъ разъясненій» (стр. 71).

По ироніи судьбы и по собственному легкомыслію г. Слонимскій въ тѣхъ строчкахъ, въ которыхъ онъ заподозрилъ честность Маркса, сдѣлалъ двѣ гру-

бѣйшія ошибки. Дѣло въ томъ, что каждому читавшему предисловія Энгельса ко II и III тому «Капитала» должно быть извѣстно, что *въ 1867 году, въ годъ выхода I-го тома, бо́льшая и самая существенная часть III-го тома вчернѣ была уже написана Марксомъ* и что потому въ появленіи этого тома самъ авторъ могъ быть *вполнѣ увѣренъ*. Весьма существенное разъясненіе не будто бы, а въ дѣйствительности, имѣлось у автора, когда онъ обѣщалъ дать его читателямъ. Фраза г. Слонимскаго о «невѣроятномъ, но геніальномъ въ своемъ родѣ пріемѣ отсрочки» оказывается такимъ образомъ самаго сквернаго разбора инсинуаціей, въ которой повинна собственная, поистинѣ невѣроятная, хотя совершенно не геніальная, небрежность г. Слонимскаго. Обвиняя Маркса въ мистификаціи читателей (для которой, замѣтимъ кстати, злодѣй Марксъ безъ всякой надобности исписалъ манускриптъ, примѣрно, въ тысячу печатныхъ страницъ), г. Слонимскій не потрудился навести доступную для каждаго читателя справку о времени написанія III-го тома. Такое легкомысленное отношеніе къ дѣлу, благодаря которому г. Слонимскій взвелъ крайне неблаговидное обвиненіе на ни мало неповиннаго въ этомъ писателя, заслуживаетъ самаго строгаго осужденія, совершенно независимо отъ того, какъ относиться къ ученію и личности Маркса.

Во-вторыхъ, утвержденіе г. Слонимскаго, что въ I-мъ томѣ удѣлено очень много мѣста «подробнѣйшимъ фактическимъ даннымъ о положеніи англійскихъ рабочихъ до введенія фабричныхъ законовъ, даннымъ, хорошо извѣстнымъ изъ книги Энгельса», совершенно невѣрно и свидѣтельствуетъ опять таки о поразительной небрежности, съ которой г. Слонимскій читалъ критикуемаго имъ автора. Вопреки утвержденію г. Слонимскаго, Марксъ прямо оговаривается, что данныхъ, относящихся къ эпохѣ до 1845 года, какъ нашедшихъ себѣ мѣсто и превосходную обработку въ книгѣ Энгельса (книга эта вышла именно въ 1845 году), онъ приводить не будетъ (прим. 48 къ VIII главѣ. Auf die Periode vom Beginn der grossen Industrie in England bis 1845 gehe ich nur hier und da ein, und verweise den Leser darüber auf «Die Lage der arbeirtenden Klasse in England. Von Fridrich Engels. Leipzig, 1845»).

На стр. 129 г. Слонимскій говоритъ, что «элементъ суровой классовой борьбы искусственно вносится Марксомъ въ современную (современную кому, г. Слонимскому или Марксу?) экономическую исторію Англіи безъ достаточнаго къ тому основанія; борьба рисуется мрачными красками и предвѣщаетъ, будто бы общій насильственный переворотъ, хотя противъ этихъ мрачныхъ изображеній и выводовъ протестуетъ весь ходъ англійскаго общественнаго развитія». На это достаточно отвѣтить, что Марксъ не выдумывалъ ни чартизма, ни англійскихъ стачекъ 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ г.г. и что *онъ былъ первымъ писателемъ, съ полной ясностью отмѣтившимъ тотъ культурный характеръ, который приняла въ 50-хъ г.г. классовая борьба въ Англіи, благодаря фабричному законодательству и рабочимъ союзамъ*. Ни того, ни другого фактора Марксъ, какъ извѣстно, нисколько не замалчивалъ.

Г. Слонимскій крайне тенденціозно и недоброжелательно относится къ Марксу, и при своемъ плохомъ знакомствѣ съ предметомъ, какъ мы уже видѣли, нерѣдко попадаетъ въ просакъ. Такъ, обсуждая отношеніе Маркса къ Родбертусу, онъ утверждаетъ, что послѣдній въ то время, когда писалъ Марксъ (писательская дѣятельность Маркса, умершаго въ 1883 г. обнимаетъ время съ начала 40-хъ до начала 70-хъ г.г.) былъ «давно извѣстнымъ и популярнымъ писателемъ», но *всякій знакомый съ экономической литературой, наоборотъ, доподлинно знаетъ, что «извѣстность» Родбертуса началась лишь въ 70-хъ г.г., а популярность относится къ 80-мъ*. Незнакомство съ Родбертусомъ и невниманіе къ нему Марксъ раздѣлялъ такимъ образомъ съ большинствомъ другихъ экономистовъ. Очень далеко отъ истины и прямо непозволительно для ведущаго

иностранное обозрѣніе публициста, утвержденіе, что «нѣмецкая соціальная демократія... не выступала въ парламентѣ со своими законодательными проектами». Мы можемъ назвать г. Слонимскому рядъ такихъ проектовъ (напр., о максимальномъ рабочемъ днѣ) и рекомендуемъ ему вообще справиться объ этомъ предметѣ въ «Drucksachen» германскаго рейхстага.

Далѣе мы узнаемъ изъ книги г. Слонимскаго, что «взглядъ на капитализмъ, какъ на своеобразное явленіе новой промышленной исторіи, основанъ на очевидномъ недоразумѣніи» (стр. 10); намъ сообщаютъ также, что «римское гражданское право сдѣлалось обязательнымъ въ Европѣ подъ вліяніемъ ученыхъ юристовъ, *не только не въ согласіи съ экономическими требованіями, но, напротивъ, въ явный ущербъ общему ходу и развитію промышленной жизни»* (стр. 149, курсивъ нашъ). Словомъ, г. Слонимскій съ полнымъ спокойствіемъ духа сообщаетъ изумленному міру цѣлыя научныя открытія и навѣрное держитъ наготовѣ рядъ другихъ, еще болѣе изумительныхъ.

Прежде чѣмъ закончить нашу, и безъ того не по заслугамъ г. Слонимскаго, длинную рецензію, одно замѣчаніе. Г. Слонимскій выловилъ изъ существующаго русскаго перевода Маркса нѣсколько курьезовъ. Мы можемъ коллекцію г. Слонимскаго обогатить образчикомъ его собственнаго переводческаго искусства. Сей строгій судья упорно переводитъ часто встрѣчающійся у Маркса терминъ «bürgerliche Gesellschaft» словами: «гражданское общество» (стр. 1, 181 и др.), тогда какъ у Маркса и въ марксистской (да и вообще во всей новѣйшей литературѣ) этотъ терминъ (введенный въ литературу Гегелемъ въ его Rechtsphilosophie), имѣетъ совсѣмъ другой, гораздо болѣе опредѣленный и конкретно-историческій смыслъ (у Гегеля «гражданское общество» не только историческая, но и абстрактно-логическая категорія), а именно, онъ означаетъ «*буржуазное* общество». Но г. Слонимскій даже «bürgerliche Productionsverhältnisse» переводитъ «*гражданскія* производственныя отношенія» (стр. 51). Такой переводъ свидѣтельствуетъ о довольно таки безпомощномъ непониманіи текста Маркса.

Въ заключеніе мы повторяемъ: книга г. Слонимскаго, по самому своему характеру «опроверженія» Маркса, по худо скрываемой непріязненности къ разбираемому автору, которая совершенно не приличествуетъ научной критикѣ, не заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Ей нѣтъ мѣста въ научной литературѣ. Руководимый тенденціозными, ничего общаго съ наукой не имѣющими намѣреніями, г. Слонимскій производитъ изслѣдованіе о порокахъ и добродѣтеляхъ Маркса и совершенно постороннимъ, чисто личнымъ вопросамъ—въ ущербъ существу дѣла—отводитъ несоразмѣрно большое мѣсто въ небольшомъ критическомъ разборѣ огромнаго труда цѣлой жизни крупнаго мыслителя и въ тоже время обнаруживаетъ полное непониманіе дѣйствительныхъ проблемъ, представляющихся научной критикѣ Маркса *)

Книга г. Слонимскаго могла бы быть спокойно оставлена безъ вниманія, если бы она не была предварительно напечатана на страницахъ серьезнаго и распространеннаго журнала. На послѣдній падаетъ въ силу этого отвѣтственность за распространеніе и рекомендацію не только не научно, но прямо *съ кондачка* написанныхъ разсужденій о самыхъ сложныхъ проблемахъ соціальной науки, а на насъ—грустная обязанность констатировать подобную литературно-публицистическую неряшливость и предостеречь отъ нея публику. Спѣшимъ оговориться: серьезная критика Маркса образцы которой дали Лексисъ, Зомбартъ и Бемъ Баверкъ, на нашъ взглядъ дѣло настолько же желательное и

*) Личнымъ вопросамъ посвящены сплошь стр. 154—165 (гл. XI) и другія мѣста книги. Весь «критическій разборъ» г. Слонимскаго занимаетъ 211 стр., во всѣхъ же трехъ томахъ «Капитала» больше 2.000 страницъ.

полезное, насколько фельетонныя писанія а là г. Слонимскій безполезны и предосудительны

Статьи г. Слонимскаго переведены на нѣмецкій языкъ. И у русскаго, и у нѣмецкаго читателя книгѣ г. Слонимскаго мѣсто на той же полкѣ, что и прославленнымъ философскимъ произведеніямъ г. О. К. Нотовича, которыя тоже, насколько намъ извѣстно, переведены на нѣмецкій языкъ. «Немножко философіи» и «Немножко опроверженія Маркса»—какая трогательная литературная компанія!

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

К. Линдеманъ. «Основы общей зоологіи».—*Э. Ретереръ.* «Общедоступная анатомія и физіологія».

Основы общей зоологіи. К. Э. Линдемана, бывшаго профессора Петровской академіи. Съ 175 рис. С.-Петербургъ. Изд. А. Ф. Маркса. Ц. 1 р. 60 к. съ пересылкою 2 р. Въ то время, какъ на Западѣ большинство общедоступныхъ книгъ по естествознанію составляются профессорами и учеными спеціалистами, у насъ чувствуется недостатокъ въ оригинальныхъ учебникахъ даже по предметамъ университетскаго курса. Большая часть нашихъ книгъ по естествознанію, особенно популярныхъ,—переводныя. Между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы между нашими учеными спеціалистами не было совсѣмъ талантливыхъ популяризаторовъ. Одна изъ главныхъ причинъ бѣдности нашей оригинальной общеобразовательной литературы заключается, по нашему мнѣнію, въ отсутствіи живого общенія между профессорами и публикой, не принадлежащей непосредственно къ учебному персоналу. Научное образованіе распространяется у насъ почти исключительно книжнымъ путемъ, безъ всякаго руководства со стороны лицъ, обладающихъ научнымъ опытомъ, безъ самыхъ необходимыхъ пособій, общедоступныхъ ученыхъ кабинетовъ, лабораторій, музеевъ и т. п. Во всемъ этомъ чувствуется у насъ крайній недостатокъ для жителей, не говоря уже провинціальныхъ, но и большихъ университетскихъ городовъ. Нашъ университетъ закрытъ совершенно для посторонней публики, да и студентъ связанъ уставомъ въ предѣлахъ курса наукъ избраннаго имъ факультета. При такихъ условіяхъ не удивительно, что наши ученые еще мало отзываются на увеличивающіеся со стороны общества запросы на научное образованіе, не зная и не имѣя возможности достаточно оцѣнить истинные размѣры и характеръ его нуждъ въ этомъ отношеніи. Поэтому-то всякая оригинальная общедоступная книга по какой-либо отрасли знанія является всегда желаннымъ явленіемъ, хотя бы она и не была лишена нѣкоторыхъ недостатковъ. «Основы общей зоологіи» проф. Линдемана, извѣстнаго энтомолога, расчитаны, очевидно, на болѣе широкій кругъ читателей, чѣмъ студенты естественнаго факультета. Жаль только, что авторъ избралъ для изложенія трактуемаго предмета крайне неудачный планъ или, вѣрнѣе, не слѣдовалъ опредѣленной, выработанной уже въ этихъ случаяхъ системѣ. Не познакомивъ предварительно читателя съ общимъ строеніемъ животнаго міра, съ его раздѣленіемъ на основные отдѣлы и типы, авторъ вводитъ читателя въ нѣсколько спеціальную сферу палеонтологіи, сообщая ему тѣ данныя, которыя эта наука можетъ доставить въ пользу ученія о постепенной измѣнчивости видовъ. Затѣмъ, безъ тѣсной взаимной связи слѣдуютъ главы: 1) о методахъ зоологическаго изслѣдованія; 2) объ основныхъ формахъ животныхъ, гдѣ излагается постепенный переходъ изъ одной въ другую трехъ основныхъ формъ строенія животнаго организма: сфероидальной, лучистой и двусторонней симметріи; 3) объ измѣненіяхъ формы

тѣла животныхъ во время ихъ развитія; 4) объ основныхъ свойствахъ животныхъ: питаніе (вѣрнѣе пищедобываніе), приспособляемость, размноженіе. И только въ концѣ читателю даются понятія объ особи, видѣ, родахъ, семействахъ, классахъ и типахъ животнаго царства, о ихъ географическомъ распространеніи и взаимоотношеніи, т. е. естественной классификаціи ихъ, на основаніи происхожденія отъ общихъ родичей. Авторъ не даетъ и самаго краткаго историческаго очерка теоріи Дарвина и дальнѣйшихъ поправокъ дополненій и развитія этого ученія. Нѣкоторые отдѣлы отличаются также крайней неполнотой. Такъ, весьма мало удѣлено мѣсто, позвоночнымъ; между тѣмъ именно въ этомъ отдѣлѣ животнаго царства законъ эволюціи и родство животныхъ видовъ выступаетъ съ гораздо большею яркостью, чѣмъ среди непозвоночныхъ, отличающихся чрезмѣрнымъ разнообразіемъ формъ. Авторъ принадлежитъ къ сторонникамъ ученія о происхожденіи членистыхъ, молюсковъ и позвоночныхъ отъ общаго родоначальника—червей. Онъ удѣляетъ очень много мѣста доказательствамъ въ пользу этого воззрѣнія. Но для полноты и научнаго безпристрастія слѣдовало бы изложить съ большею полнотою аргументы и противнаго воззрѣнія, которое производитъ позвоночныхъ отъ молюсковъ. Такъ tunicata и acrania, разсматриваемыхъ согласно этому ученію, какъ промежуточные типы между непозвоночными и позвоночными, онъ совершенно голословно объявляетъ выродившимися потомками позвоночныхъ. Не смотря на эти недостатки, книга написана довольно ясно и живо и заключаетъ не мало интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній. Рисунки хотя и не отличаются изяществомъ выполненія, но имѣютъ то достоинство, что рисованы съ натуры, очевидно, самимъ авторомъ. Цѣна книги, принимая во вниманіе ея размѣры, не можетъ считаться особенно высокой.

Общедоступная анатомія и физіологія человѣка и животныхъ. Э. Ретерера, проф. парижскаго университета. Съ 380 политипажами въ текстѣ и 6 отдѣльными раскрашенными рисунками. Пер. съ 2-го франц. изданія. Г. А. Паперна. 440 стр. Ц. 2 р. Изд. Павленкова. Въ этой небольшой, сравнительно съ богатствомъ содержанія книгѣ, авторъ излагаетъ основанія анатоміи, гистологіи, эмбріологіи и физіологія человѣка и сравнительной анатоміи животныхъ. Книга состоитъ изъ двухъ частей. Первая, самая значительная по объему и содержанію, раздѣляется на главы, изъ которыхъ каждая посвящена опредѣленной системѣ, соотвѣтствующей какой-либо главной функціи организма. Такъ, послѣ краткихъ и общихъ понятій объ органической природѣ, о развитіи организмовъ изъ яйцевой клѣтки, о тканяхъ и т. п., слѣдуютъ главы: пищеварительный аппаратъ, кровеобращеніе, дыханіе, органы мочеотдѣленія, органы движенія, мышечная система, центральная и периферическая нервная системы и органы чувствъ. Особенно удачнымъ въ принятой системѣ изложенія автора нужно признать то, что онъ каждую такую главу дѣлаетъ по возможности законченной, исчерпывая все относящееся къ даннымъ органамъ. За неизбѣжно скучными подробностями описанія строенія входящихъ въ составъ каждой системы органовъ, слѣдуетъ изложеніе ихъ физіологическихъ отправленій; а въ заключеніе тутъ же дѣлается общій обзоръ этой системы у главныхъ типовъ животнаго міра. Вслѣдствіе этого каждая глава отличается большимъ разнообразіемъ содержанія, благодаря чему въ читателѣ все время поддерживаются вниманіе и интересъ къ излагаемому предмету. Книга написана довольно яснымъ, общедоступнымъ языкомъ и авторъ сообщаетъ только наиболѣе прочно установленные въ наукѣ факты и теоріи. Если и встрѣчаются кое-гдѣ, особенно при изложеніи физіологическихъ теорій, устарѣлыя или недостаточно обоснованныя положенія, то скорѣе не по винѣ автора, а вслѣдствіе той неустойчивости и разнорѣчія, которыя еще такъ многочисленны въ воззрѣніяхъ современныхъ физіологовъ. Но книга имѣетъ одинъ и весьма важный пробѣлъ: авторъ исклю-

чилъ изъ нея все, что такъ или иначе относится къ половой сферѣ явленій и органовъ. По нашему мнѣнію, это непростительная и вредная уступка со стороны серьезнаго ученаго ложной, ходячей морали. Едва ли нужно доказывать ту мысль, что серьезное научное изложеніе этого предмета, какъ и всякаго другого, не можетъ нанести никакого ущерба нравственности. Замолчать, скрыть отъ юношества эту сторону животной жизни невозможно, да и едва ли желательно. Необходимо, напротивъ, въ интересахъ самой нравственности, чтобы эта сфера явленій открылась юношѣ въ научномъ освѣщеніи, прежде чѣмъ онъ успѣетъ развратить свое воображеніе уродливыми и циничными представленіями, нерѣдко вытекающими изъ его грубаго невѣжества.

Какъ бы то ни было, но въ виду богатства содержанія и систематичности изложенія учебникъ Ретерера нельзя не рекомендовать для цѣлей самообразованія. Переводъ сдѣланъ безукоризненно, съ полнымъ знаніемъ трактуемаго въ книгѣ предмета. Обиліе прекрасно выполненныхъ иллюстрацій къ тексту и значительный объемъ книги заставляютъ признать цѣну ея весьма умѣренной.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА,

съ 15-го августа по 15-е сентября 1898 года.

Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Изд. 2-е, складъ у Карбасникова. Москва. 1898.

О. Н. Попова. Герой полярной ночи и вѣчныхъ льдовъ. Съ 38 рис. Изд. Поповой. Спб. 1898. Ц. 50 к.

Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Полн. пер. съ англ. Съ 66 рис. Изд. Поповой. Спб. Ц. 1 р. 20 к.

А. Козловъ. Общая ариѳметика. Опытъ руководства для техническихъ желѣзнодорожныхъ училищъ. Асхабадъ. 1898 г. Ц. 60 к.

Кушнырѳвъ-Кушныренко. Записки по химіи для низшихъ сельско-хоз. школъ. Съ рис. Екатеринославъ. 1898.

Бѣляевъ. Искушеніе. Ист. ром. XVIII вѣка.

Фёрстеръ. Вивисекція съ естественно-медицинской и нравственной точекъ зрѣнія. Пер. съ нѣм. Спб. 1898. Ц. 50 к.

А. Смѣловъ. Аскетъ и другіе разсказы. Спб. 1898. Ц. 60 к.

Шелли. Сочиненія. Пер. съ англ. К. Бальманта. Вып. 5-й. Москва. 1898. Ц. 75 к.

Д. Ж. Милль. Система логики силлогистической и индуктивной. Перев. съ англ. Вып. IV. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1898.

Эрнестъ Гроссе. Формы семьи и формы хозяйства. Пер. съ нѣм. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1898. Ц. 1 руб.

Паульсенъ. Нѣмецкіе университеты и ихъ историческое развитіе. Пер. съ нѣм. Вернадской. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1898. Ц. 40 к.

Жанъ Ревилль. Религія въ Римѣ при Северахъ. Пер. съ франц. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Тепловъ. Зарницы. Сборникъ разсказовъ. Ц. 1 р. 20 к.

Ильинскій. Три яда (табакъ, алкоголь и сифилисъ). Изд. 2-е. Москва. 1898. Ц. 1 р.

Муратовъ. Истерія и истерическій характеръ у дѣтей. Лѣчебныя и медиц.-восп. средства. Москва. 1898.

Ранке. Объ эпохахъ новой исторіи. Лекціи, читанныя баварскому королю Максимиліану II. «Научно-образовательная библіотека». Москва. 1898.

Дѣтскій пріютъ трудолюбія въ Вяземскомъ домѣ. Съ 4-мя рис. Спб. 1898.

Способы удешевленія картинъ для волшебнаго фонаря. Вып. 7-й. Импер. русск. техн. об—ва. Москва. Ц. 20 к.

Бунинъ. Подъ открытымъ небомъ. Стихотворенія. Изд. журн. «Дѣтское чтеніе». Москва. 1898. Ц. 30 к.

Баранцевичъ. Золотые дни. Изд. жур. «Дѣтское чтеніе». Москва. 1898. Ц. 75 к.

Потапенко. Два таланта. Изд. жур. «Дѣтское чтеніе». Москва. 1898. Ц. 50 к.

Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. Спб. 1898.

Граціанскій. Бесѣды о заразныхъ болѣзняхъ. Свойства, признаки, лѣченіе и предохраненіе. Спб. 1898. Ц. 75 к.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленный кружкомъ преподавателей. Вып. III. Съ 7 портр. и 57 черт. Москва. 1898. Ц. 1 р. 20 к.

Ределинъ. Руководство къ разведенію шампиньоновъ. Съ 25 рис. въ текстѣ. Изд. Маркса. Спб. 1898. Ц. 50 к.

Моргулисъ. Значеніе гипнотизма для юристовъ. Изд. 2-е. Спб. 1898. Ц. 40 к.

Его же. Современныя опасенія западноевропейскихъ евреевъ. Спб. 1898. Ц. 40 к.

Швидченко. Рождественская елка. Съ нотнымъ приложеніемъ. Спб. 1898. Ц. 25 к.

Ив. Романченко. Итоги народнаго образованія въ г. Ростовѣ-на-Дону. Ростовъ-на-Дону. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

П. Николаевъ. Альфонсъ Додэ. Біогр. очеркъ. Изд. журн. «Жизнь». Спб. 1898. Ц. 50 к.

Клоссовскій. Климатъ Кіева. Одесса. 1898.

Умановъ-Каплуновскій. Незамѣтныя драмы. Разсказы. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Права и обязанности присяжнаго попечи-

теля по дѣлу торговой несостоятельности. Екатеринославъ. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Руководство къ изготовленію картинъ для волшебнаго фонаря. Москва. 1898 г. Ц. 25 к.

Майновъ. Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края. Иркутскъ. 1898.

Гассельнусъ. Очерки промысловъ Россіи. Спб. 1898. Ц. 80 к.

Историческій обзоръ 25-ти-лѣтней дѣятельности Херс. общ. библіотеки. Херсонъ. 1898 г.

К. Случевскій. Собраніе сочиненій. 6 томовъ. Изд. Маркса. Спб. 1898. Ц. 8 руб. за 6 томовъ.

Гр. Комаровскій. Успѣхи идеи міра. Изд Гросманна и Кнебеля. Москва. 1898 г. Ц. 80 к.

Кошвицъ. Руководство къ изученію французской филологіи. Спб. 1899. Ц. 80 к.

Кудринскій. Философъ безъ системы (Г. С. Сковорода). Кіевъ. 1898.

Его же. Сказаніе о царѣ Соломонѣ. Кіевъ. 1897 г.

Д-ръ Кюнъ. Произвольное вліяніе на полъ потомства. Одесса. 1899. Ц. 25 к.

П. Варта. Адамъ Мицкевичъ и его современные обличители. Спб. 1897.

Л. Страшевичъ. Взгляды Н. А. Милютина на учебное дѣло въ Царствѣ Польскомъ. Спб. 1897 г.

А. Кауфманъ. Причины и будущность переселеній. Москва. 1898.

Зинченко. Женщина-адвокатъ. Спб. 1898. Ц. 80 к.

Отчетъ о народныхъ чтеніяхъ въ Харьковѣ. 1897 г.

Отчетъ о дѣятельности Кіевскаго славянскаго благотворительнаго о—ва. Кіевъ. 1898 г.

Отчетъ общества попеченія о начальномъ образованіи въ Томскѣ за 1897 г. Томскъ. 1898 г.

Энгельмейеръ. Техническій итогъ XIX в. Москва. 1898. Ц. 80 к.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЮБОВЬ.

По поводу книги *George Sand—Lettres à Alfred de Musse et a Sainte-Beuve. Paris 1897.*

I.

Въ началѣ 1861 года французскій литературный міръ и вмѣстѣ съ нимъ вся просвѣщенная европейская публика были взволнованы чрезвычайной исторіей. Знаменитая писательница подарила міръ новымъ произведеніемъ. Оно носило въ высшей степени интригующее названіе и въ художественной формѣ передавало дѣйствительное происшествіе.

Она и онъ—героиня и герой романа, были самъ авторъ и недавно скончавшійся популярный поэтъ. Книга разсказывала событія давно минувшихъ дней, но разсказъ дышалъ такой непосредственной страстью, блисталъ такимъ захватывающимъ юнымъ лиризмомъ, что читателю казалось, онъ лично присутствуетъ на самой сценѣ драмы, и дѣйствующія лица обращаются къ нему за судомъ и приговоромъ.

Такъ это и было.

Авторъ не скрывалъ, что онъ сочинялъ свое произведеніе въ цѣляхъ самооправданія или, по его словамъ, ради возстановленія истины. Досужіе языки и перья до такой степени извратили факты и перетолковали смыслъ, что явилась крайняя необходимость извлечь правду и дѣйствительность изъ первоисточника.

И писательница рѣшилась повѣдать людямъ свои пережитыя страданія и бросить лучъ свѣта въ таинственную вереницу необыкновенно сложныхъ настроеній и деликатныхъ чувствъ. И она совершила это дѣло съ обычнымъ блескомъ литературнаго таланта и неотразимой искренностью любвеобильнаго сердца.

Но не всѣхъ ослѣпилъ блескъ и подкупила искренность.

Одновременно съ двухъ сторонъ раздались возраженія, «исполненныя желчи и лжи», говорила писательница. Можетъ быть, но это качество придавало только больше силы и паѳоса рѣчамъ оппонентовъ. Они также прибѣгли къ помощи беллетристики. Братъ поэта-героя выпустилъ романъ *Онъ и она*, дама, весьма компетентная въ вопросѣ, напечатала разсказъ *Онъ*, и на цѣлыя десятилѣтія открылся оригинальный процессъ съ самыми громкими именами подсудимыхъ и съ поразительнымъ самоотверженнымъ усердіемъ судей и слѣдователей.

Вопросъ поставленъ на чисто научную и юридическую почву. Предметъ разслѣдованія—интимнѣйшая жизнь двухъ человѣкъ, не содѣлавшихъ никакого преступленія ни по уголовному, ни по гражданскому кодексу. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они состояли въ любовной связи другъ съ другомъ, и вотъ на этотъ именно вопросъ направились всевозможные—психологическіе, репортерскіе, моралистическіе и просто сплетническіе таланты нѣсколькихъ поколѣній.

Таланты выбиваются изъ силъ достать какой-нибудь особенно тайный и пикантный документъ, прочесть въ немъ не только строчки, но и между строчекъ и за строчками, предпринимаютъ спеціальныя экскурсіи на «мѣсто дѣйствія», откапываютъ родственниковъ дѣйствующихъ лицъ, вырываютъ у нихъ отрывки писемъ, дневниковъ, фотографируютъ тексты, дѣлаютъ повальный обыскъ относительно квартиры, гдѣ происходили «событія»... Пораженная публика убѣждается, до какой степени иногда родственны таланты «ученаго изслѣдователя» и судебнаго эксперта, даже, пожалуй, сыщика. На нее сыплется градъ статей, сообщеній, цѣлыхъ монографій. Ее приглашаютъ въ свидѣтели, въ посредники: эксперты уличаютъ другъ друга въ подтасовкѣ цитатъ, даже въ фальсификаціи документовъ. У каждаго есть что-нибудь *неизданное* и онъ бросаетъ имъ въ противника, будто усовершенствованнымъ боевымъ снарядомъ. Онъ ведетъ чисто военную рекогносцировку и, сличая тексты, торжественно провозглашаетъ: гдѣ противная сторона поставила точку, надлежало стоять точкѣ съ запятой: цитата эхиднымъ образомъ прервана на самомъ интересномъ мѣстѣ!.. Какое подавляющее открытіе и какое торжество истины! И все-таки послѣднее слово еще не произнесено. «Споръ остается открытымъ», говорятъ судьи. И его стòитъ длить безъ конца. «Любовное приключеніе Жоржъ-Зандъ и Мюссе будетъ великимъ романомъ нашего вѣка». Мало этого. Именно любовной исторіи предстоитъ спасти славу писательницы и поэта въ отдаленномъ потомствѣ.

Сами герои не только предчувствовали, но даже прямо предсказали эту самую судьбу. Они полагали свою честь и заслугу въ сохраненіи для грядущихъ поколѣній ихъ романа. Они готовились занять мѣста рядомъ съ Ромео и Джульеттой, Абеляромъ и Элоизой. Даже больше, Мюссе грезилось ослѣпительное созвѣздіе—«безсмертный и цѣломудренный союзъ ума и разума». Онъ и Жоржъ-Зандъ предшественники будущаго вѣка, царства мысли и онъ—этотъ вѣкъ-увѣковѣчитъ ихъ òбразы...

Проницательность поэта устремлялась еще дальше, но и въ такихъ предѣлахъ полетъ достаточно величественъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если герой и героиня всѣми силами постараются спасти матеріалъ для своего мавзолея.

Матеріалъ этотъ—письма.

Писались они подъ вліяніемъ самыхъ сильныхъ чувствъ. Каждая страница—исповѣдь, каждое слово, надо полагать, крикъ сердца, и чтò ни фраза, то откровеніе сокровеннѣйшихъ тайнъ, какія только возможны среди принципіальныхъ рыцарей свободнаго чувства. Поэты безпрестанно воспѣваютъ прелести любовныхъ секретовъ. Жизнь сердца священна и недоступна для непосвященныхъ взоровъ. Чѣмъ дальше свѣтъ отъ влюбленной четы, тѣмъ поэтичнѣе и полнѣе ея счастье. Шекспировскіе Ромео и

Джульетта полагали, что «любовникамъ ничего не нужно, кромѣ ихъ красоты». Ихъ новѣйшіе соревнователи, совершенно напротивъ, почувствовали бы себя безнадежно несчастными, если бы публика не имѣла подробнѣйшихъ свѣдѣній объ ихъ блаженствѣ.

Посмотрите, какая исторія происходитъ съ романической перепиской.

Наши герои разстаются послѣ извѣстнаго періода недоразумѣній и колебаній. *Онъ* требуетъ у *нея* свои письма обратно. *Она* отдаетъ ихъ, но свои оставляетъ у *него*. Онъ самъ было рѣшается возвратить ихъ, происходятъ переговоры, та и другая сторона согласна совсѣмъ уничтожить переписку, но является соображеніе, что въ этой перепискѣ заключается «большая часть ихъ души». Вмѣшивается общій пріятель и совѣтуетъ *ей* отобрать письма. Поднимается снова вопросъ о сожженіи, и снова герои отступаютъ предъ такой жертвой, письма запечатываются въ два пакета, передаются услужливому пріятелю на храненіе. Онъ хранитъ сокровище въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Вдругъ *онъ* приходитъ въ безпокойство и требуетъ свои письма у хранителя. Тотъ обращается за совѣтомъ къ *ней*: она не разрѣшаетъ. Приглашается адвокатъ, призывается на помощь законъ, но неизвѣстно, въ какомъ пакетѣ чьи письма, необходима цѣлая конференція, она, по винѣ адвокатовъ, не можетъ состояться. *Онъ*, наконецъ, умираетъ. Братъ его является къ *ней* и требуетъ письма покойнаго—съ цѣлью ихъ сжечь, согласно завѣщанію поэта. Но въ дѣло снова вмѣшивается третье лицо, хранитель писемъ. Онъ отказывается передать сокровище Полю Мюссе и вручаетъ письма самой Жоржъ-Зандъ. Ей, повидимому, остается теперь исполнить давнишнее намѣреніе—предать пакеты огню. Но она не въ силахъ наложить руку на драгоцѣнный залогъ минувшей страсти и поручаетъ устроить аутодафе нѣкоему другу. Другъ, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, не исполняетъ порученія и удерживаетъ у себя корреспонденцію до тѣхъ поръ, пока не появляется злокозненный романъ *Онъ и она*.

Теперь дѣло приняло совершенно трагическій оборотъ.

Поль Мюссе не удовлетворился контръ-беллетристикой. Онъ принялся обвинять Жоржъ-Зандъ въ опубликованіи писемъ его брата и украсилъ свой романъ страшными сообщеніями, бившими на поваль доброе имя писательницы и женщины.

При такихъ обстоятельствахъ нечего было и думать объ уничтоженіи переписки. Бѣдная героиня почувствовала себя обязанной предъ *будущимъ* за себя и за своего покойнаго возлюбленнаго. Пришлось тщательно обдумать судьбу бумагъ и Жоржъ-Зандъ пишетъ цѣлое завѣщаніе. Напечатать письма немедленно, пожалуй, можно, но тогда придется замѣнить настоящія имена подставными, ретушировать текстъ.

Такъ разсуждаетъ *она*, и весьма опрометчиво. Подстановка именъ только расплодила бы контроверсы, изслѣдованія, догадки и сплетни. Исправленіе текста въ какихъ бы то ни было благородныхъ цѣляхъ неминуемо вызвало бы подозрѣнія, врядъ ли лестныя для виновницы пересмотра. Кто поручится, что она не вычеркнула именно фактовъ, подтверждающихъ хотя бы отдаленно навѣты своего противника?

Въ такое ложное и безвыходное положеніе стала прославленная писательница! И осталась въ немъ до конца. Она дѣйстви-

тельно обратилась къ перу и ножницамъ и произвела весьма энергичную операцію надъ «частью своей души». Вычеркивались отдѣльныя выраженія, фразы, отрѣзывались десятки строкъ и въ такомъ видѣ бумаги передавались дружественному лицу съ письменной инструкціей на счетъ ихъ дальнѣйшей судьбы. Для нихъ предназначалась государственная библіотека или иной казенный архивъ, чтобы каждый будущій изслѣдователь могъ провѣрить документальную точность чужихъ изслѣдованій. Письма могли быть опубликованы только по смерти Жоржъ-Зандъ и только *ея* письма, потому что на посланія Мюссе предъявила права его семья и рѣшительно отказалась предавать ихъ гласности.

Читателю, можетъ быть, скучно слѣдить за всей этой исторіей, Не чувствуемъ и мы большого удовольствія, и не столько потому, что излагаемъ мелочныя подробности интимнаго вопроса, сколько изъ-за весьма тягостнаго характера всей этой возни съ «тайнами туалетнаго стола.

Въ самомъ дѣлѣ, какое впечатлѣніе могутъ вызвать люди, способные съ такою важностью и съ такимъ сладостнымъ трепетомъ няньчиться съ своими чисто-личными любовными откровенностями? Можете ли вы повѣрить въ глубину и искренность чувства, если его съ такой тщательвостью выставляютъ на всенародное зрѣлище? Проникнитесь ли вы уваженіемъ къ какимъ бы то ни было страданіямъ, разъ сами страдальцы пользуются ими, какъ литературнымъ, почти что рекламнымъ матеріаломъ?

Да, не приходится отступать и предъ такой оцѣнкой факта.

Сама Жоржъ-Зандъ остроумно рѣшаетъ, что Мюссе послѣ разлуки вспоминалъ о ней развѣ только въ минуты стихотворческихъ настроеній и необходимости заработать сотню экю въ *Rêvue des deux Mondes*. Тогда онъ усерднѣйшимъ образомъ эксплуатировалъ свой собственный романъ, заимствовалъ въ свои произведенія цѣлыя фразы изъ писемъ Жоржъ-Зандъ, рисовалъ ее самое всевозможными красками и пѣлъ о своемъ приключеніи съ ней на всѣ лады, отъ восторженнаго гимна въ *Исповѣди сына вѣка* до бѣшеныхъ проклятій ея «роковой любви» и измѣнѣ въ *Октябрской ночи*.

Не отставала и героиня отъ своего героя. Именно она первая поспѣшила посвятить всѣхъ, кто только умѣлъ понимать французскій языкъ, въ свои чувства къ поэту. Въ самый, повидимому, трагическій моментъ, во время перваго разрыва, она сочиняетъ *Письмо путешественника*, печатаетъ его въ *Rêvue des deux Mondes* и спѣшитъ предупредить Мюссе, что письмо только рамка, предлогъ для нея «говоритъ во весь голосъ о своей нѣжности къ нему», только что развѣнчанному владыкѣ сердца.

Зачѣмъ же такой экстренный способъ объясняться въ любви? Отвѣтъ: чтобы заткнуть ротъ сплетникамъ...

Журналъ такимъ путемъ превращается въ открытый дневникъ нашихъ героевъ, и публика можетъ сколько угодно судить вкривь и вкось «семейныя дѣла» знаменитой писательницы и не менѣе знаменитаго поэта. Ее поощряютъ, даютъ ей темы, подстрекаютъ ея любопытство иносказаніями, недомолвками, намеками, лирической декораціей полусокровенной правды. Блестящій стиль сообщаетъ только болѣе раздражающій вкусъ явному запаху скандала. Праздные ротозеи бульваровъ, двусмысленные анекдотисты ночныхъ

попоекъ, и просто охотники почесать языкъ на счетъ ближняго стремглавъ набрасываются на соблазнительную приманку. И вмѣсто затыканія ртовъ, результатъ получается совершенно обратный.

Еще не изжитой романъ двухъ живыхъ людей становится достояніемъ улицы. Даже хуже. Братья писатели устремляются на богатую поживу и желаютъ разработать чужую руду за свой счетъ. Во главѣ идетъ Сентъ-Бёвъ, тоже знаменитость и самой природой созданная для ловли bêtes noires въ чужихъ шубахъ. Его перваго Жоржъ-Зандъ посвятила въ сущность дѣла, произвела его въ директоры своей совѣсти: такъ сама она именуетъ талантливѣйшаго соглядатая заугольныхъ тайнъ и альковныхъ драмъ и комедій.

И какъ жестоко расплатится бѣдная романистка за свою откровенность! *Директоръ* вздумаетъ натаскать каштановъ чужими руками и изъ чужого огня, украсить свои произведенія многозначительными сообщеніями о многошумномъ приключеніи своей духовной дочери. Разсчетъ вѣрный: всей публикѣ извѣстна особая роль критика въ пикантной исторіи. Книга выйдетъ модная и, главное, дастъ полный просторъ авторской спеціальности — дразнить воображеніе «сыновъ вѣка» краснорѣчивыми *і безъ точекъ*.

При одномъ слухѣ о подобномъ покушеніи Жоржъ-Зандъ страшно всполошилась и написала «братское» молитвенное обращеніе къ другу: *je vous supplie bien fraternellement*—не перебивать ей дороги, не доводить до петли издателей ея *Мемуаровъ*, помолчать, по крайней мѣрѣ, до выхода ея книги...

Не правда ли, оригинальное положеніе? Она же въ самую горячую минуту поторопилась снабдить фельетониста подробнѣйшими свѣдѣніями насчетъ своего счастья, и ей же приходится оберегать себя, даже какъ автора, отъ послѣдствій своей стремительной откровенности! Такова награда за суетную или наивную страсть сообщать непремѣнно публичный характеръ своей интимной жизни!

Можете ли вы пожалѣть человѣка, попадающаго при такихъ обстоятельствахъ въ пасть самой разнузданной сплетни и самаго фантастическаго злословія? Онъ вѣдь самъ подалъ примѣръ сплетникамъ и кривотолкамъ. Онъ сочинилъ цѣлую книгу, замаскировывая факты и личности и удерживая, по его словамъ, только *сущность чувства*. Отчего же этотъ процессъ — *déguiser assez bien les faits et les personnages* не продѣлать другимъ? Кто выходитъ на площадь кричать о своей особѣ и о своихъ дѣлахъ, тотъ неизбѣжно долженъ ожидать и чужихъ криковъ о тѣхъ же предметахъ.

И Жоржъ-Зандъ дождалась.

Ея герой успѣлъ умереть раньше, чѣмъ исторія разрослась въ чудовищную легенду. Со всѣмъ зломъ пришлось считаться одной героинѣ. И когда считаться! На склонѣ лѣтъ на вершинѣ литературной славы, будучи матерью взрослыхъ дѣтей, даже бабушкой. Красива перспектива, на глазахъ всего свѣта погружаться въ пространные разговоры о сувенирахъ молодости, далеко не почтенныхъ и не свойственныхъ сану матроны, по крайней мѣрѣ во мнѣніи весьма многихъ! Хорошо положеніе писательницы, притязающей, и совершенно законно, на просвѣтительную политическую и нравственную проповѣдь, и въ то же время при-

нужденной сводить счеты съ бульварными дрязгами о драгоцѣннѣйшихъ воспоминаніяхъ своего сердца!

Злѣйшій врагъ не могъ бы создать для Жоржъ-Зандъ болѣе тягостной роли, чѣмъ она устроила собственными руками. Читатель долженъ отрѣшиться отъ чувствительныхъ и поэтическихъ настроеній, разъ вопросъ идетъ о первостепенномъ общественномъ дѣятелѣ. Читатель долженъ помнить, что въ такихъ случаяхъ судьба *личности* неразрывно связана съ представляемыми ею общими *идеями*, и чьей угодно злой волѣ ничего не стôитъ біографическими и нравственными фактами дискредиторовать философскія и общественныя задачи величайшаго мыслителя и поэта.

Въ нашемъ случаѣ злокозненному судьѣ будутъ рисовать въ самыхъ блестящихъ краскахъ чудный художественный талантъ писательницы, ея глубокій умъ, ея страстныя исканія истины и идеала, отнюдь не личнаго и эгоистическаго. Ему покажутъ трогательныя и величественныя письма Жоржъ-Зандъ, послѣдовательницы сенсимонизма и обратятъ его вниманіе на проникновенный искренній тонъ, свидѣтельствующій о неусыпной работѣ мысли и рыцарской чистотѣ сердца.....

Все это неопровержимые факты; но невѣрующій немедленно припомнитъ изумительное завѣщаніе на счетъ любовной переписки, перечитаетъ множество уликъ, какими осыпàли великую идеалистку защитники поэта и другихъ жертвъ ея ненасытнаго *женскаго* чувства, и въ заключеніе побѣдоносно воскликнетъ: и это законодательница новаго общества и самоотверженная радѣтельница за человѣчество!...

Что отвѣчать на подобное восклицаніе? Доказывать, что интимную романическую жертву слѣдуетъ отдѣлять отъ общественной роли писательницы и не смѣшивать женскихъ секретовъ съ политическими вопросами! Но тогда зачѣмъ же сама писательница раскрыла всѣ двери въ свои внутренніе аппартаменты и пригласила всякаго желающаго присутствовать при домашнемъ спектаклѣ? Зачѣмъ она въ теченіе десятилѣтій возилась съ своими любовными письмами, начала и кончила автобіографической беллетристикой? Очевидно, она и своей женской страсти придавала общественное и историческое значеніе. Пусть же она и выступитъ предъ судомъ исторіи не только какъ евангелистка, но и какъ новая Джульетта!

И самой Жоржъ-Зандъ нечего было бы возразить на такую постановку вопроса. Мы также исполнимъ ея желаніе, займемъ вниманіе читателя «великимъ романомъ нашего вѣка». Мы не подумали бы брать на себя этой задачи: въ нашемъ мнѣніи слишкомъ высоко стоитъ геній писательницы, чтобы рядомъ съ нимъ удѣлять мѣсто ошибкамъ женщины. Но фактъ имѣетъ общее значеніе. Онъ краснорѣчивѣйшая черта художественнаго, *артистическаго* типа. Жоржъ-Зандъ, усиленно предавая гласности свои чисто-личные опыты на поприщѣ чувства, явилась выразительницей извѣстной породы талантовъ. Наше освѣщеніе исторіи въ сильнѣйшей степени будетъ отличаться отъ разсказовъ и сужденій другихъ историковъ,—все равно, сторонниковъ и героя, и героини. Наша цѣль не оправданіе и осужденіе кого бы то ни было изъ дѣйствующихъ лицъ: до сихъ поръ именно этимъ путемъ шли *мюссетисты* и *жоржъ-зандисты*. Мы попытаемся стать выше

юридическаго вопроса и вмѣсто процесса представимъ психологическій анализъ, насколько онъ возможенъ въ столь чрезвычайной и роковымъ образомъ запутанной задачѣ. Мы твердо убѣждены, въ такого рода исторіяхъ искать безусловной жертвы и преднамѣреннаго злодѣя, значитъ извращать самую сущность ихъ и искать добродѣтелей и преступленій тамъ, гдѣ въ дѣйствительности можетъ быть рѣчь только о большей или меньшей нравственной силѣ и о способности болѣе или менѣе глубоко и искренно чувствовать и жить. И нашъ выводъ будетъ направленъ не столько на Жоржъ-Зандъ и Мюссе, какъ отдѣльныхъ личностей, сколько на извѣстное общее психологическое явленіе, въ высшей степени распространенное и любопытное.

II.

Знакомство Жоржъ-Зандъ съ Мюссе произошло лѣтомъ въ 1833 году. Поэту еще не было и двадцати трехъ лѣтъ, но онъ успѣлъ съ большой находчивостью воспользоваться жизнью и самой ранней молодостью. Находчивости, впрочемъ, не требовалось. Болѣе односложной поэтической натуры, чѣмъ Мюссе, трудно представить. Она вся въ чисто физіологической сферѣ, и насколько молодое, здоровое, ручное и красивое животное можетъ быть милымъ и добрымъ, ровно настолько обладалъ этими качествами Мюссе. Словомъ *животное* мы отнюдь не желаемъ унизить французскаго поэта: у насъ только нѣтъ другого выраженія для точной и краткой характеристики нашего героя. Принято вѣдь въ самыхъ лирическихъ объясненіяхъ называть любимыя существа именами безсловесныхъ, и одно изъ самыхъ граціозныхъ—напримѣръ, наименованіе Клеопатры змѣйкой. Именно въ самомъ симпатичномъ смыслѣ мы и автора *Четырехъ ночей* сравниваемъ съ изящнымъ животнымъ очень умной породы.

Это значитъ—собственно умственной жизни у Мюссе не было, ни въ двадцать три года, ни до самой смерти. Онъ очень рано научился переводить на прекрасный литературный языкъ ощущенія чувственныхъ организацій, мужскихъ и женскихъ, вкладывать въ чрезвычайно звучные стихи настроенія и факты, выражаемые словами: любить, радоваться, ревновать, измѣнять, страдать и наслаждаться. Поэтъ съ теченіемъ времени сдѣлалъ на этотъ счетъ большіе успѣхи, умѣлъ подчасъ сообщить чрезвычайно внушительную, почти *человѣческую* форму физіологическимъ явленіямъ низшаго порядка. Но умственныя силы, какъ легко понять, здѣсь совершенно не при чемъ. Преимущество такого поэта надъ прочими любящимися тварями заключается единственно въ болѣе развитомъ естественномъ органѣ рѣчи: голуби воркуютъ, соловьи поютъ, жаворонки щебечутъ, человѣку врождено говорить. И если бы соловей вдругъ получилъ способность объяснить словами свою импровизацію, онъ, можетъ быть, непосредственностью чувства, свѣжестью поэтическихъ ощущеній и богатствомъ риѳмъ превзошелъ бы даже нашего безвременно усталаго и пресыщеннаго лирика.

Мюссе—соловей изъ самыхъ нѣжныхъ и слабыхъ. Съ первой молодости онъ женственно-слабъ и совершенно безволенъ. Жестокая судьба заставила его жить въ отвратительную историческую

эпоху, совсѣмъ неблагопріятную для птичьихъ пѣсенъ. Только что прогремѣла іюльская революція, но политическая почва продолжала еще колебаться подъ ногами новой монархіи и грозить обществу новыми испытаніями. Страшнѣйшее изъ нихъ—окончательное торжество буржуазіи и безнадежная захудалость благородныхъ кавалеровъ и дамъ. Экзотическій кукольный міръ отошелъ въ область воспоминаній. Грозный духъ времени отъ каждаго существа, притязавшаго на званіе человѣка, потребовалъ способности думать и дѣйствовать на реальной почвѣ безпокойныхъ жизненныхъ явленій и навсегда отказаться отъ беззаботной игры въ младенческую красоту и поэзію.

Для Мюссе это было ударомъ и онъ въ теченіе всей жизни не могъ стать взрослымъ человѣкомъ своего времени. Когда онъ встрѣтился съ Жоржъ-Зандъ, всѣ его запросы жизни исчерпывались двумя-тремя словами: веселье, бутылка шампанскаго, первая попавшаяся женщина. А если еще прибавить сигару, канапе, да двухъ-трехъ пріятелей, распѣвающихъ chansons de cabaret, т. е. пѣсенки нецензурнаго содержанія,—этимъ все было сказано! *Tout était dit*—такъ самъ Мюссе изображаетъ разцвѣтъ своего бытія. Соотвѣтствующаго смысла, конечно, и поэтическое вдохновеніе. Порокъ нашему поэту кажется «міромъ восхитительнымъ, необъятнымъ», и Мюссе въ порывѣ захватывающаго счастья бросается въ его объятія при первой же возможности.

Такимъ путемъ всѣ «проклятые вопросы» разрѣшаются вполнѣ удовлетворительно и весьма пріятно. Одна бѣда,—герой нашъ отъ природы болѣзненъ и тщедушенъ, и волей-неволей приходится расплачиваться за слишкомъ стремительное изученіе очаровательной жизни. Отсюда разочарованіе, усталость и—о ужасъ!—даже философскій пессимизмъ. Гамэнъ превращается въ философа всякій разъ, когда ему приходится переживать тяжелое похмѣлье и нервы начинаютъ «шалить». Философія, разумѣется, не можетъ быть особенно высокаго полета. Въ ясныя минуты Мюссе убѣжденъ, во всемъ мірѣ нѣчто существенное только любовь, все остальное не стóитъ ни малѣйшаго вниманія. Въ періоды Katzenjammer'а онъ мутными глазами бросаетъ презрительный взоръ на природу, не съумѣвшую снабдить человѣка талантомъ поглощать безнаказанно неограниченное количество вина и женскихъ ласкъ.

Положеніе дѣйствительно отчаянное и стóитъ того, чтобы увѣковѣчить его въ стихахъ и въ прозѣ, на его тему сочинить рядъ поразительно краснорѣчивыхъ писемъ, будто страницъ въ ненаписанный еще романъ.

Съ такимъ свѣтиломъ бульварной богемы судьба столкнула Жоржъ-Зандъ въ самый критическій моментъ ея жизни.

Она гораздо старше своего будущаго героя, ей около тридцати лѣтъ, но это обстоятельство могло бы еще сильнѣе покорить усталаго гамэна: несчастье героини не возрастъ, а пережитая жизнь и еще больше—ея глубокая, сильная и богато одаренная натура. Этой женщинѣ слѣдовало быть *мельче* во всѣхъ отношеніяхъ, ничтожнѣе и зауряднѣе: тогда она скорѣе могла бы разсчитывать на счастье съ «сыномъ вѣка». А теперь она подавляетъ побѣдоноснаго рыцаря кабачковъ своей личностью, неразгаданнымъ богатствомъ своего нравственнаго міра, вѣчнымъ безпокойствомъ сердца и ума. Пока трагедія остается за кулисами, на сценѣ со-

вершается идиллія, усердно разцвѣченная поэтическимъ воображеніемъ писательницы и благосклонно принимаемая польщеннымъ «блуднымъ ребенкомъ»...

Жоржъ-Зандъ уже нѣсколько лѣтъ свободна отъ узъ брака. Воспоминанія у нея остались самыя обидныя и горькія. Читала она въ дѣтствѣ разныя заразительныя книги, нарочито написанныя для терзаній юной фантазіи, въ родѣ сочиненій Руссо и Шатобріана. Чувственныя, раздражающія страницы поглощались жадно и неутомимо, оставляя въ душѣ читательницы какое-то смутное мучительное томленіе, тоску о *чемъ-то*, ожиданіе *кого-то*. Это—сѣмена бурнаго броженія, брошенныя въ крайне нервное сердце. Это—ядовитыя грезы ребенка и тайныя вожделѣнія дѣвственницы. Въ свое время они принесутъ свой плодъ и взрывъ годами накопленнаго жара явится тѣмъ разрушительнѣе, чѣмъ дольше внѣшняя жизнь будетъ держать юную мечтательницу въ холодѣ и одиночествѣ.

А жизнь именно и намѣрена производить подобные опыты. Заключается бракъ съ мужчиной банальнѣйшаго типа. Для него всякая мечта и даже просто отвлеченная и сложная мысль—душевный недугъ, требующій энергичнаго лѣченья. У молодой женщины напряжены всѣ нервы, въ ея душѣ цѣлый хаосъ непродуманныхъ идей, неуясненныхъ впечатлѣній и желаній. Страстные религіозные порывы вплоть до мистицизма и болѣзненно сладостнаго упоенія исповѣдью одновременно съ трепетной надеждой на земную головокружительную любовь... Она вся ожиданіе и стремленіе...

И въ отвѣтъ—истуканская, тупая фигура, мѣщански-благоразумная и пошло-счастливая. Одинъ видъ ея способенъ повергнуть впечатлительнаго человѣка въ безъисходную тоску или неудержимое негодованіе. Бѣдная жена и уже мать не знаетъ, что съ собой дѣлать. Она готова предаваться хотя бы дѣтскимъ удовольствіямъ, лишь бы какъ-нибудь оживить свой цѣпенѣющій организмъ. На нее смотрятъ съ невыразимымъ презрѣніемъ и за одну невинную шалость вполнѣ серьезно и при чужихъ людяхъ даютъ пощечину...

Пока оскорбленія вызываютъ только обильныя слезы гдѣ-нибудь въ углу. Но слезы не могутъ литься безъ конца, тогда берется завѣтная тетрадка и пишутся горячія страницы о томъ, что такое страданіе и боль. Чтобы имѣть о немъ представленіе, надо собственное тѣло рвать когтями, въ раны лить кипящее масло или биться головой о стѣну. Не всѣмъ выпадаетъ на долю выпить чашу до дна,—только привилегированнымъ. Это—рабы судьбы, отъ нихъ не ускользаетъ ни единая капля жизненной горечи.

Вотъ какія чувства переживаетъ двадцатилѣтняя Аврора Дюдеванъ! Они станутъ именно той почвой, которая породитъ и воспитаетъ Жоржъ-Зандъ. Потайныя слезы и сдавленный стонъ—первоисточники поэзіи и идей будущей писательницы. Судьба торопитъ преобразованіе, обрушивая на свою жертву одинъ ударъ позорнѣе другого.

Пьянство, измѣна мужа и призракъ близкой смерти идутъ другъ за другомъ. Аврора кашляетъ кровью и чувствуетъ, какъ съ каждымъ днемъ отъ нея уходитъ міръ вмѣстѣ съ достоин-

ствомъ человѣка и женщины. Она рѣшается, наконецъ, встать и стряхнуть съ себя кошмаръ. Геній, еще невѣдомый ей самой, вырываетъ ее изъ тисковъ пошлости и даетъ ей силы сначала только временно оставить опозоренный домашній очагъ, а потомъ смѣло вступить на *свою* свободную дорогу.

Исторія разсказывается скоро и легко, но дѣлалась она съ мучительной медленностью, каждый шагъ выкупался волненіями, какихъ съ точностью не могла бы пересказать и сама героиня. Только позже, когда на горизонтѣ европейской литературы взойдетъ звѣзда первой величины, люди и самъ авторъ поймутъ, сквозь какія тучи надо было пройти свѣтилу и въ какихъ нравственныхъ буряхъ обмыть свои лучи, чтобы засіять такимъ ослѣпительнымъ и увѣреннымъ блескомъ...

У долго связанныхъ членовъ первыя свободныя движенія выходятъ неловкими и смѣшными. Жоржъ-Зандъ, переродившійся изъ г-жи Дюдеванъ, на первыхъ порахъ изумляетъ публику большими странностями. Мужской костюмъ, вѣчная сигаретка, непринужденныя *студенческія* манеры и революціонные разговоры о семейныхъ и женскихъ добродѣтеляхъ! Какая забавная эмансипація! И охотниковъ позабавиться сколько угодно, тѣмъ болѣе, что революціонерка обаятельно красива, интересна до послѣдней степени удивительной смѣсью чисто-дѣвической наивности и простоты съ невиданными, для женщины совершенно необычными вспышками громадной талантливости и умственной силы.

И начинается процессія соглядатаевъ и критиковъ. Народъ все бывалый и самоувѣренный. Во главѣ идетъ прославленный умница и скептикъ, изящный авторъ холодной, но необыкновенно красивой беллетристики чисто-парижскаго шика, Мериме. Онъ убѣжденъ, что все на свѣтѣ понялъ и по достоинству наградилъ тонкой иroніей. Женщина съ классическимъ лицомъ, съ громадными черными будто *вуалированными* глазами, съ роскошными волнистыми волосами, съ аристократическимъ станомъ, наклонная къ мечтательности и чувствительнымъ настроеніямъ и въ то же время бѣглянка отъ мужа.—Парижъ еще не видалъ такой рѣдкости! И овладѣть ею, повидимому, нетрудно: она молода и одинока, естественно, она готова любить.

И она дѣйствительно увлекается остроумнымъ психологомъ. Онъ пользуется своей побѣдой съ небрежностью и снисходительностью Цезаря. Ему и на умъ не приходитъ, въ чемъ секретъ столь легкаго успѣха, и онъ не чувствуетъ ни малѣйшаго желанія внимательнѣе всмотрѣться въ эти удивительные глаза и попытаться прочесть въ нихъ нѣчто болѣе глубокое, чѣмъ меланхолическую задумчивость молодой тоскующей женщины. Онъ съ первыхъ же минутъ оскорбляетъ свою возлюбленную свободными аллюрами неотразимаго побѣдителя, явнымъ желаніемъ смотрѣть на все это происшествіе, какъ на легкое приключеніе въ духѣ латинскаго квартала... И героиня наша опять одинока.

Сентъ-Бёвъ, лично счастливый въ любви, старается помочь горю, устраиваетъ новыя знакомства своего друга съ парижскими знаменитостями и, между прочимъ, предлагаетъ Мюссе. Близость съ поэтомъ сначала нисколько не прельщаетъ Жоржъ-Зандъ. Она его уже встрѣчала, съ перваго взгляда оцѣнила юнаго нарядного щеголя съ неизмѣнной шансонеткой на устахъ и боится,

какъ бы не оскорбить «виконта» своимъ демократизмомъ? А виконтъ уже оскорбленъ героями ея перваго вдохновенія, онъ находитъ ихъ не *приличными!*

Но судьба захотѣла устроить милліонную драму на тему любви, и Мюссе быстро почувствовалъ очарованія новой знакомой. Несомнѣнно, она неизмѣримо превосходила все, что до сихъ поръ было доступно виконту въ области любовныхъ приключеній. Не могло остаться спокойнымъ и самолюбіе юнаго рыцаря, овладѣвающаго уже знаменитой, весь Парижъ интересующей писательницей. И онъ принимается усердно излагать ей свои чувства стихами и прозой. Литература достигаетъ цѣли, какими *нравственными* путями—мы точно не знаемъ, но имѣемъ всѣ основанія вѣрить Жоржъ-Зандъ. И самъ Мюссе здѣсь не противорѣчилъ ей, не представилъ опроверженій и его братъ.

Собственно любви, подчиняющей женщину всецѣло, заставляющей ее видѣть въ любимомъ человѣкѣ властную, чарующую силу, своего рода фокусъ всего свѣтлаго и жизненнаго, такой любви не вызвалъ и не могъ вызвать Мюссе. Позже Жоржъ-Зандъ говорила, что поэтъ при первой встрѣчѣ съ ней былъ уже человѣкомъ мертвымъ. Это очень жестоко, но, зная сущность природы и таланта Мюссе, мы не въ состояніи безусловно отвергнуть даже такого приговора. Главнѣйшіе рессурсы Мюссе заключались въ его физическомъ благополучіи. Духъ его былъ немощенъ и незначителенъ, и поэтъ, какъ личность, становился совершеннымъ ничтожествомъ при болѣе или менѣе глубокомъ разстройствѣ своего организма. Но вопросъ, какъ же можно стать возлюбленной подобнаго героя?

Любимое обращеніе Жоржъ-Зандъ къ Мюссе—*мое дитя, мое милое, возлюбленное дитя*... Она рѣшительно не можетъ ни говорить съ нимъ, ни думать о немъ, какъ о совершеннолѣтнемъ. Ея письма къ нему скорѣе материнскія, чѣмъ женскія. Тонъ не только покровительственный, даже сострадательный, часто слезно-соболѣзнующій. Это не любовь, а жалость, не страсть подруги, а чувства сестры милосердія.

И на такой почвѣ романъ!

Да, явленіе возможное, именно у такихъ богатыхъ и благородныхъ натуръ, какою одарена Жоржъ-Зандъ. У слабыхъ, зауряднихъ женщинъ увлеченіе начинается съ экстаза предъ силой, часто мнимой или грубо-зоологической, у женщинъ исключительной даровитости любовь можетъ совпадать съ сочувствіемъ и жалостью. Жоржъ-Зандъ въ теченіе всей своей жизни посчастливилось встрѣтить развѣ только двухъ человѣкъ, способныхъ внушить ей уваженіе, сенъ-симониста Пьера Леру и Ламенэ. Даже *директоръ* Сентъ-Бёвъ не можетъ идти въ счетъ. Съ теченіемъ времени духовная дочь переросла его широтой жизненныхъ задачъ и серьезностью отношенія къ современнымъ общественнымъ и нравственнымъ вопросамъ. Только Леру и Ламенэ являлись для нея *идеями*, всѣ другіе могли вызывать какія угодно чувства, только не почтеніе и благодарность. Такъ она сама выражается, и подробный смотръ ея современниковъ привелъ бы насъ къ тому же заключенію.

Мюссе среди слабыхъ и безличныхъ оказался слабѣйшимъ, прямо жалкимъ. На первыхъ же порахъ онъ прибѣгъ къ слезамъ

и мольбамъ, чтобы добиться полной любви. Эта безпомощность, естественно, тронула всѣ нѣжныя струны, какими было переполнено сердце Жоржъ-Зандъ. Она сама готова расплакаться предъ этимъ двадцатитрехлѣтнимъ младенцемъ, успѣвшимъ отравить себя всѣми ядами моднаго разврата. Она позже писала ему, что безъ его *слезъ* они остались бы только друзьями. Она уступила безъ восторга, безъ воодушевленія, безъ той бури страсти, какой требовала ея одинокая наголодавшаяся душа.

Странно это слышать, а между тѣмъ столь громкій романъ представлялъ не болѣе, какъ подвигъ гуманности съ одной стороны и слезливый настойчивый капризъ испорченнаго ребенка съ другой.

Можетъ ли идти здѣсь рѣчь о счастьѣ, о томъ, что поэтами принято называть единеніемъ душъ и что на самомъ дѣлѣ далеко не одна поэтическая метафора, а вполнѣ реальная и необходимая потребность всякой настоящей любви? Въ отвѣтѣ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Всякій, кто хотя одинъ разъ посѣтилъ бы «гнѣздо» новыхъ любовниковъ, вынесъ бы самое странное впечатлѣніе. Счастливцамъ просто не о чемъ было говорить другъ съ другомъ. Она по цѣлымъ часамъ сидѣла молча, истребляя неимовѣрное количество сигаретокъ, онъ рисовалъ каррикатуры на общихъ знакомыхъ и забавлялся легкимъ стихотворствомъ.

Позже они, конечно, постараются разукрасить *прошлое*. Оба— люди краснорѣчивые и съ большимъ воображеніемъ, оба, кромѣ того, прирожденные артисты: нельзя же показаться передъ публикой въ затрапезныхъ халатахъ со всею скукой и тоской неудавшагося сожительства. И мы увидимъ, какую неоцѣненную услугу окажетъ бѣднымъ жертвамъ недоразумѣнія литературный стиль и профессіональное писательское искусство. Факты, немедленно послѣдовавшіе за медовымъ періодомъ, безжалостно разоблачаютъ роскошныя декораціи и, погашая бенгальское освѣщеніе, показываютъ правду еще болѣе неприглядной и жестокой.

III.

Поэтъ и поэтесса рѣшили отправиться въ Италію. Для подлинныхъ счастливцевъ—это цѣлое наслажденіе, для нашихъ героевъ—бѣгство отъ самихъ себя. Если бы путешествіе имѣло другой смыслъ, зачѣмъ бы ссориться имъ при самомъ вступленіи въ чудную страну, переживать драму ревности и обмана во Флоренціи, въѣзжать въ Венецію будто на кладбище и съ первыхъ же дней создавать «семейный адъ»? Подробности и здѣсь не вполнѣ ясны, но несомнѣнно одно — ни для героини, ни для героя не представлялось непреодолимыхъ затрудненій—почувствовать интересъ къ другому мужчинѣ и къ другой женщинѣ. Видимо, нравственныхъ связей не существовало и взаимная вѣрность могла быть только или отвлеченно-принципіальная, или вынужденная обстоятельствами. Первый случай невозможенъ при свободныхъ взглядахъ Мюссе и Жоржъ-Зандъ на влеченія сердца, второй являлся бы униженіемъ для той и другой стороны. Судьба романа, слѣдовательно, зависѣла исключительно отъ случая. И Венеціи суждено было стать сценой важнѣйшаго акта драмы.

Появляется третье лицо. Этотъ новый *онъ* задалъ много ра-

боты современнымъ и позднѣйшимъ слѣдователямъ. Не въ примѣръ первымъ двумъ персонажамъ, онъ обнаружилъ крайне досадную скромность, ни за что не хотѣлъ предавать публичности свою любовную переписку, отказывался отъ бесѣдъ съ самыми внушительными и тонкими репортерами, вообще грозилъ лишить насущнаго хлѣба всю французскую науку и беллетристику. Но не на таковскихъ напалъ. Бѣдный итальянецъ не съумѣлъ выдержать борьбы до конца и въ печати оказались и его дневникъ, и отрывки изъ писемъ. Правда, уступилъ онъ очень не скоро и только отчасти. Во Франціи уже въ теченіе пятидесяти лѣтъ велся процессъ, когда новый свидѣтель рѣшился заговорить о своихъ отношеніяхъ съ Жоржъ-Зандъ. Дочь его двинула дѣло дальше и сообщила одному изъ мюссетистовъ—подлинную запись своего отца о романѣ его молодости. Не отвертѣлся такимъ образомъ отъ долга культурнаго романическаго героя даже первобытный венеціанскій медикъ.

А онъ, дѣйствительно, въ сравненіи съ своими сподвижниками, человѣкъ вполнѣ естественный. Внѣшность—браваго пруссака, плотнаго блондина, съ простодушнымъ, но мужественнымъ, точнѣе, мужчинскимъ выраженіемъ лица. Никакихъ сложныхъ умственныхъ процессовъ въ этой головѣ никогда не совершалось, никакихъ тонкихъ чувствъ это сердце не ощущало. Первое впечатлѣніе — большой физической силы и, какъ это часто бываетъ при поверхностномъ взглядѣ на подобныхъ экземпляровъ мужской породы, впечатлѣніе сильной воли. На самомъ дѣлѣ обиліе мяса и мускуловъ безпрестанно развивается въ прямой ущербъ всѣмъ духовнымъ способностямъ, и докторъ Пажелло—одинъ изъ совершеннѣйшихъ образцовъ этого типа. Но простота души и ограниченность ума не мѣшали ему быть человѣкомъ благоразумнымъ, даже разсудительнымъ, честнымъ и, если угодно, очень симпатичнымъ.

Контрастъ полнѣйшій прежде всего—для Мюссе. Неизлѣчимый невропатъ, питомецъ растлѣвающей парижской цивилизаціи cabinets particuliers и театральныхъ кулисъ—и здоровый жизнерадостный сынъ природы. Жоржъ-Зандъ имѣла всѣ данныя уподоблять своего больного поэта слишкомъ тонкому аромату, ежеминутно готовому испариться. Ароматъ здѣсь, конечно, понятіе весьма относительное, но на счетъ испаряемости сравненіе справедливо. Мюссе, какъ человѣкъ, представлялъ изъ себя такую малую величину, что лирическое выраженіе Жоржъ-Зандъ можно понимать въ самомъ зломъ смыслѣ. Пажелло, напротивъ, величина солидная и устойчивая. По контрасту съ Мюссе Жоржъ-Зандъ усмотрѣла въ мощномъ тѣлѣ и богатую натуру и съ первой же встрѣчи поддалась чисто-женскому гипнозу предъ сильнымъ организмомъ.

Церемониться некстати съ добрымъ малымъ, онъ, все равно, не постигнетъ такихъ подходовъ и намековъ, надо идти напроломъ, и Жоржъ-Зандъ сначала приглашаетъ Пажелло къ себѣ, какъ врача, а потомъ въ самый короткій срокъ объясняется ему въ любви. Объясненіе это теперь напечатано цѣликомъ и представляетъ, будто бы, главу изъ романа. Жоржъ-Зандъ написала ее въ присутствіи Пажелло и вручила ему, чтобы онъ прочиталъ дома. Рѣчь поразительно откровенная: такъ можно говорить только на вершинахъ женской эмансипаціи и съ самыми непроницатель-

ными героями. Паделло, конечно, не могъ не чувствовать себя польщеннымъ такой быстрой побѣдой, но въ то же время у него должны были явиться нѣкоторыя безпокойныя мысли, когда ему дѣлали запросъ: «когда твоя страсть будетъ удовлетворена,—съумѣешь ли ты поблагодарить меня? Когда я тебя сдѣлаю счастливымъ, съумѣешь ли ты мнѣ сказать это?» Довольно оригинальное сомнѣніе! Тѣмъ болѣе, что дальше авторъ справлялся. что именно говоритъ взоръ героя — своей «божественной молніей»? Не о такомъ ли только желаніи, какое могутъ удовлетворить одалиски?..

Мюссе, получивъ такое посланіе, несомнѣнно разразился бы сонетомъ или монологомъ страницъ въ десять, гдѣ вполнѣ удовлетворилъ бы любопытство своей подруги и даже превзошелъ бы ее въ филигранной отдѣлкѣ двусмысленныхъ ощущеній. Паделло оставалось только отдать свою особу въ распоряженіе столь энергичной иностранки. Онъ *взятъ*, не смотря на свой бравый видъ пруссака, и взятъ, по его собственнымъ словамъ, почти противъ воли.

Это самая темная глава въ нашей исторіи.

Жоржъ-Зандъ не переставала увѣрять, что Паделло измучилъ ее объясненіями, клятвами, ласками, слезами по цѣлымъ часамъ. Повторилась та же исторія, что съ Мюссе: любая женщина вынуждена уступить мольбамъ неотвязчиваго мужчины... Какъ это понимать?

Что Паделло, какъ и всякій другой намѣченный кавалеръ, могъ быть доведенъ до клятвъ и особенно до ласкъ, совершенно неожиданно для него самого. Это — простѣйшій пріемъ женской тактики и ничего нѣтъ удивительнаго, если одинъ и тотъ же герой въ отелѣ Жоржъ-Зандъ со слезами молилъ ее о любви и дома впадалъ въ тяжелое раздумье, въ разныя практическія соображенія и приходилъ къ выводу: что онъ бросается въ пропасть съ закрытыми глазами. Эта двойственность настроеній доказывала только, какая маленькая душа пребывала въ его большомъ тѣлѣ. Ему пишутъ небывало откровенныя объясненія въ любви, ведутъ себя съ нимъ крайне вызывающе, ради него наряжаются въ лучшіе костюмы, даютъ понять, что безъ него и жизнь не въ жизнь, онъ—въ самый разгаръ атаки покорно сдается и истощаетъ весь итальянскій словарь нѣжныхъ словъ. А вернувшись домой, онъ принимается разсуждать на такія темы: я молодъ, только что вступилъ на дорогу, началъ пріобрѣтать практику, для полнаго успѣха недостаточно однихъ моихъ медицинскихъ познаній, требуется еще солидное, строго-нравственное поведеніе. А здѣсь вдругъ приключеніе съ иностранкой, явно пренебрегающей всякой солидностью и мнѣніемъ нравственной публики! Что дѣлать? Бѣжать—постыдно, особенно для такого завѣдомаго побѣдителя женскихъ сердецъ. Не смотря на мучительныя помышленія о безукоризненной карьерѣ, очаровательный блондинъ все-таки не зарылъ въ землю своихъ талантовъ, и впослѣдствіи Жоржъ-Зандъ придется долго разсчитываться съ многочисленными покинутыми жертвами ея избранника.

Несчастье только въ томъ, что жертвы были просто утѣхами итальянскаго темперамента нашего героя, и не притязали ни на какія способности къ высшимъ тайнамъ любви и страсти. А

здѣсь авторъ романовъ съ поразительно-*выработанными* ощущеніями! Лелія, напримѣръ, вѣдь это сплошная шарада для венеціанскаго Донъ-Жуана. Жоржъ-Зандъ прямо заявляетъ, что Пажелло не читалъ этого романа и, прочитавши, врядъ ли понялъ бы его.

И самъ Пажелло вполнѣ подтверждаетъ это мнѣніе. Даже больше. Онъ знаетъ свою несостоятельность въ трудной наукѣ и не чувствуетъ ни малѣйшаго желанія усовершенствоваться. Напротивъ, онъ готовъ издѣваться надъ утонченностями парижскихъ жрецовъ наслажденія и не скрывать своей ироніи отъ самой Жоржъ-Зандъ. Невольно пришлось вспомнить Мюссе. Тотъ, даже не ощущая никакихъ глубокихъ чувствъ и органически къ нимъ неспособный, умѣлъ чрезвычайно интересно и въ патетическомъ стилѣ рисовать всевозможные оттѣнки любовнаго волненія. Пажелло вполнѣ оправдалъ опасенія. Жоржъ-Зандъ—оказался совершенно неудовлетворительнымъ ни въ краснорѣчіи, ни въ психологіи любви.

На первое время большую пикантность придавало роману оригинальное положеніе героини между развѣнчаннымъ и новымъ героемъ. Объ этомъ моментѣ предъ нами самыя потрясающіе разсказы. Сообщены они братомъ поэта, послѣ его смерти, но записаны, по увѣренію Поля Мюссе, со словъ самого Альфреда. Жоржъ-Зандъ съ негодованіемъ отвергала ихъ, и совершенно естественно. Альфредъ разсказывалъ брату, какъ онъ. тяжко больной, видѣлъ у своего изголовья объятія Жоржъ-Зандъ съ Пажелло, слышалъ совершенно хладнокровный разговоръ объ его неминуемой смерти...

Разсказъ на всякаго читателя производитъ удручающее впечатлѣніе и его одного было бы достаточно, чтобы уничтожить жоржъ-зандистовъ. Достовѣренъ ли онъ? Отвѣтъ—отрицательный и положительный—одинаково затруднителенъ. Жоржъ-Зандъ въ теченіе всей своей жизни отличалась искреннимъ добросердечіемъ, полнымъ отсутствіемъ злобныхъ чувствъ къ кому бы то ни было. Завѣдомыхъ враговъ она ежеминутно готова была простить съ невозмутимымъ благодушіемъ или, самое большее, отвѣтить на ихъ вражду презрѣніемъ.

Эти факты не подлежатъ сомнѣнію, и, разумѣется, всѣ они дѣйствительны и относительно Мюссе. Тотъ до своей болѣзни успѣлъ нанести своей спутницѣ рядъ жестокихъ, для женщины незабвенныхъ, оскорбленій. При первомъ случаѣ онъ пустился въ охоту за пѣвицами и артистками, предпочиталъ дѣлить закулисные досуги театральныхъ звѣздъ и, въ довершеніе героизма, укорялъ Жоржъ-Зандъ, что она неспособна доставлять ему любовныхъ наслажденій въ нужной для него степени...

Писательница получала то, чего хотѣла, и врядъ ли заслуживаетъ состраданія въ данномъ случаѣ. Авторъ Леліи долженъ былъ обладать достаточной психологической проницательностью, чтобы предусмотрѣть свое будущее съ бульварнымъ «гамэномъ». Именно это слово она надписывала на своей книгѣ, подарокъ Мюссе,—и все-таки поддавалась слезамъ, можетъ быть, даже не совсѣмъ трезвымъ и вмѣняемымъ.

Это также факты, и несомнѣнно они не могли пройдти безслѣдно. Жоржъ-Зандъ и позже не переставала напоминать о

нихъ въ письмахъ къ Мюссе, но дѣлала это безъ всякой злобы, скорѣе съ горькимъ упрекомъ самолюбія. Могла ли она сохранить то же настроеніе въ самый разгаръ нестерпимыхъ обидъ? Потомъ не слѣдуетъ забывать безусловно глубокаго и страстнаго интереса къ Пажелло въ первое время встрѣчи. Все это вмѣстѣ могло вызвать нѣжныя сцены, поразившія больного Мюссе. Для Жоржъ-Зандъ ужаснѣйшимъ наказаніемъ всегда было одиночество. Она приходила въ отчаяніе при одной мысли быть одной. *Seule—quelle horreur!* — восклицаетъ она въ письмѣ къ Сентъ-Беву, и это восклицаніе—лучшій эпиграфъ къ ея біографіи и психологіи. Въ Венеціи Пажелло явился единственнымъ спасителемъ отъ страшной муки, и онъ заслуживалъ награды

Но зачѣмъ же Жоржъ-Зандъ такъ упорно отвергала разсказъ и приписывала его разстроенному воображенію Мюссе: онъ, всегда первый, въ конецъ развинченный своимъ образомъ жизни, дошелъ до галлюцинацій, почти до умопомѣшательства. Объятія его возлюбленной съ докторомъ ему просто пригрезились...

Убѣдительно ли такое объясненіе? Разсказъ Мюссе, въ сообщеніи его брата, замѣчательно точенъ. Тотъ видѣлъ не только объятія, онъ удостовѣрился, что за ужиномъ Жоржъ-Зандъ и Пажелло пили изъ одного стакана, и какъ именно удостовѣрился—передается намъ съ большими и вполнѣ опредѣленными подробностями. Могутъ ли доходить галлюцинаціи до такого предѣла? Наконецъ, самъ Мюссе не отрицалъ своего сильнаго нервнаго разстройства и по этому признанію строилъ новое тягчайшее обвиненіе противъ Жоржъ-Зандъ: будто бы она замышляла посадить его въ больницу умалишенныхъ, и даже одно время грозила осуществить это намѣреніе немедленно. На этотъ счетъ также имѣется подробнѣйшій отчетъ о бурной сценѣ, происшедшей между больнымъ и его мучительницей. Сколько правды въ этомъ отчетѣ?

Вѣроятно, никогда не будетъ озарена полнымъ свѣтомъ вся злополучная исторія. Междоусобицѣ мюссетистовъ и жоржъ-зандистовъ суждено остаться непримиримой. Но извѣстная общая *мораль* исторіи допустима, какъ бы ни были темны ея отдѣльныя событія. Не можетъ быть двухъ отвѣтовъ на вопросъ: поднималось ли взаимное чувство Мюссе и Жоржъ-Зандъ до взаимнаго уваженія къ *человѣческой* личности? Пусть даже Мюссе не укорялъ своей возлюбленной такъ безпощадно въ недостаткѣ любовнаго искусства и горячей страсти, пусть и сама возлюбленная не измѣняла ему предъ лицомъ грозившей ему смерти,—разговоры и сцены самаго жестокаго свойства были вполнѣ естественны тамъ, гдѣ единственненной связью между людьми являлся чисто-физіологическій капризъ съ одной стороны и пассивное удовлетвореніе этого каприза—съ другой. Самый исходъ драмы склоняетъ насъ вѣрить скорѣе разсказамъ брата Мюссе, чѣмъ возраженіямъ Жоржъ-Зандъ. Чувственное влеченіе всегда скрываетъ за собой жестокость. Такая страсть, какую всю жизнь воспѣвалъ Мюссе и съ какой уживалась Жоржъ-Зандъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, необходимо должна была привести къ озлобленію или въ лучшемъ случаѣ къ нестерпимой душевной горечи. Только неисчерпаемая прирожденная доброта Жоржъ-Зандъ спасла ее отъ злобныхъ воспоминаній о своихъ неудавшихся при-

страстіяхъ, но, къ сожалѣнію, не удержала ее отъ разоблаченій и самооправданій. У Мюссе не было никакого задерживающаго нравственнаго центра и онъ безъ видимыхъ затрудненій завѣщалъ брату ужаснѣйшій обвинительный актъ, какой только способенъ оставить мужчина противъ когда-то любимой женщины.

Мюссе покинулъ Венецію. Его сопровождала любовь Жоржъ-Зандъ и Пажелло. Объ этомъ намъ говорятъ письма *его* и *ея*. Вслѣдъ *ему* летятъ любовныя изліянія *ея*, по вечерамъ она *торжественнымъ* голосомъ произноситъ *его* имя и Пажелло, будто эхо, отвѣчаетъ *Jo l'amo*. И голоса взволнованно звучатъ въ *молчаніи лагунъ*.

Такъ разсказываетъ Жоржъ-Зандъ, чрезвычайно красиво и до такой степени соблазнительно, что вечерніе діалоги на время готовы свести съ ума даже здравомыслящаго итальянца. Бѣднякъ попалъ въ самое удивительное ménage en trois и начинаетъ уже самъ декламировать, что ихъ чувства «не понятны для другихъ»...

Несчастный красавецъ прусскаго типа! Вскорѣ ему придется выражать искреннѣйшее сочувствіе этимъ другимъ и проклинать *непонятныя* чувства. Вообще, роль Пажелло во всемъ этомъ экзотическомъ романѣ довольно жалкая и весьма часто комичная. Попалъ онъ совершенно не въ свой міръ и не за свои настоящія достоинства — простоту и практическій здравый смыслъ. Счастье еще, что эти именно достоинства помѣшали ему серьезно увлечься геніальной женщиной и онъ до конца съумѣлъ остаться на сторожѣ предъ всѣми ея чарами! Иначе онъ утратилъ бы не только всю свою нравственность и способность заручиться солидной медицинской практикой, но и все свое человѣческое достоинство и покой души.

По отъѣздѣ Мюссе начался послѣдній актъ пьесы, самый *литературный*. Герой и героиня поднимаются на высшую ступень артистической игры и поражаютъ насъ неслыханнымъ искусствомъ красиво лгать, не подозрѣвая собственной лжи.

IV.

Мюссе живетъ въ Парижѣ, Жоржъ-Зандъ въ Венеціи. *Онъ*, немедленно по выздоровленіи, пытается возобновить счастье своей первой молодости, съ канапе, шансонетками и первыми встрѣчными женщинами. *Она* умоляетъ *его* подождать, увѣряетъ его, что онъ еще не выдержитъ шампанскаго и женскихъ ласкъ. Онъ въ утѣшеніе сообщаетъ *ей*, что безпрестанно плачетъ по ней, пожираетъ *Вертера* и *Новую Элоизу*, совершаетъ паломничества на ея бывшую квартиру и, въ довершеніе подвиговъ, принимается говорить библейскимъ языкомъ объ ангелѣ Азраилѣ, будто бы блеснувшемъ между *ними* пылающимъ мечомъ... Вѣроятно, это видѣніе отбило у поэта память на счетъ важнѣйшаго вопроса его корреспонденціи, именно, сколько мѣсяцевъ онъ плакалъ: по одному сообщенію—*три*, по другому—*четыре*.

Но это еще не послѣднее чудо. Скоро мы услышимъ пламенный вызовъ испорченному и выдохшемуся вѣку, безбожному и скверному, торжественное провозглашеніе о предстоящемъ воскресеніи людей—и все по праву любви *его* къ *ней*, такой возвышенной, божественной, безпримѣрной въ лѣтописяхъ міра! Галлюци-

націи дойдутъ до прямаго обращенія къ распятому Богу, пославшему въ объятія поэта *невѣсту*...

Можно бы сказать, у поэта зашелъ умъ за разумъ, если бы у васъ были основанія подозрѣвать развитіе этихъ способностей у краснорѣчиваго страстотерпца. Къ сожалѣнію, рѣчь его, на самыхъ высокихъ нотахъ, до такой степени становится неубѣдительной и ничтожной, что его корреспондентка прямо не считаетъ нужнымъ обращать вниманіе на его «слишкомъ живыя выраженія»: это его обычная *поэтическая манера*!..

Превосходно сказано, и мы вполнѣ удовлетворены такой критикой полу-истерическихъ, полу-театральныхъ воплей *его*. Но *ея* письма, какъ о нихъ судить?

Пишетъ она очень нѣжно—*mon cher ange*, *mon petit ange*, *mon enfant chéri*, *mon bon petit*... Все это можетъ быть искренно: въ сравненіи съ нравственными силами *ея*, онъ, дѣйствительно, если не ангелъ и не дитя, то во всякомъ случаѣ *маленькій*. Но дальнѣйшая игра чувствъ не такъ проста.

Жоржъ-Зандъ до послѣдней капли испиваетъ чашу мѣщанскаго счастья, Пажелло всегда здоровъ и уравновѣшенъ, онъ не требуетъ для своего счастья ни чьихъ страданій, въ чемъ такъ много грѣшилъ деликатный и психопатическій поэтъ. Пажелло, кромѣ того, очень разсудителенъ: у него всякій франкъ на счету и Жоржъ-Зандъ сама принуждена выполнять роли кухарки, портнихи, обойщицы, не для себя даже, а для Пажелло и его брата. Это имѣетъ свою хорошую сторону послѣ истерій «маленькаго ангела», но въ то же время и крайне надоѣдливо.

На героиню нападаютъ часто припадки меланхоліи, мрачной душевной истомы, тогда у нея видъ больной птицы, видъ требующій достодолжной оцѣнки и внимательнаго взора. Мюссе, прошедшій основательно школу всякихъ нервозовъ, оказывался въ такихъ случаяхъ на высотѣ призванія и, если не улетучивался къ актрисамъ и пріятелямъ, произносилъ удивительные монологи. Теперь ничего этого нѣтъ.

«Я, — пишетъ *она*, — не имѣю дѣла съ такими проницательными глазами, какъ твои, и я могу изображать больную птицу, даже не вызывая вниманія».

Это очень жаль! Талантъ артиста непремѣнно требуетъ публики, а Пажелло—«этотъ бравый Пьерръ», не желаетъ знать ни о какихъ «странностяхъ *нашихъ* поэтическихъ головъ».

Становится скучно. Краткій откликъ *Jo l'amo* о побѣжденномъ соперникѣ и сильныя ласки естественной любви надоѣдаютъ. И литературный талантъ остается безъ пищи: никакая фантазія не превратитъ этого молодца въ героя, способнаго заинтересовать читателей *Révue des deux Mondes*. Остается отводить душу въ письмахъ къ *нему*.

И классическія рѣчи льются рѣкой, готовыя страницы безукоризненнаго психологическаго романа. Разъ письмо обращено къ «милому ребенку», надо давать *совѣты*, и разъ этотъ ребенокъ называется Альфредъ Мюссе, то, конечно, совѣты *кою* и *какъ* любить: женщину молодую, красивую, еще не любившую и не страдавшую, и всецѣло отдаваться любви, хотя бы даже она явилась во множественномъ числѣ. Чтò касается *ея*, то пусть *онъ* творитъ изъ нея сонеты, романы, пѣсни, все чтò угодно.

Тема богатая, хотя бы даже съ отвлеченной стороны. Какая, напримѣръ, горячая и свободная философія счастья! И какое искусство формулировать ее! «Любовь есть храмъ; его строятъ тому, кого считаютъ болѣе или менѣе достойнымъ культа, и прекраснѣе всего здѣсь не божество, а алтарь». Пусть божество окажется ничтожнымъ и презрѣннымъ, разъ созданный храмъ оставитъ въ душѣ мотивы чудныхъ пѣсенъ. А сильную душу нельзя «исчерпать» однимъ или двумя увлеченіями. «Любовь—огонь, который неизмѣнно стремится вверхъ и очищается». «Любовь—терновый вѣнокъ, разцвѣтающій и покрывающійся розами въ то время, когда волосы начинаютъ сѣдѣть».

Изящнѣе трудно выразиться и, кромѣ того, своевременнѣе; правда, у поэта волосы не сѣдѣли, но зато быстро совсѣмъ исчезали. Требовалось энергическое утѣшеніе, и Жоржъ-Зандъ, съ истинно материнскимъ инстинктомъ, изобрѣтала самыя пріятныя вещи для донъ-Жуана, становившагося инвалидомъ.

Оказывалось, Альфредъ Мюссе вовсе не предназначенъ пресмыкаться въ грязной дѣйствительности. Онъ созданъ для міра болѣе возвышеннаго. Его жизнь должна быть такой же прекрасной поэмой, какъ и плоды его воображенія. Въ будущемъ онъ будетъ перечитывать ее «съ святыми радостями гордости»... Вообще самая почтенная и блестящая перспектива для героя, какъ разъ въ это самое время истощавшаго свой умъ и свое воображеніе на менѣе всего святыя радости и самую натуральную дѣйствительность. Мы знаемъ, онъ и кончитъ не лучше, просто алкоголизмомъ: иного выхода не могло быть для человѣка, всю жизнь созидавшаго храмы для божествъ низшаго порядка. За него поэму напишетъ *она* и никто не посмѣетъ сомнѣваться въ успѣхѣ творчества. Надо быть великимъ артистическимъ талантомъ, чтобы искренно толковать о совмѣстной жизни *втроемъ*: *онъ* бывшій и *онъ* настоящій, *она*—«между ними», дѣлающая ихъ счастливыми и ни одному изъ нихъ не принадлежащая! Такимъ счастьемъ она могла бы прожить *десять* лѣтъ.

Судьбѣ угодно подвергнуть испытанію эту дивную способность. Жоржъ-Зандъ становится, наконецъ, нестерпимымъ кухонное блаженство и особенно грошевые счеты, удручающіе ее все безжалостнѣе съ каждымъ днемъ. Она ѣдетъ въ Парижъ и злой геній внушаетъ ей мысль захватить съ собой Пажелло. Разсудительному доктору совсѣмъ не улыбается подобное путешествіе. Онъ давно уже утратилъ и ту весьма осмотрительную страсть, какую, по внушеніямъ своего темперамента, могъ питать въ началѣ. Онъ въ своемъ разсказѣ прямо обзываетъ героиню «актрисой, достаточно привычной къ извѣстнымъ фарсамъ», т. е. къ увлеченіямъ, меланхоліи и измѣнамъ. Съ такимъ чувствомъ онъ ѣдетъ въ Парижъ, твердо намѣренный окончательно прекратить тягостную игру. Но до заключенія траги-комедіи бѣдному рыцарю приходится разыграть унизительнѣйшую роль, какая только можетъ выпасть на долю мужчины въ полномъ обладаніи физическихъ и духовныхъ силъ.

Весь Парижъ, особенно литературный, устремилъ, конечно, иронически-пристальные взоры на кавалера, привезеннаго знаменитой писательницей въ своемъ багажѣ. Счастье «браваго Пьера», что природа не одарила его тонкой наблюдательностью и сообразительностью. Онъ можетъ разсказывать съ добрымъ чувствомъ

далеко не лестные для него эпизоды, въ родѣ врученія ему изъ редакціи журнала даровыхъ билетовъ на театральныя представленія, откровеннаго разговора журнальнаго издателя о новомъ любовномъ приключеніи «женщины чорта» (cette diablesse de femme) съ какимъ-то «итальянскимъ графомъ». Мнимый графъ присутствуетъ при этомъ разговорѣ, краснѣетъ, но тутъ же беретъ литературный призъ отъ неосторожнаго издателя—рецензентскую карточку въ театръ. Въ то же время онъ поручаетъ своей подругѣ продать плохія картины, захваченныя имъ изъ Венеціи въ видѣ единственнаго рессурса для прожитія въ Парижѣ. На картины не находится покупщика и Жоржъ-Зандъ оставляетъ ихъ за собой, даетъ деньги Пажелло, скрывая, конечно, истину. Но и это не все.

При первомъ извѣстіи о пріѣздѣ Жоржъ-Зандъ у Мюссе снова просыпается любовь, отнюдь не сыновняя и не братская. Онъ требуетъ свиданія ради *послѣдняго поцѣлуя*, но требуетъ въ такомъ страстномъ тонѣ, что Пажелло считаетъ нужнымъ вступиться въ свои права и начинаетъ впадать въ такія же галлюцинаціи, какими страдалъ Мюссе во время венеціанской болѣзни. Такъ именно называетъ безпокойство Пажелло Жоржъ-Зандъ.

Но на этотъ разъ въ *галлюцинаціяхъ* оказалась самая неподдѣльная дѣйствительность. Жоржъ-Зандъ снова уступила слезамъ поэта и у насъ является невольное подозрѣніе, не была ли нѣкоторая правда и въ венеціанскомъ бредѣ Мюссе? Теперь, если бы Пажелло сколько-нибудь дорожилъ чувствами Жоржъ-Зандъ или просто обладалъ самолюбіемъ нравственно-развитого мужчины, ему пришлось бы пережить не мало жестокихъ минутъ. Но всѣ мысли героя поглощены скорѣйшимъ освобожденіемъ изъ ненавистныхъ путъ и онъ уѣзжаетъ изъ Парижа, предоставляя своей возлюбленной разыгрывать вновь начатый фарсъ до какой угодно развязки и исполненный изумленія предъ мизерностями частной жизни знаменитѣйшихъ французскихъ литераторовъ... И сама святая истина говорила на этотъ разъ устами браваго Пьера!

Эпилогъ нашей исторіи грустный и жалкій. Цѣлые мѣсяцы проходятъ въ самыхъ удивительныхъ перипетіяхъ, приливы страсти чередуются съ рѣшительными размолвками. Сегодня Жоржъ-Зандъ счастлива съ Мюссе, завтра или онъ бѣжитъ отъ нея, или она готова проклинать свою слабость. Не владѣй герои чуднымъ стилистическимъ талантомъ, не умѣй они всякое, даже совсѣмъ не изящное ощущеніе выразить въ классически-совершенной формѣ, простое повѣствованіе о происшествіяхъ оставило бы у самыхъ благосклонныхъ читателей и восторженныхъ поклонниковъ крайне непріятный вкусъ. Сколько разъ, при видѣ этихъ безвольныхъ колебаній, чисто-физическихъ капризовъ, нервныхъ припадковъ болѣзненно-чувственнаго организма, они вспомнили бы прискорбный, но мудрый совѣтъ: *Ne touchez pas aux idoles, la dorure vous en reste aux mains*... Болѣзненность, конечно, вся цѣликомъ на сторонѣ «милаго ангела», но не все нормально и у героини.

Не наше дѣло судить о нравственномъ достоинствѣ того или другого увлеченія Жоржъ-Зандъ: сами факты и личности настолько краснорѣчивы, что для приговора не требуется никакихъ прокурорскихъ или адвокатскихъ усилій. Нѣтъ. Насъ занимаетъ совершенно другой вопросъ.

Какая сила могла внушить Жоржъ-Зандъ популяризацію ея исторіи съ Мюссе? О поэтѣ на этотъ счетъ разговоры излишни: Мюссе нечего было разсказывать и не о чемъ было писать помимо опытовъ своей молодости, остававшихся неизмѣнными до полнаго истощенія физическихъ силъ. Но Жоржъ-Зандъ! Тургеневъ про нея говорилъ, что *она все понимала*, и это вполнѣ справедливо. Какъ же она не могла понять, какое грустное наслѣдство оставляетъ она потомству въ своемъ *литературномъ* романѣ? Въ письмѣ къ Сентъ-Бёву она предупреждаетъ, чтобы онъ не довѣрялъ безусловно ея «сатанинскимъ аріямъ», т. е. ея пессимистическимъ декламаціямъ, это—жанръ, ею излюбленный: C'est *un genre,* que je me donne!

Идеально искренне,—до младенческой наивности! И намъ полезно это предупрежденіе. Но какъ же послѣ этого смотрѣть на *ея* редакцію только что разсказанной исторіи? Мюссе также, мы знаемъ, нельзя вѣрить, ему не вѣрила даже сама Жоржъ-Зандъ. Что же остается отъ «идеальнаго романа нашего вѣка»? Неужели онъ увѣковѣченъ, какъ одинъ изъ образцовъ художественной лжи? И какъ опредѣлить намъ *личности* нашихъ героевъ, съ такимъ напряженіемъ силъ дающихъ завѣдомо декорированный спектакль предъ публикой, и спектакль на тему своихъ интимнѣйшихъ чувствъ и дѣйствій? Мюссе можно опять оставить въ сторонѣ, остается все та же Жоржъ-Зандъ. Поэтъ въ одну изъ свѣтлыхъ своихъ минутъ далъ ей опредѣленіе *la femme la plus femme...* Извѣстно, что значило на языкѣ «сына вѣка» «самая женственная изъ женщинъ». Самому Мюссе были недоступны другія нравственныя качества его подруги, но въ *своемъ* романѣ онъ вполнѣ компетентенъ; романъ, мы знаемъ, не превышалъ ни его пониманія, ни вообще его духовныхъ силъ. И, повидимому, онъ далъ истинный ключъ къ спору забавнѣйшихъ литературныхъ донъ-кихотовъ—мюссетистовъ и зандистовъ. Намъ думается, самъ Жоржъ-Зандъ и именно какъ женщина, не отреклась бы отъ такого рѣшенія задачи,—она только имѣла бы полное право потребовать, чтобы мы къ опредѣленію «самая женственная» прибавили еще одно—женщина-*артистка* и надъ всей разсказанной исторіей поставили ея же слова: *C'est un genre que je me donne.*

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«The Workers the East» by Walter A. Wyckoff. With Illustrations. (*Очерки жизни рабочихъ въ восточныхъ штатахъ*). Авторъ этихъ интересныхъ очерковъ даетъ прекрасное и живое описаніе жизни рабочихъ обрисовываетъ современное состояніе рабочаго вопроса въ Соединенныхъ Штатахъ.

(The Citizen).

«Les Parsis, Histoire des Communautés zoroastriennes de l'Inde», par M. D. Ménant (*Ernest Leroux*). (*Парсы; исторія зороастровскихъ общинъ въ Индіи*). Авторъ предпринялъ обширное изслѣдованіе зороастровскихъ общинъ въ Индіи и первый томъ своего ученаго труда посвящаетъ гражданской жизни парсовъ. Авторъ изучаетъ жизнь парсовъ съ самыхъ древнихъ временъ и указываетъ превращенія, которыя въ ней произошли въ этомъ столѣтіи. Особенное вниманіе обращаетъ авторъ на воспитаніе парсовъ, которое понимается у нихъ совершенно въ западномъ смыслѣ и благодаря которому парсы занимаютъ исключительное положеніе въ Индіи и не только достигаютъ высшихъ должностей, какія только доступны туземцамъ въ Индіи, но даже занимаютъ мѣста въ британскомъ парламентѣ.

(Revue des deux Mondes).

«Vers le Nil français» par Ch. Castellani (*Flammarion*). (*Въ области французскаго Нила*). Прочтя эту книгу, никто не станетъ упрекать автора въ томъ, что онъ пріукрасилъ истину и изобразилъ заманчивыми красками жизнь въ тропической Африкѣ. Читатели, мечтающіе о дальныхъ странствіяхъ, и тѣ, кто проповѣдуетъ распространеніе колоній, должны почувствовать нѣкоторое разочарованіе, читая описанія автора. Въ этой области, которую описываетъ авторъ, не существуетъ пока еще ни факторій, ни торговли, ни какихъ предпріятій и даже станціи находятся въ самомъ еще первобытномъ состояніи и только по другую сторону рѣкъ Ніари, Конго или Убанги, въ «независимомъ государствѣ» замѣчается быстрый прогрессъ въ этомъ отношеніи. Природа въ высшей степени однообразна и, по словамъ автора, видъ этихъ болотъ и густыхъ зарослей производитъ угнетающее впечатлѣніе на непривычнаго человѣка. Но автора всего больше поразило то, какъ быстро у европейцевъ, поселившихся въ этой пустынной и нездоровой мѣстности, развиваются низшіе инстинкты и исчезаютъ всѣ благородные порывы души, уступая мѣсто проявленіямъ грубой животной природы человѣка.

(Journal des Débats).

«La Liberté et la Conservation de l'energie» par Marius Couilhac, docteur ès lettres, par v. Lecoffre. (*Свобода и сохраненіе энергіи*). Авторъ разсматриваетъ въ своей книгѣ различныя философскія теоріи и изслѣдуетъ связь, существующую между вещественнымъ міромъ и мыслью, управляющею движеніемъ. Не только мысль управляетъ движеніемъ, говоритъ авторъ, но она является единственнымъ источникомъ движенія, причиною, его производящею и дающее ему направленіе.

(Journal des Débats).

«Studies of a biographer» by Lesbé Stephen. In two vols. (*Duckworth and C°*). (*Очерки одного біографа*). Въ обѣихъ книгахъ заключаются четырнадцать очерковъ, посвященныхъ различнымъ, болѣе или менѣе выдающимся дѣятелямъ англійскаго журнализма и біографіи нѣкоторыхъ писателей, имена которыхъ почти уже позабыты теперь, но которые въ свое время занимали болѣе или менѣе значительное мѣсто въ англійскомъ литературномъ мірѣ и сыграли свою роль въ исторіи англійской печати. Очень интересныя главы посвящаются автогомъ «эволюціи издателей» въ Англіи. Эту эволюцію авторъ считаетъ одною изъ любопытнѣйшихъ сторонъ исторіи англійской журналистики. Между прочимъ, авторъ доказываетъ, что «издатель», въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ понимается теперь, составляетъ продуктъ новѣйшаго времени и не дальше, какъ сто лѣтъ тому назадъ издатели, въ современномъ смыслѣ этого слова, не существовали совсѣмъ.

(Literary World).

«A Woman's Work for Women» by Edwin A. Prott. (*George Newness*). (*Работа женщины для женщинъ*). Скромная маленькая книга, заключающая въ себѣ чрезвычайно много интересныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній, относящихся къ исторіи женскаго движе-

нія въ Англіи. Авторъ главнымъ образомъ описываетъ жизнь и дѣятельность миссъ Луизы Гюббаръ и исторію развитія, и происхожденіе національнаго союза работницъ, возникновеніе клуба служащихъ интеллигентныхъ женщинъ и разныхъ другихъ учрежденій и ассоціацій подобнаго же рода. (Literary World).

«Cretan Sketches» by R. A. Bickford Smith. London (Bentelley Son). (Критскіе очерки). Событія послѣднихъ лѣтъ, возстаніе на Критѣ и вызванныя имъ осложненія въ европейской политикѣ, усилили интересъ европейской читающей публики къ этому острову и его населенію. Авторъ находился на Критѣ во время послѣдняго возстанія и въ своихъ очеркахъ описываетъ то, что происходило въ это время на островѣ. Жизнь и характеръ населенія различныхъ мѣстностей Крита обрисованы авторомъ очень живо въ его очеркахъ, написанныхъ очень увлекательно. Для туристовъ, отправляющихся на Критъ, книга эта можетъ служить хорошимъ путеводителемъ, такъ какъ, кромѣ описаній, въ ней заключается много практическихъ свѣдѣній и приложены очень недурныя иллюстраціи. (Daily News).

«To Klondyke and back» a Lokrney Donen the Grecon from its Sourse to its Month. By I. H. E. Seeretan; New-York. (Въ Клондайкъ и обратно). Авторъ этой книги описываетъ путешествіе въ «страну золота» и жизнь въ Клондайкѣ среди всевозможныхъ лишеній и опасностей. Книга написана чрезвычайно живо и увлекательно. (Literary World).

«Five years in Siam» by Warington Smith (Murray). (Пять лѣтъ въ Сіамѣ). Описаніе это представляетъ очень цѣнный вкладъ въ библіотеку путешествій и заключаетъ въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній о Сіамѣ и его населеніи. (Daily News).

«Origine et Progrès de l'éducation en Amérique» Tome 1-es: Les Stats primitifs. Etude historique et critique par Charles Barneaud. (Происхожденіе и прогрессъ воспитанія въ Америкѣ). Въ своемъ интересномъ трудѣ, разсматривающемъ исторію развитія школьной жизни въ Америкѣ, авторъ изучаетъ эволюцію американской школы подъ вліяніемъ политическихъ и соціальныхъ условій и ихъ взаимодѣйствія. Въ книгѣ заключается чрезвычайно много цѣнныхъ свѣдѣній, касающихся американской воспитательной системы. (Journal des Débats).

«L'action Sociale par l'initiative privée» (avec des documents pour servir à l'organisation d'instiiutions populaires et des plans d'habitations ouvrières) par Eugène Rostand (Gaillaumin). (Частная иниціатива въ соціальной работѣ). Книга эта можетъ служить руководствомъ въ дѣлѣ организаціи различныхъ учрежденій, направленныхъ къ улучшенію экономическаго положенія бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Къ книгѣ приложены описанія и отчеты о дѣятельности различныхъ народныхъ учрежденій и планы жилищъ для рабочихъ. Авторъ восхваляетъ частную иниціативу и приводитъ примѣры тѣхъ результатовъ, которые были достигнуты ею въ различныхъ странахъ. (Journal des Débats).

«Autour du monde millionaire américain» par F. E. Sohannet. (Въ мірѣ американскихъ милліонеровъ). Чрезвычайно интересно и живо написанная монографія американскаго капитализма. Въ Америкѣ, какъ извѣстно, необыкновенно быстро возникаютъ колоссальныя богатства и также быстро они могутъ исчезнуть; сегодняшній милліонеръ завтра становится нищимъ. Авторъ этой книги, описывая американскихъ богачей не столько интересуется личностями американскихъ милліонеровъ, сколько чертами національнаго американскаго характера, выступающими на первый планъ въ исторіи всѣхъ колоссальныхъ состояній. Авторъ очень увлекательно описываетъ необыкновенно быстрый ростъ американской промышленности, дѣятельность и смѣлость американцевъ, не останавливающихся передъ выполненіемъ самыхъ грандіозныхъ плановъ и не колеблясь ставящихъ на карту колоссальныя богатства и даже свою жизнь ради выполненія этихъ плановъ. Книга читается съ большимъ интересомъ, такъ какъ въ ней отражается американская жизнь со всѣми ея особенностями и стремленіями и характеръ американскаго народа. (Revue de Paris).

«Three years sovage- Africa» by Lione Dècle. London (Methuen). (Три года въ дикой Африкѣ). Авторъ описываетъ свое пребываніе въ той части Африки, которая распространяется отъ Капской земли до экватора. Во время своихъ трехлѣтнихъ странствованій по этой области авторъ имѣлъ случай подробно изучить ее и описанія его чрезвычайно интересны и цѣнны въ научномъ отношеніи. Къ книгѣ приложено нѣсколько картъ и хорошихъ иллюстрацій. (The Geographical Journal).

«Europe in the Nineteenth Century» by prof. H. P. Judsou of the University of Chicago. Profusely illustrated. (Европа въ XIX вѣкѣ). Эта книга даетъ графическое изображеніе имѣющихся на лицо условій европейской цивилизаціи и описываетъ три главныхъ переворота, которые совершенно измѣнили видъ европейскаго континента и утвердили на немъ господство военнаго деспотизма. Далѣе въ ней разсматривается современное положеніе восточной Европы и маленькихъ государствъ, а также обсуждаются важнѣйшіе вопросы дня въ связи съ будущимъ человѣческой расы. Книга эта включена въ списокъ сочиненій, рекомендуемыхъ союзомъ домашняго чтенія въ Чаутаквѣ на 1898—1899 г. (University Extension Journal).

«Genesis of the social Conscience» by prof. H. S. Nasch. New-York. (Macmillan Company). (Генезисъ соціальнаго сознанія). Интересное изслѣдованіе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ человѣческой общественной жизни, относящееся къ области философіи исторіи. Авторъ этого изслѣдованія стоитъ какъ разъ на границѣ между теологіей и соціологіей, но не склоняется ни въ ту, ни въ другую сторону. Онъ вѣритъ въ единство исторіи и въ дѣйствительное существованіе эволюціи, но разсматриваетъ соціальный вопросъ, какъ нѣчто большее, нежели временное вмѣшательство нѣкоторыхъ экономическихъ факторовъ въ распредѣленіе богатствъ, характеризующее періодъ быстраго роста промышленности. Онъ полагаетъ, что корни соціальнаго вопроса, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется намъ теперь, гнѣздятся глубоко въ исторіи и вопросъ этотъ является лишь выраженіемъ остраго періода, наступившаго въ процессѣ развитія мірового идеала индивидуальности и личности. (The Citizen).

«American Ideals and other Essays, Social and Political» by Theodore Roosevelt. New-York (Putnam's Sons). (Американскіе идеалы; политическіе и соціальные очерки). Авторъ подробно изслѣдуетъ политическую жизнь въ Америкѣ и разсматриваетъ ее съ точки зрѣнія международныхъ принциповъ и доктрины Монроё. Самыя интересныя главы книги—тѣ, въ которыхъ авторъ описываетъ политическую и соціальную жизнь Нью-Іорка и обрисовываетъ американскіе гражданскіе идеалы. Книга знакомитъ читателей съ современными соціальными и политическими воззрѣніями и прекрасно выдѣляетъ какъ свѣтлыя, такъ и темныя стороны американской политической жизни. (The Citizen).

«Reading Courses in American Literature» by prof. F. L. Pattee. New-York (Burdett and C°). (Руководство къ изученію американской литературы). Авторъ поставилъ себѣ цѣлью дать очеркъ лучшей литературы Соединенныхъ Штатовъ, чтобы тѣ, кто интересуется ею, могли быстрѣе и лучше оріентироваться въ ней. Онъ раздѣляетъ исторію литературы Соединенныхъ Штатовъ на пять періодовъ: колоніальный, революціонный, первый созидательный, второй созидательный и современный, и разбираетъ всѣ выдающіяся литературныя произведенія характеризующія эти періоды. Къ книгѣ приложенъ подробный списокъ лучшихъ произведеній американской литературы. (The Citizen).

Издательница А. Давыдова. **Редакторъ Викторъ Острогорскій.**

Янсонъ въ деревнѣ. Салазки очень легкія на ходу, отличныя.

Она пошла впередъ, таща за собою санки. Онъ послѣдовалъ за нею, засунувъ руки въ глубокіе карманы своей теплой шубы. Но вдругъ она остановилась.

— Нѣтъ, это слишкомъ уродливо!— вскричала она, смѣясь.—Подумать, что я тащу эти санки, когда мужчина идетъ себѣ позади и грѣетъ руки!.. Пожалуйста!

Она кинула ему веревку отъ салазокъ и гордо пошла дальше. Эта выходка дѣвочки озадачила и сконфузила его. Ему и въ голову не приходило, что слѣдовало относиться къ ней, какъ кавалеру къ дамѣ. Но въ концѣ концовъ въ этомъ не было ничего обиднаго, наоборотъ! И ея неожиданная претензія была вдобавокъ забавна!.. Онъ добродушно разсмѣялся и сталъ догонять «свою даму», таща санки. Такъ они направились мимо водопада къ ближайшимъ холмамъ.

День былъ ясный; морозный воздухъ прозраченъ и свѣжъ. Они остановились на вершинѣ холма, круто спускавшагося къ рѣкѣ. За рѣкою горизонтъ замыкался горнымъ кряжемъ, склоны котораго, гдѣ не было лѣса, бѣлѣли подъ снѣгомъ. Надъ горами сіяло солнце, успѣвшее совершить уже половину своего недальняго пути въ этотъ зимній день. Къ сѣверу и къ востоку чернѣли одни безконечные лѣса.

Тони обернулась и оглядывалась на долину, изъ которой они только что поднялись. Вся долина была, какъ на ладони. Въ обрывистыхъ снѣжныхъ берегахъ чернѣла незамерзшая рѣка; вдали алѣли крыши заводскихъ зданій; въ самой глубинѣ картины, точно поднимавшееся облако, бѣлѣла большая гора; за деревьями, гдѣ-то очень близко грохоталъ водопадъ.

— Здѣсь красиво!—сказала Тони.— Здѣсь и будемъ кататься.

Она поставила сани на ровномъ мѣстѣ и усѣлась на нихъ впереди.

— Вотъ такъ!—продолжала она.—Садись позади, дядя, и правь ногою. Держи меня за талію, иначе я упаду.

— Однако, здѣсь очень круто, Тони. Съ разбѣга санки могутъ укатиться въ рѣку...

Она обернулась и посмотрѣла на него съ негодованіемъ.

— Ты боишься?

— Я боюсь за тебя, Тони...

— Какія глупости! Я вѣдь всегда могу броситься съ санокъ въ снѣгъ. Какая же тутъ опасность? Вотъ только, какъ ты будешь править? Ты укутанъ въ свою шубу и не можешь свободно двигать ни руками, ни ногами. Если ты упадешь съ санокъ, ты скатишься въ самую рѣку, какъ шаръ...

Она смѣялась и точно поддразнивала его.

Рѣшительнымъ движеніемъ онъ скинулъ съ себя шубу и занялъ мѣсто на санкахъ позади Тони въ одномъ сюртукѣ. Они понеслись внизъ съ головокружительной быстротой. У него духъ захватывало. На неровныхъ мѣстахъ санки высоко подпрыгивали. Но онъ дѣйствительно боялся только за Тони и крѣпко прижималъ ее къ своей груди.

Вотъ они докатились до поворота дороги въ сторону. Онъ не съумѣлъ дать санямъ новое направленіе. Сани опрокинулись. Оба они вылетѣли далеко впередъ и очутились возлѣ дороги въ снѣгу.

Когда онъ тяжело поднялся, она уже стояла на ногахъ и громко хохотала. Ея щеки пылали; глаза искрились отъ веселья.

— Скорѣе, дядя Томъ, догони санки!— приказала она, указывая на салазки, скользившія къ обрыву вверхъ полозьями.—Ахъ какъ это весело! Надо повторить...

Онъ сбѣгалъ за санями, и они опять стали подниматься на гору. На полупути Тони безъ церемоній усѣлась на сани. Везти ее въ гору стало нелегко. Томасъ Галль весь вспотѣлъ и тяжело отдувался; много лѣтъ онъ не напрягалъ своихъ силъ такъ, какъ въ этотъ день. Но онъ стыдился выказать свое безсиліе и безропотно везъ мучительницу.

Тони одобрительно улыбнулась ему

— Ты сильнѣе, чѣмъ я думала, дядя Томъ!—сказала она.

Въ ея словахъ ему послышалось что-то слегка пренебрежительное. Это задѣло его за живое.

— Развѣ я выгляжу такимъ разслабленнымъ?—спросилъ онъ запальчиво.

— Разумѣется!—подтвердила она.— Вѣроятно, это отъ того, что вы столько ѣдите и всегда сидите дома.

— Кто тебѣ сказалъ, что мы сидимъ дома?

— Отецъ. Да и мама тоже говорила... Ты, повидимому, былъ прежде сильнѣе и лучше...

— Вотъ какъ!

— Да, такъ выходитъ, когда о тебѣ говорятъ другіе. Впрочемъ, я сама помню, каковъ ты былъ, когда я была не больше этого—она показала рукою не выше фута отъ земли.—Ты былъ тогда точно больше и шире въ плечахъ...

Онъ нервно разсмѣялся.

— Какой вздоръ! — сказалъ онъ. — Ростъ-то во всякомъ случаѣ не измѣнился. Вѣроятно, тебѣ такъ кажется, потому что сама ты съ тѣхъ поръ сильно выросла. Въ дѣтствѣ все намъ кажется крупнѣе и значительнѣе, чѣмъ потомъ...

— Можетъ быть! — согласилась она задумчиво.—Но почему же въ такомъ случаѣ отецъ мнѣ кажется такимъ же, какимъ припоминается въ моемъ дѣтствѣ, да и многіе другіе?...

Томасъ Галль промолчалъ. Онъ былъ радъ, что они тѣмъ временемъ успѣли взобраться на вершину холма и поспѣшилъ приготовить салазки для новаго спуска. Черезъ минуту они опять неслись съ горы.

На возвратномъ пути домой они свернули въ сторону и остановились надъ обрывомъ у водопада. Тамъ они долго смотрѣли, какъ вода съ грохотомъ падала съ отвѣсныхъ скалъ и казалась совершенно бѣлою отъ сбивавшейся въ ней пѣны. Немного ниже вода опять была прозрачна и неслась далѣе стремительнымъ потокомъ, который бурлилъ и кипѣлъ у береговъ и вокругъ утесовъ. На юго-западѣ солнце садилось мѣднокрасное, точно луна въ туманный лѣтній вечеръ, не въ силахъ уже ни грѣть, ни свѣтить. Лишь склоны горъ были еще хорошо освѣщены послѣдними розоватыми лучами заходившаго солнца.

Тони оперлась на перила и жадно смотрѣла внизъ въ клокотавшія пучины. Ея глаза были расширены; она все ниже и ниже склонялась черезъ перила. Томасу показалось, что бездна ее точно притягиваетъ къ себѣ, и онъ обхватилъ ее рукой, чтобы удержать. Она обернулась къ нему.

— Скажи, дядя Томъ, ты боишься смерти?—спросила она.

— Смерти?—повторилъ онъ въ недоумѣніи.—Ну это зависитъ отъ того, какъ себѣ представить. Гдѣ и когда мнѣ надо помирать?

— Здѣсь, сейчасъ!—вскричала она.— Какъ бы это тебѣ показалось?

Она не дождалась отъ него отвѣта и снова стала смотрѣть въ бездну.

— Мнѣ представляется,—продолжала она мечтательно, какъ бы разсуждая сама съ собою,—что было бы чудно унестись въ страну смерти при помощи такой мощной силы... Въ послѣднее мгновеніе сознавать, что находишься въ объятіяхъ такой громады... отдаться: пусть несетъ, пусть убьетъ!.. У меня сердце замираетъ отъ восторга, когда думаю объ этомъ. Понимаешь ты это, дядя Томъ?

Онъ ее не слушалъ. Онъ самъ чувствовалъ, какъ какая-то таинственная сила влекла его въ пропасть, къ водѣ; но въ немъ эта сила не вызывала восторженнаго настроенія, какъ въ Тони. Наоборотъ, ему становилось не по себѣ. А тутъ ему еще ясно представилось, какъ здѣсь же, только съ противоположнаго берега, скатился въ эти пучины человѣкъ, у котораго тогда уже онъ взялъ любовь его жены.

— Что съ тобой, дядя Томъ? Ты очень блѣденъ...

— Мнѣ представляется точно цѣлое видѣніе. . тамъ... въ брызгахъ надъ водопадомъ.

Она посмотрѣла на него съ любопытствомъ.

— Неужели ты можешь видѣть видѣнія, дядя Томъ?—спросила она тихо.

— Всякій, у кого слабые нервы и сильное воображеніе, можетъ это видѣть.

— Какъ жаль, что я не могу!—пожаловалась она.—Разскажи, по крайней мѣрѣ, что ты видишь, дядя Томъ?

Такъ какъ онъ не отвѣчалъ ей, она взяла изъ его рукъ веревку отъ санокъ и дернула ихъ къ себѣ. Санки раскатились, скользнули подъ перила, выр-

вались изъ ея рукъ и быстро понеслись внизъ, съ обрыва, подпрыгивая и перевертываясь на уступахъ скалъ. У послѣдняго уступа санки высоко взлетѣли вверхъ и упали уже прямо на ледъ возлѣ берега, но тамъ не удержались, скользнули далѣе и скрылись въ водѣ. Потомъ они снова показались въ водѣ гораздо ниже. Ихъ кружило въ водоворотахъ и они ударялись о камни, точно живое существо, пытавшееся за что-нибудь ухватиться. Еще мгновеніе, и красныя санки скрылись въ водопадѣ.

Тони съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдила за санками. Когда она подняла голову, Томасъ былъ еще блѣднѣе, чѣмъ прежде.

— Ты совсѣмъ зеленый, дядя Томъ!— вскричала она.

— Пойдемъ отсюда! — пробормоталъ онъ и, схвативъ ее за руку, отвелъ отъ обрыва.

— Ты даже дрожишь, дядя? Что съ тобою?

— Ничего, ничего... Мнѣ просто стало холодно. Пойдемъ же! Ухъ, какъ я зябну...

Онъ выпустилъ ея руку и, пощелкивая зубами, укутался въ свою шубу. Домой они пошли молча.

Томасъ Галль дрожалъ отъ того, что только что, какъ на яву, видѣлъ, какимъ образомъ погибъ егермейстеръ Хегреусъ. Еще тогда, слушая отрывистый разсказъ лѣсничаго о подробностяхъ несчастія, онъ живо представилъ себѣ все, какъ было, и сцена навсегда врѣзалась ему въ память во всѣхъ мелочахъ. Теперь, когда падали съ обрыва санки, сцена представилась ему еще живѣе. Ему казалось, что онъ видитъ егермейстера, видитъ, какъ онъ мчится на лыжахъ съ кручи, видитъ его лежащимъ на льду у воды, потомъ въ водѣ... Его охватилъ ужасъ. Конечно, все это было только отъ того, что его совѣсть была не совсѣмъ чиста. А можетъ быть, онъ болѣзненно преувеличивалъ въ себѣ впечатлѣнія, и сразу облегчилъ бы себѣ душу, если бы могъ хоть съ кѣмъ-нибудь поговорить объ этомъ. Но съ кѣмъ? Съ Гедвигой никогда бы онъ не рѣшился... Гедвига не успокоила бы его, а могла только сама заразиться его сомнѣніями, и тогда стало бы еще хуже...

Развѣ довѣриться Тони? Нѣтъ, нѣтъ... Этой шестнадцати-лѣтней дѣвушкѣ, которая такъ храбро вступаетъ въ жизнь, этому ребенку... никогда! Это искушеніе надо отбросить, какъ нѣчто позорное.

Но если она еще дитя, какимъ образомъ онъ можетъ себя чувствовать въ ея обществѣ такъ легко, такъ оживленно! Онъ попытался найти объясненіе своей дружбѣ съ Тони, и объясненія оказывались очень простыми: она была непосредственна, простодушна; въ ней не было ничего притворнаго, недосказаннаго, выисканнаго. Она часто бывала наивна, и ея разсужденія бывали иногда забавны, какъ скачущіе во всѣ стороны козлята; но во всемъ, что она говорила, были свѣжесть и безъискусственность, а главное, много прямоты. Въ общеніи съ нею было что-то оздоровляющее; ея душа дѣйствовала на него, какъ свѣжій воздухъ весеннимъ утромъ...

Развѣ не она ухитрилась встряхнуть его отъ его позорной спячки? Благодаря ей онъ уже нѣсколько окрѣпъ и началъ думать, что для него не все еще кончено. Онъ даже опять началъ мечтать о томъ, что должно быть сдѣлано для уменьшенія бѣдствій человѣчества. Иногда ему стало казаться, что въ немъ что-то поднималось, крѣпло, разгоралось, какъ въ старину. Отчего же ему было не надѣяться, что такъ пойдетъ дальше, не надѣяться когда-нибудь опять стать въ ряды бойцовъ, опять зажить полной, завидной жизнью дѣятеля? Понемногу онъ довѣрилъ Тони эти мечты и надежды.

Нечего и говорить, что въ ней онъ нашелъ восторженное сочувствіе такимъ мечтамъ. Почему-то, однако, всякій разъ, когда она начинала восторженно поддерживать его идеи, самъ онъ точно падалъ духомъ и на нѣкоторое время угасалъ. Его точно смущало, что она ему вѣрила. Она вѣдь не знала жизни, а потому не замѣчала пропасти между словами и дѣломъ! Ему становилось совѣстно...

*

*

VI.

Въ его «собственные» часы, отъ 5 до 8, когда ему предоставлялось отдыхать послѣ ванны, Тони часто проскальзывала въ его кабинетъ и садилась къ его камину, какъ привыкла дѣлать, когда родители еще были въ Бьерне. И онъ не ропталъ на это. Въ ожиданіи Тони онъ даже не надѣвалъ своего халата и не располагался дремать на диванѣ.

— Здѣсь славно! — говорила она. — Здѣсь такъ уютно, тихо, тепло! Ну, дядя Томъ, что ты придумалъ хорошенькаго сегодня?

— Ничего.

— Зато я придумала!

— Вотъ какъ?

— Да!

Она приблизилась къ огню, насколько могла, и нѣкоторое время задумчиво смотрѣла въ огонь. Потомъ она вдругъ подняла голову.

— Нѣтъ; то, что мы дѣлаемъ, нельзя назвать работой! — сказала она увѣренно. — Я по крайней мѣрѣ прямо признаюсь, что по окончаніи своей гимназіи, я ровно ничего по настоящему не сдѣлала. Да и ты, дядя Томъ! Развѣ ты работаешь?

Онъ потупился.

— Гм... Да... то-есть, въ настоящее время...

— Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось бы дѣлать что-нибудь полезное для всѣхъ! — перебила она его. — Если бы я могла только придумать что! Ручаюсь, я бы не лѣнилась! Женщинамъ такъ трудно найти что-нибудь... Но я не отчаяваюсь, я непремѣнно найду!

— Что же, теперь женщинамъ открыты уже многія поприща, — вставилъ онъ.

— Поприща? Какія это поприща! — она презрительно засмѣялась. — Сидѣть за конторками и вести книги? Или продавать въ лавкахъ! Нѣтъ, мнѣ надо такое поприще, чтобы я сама видѣла, что приношу только пользу, а не вредъ. Мнѣ хотѣлось бы бороться съ вредными людьми. Понимаешь, дядя? Я люблю это... Если бы я жила не теперь, а въ древности, я навѣрное была бы амазонкой.

— Неужели?

— Право! Но теперь надо воевать не такъ, какъ прежде. Папа часто говоритъ, что въ наше время мечи перековали въ стальныя перья и что воевать за правое дѣло лучше всего перомъ. Мнѣ очень хочется сдѣлаться писательницей.

— Что же, можетъ быть, и будешь!

— Я помогала бы моему отцу. Онъ часто говоритъ, что сильно нуждается въ помощи всѣхъ, кто только ему сочувствуетъ... Вотъ, напримѣръ, въ наступающемъ году будутъ выборы. Ты вѣдь знаешь? Отъ этихъ выборовъ все зависитъ для сторонниковъ моего отца. Какъ же тутъ не помочь! Кстати, неужели, дядя Томъ, ты къ тому времени останешься здѣсь?.. не пріѣдешь насъ поддержать? На твоемъ мѣстѣ я бы поѣхала!

— Ты бы поѣхала? Гм... А чѣмъ я могъ бы тамъ поддержать твоего отца?

— Мало ли чѣмъ! Ты писалъ бы въ его газетѣ, ты говорилъ бы на сходкахъ... однимъ словомъ, какъ всѣ! Ахъ, если бы я на это годилась! Но я женщина, да и взрослой меня еще не всякій признаетъ—на что я гожусь?

Онъ всталъ, засмѣялся и, пройдясь раза два по комнатѣ, остановился возлѣ нея.

— Я тебѣ могу сказать, Тони, на что ты годишься! — сказалъ онъ ласково. — Черезъ нѣсколько лѣтъ появится передъ тобою какой-нибудь красивый парень съ бѣлокурыми усами. Онъ взглянетъ на тебя многозначительнымъ взоромъ и у тебя сердце замретъ, совсѣмъ какъ было тамъ, надъ водопадомъ, когда ты наклонялась черезъ перила и смотрѣла въ пучины. Тебѣ придетъ въ голову, что было бы восхитительно унестись, только не въ страну смерти, а прямо къ жизни, «при помощи такой мощной силы»... Само собою разумѣется, что «мощной силой» будетъ тебѣ казаться тотъ красивый паренекъ съ бѣлокурыми усами.

— Однако, дядя Томъ! — вскричала она въ негодованіи. — Неужели ты въ самомъ дѣлѣ воображаешь, что я много думаю о красивыхъ парняхъ съ бѣлокурыми усами?

— Ну, можетъ быть, усы будутъ черные... не въ этомъ дѣло. Важнѣе всего тутъ «мощная сила».

— Ты смѣешься надо мною!—сказала она уныло и задумалась. Черезъ минуту она подняла голову и спросила:— Скажи, дядя Томъ, вѣришь ли ты въ настоящую любовь?

— Надо полагать, что вѣрю. Я вѣдь женатъ...

— Развѣ я о томъ!—произнесла она съ досадой.—Развѣ я говорю о той любви, какая бываетъ между мужемъ и женою? Напримѣръ, любовь между моими родителями... Это вѣдь все равно, что дружба. Нѣтъ, я говорю о томъ поэтическомъ чувствѣ, о которомъ читала въ книгахъ; напримѣръ, о любви Ромео и Юліи—понимаешь? Я спрашиваю, возможно ли оно?

— Разумѣется, возможно! Въ свое время твой отецъ былъ въ родѣ Ромео, а твоя мать въ родѣ Юліи. Тебя тогда съ ними не было...

— И ты былъ въ родѣ Ромео, дядя Томъ?

— Хуже всякаго Ромео! Гораздо хуже,—разсмѣялся онъ.

— Куда же все это дѣвалось?

— А почемъ ты знаешь, Тони, что этого больше нѣтъ?

— Да развѣ не видно!

— Ничего не подѣлаешь, дружокъ! Ромео и Юлія старѣютъ — понимаешь? Это вѣдь естественно...

— Кстати, сколько тебѣ лѣтъ, дядя Томъ?—спросила она.

— Болѣе чѣмъ вдвое, сравнительно съ тобою, Тони.

— Странно... Иногда я не замѣчаю этого и ты мнѣ кажешься точно ровесникомъ. Но случается, наоборотъ, что ты такой разсудительный, и ворчливый, и старый-престарый...

Она уставилась взглядомъ на огонь, потомъ вдругъ обернулась такъ быстро, что ея шелковистые волосы растрепались и блеснули при огнѣ камина, какъ сіяніе. Въ глазахъ ея было теперь что-то безпокойное.

— Объясни мнѣ, дядя, что испытываетъ человѣкъ, когда полюбитъ?—спросила она.

— Ну, это ты когда-нибудь узнаешь на опытѣ. Объяснить мудрено, Тони.

Она приняла прежнее положеніе въ креслѣ и опять уставилась на огонь. Нѣкоторое время оба молчали. Наконецъ, она проговорила совсѣмъ серьезно:

— Если бы ты не былъ женатъ, дядя Томъ, мнѣ кажется, я влюбилась бы въ тебя.

Онъ хотѣлъ разсмѣяться и не могъ. Его сердце болѣзненно сжалось, кровь ударила въ виски Черезчуръ это было неожиданно. Онъ сознавалъ, что непремѣнно надо было что-нибудь отвѣтить, притомъ что-нибудь сердечное и въ то же время шутливое... Но что было ему отвѣтить?

Къ его счастью, въ это время раздался звукъ гонго. Тони быстро поднялась: ей надо было еще переодѣться къ обѣду. Она улыбнулась ему и торопливо удалилась въ свою комнату.

Онъ еще долго сидѣлъ передъ каминомъ. Какъ эхо раздавалось еще въ его душѣ: «Если бы ты не былъ женатъ, дядя Томъ!..»

Никогда прежде онъ не думалъ о Тони съ этой точки зрѣнія. Ему какъ-то никогда не приходило прежде въ голову. что его маленькая любимица успѣетъ превратиться въ женщину прежде, чѣмъ онъ состарится и что въ ея сердцѣ найдется къ нему что-нибудь иное, чѣмъ дружба къ дядѣ Тому. Теперь его воображеніе съ жадностью ухватилось за новую приманку и мечты о томъ, какова могла быть его жизнь, если бы онъ не полюбилъ жены егермейстера, унесли далеко, далеко отъ дѣйствительности. Но въ мечтахъ его не было ничего чувственнаго; чувственной любви и мѣщанскаго счастія на его долю и такъ досталось больше, чѣмъ онъ желалъ. О Тони онъ мечталъ совсѣмъ иначе: ея любовь, какъ онъ представлялъ себѣ, молодила бы его, какъ весенній воздухъ, возвращала бы къ кипучей дѣятельности и возвышеннымъ чувствамъ молодости, увлекала бы прочь отъ всего низменнаго, себялюбиваго.

Съ этого дня онъ не разставался съ такими мечтами и въ нихъ онъ находилъ что-то живительное, несмотря на печальное сознаніе ихъ несбыточности. Онъ радовался этимъ мечтамъ, какъ самому драгоцѣнному, что было у него въ душѣ, и глубоко затаилъ свое сокровище

даже отъ Тони. И эти мечты дѣйствительно имѣли на него оздоровляющее вліяніе, потому что уносили его назадъ къ идеаламъ молодости, къ тому времени, когда онъ не былъ еще придавленъ земными благами, сыпавшимися на него, какъ изъ рога изобилія.

Ему нечего было пугаться: онъ любилъ не Тони, не эту подростающую дѣвушку, оставшуюся для него прежнимъ милымъ ребенкомъ, а свою новую мечту и то неземное существо, которое она создала. Мечтая о любви Тони, ему не могло и въ голову придти искать сближенія съ нею въ дѣйствительности, не только потому, что все нечестное было ему чуждо, но и потому, что первая попытка въ этомъ родѣ въ дребезги разбила бы его мечту.

Когда наступило время ея отъѣзда изъ Бьерне, онъ сильно опечалился. Но жаль ему было не мечты—та оставалась съ нимъ, въ тайникахъ его души, а маленькаго друга, который внесъ столько оживленія въ его унылое существованіе. Она вѣдь вернула ему какъ бы подобіе его молодости; теперь она уѣзжала, и молодость опять исчезала для него. Какое одиночество предстояло ему безъ нея! Страшно было даже думать объ этомъ.

И въ ней было что то особенное въ послѣдній вечеръ, когда она пришла посидѣть у его камина. Она была сдержанна, тиха, почти убита.

Въ каминѣ дрова плохо горѣли и въ комнатѣ было почти темно.

— Ты здѣсь, дядя Томъ?—спросила она неровнымъ голосомъ.

— Да, дитя мое, здѣсь, на диванѣ.

Она направилась къ дивану и взяла руку, которую онъ протянулъ ей навстрѣчу. Овладѣвъ его рукою, она вдругъ опустилась возлѣ дивана на коверъ, положила голову на его руку и долго оставалась неподвижна.

— Ты опять мечтаешь, дядя?—спросила она вдругъ.

— Да.

— Я хотѣла бы тоже быть въ твоихъ мечтахъ.

— Больше всего я думаю и мечтаю о тебѣ, Тони.

— Такъ разскажи же, что ты мечтаешь.

— Нѣтъ, дитя. Разсказать это трудно, труднѣе, чѣмъ словами передать мелодію.

Воцарилось опять молчаніе. Огонь въ каминѣ сталъ ярче.

— Странно!—заговорила она черезъ нѣсколько минутъ.— Вотъ я сидѣла и смотрѣла на тебя, дядя... При этомъ свѣтѣ твое лицо кажется бронзовымъ: столько силы, твердости! Если бы я встрѣтила, не зная, кто ты, такое лицо въ лѣсу, я испугалась бы...

— Неужели я такъ страшенъ?

— Не страшенъ, а... какъ это сказать? Въ тебѣ есть что-то такое особенное, точно ты созданъ для борьбы, точно ты можешь быть неумолимъ и непреклоненъ въ своей ненависти. А вмѣсто того, ты только и дѣлаешь, что наслаждаешься богатствомъ да мечтаешь, валяясь на диванѣ. На твоемъ мѣстѣ я...

— Ну? Какіе же подвиги совершила бы ты на моемъ мѣстѣ?

— Не знаю... Во всякомъ случаѣ что-нибудь я дѣлала бы! Господи!—свѣтъ такъ великъ! И не перечесть всего, чему стоило бы отдаться всей душой, посвятить всю жизнь... Не ѣдѣ же! Я бы, напримѣръ, боролась со всѣми несправедливостями, которыя встрѣчались бы мнѣ въ жизни... насколько могла бы...

— И я бы боролся съ ними, если бы имѣлъ твою вѣру въ жизнь!—возразилъ онъ.—Но въ томъ-то и бѣда, Тони, что жизнь разочаровываетъ, а безъ очарованія не оказывается ни силъ, ни охоты къ борьбѣ... Чѣмъ больше живешь, тѣмъ тверже убѣждаешься, что все на свѣтѣ относительно — ты понимаешь, что я хочу сказать этимъ словомъ?

— Конечно, понимаю!—отвѣтила она, нѣсколько оскорбленная его вопросомъ.

— Ну, ну—постой, не сердись!—продолжалъ онъ.— Когда человѣкъ молодъ и неопытенъ, онъ всегда воображаетъ, что все таково, какимъ ему представляется. Но потомъ оказывается, что если сдѣлаешь хоть шагъ въ сторону, все представляется совсѣмъ иначе. Стало быть, всякій со своего мѣста видитъ все по своему и ничего такого нѣтъ въ дѣйствительности.

Ея лобъ былъ нѣсколько сморщенъ. Ясно было, что она силилась понять его разсужденіе. Но вдругъ лобъ ея разгладился, точно она отказалась отъ непосильной работы.

— Тутъ что-то не такъ, — сказала она, — но въ чемъ дѣло, я, конечно, никогда не пойму. Знаю только, что когда ты говорилъ это, ты выглядѣлъ настоящимъ старикомъ. Нѣтъ, пожалуйста, дядя! — продолжала она, закрывая глаза рукою. — Говори о чемъ-нибудь другомъ, думай о другомъ. Не хочу я въ послѣдній вечеръ видѣть въ твоемъ лицѣ это брюзгливое, старческое выраженіе. Ну вотъ, теперь уже лучше! Вотъ, ты улыбнулся и опять помолодѣлъ!—Скажи-ка теперь, дядя, очень ты будешь скучать по мнѣ, когда я уѣду.

— Ужасно буду скучать! — сказалъ онъ горячо и хотѣлъ что-то прибавить, но вдругъ замѣтилъ въ ея взглядѣ точно любопытство, и остановился.

Она встала.

— Это выраженіе я хочу запомнить. Надо получше разглядѣть твое лицо,— проговорила она и направилась къ регулятору у дверей.

Послышалось щелканье передвинутой задвижки регулятора, и сразу полился сильный голубоватый свѣтъ изъ всѣхъ трехъ лампочекъ люстры.

— Ахъ, что я сдѣлала! — жалобно вскричала она.—Куда дѣвалось прекрасное выраженіе твоего лица, дядя Томъ? Ты точно попробовалъ чего-то кислаго...

Дѣйствительно, онъ щурился и морщился ослѣпленный неожиданнымъ свѣтомъ.

— Однако, и ты сморщилась!—смѣясь, замѣтилъ онъ, очень довольный тѣмъ, что разговоръ принялъ менѣе чувствительное направленіе. Ему хотѣлось не думать объ ея отъѣздѣ: вѣдь это было только завтра. Отчего не провести послѣдній вечеръ беззаботно?

Но она была иного мнѣнія и тихо направилась къ дверямъ.

— Ты уходишь?—удивился онъ, замѣтивъ ея движеніе.

— Да, здѣсь стало слишкомъ свѣтло и неуютно.

— Постой, Тони!—сказалъ онъ, приподнимаясь на диванѣ. — Сначала будь умницей: подойди къ своему дядѣ, какъ слѣдуетъ, и поблагодари за пріятные часы, которые провела здѣсь, въ его комнатѣ.

Она повиновалась, какъ дитя, подошла къ нему и проговорила, какъ заученный урокъ:

— Благодарю, дядя, за пріятные часы, которые я провела здѣсь, въ твоей комнатѣ...

Она даже начала реверансъ, желая довести шутку до конца. Но лицо ея было безжизненно, а на опущенныхъ рѣсницахъ, при яромъ свѣтѣ люстры, сверкали двѣ росинки. И вдругъ, не докончивъ поклона, она отвернулась и бѣгомъ выбѣжала изъ комнаты.

VII.

На слѣдующій день Томасъ Галль провожалъ Тони до желѣзнодорожной станціи, отстоявшей отъ завода въ одной мили. Небо было затянуто тяжелыми снѣжными тучами. Рѣзкими порывами дулъ холодный вѣтеръ, сбрасывавшій съ сосенъ уцѣлѣвшія шишки и сметавшій ихъ въ ухабы дороги. Начинало уже смеркаться, когда они пріѣхали на станцію, уныло расположенную на широкой желѣзнодорожной просѣкѣ въ еловомъ лѣсу.

Поѣздъ опоздалъ и могъ прибыть не ранѣе, какъ черезъ нѣсколько часовъ. Наступало время пообѣдать, а на маленькой станціи буфета не было. Но тетя Виви, оказалось, все предусмотрѣла: въ саняхъ нашлась корзина, обильно снабженная всякими припасами и посудой: въ корзинѣ оказалась даже бутылка шампанскаго. Тони взялась накрыть столъ въ станціонной залѣ; Томасъ ей помогалъ. Не смотря на предстоявшую разлуку, оба набрались отличнаго аппетита на морозномъ воздухѣ, и обѣдъ превратился въ настоящую пирушку. Они сидѣли съ обѣихъ сторонъ станціоннаго стола и улыбались другъ другу, когда поднимали свои бокалы. Тони противъ обыкновенія выпила цѣлыхъ два бокала; ея щеки расгорѣлись, глаза сверкали.

— Ахъ какой вышелъ отличный обѣдъ! — восторгалась она.—Превесело! Благодарю тебя, дядя Томъ! Никогда мнѣ не выразить тебѣ, какъ я благодарна за твою дружбу ко мнѣ, и какъ мнѣ было хорошо у васъ.

Но вотъ она выглянула черезъ окно станціи, и тотчасъ же ея веселое настроеніе исчезло. На дворѣ было темно; непривѣтливо завывалъ вѣтеръ. Она даже вздрогнула.

— Ухъ, какъ нехорошо!—вскричала она. — Мурашки пробѣгаютъ по спинѣ, когда я подумаю, что мнѣ придется ѣхать одной. Одна въ вагонѣ, потомъ одна на той станціи, гдѣ мнѣ придется прождать до утра, чтобы пересѣсть въ стокгольмскій поѣздъ... Мнѣ страшно, дядя Томъ!

Она помолчала, потомъ прибавила тише:

— Проводи меня, дядя, до той станціи. Право, я боюсь... Если не хочешь проводить, лучше вези обратно въ Бьерне.

— Теперь и туда ѣхать ночью въ мятель непріятно! — замѣтилъ онъ. — Какая поднимается вьюга!

— Съ тобой мнѣ не страшно! А на поѣздѣ, одной... Что, если насъ замететъ снѣгомъ, и мы пробудемъ нѣсколько дней въ пути?.. Неужели тебѣ не жаль меня, не жаль бросить меня на произволъ судьбы?

Она смотрѣла на него съ мольбою; въ ея взглядѣ былъ страхъ. Онъ почувствовалъ, что въ самомъ дѣлѣ нельзя ее такъ оставить; его пылкая фантазія уже рисовала ему всевозможныя бѣды и опасности, которымъ могла подвергнуться Тони въ одиночествѣ. Представить себѣ только этого ребенка на пересадочной станціи. Вѣдь не можетъ же она ночевать тамъ на стульяхъ! Она принуждена будетъ брести въ городъ одна, ночью, на поиски гостинницы и ночлега... Нѣтъ, это не годится?

Онъ вынулъ часы. Черезъ полчаса поѣздъ будетъ здѣсь.. «Запозданіе по причинѣ заносовъ», сказали ему .. Стало быть, и впереди поѣздъ дѣйствительно можетъ засѣсть въ снѣгу. Нѣтъ, нѣтъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ отпустить ее одну!

— Видно, мнѣ и впрямь придется проводить тебя!—сказалъ онъ.

Она вскочила и вся просіяла отъ радости. Въ порывѣ благодарности она бросилась къ нему и крѣпко его поцѣловала.

— Спасибо, спасибо, дядя! — благодарила она его. — Что же ты меня не поцѣлуешь? Ты нынче никогда меня не цѣлуешь! Это все оттого, что я большая... Право, было лучше, когда мнѣ было всего десять лѣтъ—помнишь?—тамъ, въ шкерахъ? Тогда ты былъ ласковѣе ко мнѣ. Не даромъ я хотѣла умереть за тебя, такъ я тебя любила!

Онъ тихонько освободился изъ ея объятій и усадилъ ее на кресло. Онъ сдѣлалъ это подъ предлогомъ, что долженъ написать нѣсколько словъ Гедвигѣ, но въ сущности ему было не по себѣ.

Когда записка была готова, онъ позвалъ кучера.

— Вотъ, Янсонъ, — сказалъ онъ.— Тебѣ придется ѣхать домой одному. Я поѣду проводить барышню.

Онъ пріостановился и пытливо посмотрѣлъ на стараго слугу. Но въ лицѣ того онъ не прочелъ ни малѣйшаго изумленія, и это его успокоило.

— Это письмо,—продолжалъ онъ,— ты передай барынѣ. А завтра около полудня пріѣзжай сюда за мною.

— Будетъ исполнено, баринъ!

Черезъ минуту послышались подъ окнами станціи бубенцы. Янсонъ уѣхалъ.

Томасъ Галль сдѣлался нервенъ: теперь, когда принято было безповоротное рѣшеніе, его охватывали сомнѣнія... Онъ началъ безпокойно прохаживаться взадъ и впередъ по залѣ.

Тони подошла къ нему, просунула руку подъ его руку и пошла рядомъ.

— У тебя опять кислый видъ, дядя Томъ! — сказала она. — Ты, вѣроятно, раскаяваешься, что согласился проводить меня?

— Нѣтъ, нѣтъ, дружокъ. Ни въ чемъ я не раскаяваюсь!—возразилъ онъ. Но она по голосу слышала, что онъ былъ не въ духѣ.

Онъ размышлялъ о томъ, что его неожиданное путешествіе врядъ ли понравится Гедвигѣ, что оно нарушало всѣ его установившіяся привычки и что ему предстоитъ провести ночь въ неудобномъ номерѣ. Онъ разсчитывалъ провести вечеръ, какъ всегда, въ удобномъ креслѣ

у камина, и съ тихой грустью, въ которой вѣдь была своя прелесть, помечтать о Тони; вмѣсто того, его грубо влекли въ потемки, на холодъ, къ голой дѣйствительности, гдѣ не было ничего заманчиваго! До сихъ поръ общество маленькой Тони всегда бывало ему только радостью; но теперь онъ чувствовалъ противъ нея досаду, и ея вопросы раздражали его.

Конечно, все это зависѣло главнымъ образомъ лишь отъ того, что его настроеніе было испорчено предстоявшей поѣздкой! Но была и другая причина: за обѣдомъ ему показалось, что Тони кокетничала съ нимъ или, по крайней мѣрѣ, держала себя больше какъ маленькая женщина, чѣмъ какъ ребенокъ. Это оскорбляло образъ, который онъ лелѣялъ въ мечтахъ; это разрушило очарованіе, которымъ онъ такъ дорожилъ!

Пришелъ поѣздъ. Они очутились одни въ отдѣленіи вагона. Поѣздъ понесся дальше, а они молча сидѣли другъ противъ друга и говорить имъ было не о чемъ. Тони сдѣлала нѣсколько попытокъ развеселить его; но все, что она придумывала, отскакивало отъ него, не вызывая ни малѣйшаго сочувствія. Онъ дулся и не могъ даже скрывать этого. Его лицо приняло какое-то старческое выраженіе, глаза совсѣмъ потухли; складки возлѣ рта вызывали представленіе о брюзгливости и раздражительности.

Въ свою очередь, Тони начинала сердиться. Она не въ силахъ была бороться съ поднимавшимся въ ней гнѣвомъ и вдругъ сдѣлалась прежнимъ ребенкомъ.

— Фу, дядя Томъ!—вскричала она.— Фу, на что ты похожъ!

— Что такое?—спросилъ онъ нехотя и угрюмо.

Но это не отпугнуло ея.

— Ты невыносимъ!—сказала она.— Ты сдѣлался совсѣмъ противный, гадкій... Да, да — гадкій!.. Никогда въ жизни я не видѣла такого кислаго и некрасиваго старикашки, какимъ ты теперь тутъ сидишь. Если бы я могла это предвидѣть, я предпочла бы остаться одной, ѣхать какъ попало, хоть пѣшкомъ идти, даже босикомъ, среди ночи, въ мятель,— все лучше, чѣмъ ѣхать съ тобою!

Она вся раскраснѣлась, и слезы подступили ей къ глазамъ; но она была слишкомъ сердита, чтобы расплакаться, и продолжала выговаривать ему:

— Это съ твоей стороны зло! Это возмутительно! Теперь ты испортилъ мнѣ всѣ воспоминанія о Бьерне!..

Ей не удалось справиться со своими слезами, и она расплакалась.

— Ну, ну, ну... съ чего ты это?— говорилъ онъ, не зная, какъ ее утѣшить.—Ты все преувеличиваешь, Тони...

Она закрыла лицо руками и не видѣла его; но по голосу она слышала, что его настроеніе уже измѣнилось. Прежде, чѣмъ простить его, она однако поглядѣла на него сквозь пальцы. Онъ улыбался! Онъ былъ немного смущенъ, но улыбался, безусловно улыбался.

Тогда она вдругъ выпрямилась и схватила его за руку.

— Такъ ли? Со мной опять мой прежній дядя Томъ?—сказала она, уже смѣясь.—Ну, слава Богу! А то мнѣ просто хотѣлось прибить того старичонку. Я знаю, откуда онъ взялся. Это ты злишься, что здѣсь тебѣ недостаточно удобно... Такъ ты сдѣлай, чтобы казалось лучше: подбери ноги на диванъ и постарайся вообразить, что ты лежишь въ своей комнатѣ! Хорошо? Ну, еще что: отчего ты морщишься? Лампа мѣшаетъ? Такъ можно вѣдь завѣсить стекло... Вотъ такъ! Теперь хорошо!

— Да, спасибо.

Она глубоко вздохнула и, въ свою очередь легла на противоположномъ диванѣ, головой къ его ногамъ, чтобы было лучше видно его лицо. Довольно долго она поглядывала на него, подстерегая въ его лицѣ выраженіе неудовольствія или досады. Но скоро ее стало клонить ко сну, и она сама не замѣтила, какъ крѣпко уснула.

Въ свою очередь, онъ остановилъ на ней пристальный взглядъ. Только теперь, когда она уснула, онъ почувствовалъ облегченіе и окончательно успокоился. Ея фигура хорошо обрисовывалась на темной обивкѣ дивана. Ничего красиваго въ этой фигурѣ не было. Она лежала свернувшись въ мягкій клубокъ; голова ея покоилась на свернутой шубѣ;

отъ лица видны были только ея большой ротъ, носъ въ сильномъ ракурсѣ, и брови. Совсѣмъ еще неразвитая грудь тихо вздымалась и опускалась; изъ подъ платья выглядывали далеко не маленькія ноги въ мѣшковатыхъ ботинкахъ. Она спала беззаботно, очевидно, даже не подумавъ, изящна или нѣтъ она будетъ спящая на этомъ диванѣ. Но именно такой онъ ее любилъ! Теперь онъ могъ вообразить ее по прежнему маленькой дѣвочкой и мечтать о томъ, что выйдетъ изъ нея, когда ея фигура окончательно сложится, а младенчески-чистая душа останется прежняя. За полчаса передъ тѣмъ, когда она немного кокетничала съ нимъ, всѣ подобныя мечты разлетались въ прахъ...

Теперь онъ повеселѣлъ: все представлялось ему въ иномъ свѣтѣ, и онъ былъ положительно радъ, что поѣхалъ проводить ее. Если бы его не было, она, конечно, уснула бы такимъ же образомъ, и вотъ ее разбудилъ бы у станціи грубый голосъ кондуктора; она вскочила бы отуманенная сномъ, тревожно заторопилась бы, и больно-больно сжалось бы ея сердечко потомъ, на платформѣ, когда она спохватилась бы, что осталась совсѣмъ одна, среди ночи, въ чужомъ городѣ, не имѣя на кого положиться въ случаѣ какой-нибудь бѣды!..

Когда продолжительный свистъ паровоза возвѣстилъ о близости станціи, онъ началъ тихонько будить Тони. Она проснулась, но долго щурилась на свѣтъ фонаря, протирала глаза и не могла сообразить, гдѣ она. Потомъ, уже на пути къ гостинницѣ, куда ему пришлось вести ее подъ руку по скользкому тротуару, на которомъ она то и дѣло спотыкалась въ потьмахъ, она сообразила, гдѣ она...

— Господи, какое счастіе, что ты со мною!—вскричала она, крѣпче ухватываясь за его руку и содрогаясь.—Было бы просто ужасно, если бы я пріѣхала одна!..

Онъ былъ того же мнѣнія. Въ заботливости о ней онъ теперь не зналъ границъ; онъ проводилъ ее до ея номера и пожелалъ самъ удостовѣриться, что ей постлано все чистое. Въ эту минуту онъ чувствовалъ себя только замѣстителемъ ея родителей. Разговаривая съ горничной, онъ и не обратилъ вниманія на то, что Тони по дѣтской привычкѣ сразу начала раздѣваться. Вдругъ онъ увидѣлъ ея обнаженныя плечи въ зеркалѣ.

— Покойной ночи! — пробормоталъ онъ въ смущеніи и, не оборачиваясь, направился къ дверямъ. Онъ успѣлъ только замѣтить въ зеркалѣ, что она сильно покраснѣла, покраснѣли даже шея и плечи.

На слѣдующее утро онъ провожалъ ее на поѣздъ. Онъ стоялъ на платформѣ; она уже была въ вагонѣ и ея поблѣднѣвшее лицо онъ видѣлъ въ вагонномъ окнѣ. Ея взглядъ былъ печаленъ. Когда она еще разъ опустила окно, чтобы проститься съ нимъ, ея голосъ дрожалъ.

— Неужели ты не пріѣдешь къ намъ, дядя Томъ?—спросила она жалобно.

— Непремѣнно пріѣду! — отвѣтилъ онъ рѣшительно.

— И скоро!

— Надѣюсь, скоро...

Раздался свистокъ. Она поспѣшно протянула ему руку и подставила ему лобъ для поцѣлуя. Поѣздъ тронулся.

Онъ долго еще стоялъ на платформѣ, поглядывая въ ту сторону, куда ушелъ поѣздъ. Потомъ онъ вошелъ въ станціонный залъ и началъ бродить изъ угла въ уголъ, не зная, чѣмъ наполнить часы до отхода поѣзда обратно къ Бьерне. Всюду ему казалось холодно и ему хотѣлось скорѣе попасть домой, въ свои теплыя комнаты.

Домой онъ въ свое время пріѣхалъ безъ всякихъ проволочекъ; но уютности и дома онъ уже не нашелъ. Мечты, на которыя натолкнула его Тони, разростались, крѣпли. Воображеніе отказывалось уже рисовать ему что-либо привлекательное, что не соотвѣтствовало бы представленію о Тони и ея ожиданіямъ отъ жизни.

Прошелъ мѣсяцъ съ отъѣзда Тони. Томасъ Галль все больше и больше страдалъ отъ разроставшагося разлада съ самимъ собою. Каждый день онъ припоминалъ мелочи изъ того времени, когда

у нихъ гостила Тони, и это время представлялось ему радужной полосой возврата молодости. Тогда хоть на короткое время нарушилось сѣренькое однообразіе его тепличнаго существованія, и онъ почувствовалъ, что у него есть еще кровь въ жилахъ и сердце въ груди, которое могло биться не только для себя и не для однихъ наслажденій. Тогда онъ опять позналъ радости и нашелъ многое изъ всего, что растерялъ въ жизни. Тогда онъ радостно встрѣчалъ каждый новый день и съ изумленіемъ прислушивался къ совершавшемуся въ его душѣ обновленію. Увы, теперь все пошло вспять!..

Какъ бѣдна теперешняя его жизнь! Дѣйствительная нищета, дѣйствительныя лишенія его молодости были величайшимъ счастіемъ въ сравненіи съ теперешнею бѣдностью. Теперь онъ былъ бѣднѣе всякаго нищаго, потому что у него не оставалось даже ясныхъ желаній и опредѣленныхъ надеждъ. Существуетъ ли большее несчастіе, чѣмъ пресыщеніе всѣмъ, что есть, при ясномъ сознаніи, что для иного не осталось ни силъ, ни возможности!

Когда-то онъ такъ много говорилъ объ ужасахъ голода... Но вѣдь голодъ счастіе въ сравненіи съ пресыщеніемъ, голодъ даетъ душевныя силы! Говорилъ онъ прежде также о страданіяхъ притѣсненныхъ людей... Но вѣдь страданіе— это жизнь, а въ притѣсненіи человѣкъ не слабѣетъ и не тупѣетъ, а собирается съ силами, чтобы порвать свои цѣпи! Теперь онъ могъ позавидовать и голодному, и страдающему, и угнетенному! Пока остаются желанія и надежды, жизнь не безсмысленна; единственное, непоправимое несчастіе, это такое существованіе, которое высушиваетъ и тѣло, и душу, которое точно мукою изо дня въ день засыпаетъ всѣ человѣческія чувства, которое усыпляетъ мысль, подтачиваетъ мужество, отнимаетъ силы, коверкаетъ природу и отъ котораго нельзя уйти безъ предательства. Такое существованіе приводитъ къ тоскѣ по голоду и несчастіямъ.

Томасъ Галль съ ужасомъ сознавалъ, что оживившіяся было въ немъ жизненныя силы исчезали теперь быстрѣе прежняго. Будущее рисовалось ему въ такихъ непривлекательныхъ чертахъ, что по временамъ ему являлась охота покончить со всѣмъ разомъ и въ дребезги разбить это будущее. Потомъ онъ спрашивалъ себя, неужели не могло найтись иного средства избѣгнуть нравственной смерти? Если могло, то надо было найти это средство сейчасъ, сію минуту... Въ слѣдующее мгновеніе оно могло явиться уже слишкомъ поздно, это онъ чувствовалъ по тревожной тоскѣ, которая терзала его. Вѣдь онъ утратилъ послѣднее: онъ уже не могъ даже мечтать; онъ дошелъ до того, что могъ представлять себѣ лучшіе дни не иначе, какъ среди несчастій, но на этомъ онъ всякій разъ останавливался. Его придавливала леденящая мысль, что онъ не можетъ получить даже этого безъ страданій женщины, которая провинилась передъ нимъ только тѣмъ, что любила его, которой самъ онъ не разлюбилъ, хотя ненавидѣлъ ея ласки и иго ея чрезмѣрной любви.

Раздумывая объ этомъ, онъ становился просто боленъ. Его нервы были до послѣдней степени перетянуты. Онъ почти не спалъ. Нѣжныя попеченія о немъ жены мучили его; ея ласки поднимали въ немъ озлобленіе. Всякое ласковое слово въ ея устахъ звучало для него, какъ звонъ кандаловъ, въ которыя онъ былъ закованъ. Онъ сдѣлался раздражителенъ и, хотя сдерживался изо всѣхъ силъ, въ обращеніи съ женою часто сталъ неласковъ. Она переносила его вспышки съ трогательнымъ терпѣніемъ. Но это вѣдь было только новымъ доказательствомъ ея безграничной любви къ нему, а ея любовь и была для него кандалами... Онъ только хуже злился и тутъ же къ его мученію прибавлялось угрызеніе совѣсти, которое жгло его, какъ раскаленное желѣзо. Дошло до того, что онъ не могъ спокойно видѣть ее. Все чаще и чаще онъ сталъ запираться въ своемъ кабинетѣ, но уже не для мечтаній, а для горькихъ размышленій о томъ, насколько онъ былъ бы счастливѣе, если бы остался въ жизни одинъ.

Олицетвореніемъ всего, что стало для него недоступнымъ, всего, что онъ утратилъ и о чемъ вспоминалъ съ тоской,

осталась Тони. Думая о ней, онъ думалъ о способности къ труду, объ увлеченіяхъ, о свободѣ, о борьбѣ, о бѣдности; все это было жизнь. Тони стала для него какимъ-то мистическимъ символомъ всего, что было хорошаго и заманчиваго, и потому она сдѣлалась его кумиромъ.

Онъ никогда не обдумывалъ, какъ бы поступилъ, если бы случайно освободился. Во всякомъ случаѣ, онъ не думалъ о бракѣ съ Тони, хотя бы бракъ сдѣлался возможнымъ. Такая мысль была ему антипатична. Слишкомъ глубоко было его отвращеніе къ испытанному уже семейному счастію и слишкомъ высоко онъ ставилъ свой кумиръ, чтобы грязнить его любовными помыслами. Теперь онъ охотнѣе всего размышлялъ о чисто духовномъ единеніи людей и всѣ несчастія человѣчества сваливалъ на страстныя чувства, главнымъ образомъ, эротическія...

VIII.

Прошло Рождество; былъ уже канунъ Новаго года, но праздники не принесли Томасу Галлю умиротворенія духа. Наоборотъ, теперь на него находили точно порывы безумія. Такъ, ему почему-то казалось невыносимымъ начать новый годъ, не заручившись ни искрой надежды на что-нибудь лучшее и эта мысль начала такъ его угнетать, что ему сдѣлалось страшно. Въ силахъ ли онъ будетъ пережить эту полночь? Что, если онъ въ послѣднюю минуту размозжитъ себѣ голову, только чтобы не услышать боя часовъ, который возвѣститъ о началѣ новаго года?

Но онъ сталъ думать о томъ, что Гедвига можетъ не пережить его. Это подѣйствовало на него успокоительно. Довольно у него было на совѣсти безъ того! За послѣдніе мѣсяцы Гедвига тоже настрадалась. Она не жаловалась, но таяла, какъ воскъ на огнѣ... Врачи и то настоятельно требовали, чтобы она уѣхала на югъ. Нѣтъ, нѣтъ! Какъ онъ ни опустился, но не нанесетъ же онъ такой ударъ больной женщинѣ!

Онъ серьезно взялся за свои больные нервы. Хоть на этотъ вечеръ онъ побѣдитъ себя и не только не дастъ воли своему безумію, но даже будетъ ласковъ и привѣтливъ къ Гедвигѣ! Бѣдняга, она такъ исхудала и поблѣднѣла за послѣднее время. Ему щемило сердце, когда онъ представлялъ ее себѣ здѣсь, въ своемъ кабинетѣ. Жаль было и ея, и себя!.. Подумать только, какъ безсмысленна была жизнь, если даже въ такихъ случаяхъ, когда люди любили другъ друга и были вмѣстѣ и имѣли все, что требовалось для спокойнаго существованія, счастья не оказывалось, и оба были безсильны дать другъ другу то, что каждому изъ нихъ было дороже всего!

Миролюбиво настроенный такими размышленіями, онъ поднялся въ гостиную къ женѣ. Тамъ, сидя у камина и поглядывая въ огонь, онъ продолжалъ эти размышленія, пока она играла на роялѣ. Она играла что-то печальное, и печальные звуки поддерживали его настроеніе. Онъ чувствовалъ себя раздавленнымъ долгомъ, который онъ никогда не будетъ въ состояніи ей заплатить. Онъ ни въ чемъ ее не винилъ и ему хотѣлось сказать ей, насколько онъ привязанъ къ ней, несмотря ни на что; но не находилось словъ для выраженія его чувствъ. Притомъ онъ зналъ, что дороже всего ей было бы какое-нибудь простое выраженіе его любви: нѣсколько обычныхъ словъ, самая простая ласка... Сразу бы она ожила душой и тѣломъ. Но онъ не могъ принудить себя къ такой ласкѣ; все его существо возмущалось противъ этого; онъ былъ безсиленъ противъ непобѣдимаго отвращенія, которое теперь чувствовалъ ко всякимъ ласкамъ. И онъ глубоко страдалъ, сознавая, что не можетъ ей дать даже этого, хотя бы для спасенія ея жизни...

Мелодія затихла. Послышался звукъ захлопнутой крышки рояля и зашелестѣло ея платье: она кончила играть и приближалась къ камину. Она опустилась неподалеку отъ него на кресло, но не прикоснулась къ нему и не сразу заговорила. Теперь она всегда приближалась къ нему съ этой робостью, опасаясь чѣмъ-нибудь вызвать его раздражительность. Онъ не смотрѣлъ на нее. Онъ зналъ, что, помолчавъ, она непре-

мѣнно спроситъ его о чемъ-нибудь и впередъ уже раздражался и силился успокоиться.

— О чемъ ты думаешь?—спросила она по привычкѣ. Ея голосъ былъ усталый и печальный.

— Я думалъ о своей жизни,—отвѣтилъ онъ тихо.

— Что же ты думалъ о своей жизни?

— Я видѣлъ передъ собою молодого человѣка, который мечталъ однажды выполнить очень много—въ любви, какъ и въ трудѣ, но у котораго вотъ уже начала пробиваться сѣдина и который быстро скользитъ теперь во второй половинѣ жизни книзу, не выполнивъ ничего, о чемъ бы онъ могъ сказать: это была цѣль моей жизни.

Оба довольно долго молчали.

— Когда-то ты считалъ достаточнымъ жить для любви и для счастія той, которую ты любилъ!—протянула она.

Онъ кивнулъ головой и печально усмѣхнулся.

— Да, конечно, — сказалъ онъ.— Было это однажды, было... Этими словами начинаются многія прекрасныя сказки. Но сказки сочиняются для дѣтей. Приходитъ другой возрастъ, и онѣ уже не годятся.

— Видно такъ! Мы, женщины, одарены способностью весь вѣкъ оставаться во многихъ отношеніяхъ дѣтьми...

— И весь вѣкъ играть куклами? Сначала куклами изъ дерева и воска, потомъ—изъ плоти и крови? Такъ, что ли? Мужчина, надо полагать, бываетъ созданъ, чтобы кое-что выполнить въ жизни; но для женщины онъ не что иное, какъ кукла, которая ей необходима для заполненія пустоты въ ея существованіи.

Двѣ большія слезы медленно скопились и задрожали на рѣсницахъ Гедвиги.

— Ты говоришь это съ такой горечью...

— Прости меня! Я не хотѣлъ тебя огорчить, Гедвига!

На этотъ разъ онъ оказался въ силахъ протянуть ей руку и ласково пожать ея руку.

— Да, да!—пробормотала она.—Конечно, можно пожалѣть тебя. Но надо пожалѣть и меня...

Онъ сдѣлалъ новое усиліе и поцѣловалъ ея руку.

— Развѣ я этого не сознаю! — сказалъ онъ искренно. —Но сѣтованьями тутъ ничему не поможешь. Жизнь извивается между радостями и печалями. Когда люди, какъ мы, добивались и добились величайшихъ радостей, они должны быть приготовлены къ большимъ огорченіямъ, къ которымъ жизнь ихъ неминуемо кинетъ. И все-таки, если бы пришлось пережить все съизнова, развѣ мы не повторили бы сдѣланной ошибки? Средній путь, путь крошечныхъ удовольствій и маленькихъ огорченій—бѣдныхъ и ничтожныхъ, какъ трава на проѣзжей дорогѣ,—мнѣ противенъ. Я предпочитаю крайности... Я былъ очень счастливъ и за это готовъ заплатить соотвѣтственнымъ горемъ. Было бы позорно торговаться.

Она усмѣхнулась.

— Такъ ты не забылъ тѣхъ дней, когда былъ счастливъ?—спросила она.

— Такихъ вещей не забываютъ, особенно, когда жизнь, какъ моя, пошла самымъ тихимъ ходомъ, точно съ поломанной машиной!

Онъ помолчалъ, потомъ вдругъ прибавилъ горячо:

— Помню ли я! Вѣдь я тоскую даже по страданіямъ того времени!

Теперь они были въ одинаковомъ настроеніи; оба съ напряженіемъ припоминали прошлое. Только каждый припоминалъ тѣ же обстоятельства по своему.

— Помнишь то утро, — начала Гедвига неровнымъ голосомъ, — когда ты пришелъ сказать, что уѣзжаешь?..

Онъ закивалъ головою, не отрывая взгляда отъ огня. Гедвига продолжала, откидываясь въ креслѣ:

— Никогда я не чувствовала себя такой покинутой, никогда я не была въ такомъ безъисходномъ горѣ, какъ тогда! Къ тому же еще, день былъ такой сѣрый, ненастный... Помню, какъ вѣтеръ завывалъ... такъ сильно, что казалось, вотъ-вотъ онъ ворвется въ комнаты... Передъ самымъ окномъ вѣтромъ сломило верхушку ели. Эта верхушка повисла и, глядя на сломанное дерево, я представляла себѣ, что это символъ моей

сломленной жизни. Что мнѣ оставалось? Постепенно увядать, какъ это дерево! Мнѣ стало такъ тяжело, что я не могла устоять на ногахъ и бросилась на кушетку...

— Да, помню! Я увидѣлъ тебя тамъ, когда вернулся.

— Припоминаю все, что тогда я продумала! — продолжала она мечтательно.—Стало быть, ничего въ дѣйствительности не было изъ всего, что я вообразила!—проносилось въ моей головѣ.—Изъ прихоти онъ однажды прижалъ меня къ своей груди, и никакого чувства тутъ не было! Вѣдь онъ уѣзжаетъ!— Господи, какъ я была несчастна! Я не могла даже плакать и только вся извивалась отъ душевной боли! Я вѣдь была такъ ужасно одинока; для чего было жить? Помню, какъ сердце билось, точно въ лихорадкѣ, и голова пылала... Я обхватила рукой мраморную тумбу и приложила къ ней голову: такъ славно холодилъ камень...

— Я и теперь точно вижу тебя тогда, на кушеткѣ! — подхватилъ онъ. — Ты была точно кающаяся Магдалина. Твои волосы распустились; твое платье смялось и мягко облегало тебя неправильными складками. Дѣйствительно, въ тебѣ было что-то сломленное... и точно бѣдное... Оттого то я тогда вдругъ повѣрилъ твоей любви. И вдругъ всѣ сомнѣнія покинули меня... я бросился къ тебѣ...

Онъ проговорилъ это, полузакрывъ глаза, но послѣ послѣднихъ словъ открылъ глаза и окинулъ жену горячимъ взглядомъ.

— А когда я увидѣла твое лицо надъ собою, какъ я испугалась... Мнѣ хотѣлось провалиться сквозь землю отъ стыда!.. Но радость все покрыла, все унесла...

Онъ улыбался. Въ немъ не оставалось и тѣни того, что мучило его за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. Его голосъ окрѣпъ и оживился, когда онъ проговорилъ, какъ бы продолжая ея слова:

— Ты откинула прядь волосъ съ лица и посмотрѣла на меня... О, какъ ты была хороша! Ты была блѣдна, и страданье наложило легкія тѣни вокругъ твоихъ глазъ. Зато какъ прекрасны и велики были эти глаза! Сколько души было въ твоемъ взглядѣ! Я смотрѣлъ въ твои глаза и мнѣ казалось, что я смотрю въ огромную глубь, гдѣ на самомъ днѣ была цѣлая жизнь. Мнѣ казалось, что я понималъ тогда всѣ твои мысли и чувства... не только понималъ, но видѣлъ все это въ глубинѣ твоего взгляда... О, чего не видишь въ глазахъ возлюбленной, когда глаза прекрасны, а самъ еще молодъ и влюбленъ!

Она не слышала его словъ. Она жила въ грезахъ прошлаго. Тихо прошептала она, точно говоря во снѣ:

— Я почувствовала твою руку, которой ты обнялъ меня... Потомъ ты былъ на колѣняхъ передо мною. Сколько мужественной силы было во всей твоей фигурѣ. Твои глаза такъ и горѣли. Ты былъ хорошъ, Томъ!

— Да, я былъ тогда у цѣли своихъ желаній, я былъ такъ счастливъ...

Его голосъ былъ такъ мягокъ, что она увлеклась и сдѣлала величайшую ошибку. Она вдругъ вообразила, что въ немъ можетъ еще возродиться прежнее могучее чувство во всей силѣ. Ей представилось, что это чудо уже совершилось. И вдругъ она заглянула ему въ лицо, потомъ опустилась возлѣ него на колѣни и съ мольбою протянула къ нему руки.

— Томъ!

Она позвала его тихо, страстно, точно будила его. Но въ его сердцѣ не нашлось отклика ея призыву. Наоборотъ, она сразу вернула его къ дѣйствительности и ко всему, что отравляло ихъ жизнь.

Въ его лицѣ появилось выраженіе тревоги. Во взглядѣ, которымъ онъ окинулъ ее, былъ испугъ. Онъ только-что забылся въ воспоминаніяхъ о прошломъ; а вотъ дѣйствительность вставала передъ нимъ и снова просила у него того, чего у него не было и растравляла его раны и опять начинались угрызенія совѣсти. Ему нечего было дать, и это злило его.

— Да, да,—произнесъ онъ, какъ бы уклоняясь отъ чего-то.—Такія минуты не переживаются во второй разъ...

Она встала смущенная, глубоко расхоложенная. Это было унизительно! И горечь, а не любовь послышалась въ голосѣ, которымъ она кинула ему слова:

— Да, противоположность настоящаго прошлому рѣзка!

Онъ сдвинулъ брови. Ей не слѣдовало такъ неосторожно касаться въ немъ наболѣвшаго мѣста. Не на другихъ, а на нее онъ расточилъ все, чего въ немъ теперь недоставало! И онъ сдѣлался безжалостенъ.

— Ты права,—сказалъ онъ, — контрастъ великъ! Тогда я любилъ тебя, но не былъ обязанъ любить тебя. Тогда мое чувство было свободно. Теперь я твой мужъ и въ мои обязанности входитъ ежедневно проявлять тебѣ чувство любви...

— Помнится, когда-то такія проявленія любви, которыми ты теперь гнушаешься, были для тебя величайшимъ счастіемъ.

Онъ кивнулъ головой въ знакъ согласія и прошепталъ:

— Это было самое счастливое время въ моей жизни.

— Почему?

— Потому что тогда ты еще не была моею и то, о чемъ ты говоришь, имѣло для меня всю прелесть, всю чистоту недостигнутой мечты.

Гедвига пожала плечами.

— Такихъ утонченностей я не понимаю,—проговорила она небрежно.— Это слишкомъ мудрено для меня.

— Охотно вѣрю...

Онъ проговорилъ это съ усмѣшкой, въ которой было больше сожалѣнія, чѣмъ ироніи. Помолчавъ, онъ прибавилъ спокойнѣе:

— Вначалѣ, когда еще не миновало опьяненіе, брачная жизнь не разочаровываетъ. Тогда она похожа на сновидѣніе... Но отъ сновидѣній раньше или позже приходится пробудиться.

— Приходится пробудиться... да!— согласилась она тихо.

— Неминуемо! И тогда приходится согласиться, что сновидѣніе было прекрасно, но въ жизни составило не болѣе, какъ красивый мыльный пузырь. Искренно любящимъ другъ друга людямъ никогда не слѣдовало бы вступать въ бракъ.

— Довольно странная теорія!

— Не правда ли? Если бы у меня оставались еще силы, я занялся бы разработкой этой мысли. Счастье человѣка больше всего зависитъ отъ его надеждъ и желаній. Только надежды и желанія даютъ смыслъ жизни. Когда все достигнуто и воображенію нечего уже дѣлать, любовь утрачиваетъ всю свою духовную сторону. Конечно, нѣкоторое время можно еще жить ожиданіемъ ея возрожденія и матеріальною дѣйствительностью. Но въ концѣ концовъ...

— Въ концѣ концовъ?..

Въ свою очередь, онъ пожалъ плечами.

— Съ годами поневолѣ утрачиваешь даже это,—сказалъ онъ.—Надо довольствоваться тогда менѣе возвышенными требованіями отъ жизни. Иному приходится волей-неволей сократить всѣ свои запросы до наименьшаго: хорошо ѣсть, имѣть кое-какія удобства, пить добрыя вина, удовлетворять потребностямъ мелкаго тщеславія... Конечно это скудно; но нельзя привередничать... Вотъ только, когда и это все достается даромъ, когда и житейскія блага даны какъ бы въ подарокъ, тогда, конечно, раскиснешь. Жизнь становится растительной! Положимъ, и такая жизнь можетъ имѣть свои хорошія стороны... гм! Я не жалуюсь!

— Это ужасно!—вскричала она содрогаясь.—Не имѣть никакихъ цѣлей въ жизни... Куда же дѣвался твой юношескій энтузіазмъ?

— И это спрашиваешь ты, Гедвига, ты, старательно убивавшая во мнѣ этотъ энтузіазмъ!—сказалъ онъ съ горечью.

— Чѣмъ же я убивала твой энтузіазмъ?

— Излишествами, жизнью для себя, любовью.

— Любовью? Развѣ ты не говорилъ когда-то, что полное развитіе жизни только въ любви? Соединеніе двухъ душъ въ стремленіи къ той же цѣли, усиленіе пламени одной души пламенемъ другой— все это твои слова, Томъ!

— Конечно, конечно. Такія слова произносятся во снѣ. Потомъ, когда пробуждаешься... Русскій великій писатель, пожалуй, правъ: вся бѣда въ томъ, что соединяются не однѣ души.

Онъ произнесъ это многозначительно и сурово. Ей его слова показались оскорбительными, а подъ его взглядомъ она

почувствовала себя еще хуже, точно онъ ударилъ ее. Она сильно покраснѣла.

— Кто возьмется рѣшить, въ чемъ тутъ бѣда,—сказала она черезъ минуту съ ледяной холодностью.—Однако, пожалуй дѣйствительно пришло время объясниться намъ откровенно. Все предпочтительнѣе неопредѣленности.

Онъ вздрогнулъ; точно холодныя струйки пробѣжали у него по спинѣ. Вотъ оно неизбѣжное—наступало! По ея голосу, звучавшему какъ натянутая сталь, и по выраженію ея лица онъ видѣлъ, что она не удовольствуется уклончивыми отвѣтами.

Она поднялась съ кресла и остановилась передъ нимъ, гордо закинувъ голову назадъ. Онъ тоже всталъ и, самъ не зная для чего, надавилъ регуляторъ электрическаго освѣщенія комнаты. Всѣ лампы вспыхнули разомъ; въ комнатѣ стало ослѣпительно свѣтло. Когда онъ обернулся, Гедвига стояла у камина въ прежнемъ положеніи, блѣдная, какъ покойница, но съ выраженіемъ непреклонной воли на лицѣ.

— Я желаю выяснить наши отношенія!—снова потребовала она.—Я хочу знать, осталось ли въ тебѣ хоть сколько-нибудь чувства ко мнѣ. Отвѣчай мнѣ, какъ честный человѣкъ.

— Я велъ себя относительно тебя такъ, что ты имѣешь поводъ сомнѣваться въ этомъ?—спросилъ онъ глухо.

— И да и нѣтъ! До настоящаго времени я не имѣла причинъ жаловаться на твое обращеніе. Ты ласково здороваешься со мною по утрамъ и цѣлуешь мнѣ руку, когда уходишь отсюда вечеромъ. Но развѣ это любовь? И развѣ въ этомъ есть какой-нибудь смыслъ, если оно не идетъ отъ души? Я хочу знать, какое значеніе придавать твоимъ любезностямъ.

— Какое значеніе?—повторилъ онъ сурово.

— Да. Теперь я хочу знать простую истину. Не въ силахъ я дольше переносить всѣ эти сомнѣнія. Если ты меня разлюбилъ... У насъ вѣдь нѣтъ дѣтей; стало быть, ничто не мѣшаетъ намъ разъѣхаться.

Она пыталась говорить спокойно, но видно было, чего это ей стоило. Чтобы не покачнуться, она держалась рукой за спинку ближайшаго стула, и ея рука съ такой силой сжимала дерево, что вся побѣлѣла, точно отмороженная. Но взглядъ ея былъ безстрашно устремленъ на мужа и требовалъ отвѣта.

Но онъ успѣлъ овладѣть собой.

— Между нами всегда останется нѣчто,—сказалъ онъ тихо, не глядя на нее.—Это нашъ долгъ, наши обязательства...

Она содрогнулась всѣмъ тѣломъ, какъ бы отъ сильнѣйшаго отвращенія.

— Долгъ? Обязательства?—вскричала она съ негодованіемъ.—Только-то?—такія условности? Данное слово не можетъ помѣшать чувству умереть!

— Остерегись, Гедвига!—остановилъ онъ ее.—Не пренебрегай долгомъ... Въ нашихъ отношеніяхъ это вѣдь путеводная нить.

Въ порывѣ великодушія онъ окончательно поборолъ въ себѣ всякое враждебное чувство и подошелъ къ ней.

— Перестань, Гедвига!—сказалъ онъ примирительно.—Ты теперь возбуждена и не обдумываешь того, что говоришь... Отложи до другого раза это объясненіе. Вспомни, что у насъ канунъ новаго года... Успокойся же!

Говоря это, онъ улыбнулся и протянулъ ей руку; но она отстранилась отъ него.

— Нѣтъ! Никогда я не успокоюсь, никогда... пока я не добьюсь правды!—вскричала она. Но въ слѣдующее же мгновеніе она сама сдѣлала движеніе впередъ, овладѣла его рукой и, пытливо заглянувъ ему въ лицо, сказала:

— Томъ! Скажи мнѣ правду!

— Ты моя жена—о чемъ ты спрашиваешь?—проговорилъ онъ беззвучно.—Какъ ты можешь сомнѣваться въ моей привязанности?

Она засмѣялась жестко, почти истерично.

— Я просила у тебя хлѣба, а ты подаешь мнѣ камень,—сказала она.—Спасибо! Спасибо за привязанность!—повторила она съ презрѣніемъ и снова засмѣялась.

— Я тебѣ отдаю все, что у меня

сильныя и охватывающія большой районъ грозы появляются обыкновенно въ моментъ слабыхъ атмосферныхъ давленій и составляютъ, въ этихъ случаяхъ, добавочныя, если такъ можно выразиться, явленія къ общему паденію давленія въ атмосферѣ.

Очень часто, за нѣсколько минутъ предъ грозою, барометръ внезапно падаетъ на нѣсколько миллиметровъ, а затѣмъ правильно поднимается, между тѣмъ какъ продолжаетъ лить дождь. Обратное явленіе замѣчается во время хорошей погоды, когда гроза еще не обнаружилась и находится въ скрытомъ состояніи. Предъ наступленіемъ сильныхъ грозъ барометръ падаетъ часто въ теченіе одного или двухъ дней, тогда какъ небо остается яснымъ, откуда нѣкоторые заключаютъ, что барометръ показываетъ какъ разъ обратное тому, что онъ долженъ показывать.

Чтобы дать болѣе наглядное представленіе о явленіяхъ предшествующихъ грозѣ, лучше всего выбрать какой нибудь день, въ который была гроза, и прослѣдить, часъ за часомъ, все, что предвѣщало ея наступленіе, что мы и намѣрены сейчасъ сдѣлать.

Всякій разъ лѣтомъ, когда солнце восходитъ при ясномъ небѣ, а барометръ падаетъ, можно уже съ нѣкоторою вѣроятностью предсказать наступленіе дурной погоды; къ 11-ти часамъ утра появляются затѣмъ перистыя облака сверкающей бѣлизны и медленно надвигаются съ юга-запада на сѣверо-востокъ. Жара достигаетъ значительной степени, почти полное отсутствіе вѣтра.

По мѣрѣ того, какъ день клонится къ вечеру, температура возвышается и съ юго-востока или съ востока начинаетъ дуть легкій вѣтерокъ, приносящій съ собою волны удушливаго воздуха. Къ этимъ предвѣстникамъ присоединяется затѣмъ появленіе перисто-кучевыхъ (cirro-cumulus) облаковъ, они медленно приближаются съ юга-запада и покрываютъ до того голубое небо маленькими облаками—явленіе столь частое и общеизвѣстное въ Европѣ: это «vellera lanae» древнихъ римлянъ, небо «mackerel» англичанъ, «Schüfchen»—нѣмцевъ, «Ciel pommelé»—французовъ.

Очень часто при такомъ состояніи погоды можно видѣть въ части неба между юго-востокомъ и юго-западомъ облако желтоватаго или сѣроватаго оттѣнка, похожее на туманъ. Это въ большинствѣ случаевъ дождевыя облака (Nimbus) и «pallio-cirrus»—носители дождя, града и молній. Затѣмъ, къ 6 часамъ барометръ продолжаетъ ускоренно падать и облака, до сихъ поръ остававшіяся какъ бы въ нерѣшительности, быстро несутся впередъ, достигаютъ солнца и покрываютъ, наконецъ, все небо. Выше этихъ дождевыхъ облаковъ можно увидѣть перистыя облака, всегда ихъ сопровождающія. Съ этого момента, когда гроза должна считаться наступившей, вдругъ, безъ всякой видимой причины, барометръ поднимается, между тѣмъ какъ вѣтеръ крѣпчаетъ, превращается въ шквалъ и начинаютъ падать первыя капли дождя. Гроза разражается тогда со всей своей силой, барометръ же продолжаетъ подниматься. Небо прояснится только очень поздно ночью, долгое время спустя послѣ поднятія барометра. Таковы предвѣстники наиболѣе типичной грозы, какую намъ приходилось много разъ наблюдать, особенно лѣтомъ 1892 и 1893 г.

Мы видимъ, что предвѣстники бурь и грозъ различаются существенно другъ отъ друга. Къ сожалѣнію, по отношенію къ обоимъ явленіямъ метеорологія не достигла еще той степени совершенства,

чтобы точно и заблаговременно предсказывать ихъ появленіе, ихъ интенсивность и ихъ продолжительность.

Въ теченіе лѣта 1893 года во Франціи приходилось часто наблюдать грозы. Гроза 4 іюня, хотя и не сопровождавшаяся обильнымъ дождемъ, была особенно любопытна, во-первыхъ крайне внезапными колебаніями барометра; во-вторыхъ, полнотою предвѣщавшихъ ее явленій.

За исключеніемъ вѣтра, который могъ бы варіировать съ бо̀льшею правильностью, всѣ другіе вѣстники грозы слѣдовали въ самомъ строгомъ порядкѣ. Паденіе барометра, въ началѣ медленное и правильное, стало идти затѣмъ быстрѣе и скачка̀ми. Небо медленно заволакивалось, въ строгой послѣдовательности шла смѣна всѣхъ тѣхъ облаковъ, которыя сопровождаютъ грозы, начиная съ перистыхъ и кончая palliocumulus.

Въ теченіе послѣднихъ годовъ наши страны были опустошаемы грозами неслыханной силы. Несмотря на то, что прошло уже шесть лѣтъ со времени грозы 18 августа 1890 года, жители города Дрё (Dreux) помнятъ и по сейчасъ о тѣхъ ужасныхъ явленіяхъ которыми она сопровождалась. Во время этой грозы развитіе электричества достигло необычайной степени.

Вотъ что говоритъ объ этомъ явленіи одинъ изъ самыхъ компетентныхъ его свидѣтелей *Куанаръ*, сынъ (M. de Coyanart fils).

«Къ 9 часамъ молніи одна за другою перекрещивали горизонтъ съ юго-западной стороны.

«Въ 10 часовъ черная туча поднялась надъ крышами зданій и покрывала небо, подвигаясь къ западу. Всѣ думали, что гроза, по всей вѣроятности, какъ это случалось много разъ раньше, спустится въ долину Авра. Однако, громъ началъ грохотать и туча двигалась прямо на городъ. При блескѣ непрерывныхъ молній можно было различить скопленіе густыхъ облаковъ свинцоваго цвѣта.

«Внезапно повѣялъ теплый вѣтерокъ, почти тотчасъ же стали падать крупныя капли дождя и скоро мелкій градъ съ зловѣщимъ потрескиваніемъ застучалъ по кровлямъ. Тогда поднялся неописуемый ревъ бури; разъяренная стихія въ ужасающемъ порывѣ ринулась съ бѣшенымъ грохотомъ исполинскаго поѣзда, ворвавшагося въ огромный туннель и пронеслась ураганомъ, увлекая за собою все. Съ крышъ летѣли черепицы, обрушивались стѣны и кровли,—весь городъ былъ потрясенъ.

«Этотъ электрическій ураганъ, которому трудно дать иное названіе, продолжался около 50 секундъ, затѣмъ все стихло и только отдаленные раскаты грома раздавались въ долинѣ».

Судя по этому описанію Куанара, это была грозовая буря такой интенсивности, о степени которой намъ трудно составить ясное представленіе. Никогда еще ни одна буря, ни одинъ циклонъ, даже большой ураганъ 1780 г. не достигали такой огромной разрушительной силы. Только потому, что эти послѣдніе длились нѣсколько часовъ, они потрясали и разрушали зданія, чего, конечно, не могла сдѣлать гроза въ Дрё въ теченіе 50 секундъ.

Дѣйствіе этой необычайной электрической бури не вышло, къ счастью, изъ предѣловъ незначительной мѣстности, и охватило пространство не болѣе 500 метровъ. Въ Дрё дѣйствіе вѣтра и электричества простиралось не далѣе 200 метровъ. Пройденный этою грозою путь равнялся, приблизительно, 450 километрамъ. По роду явленія, какъ говоритъ Фламмаріонъ, это не былъ ни циклонъ, ни торнадо, ни смерчъ, но «необычайная гро-

зовая буря среди атмосферы, насыщенной электричествомъ». Между тѣмъ эта буря, самая ужасная изъ всѣхъ, когда-либо наблюдавшихся, не можетъ, повидимому, выдержать и сравненія съ силой тропическихъ атмосферныхъ явленій. Невольно приходишь въ содраганіе, когда созерцаешь проявленіе этой страшной силы вѣтра и электричества, но сознаніе своего ничтожества передъ грозной природой все же смѣняется въ концѣ концовъ вѣрой въ человѣческій геній, гордостью отъ одержанныхъ уже имъ побѣдъ и надеждой подчинить своей власти также и воздухъ, какъ подчиненъ уже на половину океанъ.

Глава VI.

Туманы.—Облака.—Свѣтящіяся облака.—Дождь.—Снѣгъ.—Градъ.—Вихри.

Туманъ образуется или вслѣдствіе охлажденія влажнаго воздуха, или вслѣдствіе смѣшенія двухъ достаточно влажныхъ воздушныхъ теченій, имѣющихъ различныя температуры. При этихъ условіяхъ часть влаги осѣдаетъ, въ видѣ микроскопическихъ капель или пузырьковъ, на пылинки, всегда присутствующія въ воздухѣ.

Если, послѣ теплой лѣтней ночи наблюдать туманъ съ горы или еще лучше съ аэростата, то вамъ кажется, что вы видите, какъ громадныя количества воды образуютъ ручейки, рѣки и, наконецъ, морскіе заливы. Однажды, когда на зарѣ я съ товарищемъ поднялся на аэростатѣ, мы могли ясно различать, на нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, мысы, берега, даже яркій свѣтъ маяка и морской прибой. На этотъ разъ мы были увѣрены, что это море. Но, какъ только мы приблизились къ землѣ, все объяснилось очень просто. Мысы и берега оказались облаками, поднявшимися надъ Марной, маякъ—Венерой, а прибой моря—водопадомъ, находящимся невдалекѣ.

Эти утренніе туманы, которые придаютъ мѣстности такой волшебный видъ, не могутъ быть названы туманами въ точномъ смыслѣ этого слова; послѣдніе всегда густы и тяжело ложатся на землю; при вѣтрѣ они какъ бы разрываются на куски и виснутъ на верхушкахъ деревьевъ и высокихъ зданіяхъ.

Туманы дѣлаютъ воздухъ совершенно непрозрачнымъ, напримѣръ въ Лондонѣ, среди бѣла дня принуждены иногда зажигать газъ, а вечеромъ прохожіе кажутся блѣдными тѣнями, проходящими сквозь непрозрачное тѣло. Иногда туманъ на столько густъ, что даже на разстояніи 4 метровъ нельзя ничего различить.

Капельки, образующія туманъ были измѣрены подъ микроскопомъ; найдено, что діаметръ ихъ колеблется отъ 0^{mm},016 до 0^{mm}127; послѣдняя цифра относится уже къ тѣмъ капелькамъ тумана, которыя падаютъ на землю и образуютъ мелкій дождъ.

Кемцъ (Koemtz), наблюдая и изучая солнечныя короны, опредѣлилъ діаметръ этихъ самыхъ капелекъ другимъ способомъ и нашелъ ихъ равнымъ отъ 0.014 до 0.035^{mm}. Замѣчательно, что результаты этихъ двухъ столь тонкихъ измѣреній почти тожественны.

Въ нашихъ широтахъ туманъ сравнительно рѣже, чѣмъ въ экваторіальныхъ областяхъ, особенно въ горныхъ—тамъ они иногда необыкновенно густы.

Облака—это тѣ же туманы, но только образовавшіеся на болѣе или

*

чтобы точно и зак-
тенсивность
Въ тече
дать гроз
дождемъ,
колебанія
За ис
правил
гомъ по
стало
въ ст
торы
сит
Г
гро
лѣ
п
г

...значительной высотѣ. При восхожденіяхъ на горы легко прослѣдить перемѣну тумана въ облако. Принять облака могутъ, конечно, только благодаря микроскопическимъ размѣрамъ туманныхъ частицъ. Облака имѣютъ самую разнообразную форму, зависящую, какъ отъ высоты, на которой они образовались, такъ и отъ способа ихъ происхожденія. Руководствуясь этими принципами *Гильдебрансонъ* и *Аберкромби* даютъ слѣдующую классификацію облаковъ *).

А. Форма облаковъ ясно очерчена. (Преимущественно при ясной погодѣ).

B. Облака расплывчатыя. (Преимущественно при пасмурной погодѣ).

a) Высочайшія — въ средн. 9.000 метровъ; только эти облака образованы ледяными кристалликами; остальныя состоятъ изъ туманныхъ шариковъ.

1) *Перистыя (Cirrus)* около 10.000 метровъ высоты.

2) *Перисто-слоистыя (Cirro-stratus)* 7.500 метровъ высоты.

b) Средневысокія 4.000—7.000 метровъ.

3) *Перисто-кучевыя или барашки (Cirro-Cumulus)* 6.500 метровъ.

4) *Верхне-кучевыя (Alto-Cumulus или Cumulo-Stratus)* 4.000 метровъ.

5) *Верхне-слоистыя (Alto-Stratus или Strato-Cirrus)* 5.000 метровъ.

c) Низкія—1.000—2.000 метровъ.

6) *Слоистокучевыя (Strato-Cumulus)* 2.000 метровъ.

7) *Дождевыя тучи (Nimbus)* 1.500 метровъ.

d) Облака восходящихъ потоковъ.

8) *Кучевыя (Cumulus)* 1.500 метровъ.

9) *Грозовыя (Cumulo-Nimbus)* основаніе—1.400 метровъ, а вершина отъ 3.000—5.000 метровъ.

e) Поднятый туманъ.

10) *Слоистыя (Sratus)* ниже 1.000 метровъ.

1) *Перистыя облака—cirrus.* Тянутся по небу неправильными линіями или рядами, въ видѣ бородокъ гусиныхъ перьевъ; образуются при встрѣчѣ нижняго влажнаго тока съ верхнимъ-холоднымъ. Перистыя облака служатъ предвѣстникомъ приближающейся (часовъ черезъ 16) бури или дождя.

*) Таблица взята изъ «Основы Метеорологіи» Лачинова; описаніе облаковъ тоже составлено по этому сочиненію.

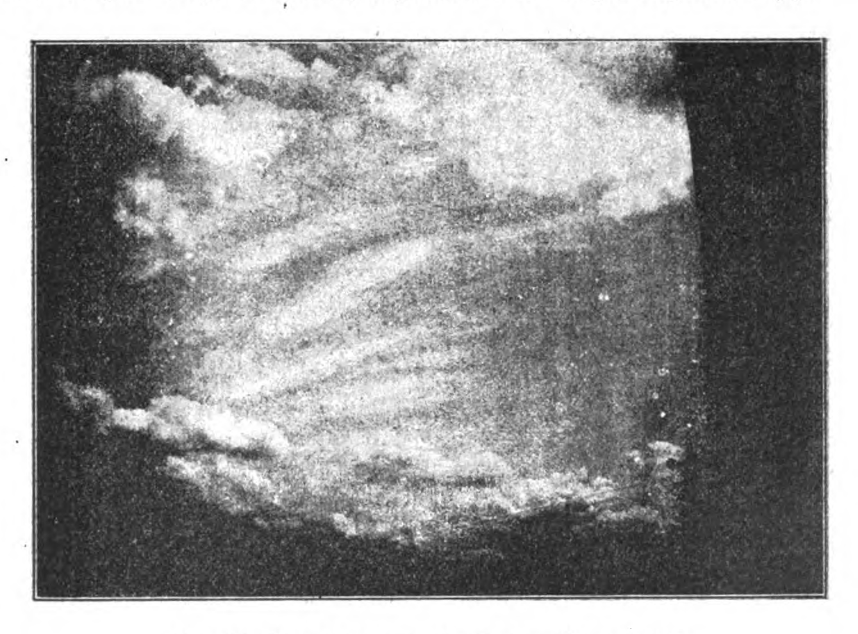
2) *Перисто-слоистыя—cirro-stratus*. Почти бѣлыя облака, затягивающія все или часть неба бѣлесоватой пеленой. (Рис. 25).

3) *Перисто-кучевыя* (*cirro-cumulus*)—*барашки*. Снѣжно бѣлые округленныя облачка; часты лѣтомъ послѣ дождя.

4) *Верхне-кучевыя* (*alto-cumulus*). Отличаются отъ предъидущихъ большей величиной и тѣмъ, что въ срединѣ темнѣе, чѣмъ по краямъ, располагаются рядами; вѣроятно, образуются при встрѣчѣ двухъ вѣтровъ съ различными температурами.

5) *Вехне-слоистыя* (*alto-stratus*) плотный сѣроватобѣлый покровъ, окутывающій все небо; переходятъ въ перисто-слоистыя (2).

6) *Слоисто-кучевыя* (*strato-cumulus*) плоскія, темныя облака, зимою часто покрывающія все небо; переходятъ въ верхне-кучевыя (4).

Фиг. 25. Перисто-слоистыя облака—Cirro-stratus.

7) *Дождевыя облака* или *тучи* (*nimbus*). Толстый слой темныхъ облаковъ иногда съ разорваными краями; надъ ними почти всегда лежатъ верхне-слоистыя облака; (5), а подъ ними бѣгутъ клочковатыя облака (fracto-nimbus).

8) *Кучевыя облака* (*cumulus*). Куполообразныя, сѣроватаго цвѣта; образуютъ самыя причудливыя, быстро мѣняющіяся формы и достигаютъ до 500 метровъ толщины. (Рис. 26). Часто образуются, въ тропическихъ странахъ, благодаря неустойчивому равновѣсію воздуха, въ нашихъ же широтахъ, обыкновенно, только лѣтомъ; къ вечеру кучевыя облака исчезаютъ, наибольшей же толщины и высотъ достигаютъ около 2-хъ часовъ пополудни. Сильный вѣтеръ часто разрываетъ ихъ и превращаетъ въ клочковатыя.

9) *Грозовыя облака* (*cumulo-nimbus*). Громадныя массы нагроможденныхъ другъ на друга темныхъ облаковъ; толщина ихъ достигаетъ иногда 3 — 4 верстъ; производятъ иногда среди дня полную темноту. Нижніе слои грозовыхъ облаковъ похожи на тучи; изъ нихъ идетъ дождь. снѣгъ, градъ, сопровождаемые громомъ и молніей.

10) *Слоистыя облака (stratus)*—туманъ, поднявшійся надъ землею, никогда не даетъ дождя.

Кромѣ облаковъ, образованныхъ водяными или ледяными пузырьками, существуютъ еще и другія, свѣтящіяся и появляющіяся ночью, въ образованіи которыхъ пары воды не принимаютъ никакого участія. Вотъ что говоритъ о нихъ *Батандье* (Battandier).

«Не нужно смѣшивать этихъ облаковъ съ облаками, яркими цвѣтами которыхъ мы любуемся при восходѣ и закатѣ солнца»...

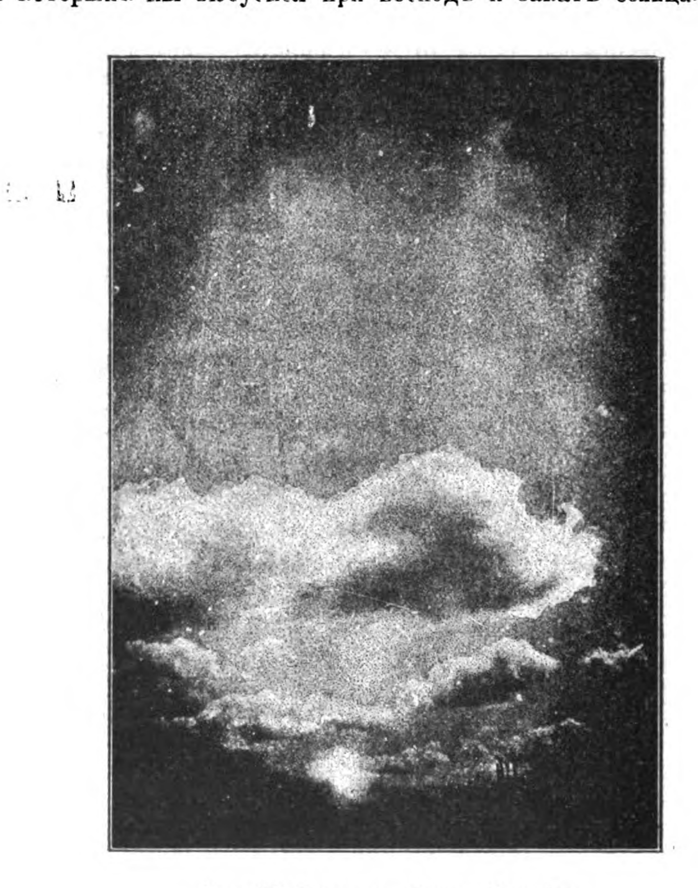

Рис. 26. Кучевыя облака—Cumulus.

«*Ночныя свѣтящіяся облака* принадлежатъ совсѣмъ къ другому роду явленій. Они не образуются каждый день и для широты, напр., Берлина наблюдаются только съ 23 мая по 11 августа. Облака эти ярко бѣлаго цвѣта съ легкимъ голубымъ или желто-краснымъ оттѣнкомъ, смотря по положенію, которое они занимаютъ на темно-голубомъ небѣ. Красноватый оттѣнокъ составляетъ особенность облаковъ, находящихся вблизи отъ горизонта; голубой же — присущъ тѣмъ, которыя находятся недалеко отъ зенита. Что особенно отличаетъ эти облака— это высота, на которой они встрѣчаются. Въ то время, какъ обыкновенныя облака, даже cirrus, не поднимаются выше 10 километровъ, эти достигаютъ высоты въ 82 километра. Ихъ зенитное разстояніе тѣмъ больше, чѣмъ ниже подъ горизонтомъ находится солнце. Такъ

напримѣръ, если ихъ разстояніе отъ зенита $=80°$ при разстояніи солнца надъ горизонтомъ $=10°$, то ихъ разстояніе отъ зенита будетъ равняться 86°, если солнце спустится подъ горизонтъ на 14°. Если свѣтящіяся облака появляются раньше полуночи, то они начинаютъ темнѣть, начиная сверху внизъ, благодаря тѣни земли, покрывающей ихъ мало-по-малу; если же они появляются утромъ, то становятся видимыми, начиная сверху».

«Облака эти кромѣ ихъ высоты и рѣдкости появленій, которыя становятся все рѣже и рѣже и должно быть скоро совершенно прекратятся, обладаютъ еще особымъ характернымъ движеніемъ, которое навело нѣмецкихъ ученыхъ, на мысль, что свѣтящіяся облака обязаны своимъ происхожденіемъ сопротивленію мірового эфира».

По Jesse'у эти облака достигаютъ высоты въ 75 до 83 километровъ. Скорость ихъ въ горизонталономъ направленіи равняется 171 до 308 метровъ въ секунду, такимъ образомъ въ четыре раза превышаетъ скорость самыхъ сильныхъ урагановъ.

Свѣтящіяся облака принадлежатъ скорѣе къ міру космическихъ, чѣмъ атмосферныхъ явленій, и мы не можемъ дольше останавливаться на нихъ.

Вернемся снова къ видимымъ парамъ воды, къ облакамъ. Одна народная пословица учитъ насъ, что «луна поѣдаетъ облака». Многія народныя наблюденія, выразителями которыхъ и являются пословицы, передаваемыя изъ поколѣнія въ поколѣніе, заслуживаютъ нашего полнаго вниманія. Но пословица, приведенная выше, не оправдывается научными наблюденіями, сдѣланными англійскимъ астрономомъ *Джонсономъ*. Онъ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ отмѣчалъ въ дни полнолунія состояніе неба при восходѣ луны и въ полночь. Результаты этихъ наблюденій приведены въ прилагаемой таблицѣ. Извѣстно, что и Гершель считалъ доказаннымъ фактомъ, что «луна поѣдаетъ облака», и искалъ объясненія этому явленію въ теплотѣ испускаемой поверхностью полной луны. Гумбольдтъ также упоминаетъ объ этомъ, говоря, какъ о фактѣ хорошо извѣстномъ матросамъ.

Наблюденія Джонсона:

Столбецъ I указываетъ состояніе неба при восходѣ луны и въ полночь.

Столбецъ II—состояніе неба, покрытаго облаками въ полночь менѣе, чѣмъ при восходѣ луны.

Столбецъ III—состояніе неба, покрытаго облаками въ полночь болѣе, чѣмъ при восходѣ луны.

Года.	I.	II.	III.
1879	10 разъ.	2 раза.	1 разъ.
1880	6 »	4 »	2 »
1881	8 »	2 »	2 »
1882	5 »	4 »	4 »
1883	8 »	1 »	3 »
1884	9 »	2 »	1 »
1885	8 »	4 »	1 »
1886	7 »	3 »	2 »
1887	10 »	1 »	2 »
1888	11 »	0 »	1 »
1889	7 »	3 »	2 »
1890	10 »	2 »	1 »
1891	10 »	2 »	0 »
1892	7 »	3 »	2 »
1893	10 »	0 »	3 »
Итого	126 разъ.	33 раза.	27 разъ.

Такимъ образомъ, пословица, что «луна поѣдаетъ облака» не вѣрна, по крайней мѣрѣ для Англіи.

Да и какое можетъ имѣть вліяніе холодное тѣло, или во всякомъ случаѣ не обладающее ощутимой теплотой, на облака, образованныя водяными пузырьками?

Когда поднимающіеся къ верху пары воды встрѣчаютъ холодные или сырые слои воздуха, то происходитъ сгущеніе водяныхъ паровъ и, смотря по состоянію окружающей атмосферы, падаетъ дождь, снѣгъ, градъ, крупа и т. д.

Поднимаясь до облаковъ на воздушномъ шарѣ или же взбираясь на высокія горы, можно иногда присутствовать при образованіи дождя.

При чемъ могутъ представиться 5 случаевъ·

1) Находишься посреди тумана, болѣе или менѣе густого, при показаніи гигрометра = 100; воздухъ почти насыщенъ парами воды, но все же нельзя констатировать паденія ни одной капельки воды, и всѣ предметы остаются сухими.

2) Паденія капелекъ воды, хотя бы даже самыхъ маленькихъ, не наблюдается, но всѣ предметы быстро становятся мокрыми. Если такое состояніе атмосферы продолжается въ теченіе цѣлаго дня, то можно собрать 3, 4, 5 миллиметровъ воды. Въ этомъ случаѣ находишься въ тѣхъ слояхъ атмосферы, гдѣ дождь начинаетъ уже образовываться.

3) Туманъ падаютъ капельки воды, но настолько малыя, что ихъ почти нельзя различить;—это то, что обозначаютъ словомъ: мороситъ.

4) Идетъ дождь, но находишься еще въ туманѣ.

5) Идетъ дождь, но находишься ниже тумана, ниже облаковъ.

Короче эти 5 случаевъ можно представить слѣдующимъ образомъ:

1) Туманъ не смачиваетъ предметовъ.

2) Предметы смачиваются туманомъ.

3) Туманъ и въ то же время моросить.

4) Туманъ и идетъ дождь.

5) Дождь.

При образованіи снѣга, какъ и дождя, могутъ быть также пять различныхъ случаевъ:

1) Туманъ, который не покрываетъ предметовъ изморозью.

2) Туманъ, покрывающій изморозью.

3) Туманъ, смѣшанный съ ледяными кристалликами.

4) Туманъ, смѣшанный со снѣгомъ.

5) Снѣгъ.

Изморозь можетъ быть образована всѣми родами облаковъ, которыя смачиваютъ внѣшніе предметы, при условіи паденія температуры ниже нуля стоградуснаго термометра.

Вѣроятно многими было замѣчено, что при температурѣ близкой къ 0° Ц., снѣгъ иногда падаетъ густой и большими хлопьями,—тогда какъ во время большихъ холодовъ снѣгъ рѣжетъ лицо, до того онъ становится мелкимъ и твердымъ. Разница эта зависитъ отъ различія кристалловъ снѣга, которыхъ насчитываютъ до 116 формъ; но всѣ они построены такъ, что отдѣльные лучи стоятъ другъ къ другу подъ угломъ въ 60°.

Тиндаль полагаетъ, что всѣ кристаллы снѣга, образованные въ спокойной атмосферѣ, построены по одному типу; малекулы группируются такъ, что образуютъ шестилучевыя звѣздочки. Отъ центральнаго ядра расходятся шесть иголочекъ; отъ этихъ иголочекъ направо

и налѣво отходятъ другія, меньшія, которыя съ тою же правильностью образуютъ углы въ 60°. Эти цвѣточки о шести лепесткахъ принимаютъ самыя различныя и удивительно-красивыя формы.

Обыкновенно снѣгъ бѣлый, но онъ бываетъ и другихъ цвѣтовъ.

Красный снѣгъ встрѣчается довольно часто, въ особенности на горахъ и въ полярныхъ странахъ. Красный снѣгъ былъ извѣстенъ еще въ древности; о немъ говорятъ Аристотель и Плиній. Соссюрь видѣлъ его на Альпахъ въ 1787 году, Раймонъ въ Пиринеяхъ, а капитанъ Россъ въ Бафиновомъ Заливѣ. Снѣгъ не падаетъ краснымъ, но окрашивается уже на землѣ, благодаря особому микробу—*micrococcus prodigiosus*.

Зеленый снѣгъ встрѣчается гораздо рѣже; онъ также обязанъ своей окраской микробу, но только не красному, а зеленому — *protococcus viridis*.

Голубой снѣгъ и снѣгъ цвѣта ржавчины того же происхожденія, что и красный и зеленый. Вообще, всѣ фантастическія окраски снѣга обязаны микробамъ.

Не только снѣгъ, но и ледъ образованъ множествомъ звѣздочекъ, такихъ же нѣжныхъ и красивыхъ.

Вопросъ объ образованіи града еще спорный; но лучшее объясненіе, по нашему мнѣнію, даетъ метеорологъ Плюмадонъ. Такъ какъ онъ выводитъ свою теорію образованія града изъ теоріи образованія крупы, то начнемъ съ этой послѣдней.

Образованіе крупы. Представимъ себѣ кристаллы льда или хлопья снѣга, которые подъ вліяніемъ тяжести падаютъ изъ высокихъ слоевъ атмосферы. Достигнувъ слоевъ, температура которыхъ выше 0, кристаллы и хлопья начинаютъ таять и образуютъ комки тающаго снѣга. Если затѣмъ эти комки проходятъ черезъ сухіе слои, то происходитъ испареніе ихъ, усиленное, кромѣ того, скоростью паденія, и комки снѣга въ нѣсколько секундъ смерзаются, чему благопріятствуетъ и то, что при своемъ входѣ въ сухіе слои атмосферы они находились уже не далеко отъ точки замерзанія.

Если образовавшіяся такимъ образомъ снѣговыя или ледяныя зерна въ теченіе дальнѣйшаго своего паденія проходятъ только сырые слои воздуха или тумана, способнаго смачивать или покрывать изморозью предметы, то они увеличиваются немного въ своемъ объемѣ, и послѣдніе концентрическіе слои ихъ будутъ уже не прозрачны. На землю они упадутъ въ видѣ зеренъ *крупы*.

Образованіе града. При прохожденіи же маленькаго зерна льда имѣющаго консистенцію снѣга, слоевъ воздуха, гдѣ пары ужъ превратились въ воду, къ зерну этому пристаютъ, благодаря его низкой температурѣ, *прозрачные* концентрическіе слои льда; при чемъ его объемъ увеличивается умѣренно, если пары только смачиваютъ, — быстро, въ слояхъ гдѣ мороситъ, еще быстрѣй въ тѣхъ, гдѣ идетъ дождь. Понятно, что такимъ образомъ зерно можетъ достигнуть очень большой величины. Вообще, градины тѣмъ больше, чѣмъ съ большей высоты они падаютъ, конечно, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій.

Если бы для объясненія образованія града мы взяли не хлопья снѣга, а каплю дождя, то результатъ былъ бы тотъ же, съ тою только разницей, что у насъ не образовалось бы центральное ядро снѣговой консистенціи, а мы получили бы градину, болѣе или менѣе прозрачную.

Чѣмъ дальше удаляешься отъ моря, тѣмъ рѣже падаетъ градъ.

Если мы предположимъ, что въ годъ градъ падаетъ 100 разъ, то для различныхъ временъ года мы найдемъ слѣдующія пропорціональныя цифры:

Страны:	Зимой.	Весной.	Лѣтомъ.	Осенью.
Англія	45,5	29,5	3,0	22,0
Франція	32,8	39,4	7,0	20.7
Германія	15,3	46,7	29,4	13,6
Россія	0,9	35,5	50,6	13,0

Градъ предшествуетъ или сопровождаетъ лѣтнія грозы, но никогда не слѣдуетъ послѣ нихъ.

Величина градинъ нерѣдко доходитъ до фантастическихъ размѣровъ. Такъ, 3 августа 1813 г. въ Ангулемѣ выпалъ градъ величиной съ куриное яйцо, во Франціи 13 іюля 1788 г. градины вѣсили по 250 граммъ, а въ октябрѣ 1844 г. даже 5 килограммъ. 15 іюня 1829 г. въ Испаніи градины достигали 2 килограммъ, а въ Монголіи 8 мая 1802 г. и 1843 г.—1 метра въ длину и толщины мельничнаго жернова.

Понятно, сколько вреда можетъ принести подобный градъ. Деревья, плоды, хлѣба уничтожаются имъ, убиваются цѣлыя стада. Какъ мы уже видѣли, градины могутъ быть различнаго строенія и вида. Причины этого должны заключаться не только въ способѣ ихъ образованія, но въ различіи срединъ, которыя онѣ должны пройти прежде, чѣмъ достигнуть земли. Электричество тоже можетъ быть играетъ роль въ ихъ образованіи, какъ и въ образованіи крупы; но роль электричества еще оспариваема.

Вихри, источники града, производятся вращательными движеніями воздуха, происходящими, вѣроятно, благодаря встрѣчѣ (подъ угломъ двухъ противоположныхъ теченій, или же вслѣдствіе большой разницы въ температурѣ и гигрометрическомъ состояніи двухъ мѣстъ относительно недалеко отстоящихъ другъ отъ друга.

Сила вихрей можетъ быть громадной и, напр., жители мѣстечка Malaunay (около Руана) до сихъ поръ помнятъ еще о вихрѣ, уничтожившемъ тамъ всѣ прядильни и унесшемъ въ могилу много человѣческихъ жизней. Впрочемъ, въ нашихъ широтахъ вихри рѣдко достигаютъ такой силы и вообще рѣдко опускаются на землю.

Всѣ мы знаемъ, что въ различные мѣсяцы выпадаетъ и различное количество осадковъ, но все же для демонстраціи этого мы приведемъ таблицу, составленную Монтсурійской обсерваторіей на основаніи наблюденій за періодъ 1873—1890 годовъ.

	Миллим.		Милл.
Январь	35,8	Іюль	52,3
Февраль	32,1	Августъ	53,0
Мартъ	35,3	Сентябрь	46,8
Апрѣль	43,5	Октябрь	57,2
Май	44,5	Ноябрь	51.9
Іюнь	62,2	Декабрь	47,0

Годичное количество—561,6.

Количество выпадающей воды мѣняется съ перемѣной направленія вѣтра. Изъ предъидущей таблицы видно, что наибольшее количество воды приходится на лѣтніе мѣсяцы; слѣдующая таблица показываетъ преобладающее вліяніе юго-восточнаго вѣтра.

Направленіе вѣтра.	Дождь.	Направленіе вѣтра.	Дождь.
N	39,7	S. W	169,9
N. E.	34,5	W	100,0
E.	11,2	N. W.	58,8
S. E	18,8	Измѣнчиво	62,7
S.	45,7		

Годичн.—551,3. (Періодъ 1859—88 гг.).

Наиболѣе сухой вѣтеръ дуетъ съ запада, наиболѣе сырой съ юго-востока.

Фазы луны также вліяютъ на количество выпадающей воды; вліяніе это до сихъ поръ совершенно не объяснено.

Два изслѣдователя, *Шублеръ* изъ Карлсруэ въ Германіи и *Гасперинъ* во Франціи, независимо другъ отъ друга, пришли къ одинаковымъ результатамъ. Фиг. 27 изображаетъ кривую, составленную на основаніи

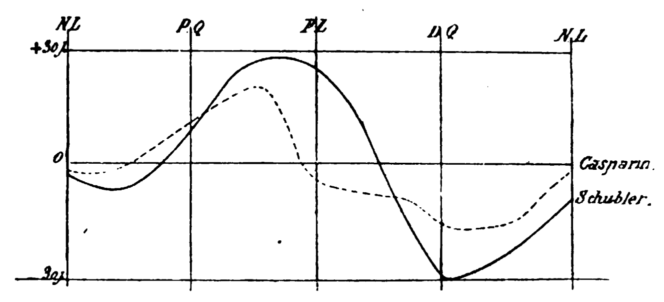

Рис. 27. Вліяніе луны на распредѣленіе дней дождя.

наблюденія 10.000 дождливыхъ дней. По Шублеру, въ періодъ между первою четвертью и полнолуніемъ дождливыхъ дней больше на 28, въ періодъ же послѣдней четверти число ихъ уменьшается на 29. Гасперинъ приходитъ почти къ такимъ же выводамъ.

Такимъ образомъ, очевидно, что спутникъ земли оказываетъ нѣкоторое вліяніе на ея атмосферу. Но выражается ли это вліяніе, благодаря лунной теплотѣ, свѣту или протяженію, остается до сихъ поръ еще открытымъ вопросомъ.

Прежде чѣмъ окончить эту главу, упомянемъ о кровяныхъ и сѣрныхъ дождяхъ, о дождяхъ изъ лягушекъ и рыбъ. Они объясняются просто тѣмъ, что вѣтеръ подымаетъ до облаковъ пыль, песокъ, которые, смѣшавшись съ водой, и принимаютъ такой странный видъ. Что же касается лягушекъ, то и онѣ могутъ быть подняты и унесены вѣтромъ. Всѣ эти явленія, конечно, не составляютъ предмета метеорологіи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I.

Исторія развитія воздухоплаванія.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію воздушныхъ поднятій, мы должны сказать нѣсколько словъ объ открытіи аэростатовъ: о монгольфіерахъ и объ ихъ сооруженіи.

Уже со времени Торичелли знали, что воздухъ вѣсомое тѣло; было извѣстно также, что многіе газы вѣсятъ еще меньше и что абсолютная пустота не существуетъ. На урокахъ физики демонстрировали, что воздухъ вѣсомое тѣло, сжимая его въ мѣдныхъ шарахъ или же выкачивая его изъ нихъ. Остается только удивляться, какъ идея объ аэростатахъ не пришла въ голову ученымъ гораздо раньше открытія братьевъ Монгольфіеровъ.

Братья Монгольфіеры происходили изъ одной древней французской фамиліи: на картѣ Франціи можно найти мѣстность Монгольфіеровъ, а около Ambert—развалины замка Монгольфіеровъ. Ярые приверженцы реформаціи, они въ 1572 году должны были оставить свою страну и поселиться въ Виварэ, гдѣ ими были построены громадныя бумажныя фабрики.

Идея поднять на воздухъ какое-нибудь тѣло братьямъ Монгольфіерамъ пришла въ голову при видѣ то подымавшихся, то опускавшихся облаковъ. Они пытаются найти газъ, который былъ бы легче воздуха. Сжигая солому и сырую шерсть, они съ радостью убѣдились, что ихъ попытка увѣнчалась успѣхомъ; но они ошиблись, думая, что нашли какой-либо новый газъ:—при сжиганіи различныхъ горючихъ веществъ они получали просто нагрѣтый воздухъ, который былъ, конечно, легче холоднаго воздуха. Повторяя свои опыты съ шарами, вмѣстимостью въ 4 кубическихъ метра, а затѣмъ и въ 20 метр., они увидѣли, что ими сдѣлано открытіе, котораго они не имѣютъ права скрывать. Монгольфіеры построили шаръ въ 12 метровъ въ діаметрѣ, который и поднялся на воздухъ, при большомъ стеченіи народа, 5-го іюня 1783 года. Вотъ отчетъ этого перваго поднятія,

«Въ четвергъ, 5-го іюня 1783 года, палата Виварэ (L'assambleé de Etats particuliers du Vivarais) была приглашена изобрѣтателями аэростатической машины присутствовать при первомъ опытѣ, который они хотѣли воспроизвести публично. Какою неожиданностью было для депутатовъ увидѣть на площади шаръ въ 110 футовъ въ окружности, удерживаемый у верхняго полюса деревянной рамой въ 16 квадратныхъ футовъ! Шаръ этотъ могъ вмѣстить 22 тысячи кубическихъ футовъ газа и вѣсилъ 1.500 фунтовъ.

«Но каково было удивленіе зрителей, когда изобрѣтатели этой машины объявили имъ, что, какъ только шаръ наполнится газомъ, который они могли воспроизвести самымъ простымъ способомъ, онъ поднимется до самыхъ облаковъ! Нужно знать, что даже самые образованные изъ зрителей, не смотря на довѣріе, которое питали къ уму и образованію Монгольфіеровъ, сомнѣвались въ успѣхѣ опыта и считали его неисполнимымъ.

«Наконецъ, шаръ начали наполнять парами: до этого онъ представлялъ только оболочку изъ полотна, подбитой бумагой, родъ гигантскаго мѣшка въ 35 футовъ вышины, сморщеннаго и пустого; послѣ же наполненія его парами, онъ на глазахъ публики началъ увеличиваться, принимать красивую форму, расправляться по всѣмъ направленіямъ, какъ бы дѣлая усилія, чтобы подняться, но сильныя руки его удерживали, наконецъ, поданъ сигналъ, его отпускаютъ и онъ быстро уносится въ воздухъ, на 1.000 туазовъ въ высоту.

«Затѣмъ машина эта, пробѣжавъ горизонтольную линію въ 7.200 футовъ, начала медленно опускаться, такъ какъ большая часть газа, ее наполнявшая, уже вышла. Первая попытка увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. Съ этихъ поръ по праву съ именемъ Монгольфіеровъ связано одно изъ замѣчательнѣйшихъ открытій прошлаго столѣтія.

«Какимъ удивленіемъ и уваженіемъ къ изобрѣтателямъ аэростата машины долженъ быть проникнутъ каждый, кто хоть немного поразмыслитъ о всѣхъ трудностяхъ, которыя представлялись имъ на каждомъ шагу при приведеніи въ исполненіе столь смѣлаго опыта, объ осужденіи, которому они подверглись бы, еслибъ вслѣдствіе какой-нибудь случайности онъ не удался бы, наконецъ, объ издержкахъ, съ которыми была сопряжена постановка его».

Важное открытіе это произвело большое движеніе среди французскаго народа, который, забывая даже о самыхъ элементарныхъ законахъ физики, замечталъ о возможности достигнуть солнца, луны, звѣздъ (sic itur ad astra).

Парижъ тоже захотѣлъ видѣть у себя поднятіе воздушнаго шара; его желаніе было исполнено физикомъ *Шарлемъ*, которому пришла счастливая идея наполнить шаръ водородомъ, открытымъ за 6 лѣтъ до того Кавендишомъ и вѣсившаго въ 14 разъ меньше, чѣмъ воздухъ. Физикъ Шарль соорудилъ шаръ въ 4 метра въ діаметрѣ и спустилъ его на Марсовомъ полѣ. Для пополненія этого шара потребовалась 4 дня, 1.000 фунтовъ желѣза и 498 фунтовъ соляной кислоты. Спустя три четверти часа послѣ поднятія, шаръ опустился около мѣстечка Econen. Крестьяне, принявъ его за чорта, разорвали на куски и привязали къ хвосту лошади. Въ концѣ 1783 года были напечатаны въ большомъ числѣ экземпляровъ объявленія, въ которыхъ объяснялась, что такое воздушные шары.

Три событія знаменательны въ исторіи аэростата:

1) Первое поднятіе монгольфіера 5 іюня 1783 г.

2) Первое поднятіе шара, наполненнаго водородомъ, 27 августа 1783 г.

3) Поднятіе монгольфіера съ *маркизомъ д'Арландъ* и *Пилатръ-де-Розье*—20 ноября 1783 г.

20 ноября 1783 г. человѣкъ въ первый разъ рѣшился подняться на воздухъ. Вотъ что разсказываетъ маркизъ д'Арландъ о своемъ первомъ воздушномъ путешествіи.

«Мы отправились изъ сада Мюэтъ въ 1 часъ 54 минуты. Положеніе

машины была таково, что Пилатръ-де-Розье находился къ востоку, я же къ западу. Направленіе вѣтра было, приблизительно, сѣверо-восточное. Изъ зрителей мало кто замѣтилъ, что въ моментъ, когда машина поднялась выше деревьевъ, она сдѣлала полоборота, такъ что Пилатръ очутился впереди меня.

Въ этотъ же моментъ Пилатръ мнѣ говоритъ: «Вы ничего не дѣлаете и мы едва подымаемся». Я положилъ связку соломы, и быстро повернулся въ сторону Мюэтъ, но ужъ не могъ его найти. Удивленный, я бросаю взглядъ на рѣку, слѣдую взглядомъ по ея теченію и различаю притокъ Чезы, слѣдовательно, вотъ Конфланъ, и я называю главные изгибы рѣки именами мѣстечекъ, расположенныхъ на почвѣ—вотъ: Пуасси, Сенъ-Жерменъ, Сенъ-Дени, Севръ, слѣдовательно, я нахожусь еще въ Пасси или Шальо.

И дѣйствительно, я увидѣлъ подо мною Шальо. Въ этотъ моментъ Пилатръ мнѣ говоритъ: вотъ рѣка и мы опускаемся. Ну, другъ, «огня»!

— Мнѣ кажется, черезъ эту рѣку вамъ трудно перелетѣть.

— Я думаю,—отвѣтилъ онъ,—когда вы ничего не дѣлаете.

— Это оттого, что я не такъ силенъ, какъ вы, да и все идетъ хорошо.

Я поправилъ огонь, схватилъ связку соломы, которая загоралась плохо, вѣроятно потому, что была слишкомъ сжата; я ее поднялъ и потрясъ среди огня. Спустя мгновеніе, я почувствовалъ себя какъ бы поднятымъ подъ мышки и сказалъ моему товарищу: «На этотъ разъ мы подымаемся».

— Да, мы поднимаемся, — отвѣтилъ онъ мнѣ, выйди изъ задумчивости, въ которую онъ погрузился, вѣроятно, съ цѣлью сдѣлать нѣкоторыя наблюденія. Въ эту минуту, я услышалъ шумъ вверху машины и началъ бояться, не лопнула ли она. Затѣмъ я почувствовалъ толчокъ, первый за все время. Направленіе его было сверху внизъ.

Тогда я сказалъ:

— Что дѣлаете вы, не танцуете ли?

— Я не трогаюсь съ мѣста.

— Тѣмъ лучше,—сказалъ я;—значитъ, это новое теченіе, которое, надѣюсь, перенесетъ насъ черезъ рѣку.

И дѣйствительно, обернувшись, я увидѣлъ, что мы находимся между военной школой и домомъ инвалидовъ. Въ то же время Пилатръ мнѣ сказалъ:

— Мы надъ равниной.

— Да, отвѣтилъ я,—мы подвигаемся.

— За работу,—говоритъ онъ мнѣ,—за работу.

Я услышалъ снова шумъ машины, который, мнѣ казалось, произошелъ отъ треска лопнувшей веревки. Это новое предупрежденіе заставило меня внимательно осмотрѣть наше обиталище. Я увидѣлъ часть машины, обращенной къ югу, всю въ дырьяхъ довольно большой величины. Тогда я сказалъ:

— Нужно спускаться.

— Отчего?

— Посмотрите.

Я взялъ губку и потушилъ огонь, который выходилъ изъ нѣкоторыхъ дыръ; но пробуя, хорошо ли держится нижняя часть полотна вокругъ круга, который ее окружалъ, я замѣтилъ, что онъ легко отстаетъ; я повторилъ моему товарищу: «Нужно спускаться».

Онъ посмотрѣлъ внизъ и сказалъ:

— Мы надъ Парижемъ.

— Все равно!

— Но развѣ нѣтъ никакой опасности для васъ? Хорошо ли вы держитесь?

— Да.

Я ударилъ моей губкой по главнымъ веревкамъ, которыя я могъ достать; всѣ были хорошо натянуты, только двѣ веревочки оторвались. Я сказалъ:

— Мы можемъ перелетѣть Парижъ.

Въ то время мы уже значительно спустились и приблизились къ крышамъ; но, увеличивъ огонь, мы снова съ большой легкостью, поднялись. Я смотрю внизъ и узнаю домъ иностранныхъ консульствъ. Но теченіе воздуха заставило насъ покинуть это направленіе и отнесло къ югу. По лѣвую сторону я увидѣлъ что-то вродѣ лѣса, я принялъ его за Люксембургскій и закричалъ: «на землю!»

Мы потушили огонь. Пилатръ мнѣ крикнулъ еще:

— Берегитесь мельницъ!

Но, бросивши взглядъ вокругъ, я увидѣлъ, что мы не можемъ наткнуться на мельницы.

Затѣмъ я увидѣлъ, что мы пролетѣли надъ водой: это былъ прудъ, который приводитъ въ движеніе машины полотняныхъ фабрикъ.

Мы спустились между Moulin des Merveilles и Vieux-Moulin, находящихся на разстояніи 50 туазовъ другъ отъ друга».

Послѣ этого перваго поднятія слѣдовали многія другія безъ всякихъ несчастій до катастрофы *Пилатра де Розье* и *Ромэна*, которые отправились изъ Булоньи съ цѣлью перелетѣть Па-де Калэ, но упали съ высоты 1.700 футовъ около Булоньи.

За Пилатромъ и Ромэномъ слѣдовало много другихъ жертвъ аэронавтики: Замбеккари, m-me Бланшаръ, Горри, Арбей, матросъ Прэнсъ, ла-Мунтэнъ и недавно еще Кроче-Спинелли и Сивель. Конечно, здѣсь перечислены только имена всѣмъ извѣстныя, въ общемъ же жертвъ воздухоплаванія насчитываютъ сотнями. Но не нужно забывать, что три четверти несчастныхъ случаевъ произошли отъ неосторожности самихъ аэронавтовъ. Впрочемъ, если воздухоплаваніе насчитываетъ столько жертвъ, то достаточно ихъ насчитываютъ и желѣзныя дороги и пароходы.

Значеніе воздушныхъ шаровъ неоспоримо, въ особенности драгоцѣнны они для науки. Воздушные шары употреблялись также съ большимъ успѣхомъ во время войнъ революціи и еще съ большимъ во время осады Парижа 1870—1871 г., когда съ помощью ихъ разносились извѣстія по провинціямъ. Послѣ войны 1870 г. аэронавтика начала быстро развиваться.

Коснемся теперь описанія самаго аэростата.

Начнемъ съ остова его, съ матеріи, изъ которой онъ дѣлается. До и во время осады Парижа употребляли обыкновенно бумажныя матеріи. Затѣмъ появился ліонскій шелкъ, такъ-называемая ліонская тафта, и благодаря своей крѣпости и сравнительной непроницаемости, вытѣснилъ всѣ другіе матеріалы.

Но, какъ бы плотенъ ни былъ шелкъ, его необходимо покрыть спеціальнымъ лакомъ, чтобы сдѣлать его непроницаемымъ. Со времени изобрѣтенія воздушныхъ шаровъ употреблялись многіе сорта лака. Но, вѣроятно, лучшій лакъ былъ тотъ, который употреблялъ Кутель во время войнъ революціи; къ сожалѣнію, секретъ состава этого лака

утерянъ. Въ настоящее время употребляются чаще другихъ два сорта лака; приводимъ ихъ составъ.

1) Растворить на водяной банѣ каучукъ въ скипидарѣ. Мѣшать смѣсь до тѣхъ поръ, пока она не приметъ консистенціи сиропа. Затѣмъ, послѣ 24-хъ-часового покоя, осторожно вылить въ сосудъ, содержащій льняное масло въ количествѣ, равномъ половинѣ раствора каучука.

2) Льняное масло и скипидаръ въ равныхъ количествахъ долго кипятятся съ глетомъ.

Воздушные шары обыкновенно круглые; но теперь часто имъ придаютъ овальную и сигарообразную форму, чтобы уменьшить сопротивленіе воздуха; для этой же цѣли и лодочки дѣлаютъ овальными. Для обыкновеннаго шара вырѣзываютъ изъ шелковой тафты множество веретенообразныхъ кусковъ, которые потомъ сшиваются. На верхнихъ и нижнихъ концахъ ихъ немного надрѣзываютъ, чтобы такимъ образомъ образовалось отверстіе, долженствующее образовать клапанъ и нижнюю часть аэростата. Форма клапановъ вѣчно мѣняются.

Наиболѣе употребляемые клапаны—это цѣлая серія рессоръ, удлиняющихся, какъ только тянутъ за веревку, и сокращающихся при ея покоѣ.

Въ нижней части аэростата находится отверстіе, довольно широкое, особенно въ новѣйшихъ шарахъ. Благодаря слишкомъ малому отверстію первыхъ аэростатовъ, произошло не мало несчастныхъ случаевъ.

Остальныя главныя части аэростата суть слѣдующія: сѣтка, кругъ, лодочка, гайдропъ и якорь.

Сѣтка совершенно такая же, какъ у рыбаковъ. Веревка, изъ которой она плетется, очень крѣпкая, иногда даже изъ шелка. Сѣтка охраняетъ шаръ отъ разрыва и потому имѣетъ большое значеніе. Въ Америкѣ аэронавтъ *ла-Монтэнь* погибъ, благодаря тому, что сѣтка не покрывала всего шара, а оканчивалась немного выше его экватора. Когда ла-Монтэнь поднялся на значительную высоту, шаръ вырвался и улетѣлъ и аэронавтъ упалъ на землю, конечно, мертвымъ.

Кругъ сдѣланъ изъ прочнаго дерева и придѣланъ на довольно большомъ разстояніи отъ нижняго края аэростата. Къ кругу прикрѣплены лодочка и якорь.

Лодочка, какъ всѣмъ извѣстно, дѣлается изъ ивовыхъ прутьевъ. Веревка якоря такая же, какъ и у пароходныхъ якорей.

Гайдропъ, сравнительно, недавнее изобрѣтеніе. Его изобрѣлъ Гринъ, англійскій аэронавтъ; это просто толстая веревка въ 70 метровъ длины, служащая какъ бы автоматическимъ разгрузчикомъ при спускѣ на землю.

Гайдропъ при полетахъ надъ морями замѣняется особыми конусами-якорями.

Какъ показываетъ его названіе, онъ состоитъ изъ конуса, прикрѣпленнаго къ веревкѣ, который и бросается въ море.

Утромъ, при восходѣ солнца, когда теплота расширяетъ газы, спускаютъ ведра наполненныя водой, которыя служатъ такимъ образомъ баластомъ.

Наполненіе шара не трудно при тихой погодѣ или даже на большомъ вѣтрѣ, но представляетъ много затрудненій при сильномъ вѣтрѣ. Шаръ чаще всего наполняютъ свѣтильнымъ газомъ; на 1 кубическій метръ идетъ 650—700 граммовъ свѣтильнаго газа, тогда какъ чистаго водорода 1.200 граммовъ, но первый стоитъ 8 копѣекъ, а второй 40 копѣекъ каждый кубическій метръ.

Наибольшая скорость движенія аэростата равняется 10 метрамъ въ секунду или же 36 километрамъ въ часъ. Но при попутномъ вѣтрѣ скорость можетъ быть гораздо больше; въ Парижѣ съ высоты Эйфелевой башни (300 метръ.) констатировали скорость шара—42 метрамъ въ секунду или 150 киллом. въ часъ

До сихъ поръ не найдено возможности управлять аэростатомъ. Вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ, когда изобрѣтутъ достаточно легкій и сильный механическій двигатель. Много сдѣлано было попытокъ въ эту сторону, но пока все неудачныя. Въ 1881 г. *Тиссандье* впервые примѣнилъ къ аэростату какъ двигатель, динамо-машину, и достигъ скорости 3 метровъ въ секунду на шарѣ, наполненномъ водородомъ. Уже въ слѣдующемъ году *Ренаръ* и *Кребсъ*, примѣнивъ тоже динамо-электрическую машину и винты, двигались со скоростью 6 метровъ, въ секунду, но только при тихой безвѣтренной погодѣ; но этой скорости недостаточно, чтобы преодолѣть вѣтеръ, даже средней силы.

За послѣднее время въ воздухоплаваніи возникло новое теченіе: стремятся подняться на воздухъ не на аэростатахъ, но на особыхъ летательныхъ машинахъ, *болѣе тяжелыхъ, чѣмъ воздухъ*. Многочисленныя попытки нужно признать довольно удачными; но и здѣсь вопросъ въ легкомъ и сильномъ двигателѣ. Пройдетъ, можетъ быть, не мало лѣтъ, пока будетъ изобрѣтенъ такой совершенный двигатель, но со дня открытія его воздухъ станетъ единственнымъ путемъ передвиженія. Этотъ новый способъ передвиженія будетъ самымъ пріятнымъ, благодаря скорости, безопасности, прекраснымъ гигіеническимъ условіямъ, красотѣ видовъ и т. д., и т. д.

Одни только тяжелые товары будутъ перевозиться по морю и по сушѣ. Этотъ переворотъ неизбѣженъ и наступитъ въ свою очередь, какъ и многіе другіе, которые уже пережиты человѣчествомъ. Перенесемся въ прошлое столѣтіе и бросимъ взглядъ на поверхность нашей страны. Что мы видимъ? На морѣ громадныя парусныя суда; на сушѣ дилижансы, кобріолеты, идущіе со скоростью 3-хъ, 4-хъ лье въ часъ.

Кто могъ бы предсказать, что черезъ сто лѣтъ потребуется почти столько же времени, чтобы отправиться въ Нью-Іоркъ, какъ тогда изъ Парижа въ Ниццу. Только большіе города не очень измѣнили способы передвиженія, но не пройдетъ и 10 лѣтъ, какъ аутомобили вытѣснятъ лошадей.

Глава II.

Воздушныя путешествія.

Изъ всѣхъ способовъ передвиженія—передвиженіе по воздуху самое пріятное и наименѣе ощутимое, какъ при совершенно ясной погодѣ, такъ и во время бури. Земля проходитъ подъ вашей лодочкой, какъ бы убѣгаетъ отъ васъ. Получается такое ощущеніе, какъ будто находишься внѣ сферѣ притяженія земли, въ одной неподвижной точкѣ, подъ которой несется земля со своими лѣсами, рѣками, океанами, горами, покрытыми вѣчными снѣгами. Но не смотря на то, что это одинъ изъ самыхъ пріятныхъ способовъ передвиженія, онъ насчитываетъ не мало недостатковъ. Во-первыхъ, не знаешь никогда, куда ѣдешь, а во-вторыхъ путешествіе на воздушномъ шарѣ очень дорого и слишкомъ непродолжительно.

Въ этой главѣ мы опишемъ четыре наиболѣе извѣстныя путешествія на воздушномъ шарѣ: *Жеффери* и *Бланшара* черезъ Па-де-Калэ, *Глезгера*, поднявшагося на высоту 11.000 метровъ, воздушнаго шара *Зенита*, достигшаго 8.800 метр., и, наконецъ, путешествіе Малле. наиболѣе долгомъ изъ совершавшихся до сихъ поръ.

Бланшаръ отправился съ Жеффери съ англійскаго берега 7-го января 1785 г.

Аэростатъ медленно поднимался и черезъ нѣсколько минутъ аэронавты находились надъ моремъ.

Новый горизонтъ открылся ихъ глазамъ.

Позади нихъ остался Дувръ, красивыя деревни и великолѣнные котэджи, составляющіе гордость Англіи, разсѣянные среди луговъ и лѣсовъ или расположенные по берегу моря, подъ ними молчаливое море, которое все же говоритъ о столькихъ вещахъ пытливой мысли человѣка.

Оба путешественника вполнѣ предались созерцанію этой картины, какъ вдругъ замѣтили, что шаръ опускается; полтора мѣшка балласта были выброшены, но этого оказалось недостаточнымъ, чтобы поднять шаръ, и онъ продолжалъ опускаться. Необходимо было выбросить не только остальной балластъ, но часть вещей, взятыхъ съ собой. Аэростатъ поднялся и сдѣлалъ половину пути. Въ четверть третьяго шаръ снова началъ опускаться, но опять поднялся, благодаря выброшеннымъ инструментамъ, якорю и другимъ оставшимся предметамъ.

Черезъ десять минутъ путешественники увидѣли берега Франціи, но они не были увѣрены, смогутъ ли ихъ достичь.

Шаръ сморщивался все больше и больше и аэронавты не знали, чѣмъ уменьшить тяжесть лодочки, они бросили единственную бутылку, которая была съ ними, всю провизію, руль и даже весла, благодаря которымъ Бланшаръ и рѣшился на это смѣлое путешествіе. Шаръ все опускался.

Путешественники разорвали свои одежды и бросили ихъ черезъ бортъ.

Шаръ продолжалъ опускаться. Но, опускаясь, онъ все же приближался къ берегу, 4 мили ихъ отдѣляли отъ него. Докторъ Жеффери, какъ говорятъ, предложилъ броситься въ море, чтобы такимъ образомъ облегчить шаръ и дать возможность Бланшару достичь берега. Уже путешественники готовы были обрѣзать веревки лодочки, какъ вдругъ, противъ всякаго ожиданія, они почувствовали, что шаръ подымается. Черезъ нѣсколько минутъ они опустились надъ деревьями лѣса одной французской деревни.

За этимъ первымъ полетомъ черезъ Па-де-Калэ послѣдовалъ другой, менѣе счастливый—*Пилатръ-де-Розье* и *Ромэна*. Какъ уже намъ извѣстно, полетъ этотъ окончился смертью обоихъ молодыхъ аэронавтовъ.

Длинный промежутокъ времени протекъ послѣ этого полета до слѣдующаго, который былъ совершенъ 5-го сентября 1862 года, на высоту, на которую человѣку не удавалось еще никогда подняться.

Этотъ полетъ, описанный самимъ Глэзгеромъ, былъ совершенъ 5-го сентября 1862 года въ 1 ч. 3 м.

«Воздухъ былъ совершенно насыщенъ парами воды. Мало-по-лу облака становились рѣже. Въ 1 ч. 17 м. мы вышли изъ нихъ и черезъ нѣсколько минутъ положительно купались въ волнахъ свѣта. Солнце необыкновенной яркости ослѣпляло насъ и усиливало голубой цвѣтъ неба.

«Надъ нашими головами простиралась только лазурь неба. Облака терялись гдѣ-то вдали, и нашъ глазъ могъ любоваться безконечнымъ разнообразіемъ холмовъ, цѣпями горъ, отдѣльными вершинами, покрытыми снѣгомъ, болѣе бѣлымъ, болѣе чистымъ, болѣе воздушнымъ, чѣмъ снѣгъ ледниковъ. Я попробовалъ снять фотографію съ этого пейзажа, но мы подымались съ такой быстротой, что снимокъ, конечно, не могъ удаться; шаръ ни на секунду не оставался въ покоѣ, все время качался то справа налѣво, то наоборотъ. Если бы мы могли достичь того, чтобы нашъ аэростатъ былъ бы неподвиженъ, я принесъ бы на землю снимокъ этого удивительнаго пейзажа, такъ какъ со мной была очень чувствительная пластинка, легко можно было бы получить моментальный снимокъ при такомъ обиліи свѣта. Въ 1 ч. 21 м. мы достигли высоты 3.218 метровъ. Слѣдовательно, мы подымались въ среднемъ со скоростью болѣе 200 метровъ въ минуту. Термометръ опустился до 0°; воздухъ былъ чрезвычайно сухъ, точка росы спустилась на 3 градуса ниже. Въ 1 ч. 28 м. мы были на высотѣ 4.800 метровъ, т.-е., приблизительно, на высотѣ Монъ-Блана (4.810). Когда, нѣсколько минутъ спустя, я посмотрѣлъ на термометръ, онъ показывалъ —7°,8. Воздухъ содержалъ только небольшое количество озона. Въ 1 ч. 34 м. я замѣтилъ, что *Coxwell* началъ тяжело дышать, что̀ совсѣмъ неудивительно, такъ какъ онъ былъ все время занятъ управленіемъ шара. Въ 1 ч. 39 м. мы достигли высоты 6.437 метровъ; это высота Чимборазо. Температура равнялась 13°3 ниже нуля, а количество паровъ воды было такъ мало, что температура точки росы спустилась, по крайней мѣрѣ, на 20°,1. Песокъ, выброшенный нами, падалъ съ громадной быстротой. Достаточно было и 10 минутъ послѣ этого, чтобы достичь высоты Далагири. Температура упала до —18°,9, и невозможно было получить на гигрометрѣ Реньо ни малѣйшаго слѣда росы, не смотря на то, что я его охладилъ до—34°,4.

«До этого момента мнѣ совершенно не было трудно дѣлать всѣ эти наблюденія, тогда какъ Coxwell чувствовалъ большую усталость. Въ 1 ч. 51 м. барометръ показывалъ 11,05 дюймовъ. Впослѣдствіи, при сравненіи нашего барометра съ точнымъ барометромъ лорда Wrotesley, мы узнали, что эту цифру надо уменьшить еще на 1/4 дюйма. Термометръ съ сухимъ шарикомъ показывалъ 5° около 1 ч. 52 м. Скоро мнѣ стало невозможно ни слѣдить за колонной ртути въ термометрѣ съ мокрымъ шарикомъ, ни за часовыми стрѣлками, ни за дѣленіями какого бы то ни было инструмента. Я попросилъ Coxwell'я помочь мнѣ дѣлать замѣтки. Но, вслѣдствіе вращательныхъ движеній шара, не прекращавшихся съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули землю, веревка клапана оказалась закрученной. Coxwell поэтому долженъ былъ выйти изъ лодочки и взобраться на кругъ, чтобы поправить ее.

«Я обратилъ мое вниманіе на барометръ.

«Онъ показывалъ 10 дюймовъ и быстро опускался. Его настоящая высота, принимая въ разсчетъ поправку на 1/4 дюйма.—была 9 и 3/4 дюйм., что̀ обозначало, слѣдовательно, высоту въ 29.000 футовъ. Немного спустя, я облокотился объ столъ и замѣтилъ, что моя правая рука, которая еще за минуту до этого сохраняла всю свою силу, теперь не была въ состояніи оказать мнѣ никакой услуги. Она, должно быть, мгновенно потеряла свою силу. Я хотѣлъ воспользоваться лѣвой рукой, но долженъ былъ убѣдиться, что и она также парализована. Тогда я попробовалъ дѣлать движенія тѣломъ, до нѣкоторой степени

мнѣ это удалось, но мнѣ казалось, что я лишился рукъ и ногъ, я еще разъ попробовалъ прочесть показанія барометра, но при этой попыткѣ, голова моя упала на лѣвое плечо, я снова пытался дѣлать движенія моимъ тѣломъ, но рукъ я ужъ не могъ поднять. Я поднялъ голову, но только на одно мгновеніе, такъ какъ она снова упала. Моя спина опиралась объ борта лодочки, а голова объ одинъ изъ ея угловъ. Въ этомъ положеніи глаза мои были устремлены на Coxwell'я, находящагося на кругѣ. Когда мнѣ удалось подняться съ моего сидѣнья, я могъ управлять движеніями позвоночнаго столба и въ особенности шеи, хотя потерялъ контроль надъ моими руками и ногами; но снова параличъ усилился и я вдругъ почувствовалъ себя неспособнымъ на какое бы то ни было движеніе... На одно мгновеніе мракъ окружилъ меня, оптическій нервъ потерялъ внезапно способность реагировать. Я былъ еще въ полномъ сознаніи и мой мозгъ былъ также дѣятеленъ, какъ въ минуты, когда я пишу эти строки... какъ вдругъ я потерялъ сознаніе. Я не могу ничего сказать о чувствѣ слуха. Тишина, которая царствуетъ на высотѣ 6 тысячъ метровъ надъ землей (мы были тогда на высотѣ между 6 и 7 тысячами) на столько глубока, что ни одинъ звукъ не достигаетъ вашего уха... Я не могъ еще двигаться, когда услышалъ слова: температура, наблюденія. Я чувствовалъ, что Coxwell мнѣ ихъ говоритъ и хочетъ меня разбудить. Слухъ, и сознаніе, слѣдовательно вернулись... Онъ мнѣ говорилъ: «Попробуйте теперь, попробуйте», тогда я смутно увидѣлъ инструменты, а вскорѣ затѣмъ и окружающіе меня предметы. Я поднялся и осмотрѣлся вокругъ себя въ такомъ состояніи, въ какомъ бываютъ послѣ лихорадочнаго сна, больше утомляющаго, чѣмъ дающаго отдыхъ. «Я былъ въ обморкѣ»,—сказалъ я Coxwell'ю. «Конечно,—отвѣтилъ онъ— и немного нужно было, чтобы и я также потерялъ сознаніе». Я взялся снова за мои наблюденія въ 2 ч. 14 мин. и первыя цифры, которыя я записалъ были 292 миллиметра для барометра и 18° температуры.

«Нашъ спускъ произошелъ посреди обширнаго луга въ Coldweston, въ 7 миляхъ разстоянія отъ Ludlow.

«Послѣднее свое наблюденіе я сдѣлалъ на высотѣ 8.838 метровъ равной высотѣ Эвереста, высочайшей вершинѣ въ мірѣ, у подножія которой приходятъ умирать браманистскіе пилигриммы, ищущіе Нирваны. Въ то время, какъ я находился безъ сознанія во время моего обморка, мы подымались съ быстротой 305 метровъ въ минуту, а когда я принялся за свои наблюденія мы спускались со скоростью 610 метровъ, со скоростью вдвое большей скорости поднятія, это обстоятельство дало мнѣ возможность вычислить съ достаточною точностью высоту, которой мы въ дѣйствительности достигли. Между моимъ первымъ наблюденіемъ при поднятіи и моимъ первымъ при спускѣ прошло 13 минутъ; примемъ за x время, употребленное на поднятіе, y—время, потраченное на спускъ, тогда $x+y=13$, и такъ какъ скорость поднятія равна половинѣ, то: $2y=x$, то, слѣдовательно, $x=\frac{26}{3}\ y=\frac{13}{3}$ число метровъ, сдѣланныхъ во время обморка, равняется, слѣдовательно $\frac{305\times26}{3}=2.650$ метрамъ. Такимъ образомъ высота которой мы достигли$=11.000$ метрамъ. Несмотря на то, что я потерялъ сознаніе, я все же безъ всякаго несчастія поднялся до высоты равной высотѣ Гималаевъ плюсъ высота Пиринеевъ».

Полетъ *Спинелли*, *Сивеля* и *Тиссандье* не окончился такъ счастливо.

Двое первыхъ изъ нихъ погибли и только Тиссандье спасся какимъ то чудомъ. Вотъ какъ онъ разсказываетъ о своемъ путешествіи.

«Въ четвергъ 15 апрѣля 1815 года, въ 11 час. 32 мин. утра, мы поднялись. Три сосуда, наполненныхъ смѣсью воздуха и кислорода (70%), были привязаны къ кругу; отъ нижняго конца каждаго изъ нихъ выходила каучуковая трубка, проходящая затѣмъ черезъ пузырекъ съ ароматической жидкостью; этотъ аппаратъ долженъ былъ служить для вдыханія кислорода.

Черезъ три часа послѣ поднятія Спинелли и Сивель умерли на высотѣ 8.000 метровъ отъ удушенія. Сивель на высотѣ 300 метр. съ радостью воскликнулъ: «Наконецъ, мы поднялись, мои друзья! Какъ я доволенъ». Затѣмъ, взглянувъ въ аэростатъ, «посмотрите на Зенитъ, какъ онъ хорошо надутъ, какъ онъ красивъ». Спинелли же говоритъ мнѣ: «Ну Тиссандье, мужайтесь; къ аспиратору, къ угольной кислотѣ»...

На высотѣ 3.300 метр. газъ съ силой выходилъ изъ нижняго отверстія шара, находящагося надъ нашими головами. Запахъ былъ очень силенъ, но ни я, ни Сивель ничего непріятнаго отъ этого не почувствовали. Я хочу привести слѣдующія строки, написанныя Спинелли: «Часъ = 11 час. 57 мин., выс. бaром. = 500, темпер. +1°, легкая боль въ ушахъ. Чувствую себя не совсѣмъ хорошо. Это газъ».

Прибавлю, что «Зенитъ» не былъ совершенно надутъ, чтобы оставить возможность для дальнѣйшаго расширенія.

На высотѣ 4.000 метр. солнце было очень ярко, небо лучезарное, множество перистыхъ облаковъ на горизонтѣ, которыя образовали громадный опаловидный кругъ вокругъ нашей лодочки.

На высотѣ 4.300 м. мы начали вдыхать кислородъ, не потому, что въ немъ нуждались, но просто, чтобы убѣдиться въ исправности нашихъ аппаратовъ.

На высотѣ 7.000 метр., въ 1 ч. 20 мин. я дѣйствительно почувствовалъ необходимость вдыхать смѣсь кислорода съ воздухомъ; на высотѣ 7.000 метр. я написалъ слѣдующія строки: «я вдыхаю кислородъ. Дѣйствіе превосходное».

Научныя наблюденія Тиссандье.

Часы.	Высота.	Температура.	Часы.	Высота.	Температура.
11 ч. 30′	На землѣ.	14	12 ч. 51′	4.700	0
»	364	11	»	5.210	—3
»	792	8	»	5.210	—5
11 ч. 40′	1.267	8	»	5.300	—5
»	2.000	7	1 ч. 05′	5.600	—5
»	3.200	1	»	5.800	—5
»	3.500	1	»	6.700	—8
12 ч. 15′	3.698	2	1 ч. 20′	7.000	—10
»	4.100	0	»	7.400	—11
»	4.387	0	»	8.000	неопредѣлен.
»	5.700	0			

Съ самаго поднятія до высоты въ 7.000 метр. термометрическія наблюденія дѣлались правильно. Они указываютъ на прогрессивное уменьшеніе температуры до высоты 3.200 м., увеличеніе съ 3.200 м. до 3.700, и, наконецъ, уменьшеніе съ 4.000 до 6.700 метр. и выше.

На высотѣ 7.000 м. мы всѣ стояли въ лодочкѣ; Сивель, впавшій на моментъ въ безчувственное состояніе, снова пришелъ въ себя, Спинелли мнѣ говоритъ: «Посмотрите, какъ эти перистыя облака красивы!»

...На этой высотѣ въ 7.000 м. я машинально, написалъ нѣсколько строкъ, не оставившихъ во мнѣ вполнѣ яснаго воспоминанія; написаны онѣ очень неразборчиво, рукой, дрожавшей отъ холода:

«У меня замерзли руки. Я себя хорошо чувствую. Туманъ на горизонтѣ и маленькія круглыя перистыя облака. Мы подымаемся. Мы вдыхаемъ кислородъ. Сивель закрываетъ глаза. Я опоражниваю аспираторъ. Температура = —10°, 1 ч. 20 м.; H = 320. Сивель дремлетъ. 1 ч. 25 м., температура = —11°. H = 300. Сивель бросаетъ балластъ» (эти послѣднія слова едва можно разобрать).

Когда Сивель бросилъ 3 мѣшка балласта на высотѣ 7.450 м., т. е. подъ давленіемъ 300 mm. (эта послѣдняя цифра, которая была записана мною), мнѣ кажется, насколько я помню, онъ сѣлъ тогда на дно лодочки. Затѣмъ я почувствовалъ себя настолько слабымъ, что не могъ даже повернуть головы, чтобы взглянуть на моихъ товарищей. Я хотѣлъ взять трубку, чтобы вдохнуть кислородъ, но не былъ въ состояніи поднять рукъ. Несмотря на это, голова остается ясной. Я наблюдаю за барометромъ; глаза мои устремлены на стрѣлку, которая скоро становится противъ цифры 290 mm., затѣмъ 280 mm , которую она проходитъ.

Я хочу воскликнуть:

«Мы находимся на высотѣ 8.000 метр.». Но языкъ еще парализованъ, я не могу произнести ни звука. Вдругъ я закрываю глаза и теряю совершенно сознаніе. Было, приблизительно, около 1 ч. 30 м. Въ 2 ч. 3 м., послѣ получасоваго обморока, я прихожу въ сознаніе. Шаръ быстро опускался, я смогъ отрѣзать одинъ мѣшокъ балласта, чтобы уменьшить скорость паденія и написать слѣдующія слова: «Мы опускаемся; температура —8°, я бросаю балластъ, H = 315. Мы опускаемся. Сивель и Спинелли лежатъ безъ сознанія въ лодочкѣ. Спускаемся очень быстро».

Едва я написалъ это, какъ снова упалъ. Вѣтеръ былъ силенъ, направленіе его было снизу вверхъ, что̀ говорило о быстромъ опусканіи; нѣсколько мгновеній спустя мою руку кто-то потрясъ и я узнаю Спинелли, который пришелъ въ себя. «Бросьте баластъ,—говоритъ онъ мнѣ,—мы спускаемся». Но я могъ только едва открыть глаза и не видѣлъ даже, очнулся ли Сивель. Я помню, что Спинелли отвязалъ аспираторъ, который онъ бросилъ черезъ бортъ вмѣстѣ съ балластомъ и одѣялами и т. д.

Все это мнѣ вспоминается очень смутно, такъ какъ я снова впалъ въ безсознательное состояніе, болѣе глубокое, чѣмъ прежде; мнѣ казалось, что я заснулъ вѣчнымъ сномъ.

Что же случилось? Вѣроятно, шаръ, облегченный выброшеннымъ баластомъ, непроницаемый и нагрѣтый, поднялся еще разъ въ высокіе слои атмосферы.

Около 3 ч. 30 м. я открылъ глаза, чувствовалъ себя слабымъ и ошеломленнымъ, но голова начала проясняться. Шаръ спускался съ ужасающей скоростью; лодочка качалась сильно и описывала большіе круги. Я поползъ на колѣняхъ къ Сивелю и Спинелли и потрясъ ихъ за руки. «Сивель, Спинелли, очнитесь!» кричалъ я. Оба мои товарища сидѣли въ лодочкѣ на корточкахъ, спрятавъ голову въ дорожныя одѣяла. Я собираю всѣ мои силы и стараюсь ихъ приподнять. У Сивеля было черное лицо, открытый ротъ, наполненный кровью; у Спинелли глаза были полузакрыты и окровавленный ротъ.

Я не въ силахъ разсказать подробно, что произошло затѣмъ.

Я снова почувствовалъ сильный вѣтеръ снизу вверхъ. Мы были на высотѣ 5.000 метр. Я бросилъ послѣдніе два мѣшка балласта. Скоро показалась земля. Я хотѣлъ взять мой ножъ, чтобы отрѣзать веревку якоря, но не могъ его найти. Я былъ какъ сумасшедшій и не переставалъ кричать: «Сивель! Сивель!»

Наконецъ, по счастью, я нашелъ ножъ и спустилъ якорь въ желанный моментъ; ударъ о землю былъ страшно силенъ. Казалось, что шаръ сплющился и остался на мѣстѣ; но сильный вѣтеръ его снова увлекъ. Якорь не зацѣплялся и лодочка тащилась по полю; каждую минуту я ждалъ, что тѣла моихъ несчастныхъ товарищей выпадутъ; наконецъ, я смогъ схватить веревку клапана и шаръ почти мгновенно опустѣлъ и упалъ на дерево. Было 4 часа. Шаръ опустился въ 250 килом. отъ Парижа».

Такъ окончился этотъ полетъ, который, по показаніямъ барометра, достигъ 8.600 метровъ.

Опытъ показываетъ, что человѣкъ не долженъ переходить за 8.000 метр. высоты, не рискуя своею жизнью.

Послѣднее воздушное путешествіе, которое мы опишемъ раньше, чѣмъ перейти къ воздушнымъ шарамъ безъ пассажировъ—это путешествіе *Маллэ*, совершенное 23 октября 1892 г. Отправившись изъ Парижа на аэростатѣ въ 800 кубическ. метр., Маллэ достигъ Валэна, въ Германіи, 25 октября, въ 6 ч. 30 м. Это 36-ти-часовое путешествіе одно изъ самыхъ длинныхъ, какія только были сдѣланы до сихъ поръ. Если бы вѣтеръ былъ силенъ, напр., только 20 метр. въ секунду, т. е. 75 километровъ въ часъ, то шаръ Маллэ пролетѣлъ бы около 2.600 километр. Погода не благопріятствовала этому поднятію; на высотѣ въ 1.000 метр. все время падалъ снѣгъ, который, при приближеніи къ землѣ, превратился въ дождь.

Въ научномъ отношеніи самыя интересныя воздушныя поднятія тѣ, которыя достигли наиболѣе высокихъ слоевъ атмосферы, но они, конечно, наиболѣе опасныя. Самыя пріятныя—это долго длящіяся воздушныя путешествія, особенно если проводишь всю ночь надъ землею и присутствуешь при восходѣ солнца.

Но самое чудное впечатлѣніе получается при проходѣ шара черезъ облака. Подымаешься медленно; небо покрыто облаками. Земля совершенно исчезаетъ. Ничего не видно, такъ какъ находишься посреди паровъ молочнаго цвѣта. Свѣтъ, равномѣрный сначала, становится болѣе яркимъ въ зенитѣ, но солнце все еще не появляется. Затѣмъ вдругъ облака пропадаютъ подъ лодочкой, а солнце посылаетъ свои горячіе лучи черезъ воздухъ, необыкновенно свѣжій и прозрачный. Въ облакахъ вырисовывается тѣнь шара, окруженная ореоломъ, иногда просто бѣлымъ, иногда же разцвѣченнымъ всѣми цвѣтами радуги.

Но эта тѣнь появляется и въ другомъ видѣ. При восходѣ солнца вдали вырисовывается громадное бѣлое пятно, величиною съ цѣлую деревню; пятно это движется въ томъ же направленіи и такъ же скоро, какъ вы, даже скорѣе; по мѣрѣ того, какъ солнце подымается, свѣтлая тѣнь шара приближается все ближе и ближе, затѣмъ исчезаетъ, чтобы появиться снова, но уже въ видѣ земной тѣни, которая вырисовывается, какъ только солнце или луна поднялись на извѣстную высоту надъ горизонтомъ. По мѣрѣ того, какъ шаръ подымается, эта темная тѣнь уменьшается и наконецъ совершенно исчезаетъ. Такъ, во время моего путешествія, 26 іюля, въ 8 часовъ утра, когда солнце находилось до-

вольно высоко, тѣнь аэростата въ 1.300 кубическ. метр. исчезла на высотѣ въ 2.200 метр. Во время этого же путешествія свѣтлая тѣнь была видима отъ 5 час. 10, 6,30, т. е. въ теченіе 1 ч. 20 м.

Прежде чѣмъ окончить эту главу, скажемъ нѣсколько словъ о воздушныхъ шарахъ, пущенныхъ только съ измѣрительными приборами. Во Франціи *Безансонъ* и *Эрмитъ* часто пускали такіе шары, называемые пробными или балонами-зондами. Такъ, они пустили одинъ изъ такихъ шаровъ 21-го марта 1893 г., величиной въ 113 куб. метр. Онъ достигъ высоты въ 16.000 метровъ, гдѣ температура оказалась= —51°. Чернила замерзли и потому діаграммы не были окончены.

27-го сентября 1893 г. снова былъ пущенъ шаръ и снова діаграммы не были окончены. Высота, достигнутая имъ=11.500 метр., minimum температуры= —41°.

Въ 1894 г. *Ассманнъ* въ Берлинѣ возобновилъ еще съ большимъ успѣхомъ опыты Безансона и Эрмита. Въ первый опытъ шаръ достигъ высоты въ 16.325 метр., а температура minimum= —52°.

Во второй разъ, въ сентябрѣ, ртуть упала на 53 миллим., что показываетъ высоту въ 18.500 м.; температура же= —67°.

Результаты этихъ опытовъ даютъ возможность предвидѣть, сколько тайнъ будетъ объяснено человѣкомъ, когда онъ сможетъ достигнуть границъ атмосферы.

Въ послѣднее время (начиная съ 1894 года), вмѣсто балоновъ-зондовъ, часто пользуются *воздушными змьями*, съ которыми мы всѣ знакомы еще въ дѣтствѣ, когда «пускать змѣя» было однимъ изъ нашихъ любимыхъ удовольствій; змѣй-игрушка сталъ научнымъ приборомъ, благодаря которому мы можемъ изслѣдовать атмосферныя явленія на высотѣ нѣсколькихъ сотъ и даже тысячъ метровъ надъ поверхностью земли. Когда вмѣсто бичевки при спускѣ змѣевъ стали употреблять стальную проволоку, то средняя высота поднятія достигла до 2.000 метровъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ превысила даже 3.500 метровъ. Къ змѣю приспособили самопишущіе приборы — барометръ, гигрометръ, термометръ и анемометръ, конечно, очень легкіе и заключенные въ такую же легкую аллюминіевую коробку; первобытная форма змѣевъ тоже нѣсколько видоизмѣнилась: метеорологическіе змѣи имѣютъ уже не плоскую, а изогнутую поверхность и часто составлены изъ многихъ клѣтокъ.

Несмотря на такое недавнее появленіе въ метеорологіи змѣевъ, они оказали ей уже много услугъ, благодаря имъ сдѣлано уже много интересныхъ наблюденій и нужно надѣяться, что съ каждымъ годомъ примѣненіе ихъ будетъ все шире и шире, такъ какъ они и гораздо дешевле балоновъ-зондовъ, и легче могутъ быть удержаны на точно опредѣленной высотѣ.

Вообще змѣямъ можно предсказать блестящее будущее въ дѣлѣ изученія высокихъ слоевъ нашей атмосферы, если только раньше какое-нибудь блестящее открытіе не покоритъ окончательно воздушнаго океана нашимъ воздушнымъ шарамъ или аэропланамъ.

неполированнаго камня. Только серьезныя палеографическія, этнографическія и археологическія изслѣдованія могутъ дать основанія для сужденія объ истинномъ происхожденіи государства фараоновъ. Весьма вѣроятно, что въ эту дѣйствительно первобытную эпоху эѳіопы и берберы сталкивались въ долинѣ Нила и подготовляли почву для историческаго Египта.

II. Эѳіопія.

Во всякомъ случаѣ, къ какимъ бы результатамъ не привели эти изслѣдованія, несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что Эѳіопія никогда не играла въ исторіи такой выдающейся роли, какъ Египетъ; несомнѣнно также и то, что въ ней до сихъ поръ сохранились нѣкоторые архаическіе обычаи, которые нѣкогда существовали въ Египтѣ.

По показаніямъ древнихъ, Эѳіопія простиралась въ тѣ времена значительно далѣе на сѣверъ, чѣмъ теперь. Геродотъ говоритъ, что она доходила до Элефантины. Подымаясь оттуда вверхъ по Нилу, черезъ два мѣсяца достигали до Мероэ—столицы эѳіоповъ. Эти эѳіопы были чернокожіе, но сильно отличались другъ отъ друга. У однихъ, жившихъ на востокъ отъ Нила, были волосы чёрные и гладкіе, у другихъ къ западу отъ Нила—сильно вьющіеся. Западные эѳіопы жили еще, по словамъ Геродота, въ пещерахъ и не имѣли членораздѣльной рѣчи; они издавали только короткія восклицанія, какъ летучія мыши.

Очевидно, что древніе смѣшивали подъ общимъ именемъ эѳіоповъ чернокожія племена, принадлежавшія къ различнымъ расамъ. Тѣ изъ нихъ, которые жили близъ Мероэ, были уже цивилизованы, они хоронили своихъ покойниковъ, высушенныхъ, наряженныхъ и раскрашенныхъ, въ прозрачныхъ гробахъ. Въ то же время тѣ эѳіопы, которыхъ Ксерксъ набиралъ въ свою армію, были одѣты въ звѣриныя шкуры и употребляли стрѣлы съ каменными наконечниками.

Страбонъ, впрочемъ, строго различаетъ дикихъ и цивилизованныхъ эѳіоповъ. Первые живутъ въ пещерахъ, ходятъ голые или въ звѣриныхъ шкурахъ, съ палицами въ рукахъ и ведутъ кочевой образъ жизни. Послѣдніе сѣяли просо и ячмень, имѣли стада и умѣли приготовлять масло и сыръ.

Этихъ цивилизованныхъ эѳіоповъ мы можемъ считать предками современныхъ нумидійцевъ и абиссинцевъ. Съ ними египтяне имѣли постоянныя то мирныя, то враждебныя сношенія, на нихъ распространялось цивилизующее вліяніе Египта.

Столица Эѳіопіи—Мероэ была крупнымъ торговымъ центромъ. Тамъ сходились всѣ караваны, идущіе отъ береговъ Индійскаго океана, изъ Египта и изъ Абиссиніи. Оттуда же отправлялись караваны и къ Средиземному морю, пересѣкая Сахару; трудно себѣ представить, какимъ образомъ могли они совершать этотъ ужасный переходъ черезъ пустыню въ тѣ времена, когда и верблюдъ еще не былъ извѣстенъ.

Торговые пути, проложенные въ тѣ отдаленныя времена, въ значительной степени сохранились и до сихъ поръ.

Въ настоящее время изъ всѣхъ эѳіопскихъ племенъ мы знаемъ ближе всего абиссинцевъ. Они представляютъ собой крайне смѣшанный типъ. Знаменитый изслѣдователь Д'Аббади, находитъ у нихъ черты древняго египтянина, копта, африканскаго негра, индійскаго чернокожаго, еврея и даже монгола. Окраска кожи у абиссинцевъ переходитъ отъ бронзоваго до чернаго, но по чертамъ лица большая часть абиссинцевъ приближается къ бѣлымъ расамъ.

Во многихъ отношеніяхъ промышленность современныхъ эѳіоповъ сохранила первобытныя формы. Ихъ женщины мелютъ зерно между двумя камнями, изъ которыхъ нижній укрѣпленъ неподвижно, а верхній—овальной формы, вращается на немъ. Ткацкое искусство тоже находится еще въ зачаточномъ состояніи. Они ткутъ изъ хлопка матеріи бѣлаго цвѣта съ красными и синими каймами, и грубыя черныя ткани изъ шерсти. Ткацкій станокъ самаго примитивнаго устройства, хотя челнокъ все-таки уже извѣстенъ имъ. Для пряжи нитокъ они употребляютъ такое же веретено, какъ у насъ, только безъ прялки и пользуются имъ очень оригинальнымъ способомъ. Приподнявъ рубашку, прядильщица быстро вертитъ веретено, пуская его по своей ногѣ отъ бедра къ колѣну и обратно и такимъ образомъ прядетъ нитку. Кромѣ ткацкаго, очень немногія ремесла въ Абиссиніи спеціализированы. Каждый долженъ умѣть приготовлять все необходимое для себя. Только кузнецы, которыхъ въ Абиссиніи считаютъ колдунами, составляютъ особый классъ населенія. Надо сказать, что, несмотря на это, они очень неискусны въ своемъ мастерствѣ и выдѣлываютъ изъ желѣза только самые грубые инструменты и оружіе.

Изъ металловъ въ Абиссиніи встрѣчается и желѣзо, и серебро, и мѣдь; но добывать ихъ абиссинцы почти не умѣютъ, особенно два послѣдніе, которые труднѣе получать изъ руды.

Болѣе искусны абиссинцы въ гончарномъ ремеслѣ. Они выдѣлываютъ большія глиняныя вазы съ двумя ручками, напоминающія древнеегипетскія вазы.

Особый способъ выдѣлки кожъ составляетъ секретъ абиссинцевъ. Они смазываютъ кожи какимъ-то, имъ однимъ извѣстнымъ, составомъ, послѣ чего ихъ очень легко обрабатывать. Изъ приготовленной этимъ способомъ бараньей кожи они выдѣлываютъ, между прочимъ, родъ пергамента. Изъ естественныхъ богатствъ въ Абиссиніи добывается еще каменная соль. Такъ какъ соль составляетъ очень цѣнный продуктъ въ Африкѣ, то въ Абиссиніи всегда массы рабочихъ заняты добываніемъ ея.

Нѣкоторые абиссинскіе князья понимаютъ всю важность развитія промышленности и стараются, съ своей стороны, способствовать ея росту. Они собираютъ къ своимъ дворамъ наиболѣе искусныхъ мастеровъ и

тамъ дѣлаютъ имъ разные заказы. Въ этихъ княжескихъ мастерскихъ выдѣлываются прекрасныя матеріи, оружіе и украшенія. Придворные мастера являются въ такомъ случаѣ самыми приближенными лицами къ особѣ князя, имъ при дворѣ оказывается наибольшій почетъ. Но и этотъ фактъ служитъ самъ по себѣ доказательствомъ незначительнаго развитія промышленности въ Абиссиніи, такъ какъ тамъ, гдѣ ремесла болѣе развиты, государи обыкновенно не такъ щедро расточаютъ свои милости простымъ рабочимъ.

При такомъ низкомъ уровнѣ промышленности торговля въ Абиссиніи тоже должна находиться еще въ самомъ первобытномъ состояніи. Въ VI вѣкѣ по Р. Х. она совершалась тамъ еще посредствомъ простого обмѣна и притомъ заглазнаго, какъ у самыхъ первобытныхъ дикарей, да и въ настоящее время она сравнительно ушла не очень далеко отъ этого. Средневѣковой ученый Космосъ описываетъ намъ, какимъ образомъ абиссинскіе купцы вели торговлю съ сомалами, жившими по прибрежью Индійскаго океана. Они нагружали быковъ каменной солью и желѣзомъ и цѣлымъ караваномъ отправлялись въ путь. Дойдя до границы, за которой начинались поселенія сомаловъ, они убивали быковъ, разрубали ихъ на части и, разложивъ на дорогѣ мясо, соль и желѣзо, сами удалялись въ сторону. Туземцы тотчасъ же появлялись, осматривали привезенные товары, клали на каждую вещь слитокъ золота и, въ свою очередь, удалялись. Послѣ этого купцы осматривали предложенное золото и, если находили количество его достаточнымъ, забирали его и отправлялись въ обратный путь, оставивъ туземцамъ привезенные товары, если же золота было, по ихъ мнѣнію, мало, они дожидались, пока туземцы прибавятъ еще.

Конечно, въ настоящее время такіе первобытные пріемы уже оставлены, но все-таки торговля еще очень мало развита. Внутри страны она происходитъ главнымъ образомъ на базарахъ, куда свозятся преимущественно разные сырые продукты, такъ какъ промышленность еще не настолько развита, чтобы доставлять много товаровъ на продажу.

На этихъ базарахъ можно найти разныхъ домашнихъ животныхъ, медъ, строительные матеріалы, зерно, кофе и т. п. На главныхъ базарахъ встрѣчаются также грубое оружіе, мѣстныя матеріи и разные иностранные товары: ліонскій шелкъ, венеціанское стекло, англійскіе ситцы и т. н.

Внѣшняя торговля въ Абиссиніи, какъ и во всѣхъ вообще странахъ, гдѣ личная безопасность далеко не обезпечена, совершается при помощи каравановъ. Главными предметами вывоза изъ Абиссиніи служатъ слоновая кость и рабы, особенно же рабыни. Отправляясь въ путь, купцы надѣваютъ мужчинамъ ручныя кандалы и навьючиваютъ на нихъ разные товары и маленькихъ дѣтей. Дѣтей по-старше и женщинъ гонятъ впереди, какъ стадо скота.

*

Дороги въ Абиссиніи далеко не безопасны, сплошь и рядомъ разбойники совершаютъ нападенія на торговые караваны и грабятъ ихъ, кромѣ того на границѣ каждаго отдѣльнаго племени, каждаго маленькаго княжества купцы должны уплачивать пошлину за право проѣзда. Размѣръ этихъ пошлинъ совершенно не опредѣленъ и въ общемъ очень высокъ; мелкіе эѳіопскіе князьки налагаютъ и взимаютъ ихъ совершенно произвольно.

Денежная система въ Абиссиніи до сихъ поръ еще находится въ полномъ хаосѣ. Никакой общегосударственной монеты тамъ нѣтъ, и даже нѣтъ такого денежнаго знака, который, по обычаю, пользовался бы повсемѣстнымъ распространеніемъ. Единицами обмѣна служатъ и стручки чернаго перца, и табакъ. и бусы, и стеклянныя бутылки, и толстыя швейныя иголки, и куски матеріи и т. д., и т. д. Изъ металлическихъ монетъ тамъ обращается, главнымъ образомъ, австрійскій талеръ, который оцѣнивается въ 3.600 бусъ. Въ то же время талеръ служитъ вѣсовой единицей; почти во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ народы эѳіонскаг оплемени, всѣ товары взвѣшиваются на талеры. Талеръ или *таляри* размѣнивается также на болѣе мелкую монету, называемую *амуле*; она представляетъ собой ничто иное, какъ куски каменной соли. За одинъ *таляри* можно получить отъ 8 до 15 *амуле*. Не слѣдуетъ забывать, что и *таляри*, и *амуле* далеко не представляютъ собою денегъ въ нашемъ смыслѣ слова; они являются такими же единицами обмѣна, какъ и всѣ прочіе и съ ихъ помощью можно пріобрѣсти далеко не всегда и не всякій товаръ. Если, напримѣръ, кто-нибудь пожелаетъ въ Абиссиніи купить пшеницы, онъ долженъ прежде всего найти землевладѣльца, который можетъ продать ее, но землевладѣлецъ желаетъ, быть можетъ, получить въ обмѣнъ на нее не талеры, а рожь; въ такомъ случаѣ надо найти человѣка, который желалъ бы продать рожь; когда такой человѣкъ найденъ, оказывается, что онъ промѣняетъ свою рожь только на табакъ, и, наконецъ, быть можетъ, владѣлецъ табака соглашается обмѣнять его на талеры. И вотъ такимъ сложнымъ путемъ человѣкъ, имѣющій талеры, можетъ, наконецъ, получить пшеницу. Такія и подобныя неудобства при торговлѣ вызываетъ въ Абиссиніи отсутствіе общепринятой денежной единицы.

Такимъ образомъ Абиссинія представляетъ собой еще совершенно нецивилизованную страну, гдѣ и промышленность, и торговля носятъ самый первобытный характеръ и во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ древній Египетъ.

Базары у эѳіоповъ очень похожи на базары древняго Египта. На нихъ присутствуетъ чиновникъ, который по своимъ правамъ напоминаетъ «базарнаго старшину» кабиловъ. Но въ общемъ общественный строй у эѳіоповъ не имѣетъ ничего общаго съ республиканской общиной кабиловъ. У нихъ, наоборотъ, господствуетъ вполнѣ монархическое устройство. Король является неограниченнымъ государемъ. Ино-

странные купцы, вступающіе на его территорію, должны передать всѣ свои товары въ руки королевскихъ чиновниковъ, и король выбираетъ изъ нихъ, что пожелаетъ. Впрочемъ, за взятые товары онъ уплачиваетъ купцамъ ихъ стоимость.

III. Египетъ.

Относительно происхожденія египтянъ до сихъ поръ еще нельзя сказать ничего вполнѣ опредѣленнаго. Прежняя гипотеза, считавшая египтянъ народомъ семитическаго племени, теперь почти совершенно оставлена. Знаменитѣйшій египтологъ Масперо тоже въ настоящее время отказался отъ мысли объ азіатскомъ происхожденіи египтянъ. И дѣйствительно, эта гипотеза не имѣетъ подъ собой никакого основаніи. Сходство между египетскимъ языкомъ и семитическими нарѣчіямъ настолько отдаленное, что можетъ свидѣтельствовать только о позднѣйшихъ сношеніяхъ между этими народами. Съ другой стороны, физическій типъ египетской расы, переданный съ такимъреализмомъ египетскими живописцами и особенно скульпторами, не представляетъ ни одной характерной черты сходства съ семитами. Наконецъ, древность существованія Египта, явившагося несомнѣнно первымъ цивилизованнымъ государствомъ на всемъ земномъ шарѣ, служитъ сама по себѣ доказательствомъ того, что скорѣе Египетъ могъ колонизовать другія страны, чѣмъ быть чьей бы то ни было колоніей.

Вопросъ о томъ, къ какой же эпохѣ можно хотя бы приблизительно отнести начало Египта, тоже еще нельзя считать рѣшеннымъ. Нижній Египетъ, какъ уже было сказано, возникъ въ сравнительно болѣе поздній геологическій періодъ, такъ какъ онъ не могъ существовать ранѣе, чѣмъ Нилъ пробилъ себѣ путь къ Средиземному морю. Слѣдовательно жизнь должна была сосредоточиться первоначально въ верхнемъ Египтѣ, гдѣ, вѣроятно, ливійцы сталкивались съ эѳіопскими племенами. Когда же началъ существовать собственно египетскій народъ? Самые древніе изъ сохранившихся до нашего времени памятниковъ считаютъ около 6 тысячелѣтій существованія, но они представляютъ собой произведенія очень совершеннаго искусства, которое могло быть только у народа, уже задолго до того начавшаго жить государственной жизнью. Масперо считаетъ, что до тѣхъ поръ должно было пройти отъ 40 до 50 вѣковъ, такимъ образомъ отъ времени возникновенія Египта до нашихъ дней прошло около 11 тысячелѣтій. По другимъ даннымъ получается срокъ значительно большій. Рядомъ со статуей Рамзеса II въ Мемфисѣ, на глубинѣ 39 футовъ найденъ сосудъ изъ красной глины. Статуя Рамзеса II сдѣлана въ 1361 г. до Р. Х.; съ того времени уровень почвы повысился на 9 футовъ четыре дюйма, слѣдовательно, при предположеніи, что почва въ этой мѣстности повышалась съ правильной постепенностью, можно

легко вычислить сколько вѣковъ тому назадъ былъ сдѣланъ глиняный сосудъ; а именно получается, что онъ пролежалъ подъ землей около тринадцати съ половиной тысячелѣтій. Между тѣмъ современная этнографія учитъ насъ, что гончарное искусство изобрѣтается обыкновенно далеко не изъ первыхъ и развивается очень медленно. Такимъ образомъ надо предположить, что на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ Мемфисъ люди жили за 15, 16 тысячелѣтій до нашего времени, а можетъ быть, и больше. Это первобытное населеніе Египта жило въ гротахъ и пещерахъ, остатки ихъ сохранялись въ Египтѣ еще въ историческія времена; сохранялись тамъ также очень долгое время и каменныя орудія, не только изъ полированнаго, но и изъ неполированнаго камня. Египетскіе бальзамировщики, напримѣръ, всегда вскрывали трупы каменными ножами; да и въ высшихъ слояхъ египетскаго общества долго сохранялся обычай употреблять разныя древнія орудія и оружія; во время охоты они употребляли такъ называемый бумерангъ, который теперь можно встрѣтить, у австралійскихъ дикарей.

Какимъ образомъ Египетъ безъ всякой помощи извнѣ могъ выйти изъ состоянія первобытнаго варварства? Этого мы не знаемъ. Какъ бы далеко мы ни заглядывали въ глубь его исторіи, мы всегда находимъ государство уже сложившееся, цивилизованное, управляемое монархомъ, которому оказываются божескія почести и могущественной теократіей. Внутри государства господствуютъ феодальныя отношенія. Всякій египтянинъ долженъ зависѣть отъ кого нибудь, находиться подъ чьимъ-нибудь покровительствомъ, иначе онъ — жалкій парія. Низшій классъ населенія Египта представлялъ собой закрѣпощенную массу, находящуюся въ полной, неограниченной зависимости отъ своихъ господъ. Всѣ работы, безъ исключенія, лежали на этомъ крѣпостномъ населеніи, при чемъ никто не могъ выбирать себѣ свободно родъ занятій; они переходили неизмѣнно отъ отца къ сыну. Главная масса населенія была занята земледѣліемъ, которое было сильно развито въ Египтѣ. На фрескахъ, украшающихъ могилы умершихъ, двойники простолюдиновъ обоего пола изображаются постоянно за какими-нибудь земледѣльческими работами; они сѣютъ, жнутъ пашутъ преимущественно на коровахъ, а иногда и на людяхъ и т. п. Въ долинѣ, орошаемой ежегодными разливами Нила, воздѣлывались рожь, пшеница, виноградъ, финики, фиги, бананы, всѣ извѣстныя намъ овощи и т. д. Налоги уплачивались тамъ, также какъ въ Перу, натурою—зерномъ, плодами и т. п., и почти никогда взысканіе податей не обходилось безъ жестокихъ палочныхъ ударовъ.

Изъ домашнихъ животныхъ египтяне, повидимому, прежде всѣхъ начали употреблять для работъ осла, который или произошелъ въ Африкѣ, или очень рано акклиматизировался тамъ. Верблюдъ и лошадь стали извѣстны гораздо позднѣе, и лошадь никогда не играла тамъ роль рабочаго скота. Она главнымъ образомъ употреблялась во время войны и запрягалась въ колесницы знатныхъ вельможъ.

Всѣ почти ремесла и искусства были извѣстны въ Египтѣ раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Египетъ былъ въ этомъ отношеніи великимъ разсадникомъ цивилизаціи. Оттуда уже разныя знанія и искусства были перенесены, съ одной стороны, въ Азію къ семитическимъ народамъ, съ другой—въ Грецію и въ Римъ.

И ткацкое, и гончарное, и красильное, и кузнечное, и столярное искусства достигли тамъ значительнаго совершенства, прежде чѣмъ стали извѣстны другимъ народамъ. Въ скульптурѣ и живописи египтяне тоже долгое время оставляли далеко за собой всѣхъ своихъ сосѣдей.

Всѣ эти ремесла и искусства выполнялись въ Египтѣ крѣпостнымъ населеніемъ, положеніе котораго было поистинѣ ужасно. Ремесленники работали вѣчно подъ палкой и зарабатывали, не смотря на свое искусство, такъ мало, что едва могли поддерживать существованіе впроголодь. Зато бунты рабочихъ составляли обычное явленіе въ Египтѣ.

Всего ужаснѣе было положеніе горныхъ рабочихъ. Туда назначали обыкновенно военноплѣнныхъ, преступниковъ и ихъ родственниковъ. Голодные, полуголые, день и ночь закованные въ цѣпи, работали эти несчастные подъ неумолкавшій свистъ кнута надзирателей-солдатъ. Солдаты не щадили ни стариковъ, ни больныхъ, ни женщинъ, ни дѣтей; слабые получали только двойную порцію ударовъ, чтобы заставить ихъ работать. Иногда имъ приходилось, кромѣ того, страдать отъ нападеній враговъ, такъ какъ копи въ Египтѣ находились главнымъ образомъ на границахъ страны.

Самые рудники устраивались въ Египтѣ гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ первобытныхъ странахъ; они представляли собой широкія и низкія подземныя галлереи, поддерживаемыя мѣстами оставленными въ скалѣ столбами. Если жилы развѣтвлялись, отъ главныхъ галлерей прокладывались въ сторону поперечные корридоры; иногда они были такъ узки, что добывать изъ нихъ металлъ могли только маленькія дѣти. Иногда подземныя галлереи проводились на глубинѣ 50, 60 метровъ. Въ этихъ рудникахъ добывалось золото, мѣдь и другіе металлы, а также различные драгоцѣнные камни.

При такомъ сильномъ развитіи и добывающей, и обрабатывающей промышленности, торговля въ Египтѣ тоже должна была возникнуть очень рано. И дѣйствительно, въ періодъ процвѣтанія Египта мы находимъ тамъ чрезвычайно оживленную торговлю. Массы товаровъ стекались постоянно и по сухопутнымъ дорогамъ, и по Нилу въ большіе города. Большіе религіозные праздники почти всегда заканчивались ярмарками. На площадяхъ располагались крестьяне съ домашнимъ скотомъ и земледѣльческими продуктами; вдоль домовъ устраивались охотники съ дичью, рыбаки, горшечники и разные другіе мелкіе ремесленники. Тутъ царило величайшее оживленіе и шумъ; ни малѣйшая продажа не совершалась безъ продолжительнаго торгу.

Внѣшняя торговля возникла въ Египтѣ значительно позднѣе. Цѣ-

лыя тысячелѣтія Египетъ былъ недоступенъ для иностранцевъ. До Псаметиха чужеземные мореплаватели, случайно заплывавшіе въ Египетъ, предавались казни. Но какъ только иностранцамъ разрѣшено было пріѣзжать въ Египетъ, туда нахлынули цѣлыя массы ихъ. Амазисъ отвелъ грекамъ цѣлый городъ — Навкратисъ. Послѣ этого у Египта развилась оживленная внѣшняя торговля. По Нилу, по Средиземному и Чермному морю плавали его корабли, вывозя свои товары въ разныя далекія страны, между тѣмъ какъ иностранные купцы везли въ Египетъ произведенія своихъ странъ. Египетъ вывозилъ главнымъ образомъ рожь, бумажныя, льняныя и шерстяныя ткани, стеклянную и глиняную посуду и лошадей. А получалъ онъ изъ Малой Азіи главнымъ образомъ строительный лѣсъ, такъ какъ въ Египтѣ ощущался въ немъ большой недостатокъ. По Красному морю въ Египетъ везли перламутръ, аметисты, изумруды, золото и разныя благовонія. Египетскіе корабли не отличались особенно совершеннымъ усстройствомъ; они не умѣли строить спеціально морскихъ судовъ и пускали по морямъ такія же барки, какія ходили по Нилу, товары на нихъ складывались просто на палубу. Несмотря на это, египтяне путешествовали въ нихъ и по Красному, и по всему Средиземному морю. Кромѣ того, и по сушѣ изъ Египта шли торговые пути въ разныя стороны. Съ дикими племенами, жившими по границамъ Египта въ Африкѣ, египтяне, впрочемъ, не завязывали правильныхъ торговыхъ сношеній; они предпочитали грабить ихъ, чѣмъ мирно торговать съ ними.

Съ теченіемъ времени внѣшняя торговля Египта достигла очень значительнаго развитія. Плиній разсказываетъ, что изъ Египта въ Индію по Красному морю и Индійскому океану отправлялись цѣлыя торговыя флотиліи до 120 судовъ. Такія путешествія занимали мѣсяцевъ 6, 7 и были сопряжены со всевозможными опасностями; суда должны были быть хорошо вооружены, такъ какъ морскія дороги были въ то время не безопаснѣе сухопутныхъ.

Такое оживленіе въ области промышленности и торговли предполагаетъ естественнымъ образомъ существованіе опредѣленныхъ единицъ мѣры и вѣса, опредѣленной денежной системы и опредѣленнаго торговаго законодательства.

Относительно системы вѣса и мѣры въ Египтѣ мы знаемъ очень немного. Извѣстно только, что мѣряли египтяне на локоть, который подраздѣлялся на 24 или 28 пальцевъ, а палецъ, въ свою очередь, дѣлился на три линіи.

Вѣсовая система дошла до насъ въ еще болѣе неполномъ видѣ. Между прочимъ, въ Египтѣ найдена базальтовая гиря, вѣсомъ въ $62^1/_2$ грамма съ надписью 5. Очевидно, она представляла собой 5 вѣсовыхъ единицъ, по $12^1/_2$ граммовъ каждая. Быть можетъ, это и есть тотъ самый *утенъ*, который такъ часто упоминается у египтянъ въ качествѣ вѣсовой единицы.

Что касается денежной системы, то она никогда не достигала въ Египтѣ полнаго единства. Крупныя продажи совершались обыкновенно тамъ при помощи слитковъ серебра и золота или золотыхъ колецъ.

На египетскихъ фрескахъ часто изображаются крупныя продажи зерна, за которыя уплачивается золотыми кольцами. Эти кольца представляли собой согнутыя въ видѣ буквы С полосы золота; при каждой покупкѣ онѣ взвѣшивались на вѣсахъ. Серебро цѣнилось также очень высоко въ Египтѣ; оно стоило три пятыхъ стоимости золота. Но еще большимъ распространеніемъ, чѣмъ золото и серебро, пользовалась въ Египтѣ мѣдь, особенно со времени четвертой династіи, когда она стала въ большихъ количествахъ добываться въ рудникахъ Синая. Вѣсовая и монетная единица мѣди называлась *утенъ*, этотъ *утенъ* чаще всего фигурировалъ въ Египтѣ при разнаго рода торговыхъ сдѣлкахъ. Рабочіе получали свою плату тоже утенами; такъ, напримѣръ, каменщики при постройкѣ одного храма получали по пяти утеновъ въ мѣсяцъ. Утенъ представлялъ собой квадратную пластинку мѣди опредѣленнаго вѣса.

Мѣдные утены и золотые слитки были одинаково неудобны при мелкихъ покупкахъ и поэтому въ Египтѣ еще съ самой отдаленной древности обращались фиктивные денежные знаки. Сначала они имѣли форму небольшихъ стеклянныхъ пластинокъ, на которыхъ написана была ихъ денежная стоимость; позднѣе они были замѣнены свинцовыми монетами. Звонкая монета, введенная Даріемъ во всѣ принадлежавшія ему страны, служила въ Египтѣ главнымъ образомъ для внѣшней торговли, внутри же страны почти совсѣмъ не привилась.

Обычаи и законы египтянъ относительно кредита и высоты процентовъ отличались меньшей жестокостью и неумолимостью, чѣмъ въ другихъ государствахъ древности. Проценты съ капитала, занятаго на опредѣленный срокъ, ни въ какомъ случаѣ не могли превышать сумму капитала больше, чѣмъ вдвое. Кредиторъ могъ въ крайнемъ случаѣ овладѣть только имуществомъ должника, личность послѣдняго оставлялась для него неприкосновенною. Болѣе подробно долговое законодательство египтянъ не дошло до насъ.

IV. Развитіе торговли въ Египтѣ.

Вообще, для подробнаго и послѣдовательнаго изображенія торговли въ Египтѣ до сихъ поръ еще недостаточно данныхъ. Относительно первыхъ ступеней развитія торговли въ Египтѣ мы можемъ судить только по аналогіи съ другими странами. Въ тотъ періодъ, когда въ Египтѣ существовала еще первобытная республиканская община торговыя отношенія должны были складываться тамъ приблизительно такъ, какъ у кабиловъ. Поздвѣе въ феодальномъ Египтѣ господствовали, вѣроятно, законы и обычаи, напоминающіе больше всего совре-

менную Абиссинію. Характерно то обстоятельство, что въ Египтѣ, также какъ въ Абиссиніи, вѣсовая и денежная единицы совпадали. Египетскій утенъ игралъ точно также двойную роль, какъ и абиссинскій талеръ.

Очень долгое время въ Египтѣ совсѣмъ не существовало внѣшней торговли; промышленность его тогда носила чисто семейный характеръ. Зато позднѣе, когда Египетъ открылъ двери иностранцамъ, внѣшняя торговля его сразу развилась очень широко и промышленность въ значительной степени измѣнила свой типъ. Появился спеціальный классъ купцовъ, ремесленники же стали работать главнымъ образомъ на рынокъ.

Глава XIII.

Торговля у арабовъ и евреевъ.

I. Аравія до введенія ислама и бедуины.—Грабежи.—Первобытные караваны у арабовъ. Незначительность торговыхъ обмѣновъ у бедуиновъ.—Богатство въ періодъ пастушескаго быта.—Лошадиные паспорта.—Грабежи и торговля.—Обмѣнъ.—II. Караваны.—Конвой каравановъ.—Торговля у огнепоклонниковъ.—Караваны въ Мекку.—III. Торговля послѣ введенія ислама.—Торговое значеніе Мекки.—Языкъ купцовъ.—Вліяніе ислама на торговлю.—Торговыя соглашенія.—Грабежи и обмѣнъ.—Коранъ и торговля.—Запрещеніе ссудъ подъ проценты.—IV. Торговое законодательство ислама.—Правила относительно продажи.—Наказанія за мошенничество.—Незаконная прибыль.—Запрещеніе продажи.—Торговля рабами.—Религіозныя запрещенія.—V. Арабскія деньги.—Иностранное происхожденіе арабскихъ денегъ.—VI. Евреи; земледѣліе и промышленность у нихъ.—Троглодиты, хананеяне и евреи.—Промышленность у хананеянъ.—Земледѣліе и пастушескій быть евреевъ.—Дойныя животныя.—Посѣвы.—Культура плодовыхъ деревьевъ и винограда.—Промышленность у евреевъ.—Металлическія издѣлія.—Тканье.—Керамика.—VII Торговля.—Презрѣніе къ торговлѣ.—Соломонъ и торговля.—Вѣсы и мѣры.—Дороги.—Запрещеніе ссудъ подъ проценты.—VIII. Торговый духъ арабовъ и евреевъ.—Кочевая жизнь и торговля.—Страсть къ разбоямъ.—Спекуляціи—Сношенія съ иностранцами.—Слѣдствія разселенія евреевъ.

I. Аравія до введенія ислама и бедуины.

Весьма возможно, что когда-нибудь въ давно минувшую эпоху берберская и семитическая расы были слиты въ одну; но съ того времени, какъ о нихъ имѣются какія-нибудь данныя, онѣ всегда жили отдѣльно, одна—въ Африкѣ, другая въ Азіи и не представляли между собой никакихъ характерныхъ чертъ сходства. Поэтому, несравненно удобнѣе изучать ихъ исторію совершенно отдѣльно. Семиты распадаются на двѣ главныхъ вѣтви — арабовъ и евреевъ; но и арабы въ теченіе своей исторіи настолько измѣнились, что нельзя изображать положеніе торговли у арабовъ вообще; прежде всего мы должны обратиться къ арабамъ до введенія ислама и къ кочую-

щимъ бедуинамъ, которые и послѣ ислама мало въ чемъ измѣнили свой образъ жизни.

Въ поэмѣ «Антаръ» о торговлѣ, исключая торговли рабами, совсѣмъ не упоминается. Когда одно племя желаетъ завладѣть имуществомъ другого, его верблюдами, лошадьми, стадами. припасами и т. п., оно никогда не помышляетъ о мирномъ обмѣнѣ, а пытается захватить все силою, и, если удается, увести заодно плѣнниковъ и плѣнницъ. Особенно охотно брали въ плѣнъ женщинъ и обращали ихъ въ рабство, или продавали богатымъ арабамъ. Съ мужчинъ, взятыхъ въ плѣнъ, арабы пытались взять какой-нибудь выкупъ. Поэтому плѣнники всегда старались прикидываться нищими. «Я хорошо знаю,—говорить Уакидъ въ поэмѣ «Антаръ»,—и кто этого не знаетъ?—что арабы, взятые въ плѣнъ, имѣютъ обыкновеніе говорить, что они бѣдны и не имѣютъ стадъ. Да, да, желѣзо еще не разорвало въ куски ваше тѣло и не полило земли вашей кровью. Но, клянусь вѣрой арабовъ! если вы не пообѣщаете мнѣ богатый выкупъ, если вы не поспѣшите доставить мнѣ лучшія головы скота, клянусь, я лишу васъ жизни всѣхъ до послѣдняго». Изъ этого отрывка видно, между прочимъ, что скотъ считался главнымъ богатствомъ арабовъ. Но благодаря воинственнымъ, чтобъ не сказать разбойничьимъ, правамъ, господствовавшимъ среди нихъ, ни одинъ арабъ не могъ никогда считать себя и свое имущество въ безопасности даже въ теченіе однихъ сутокъ.

Несмотря на отсутствіе какихъ бы то ни было упоминаній о торговлѣ въ поэмѣ «Антаръ», нельзя думать, чтобы торговля была совершенно неизвѣстна древнимъ арабамъ. Напротивъ, древніе авторы—Діодоръ и Страбонъ, говоря объ Аравіи, всегда описываютъ многочисленные торговые караваны, путешествующіе по ней изъ конца въ конецъ; они перевозили товары, идущіе изъ Индіи, и снабжали провизіей жителей Тира.

Современные бедуины, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые не превратились въ пригородныхъ жителей, торгующихъ молокомъ, масломъ и скотомъ, ведутъ совершенно такой же образъ жизни, какъ ихъ отдаленные предки. Они отказываются продавать молоко, но охотно предлагаютъ его даромъ. Вообще, гостепріимство—ихъ главная добродѣтель. Разориться ради гостя считается большой честью. Въ то же время грабежи и разбои составляютъ самое обычное явленіе. Въ одинъ день человѣкъ можетъ потерять все, что имѣлъ или, напротивъ, сильно разбогатѣть. Все богатство бедуиновъ заключается въ ихъ скотѣ, главнымъ образомъ въ верблюдахъ и лошадяхъ. Не имѣя верблюда, бедуинъ совсѣмъ не можетъ существовать; при десяти верблюдахъ онъ еще бѣденъ; тридцать или сорокъ верблюдовъ доставляютъ ему возможность существовать безъ особыхъ лишеній. Кто имѣетъ болѣе шестидесяти считается уже богатымъ. Нѣкоторые богачи имѣютъ иногда

по 200, 300 штукъ верблюдовъ. Впрочемъ, надо сказать, что образъ жизни арабовъ даже при такомъ богатствѣ ни въ чемъ существенномъ не измѣняется. Такіе необходимые предметы, какъ ячмень и пшеницу и одежды для женъ и дѣтей, они должны добывать въ обмѣнъ на масло; но по большей части это сопряжено съ большими трудностями и они предпочитаютъ пріобрѣтать все необходимое вооруженной рукой, тѣмъ болѣе, что разбойническіе набѣги не только считаются у нихъ вполнѣ позволительными, но даже приносятъ честь и славу. Послѣ удачнаго похода добыча, подразумѣвая тутъ и плѣнницъ, дѣлится между всѣми участниками, послѣ того какъ пятая часть ея, какъ требуетъ Коранъ, отдѣляется для Бога; она идетъ на потребности культа, на бѣдныхъ и на путешественниковъ.

Нѣкоторые изъ этихъ арабовъ занимаются также земледѣліемъ, но исключительно для собственнаго потребленія, а не на продажу; такія осѣдлыя племена нуждаются, конечно, въ большемъ количествѣ разныхъ предметовъ, которыхъ они сами не умѣютъ выдѣлывать, поэтому имъ нужно имѣть больше продуктовъ, которые они могли бы продавать и обмѣнивать. Кромѣ торговли молокомъ и масломъ, они занимаются еще часто воспитаніемъ лошадей, которыхъ они продаютъ потомъ за очень высокую цѣну. Стоимость чистокровной арабской лошади колеблется отъ 12 до 50 тысячъ франковъ на европейскія деньги, Владѣльцы такихъ лошадей тщательно записываютъ ихъ генеалогію и знаютъ ее иногда до пятаго или шестого поколѣнія. Каждая такая лошадь имѣетъ нѣчто въ родѣ своего паспорта, дощечку, гдѣ записано ея имя, время и мѣсто ея рожденія и списокъ всѣхъ ея извѣстныхъ предковъ. Кобылы цѣнятся при продажѣ выше коней, вслѣдствіе нѣкоторыхъ ихъ спеціальныхъ особенностей. Между прочимъ, арабы замѣчаютъ, что онѣ совсѣмъ не ржутъ, что чрезвычайно важно при разбойничьихъ нападеніяхъ. Дромадеры, особенно одна ихъ порода— мелкая и быстроходная, цѣнится тоже довольно высоко. Хорошаго дромадера нельзя купить меньше, чѣмъ за 2.000 франковъ.

Кочующіе арабы имѣютъ очень мало предметовъ для обмѣна; они торгуютъ преимущественно своей добычей; при разбояхъ и грабежахъ въ ихъ руки сплошь и рядомъ попадаютъ предметы, цѣнности которыхъ они совершенно не знаютъ и не умѣютъ употреблять. Легенда о томъ, какъ бедуинка начала варить попавшія къ ней жемчужныя зерна, принявъ ихъ за рисъ,—имѣетъ во всякомъ случаѣ вполнѣ правильное символическое значеніе.

Очень рѣдко арабы ѣздятъ въ другія страны за товарами, чтобы потомъ перепродавать ихъ; они предпочитаютъ торговать тѣмъ, что имѣютъ сами — масломъ, сыромъ, финиками и финиковыми пальмами. Эти послѣднія играютъ у нихъ даже часто роль единицъ обмѣна, по крайней мѣрѣ другія деревья и другіе плоды оцѣниваются у нихъ обыкновенно по сравненію съ финиковыми пальмами и финиками. Въ

обмѣнъ на эти продукты, они получаютъ въ городахъ полотно, сукно, шелкъ, оружіе, мыло, табакъ, сахаръ, кофе, земледѣльческія орудія, если они въ нихъ нуждаются, однимъ словомъ, все, что они не умѣютъ сдѣлать сами. Вся эта торговля совершается путемъ непосредственнаго обмѣна. Только профессіональные купцы-арабы прибѣгаютъ при торговыхъ сдѣлкахъ къ помощи денегъ.

Торговля, и именно караванная торговля,—это единственное занятіе, которое пробуждаетъ арабовъ отъ ихъ обычной апатіи. Вообще арабы лѣнивы, бездѣятельны и презираютъ всѣ виды труда. Караваны же съ незапамятныхъ временъ устраивались и провожались арабами. Въ древности арабы знали свою страну гораздо лучше, чѣмъ теперь, и безъ труда провожали по ней изъ конца въ конецъ караваны и своихъ и чужестранныхъ купцовъ, провозившихъ черезъ Аравію разные товары изъ другихъ странъ. Изъ Индіи многочисленные караваны везли драгоцѣнные камни, пряности, благовонія и золото. Изъ страны огнепоклонниковъ арабскіе купцы вывозили смирну, которая покупалась тамъ съ соблюденіемъ особаго ритуала. Всякій желающій продать смирну или ладанъ, приносилъ ихъ въ храмъ Солнца и ставилъ тамъ, прикрѣпивъ къ сосудамъ, въ которыхъ они хранились, дощечки, съ надписью, какое въ нихъ количество смирны и ладана и по какой цѣнѣ ихъ желаютъ продать. Купцы клали около каждаго сосуда обозначенную на дощечкѣ плату, а вооруженные люди охраняли въ это время драгоцѣнные товары. Наконецъ, приходилъ жрецъ, отдѣлялъ треть предложенной купцами платы на храмъ, и торгъ считался законченнымъ

II. Караваны.

И въ наши дни, также какъ и въ древности, караваны не могутъ обойтись безъ бедуиновъ; бедуины снабжаютъ ихъ верблюдами и провожаютъ ихъ по своей странѣ. До самаго послѣдняго времени караваны пилигримовъ, идущіе ежегодно въ Мекку, организуются совершенно такъ же, какъ и нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Одинъ изъ этихъ каравановъ отправляется каждый годъ въ опредѣленный срокъ изъ Каира, другой изъ Дамаска. Начальникъ каравана требуетъ необходимое количество верблюдовъ, но онъ же по обычаю щедро вознаграждаетъ за нихъ; онъ даритъ проводникамъ бурнусы, головные уборы, полотняныя и кашемировыя рубашки, оружіе и т. п.

Обыкновенно эти религіозные караваны бываютъ въ то же время и торговыми. Къ нимъ присоединяется много купцовъ даже изъ очень отдаленныхъ мѣстностей. Всѣ такіе караваны подвергаются опасностямъ. Такъ, караваны, направляющіеся изъ Каира, въ прежнее время часто подвергались разбойничьимъ нападеніямъ при переходѣ черезъ Суэзскій перешеекъ. А въ пустынѣ сами проводники часто злоупотребляютъ довѣріемъ хозяевъ каравана и пользуются въ своихъ видахъ

ихъ незнакомствомъ съ мѣстностью. Такъ, напримѣръ, имъ выгодно, чтобы въ дорогѣ пало возможно больше вьючнаго скота, такъ какъ, по обычаю, вьюки съ павшихъ лошадей и верблюдовъ достаются проводникамъ. Поэтому часто, когда запасъ воды въ караванѣ истощается, они намѣренно обходятъ извѣстные имъ источники, чтобы животныя умирали отъ жажды. Они дѣлаютъ это иногда даже несмотря на то, что верблюды эти принадлежатъ имъ же,—стоимость нагруженныхъ товаровъ по большей части превышаетъ стоимость самихъ животныхъ.

III. Торговля послѣ введенія ислама.

Священный городъ Мекка является въ то же время крупнымъ торговымъ центромъ. Жители ея вообще очень богаты и заняты главнымъ образомъ торговлей; промышленность же, наоборотъ, развита тамъ крайне мало; во всемъ городѣ едва-едва можно найти нѣсколько гончарныхъ и красильныхъ мастерскихъ. Всѣ предметы потребленія жители Мекки получаютъ отъ иностранныхъ купцовъ—изъ Индіи, изъ Іемена, изъ Неджена и т. д. Обыкновенно посредниками между купцами разныхъ національностей служатъ индѣйцы. Но, чтобы избѣжать ихъ излишняго любопытства и болтливости, купцы изобрѣли цѣлый языкъ жестовъ, который позволяетъ имъ избѣгать въ важныхъ случаяхъ участія посредниковъ. Такъ, они берутся за руки подъ широкимъ рукавомъ или прикрывъ руки полою плаща и шевеля условнымъ образомъ пальцами, показываютъ, какую сумму согласны дать за товаръ или за сколько согласны уступить его. Вѣроятно, этотъ обычай ведетъ свое начало еще съ очень давнихъ поръ. Каррери описывалъ его еще въ началѣ прошлаго вѣка.

Мекка была торговымъ городомъ и до Магомета, онъ посѣщалъ ее нѣсколько разъ еще не бывши пророкомъ. Торжество ислама, съ своей стороны, скорѣе содѣйствовало, чѣмъ препятствовало развитію торговли въ побѣжденныхъ имъ странахъ. Побѣдители, по большей части, ограничивались тѣмъ, что налагали на покоренныхъ извѣстныя контрибуціи, но не мѣшали развитію ихъ промышленности. Въ сѣверной Африкѣ земледѣліе и промышленность даже развились подъ арабскимъ владычествомъ.

Торговыя отношенія между Европой и мусульманскими странами не прекратились и послѣ крестовыхъ походовъ, они только нѣсколько утратили свою оживленность. Послѣ крестовыхъ походовъ средиземные купцы заключили торговые договоры съ африканскими государствами. Европейскіе консулы получили право разъ въ мѣсяцъ присутствовать при разборѣ дѣлъ султаномъ и защищать интересы своихъ единоплеменниковъ. Нападенія на суда дружественныхъ націй были запрещены; изданы даже постановленія для охраны потерпѣвшихъ кораблекрушеніе.

Обширныя завоеванія арабовъ и богатая добыча, попадавшая въ ихъ руки, естественнымъ образомъ развивала въ нихъ наклонность къ торговлѣ. Даже до Магомета удачныя разбойничьи набѣги арабовъ вызывали постоянные обмѣны послѣ дѣлежа добычи между побѣдителями.

Магометъ, хотя самъ былъ раньше купцомъ, почти ничего не говоритъ о торговлѣ, по крайней мѣрѣ прямо. Онъ даетъ только нѣкоторыя общія предписанія, касающіяся вѣрности своему слову и честности при заключенію разнаго рода сдѣлокъ. «Когда вы мѣрите, — говоритъ онъ, — наполняйте до краевъ мѣрку, взвѣшивайте на правильныхъ вѣсахъ». Съ особенной строгостью пророкъ осуждаетъ взиманіе процентовъ. «О, вѣрные!—восклицаетъ онъ,—не занимайтесь ростовщичествомъ, все повышая и повышая проценты»—«Тотъ, кто пользуется барышемъ отъ ростовщичества, возстанетъ въ день воскресенія, какъ тотъ кого сатана запятналъ своимъ прикосновеніемъ». «Богъ истребитъ барыши ростовщиковъ, а дававшіе милостыню соберутъ богатую жатву». Всѣ эти запрещенія показываютъ, что духъ спекуляціи не былъ въ тѣ времена чуждъ арабамъ, иначе не приходилось бы съ такой строгостью бороться съ нимъ. И несмотря на явное неодобреніе Корана, эта склонность къ коммерческимъ спекуляціямъ сильно развилась въ торжествующемъ исламѣ. Но магометанское законодательство все же сохранило на себѣ нѣкоторое вліяніе священной книги. Въ немъ мы встрѣчаемъ рядъ постановленій и запрещеній, которыя отсутствуютъ въ кодексахъ наиболѣе цивилизованныхъ націй.

IV. Торговое законодательство ислама.

Торговая сдѣлка признается законной только въ томъ случаѣ, когда намѣреніе обѣихъ сторонъ заключить ее не подлежитъ сомнѣнію. Но если одинъ изъ совершавшихъ сдѣлку поклянется, что онъ имѣлъ въ виду иныя условія и согласился, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, на что идетъ, сдѣлка считается недѣйствительной.

Запрещаются всѣ виды торговыхъ сдѣлокъ, покрывающихъ собой прибыльныя коммерческія операціи, такъ, напримѣръ, продажи, маскирующія ссуды подъ залогъ и т. п.

Всякій предметъ, проданный или купленный путемъ обмана, отбирается на дѣла благотворительности, если покупатель имѣлъ въ виду перепродать его вновь. При вторичной попыткѣ продавать или покупать мошенническимъ образомъ, мошенникъ наказывается палочными ударами или изгнаніемъ съ базара.

Продавать предметы первой необходимости съ цѣлью извлекать барыши не разрѣшается. Подъ предметами первой необходимости понимается молоко, зерно, мука, хлѣбъ и т. п. Впрочемъ, обмѣнивать ихъ другъ на друга позволяется, но только при томъ условіи, что ни одна изъ сторонъ не извлекаетъ изъ этого выгоды. Продажа благо-

родныхъ металловъ тоже обставлена многими условіями, не соблюденіе которыхъ уничтожаетъ сдѣлку.

По отношенію къ другимъ предметамъ, которыми всякій имѣетъ право торговать, существуетъ тоже рядъ постановленій, ограждающихъ слишкомъ довѣрчиваго покупателя отъ обмана. Такъ, разрѣшается продавать что бы то ни было только при томъ условіи, чтобы покупатель видѣлъ самъ покупаемый товаръ. Если товаръ такого рода, что осматривать его цѣликомъ неудобно, то позволяется продавать, показавши только образчикъ. Конечно, если окажется, что товаръ не вполнѣ сходенъ съ образцомъ, сдѣлка считается недѣйствительной. Сдѣлка, заключенная слѣпымъ, всегда можетъ быть уничтожена, такъ какъ онъ не имѣетъ возможности оградить себя отъ обмана.

Торговля рабами допускается мусульманскимъ законодательствомъ, хотя и съ довольно существенными ограниченіями. Запрещается продавать мусульманина какого бы то ни было возраста невѣрному; такая продажа приравнивается къ продажѣ корана или священныхъ книгъ и строго карается. Но и неправовѣрнаго раба тоже нельзя продавать не мусульманину, если рабъ еще въ такомъ возрастѣ, что можно надѣяться обратить его въ истинную вѣру. Ни при какихъ условіяхъ нельзя разлучать мать съ ребенкомъ, раньше чѣмъ у него выростутъ вторые зубы. Продавать беременныхъ женщинъ ни въ какомъ случаѣ не разрѣшается. Если у купленнаго раба обнаружатся какія-нибудь скрытыя продавцомъ болѣзни, пороки или уродства, продажа признается недѣйствительной и прежній владѣлецъ долженъ взять обратно свою собственность.

Кромѣ всѣхъ этихъ постановленій, мусульманская религія запрещаетъ торговать такъ называемыми нечистыми предметами, нечистыми животнымии, или мясомъ животныхъ, убитыхъ не по правиламъ культа. Она запрещаетъ также продавать такіе предметы, изъ которыхъ невѣрный можетъ сдѣлать нечестивое или беззаконное употребленіе. Нельзя, напримѣръ, продавать не мусульманину виноградъ для приготовленія вина, нельзя даже продать ему дерево, если онъ намѣревается сдѣлать изъ него крестъ.

Конечно, многія изъ этихъ запрещеній теперь уже совершенно утратили свой смыслъ, но нельзя отрицать, что, создавая ихъ, законодатель ставилъ соображенія нравственнаго характера значительно выше матеріальныхъ интересовъ.

V. Арабскія деньги.

Въ какую эпоху начали арабы чеканить металлическія монеты въ точности неизвѣстно. Конечно, не раньше того времени, когда они предприняли рядъ завоеваній и покорили страны съ установившейся уже денежной системой. Бедуины и до нашихъ дней не пользуются денеж-

ными знаками при своихъ обмѣнахъ. Въ Курдистанѣ, наоборотъ, обращаются всевозможныя деньги: и персидскія, и греческія, и древнеримскія и т. д. Въ древности нѣкоторые налоги и подати, налагаемые магометанскимъ законодательствомъ, взимались опредѣленными денежными знаками—динаріями, но стоимость ихъ осталась намъ неизвѣстной.

На нѣкоторыхъ древне-арабскихъ монетахъ написано извѣстное магометанское изреченіе: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и т. д.», на другихъ, напротивъ, встрѣчается изображеніе креста. Очевидно, эти послѣднія монеты относятся къ тому времени, когда крестъ не считался спеціально христіанскимъ символомъ и былъ распространенъ по всему Востоку и сѣверной Африкѣ. Вообще, надо сказать, что до эпохи завоеваній арабы не имѣли общераспространенной денежной единицы.

VI. Евреи. Ихъ земледѣліе и промышленность.

О происхожденіи евреевъ много было писано. Вѣроятнѣе всего они представляютъ собой одно изъ арабскихъ племенъ, жившихъ первоначально въ сѣверной части Арабскаго полуострова. Въ Палестинѣ они поселились, какъ повѣствуетъ Библія, покоривъ и уничтоживъ жившихъ тамъ ранѣе хананеянъ. Но и эти хананеяне не были, повидимому, древнѣйшимъ населеніемъ Палестины. Ранѣе ихъ тамъ жило какое-то совершенно неизвѣстное племя троглодитовъ, обитавшихъ какъ и Африканскіе Берберы, въ пещерахъ.

Хананеяне въ эпоху покоренія ихъ евреями достигли уже довольно высокой ступени цивилизаціи. Они жили въ большихъ городахъ, обрабатывали землю, одѣвались въ роскошныя одежды, употребляли драгоцѣнныя украшенія и всевозможное оружіе. У нихъ были морскіе порты, и корабли ихъ доходили до Египта. По языку они были родственны съ Финикійцами, а слѣдовательно, и съ евреями.

Ихъ покорители—евреи, напротивъ, переживали еще тогда самые первобытные фазисы культуры, они находились въ періодѣ кочевого, пастушескаго быта. Послѣ побѣды надъ ханенеянами евреи сразу стали обладателями всѣхъ тѣхъ сторонъ цивилизаціи, которыя обыкновенно являются плодомъ многовѣковой работы народа. Они получили въ свое распоряженіе богатые, промышленные города, засѣянныя поля и виноградники и должны были только продолжать начатое и созданное побѣжденными. Они, дѣйствительно, сразу перешли къ осѣдлой, земледѣльческой жизни, хотя привычки кочевого быта еще долго сказывались у нихъ. Стада продолжали играть первенствующую роль въ ихъ хозяйствѣ, и они считали свое богатство не количествомъ распаханныхъ земель и виноградниковъ, а количествомъ стадъ скота.

Изъ домашнихъ животныхъ евреи цѣнили всего выше, судя по заповѣдямъ, вола и осла. Лошадь стала имъ извѣстна позднѣе; они

окончательно освоились съ ней только при Соломонѣ, который, какъ могущественный царь, не могъ обойтись безъ конницы. Но рабочимъ скотомъ оставались по прежнему волъ и оселъ, о чемъ можно судить по встрѣчающемуся во Второзаконіи запрещенію впрягать ихъ въ одно ярмо.

Пріемы обработки земли евреи отчасти заимствовали у хананеянъ, отчасти же вынесли изъ Египта. Такъ, у нихъ нѣкоторое время сохранялся египетскій обычай не сѣять зерна, а сажать ихъ каждое отдѣльно,—обычай, составляющій собственно характерную особенность китайскаго земледѣлія. Кромѣ хлѣбныхъ растеній, евреи занимались воздѣлываніемъ винограда, оливъ и пальмъ.

Еврейская промышленность тоже не носила самобытнаго характера; она была заимствована ими у разныхъ народовъ, съ которыми они приходили въ соприкосновеніе. Они получали изъ чужихъ странъ золото, серебро, мѣдь, и желѣзо, и умѣли обрабатывать ихъ,

Ткацкое искусство тоже было извѣстно имъ, хотя было мало развито и находилось еще исключительно въ рукахъ женщинъ. Женщины пряли шерсть, ленъ а позднѣе и хлопчатую бумагу, ткали изъ нихъ матеріи и шили одежды себѣ и своимъ мужьямъ и братьямъ.

Въ важныхъ случаяхъ еврейскіе цари прибѣгали обыкновенно къ помощи иностранныхъ мастеровъ, такъ какъ свои не отличались особымъ искусствомъ и опытностью. Собираясь строить дворецъ, Давидъ посылаетъ къ финикійскому царю Хираму, прося прислать ему рабочихъ. Съ подобной же просьбою обращается и Соломонъ къ царю Тира.

Такое незначительное развитіе промышленности естественнымъ образомъ не могло вызвать особенно сильнаго расцвѣта торговли. Способность къ торговлѣ, какою отличаются всѣ народы семитическаго племени, оставалась еше подъ спудомъ у евреевъ; она проявилась много позднѣе, когда евреи были изгнаны изъ своего отечества, когда ихъ преслѣдовали и гнали поочередно христіане и магометане.

VII. Торговля.

Вотъ что говоритъ Іосифъ Флавій по поводу торговли у евреевъ: «Такъ какъ страна наша удалена отъ моря, мы не занимаемся торговлей и не заводимъ сношеній съ другими народами. Мы довольствуемся тѣмъ, что обрабатываемъ наши неплодородныя земли и стараемся хорошо воспитывать своихъ дѣтей». Пророки, съ своей стороны, относятся очень недоброжелательно къ людямъ, занимающимся торговыми дѣлами: «Купецъ держитъ въ рукахъ фальшивые вѣсы,— говоритъ Осія, — онъ любитъ мошенничать». Только при Соломонѣ Іудея завязала торговыя сношенія съ другими странами. До тѣхъ же поръ она довольствовалась незначительнымъ внутреннимъ обмѣномъ.

Въ Библіи встрѣчаются нѣкоторыя указанія на это: «Употребляй

правильные вѣсы,—говорится тамъ, — и правильныя каменныя гири». Эти вѣсы и гири были, очевидно, заимствованы евреями у египтянъ. Единицы мѣры были тамъ тоже египетскія — палецъ, равнявшійся семи зернамъ овса и локоть, составлявшій двадцать шесть пальцевъ.

Металлическія деньги вошли въ употребленіе у евреевъ только со временъ Маккавеевъ и любопытно, что эти первобытныя еврейскія монеты тоже носили на себѣ изображеніе креста. Обыкновенной же единицей обмѣна у евреевъ служили слитки металловъ, ихъ взвѣшивали и дѣлили при всякой продажѣ; поэтому слово «платить» очень часто замѣнялось въ еврейскомъ языкѣ словомъ «вѣсить».

Пути сообщенія были сравнительно въ хорошемъ состояніи въ Іудеѣ; важнѣйшія изъ дорогъ носили даже названіе царскихъ, такъ какъ еврейскіе цари брали ихъ подъ свое особое попеченіе. Но, несмотря на это благопріятное условіе, Іудея была страной съ очень слабо развитой торговлей. Относительно кредитныхъ операцій, существовавшихъ въ Іудеѣ, мы находимъ тоже рядъ указаній въ Библіи. Библія положительно запрещаетъ давать ссуды подъ проценты или подъ залогъ предметовъ первой необходимости: «Если дашь деньги взаймы бѣдному изъ народа Моего, то не притѣсняй его и не налагай на него роста. Если возьмешь въ залогъ одежду ближняго твоего, до захожденія солнца возврати ее. Ибо она есть единственный покровъ его; она одѣяніе тѣла его; въ чемъ будетъ онъ спать? Итакъ, когда онъ возопіетъ ко Мнѣ, Я услышу; ибо я милосердъ» (Исходъ, XXIII, 25 — 28). «Никто не долженъ брать въ залогъ верхняго и нижняго жернова, ибо таковой беретъ въ залогъ душу» (Второзак. XXIV, 6). Такого рода постановленія дѣлаютъ честь Израилю, хотя не надо забывать, что всѣ они имѣютъ силу только по отношенію къ единоплеменникамъ; къ чужестранцамъ примѣняется иного рода мѣрка. «Не отдавай въ ростъ брату твоему ни серебра, ни хлѣба, ни чего либо-другого, что можно отдавать въ ростъ. *Иноземцу* отдавай въ ростъ, а брату твоему не отдавай въ ростъ» (Второзак. XXIII, 19, 20). Слово *ростъ* въ данномъ случаѣ означаетъ просто проценты, такъ какъ всѣ законодательства древности, въ томъ числѣ и Библія, не различали ростовщическихъ процентовъ отъ обыкновенныхъ.

VIII. Торговый духъ арабовъ и евреевъ.

Начало и ростъ торговли въ Аравіи и Іудеѣ имѣетъ особый интересъ для соціологіи, такъ какъ семитическая раса первая по времени стала спеціально заниматься торговлей. Повидимому, склонность къ торговлѣ лежитъ у нея въ крови, такъ какъ съ перваго взгляда по крайней мѣрѣ трудно указать причину развитія этой склонности у народовъ семитическаго племени. Кочевая жизнь сама по себѣ способствуетъ, должно быть, проявленію стяжательныхъ инстинктовъ. Иску-

шеніе слишкомъ часто представляется имъ. Жажда захватывать чужую собственность незамѣтнымъ образомъ просыпается у проводниковъ каравановъ.

Какъ бы далеко мы ни заглядывали въ глубь исторіи арабовъ, мы всегда находимъ у нихъ это стремленіе завладѣвать чужою собственностью и завладѣвать не съ помощью мирнаго обмѣна, а путемъ грабежа, разбоя. Начало еврейской исторіи ничѣмъ не отличается въ этомъ отношеніи отъ исторіи арабовъ, Съ другой стороны, инстинкты бережливости и скупости не находятъ себѣ простора при такой жизни. Беречь свое богатство, пріобрѣтенное, быть можетъ, за одинъ удачный набѣгъ, не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ и потерять его можно также въ одинъ день.

Совершенно справедливо отмѣчаютъ, что склонность къ грабежамъ и разбоямъ почти всегда существуетъ бокъ о бокъ съ широкимъ гостепріимствомъ и щедростью. Исторія семитическихъ народовъ служитъ нагляднымъ доказательствомъ этого.

Съ переходомъ отъ кочевого быта къ осѣдлому набѣги и грабежи становятся все менѣе удобными; приходится искать иныхъ способовъ обогащенія. На смѣну имъ являются разнаго рода торговые обороты и финансовыя операціи: ссуды подъ залогъ, подъ проценты и т. п. Вѣроятно, у кочующихъ арабовъ соплеменники охотно давали въ долгъ другъ другу, не помышляя о процентахъ; но въ Іудеѣ мы находимъ уже нѣсколько иные обычаи. Положимъ, ссуды безъ процентовъ сохраняются еще тамъ отъ древнихъ временъ; но рядомъ съ этимъ развивается, очевидно, и ростовщичество, такъ какъ иначе законодателю не пришлось бы упоминать о немъ и запрещать его по отношенію къ единоплеменникамъ. На чужестранца же священная книга продолжаетъ еще смотрѣть какъ на врага и на его имущество отчасти какъ на законную добычу.

Когда Іудея была уничтожена, евреи, разсѣянные чуть не по всему земному шару, уже носили въ себѣ инстинктивную склонность къ коммерческимъ и финансовымъ операціямъ. Жестокія преслѣдованія, которымъ они подвергались всюду, куда заносила ихъ судьба, только развивали эту склонность и развивали, конечно, въ нежелательномъ направленіи.

Глава XIV.

Торговля въ Месопотаміи и Финикіи.

I. Ассиро-халдейская страна.—Ассиро-халдейскія цивилизаціи.—Ихъ происхожденіе.—Каменный вѣкъ.—Остроумная система орошенія. — Развитіе земледѣлія и чрезвычайное плодородіе.—Первобытныя суда.—Мелкая культура.—Распредѣленіе собственности.—Способы наймовъ.—Семейная обработка земли. — Передача земельной собственности.—Домашнія животныя. — Промышленность и торговля. — Корпораціи.—Улучшеніе продуктовъ производства.—Денежные слитки.—Серебряныя и золотыя кольца.—Торговля путемъ обмѣна.—Страсть къ наживѣ. — Громадные проценты.—Ссуды.—Внѣшняя торговля и сопряженныя съ ней опасности. — Внутренняя торговля.—Денежные знаки.—Дороги и торговое движеніе.—II. Финикія.—Первобытное населеніе Финикіи.—Гавани.—Финикійскіе корабли.—Круглые и длинные корабли. — Смѣлое мореплаваніе. — Подражательная промышленность. — Пурпуръ. — Стекло. — Мегалитическая архитектура. — Морскіе разбои и торговля.—Рынки и торговые договоры.—Колоніи.—Карѳагенъ и его торговля. — Способы обмѣна.—Испанскія копи и ихъ разработка.—Печальная участь рудокоповъ.—Позднее знакомство съ металлическими деньгами и причина этого. — Бумажныя деньги.—III. Развитіе торговли у семитовъ.—Происхожденіе ихъ страсти къ торговлѣ.—Матеріальное благополучіе и умственная скудость.

I. Ассиро-халдейская страна.

Изъ всѣхъ народовъ семитическаго племени арабы занимаютъ самую низшую ступень цивилизаціи. Бедуины и до сихъ поръ не вышли еще изъ кочевого быта и не съумѣли создать себѣ своего самостоятельнаго государства. Евреи въ этомъ отношеніи значительно опередили ихъ; они жили уже государственной жизнью, хотя жизнь эта была въ значительной степени не ими создана, а получена въ готовомъ видѣ. Цивилизація ихъ не самобытна.

Совершенно иную картину представляетъ собой исторія третьей отрасли семитическаго племени—ассиро-халдейцевъ. Этотъ народъ съумѣлъ создать себѣ свою особую и очень высоко стоящую цивилизацію. Конечно, ее нельзя считать вполнѣ и безусловно самобытной, такъ какъ многіе элементы ея были заимствованы все у того же великаго учителя древняго міра—Египта. Но послѣ Египта Ассиро-халдея по праву занимаетъ второе мѣсто.

Отдаленное начало ассиро-халдейской исторіи точно также ускользаетъ отъ насъ, какъ и начало исторіи Египта. Не рискуя впасть въ ошибку, можно предположить, что до перехода къ осѣдлой государственной жизни ассиро-халдейцы вели такой же, приблизительно, образъ жизни, какъ современные кочующіе бедуины. Этому кочевому быту предшествовалъ несомнѣнно бытъ пещерный. Можно сказать съ увѣренностью одно, что Ассирія переживала свой каменный вѣкъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, во-первыхъ, многочисленные остатки каменныхъ орудій, находимые при раскопкахъ древне-халдейскихъ могилъ,

а во-вторыхъ, сохранившійся и въ исторической Ассиріи обычай употреблять каменные инструменты.

Говоря объ Ассиріи и Вавилонѣ, писатели древности постоянно смѣшивали ихъ, и въ дѣйствительности оба эти государства настолько сходны между собой во всѣхъ существенныхъ чертахъ, что, характеризуя ихъ, нѣтъ никакой надобности говорить о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности.

Ассиро-халдея, какъ и древній Египетъ, была можно сказать, создана руками человѣческими. Еслибъ не многовѣковая работа энергичнаго и трудолюбиваго народа, Месопотамія навсегда осталась бы тою безплодною, нездоровою долиною, какую она представляетъ собой теперь. Шесть мѣсяцевъ въ году въ ней не выпадаетъ ни одной капли дождя и, чтобы заставить землю давать плодъ, нужны были колоссальныя ирригаціонныя работы. Безчисленныя озера, каналы и канавы сохраняли воды Тигра и Евфрата отъ времени разлива и разводили ихъ по полямъ. Искусныя шлюзы управляли теченіемъ обѣихъ рѣкъ. Евфратъ не расширялся, а съуживался по мѣрѣ приближенія къ Персидскому заливу, поля буквально выпивали его воды. Но зато этотъ громадный трудъ щедро награждался, земля давала по-истинѣ изумительные урожаи; ячмень часто родился самъ-300. Въ Месопотаміи воздѣлывались почти исключитсльно хлѣбныя растенія; деревьевъ, даже плодовыхъ, исключая финиковыхъ пальмъ, ассирійцы не разводили. Зато финики тамъ созрѣвали изумительной величины. Быть можетъ это отсутствіе деревьевъ объясняетъ въ значительной степени почти полное незнакомство ассирійцевъ съ судоходствомъ. По словамъ Геродота, они умѣли строить только самые примитивные круглые плоты, управлять которыми было почти невозможно.

Пріемы обработки земли въ Ассиро-халдеѣ были довольно первобытны. Ихъ плугъ представлялъ собой просто желѣзную лопату, нѣсколько измѣненной формы, съ длинной ручкой, къ которой припрягались волы. Культура господствовала тамъ мелкая и интенсивная, какъ въ Китаѣ, хотя посѣвъ производился уже иначе, зерна просто разбрасывались, а не сажались по одиночкѣ, какъ тамъ.

Землевладѣніе преобладало тамъ мелкое и земля легко переходила изъ рукъ въ руки, судя по многочисленнымъ актамъ продажи и залоговъ земли, сохранившихся до нашего времени. Обрабатывалась она обыкновенно фермерами, которые получали за свой трудъ $^1/_3$ сбора, двѣ же трети оставались на долю собственника. Судя по этому, положеніе фермеровъ-земледѣльцевъ должно было быть тамъ очень тяжелымъ. Свой участокъ, который сдавался обыкновенно на три года, фермеръ обрабатывалъ съ помощью своей семьи и только на время жатвы принанималъ платныхъ рабочихъ. Во время работы, продолжавшейся недѣли двѣ или мѣсяцъ, онъ долженъ былъ содержать ихъ, оплачивать довольно высоко ихъ трудъ и даже вознаграждать въ слу-

чаѣ какихъ-нибудь несчастій. Но зато, если рабочіе уходили до срока, они подвергались жестокимъ наказаніямъ. Въ общемъ система сельскаго хозяйства въ Месопотаміи довольно близко напоминаетъ европейскую съ тою только разницей, что земледѣліе считалось подъ особымъ покровительствомъ боговъ и поэтому всѣ земельные акты—продажи, сдачи въ аренду и т. п. сопровождались разными религіозными обрядами.

Промышленность у ассиро-халдейцевъ не уступала земледѣлію, она тоже была высоко развита, хотя форма ея была исключительно семейная. Каждый мастеръ работалъ у себя дома съ помощью своихъ семейныхъ, обучалъ дѣтей своему же ремеслу и подготовлялъ изъ нихъ преемниковъ себѣ. Между собой эти мастера образовали родъ корпорацій или цеховъ; въ общемъ организація промышленности во многомъ напоминала египетскую.

Ассиро-халдейскіе мастера отличались большимъ искусствомъ. Вавилонскіе ковры, напримѣръ, получили въ тѣ времена всемірную извѣстность. Метеллъ Сципіонъ заплатилъ за одинъ изъ такихъ ковровъ 800.000 сестерцій, т. е. 168.000 франковъ, а Неронъ пріобрѣлъ коверъ за 4.000.000 сестерцій, т. е. 840.000 франковъ. Драгоцѣнныя украшенія вавилонянъ пользовались не меньшей славой. И въ настоящее время въ халдейскихъ раскопкахъ находятъ разныя украшенія, браслеты, серьги и т. п., поражающіе изяществомъ и тонкостью работы. Нечего и говорить о томъ, что и остальныя ремесла — гончарное, кузнечное, столярное и т. д., не только были извѣстны въ Ассиро-Вавилоніи, но и достигли тамъ большого совершенства.

Такому высокому развитію промышленности должно было естественнымъ образомъ сопутствовать и соотвѣтствующее развитіе торговли. Несмотря на это, денегъ въ нашемъ смыслѣ слова въ Ассиріи не знали; единицею обмѣна и тамъ служили главнымъ образомъ металлическіе слитки, взвѣшивавшіеся и дѣлившіеся, смотря по надобности. Очень часто торговыя сдѣлки заключались и безъ посредства слитковъ металла, а просто путемъ обмѣна товара на товаръ.

Кредитныя операціи были въ большомъ ходу въ Ассиріи; при раскопкахъ постоянно находятся разные документы, содержащіе всевозможныя долговыя обязательства и т. п. Проценты на ссуды взимались всегда очень высокіе, не ниже 25% годовыхъ.

Всякаго рода торговля и финансовыя сдѣлки совершались обыкновенно въ храмахъ, которыя являлись такимъ образомъ чѣмъ-то въ родѣ биржъ. Жрецы вели обширную торговлю хлѣбомъ и другими товарами, а въ кладовыхъ храмовъ скоплялись громадные запасы слитковъ благородныхъ металловъ. Всякая сдѣлка между отдѣльными лицами должна была совершаться въ присутствіи государственнаго чиновника, который записывалъ ее тутъ же на мягкой глиняной дощечкѣ, которая вслѣдъ за тѣмъ обжигалась и запись уже не могла быть стерта. На этихъ

черепицахъ сохраняются и до сихъ поръ разнообразныя формы долговыхъ обязательствъ ассирійцевъ. «Четыре мины серебра,—читаемъ мы на одной изъ такихъ черепицъ,—дано въ долгъ Нергалъ-саръ-уссуромъ Набу-ранъ-написти сыну Набу-ранъ-написти изъ Дэръ Саркинъ по пяти колецъ серебра—мѣсячныхъ процентовъ». Иногда вмѣсто процентовъ кредитору уступается на время домъ, поле, виноградникъ или рабъ должника. Иногда же должникъ обязывается отработать ему за проценты извѣстное количество дней.

Кромѣ кредитныхъ сдѣлокъ въ Ассиріи были съ давнихъ поръ извѣстны и разныя другія, болѣе или менѣе сложныя формы финансовыхъ операцій. Такъ, ассирійскіе купцы очень часто для облегченія торговыхъ сдѣлокъ прибѣгали къ чекамъ, что избавляло ихъ отъ необходимости перевозить съ мѣста на мѣсто большія массы металловъ. Продажа могла спокойно совершаться въ одномъ мѣстѣ, а слѣдуемая за нее сумма золота могла быть получена въ другомъ по выданному чеку. Чеки писались на такихъ же глиняныхъ черепицахъ, какъ и долговыя обязательства. Существованіе такихъ бумажныхъ или, лучше сказать, глиняныхъ денегъ нѣсколько облегчало внѣшнюю торговлю, которая въ Ассиріи сильно затруднялась отсутствіемъ водяныхъ путей сообщенія. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, ассирійскіе цари всегда очень заботились о проведеніи и поддержаніи сухопутныхъ дорогъ. Вся Месопотамія, а позднѣе и сосѣднія страны, вошедшія въ составъ Ассиро-вавилонской монархіи, были пересѣчены большими и прекрасно содержимыми дорогами. Изъ Вавилона, наприм., расходились торговые пути въ Сузы, въ Экбатану и къ Средиземному морю. Всѣ другіе крупные центры Ассиріи были, въ свою очередь, соединены дорогами. Въ Ассирію стекались товары со всѣхъ концовъ древняго міра. И Египетъ, и Индія, и Арменія, и Эѳіопія, и Аравія, и даже Цейлонъ посылали туда свои произведенія и получали взамѣнъ ассирійскія издѣлія. Быть можетъ, ассирійскіе купцы даже раньше финикійцевъ входили въ сношенія съ отдаленными странами древняго міра.

II. Финикія.

Финикія — страна пальмъ. Уже одно это названіе указываетъ на родство между Ассиріей и Финикіей, такъ какъ изъ всѣхъ древесныхъ породъ въ Ассиріи культивировалась исключительно пальма. Финикіянъ считаютъ выходцами съ нижняго Евфрата. Сильное землетрясеніе изгнало ихъ, повидимому, съ ихъ первоначальной родины и они направились къ прибрежью Средиземнаго моря. Но тамъ они нашли только узкую полосу земли между моремъ и горами, заселенную, притомъ же, какимъ-то враждебнымъ племенемъ. Впрочемъ, этому смѣлому, предпріимчивому народу и не нужно было ничего больше. Оттѣснивъ первоначальныхъ жителей къ горамъ, финикійцы заняли только самую узкую

БОРЬБА МІРОВЪ.

РОМАНЪ

Г. УЭЛЛЬСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

З. ЖУРАВСКОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

КНИГА I.

ПРИБЫТІЕ МАРСІАНЪ.

I.

Наканунѣ.

Въ концѣ девятнадцатаго столѣтія никто не повѣрилъ бы, что за нами, людьми, внимательно и зорко наблюдаютъ существа болѣе высокаго умственнаго развитія, чѣмъ мы, хотя такія же смертныя; что, пока мы занимаемся своими дѣлами и дѣлишками, эти существа неотступно слѣдятъ за нами и изучаютъ насъ съ такимъ же любопытствомъ, съ какимъ мы разсматриваемъ въ микроскопъ каплю воды, въ которой кишатъ и плодятся миріады инфузорій. Ничего этого люди не подозрѣвали и продолжали устраивать свои дѣла, не заботясь объ остальномъ, спокойные, вполнѣ увѣренные въ своей власти надъ матеріей. Очень возможно, что инфузоріи подъ микроскопомъ дѣлаютъ то же. Никому и въ голову не приходило, что намъ можетъ угрожать какая-либо опасность со стороны міровъ болѣе древнихъ, чѣмъ наша планета; большинство отвергало самую мысль объ обитаемости этихъ разсѣянныхъ по вселенной міровъ, считая это невѣроятнымъ и невозможнымъ. Лишь немногіе допускали, что на Марсѣ есть люди, можетъ быть, менѣе интеллигентные, чѣмъ мы, и чающіе отъ насъ просвѣщенія. А между тѣмъ, витая мыслью надъ бездной пространства, существа, настолько же выше насъ по развитію, насколько мы выше животныхъ, съ умомъ обширнымъ, трезвымъ и эгоистичнымъ, съ завистью смотрѣли на нашу землю и медленно, но вѣрно вырабатывали планъ нападенія. Великое разочарованіе наступило на землѣ въ первыхъ годахъ двадцатаго вѣка.

Едва ли нужно напоминать читателю, что планета Марсъ обращается вокругъ солнца на среднемъ разстояніи въ 140.000.000 миль, получая отъ него вдвое меньше свѣта и тепла, чѣмъ земля. Если туманная гипотеза сколько-нибудь справедлива, она гораздо старше земли, и жизнь на ней началась еще задолго до того, какъ наша планета перешла изъ расплавленнаго состоянія въ твердое. По объему она въ семь разъ меньше земли и потому должна была охладиться гораздо раньше. На ней есть воздухъ и вода, и все, что необходимо для жизни одушевленныхъ существъ.

Но человѣкъ такъ тщеславенъ и такъ ослѣпленъ своимъ тщеславіемъ, что до самаго конца девятнадцатаго столѣтія ни одинъ авторъ не высказывалъ предположенія о возможности высокаго развитія, или хотя бы просто развитія умственной жизни гдѣ-нибудь, кромѣ земли. Мало кто даже понималъ, что, разъ Марсъ древнѣе нашей планеты, удаленнѣе отъ солнца и имѣетъ поверхность вчетверо меньшую, значитъ, жизнь на немъ не только началась раньше, но и ближе къ концу, чѣмъ на землѣ.

Постепенное охлажденіе, которое въ концѣ концовъ готовитъ гибель землѣ, на Марсѣ зашло уже очень далеко. Физическія его условія намъ мало извѣстны, но все же мы знаемъ, напримѣръ, что, даже въ экваторіальной его области, средняя температура полудня не выше той, какая у насъ бываетъ только въ самыя холодныя зимы. Воздухъ тамъ

болѣе разрѣженъ, въ моряхъ вода спала настолько, что они покрываютъ лишь треть всей поверхности; времена года смѣняются медленнѣе и, по мѣрѣ смѣны ихъ, у обоихъ полюсовъ накопляются и таютъ огромныя груды снѣговъ, періодически наводняя умѣренные поясы. Конечная стадія истощенія отъ насъ еще очень далека; для обитателей Марса это насущный вопросъ, злоба дня. Подъ гнетомъ необходимости развились ихъ умы, изощрились способности и ожесточились сердца. И вотъ, при помощи такого совершеннаго зрѣнія и орудій, какія намъ и во снѣ не снились, они видятъ между собою и солнцемъ, на разстояніи всего 35.000.000 миль, утреннюю звѣзду надежды—свою ближайшую сосѣдку, нашу планету,—теплую, обильную водой и растительностью, съ облачной атмосферой, краснорѣчиво говорящей о плодородіи; видятъ сквозь просвѣты облаковъ обширныя пространства населенной земли и узкія ленты морей, усѣянныхъ кораблями.

Мы, люди, обитатели этой земли, должны представляться имъ такими же чуждыми и низшими существами, какъ намъ обезьяны и лемуры. Человѣкъ уже призналъ, что жизнь есть непрерывная борьба за существованіе; повидимому, въ томъ же убѣждены и жители Марса. Ихъ планета близка къ охлажденію; наша еще полна жизни, но населена лишь существами, которыя они относятъ къ разряду низшихъ животныхъ. Что же имъ дѣлать, чтобы избавиться отъ гибели? Пойти войной на этихъ животныхъ — вотъ единственный выходъ.

Не слѣдуетъ судить ихъ слишкомъ строго. Вспомнимъ, какъ безжалостно истребляютъ сами люди не только животныхъ, въ родѣ вымершихъ додо и бизона, но и низшія расы одной съ ними породы. Тасманцы были такіе же люди, какъ мы, а между тѣмъ европейскіе эмигранты, за пятьдесятъ лѣтъ, положительно смели ихъ съ лица земли. Мы сами слишкомъ плохіе апостолы милосердія, чтобы жаловаться на жестокость марсіанъ по отношенію къ намъ.

Марсіане разсчитали свой спускъ съ удивительной точностью, — въ математикѣ они, очевидно, далеко опередили людей,—и единодушно занялись приготовленіями. Будь наши телескопы получше устроены, мы, можетъ быть, еще въ началѣ девятнадцатаго вѣка замѣтили бы, что на нашемъ сосѣдѣ творится что-то недоброе. Люди въ родѣ Шіапарелли *) и то слѣдили за этой красной звѣздочкой — кстати, странно, что эта планета издревле слыветъ покровительницей войны,—но не умѣли истолковать значенія колеблющихся свѣтовыхъ точекъ, которыя они такъ старательно заносили на карты. А марсіане тѣмъ временемъ готовились къ нападенію.

Въ 1894 г., въ періодъ противостоянія (*apposition*) **), на освѣщенной части диска замѣченъ былъ яркій свѣтъ, сначала съ Ликской обсерваторіи, потомъ Перротеномъ въ Ниццѣ и другими. Впервые объ этомъ было напечатано въ англійскомъ журналѣ *Nature* отъ 2 августа того же года. Я склоненъ думать, что это явленіе было результатомъ выстрѣла изъ колоссальной пушки, направленнаго въ нашу землю. Во время послѣдующихъ двухъ противостояній вблизи того мѣста, гдѣ впервые замѣченъ былъ свѣтъ, появились какія-то странныя точки, происхожденіе которыхъ такъ и осталось необъясненнымъ.

Гроза разразилась шесть лѣтъ тому назадъ. Въ самомъ началѣ противостоянія Марса съ землей, весь астрономическій міръ былъ взволнованъ сообщеніемъ Лявелля съ острова Явы о замѣченномъ имъ сильномъ взрывѣ бѣлокалильнаго газа на сосѣдней планетѣ. Явленіе было наблюдаемо 12 августа, около полуночи. Спектроскопъ показалъ, что потокъ раскаленнаго газа состоитъ главнымъ образомъ изъ водорода и движется съ необычайной быстротой по направленію къ землѣ. Черезъ четверть часа явленіе прекратилось; по мнѣнію Лявелля, оно походило на «взрывъ газа при пушечномъ выстрѣлѣ».

---

*) *Schiaparelli* — извѣстный астрономъ, спеціально занимавшійся изслѣдованіемъ Марса. *Прим. пер.*

**) Когда Марсъ находится на кратчайшемъ разстояніи отъ земли. *Прим. пер.*

Сравненіе оказалось впослѣдствіи на рѣдкость удачнымъ, но въ то время газеты, за исключеніемъ *Daily Telegraph* оставили безъ вниманія телеграмму Лявелля, и люди продолжали жить по прежнему, не подозрѣвая о страшной опасности, угрожавшей человѣческой расѣ. Я бы, пожалуй, и совсѣмъ не узналъ объ изверженіи газа на Марсѣ, не встрѣться я съ Оджильви, извѣстнымъ астрономомъ изъ Оттершау. Онъ былъ страшно взволнованъ извѣстіемъ съ Явы и пригласилъ меня зайти къ нему вечеркомъ взглянуть на загадочное свѣтило.

Несмотря на все, что случилось потомъ, эта ночь сохранилась въ моей памяти удивительно ясно: темная, тихая обсерваторія, затѣненный фонарь, бросающій слабый свѣтъ на полъ въ углу, мѣрное тиканье часового механизма, двигающаго телескопомъ, небольшое продолговатое отверстіе въ крышѣ, и въ немъ—бездна, усѣянная звѣздной пылью. Оджильви что-то дѣлаетъ, переходитъ съ мѣста на мѣсто; я его не вижу, но слышу. Въ телескопъ виденъ темно-синій кружокъ, и въ немъ маленькая, круглая звѣздочка. Она кажется такой крошечной, тихенькой и невинной; она исчерчена чуть замѣтными поперечными линіями и слегка сплющена съ боковъ, такъ что поверхность ея представляетъ собой неправильный кругъ. Удивительно мала, и горитъ такимъ теплымъ серебристымъ свѣтомъ, точно свѣтящаяся булавочная головка! Мнѣ кажется, что она немножко дрожитъ, но на самомъ дѣлѣ это вибрируетъ телескопъ, приводимый въ движеніе часовымъ механизмомъ.

Я все смотрю и мнѣ сдается, что звѣздочка то увеличивается, то уменьшается, становится то ближе, то дальше, но это просто результатъ усталости моего глаза. Сорокъ милліоновъ миль отдѣляютъ меня отъ нея! Сорокъ милліоновъ миль пустого пространства. Мало кто можетъ представить себѣ необъятность пространства, въ которомъ плаваютъ частицы міровой пыли.

Вблизи Марса, помню, видны были еще три маленькихъ свѣтлыхъ точки, три безконечно далекихъ телескопическихъ звѣздочки; вокругъ — бездонная темная бездна. Всѣ мы знаемъ, какимъ безконечно глубокимъ кажется небо въ морозную звѣздную ночь; а въ телескопъ оно представляется еще глубже. Я смотрѣлъ и не зналъ, что въ это мгновеніе, изъ этой неизмѣримой дали, ко мнѣ летитъ, со скоростью нѣсколькихъ тысячъ миль въ минуту, *нѣчто* невидимое, брошенное намъ съ этой самой звѣздочки *нѣчто*, несущее съ собой борьбу, горе и смерть бѣдной землѣ. Мнѣ и въ голову не пришло ничего подобнаго, да и кто бы на землѣ допустилъ возможность такого безошибочнаго разсчета?

Въ эту ночь на далекомъ Марсѣ снова приключился взрывъ газа. Я самъ видѣлъ: на краю звѣздочки блеснулъ красноватый свѣтъ, чуть-чуть выдалась впередъ линія внѣшняго очертанія; какъ разъ въ это время пробило полночь. Я позвалъ Оджильви, и онъ занялъ мое мѣсто у телескопа. Ночь была жаркая, мнѣ хотѣлось пить; осторожно переставляя ноги, чтобы чего-нибудь не задѣть, я ощупью пробирался въ темнотѣ къ маленькому столику, гдѣ стоялъ сифонъ съ зельтерской водой, какъ вдругъ восклицаніе Оджильви заставило меня обернуться: новый потокъ газа вырвался съ поверхности наблюдаемой нами планеты.

Въ эту ночь новый невидимый снарядъ былъ брошенъ Марсомъ Землѣ, ровно черезъ двадцать четыре часа послѣ перваго. Помню, какъ я присѣлъ въ темнотѣ на уголъ стола; передъ глазами у меня плавали красныя и зеленыя пятна; я мечталъ о спичкѣ, чтобъ закурить; не зналъ я тогда, что означаетъ видѣнный мной слабый свѣтъ и что онъ несетъ мнѣ съ собою. Оджильви смотрѣлъ въ телескопъ до часу ночи, потомъ отошелъ, зажегъ фонарь, и мы отправились домой. Внизу, подъ горой, выступали темныя очертанія Оттершау и Чертси; сотни людей покоились тамъ мирнымъ сномъ, не чая надвигающейся бѣды.

Въ эту ночь Оджильви много разсказывалъ мнѣ о Марсѣ, потѣшаясь надъ простаками, допускающими, что на Марсѣ есть люди, и эти люди подаютъ намъ

сигналы. Онъ, съ своей стороны, предполагалъ на сосѣдней планетѣ сильный ливень изъ метеоритовъ, или же колоссальное вулканическое изверженіе. Мысль, что на двухъ сосѣднихъ планетахъ органическая эволюція могла принять одно и то же направленіе, казалось ему невѣроятной.

— Милліонъ шансовъ противъ одного, что на Марсѣ не можетъ быть человѣкоподобныхъ существъ!—воскликнулъ онъ въ заключеніе.

Сотни наблюдателей видѣли красный свѣтъ въ эту ночь и въ послѣдующую, и такъ десять ночей подъ рядъ, все около полуночи. Почему послѣ десятой ночи выстрѣлы прекратились, никто на землѣ не могъ, да и не пытался объяснить. Очень можетъ быть, что частые взрывы газа причиняли неудобство самимъ жителямъ Марса. Густыя облака пыли, или дыма, представляющіяся съ земли, въ сильный телескопъ, рядомъ сѣрыхъ, колеблющихся полосокъ, заволокли дискъ сосѣдней планеты, нарушая ясность ея атмосферы и скрывая отъ насъ ея очертанія.

Даже газеты, наконецъ, обратили вниманіе на это странное явленіе; тамъ и сямъ стали появляться замѣтки о вулканахъ на Марсѣ. *Пончъ* даже помѣстилъ по этому поводу весьма остроумную политическую каррикатуру. А снаряды, пущенные съ Марса, все мчались по направленію къ Землѣ, пролетая теперь нѣсколько миль въ секунду, день за днемъ и часъ за часомъ приближались къ цѣли. Теперь мнѣ кажется просто невѣроятнымъ, какъ это люди въ такіе дни, когда надъ ними былъ уже занесенъ мечъ, могли спокойно предаваться своимъ обычнымъ занятіямъ. Помню, напримѣръ, какъ ликовалъ Маркгэмъ, когда ему удалось заполучить новую фотографію интересной планеты для издаваемаго имъ иллюстрированнаго журнала. Въ наше время трудно представить себѣ, какое множество газетъ продавалось въ девятнадцатомъ вѣкѣ и на какія штуки пускались онѣ, чтобы побить своихъ конкуррентовъ. Я лично больше всего былъ занятъ своимъ велосипедомъ, — я тогда какъ разъ учился ѣздить—и чтеніемъ ряда брошюръ, трактующихъ о вѣроятномъ развитіи нравственныхъ идей соотвѣтственно прогрессу цивилизаціи.

Однажды вечеромъ (первый снарядъ находился тогда, вѣроятно, на разстояніи не болѣе 1.000.000 миль отъ земли) мы съ женой пошли прогуляться. Ночь была теплая, звѣздная; я объяснялъ женѣ знаки Зодіака и, между прочимъ, показалъ ей Марсъ, — яркое свѣтлое пятнышко, находящееся почти въ зенитѣ. Много телескоповъ было направлено на него въ эту минуту. По дорогѣ домой мы встрѣтили цѣлую компанію, возвращающуюся съ дальней прогулки, со смѣхомъ и пѣснями. Въ окнахъ верхнихъ этажей мелькали огоньки; люди укладывались спать. Съ желѣзнодорожной станціи долетали грохотъ колесъ и свистки локомотивовъ, на разстояніи казавшіеся даже мелодичными. Жена любовалась на красные, зеленые и желтые сигнальные фонарики, красиво выдѣлявшіеся на темномъ фонѣ неба. Все было такъ мирно, спокойно вокругъ, и это спокойствіе казалось такимъ прочнымъ!..

II.

Падучая звѣзда.

И вотъ, наступила роковая минута. Подъ утро, надъ Винчестеромъ, высоко въ атмосферѣ появилась огненная полоса, быстро двигавшаяся внизъ, къ востоку. Сотни людей видѣли ее и приняли за обыкновенную падучую звѣзду. Альбинъ говоритъ, что она оставила за собой слѣдъ—черту, въ теченіе нѣсколькихъ секундъ свѣтившуюся зеленоватымъ свѣтомъ. Деннингъ, важнѣйшій авторитетъ въ дѣлѣ метеоритовъ, утверждаетъ, что въ моментъ появленія она находилась на высотѣ 90—100 миль и, какъ ему показалось, упала миляхъ въ ста отъ него къ востоку.

Я въ этотъ моментъ былъ дома, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и писалъ, но ничего не замѣтилъ, хотя окна мои выходятъ на Оттершау и шторы были подняты (я въ то время любилъ смотрѣть ночью на звѣздное небо). А между тѣмъ

это удивительнѣйшее изъ всѣхъ посторонних тѣлъ, когда-либо падавшихъ на землю изъ внѣшнихъ сферъ, упало какъ разъ въ то время, когда я сидѣлъ въ кабинетѣ, и я могъ бы видѣть его полетъ, стоило мнѣ поднять глаза. Нѣкоторые изъ очевидцевъ утверждаютъ, что полетъ его сопровождался какимъ-то свистомъ. Я лично ничего подобнаго не слыхалъ. Большинство видѣвшихъ рѣшили, что это упалъ метеоритъ. Никто не поинтересовался сейчасъ же пойти взглянуть на упавшую массу.

Никто, кромѣ бѣдняка Оджильви. Тотъ видѣлъ падучую звѣзду и, убѣжденный, что метеоритъ лежитъ гдѣ-нибудь на лугу между Хорселлемъ, Оттершау и Уокингомъ, чуть только разсвѣло, всталъ и отправился разыскивать его. Искать долго не пришлось; метеоритъ лежалъ недалеко отъ песочныхъ ямъ. При паденіи онъ вырылъ въ землѣ огромную яму; песокъ и гравій, выброшенные съ страшной силой изъ этой воронки, образовали по всѣмъ направленіямъ высокія кучи, видныя издалека, мили за полторы. Дальше къ востоку тлѣлъ и курился зажженный имъ верескъ; тонкій сизый дымъ вился кверху чуть замѣтный на фонѣ предразсвѣтнаго туманнаго неба.

Таинственный метеоритъ былъ почти совершенно зарытъ въ пескѣ, между остатками сосны, разбитой имъ въ щепы при паденіи. Торчавшая изъ ямы верхушка его имѣла видъ колоссальнаго цилиндра, покрытаго толстымъ слоемъ какого-то чешуйчатаго темнаго налета. Въ діаметрѣ цилиндръ имѣлъ около тридцати ярдовъ*). Оджильви подошелъ ближе, пораженный размѣрами и въ особенности формой таинственнаго цилиндра, такъ какъ метеориты бываютъ обыкновенно болѣе или менѣе круглые; но цилиндръ, нагрѣвшійся отъ полета черезъ атмосферу, былъ еще настолько горячъ, что подойти къ нему близко оказывалось невозможнымъ. Внутри слышался какъ-будто шумъ и движеніе, что Оджильви объяснилъ неравномѣрнымъ охлажденіемъ поверхности; въ то время ему еще не приходило въ голову, что цилиндръ могъ быть полымъ.

Астрономъ стоялъ на краю ямы, разсматривая загадочный метеоритъ, дивясь его необычной формѣ и цвѣту и смутно догадываясь, что онъ попалъ сюда не спроста. Утро было удивительно тихое; солнце, всплывшее надъ вершинами Вейбриджскихъ сосенъ, уже начинало припекать. Птицы всѣ что-то притихли, вѣтра не было и въ поминѣ, такъ что единственные звуки, доносившіеся до слуха Оджильви, исходили изъ цилиндра. На лугу, кромѣ него, не было ни души.

Вдругъ онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что сѣрый налетъ или нагаръ на верхушкѣ начинаетъ отпадать; мелкіе кусочки дождемъ сыпались на песокъ; потомъ отпалъ большой и ударился о землю съ рѣзкимъ шумомъ, отъ котораго у астронома екнуло сердце.

Сначала онъ не могъ понять, что это значитъ и, несмотря на сильный жаръ, исходившій отъ цилиндра, спустился въ яму посмотрѣть поближе, въ чемъ дѣло. Даже и тутъ онъ пытался объяснить странное явленіе охлажденіемъ стѣнокъ, но этой догадкѣ противорѣчило то обстоятельство, что нагаръ отпадалъ только съ верхушки.

Далѣе онъ замѣтилъ, что круглая крышка цилиндра начинаетъ вращаться вокругъ своей оси. Движеніе было такое медленное, что Оджильви не обратилъ бы на него вниманія, еслибъ не замѣтилъ, что черное пятнышко, недавно находившееся противъ него, передвинулось на другую сторону крышки. Даже и тутъ онъ не сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло, пока не услыхалъ глухого звука тренія и не увидалъ, что черное пятнышко опять передвинулось дюйма на два. Тутъ его будто осѣнило. Онъ понялъ, что цилиндръ сдѣланъ искусственно, что онъ полый и одинъ конецъ его отвинчивается. Внутри кто-то сидѣлъ и старался отвинтить крышку.

— Боже праведный!—вскричалъ Оджильви.—Тамъ человѣкъ — люди. Они изжарятся заживо. Они пытаются освободиться.

Мысленно онъ уже связывалъ паде-

*) 30 ярдовъ=13 саженямъ.

ніе метеорита съ странными явленіями на Марсѣ.

Мысль, что тамъ заперто живое существо, такъ ужаснула астронома, что, забывъ о жарѣ, онъ бросился помогать отвинчивать крышку. Къ счастью, лучи тепла, исходившіе отъ стѣнокъ, заставили его остановиться раньше, чѣмъ онъ обжегъ себѣ руки о раскаленный металлъ. Съ минуту онъ стоялъ въ нерѣшимости, потомъ повернулся, выкарабкался изъ ямы, оставивъ тамъ свою шляпу и, какъ безумный, помчался въ Уокингъ. Было около шести часовъ. Онъ встрѣтилъ извозчика и принялся разсказывать ему про метеоритъ, но и разсказъ, и самый видъ его были до того странны, что извозчикъ только пожалъ плечами и проѣхалъ мимо. Не повезло ему и съ другимъ встрѣчнымъ пьяницей, караулившимъ у кабачка возлѣ моста, когда откроютъ двери. Тотъ прямо принялъ его за сумасшедшаго и пытался запереть въ сѣняхъ кабака. Это немножко отрезвило астронома и, увидавъ Гендерсона, лондонскаго журналиста, работавшаго у себя въ палисадникѣ, онъ уже не накинулся на него сразу, а подготовилъ наводящими вопросами.

— Гендерсонъ,.вы видѣли нынче ночью падучую звѣзду?

— А что?

— Она упала на Хорсельскій лугъ.

— Господи! Метеоритъ. Удивительно!

— Это будетъ получше метеорита. Это цилиндръ, искусственный цилиндръ, понимаете? И внутри кто-то есть.

Гендерсонъ поднялся, съ лопатой въ рукѣ.

— Что такое?—переспросилъ онъ. Онъ былъ глухъ на одно ухо.

Оджильви разсказалъ ему все, что видѣлъ. Гендерсонъ въ первую минуту даже растерялся, потомъ бросилъ лопату, наскоро надѣлъ жакетку и вышелъ къ астроному. Оба поспѣшили назадъ, на лугъ. Цилиндръ оставался въ томъ же положеніи, но шумъ внутри прекратился, а между крышкой и тѣломъ виднѣлся блестящій металлическій нарѣзъ винта. Слышно было слабое шипѣнье; это въ образовавшуюся скважину входилъ или выходилъ воздухъ.

Оба прислушались, постучали палкой по крышкѣ и, не получивъ отвѣта, рѣшили, что человѣкъ, или люди внутри находятся въ безчувственномъ состояніи, или мертвы.

Вдвоемъ они само собой ничего не могли подѣлать и потому побѣжали въ городъ за помощью. Воображаю, какъ потѣшался народъ, глядя на нихъ, когда они, взволнованные, перепачканные пескомъ и пылью, бѣгомъ бѣжали по улицѣ маленькаго городка, обращая на себя общее вниманіе. Это былъ часъ, когда отпираются магазины и открываются окна спаленъ. Гендерсонъ пошелъ прямо на станцію желѣзной дороги, чтобы послать телеграмму въ Лондонъ. Необходимо было приготовить читателей его газеты къ столь неожиданному и потрясающему извѣстію.

Въ восемь часовъ гурьба мальчишекъ и праздношатающихся уже мчались на лугъ поглазѣть на «мертвецовъ съ Марса». Я узналъ сенсаціонную новость отъ своего газетчика, въ четверть девятаго, разумѣется, былъ пораженъ и, не теряя времени, направился черезъ Оттершаусскій мостъ, прямо къ песочнымъ ямамъ.

III.

На Хорсельскомъ лугу.

Вокругъ огромной воронки, въ которой лежалъ цилиндръ, стояло человѣкъ двадцать. Я уже описывалъ внѣшній видъ этого колоссальнаго снаряда, зарывшагося при паденіи въ землю. Торфъ и гравій вокругъ были обожжены; очевидно, прикосновеніе его къ нимъ вызвало искру. Гендерсона и Оджильви уже не было. Они, должно быть, порѣшили, что пока дѣлать нечего, и пошли завтракать къ Гендерсону.

Четыре, пять мальчугановъ сидѣли на краю ямы, свѣсивъ туда ноги и занимаясь бросаніемъ камней въ цилиндръ. Я остановилъ ихъ; они отошли прочь и принялись играть въ пятнашки, шныряя между ногами у взрослыхъ зрителей и страшно всѣмъ надоѣдая.

Среди насъ было два велосипедиста, знакомый садовникъ, работавшій у меня

поденно, нянька съ ребенкомъ, Греггъ, мясникъ, съ своимъ сынишкой и два-три разносчика, торгующихъ булками. Разговаривали мало. Простой народъ въ Англіи въ то время имѣлъ очень смутное понятіе объ астрономіи. Большинство внимательно разглядывали широкую столообразную крышку цилиндра. Должно быть, они разсчитывали увидѣть груду обугленныхъ тѣлъ и были очень разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ. При мнѣ одни уходили, другіе приходили. Я спустился въ яму, и мнѣ почудилось подъ моими ногами легкое движеніе. Крышка, между тѣмъ, безусловно перестала вертѣться.

Только очутившись вблизи снаряда, я могъ подмѣтить всѣ мелкія особенности его внѣшняго вида. Съ перваго взгляда онъ привлекалъ вниманіе ничуть не больше опрокинутой кареты, или дерева, свалившагося поперекъ дороги. Хуже того—онъ походилъ на заржавленную и зарытую въ землю газопроводную трубу. Надо было имѣть кое-какія научныя знанія, чтобы замѣтить, что сѣрый налетъ на поверхности—не обыкновенная вороненая сталь; и желтовато-бѣлый металлъ, блестѣвшій въ скважинѣ между самимъ цилиндромъ, и крышкой, не походитъ цвѣтомъ ни на одинъ изъ извѣстныхъ намъ. Для большинства зрителей эти тонкости не имѣли никакого значенія.

Мнѣ было ясно, что загадочный снарядъ упалъ къ намъ съ сосѣдней планеты, но чтобы въ немъ было заключено живое существо—это мнѣ представлялось совершенно невѣроятнымъ. Крышка могла отвинтиться автоматически. Наперекоръ Оджильви, я всегда вѣрилъ въ существованіе людей на Марсѣ. Можетъ быть, тамъ внутри рукописи—вотъ-то трудно будетъ ихъ перевести!—монеты, разныя модели... Только странно, для этого цилиндръ что-то ужъ слишкомъ великъ. Мнѣ страшно хотѣлось, чтобы онъ поскорѣе открылся. Около одиннадцати, видя, что ничего новаго нѣтъ, я пошелъ домой, въ Мэйбѳри, но рѣшительно ничѣмъ не могъ заняться, такъ меня преслѣдовали разныя догадки и предположенія, и скоро вернулся опять на лугъ.

Теперь онъ имѣлъ другой видъ. Газеты уже донесли сенсаціонную новость до Лондона; сообщеніе Оджильви подняло на ноги всѣхъ астрономовъ трехъ соединенныхъ королевствъ,—и у песочныхъ ямъ стояло больше дюжины экипажей, пролетки, плетеный шарабанъ, щегольская коляска и куча велосипедовъ. Цѣлая куча народу, несмотря на жаркій день, пришла пѣшкомъ изъ Уокинга и Чертси, такъ что у песочныхъ ямъ собралась цѣлая толпа; кое-гдѣ мелькали свѣтлыя женскія платья.

Солнце палило немилосердно; на небѣ ни облачка, ни признака вѣтерка; укрыться въ тѣни можно было только подъ рѣдкими соснами. Верескъ погасъ, но земля подъ нимъ вся почернѣла и кое-гдѣ еще курилась. Предпріимчивый фруктовщикъ со станціи желѣзной дороги выслалъ сюда своего сына съ полной телѣжкой зеленыхъ яблокъ и имбирнаго пива.

На самомъ краю ямы стояли отдѣльной кучкой человѣкъ шесть, въ томъ числѣ Оджильви, Гендерсонъ и высокій бѣлокурый господинъ, какъ я узналъ послѣ, астрономъ Стентъ, членъ королевскаго астрономическаго общества; поодаль ждали рабочіе съ заступами и мотыками. Стентъ звонкимъ высокимъ голосомъ отдавалъ приказанія. Онъ стоялъ на самомъ цилиндрѣ, который, очевидно, успѣлъ остыть; лицо у него было красное, все въ поту; онъ какъ будто на что-то сердился.

Большая часть цилиндра была уже отрыта, хотя нижній конецъ все еще оставался въ землѣ. Замѣтивъ меня въ толпѣ зрителей, Оджильви сейчасъ же сдѣлалъ мнѣ знакъ подойти и спросилъ, не возьмусь ли я повидаться съ лордомъ Хильтономъ, владѣльцемъ этой земли.

Толпа, по его словамъ, все прибывала и страшно мѣшала работать, особенно мальчики. Необходимо наскоро обнести цилиндръ оградой и пригласить полицію, которая бы сдерживала толпу. Внутри, по словамъ, Оджильви, все еще отъ времени до времени слышался шумъ, но рабочимъ не удалось отвинтить совсѣмъ крышку: не за что было ухватиться. Стѣнки цилиндра невообразимой толщины; очень возможно, что шумъ только намъ

кажется слабымъ, а на самомъ дѣлѣ тамъ Богъ знаетъ что̀ творится...

Я былъ очень радъ исполнить его просьбу и черезъ это попасть въ число привилегированныхъ зрителей. Лорда Хильтона я не засталъ, но узналъ, что онъ вернется домой съ шести-часовымъ поѣздомъ изъ Лондона. Было всего четверть шестого; я сходилъ домой, напился чаю и пошелъ опять на станцію, встрѣчать лорда Хильтона.

IV

Цилиндръ открывается.

Солнце уже садилось, когда я вернулся на лугъ. Отдѣльныя кучки людей спѣшили туда изъ Уоакинга; иные, наоборотъ, возвращались. Толпа вокругъ ямы вырисовывалась черной массой на желто-буромъ фонѣ неба; она замѣтно выросла; теперь собралось уже человѣкъ двѣсти. У края ямы, очевидно, была давка: слышались окрики, брань. Странныя мысли вертѣлись у меня въ головѣ. Подойдя ближе, я услыхалъ голосъ Стента:

— Назадъ! Подайся назадъ!

Какой-то мальчуганъ, пробѣгая мимо, крикнулъ мнѣ на ходу:

— Онъ шевелится, развинчивается. Не нравится мнѣ это. Я лучше побѣгу домой, право слово!

Я подошелъ ближе. Толкотня была страшная, причемъ женщины не отставали отъ мужчинъ.

— Онъ упалъ въ яму! — крикнулъ кто-то.

— Отойдите! Назадъ!—кричали другіе.

Толпа отступила. Усиленно работая локтями, я успѣлъ пробраться впередъ. Всѣ были страшно возбуждены. Изъ ямы выходило какое-то странное жужжанье.

— Послушайте!—крикнулъ мнѣ Оджильви;—втолкуйте вы этимъ идіотамъ, чтобъ они держались подальше; вѣдь неизвѣстно, что̀ сидитъ въ этомъ проклятомъ цилиндрѣ.

Какой-то молодой человѣкъ,—кажется, приказчикъ изъ Уокинга,—стоялъ на крышкѣ цилиндра, стараясь выбраться изъ ямы. Толпа толкала его обратно. Крышка быстро отвинчивалась. Видны были уже около двухъ футовъ блестящаго винтового нарѣза. Кто-то, поскользнувшись, толкнулъ меня, и я чуть было не скатился на крышку. Я съ испугомъ обернулся; должно быть, какъ разъ въ эту минуту винтъ кончился, и крышка со звономъ упала на песокъ. Цѣпляясь за сосѣда, чтобъ не упасть, я опять повернулъ голову къ ямѣ, но въ первую минуту ничего не увидалъ, кромѣ круглаго черного отверстія: солнце свѣтило мнѣ прямо въ глаза.

Всѣ, вѣроятно, ожидали, что изъ цилиндра выйдетъ человѣкъ, можетъ быть, не совсѣмъ похожій на обитателей земли, но все же человѣкъ. Я по крайней мѣрѣ ждалъ именно этого. И вотъ—внутри цилиндра что-то зашевелилось, что-то сѣрое, безформенное, волнообразное; потомъ показались два блестящихъ кружка, вродѣ глазъ; потомъ изъ всей этой каши выдвинулось что-то вродѣ небольшой сѣрой змѣи, толщиною съ трость, и, извиваясь въ воздухѣ, протянулась ко мнѣ; за ней другое.

Дрожь пробѣжала у меня по спинѣ. Женщина, стоявшая позади меня, громко вскрикнула. Полуобернувшись, но не сводя глазъ съ цилиндра, изъ котораго высовывались все новыя и новыя щупальцы, я сталъ потихоньку отступать назадъ. На лицахъ моихъ сосѣдей удивленіе постепенно смѣнялось ужасомъ. Слышались безсвязныя рѣчи, восклицанія. Толпа подалась назадъ. Приказчикъ все еще никакъ не могъ выбраться изъ ямы. Минуту спустя я остался одинъ. Люди опрометью бѣжали отъ ямы, въ томъ числѣ и Стентъ. Я взглянулъ на цилиндръ и невыразимый страхъ сковалъ мои члены. Я застылъ на мѣстѣ, какъ вкопанный.

Изъ отверстія цилиндра медленно и съ трудомъ лѣзло наружу что-то огромное, сѣрое, круглое, величиною съ медвѣдя. Поверхность его блестѣла на солнцѣ, какъ мокрая кожа. Два большихъ темныхъ глаза въ упоръ смотрѣли на меня. Чудовище имѣло округленную форму и что-то вродѣ лица. Подъ глазами находился ротъ, безгубые края котораго все время вздрагивали и подергивались,

испуская слюну. Все тѣло его тяжело вздымалось и судорожно пульсировало. Одной мягкой щупальцеобразной конечностью оно ухватилось за край цилиндра; другая изгибалась въ воздухѣ.

Кто никогда не видалъ живого обитателя Марса, не можетъ представить себѣ какое странное и отталкивающее впечатлѣніе онъ производитъ своей внѣшностью. Ротъ въ видѣ V, съ заостренной верхней и клинообразной нижней губою, постоянно вздрагивающій, отсутствіе бровей и подбородка, лучеобразно расположенныя группы щупальцевъ, какъ у спрута, шумное дыханіе, затрудненное, вслѣдствіе непривычнаго давленія чуждой атмосферы; неловкія, неуклюжія движенія, благодаря болѣе сильному тяготѣнію къ землѣ, и въ особенности, напряженный, пристальный взглядъ огромныхъ глазъ,— все это вмѣстѣ противно до тошноты. Особенно отвратительна эта маслянистая темная кожа, напоминающая оболочку гриба, а неловкія, медленныя, но, очевидно, сознательныя движенія щупальцовъ имѣютъ въ себѣ что-то невыразимо ужасное. Съ первой минуты; съ перваго взгляда я былъ пораженъ страхомъ и отвращеніемъ.

Внезапно чудовище скрылось. Оно переступило черезъ край цилиндра и, съ страннымъ, ни на что не похожимъ крикомъ, шлепнулось, какъ огромный кожаный мѣшокъ, на дно ямы. Тотчасъ же, изъ темнаго отверстія выглянуло другое такое же безобразное существо.

Я, наконецъ, стряхнулъ съ себя оцѣпенѣніе и пустился бѣжать къ ближней группѣ деревьевъ, которая находилась ярдахъ въ ста отъ ямы, но бѣжалъ, спотыкаясь и бокомъ, потому что не могъ оторвать глазъ отъ чудовищъ.

Добравшись до первыхъ сосенокъ, я притаился за кустомъ, чтобы передохнуть и посмотрѣть, что будетъ дальше. Весь лугъ былъ усѣянъ человѣческими фигурами, подобно мнѣ прикованными къ мѣсту какой-то невѣдомой силой; всѣ со страхомъ смотрѣли на чудовищъ, или, вѣрнѣе, на скрывавшія ихъ кучи песка и гравія. И вдругъ, я съ новымъ ужасомъ замѣтилъ на краю ямы что-то круглое, черное, то поднимавшееся, то исчезавшее. Это была голова приказчика, упавшаго въ яму. Вотъ показались плечи и одно колѣно, потомъ онъ, должно быть, опять поскользнулся, такъ что осталась видна одна голова. Еще мигъ — и онъ совсѣмъ скрылся, и мнѣ почудился вдали слабый крикъ. Мнѣ захотѣлось броситься ему на помощь, но страхъ пересилилъ.

Опять ничего не стало видно: песчаный валъ совершенно закрывалъ страшную яму. Всякій, кто проходилъ бы въ эту минуту по большой дорогѣ, былъ бы очень удивленъ такимъ зрѣлищемъ: куча народу, человѣкъ сто или больше, притаились въ канавахъ, за кустами, у воротъ и подъ заборами, почти не разговаривая другъ съ другомъ, обмѣниваясь лишь отрывочными, взволнованными восклицаніями, и смотрятъ во всѣ глаза на простыя кучи песку. Боченокъ съ имбирнымъ пивомъ, брошенный своимъ хозяиномъ, выдѣлялся чернымъ пятномъ на заревѣ заката; у песочныхъ ямъ попрежнему стоялъ рядъ пустыхъ теперь экипажей; лошади мирно ѣли овесъ изъ подвязныхъ мѣшковъ или рыли копытами землю.

V.

Тепловой лучъ.

Съ той минуты, какъ я увидалъ марсіанъ, вылѣзающихъ изъ цилиндра, моя воля была точно парализована. Мучимый страхомъ и любопытствомъ, я стоялъ по колѣни въ верескѣ, смотрѣлъ во всѣ глаза—и не могъ заставить себя двинуться съ мѣста.

Вернуться къ ямѣ не хватало духу, хотя мнѣ страстно хотѣлось заглянуть внутрь. Наконецъ я пошелъ назадъ окольнымъ путемъ, по кривой, стараясь все время оставаться подъ прикрытіемъ и не сводя глазъ съ песчаныхъ бугровъ. Разъ надъ ними показался пучекъ тонкихъ черныхъ плетей, подобныхъ конечностямъ осьминога, и тотчасъ же скрылся, потомъ изъ ямы выдвинулся длинный тонкій суставчатый шестъ съ круглымъ дискомъ на концѣ, который все время находился въ движеніи. Что тамъ такое происходило?

Зрители разбились на двѣ группы: одна, побольше, стояла близъ Уокинга; другая, поменьше, по дорогѣ въ Чобхэмъ. Они, очевидно, раздѣляли мое недоумѣніе. Нѣсколько человѣкъ стояли по близости отъ меня. Къ одному я подошелъ—я зналъ, что онъ мой сосѣдъ, хотя не зналъ его имени,—и заговорилъ съ нимъ.

— Какія безобразныя *животныя!*— воскликнулъ онъ. — Боже милостивый! Какія уродливыя животныя!—Онъ могъ только повторять эту фразу снова и снова.

— Видѣли вы человѣка въ ямѣ?— спросилъ я, но не добился отвѣта. Мы оба замолкли и нѣсколько времени стояли рядомъ, отчасти успокоенные близостью другъ друга. Потомъ я взобрался на небольшой пригорокъ—оттуда было виднѣе—и, обернувшись, увидалъ его уже идущимъ по дорогѣ въ Уокингъ.

Солнце сѣло: стало смеркаться. Группа по дорогѣ въ Уокингъ какъ будто выросла, и говоръ сталъ слышнѣе; другая группа разсѣялась. Около ямы все было спокойно. Это нѣсколько ободрило толпу, да и прибытіе новыхъ лицъ изъ Уокинга, должно быть, придало ей храбрости. Какъ бы тамъ ни было, съ наступленіемъ сумерекъ на песчаныхъ буграхъ появились человѣческія фигуры, которыя медленно взбирались, кучками, по двое, по трое, останавливались, прислушивались и двигались дальше. Время шло, а марсіане не подавали никакихъ признаковъ жизни; на буграхъ все прибавлялось народу; я тоже началъ, не спѣша, подвигаться ближе къ ямѣ.

Кучера отправились за лошадьми; слышенъ былъ топотъ копытъ, звяканье уздечекъ. Какой-то мальчишка влѣзъ на телѣжку съ яблоками. Въ тридцати ярдахъ отъ ямы, на Хорсельской дорогѣ показалась небольшая процессія; рослый мужчина, шедшій впереди, несъ большой флагъ.

Это была депутація. Городскія власти наскоро устроили совѣщаніе и, порѣшивъ, что марсіане, несмотря на свою отталкивающую внѣшность, очевидно, существа разумныя, рѣшили показать имъ, что и мы въ этомъ отношеніи тоже въ грязь лицомъ не ударимъ.

Флагъ медленно подвигался впередъ, склоняясь то направо, то налѣво. Депутаты были слишкомъ далеко отъ меня, чтобы можно было разсмотрѣть лица, но послѣ я узналъ, что въ числѣ ихъ находились и Стентъ, и Гендерсонъ, и Оджильви. Толпа вдали почти правильнымъ кольцомъ охватила яму; депутація прошла сквозь это кольцо и двинулась дальше; нѣсколько темныхъ фигуръ слѣдовали за ней, на почтительномъ разстояніи.

Вдругъ, въ глубинѣ кольца блеснулъ свѣтъ, затѣмъ показались, одинъ за другимъ, три клуба свѣтящагося, зеленоватаго дыма, благодаря отсутствію вѣтра, поднимавшагося прямо къ небу.

Этотъ дымъ или, лучше сказать, пламя, свѣтилъ такъ ярко, что глубокое синее небо и темная полоса луга близъ Чертси, съ черными силуэтами сосенъ,—все какъ-то вдругъ потемнѣло при его появленіи, а когда онъ исчезъ, совсѣмъ потонуло во мракѣ. Въ то же время до меня донесся слабый шипящій звукъ.

Надъ ямой застыли на мѣстѣ депутаты, растерявшіеся отъ неожиданности; издали фигуры ихъ выступали вертикальными черными палочками на темномъ фонѣ. Когда поднялся первый клубъ зеленаго дыма, лица на мигъ озарились фосфорическимъ свѣтомъ и снова исчезли во тьмѣ.

Шипѣнье постепенно перешло въ жужжаніе, потомъ въ громкое, продолжительное гудѣнье. Потомъ изъ ямы медленно выдвинулось что-то вродѣ горбатаго ящика, откуда вырывался слабый, едва примѣтный лучъ свѣта.

И вдругъ по темнымъ фигурамъ, разбросаннымъ на валу, запрыгали настоящія яркія искры. Словно невидимая струя, направленная въ нихъ, внезапно вспыхнула бѣлымъ пламенемъ. Каждая человѣческая фигура мгновенно превратилась въ огненный столбъ. Я видѣлъ, какъ одни падали, какъ другіе бросались бѣжать и гибли на полпути.

Я смотрѣлъ во всѣ глаза, еще не соображая, что это смерть перескакиваетъ отъ одного человѣка къ другому. Я толь-

ко чувствовалъ, что происходитъ нѣчто странное. То тамъ, то сямъ вспыхнетъ яркое пламя, и человѣкъ безъ крика, безъ стона, валится трупомъ на землю. Невидимый жаръ проносился надъ вершинами сосенъ, и деревья загорались, а кусты, мгновенно съ глухимъ трескомъ, превращались въ яркіе клубы пламени. Я видѣлъ, какъ вдали у Кнапхилля вспыхивали плетни, деревья, строенія, разливая вокругъ ослѣпительный свѣтъ.

Эта пылающая смерть, невидимый и неотразимый огненный мечъ быстро и мѣтко поражалъ все вокругъ. Я видѣлъ, какъ онъ направлялся ко мнѣ, освѣщая путь свой пылающими кустами, но, остолбенѣвъ отъ ужаса и изумленія, я не въ силахъ былъ сдвинуться съ мѣста. Я слышалъ трескъ огня въ песочныхъ ямахъ, жалобное ржанье, которое тутъ же и стихло. Затѣмъ словно чей-то перстъ, невидимый, но пышущій нестерпимымъ жаромъ, провелъ раскаленную черту между мною и марсіанами и вдоль этой черты сама земля трещала и дымилась. Вдали, на дорогѣ, ведущей изъ Уокинга къ лугу, что-то съ трескомъ грохнулось о земь. Затѣмъ, шипѣнье и гудѣніе стихли, и темный, похожій на ящикъ, предметъ медленно скрылся въ глубинѣ ямы.

Все это произошло такъ быстро, что я не успѣлъ опомниться, страхъ сковалъ мнѣ языкъ; я не могъ даже вскрикнуть, когда ослѣпительный свѣтъ рѣзнулъ меня по глазамъ. Вмѣсто того, чтобы бѣжать, я застылъ на мѣстѣ, какъ въ столбнякѣ. Если бы смертоносный огненный мечъ описалъ полный кругъ, онъ непремѣнно поразилъ бы меня; но онъ прошелъ мимо, оставивъ мнѣ жизнь, и вокругъ меня внезапно воцарилась непроглядная, жуткая тьма.

Лугъ казался теперь почти чернымъ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ сѣрыми лентами извивались тропинки. Ужасно вдругъ стало темно и пусто. Надъ головой моей мерцали звѣзды; на западѣ еще виднѣлась полоска неба, блѣдно-голубая, почти зеленоватая. На этомъ фонѣ рѣзкими черными линіями вырисовывались верхушки сосенъ и кровли Хорселльскихъ домовъ. Марсіане скрылись вмѣстѣ со своей адской машиной; изъ ямы торчалъ только шестъ съ непрерывно вертѣвшимся на немъ зеркаломъ. Тамъ и сямъ дымились, догорая, отдѣльные кусты и деревья, зданія возлѣ желѣзнодорожной станціи выбрасывали кверху снопы искръ и яркаго пламени. Группа темныхъ фигуръ съ бѣлымъ флагомъ надъ ними была моментально стерта съ лица земли. Мнѣ казалось, что тишина вечера не нарушалась ни звукомъ, ни шумомъ.

Я вдругъ сообразилъ, что стою на этомъ темномъ лугу, одинокій, безпомощный, беззащитный, сдѣлалъ надъ собой неимовѣрное усиліе и бросился бѣжать. Страхъ желѣзными клещами давилъ мнѣ сердце, не простой страхъ, но безумный, паническій ужасъ: я боялся не однихъ марсіанъ, но тишины и мрака, окружавшихъ меня; я до того упалъ духомъ, что бѣжалъ и тихо плакалъ, какъ напуганное дитя.

Обернуться назадъ я не смѣлъ, но, помню, былъ вполнѣ убѣжденъ, что надо мной издѣваются, что именно теперь, когда я близокъ къ спасенію, таинственная смерть, быстрая, какъ молнія, выскочитъ изъ ямы, бросится за мной въ погоню, настигнетъ и положитъ на мѣстѣ.

VI.

Тепловой лучъ на Чобхэмской дорогѣ.

До сихъ поръ неизвѣстно навѣрное, какимъ оружіемъ марсіане такъ быстро и безшумно убивали людей. Многіе думаютъ, что они ухитрялись добывать интенсивный жаръ въ камерѣ, абсолютно не проводящей тепла. Этотъ интенсивный жаръ, отраженный полированнымъ параболическимъ зеркаломъ, въ видѣ параллельныхъ лучей они направляли на какіе угодно предметы,—вродѣ того, какъ параболическія зеркала на маякахъ отражаютъ лучи свѣта. Впрочемъ, это только предположеніе, никѣмъ не доказанное. Какъ бы тамъ ни было, одно несомнѣнно, что марсіане съумѣли превратить тепловой лучъ въ страшное оружіе: невидимый жаръ вмѣсто видимаго свѣта. При одномъ его прикосновеніи, всѣ горючія вещества гибли отъ огня,

желѣзо размягчалось, свинецъ лился какъ вода; стекла трескались и плавились, вода мгновенно превращалась въ паръ.

На утро около ямы нашли сорокъ труповъ, обуглившихся, изуродованныхъ, неузнаваемыхъ; за ночь вся мѣстность между Хорселлемъ и Мэйбёри выгорѣла и превратилась въ пустыню.

Вѣсть объ избіеніи дошла до Уокинга, Чобхэма и Оттершау, вѣроятно, почти одновременно и не скоро. Въ роковую минуту, когда марсіане прибѣгли къ дѣйствію теплового луча, въ Уокингѣ лавки были уже закрыты и толпа народу, главнымъ образомъ, молодежи, разгуливала по улицамъ и по дорогѣ, между изгородями, ведущей на лугъ. Они слыхали, что на лугу творится что-то необычайное и отнеслись къ этой новости, какъ ко всякой другой, увидавъ въ ней лишь предлогъ для прогулки и легкаго флирта. Шумная ватага молодежи, ничего не подозрѣвая, съ говоромъ и смѣхомъ, направлялась къ страшному мѣсту.

Въ Уокингѣ мало кто зналъ, что цилиндръ ужъ открылся, хотя бѣдный Гендерсонъ отправилъ на почту посланца на велосипедѣ, съ телеграммой въ редакцію своей газеты.

На лугу они нашли множество отдѣльныхъ небольшихъ группъ людей, о чемъ-то горячо толковавшихъ между собою, глядя на вертящееся зеркало, возвышавшееся надъ песочной ямой; ихъ волненіе скоро сообщилось новоприбывшимъ.

Около половины девятаго, въ моментъ гибели депутатовъ, на дорогѣ находилось человѣкъ 300, не считая храбрецовъ, которые отправились поглядѣть вблизи на марсіанъ. Трое полицейскихъ, изъ нихъ одинъ конный, по приказанію Стента, прилагали всѣ старанія, чтобы осаживать толпу и не подпускать ее близко къ цилиндру. Публика ворчала, въ особенности сорви-головы и забіяки, для которыхъ всякое сборище только предлогъ пошумѣть и побалагурить.

Стентъ и Оджильви, боясь столкновенія, лишь только появились марсіане, поспѣшили отправить телеграмму въ лагерь, съ просьбой выслать имъ роту солдатъ для охраны странныхъ переселенцевъ. Послѣ этого они вернулись на лугъ во главѣ депутаціи, не предчувствуя, что идутъ навстрѣчу смерти. Описаніе ихъ гибели очевидцами вполнѣ совпадаетъ съ моими собственными впечатлѣніями: три клуба зеленаго дыма, глухое жужжанье и вспышки пламени.

Но толпѣ гуляющихъ пришлось еще похуже моего. Ихъ спасло только то обстоятельство, что передъ ними высился песчаный бугоръ, поросшій верескомъ, который загородилъ дорогу нижней части теплового луча. Подними марсіане свое параболическое зеркало нѣсколько выше, не осталось бы въ живыхъ ни души, чтобы разсказать эту исторію. Всѣ видѣли, какъ вспыхивало пламя, какъ падали люди; невидимая рука простиралась къ нимъ, по пути зажигая кусты. Затѣмъ, съ пронзительнымъ свистомъ, заглушившимъ гудѣнье въ ямѣ, смертоносный лучъ пронесся надъ ихъ головами, воспламенилъ вершины придорожныхъ буковъ, выбилъ стекла въ окнахъ верхняго этажа, зажегъ рамы, сбросилъ на землю часть крыши углового дома и нѣсколько кирпичей, которые, при паденіи, разлетѣлись въ куски.

Пораженная ужасомъ толпа застыла на мѣстѣ, но ненадолго. Трескъ и шипѣнье горящихъ вѣтвей скоро привели ее въ себя. На землю сыпались искры, пылающіе листья и вѣтки при паденіи зажигали шляпы и платья. Поднялся крикъ и шумъ. Въ эту минуту мимо проскакалъ конный полисменъ; онъ держался руками за голову и громко стоналъ.

— Идутъ!—завопила не своимъ голосомъ какая-то женщина, и всѣ, перепуганные, какъ стадо овецъ, бросились бѣжать, сломя голову, по направленію къ Уокингу. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога съуживается, проходя между высокими грядами холмовъ, поднялась страшная давка, задніе напирали на переднихъ, двѣ женщины и мальчикъ, задавленные, растоптанные, остались умирать на мѣстѣ, среди мрака и жуткаго безмолвія.

VII.

Какъ я добрался домой.

Я лично совсѣмъ не помню своего бѣгства, знаю только, что я натыкался

на деревья, спотыкался о верескъ, и все время мнѣ чудилось, что за мной гонятся марсіане, что смертоносный мечъ кружится надъ моей головой, словно играя и выжидая удобной минуты, чтобъ поразить меня. Я выбрался на дорогу между перекресткомъ и Хорселлемъ, добѣжалъ до перекрестка,—и вдругъ силы меня оставили. Изнемогая отъ усталости и волненія, я упалъ у дороги, неподалеку отъ мостика, пересѣкающаго каналъ, и остался лежать неподвижно.

Сколько времени я пролежалъ такъ,— не знаю, но въ концѣ концовъ приподнялся и сѣлъ, въ какомъ-то странномъ раздумьѣ. Съ минуту я не могъ сообразить, гдѣ я и какъ попалъ сюда. Страхъ мой свалился съ меня, какъ одежда. Я потерялъ шляпу, запонку отъ рубашки; воротникъ мой отстегнулся. Нѣсколько минутъ тому назадъ, только три вещи казались мнѣ реальными: необъятность ночи, пространства и природы, моя собственная слабость и мучительный страхъ—и близость смерти. Теперь точка зрѣнія круто перемѣнилась; я сразу перешелъ отъ одного состоянія къ другому. Я былъ опять самимъ собой, мирнымъ, добропорядочнымъ обывателемъ. Мрачный лугъ, превращенный въ пустыню, мое бѣгство, пожирающее пламя,—все это показалось мнѣ сномъ. Я не вѣрилъ себѣ, спрашивалъ себя, да ужъ полно: было ли все это на самомъ дѣлѣ?

Я поднялся и невѣрными шагами сталъ взбираться на мостъ. Въ головѣ у меня былъ страшный сумбуръ; ноги не слушались, нервы совсѣмъ развинтились; должно быть, я шатался, какъ пьяный. Изъ-за арки моста показалась голова, потомъ вся фигура рабочаго, съ корзиной въ рукахъ. Возлѣ него бѣжалъ маленькій мальчикъ; проходя мимо, онъ пожелалъ мнѣ доброй ночи. Я хотѣлъ заговорить съ нимъ и не могъ; на его поклонъ я отвѣтилъ какимъ-то невнятнымъ мычаньемъ.

Около Мэйбёри я увидалъ поѣздъ: волнистая линія бѣлаго, пересыпаннаго искрами дыма, длинный рядъ освѣщенныхъ оконъ, стукъ, грохотъ—и поѣздъ промчался мимо. У воротъ, хорошенькаго домика на восточной террасѣ стояла группа изъ нѣсколькихъ человѣкъ, мирно бесѣдовавшихъ между собою. Снова привычная, обыденная обстановка. А позади-то! Это какое-то безуміе, что-то неестественное, немыслимое!

Можетъ быть, я человѣкъ не вполнѣ нормальный. Не знаю, всѣ ли такъ чувствуютъ, какъ я. У меня бываютъ странныя настроенія. Временами я какъ будто отрѣшаюсь отъ себя самого и отъ всего міра, стою гдѣ-то страшно далеко. внѣ времени и пространства, вдали отъ усилій и житейской борьбы,—и наблюдаю.

Въ этотъ вечеръ я ощупалъ это раздвоеніе особенно живо, но примириться съ невѣдѣніемъ этихъ людей—я не могъ. Какъ они беззаботно спокойны, когда въ двухъ миляхъ отсюда витаетъ смерть! Съ газоваго завода доносился шумъ машинъ; тамъ кипѣла работа; электрическіе фонари весело поблескивали въ темнотѣ. Я подошелъ къ одной группѣ, состоявшей изъ двухъ мужчинъ и женщины.

— Какія вѣсти съ луга?—спросилъ я.

— Что?—обернувшись, переспросилъ одинъ изъ мужчинъ.

— Какія вѣсти съ луга?—повторилъ я.

— А ты-то самъ развѣ не оттуда?

— Нынче всѣ съ ума посходили изъ-за этого луга,—замѣтила женщина.— И что они тамъ нашли такого особеннаго?

— Вы развѣ не слыхали о людяхъ съ Марса?

— Наслушались; будетъ!—отозвалась женщина. И всѣ трое захохотали.

Они принимаютъ меня за дурака! Я разсердился и хотѣлъ разсказать имъ, что видѣлъ, но говорить связно не могъ; они пуще прежняго хохотали надъ моими отрывочными фразами.

— Ну, погодите, вы еще услышите о марсіанахъ,—крикнулъ я имъ и поспѣшилъ домой.

Жена, поджидавшая меня у дверей, испугалась—такой у меня былъ безумный взглядъ и растерзанный видъ. Я пошелъ въ столовую, сѣлъ, выпилъ немного вина и только послѣ этого настолько пришелъ въ себя, что могъ разсказать женѣ все по порядку. Обѣдъ былъ давно поданъ, но мы и не дотра-

гивались до него, поглощенные страшной новостью.

— Одно только хорошо,—сказалъ я, чтобъ хоть немного успокоить жену:— они страшно неповоротливы. Будутъ себѣ сидѣть въ своей ямѣ и убивать тѣхъ, кто подойдетъ близко, а выбраться изъ нея не съумѣютъ... Но, Боже, какіе они отвратительные!

— Полно, голубчикъ, не говори о нихъ,—сказала жена, сдвинувъ брови и взявъ меня за руку.

— Бѣдный Оджильви! Подумать, что онъ лежитъ тамъ мертвый!

Жена по крайней мѣрѣ вѣрила мнѣ. Увидавъ, какой смертельной блѣдностью покрылось ея лицо, я мгновенно прикусилъ языкъ.

— Они могутъ придти сюда!—повторяла она со страхомъ.

Я заставилъ ее выпить рюмку вина и успокоивалъ ее, говоря:

— Они едва могутъ двигаться.

Я повторялъ ей все слышанное мною отъ Оджильви относительно невозможности для марсіанъ акклиматизироваться на землѣ. Сила тяготѣнія на землѣ втрое больше, чѣмъ на Марсѣ; слѣдовательно, марсіанинъ, переселенный на землю, будетъ вѣсить въ три раза больше, чѣмъ у себя дома, между тѣмъ какъ мышечная сила его останется прежней. Собственное тѣло будетъ препятствовать ему двигаться, будетъ давить его, какъ свинцовая шапка. Таково было общее мнѣніе. *Times* и *Daily Telegraph*, вышедшіе на другое утро, утверждали то-же, подобно мнѣ, забывая о двухъ важныхъ условіяхъ, значительно мѣняющихъ дѣло.

Атмосфера земли, какъ намъ теперь извѣстно, содержитъ гораздо больше кислорода и гораздо меньше аргона, чѣмъ атмосфера Марса. Бодрящее и укрѣпляющее дѣйствіе этой атмосферы на марсіанъ въ значительной степени уравновѣшивало неблагопріятное вліяніе усилившагося тяготѣнія. Далѣе, мы всѣ забыли, что механическія приспособленія могутъ свести работу мышцъ почти на нѣтъ, а марсіане, очевидно, обладали обширными свѣдѣніями въ механикѣ.

Но въ то время я этого совсѣмъ не принималъ въ разсчетъ. Вино и пища, сознаніе, что находишься въ безопасности, у своего домашняго очага, и необходимость успокоить жену — мало-помалу возвратили мнѣ бодрость и мужество.

— Наглупили они, вотъ что,—разсуждалъ я, разглядывая на свѣтъ вино.— Они оттого и опасны, что себя не помнятъ отъ страха. Можетъ быть, они вовсе не ожидали встрѣтить здѣсь живыя существа, по крайней мѣрѣ разумныя. Въ крайнемъ случаѣ, если дойдетъ до самаго худшаго, довольно одной бомбы, чтобы всѣхъ ихъ укокошить.

Послѣ всего, пережитаго днемъ, я, естественно, находился въ крайне возбужденномъ состояніи, и это, должно быть, изощрило мою воспріимчивость ко всѣмъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Я до сихъ поръ удивительно ясно помню мельчайшія подробности обстановки: милое, испуганное лицо моей жены, выглядывающее изъ-за розоваго абажура, бѣлая скатерть, серебро и хрусталь на столѣ,— въ тѣ дни даже философы позволяли себѣ маленькую роскошь въ житейскомъ обиходѣ,—и пурпуровое вино въ стаканѣ,—все это такъ и стоитъ у меня передъ глазами. Я сидѣлъ на концѣ стола; затягиваясь сигарой и грызя орѣхи, я сожалѣлъ объ излишней горячности, выказанной Оджильви, и порицалъ трусливость и непредусмотрительность марсіанъ.

Такъ, можетъ быть, какой-нибудь почтенный дронтъ *) на островѣ св. Маврикія, сидя въ гнѣздѣ, бесѣдовалъ съ своей подругой о прибытія моряковъ, посѣтившихъ его владѣнія съ цѣлью полакомиться животной пищей, и самоувѣренно говорилъ ей:

— Да ты не бойся: мы ихъ завтра заклюемъ до смерти, моя дорогая!

Не зналъ я тогда, какъ не скоро мнѣ придется снова обѣдать въ цивилизованной обстановкѣ и какъ много тревожныхъ и страшныхъ дней ждутъ меня впереди.

---

*) *Додо*—вымершая птица. *Прим. пер.*

VIII.

Ночь съ пятницы на субботу.

Изъ всего страннаго и необычайнаго, что произошло въ эту пятницу, всего больше удивляло меня отношеніе людей къ событіямъ, которыя угрожали разрушить весь нашъ общественный строй. Если бы, въ пятницу, вечеромъ, взять циркуль, разставить ножки его миль этакъ на пять и описать этимъ радіусомъ кругъ, взявши центромъ уокингскія песочныя ямы, врядъ ли бы внѣ этого круга нашелся хоть одинъ человѣкъ, сколько-нибудь потревоженный въ своихъ привычкахъ, или настроеніи внезапнымъ прибытіемъ жителей Марса. Исключеніе, разумѣется, составляли родственники Стента и трехъ-четырехъ лондонскихъ велосипедистовъ, которые лежали теперь мертвыми возлѣ ямы. Многіе, конечно, слыхали о цилиндрѣ и сами не прочь были потолковать о немъ въ свободное время, но ультиматумъ, поставленный нами Германіи, несомнѣнно произвелъ бы гораздо большую сенсацію.

Телеграмма бѣдняги Гендерсона, описывавшаго постепенное развинчиваніе цилиндра, произвело въ Лондонѣ впечатлѣніе утки. Его газета обратилась къ нему за подтвержденіемъ и, не получивъ отвѣта,—онъ въ ту пору былъ уже мертвъ,—рѣшила не печатать сенсаціоннаго номера отдѣльнымъ изданіемъ.

Даже и внутри круга большинство оставалось равнодушнымъ. Я уже говорилъ, какъ отнеслись къ моему разсказу встрѣченные мною мужчины и женщины. Все шло своимъ чередомъ, какъ будто ничего не случилось: одни ужинали, другіе обѣдали; рабочіе въ видѣ отдыха копались съ своихъ садикахъ, дѣтей укладывали спать, влюбленныя парочки бродили по окрестностямъ, студенты сидѣли надъ книгами.

Правда, на улицахъ и въ трактирахъ царило нѣкоторое оживленіе, благодаря новой интересной темѣ для разговора; кое-гдѣ появленіе посланца или очевидца съ мѣста дѣйствія вызывало цѣлую сенсацію, крикъ, шумъ, бѣготню; но въ общемъ, рутина не была нарушена. Люди работали, ѣли, пили и спали, не заботясь о Марсѣ, какъ будто такой планеты никогда и не появлялось на небѣ. Даже ближайшія къ ямѣ мѣста, Хорселль, Чобхэмъ и Уокингъ, не составляли исключенія.

На желѣзнодорожной станціи приходили и уходили поѣзда, исчезали одни пассажиры и появлялись другіе, словомъ, все шло обычнымъ порядкомъ. Мальчишка разносчикъ продавалъ вечернія газеты, и рѣзкіе выкрики его: «Послѣдняя новость! Люди съ Марса!» перемѣшивались съ поѣздными свистками и грохотомъ тачекъ, на которыхъ перевозятъ багажъ. Въ девять часовъ на станцію прибѣжало нѣсколько очевидцевъ страшной драмы, взволнованныхъ, перепуганныхъ; они разсказывали невѣроятныя вещи, но на нихъ обратили столько же вниманія, сколько на какихъ-нибудь пьяныхъ. Пассажиры, направлявшіеся въ Лондонъ, вглядываясь въ темноту изъ оконъ вагоновъ, видѣли только снопы искръ возлѣ Хорселля, красное зарево на небѣ, да легкое облако дыма, заволакивающее звѣзды, и рѣшили, что ничего серьезнаго не случилось: загорѣлся верескъ, и только. Обычное теченіе жизни было нарушено только у окраины луга. Здѣсь горѣли около полудюжины дачъ, во всѣхъ сосѣднихъ домахъ виденъ былъ свѣтъ, и люди не ложились до свѣта.

На обоихъ мостахъ стояли кучками любопытные; одни приходили, другіе уходили, но народу оставалось все-таки много. Два-три смѣльчака, подъ прикрытіемъ темноты, подкрались къ самой ямѣ поглядѣть на марсіанъ, но уже не вернулись назадъ; марсіане время отъ времени осматривали окрестность, направляя на окружающіе предметы лучъ свѣта, за которымъ всегда готовъ былъ послѣдовать тепловой лучъ. На пустынномъ лугу царило безмолвіе; обуглившіеся трупы пролежали неубранными всю ночь, при свѣтѣ звѣздъ, и весь слѣдующій день. Многіе слышали доносившійся изъ ямы стукъ молота.

Всю ночь напролетъ марсіане провели за работой; они что-то ковали, готовили какія-то машины; по временамъ къ

звѣздному небу поднимались клубы зеленовато-бѣлаго дыма.

Около одиннадцати часовъ, черезъ Хорселль прошла рота солдатъ и оцѣпила южный край луга. Позже пришла другая рота, по Хорселльской дорогѣ и оцѣпила сѣверный край. Офицеры изъ Инкерманскихъ бараковъ еще раньше пріѣзжали осматривать лугъ, и оказалось, что одинъ изъ нихъ, майоръ Эденъ, пропалъ безъ вѣсти. Въ полночь самъ командиръ полка пріѣзжалъ на Чобхэмскій мостъ наводить о немъ справки. Военныя власти, видимо, сознавали опасность положенія: съ вечера на мѣсто дѣйствія высланы были изъ Ольдершота эскадронъ гусаръ, двѣ пушки и четыре сотни пѣхоты Кардиганскаго полка.

Нѣсколько секундъ спустя послѣ полуночи, толпа, бродившая по Чертсейской дорогѣ, видѣла, какъ съ неба скатилась звѣзда и упала въ сосновый лѣсъ на сѣверо-западѣ. Въ воздухѣ осталась послѣ нея полоса зеленоватаго свѣта, вспыхнувшая словно молнія. Это былъ второй цилиндръ, новая отравленная стрѣла съ Марса, вонзившаяся въ кожу нашей старой планеты.

IX.

Борьба начинается.

Суббота, сколько мнѣ помнится, прошла незамѣтно. Это былъ день отдыха и перемирія, томительно жаркій и душный; барометръ все время колебался. Я мало спалъ и всталъ рано, радуясь, что хоть женѣ-то удалось уснуть. Передъ завтракомъ я вышелъ въ садъ и сталъ прислушиваться, но съ луга доносилось только пѣніе жаворонка.

Молочникъ явился въ обычное время. Я издали заслышалъ стукъ колесъ его телѣжки и пошелъ отворять ему ворота, чтобы узнать послѣднія новости. Онъ сообщилъ мнѣ, что ночью марсіанъ окружили войска; ждали прибытія пушекъ. Впрочемъ, убивать ихъ не приказано, если только можно будетъ обойтись безъ этого, добавилъ молочникъ.

Въ эту минуту до меня донесся свистъ поѣзда, идущаго въ Уокингъ; этотъ привычный звукъ дѣйствовалъ чрезвычайно успокоительно.

Я увидалъ въ саду сосѣда и подошелъ къ нему поболтать. Онъ былъ того мнѣнія, что за день солдаты непремѣнно изловятъ марсіанъ, или же взорвутъ ихъ на воздухъ.

— А жаль, что они окружили себя такой неприступностью. Любопытно было бы поразспросить, какъ имъ живется на другой планетѣ; пожалуй, можно было бы кое-чему у нихъ и поучиться.

Онъ протянулъ мнѣ черезъ изгородь пригоршню крупной спѣлой клубники; страсть къ садоводству не мѣшала ему быть очень радушнымъ хозяиномъ. При этомъ онъ сообщилъ, что около Байфлита тоже пылаютъ лѣса.

— Говорятъ, тамъ упала такая же проклятая штука,— померъ второй. Довольно бы и одной, за глаза. Въ копѣечку влѣзетъ эта исторія страховымъ обществамъ; лѣса-то вонъ до сихъ поръ дымятся.—Онъ, добродушно смѣясь, указалъ мнѣ на дымъ, столбомъ поднимавшійся къ небу.—Туда теперь и не пройти: почва вездѣ торфяная, да и хвоя лежитъ толстымъ слоемъ. — Потомъ онъ вспомнилъ о «бѣдномъ Оджильви» и сразу сдѣлался серьезенъ.

Послѣ завтрака, вмѣсто того, чтобы сѣсть за работу, я рѣшился прогуляться на лугъ. Подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ стояли солдаты, саперы, въ маленькихъ круглыхъ шапочкахъ, грязныхъ и разстегнутыхъ красныхъ курткахъ, въ синихъ рубахахъ, черныхъ штанахъ и сапогахъ до колѣнъ. Они объявили мнѣ, что по ту сторону никого пускать не приказано. Дѣйствительно, на мосту стоялъ часовой. Я вступилъ въ разговоръ съ солдатами, разсказалъ имъ, что видѣлъ наканунѣ и какое впечатлѣніе произвели на меня марсіане. Изъ нихъ никто не видалъ марсіанъ; вообще они имѣли очень смутное представленіе объ этихъ выходцахъ изъ другого міра, и засыпали меня вопросами. Они не знали, кто приказалъ двинуть сюда войска, но довольно разумно обсуждали исключительныя условія ожидаемой схватки съ марсіанами; саперы вообще значительно развитѣе и образованнѣе простыхъ сол-

дать. Особенно заинтересовало ихъ дѣйствіе теплового луга.

— По моему бы подползти, подъ прикрытіемъ, къ ямѣ, да и ударить на нихъ врасплохъ,—предлагалъ одинъ.

— Поди ты!—возразилъ другой. Чѣмъ же это ты прикроешься отъ такого жара? Сгоришь и только! Выдумалъ тоже! Нѣтъ, надо подкрасться незамѣтно насколько возможно ближе, а потомъ рыть траншею.

— Ну ихъ къ чорту, твои траншеи. У тебя все траншеи. Тебѣ бы родиться кроликомъ, Снипли.

— А шеи, выходитъ, у нихъ такъ-таки и нѣтъ?—неожиданно вмѣшался въ разговоръ третій, низенькій брюнетъ съ задумчивыми глазами и трубкой въ зубахъ.

Я вторично описалъ наружность марсіанъ.

— Осьминоги,—рѣшилъ онъ: — чистые осьминоги. Вотъ такъ времячко настало: не люди жарятъ рыбъ, а рыбы людей!

— Этакую тварь и убить-то не грѣхъ, замѣтилъ первый.

— Бросить бы имъ туда хорошую бомбу, да и прикончить ихъ разомъ. Почемъ знать, какихъ они еще бѣдъ натворятъ!

— А пушки то гдѣ же?—возразилъ первый.—Да это и долгая исторія. Вотъ приступомъ взять, это дѣло иное — и поскорѣе, не откладывая.

Я оставилъ ихъ спорить и пошелъ на станцію за утренними газетами.

Не стану утомлять читателя описаніемъ этого долгаго утра и еще болѣе медлительно тянувшихся часовъ послѣ полудня. Мнѣ не удалось даже поглядѣть на лугъ: обѣ колокольни, Хорсельская и Чобхэмская были заняты войсками. Никто не могъ сообщить мнѣ ничего новаго: солдаты сами ничего не знали, офицеры имѣли озабоченный видъ и напускали на себя таинственность. Въ городкѣ всѣ успокоились послѣ прибытія войскъ; содержатель табачной лавочки, Маршалль, сообщилъ мнѣ, что его сынъ погибъ на лугу вмѣстѣ съ другими, чего я раньше не зналъ. Солдаты ходили по окраинамъ Хорселя, убѣждая жителей запереть свои дома и уѣхать изъ города.

Я пришелъ домой къ завтраку страшно усталый; день, какъ я уже говорилъ, былъ томительно жарокъ; я взялъ холодную ванну, чтобъ освѣжиться. Въ половинѣ пятаго я опять пошелъ на станцію за вечерней газетой, такъ какъ въ утреннихъ было помѣщено лишь весьма неполное описаніе кончины Стента, Оджильви, Гендерсона и др. Но и вечерняя газета не сказала мнѣ ничего новаго. Марсіане упорно не показывались. Они что-то работали въ своей ямѣ, — должно быть, готовились къ бою. «Была сдѣлана новая попытка установать сообщеніе, но безуспѣшно», говорили газеты. Одинъ изъ саперъ объяснилъ мнѣ, въ чемъ состояла эта попытка: кто-то, спрятавшись въ канавѣ, выставилъ оттуда длинный шестъ съ бѣлымъ флагомъ на концѣ; марсіане оставили этотъ сигналъ безъ вниманія.

Долженъ сознаться, что всѣ эти приготовленія привели меня въ очень воинственное настроеніе. Я припомнилъ школьные годы, когда я мечталъ быть героемъ и строилъ самые дерзкіе планы нападенія. Одна бѣда: борьба представлялась мнѣ неравной; марсіане казались такими безпомощными въ своей ямѣ...

Часовъ около трехъ послышались пушечные выстрѣлы со стороны Чертси или Аддльстона. Обстрѣливали пылающій сосновый лѣсъ, гдѣ лежалъ второй цилиндръ, въ надеждѣ уничтожить его раньше, чѣмъ онъ откроется. Орудіе, изъ котораго намѣревались бомбардировать первый цилиндръ, прибыло въ Чобхэмъ лишь къ пяти.

Подъ вечеръ, когда мы съ женой сидѣли за чаемъ въ теплицѣ, до насъ глухо донесся пушечный выстрѣлъ и тотчасъ же вслѣдъ за нимъ ружейный залпъ. Не прошло и минуты, какъ возлѣ самаго нашего дома что-то съ трескомъ рухнуло на землю; я бросился къ окну: верхушки деревьевъ возлѣ Восточной Коллегіи на моихъ глазахъ вспыхнули краснымъ пламенемъ; колокольня сосѣдней маленькой церкви лежала въ развалинахъ. Куполъ обвалился; крыша коллегіи имѣла такой видъ, будто послѣ

жестокой бомбардировки. У насъ треснула одна изъ трубъ и упала на цвѣточную клумбу подъ окномъ моего кабинета, увлекая за собой при паденіи цѣлую груду черепицъ.

Въ первую минуту мы съ женой растерялись. Потомъ я сообразилъ, что, послѣ паденія колокольни, Мэйбёри-Хиллъ остается безъ всякаго прикрытія и попадаетъ въ районъ дѣйствія теплового луча.

Я схватилъ за руку жену и безъ церемоніи вытащилъ ее на улицу, потомъ вывелъ туда же служанку; она всполошилась изъ-за своего сундука; я обѣщалъ самъ принести его.

— Мы не можемъ здѣсь оставаться,— убѣждалъ я ее. Не успѣлъ я договорить, какъ пальба послышалась снова.

— Куда же мы пойдемъ?— съ испугомъ спрашивала жена.

Я задумался, потомъ вспомнилъ, что у нея есть родные неподалеку.

— Въ Лезерхэдъ!—крикнулъ я не ововмъ голосомъ.

На улицѣ становилось людно. Изъ оконъ выглядывали удивленныя, испуганныя лица.

— Какъ же намъ попасть въ Лезерхэдъ?

Съ холма спускался небольшой отрядъ гусаръ; трое изъ нихъ уже въѣзжали въ открытыя настежь ворота Восточной Коллегіи, еще двое спѣшились и пошли по обывателямъ, перебѣгая отъ одного дома къ другому. Солнце сквозь дымъ, окутывавшій вершины деревьевъ, казалось краснымъ, какъ кровь; вся окрестность была залита зловѣщимъ багровымъ свѣтомъ.

— Стойте здѣсь,—сказалъ я женѣ;— здѣсь вы въ безопасносги,—а самъ побѣжалъ въ сосѣдній трактиръ: я зналъ, что у хозяина его есть лошадь и телѣжка. Я бѣжалъ, что было силы, угадывая, что еще черезъ нѣсколько минутъ весь поселокъ подымегся на ноги. Тракгирщикъ стоялъ за стойкой, не подозрѣвая даже, что творится позади его дома. Съ нимъ бесѣдовалъ кто-то, стоявшій ко мнѣ спиной.

Меньше фунта не возьму,—говорилъ трактирщикъ,—да и привести у меня некому.

— Я вамъ дамъ два фунта,—крикнулъ я черезъ плечо незнакомца.

— Что такое?

— Два фунта, и къ полуночи доставлю обратно.

— Батюшки, да вы никакъ спятили.—Я вѣдь свинью продаю. Два фунта, съ тѣмъ, чтобы привести ее обратно? Да что это съ вами?

Я поспѣшилъ объяснить, что мнѣ нужно уѣхать и нанялъ у него телѣжку. Въ эту минуту мнѣ какъ-то не пришло въ голову, что и трактирщику не мѣшало бы выселиться поскорѣе. Я самъ заложилъ лошадь, подъѣхалъ къ дому и сталъ наскоро укладывать въ телѣжку кое-какія вещи, фарфоръ, серебро и т. под. По дорогѣ уже пылали деревья и изгороди. Одинъ изъ гусаръ подъѣхалъ ко мнѣ; онъ объѣзжалъ дома, уговаривая жителей поспѣшить выселеніемъ. Я окликнулъ его:

— Что новаго?

Онъ обернулся, прокричалъ: «вылѣзаютъ наружу въ какихъ-то корзинахъ», и поскакалъ дальше; скоро онъ исчезъ въ облакѣ дыма. Я подбѣжалъ къ двери сосѣдняго дома и попробовалъ отворить ее, для очистки совѣсти, такъ какъ зналъ, что сосѣдъ съ женой уѣхалъ въ Лондонъ и дверь заперта. Затѣмъ, исполняя свое обѣщаніе, я вытащилъ сундукъ нашей служанки, взгромоздилъ его на телѣжку, взялъ возжи и вскочилъ на козлы, рядомъ съ женой. Черезъ минуту мы уже спускались по склону Мэйбёри-Хилля, оставивъ дымъ и огонь позади.

Передъ нами разстилался мирный, залитый солнцемъ пейзажъ; по бокамъ дороги тянулись поля; вдали раскачивалась вывѣска Мэйбёрійской гостинницы. Насъ опередилъ докторъ, тоже въ телѣжкѣ. Спустившись съ холма, я оглянулся назадъ. На востокъ до Байфлитскихъ лѣсовъ и на западъ до Уокинга вся окрестность была окутана дымомъ; вершины деревьевъ тонули въ густой тѣни; мѣстами сквозь дымъ прорывалось красное пламя. Дорога кишѣла народомъ; каждый спѣшилъ уйти отъ опас-

ности. Издали донесся слабый, но явственный звукъ выстрѣла изъ механическаго ружья и за нимъ перемежающаяся трескотня карабиновъ; марсіане, очевидно, выжигали все, что находилось въ районѣ дѣйствія ихъ теплового луча.

Я не особенный искусникъ править, и скоро мнѣ пришлось все свое вниманіе посвятить лошади. Когда я снова обернулся назадъ, изъ-за второго холма уже не стало видно дыма. Я стегнулъ лошадь кнутомъ и скоро обогналъ доктора.

X.

Подъ грозой.

Лезерхэдъ лежитъ въ двѣнадцати миляхъ отъ Мэйбери-Хилля. За Пирфордомъ воздухъ былъ пропитанъ ароматомъ сочныхъ луговыхъ травъ, изгороди усыпаны цвѣтами шиповника. Пальба прекратилась такъ же внезапно, какъ и началась, и ничто болѣе не нарушало вечерней тишины. Къ девяти часамъ мы безъ всякихъ приключеній добрались до Лезерхэда. Я далъ лошади часокъ отдохнуть и самъ пошелъ закусить съ двоюроднымъ братомъ жены.

Всю дорогу жена молчала, словно угнетаемая тяжелымъ предчувствіемъ. Я старался ободрить ее, шутилъ надъ неповоротливостью марсіанъ, но она отвѣчала лишь односложными словами. Еслибъ не данное мною трактирщику обѣщаніе привести назадъ лошадь, она навѣрно стала бы умолять меня остаться ночевать въ Лезерхэдѣ. И какъ жаль, что я этого не сдѣлалъ! Помню, она была блѣдна, какъ полотно, когда прощалась со мной.

Я, наоборотъ, весь день находился въ сильномъ возбужденіи. Что-то вродѣ боевой лихорадки, свойственной иногда и цивилизованымъ людямъ, заставляло кровь быстрѣе течь въ моихъ жилахъ и я въ душѣ не очень-то досадовалъ, что мнѣ придется ночью вернуться въ Мэйбёри. Я даже побаивался, не потому ли прекратилась пальба, что наши противники съ Марса уже уничтожены. Попросту говоря, меня тянуло заглянуть въ лицо смерти.

Было уже около одиннадцати, когда я собрался домой. Ночь неожиданно оказалась очень темной и такой же душной и жаркой, какъ день. По небу быстро скользили густыя тучи, хотя вѣтра не было ни малѣйшаго. Къ счастью, я хорошо зналъ дорогу. Жена стояла въ дверяхъ, вся на свѣту, и не сводила съ меня глазъ, пока я не сѣлъ въ телѣжку Тогда она круто повернулась и вошла въ домъ, предоставивъ кузенамъ пожелать мнѣ счастливой дороги.

Страхъ жены сообщился и мнѣ, такъ что я выѣхалъ грустный, но скоро мысли мои обратились опять къ марсіанамъ. Я не имѣлъ понятія о томъ, чѣмъ кончилась схватка, не зналъ даже, что именно вызвало столкновеніе. Проѣзжая черезъ Окгэмъ (я возвращался по другой дорогѣ), я замѣтилъ на западномъ краю горизонта кроваво-красное зарево, которое постепенно поднималось выше и выше. Сгущавшіяся грозовыя тучи перемѣшивались тамъ съ облаками чернаго и краснаго дыма.

Дорога была пустынна; если не считать друхъ-трехъ освѣщенныхъ оконъ, деревушка Рипли не подавала и признака жизни. Огибая уголъ, я чуть было не наткнулся на группу людей, стоявшихъ ко мнѣ спиной; они молча проводили меня глазами. Не знаю, было ли имъ извѣстно, что произошло за холмомъ не знаю также, были ли дома, мимо которыхъ я проѣзжалъ, покинуты и пусты, покоились ли ихъ обитатели мирнымъ сномъ, или же бодрствовали, съ тоской поджидая разсвѣта.

Отъ Рипли до Пирфорда дорога идетъ лощиной; оттуда зарева не было видно, но лишь только я выѣхалъ на гору возлѣ Пирфордской церкви, какъ небо снова стало багровымъ, и деревья надъ моей головой зашумѣли подъ дыханіемъ надвигавшейся бури. Какъ разъ въ эту минуту часы на церковной башнѣ пробили полночь, и на красномъ фонѣ неба выступили очертанія Мэйбери-Хилля, съ темными силуэтами деревьевъ и остроконечными черными крышами.

Внезапно зеленый свѣтъ блеснулъ предо мною, озаривъ мой путь и опушку дальняго лѣса. Точно молнія прорѣзала ту-

чи, освѣтила ихъ безпорядочный бѣгъ и звѣздою скатилась на поле налѣво. Я вздрогнулъ отъ ужаса. Это была третья падучая звѣзда, третій цилиндръ!

Тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ. въ небѣ сверкнула настоящая молнія, по контрасту показавшаяся мнѣ фіолетовой, и надъ головой моей загрохоталъ громъ. Лошадь моя закусила удила и помчалась вскачь съ горы.

Молніи бороздили небо; громъ гремѣлъ почти безпрерывно, съ какимъ-то страннымъ трескомъ, напоминавшимъ стукъ гигантской электрической машины. Мелкій градъ хлесталъ меня въ лицо; блескъ молній слѣпилъ глаза; въ промежуткахъ тьма казалась еще непрогляднѣе.

Вначалѣ я слѣдилъ только за лошадью, боясь, какъ бы не опрокинуться, но внезапно вниманіе мое привлекъ какой-то предметъ, быстро двигавшійся по противоположному склону Мэйбёри-Хилля. Сперва я принялъ *это* за мокрую крышу дома, но при блескѣ молніи скоро разсмотрѣлъ, что *оно* быстро движется. Жутко было смотрѣть — непроглядная тьма, и вдругъ все станетъ видно, какъ днемъ: красныя постройки пріюта у самаго гребня, зеленыя верхушки сосенъ и загадочный движущійся предметъ

Я видѣлъ его, но какъ описать, что это было? Чудовищный треножникъ, ростомъ выше иного дома, шагалъ между молодыхъ сосенъ, раздвигая ихъ въ стороны; весь металлическій, онъ сверкалъ, когда молнія озаряла его; какія-то суставчатыя стальныя цѣпи свѣшивались съ него, ударяясь объ него на ходу, и звонъ ихъ смѣшивался съ рокотомъ грома. Блеснетъ молнія и видишь, какъ онъ занесъ одну ногу, оставивъ двѣ другія на воздухѣ; мигъ—и все исчезло; еще мигъ—и видишь его уже на сто ярдовъ ближе.

Вдругъ передо мной чья-то рука раздвинула сосны, словно камышъ, и появился другой треножникъ, направлявшійся, какъ мнѣ показалось прямо ко мнѣ. И я, безумецъ, самъ стремился ему навстрѣчу! При видѣ второго чудовища нервы мои не выдержали. Я круто повернулъ лошадь направо, мигъ,—и тележка опрокинулась вмѣстѣ съ лошадью, оглобли съ трескомъ лопнули; самъ я отлетѣлъ въ сторону и грузно шлепнулся въ какую-то лужу.

Впрочемъ, я почти тотчасъ же вылѣзъ, хотя ноги мои все еще оставались въ водѣ, и скорчившись усѣлся подъ кустомъ, дрожа. Лошадь лежала безъ движенія, (она, бѣдная, сломала себѣ шею); при блескѣ молніи я различалъ темную массу телѣжки и силуэтъ колеса. которое продолжало медленно вертѣться. Минуту спустя, загадочная машина прошла мимо, чуть не задѣвъ меня, и направилась къ Пирфорду.

Вблизи все это было еще невѣроятнѣе: дѣло въ томъ, что треножникъ оказывался не простой безчувственной машиной, пущенной въ извѣстномъ направленіи. Т. е. это несомнѣнно была машина, металлическая, двигавшаяся со стукомъ и звономъ, снабженная длинными и гибкими блестящими щупальцами (одно изъ нихъ вырвало съ корнемъ молодую сосну); эти щупальца-руки звенѣли и гремѣли, ударяясь о треножникъ. На ходу она ощупывала дорогу; прикрывавшая ее мѣдная шапка поворачивалась взадъ и впередъ: такъ и казалось, что подъ ней сидитъ голова. Пониже головы, сзади, было что-то вродѣ колоссальной плетеной корзины изъ бѣлаго металла; оттуда, равно какъ и изъ всѣхъ сочлененій чудовища вырывались клубы зеленаго дыма. Оно мгновенно исчезло во мракѣ.

Немного погодя послышался его ликующій ревъ: «Эху! Эху!», заглушившій раскаты грома, а еще черезъ минуту я увидалъ, какъ оно, въ полумилѣ отъ меня, сошлось со своимъ товарищемъ и наклонилось надъ чѣмъ-то лежавшимъ посреди поля. Я не сомнѣвался, что они нашли третій цилиндръ.

Я лежалъ подъ дождемъ, въ темнотѣ, при свѣтѣ, перемежающихся молній, разглядывая страшныхъ металлическихъ чудовищъ, шагавшихъ черезъ заборы. Градъ то переставалъ, то хлесталъ меня снова; гигантскія фигуры то стушевывались, то выступали изъ мрака. Молнія вдругъ прекратилась и снова непроницаемая тьма окутала землю.

Я промокъ до костей, но былъ слиш-

комъ измученъ, чтобы поискать себѣ сухого мѣстечка, или подумать, что мнѣ грозитъ неминучая гибель.

Невдалекѣ находилась маленькая избушка поселенца и при ней огородикъ, засѣянный картофелемъ. Я, наконецъ, поднялся на ноги и, скорчившись въ три погибели, пользуясь всякимъ прикрытіемъ, пробрался туда. Я принялся колотить въ дверь, но мнѣ не отвѣтили (можетъ быть, никого въ домѣ и не было); пришлось отказаться отъ надежды на кровъ и отдыхъ. Я влѣзъ въ канаву и ползкомъ, незамѣченный чудовищными машинами, добрался до сосноваго лѣса близъ Мэйбёри.

Прячась за деревья, дрожа, весь мокрый, я ощупью пробирался къ своему собственному дому. Я все старался найти тропинку и не находилъ; въ лѣсу было страшно темно; молніи сверкали теперь не такъ уже часто; градъ превратился въ ливень, низвергавшій на меня цѣлые потоки воды сквозь просвѣты между сосенъ.

Будь я въ состояніи обдумать, какъ слѣдуетъ, видѣнное, я бы прямо отсюда выбрался черезъ Байфлитъ на Чобхэмскую дорогу и кое-какъ добрелъ бы до Лезерхэда. Но все, что я видѣлъ, было такъ странно; притомъ же физически я чувствовалъ себя совершенно разбитымъ, я усталъ, озябъ, промокъ до костей, уши и глаза дѣйствовали изъ рукъ вонъ плохо.

Меня инстинктивно тянуло домой, и я шелъ, хотя причинъ идти туда не было. Я натыкался на деревья, упалъ въ канаву, разбилъ себѣ колѣно о какую-то доску, наконецъ, выбрался изъ лѣсу и зашлепалъ по дорогѣ. Говорю: зашлепалъ, потому что песчаная тропинка послѣ грозы превратилась въ грязный потокъ. Въ темнотѣ на меня наскочилъ какой-то человѣкъ, опрокинулъ меня навзничь, а самъ отскочилъ въ сторону и убѣжалъ раньше, чѣмъ я оправился настолько, что могъ заговорить съ нимъ. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что я лишь съ величайшимъ трудомъ взобрался на холмъ, и то держась изгороди и цѣпляясь за сучья.

У самой вершины я наступилъ на что-то мягкое; молнія озарила лежащую у моихъ ногъ кучу платья и пару сапогъ. Прежде чѣмъ я различилъ фигуру лежавшаго, молнія исчезла. Я стоялъ и ждалъ слѣдующей; при свѣтѣ ея я увидалъ коренастаго мужчину, одѣтаго въ дешевое, но приличное платье; онъ лежалъ ничкомъ, у самой изгороди, словно кто швырнулъ его туда съ размаху.

Преодолѣвъ отвращеніе, естественное въ человѣкѣ, который никогда не дотрогивался до мертвеца, я перевернулъ его и пощупалъ сердце: оно не билось; голова его подогнулась подъ туловище; вѣроятно, онъ сломалъ себѣ шею. Молнія сверкнула въ третій разъ и озарила лицо мертвеца. Я вскочилъ на ноги: это былъ тотъ самый трактирщикъ, у котораго я взялъ лошадь.

Осторожно перешагнувъ черезъ трупъ, я пошелъ дальше. На холмѣ пожаръ прекратился, или его не было; но надъ лугомъ еще стояло красное зарево, и съ той стороны даже сквозь дождь пробивался запахъ дыма. Насколько можно было судить при вспышкахъ молніи, дома вокругъ остались невредимыми. У воротъ коллегіи лежала, загораживая дорогу, какая-то темная масса.

По дорогѣ къ мосту слышны были голоса и шаги, но у меня не хватило духу ни окликнуть, ни подойти. Нащупавъ дверь своего дома, я отперъ ее особымъ ключемъ, вошелъ, заперъ дверь изнутри и задвинулъ засовомъ. Воображеніе рисовало мнѣ движущихся металлическихъ чудовищъ и мертвое тѣло, разбившагося объ изгородь.

Я опустился на первую же ступеньку и, дрожа всѣмъ тѣломъ, прислонился къ стѣнѣ.

XI.

У окна.

Когда волненіе мое немножко улеглось, я замѣтилъ, что платье мое все отсырѣло, а на половикѣ возлѣ меня стоятъ лужи. Дрожа отъ озноба, я почти автоматически поднялся на ноги, прошелъ въ столовую, выпилъ глотокъ виски и отыскалъ сухое платье.

Переодѣвшись, я, самъ не зная зачѣмъ, прошелъ въ кабинетъ. Окно его выходитъ на полотно желѣзной дороги и Хорсельльскій лугъ. Мы такъ торопились уйти, что оставили его открытымъ. Въ коррндорѣ было темно и, рядомъ съ этой тьмой, картина, вставленная въ рамку окна, поражала своей яркостью. Я замеръ на порогѣ.

Гроза миновала. Башни Восточной Коллегіи и деревья, [illegible]шія окрестность, исчезли безъ слѣда; [illegible]ерь вдали ясно видѣнъ былъ лугъ, освѣщенный заревомъ пожара, песочныя ямы и озабоченно бродившія около нихъ высокія, черныя фигуры причудливой формы.

Въ этой сторонѣ, казалось, вся окрестность пылала; огненные языки лизали склоны холма, трескъ и шипѣнье пламени смѣшивались съ послѣдними завываніями удалявшейся бури; красный отблескъ ложился на небо, освѣщая безпорядочный бѣгъ облаковъ. Время отъ времени клубы дыма застилали отъ меня фигуры марсіанъ. Я не могъ разсмотрѣть, что они дѣлаютъ, не различалъ даже хорошенько ихъ очертаній и не понималъ, гдѣ горитъ, хотя горѣло несомнѣнно вблизи, такъ какъ отблески пламени играли на потолкѣ и стѣнахъ моего кабинета. Острый, смолистый запахъ носился въ воздухѣ.

Я безшумно притворилъ дверь и подкрался къ окну. Рамки картины постепенно расширялись: по одну руку видны были дома возлѣ станціи, по другую,—обуглившіеся, почернѣвшіе лѣса Байфлита. На полотнѣ, у подножья холма, виденъ былъ какой-то странный свѣтъ; большинство домовъ на улицахъ и по Мэйберійской дорогѣ представляли собой пылающія груды развалинъ. Меня заинтересовалъ странный свѣтъ на полотнѣ, около него лежала какая-то темная масса, а сбоку тянулся рядъ длинныхъ желтыхъ ящиковъ. Это былъ потерпѣвшій крушеніе поѣздъ; передніе вагоны были совсѣмъ разбиты и въ огнѣ, задніе еще стояли на рельсахъ.

Между этими тремя главными источниками свѣта, развалинами домовъ, по[illegible] и охваченной огнемъ мѣстностью [illegible]ома, тянулись неправильной формы темныя полосы, мѣстами усѣянныя дымящимися строеніями. Удивительно странное зрѣлище представляли собой эти чередующіяся полосы мрака и свѣта. Людей я сначала совсѣмъ не замѣтилъ, хотя старательно отыскивалъ ихъ глазами; потомъ свѣтъ горящихъ вагоновъ озарилъ множество темныхъ фигуръ, торопливо перебѣгавшихъ черезъ рельсы.

И этотъ огненный хаосъ—тотъ самый тихій уголокъ, гдѣ я мирно прожилъ многіе годы! Я не зналъ, что произошло за время моего отсутствія и лишь смутно угадывалъ, какая связь существуетъ между механическими колоссами и неуклюжими, неповоротливыми чурбанами, на моихъ глазахъ выползшими изъ цилиндра. Я присѣлъ къ окну, напряженно вглядываясь въ очертанія трехъ гигантскихъ черныхъ треножниковъ, отчетливо выступавшихъ на красномъ фонѣ неба.

Они, видимо, были чѣмъ-то очень заняты и безпрестанно переходили съ мѣста на мѣсто. Я спрашивалъ себя, что это такое, и не находилъ отвѣта. Неужели интеллигентные механизмы? Нѣтъ, это невозможно. Или въ каждомъ изъ нихъ сидитъ марсіанинъ, и управляетъ его движеніями, какъ мозгъ управляетъ нашимъ тѣломъ? Я началъ сравнивать треножники съ машинами, изобрѣтенными человѣкомъ, и въ первый разъ въ жизни задался вопросомъ, какими представляются наши броненосцы и паровозы, одареннымъ разумомъ низшимъ животнымъ.

Гроза совсѣмъ прошла, небо очистилось, и на западѣ, надъ горизонтомъ замерцала сквозь дымъ крошечная свѣтящаяся точка—планета Марсъ. Въ эту минуту я услыхалъ шумъ подъ окномъ, какое-то царапанье и трескъ сучьевъ; это пробудило меня отъ оцѣпенѣнія я посмотрѣлъ внизъ и увидалъ темную человѣческую фигуру, перелѣзавшую черезъ плетень. При видѣ другого человѣческаго существа я совсѣмъ оживился, высунулся изъ окна и тихонько свистнулъ.

Незнакомецъ отшатнулся-было назадъ, потомъ перелѣзъ и направился черезъ лужайку къ углу дома. Онъ шелъ согнувшись, осторожно переставляя ноги.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. **Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ** *Печковской,* Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи,* присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны,* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ,* отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

U.C. BERKELEY LIBRARIES
C038153483

